БИБЛІОТЕКА
СТУДЕНТ. ОБЩЕЖИТІЯ
МОСКОВ. УНИВЕРСИТЕТА

17 МАР.
2.2ик
26/1
23/V 22.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
М. БАШКИРОВА
АРБАТЪ
Д. КН.
ОБОЛЕНСКОЙ

ВА
БАТЬ
КН.
КОЙ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

СТУД. ОБЩЕЖИТІЕ ПУ
БИБЛІОТЕКА

МАРТЪ, 1901.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1901.

Стр.

I.—ДВА МѢСЯЦА ОСАДЫ ВЪ ПЕКИНѢ.—Дневникъ: 18 мая—31 іюля ст. ст. 1900 г., съ приложеніемъ „Доклада члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ Юань-чана объ уничтоженіи мятежныхъ ихэтуаньцевъ".—Окончаніе.—**П. С. Попова** 5

II.—ЕЩЕ О СТАРОСТИ.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 38

III.—БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО ВѢРЫ, въ IV-мъ вѣкѣ.—Церковь и государство въ борьбѣ съ ересью.—**В. И. Герье** 39

IV.—ТРИ ДОРОГИ.—Романъ.—XXXII-XXXIX.—**Н. П. Вагнера** 75

V.—ТРИ НѢМЕЦКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ПРЕШЕРНА.—I. Возлюбленная и я.—II. Въ обществѣ.—III. Играла ты.—Перев. **Ѳ. В. Корша** 125

VI.—ПОЭЗІЯ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА.—**С. М. Лукьянова** 128

VII.—ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.—I. Джозуэ Кардуччи.—Перев. **П. О. Морозова** 162

VIII.—ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ ЕВРОПѢ XIX-го ВѢКА.—VII-XVI.—Окончаніе.—**Евг. Тарле** 167

IX.—НА ЛАЗУРНОМЪ ЛЕМАНѢ.—Разсказъ.—**Н. Сѣверова** 199

X.—КРУЖОКЪ „КРУГЛОЙ БАШНИ".—1877-1878 гг.—XII-XV.—Изъ воспоминаній **В. Д. Хрущовой** 249

XI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—По полямъ, лугамъ туманъ стелется.—**В. П. Маркова** . 283

XII.—НОВЫЕ СРУБЫ.—La charpente, par J. Rosny.—Романъ изъ современныхъ нравовъ.—Книга вторая: VIII-IX; книга третья: I-VI.—Окончаніе.—Перев. **О. М.** 285

XIII.—ХРОНИКА.—Ликвидація промышленнаго оживленія. „Россія въ концѣ XIX-го вѣка".—**Вл. Бирюковича** 326

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.—Правительственное сообщеніе о мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.—Гласность уголовнаго процесса по проекту новаго устава уголовнаго судопроизводства.—Огражденіе общественнаго порядка и достоинства государственной власти, какъ мотивы къ закрытію дверей засѣданія.—Дискреціонная власть высшей судебной администраціи.—Оглашеніе процессовъ въ печати.—Ограниченія устности процесса.—Разныя мнѣнія о земскихъ начальникахъ 350

XV.—ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ.—Замѣтка.—**Л. Буха** . 370

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Дипломатія и казни въ Пекинѣ.—Вопросъ объ ассоціаціяхъ во Франціи и парламентскія пренія о законопроектѣ Вальдека-Руссо.—Французскій клерикализмъ и демократія.—Смерть Милана и сербскія дѣла 378

XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Болгарія и болгары, Н. Овсянаго.—Боснія и Герцеговина, Ал. Харузина.—**А. П.**—Историческія монографіи, т. II, В. Бильбасова.—**Т.**—Сочиненія имп. Екатерины II, на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина, тт. I-IV.—**Д.**—Новыя книги и брошюры. 394

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Le pays natal, par H. Bordeaux.—II. „Ellen von der Wieden", v. G. Reuter.—III. La culture des idées, par R. de Gourmont.—**З. В.** 412

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.—Наиболѣе яркіе признаки крестьянской обособленности.—Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ.—„Банкротство либерализма".—Извѣтъ въ печати на печать.—Вѣсти изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.—В. А. Манассеинъ †. 430

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину . . 444

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ 4-хъ томахъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 15-й, Н. Барсукова.—Трудовая помощь въ губ. казан., вятской и симбир., въ 1899 г., отчетъ уполномоченнаго.—С. Булгаковъ, Капитализмъ и земледѣліе. Т. I-II. Спб., 1900. Ц. 5 р.—Сочиненія Кальдерона. Переводъ съ испанскаго К. Д. Бальмонта. Вып. I. Чистилище св. Патрика. М. 900. Ц. 90 к.

XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-VIII стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1901 года.

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ГОСУД. ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
6136/2
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXV. — ТОМЪ CCCLXXXII. — 1/14 МАРТА 1901.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

49 г.

ДВѢСТИ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1901

3020

ДВА МѢСЯЦА
ОСАДЫ ВЪ ПЕКИНѢ

Дневникъ: 18 мая—31 іюля ст. ст. 1900 г.

Окончаніе *).

2-го іюля.—Изъ цзунъ-ли-я-мыня получено было сообщеніе, въ которомъ иностраннымъ представителямъ, въ видахъ удобства защиты ихъ, предлагается переселиться въ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ мѣръ къ отправленію иностранцевъ въ Тяньцзинь. Отвѣчено, что посланники чувствуютъ себя въ стѣнахъ посольствъ настолько же въ безопасности, какъ и въ зданіи министерства.

4-го іюля.—Китайцы прекратили стрѣльбу, вѣроятно благодаря вліянію партіи благоразумныхъ, взявшей верхъ, вслѣдствіе, быть можетъ, дошедшихъ слуховъ о взятіи союзниками Тяньцзиня. Насталъ періодъ недѣльнаго затишья, въ теченіе котораго усталые и измученные ночными и денными неусыпными караулами наши храбрые защитники успѣли отдохнуть и собраться съ силами для продолженія неравной борьбы. Отдохнули также и всѣ осажденные, измученные постоянными тревогами и нападеніями нашихъ враговъ.

Пойманъ одинъ ихэтуанецъ. Пять солдатъ изъ осаждавшаго насъ отряда Жунъ-лу добровольно заявились въ германское посольство и сказали, что они имѣютъ кое-что сообщить отъ своего началь-

---

*) См. выше: февр., 517 стр.

ства. На допросѣ, произведенномъ имъ въ англійскомъ посольствѣ, куда они были доставлены съ завязанными глазами, они заявили, что главнокомандующій Жунъ-лу желаетъ прекращенія стрѣльбы и возстановленія мирныхъ отношеній. Пользуясь этимъ, посланники написали Жунъ-лу письмо, въ которомъ объяснили, что ничѣмъ неоправдываемыя, ничѣмъ невызванныя и противныя международному праву нападенія на иностранныя посольства и другія учрежденія были начаты китайцами, что иностранцы стрѣляютъ и возводятъ баррикады исключительно въ видахъ самозащиты, конечно не имѣютъ ничего противъ прекращенія непріязненныхъ дѣйствій и находятъ, что удаленіе китайскихъ солдатъ и ихэтуаньцевъ изъ окрестностей посольствъ и другихъ иностранныхъ учрежденій было бы лучшею для этого мѣрою. При этомъ выражено было желаніе о присылкѣ разумнаго гражданскаго чиновника съ извѣстнымъ положеніемъ для объясненій. Стрѣльба прекращена.

5-го іюля.—Сегодня возвратился изъ Тяньцзиня китаецъ, посланный туда 17-го іюня японскимъ посланникомъ, и сообщилъ слѣдующее. Онъ вышелъ чрезъ восточныя ворота Ци-хуа, направился на Тунъ-чжоу, а оттуда на лодкѣ въ Тяньцзинь, куда прибылъ 22-го іюня, но не могъ войти въ городъ, такъ какъ онъ былъ окруженъ китайскими войсками. Онъ обошелъ кругомъ городскихъ воротъ и напалъ на китайскій отрядъ подъ командою генерала Чжана, расположенный на С. отъ желѣзно-дорожной станціи и бомбардирующій японскій отрядъ, который занималъ позицію на югъ отъ станціи. 26-го іюня генералъ Чжанъ былъ разбитъ, и посланному удалось пробраться чрезъ японскія линіи и передать японскому консулу письмо его посланника. Во время пребыванія въ Тяньцзинѣ ему удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія: генералъ Нэ былъ убитъ, тяньцзинскіе и окрестные миссіонеры всѣ отправились домой и Дагускіе форты безъ затрудненій были взяты иностранными войсками 4-го іюня. 1-го іюля союзныя войска, послѣ двухдневной аттаки, овладѣли Тяньцзинемъ. 2-го іюля онъ вышелъ изъ Тяньцзиня въ сопровожденіи японскаго конвоя до второго моста. При этомъ онъ прибавляетъ, что до его прибытія въ Тяньцзинь здѣсь не имѣли никакихъ извѣстій изъ Пекина послѣ 20-хъ чиселъ мая. Изъ отвѣта, принесеннаго этимъ гонцомъ японскому посланнику, мы съ радостью узнали, что смѣшанный отрядъ изъ 24.000 японцевъ, 4.000 русскихъ, 2.000 англичанъ, 1.500 американцевъ, 1.500 французовъ и 300 нѣмцевъ около 7—8 іюля выступилъ на выручку пекинцевъ.

Въ этотъ же день секретарь цзунъ-ли-я-мыня прибылъ въ

англійское посольство и былъ принятъ всѣми иностранными представителями у воротъ посольства на баррикадѣ. Разговоръ касался снабженія осажденныхъ льдомъ, яйцами, фруктами и овощами, а также пересылки телеграммъ иностранными представителями своимъ правительствамъ. Съ своей стороны секретарь выразилъ сожалѣніе своего правительства по поводу дѣйствій ихэтуаньцевъ, которые одни вызвали затрудненія между Китаемъ и иностранными державами. Что за безстыдная и наглая ложь!

6-го іюля.—Хотя перемиріе продолжается, но министры въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ отказались переслать въ Петербургъ телеграмму нашего посланника, подъ предлогомъ разгара военныхъ дѣйствій въ Тяньцзинѣ. Нашему посланнику, а равно и другимъ, въ странахъ которыхъ есть китайскіе представители, цзунъ-ли-я-мынемъ прислано сообщеніе, при которомъ препровождена копія телеграфнаго посланія богдохана Его Величеству; въ немъ, во имя традиціонной двухсотлѣтней дружбы, онъ проситъ содѣйствія Государя къ разрѣшенію настоящихъ затрудненій. Въ тотъ же день получено письмо князя Цина, адресованное англійскому посланнику, въ которомъ онъ, выражая опасеніе, что правительству трудно будетъ справиться съ ихэтуаньцами, угрожающими во что бы то ни стало сжечь всѣ посольства и будто бы ожидающими значительныхъ подкрѣпленій отъ своихъ собратьевъ изъ Маньчжуріи и Сань-си, совѣтуетъ посланникамъ и всѣмъ другимъ иностранцамъ, подъ надежною охраною китайскихъ отрядовъ Сунъ-цина и Сунъ-Ванъ-линя удалиться на время въ Тяньцзинь и заявляетъ, что правительство слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія произойти несчастія. Затаенная мысль этого предложенія вполнѣ очевидна. Послѣ взятія союзными войсками Дагускихъ укрѣпленій и Тяньцзиня и погрома главныхъ китайскихъ силъ, путь къ Пекину сдѣлался совершенно открытымъ; а такъ какъ главнымъ поводомъ движенія союзниковъ на Пекинъ является спасеніе посланниковъ и другихъ иностранцевъ, осажденныхъ китайскими войсками и ихэтуаньцами, то съ удаленіемъ иностранцевъ изъ Пекина въ Тяньцзинь и движеніе союзниковъ на Пекинъ теряетъ свой смыслъ и дѣлается совершенно излишнимъ.

7-го іюля.—Миръ продолжается. Китайцы начинаютъ ухаживать за посланниками. Имъ прислано изъ Цзунъ-ли-я-мыня отъ имени богдоханши 2 воза арбузовъ и возъ тыквъ, огурцовъ и бадиджановъ, стоимость которыхъ, по моему мнѣнію, должна быть потомъ вычтена изъ суммы вознагражденія за убытки.

На предложеніе князя Цина о выѣздѣ въ Тяньцзинь сэръ

Клодъ отъ имени дипломатическаго корпуса отвѣчалъ, что пребываніе посланниковъ въ Пекинѣ облегчитъ улаженіе дѣлъ къ общему удовольствію, тогда какъ съ выѣздомъ ихъ дружественныя отношенія должны будутъ прерваться и для возстановленія ихъ потребуется не мало времени. Что же касается охраны, то это какъ въ Пекинѣ, такъ и въ пути—одно и то же. Какимъ же образомъ китайское правительство въ состояніи охранять насъ въ пути, а не можетъ защищать въ столицѣ? Ясное дѣло, что все зависитъ отъ желанія.

8-го іюля.—Въ пекинской правительственной газетѣ, которую намъ опять удалось заполучить, за послѣдніе 20 дней помѣщено нѣсколько указовъ, касающихся современныхъ событій. Такъ, въ нумерѣ ея отъ 5-го іюля помѣщенъ указъ о взятіи союзными войсками Дагускихъ укрѣпленій, въ которомъ говорится, что, „несмотря на взятіе этихъ фортовъ, китайское правительство, не желая легкомысленно порвать сношенія съ иностранными державами, неоднократно издавало указы объ охранѣ посольствъ и теперь вмѣняетъ въ обязанность высшимъ и низшимъ провинціальнымъ властямъ, на основаніи договоровъ, оказывать защиту и покровительство всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ, живущимъ въ Китаѣ“. Вмѣстѣ съ этимъ въ указѣ выражается изумленіе по поводу убіенія у воротъ Юнъ-динъ японскаго чиновника и глубокое сожалѣніе по случаю убійства германскаго посланника предписывается принять всѣ мѣры къ отысканію и наказанію злодѣевъ и представить общій докладъ касательно иностранцевъ, погибшихъ во время смутъ, и пострадавшаго имущества.

Указъ этотъ показываетъ, что взятіе союзниками Дагускихъ укрѣпленій и Тяньцзиня подѣйствовало удручающимъ и въ то же время отрезвляющимъ образомъ на китайское правительство, которое, несмотря на свое крайнее ослѣпленіе, уразумѣло наконецъ, что полчища ихэтуаньцевъ, предводимыя княземъ Чжуаномъ, вице-канцлеромъ Ганъ и генераломъ Инъ-нянемъ и Ланьгуномъ, братомъ Дуань-вана, открыто поставленными имъ во главѣ ихъ, даже въ соединеніи съ правительственными войсками, не въ состояніи спасти его отъ грозной опасности.

Отдѣльными указами, помѣщенными въ той же газетѣ, предписывается образовать бюро шпіоновъ и, въ виду перерыва телеграфа, возстановить прежнюю курьерскую службу, а также возвѣщается о назначеніи Ли-Хунъ-чжана чжилійскимъ генералъ-губернаторомъ и о смерти генерала Нэ, павшаго въ сраженіи подъ Тяньцзинемъ. Въ ней также помѣщенъ подробный докладъ

чжилійскаго генералъ-губернатора Юй-лу о сраженіи въ Сису (недалеко отъ Тяньцзиня) и взятіи, 28-го іюня, арсеналовъ союзными войсками.

Сегодня главный инспекторъ таможенъ сэръ Робертъ Гартъ получилъ изъ цзунъ-ли-я-мыня два письма, изъ коихъ одно съ выраженіемъ удовольствія, что онъ живъ и здоровъ, и изумленія, что домъ и имущество его сожжены!

9-го іюля.—Министры прислали сэру Клоду письмо съ увѣдомленіемъ, что они послали-было ледъ для посланниковъ, но ихэтуаньцы его не пропустили! Трудно повѣрить, чтобы это писали люди государственные.

11-го іюля.—Аттака и стрѣльба въ часъ ночи, продолжавшаяся всего минутъ пять.

Командиръ японскаго дессанта, полковникъ Шиба, передаетъ, что сегодня на японскую баррикаду заявился дунъ-фу-сянскій солдатъ и сообщилъ, что 4-го іюля иностранный отрядъ, будто бы, занялъ Янъ-цунь, торговое мѣстечко въ 30-ти верстахъ отъ Тяньцзиня по дорогѣ въ Пекинъ; 6-го, за Янъ-цунемъ было сраженіе, въ которомъ китайцы были разбиты; что иностранный отрядъ, будто бы, находился въ 40 ли (20 верстъ) на С. отъ Янъ-цуня въ то время, когда 150 раненыхъ дунъ-фу-сянцевъ были отправлены въ Пекинъ.

Изъ того же источника сообщаютъ, что у Хэ-си-у, на полпути отъ Пекина, было большое сраженіе, и китайцы были отброшены. Надобно замѣтить, что за каждое извѣстіе полковникъ Шиба платилъ дунъ-фу-сянцу, кажется, 10 долларовъ; вслѣдствіе этого нѣкоторые полагаютъ, что ловкій солдатъ самъ фабрикуетъ извѣстія съ цѣлью полученія награды. Какъ бы тамъ ни было, но эти извѣстія имѣютъ свою хорошую сторону, поддерживая бодрость духа въ осажденныхъ, въ чемъ они, послѣ мѣсячной осады, очень нуждаются. Ночью удалось отправить курьера въ Тяньцзинь за 200 долларовъ.

12-го іюля.—Изъ цзунъ-ли-я-мыня получено три письма, изъ коихъ въ двухъ посланникамъ предлагаютъ телеграфировать au clair своимъ правительствамъ, что ихъ семейства находятся въ полномъ здравіи и благополучіи, а въ третьемъ снова просятъ о временномъ удаленіи изъ Пекина въ Тяньцзинь, положительно ручаясь за вполнѣ благополучное доставленіе туда водою чрезъ Тунъ-чжоу и просятъ заблаговременно извѣстить министровъ для того, чтобы озаботиться приготовленіемъ необходимаго количества лодокъ и продовольствія; при этомъ они находятъ, что переговоры лучше вести въ Тяньцзинѣ, что охрана посланниковъ и

другихъ иностранцевъ въ Пекинѣ труднѣе благодаря своей продолжительности, чѣмъ охрана въ теченіе трехъ дней, потребныхъ для прибытія въ Тяньцзинь. Спорадическая стрѣльба продолжается ночью.

13-го іюля.—Дунъ-фу-сянецъ, уже извѣстный намъ, сообщилъ полковнику Шиба, что 11-го іюля, въ 10 ч. утра, китайскія войска, подъ командой генерала Чжана, были аттакованы иностранными войсками въ 30 ли на Ю. отъ Хэ-си-у и отброшены къ этому селенію; что 12-го іюля они снова были аттакованы союзными войсками уже въ Хэ-си-у и съ большимъ урономъ отброшены за 10 ли на С. отъ этого мѣстечка.

14-го іюля.—Отдѣльная стрѣльба китайцевъ продолжалась всю ночь. Но эти непріязненныя дѣйствія съ одной стороны нисколько не мѣшали проявленію вѣжливой заботливости—съ другой. Цзунъ-ли-я-мынь, опять-таки отъ имени богдоханши, прислалъ посланникамъ 4 воза арбузовъ, 4 воза тыквъ, бадиджановъ и огурцовъ, 24 куска льду и около 40 пудовъ муки. Лишенные во все время осады всякой зелени, столь необходимой въ Китаѣ въ лѣтніе жары, мы съ удовольствіемъ и безъ боязни приняли эти дары данайцевъ. Получено письмо князя Цина и его товарищей съ милымъ предложеніемъ—въ виду тѣсноты помѣщенія въ посольствахъ, жаркаго времени и возстановленія спокойствія въ столицѣ (!?), выпустить изъ нихъ китайцевъ-христіанъ, которыхъ еще не мало находится въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы они спокойно обратились къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Хорошее предложеніе лицамъ, лишеннымъ крова, быть можетъ, кровныхъ родныхъ и всего! Это письмо, кажется, не было даже удостоено отвѣта.

15-го іюля.—Отдѣльная и значительная стрѣльба китайцевъ продолжается. Въ теченіе почти полуторамѣсячной осады нѣкоторые изъ нашихъ враговъ достигли въ стрѣльбѣ замѣчательной степени искусства и поразительной мѣткости. Такъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ субъектъ въ глубокую, хотя и лунную ночь, девять разъ кряду угодилъ въ одно и то же мѣсто одного дерева, стоявшаго предъ верандой нашей квартиры.

Не особенно утѣшительныя вѣсти получены изъ Тяньцзиня съ курьеромъ-мальчикомъ 14 лѣтъ, возвратившимся оттуда сегодня въ 4 часа утра. Онъ принесъ письмо англійскаго консула въ Тяньцзинѣ, г. Карлса, отъ 9-го іюля, служащее отвѣтомъ на письмо его посланника отъ 4-го іюля, слѣдующаго содержанія: „24.000 войска высадилось, 19.000 здѣсь. Генералъ Газли ожидается завтра. Русскій отрядъ—въ Бэй-цанѣ [1]). Много войска въ

[1]) Сильно укрѣпленный лагерь китайцевъ верстахъ въ 10 отъ Тяньцзиня.

пути, если только у васъ хватитъ продовольствія". Письмо это крайне изумило всѣхъ насъ своею неопредѣленностью и, вмѣсто надежды и утѣшенія, повергло въ уныніе. Для насъ жизненно важно было знать, хотя приблизительно, когда союзный отрядъ выступаетъ въ Пекинъ—выручать насъ. Много горькихъ упрековъ и насмѣшекъ было отпущено по адресу бѣднаго Карлса, человѣка, въ сущности, весьма неглупаго и опытнаго. Непосредственнымъ результатомъ его письма было приведеніе въ точную извѣстность всѣхъ нашихъ продовольственныхъ запасовъ и уменьшеніе раціоновъ конины и рису на половину. Особенно это было тяжело для нашихъ защитниковъ-матросовъ, несшихъ адскую службу и вынужденныхъ довольствоваться нѣсколько болѣе, чѣмъ полуфунтомъ конины въ день. А дѣлать было нечего. При неизвѣстности времени прибытія союзныхъ войскъ, мы никоимъ образомъ не могли выдавать продовольствіе полностью, котораго тогда едва-ли бы хватило на двѣ недѣли.

Опять письмо князя Цина и его товарищей, въ которомъ эти сановники продолжаютъ рекомендовать иностранцамъ временное удаленіе въ Тяньцзинь, мотивируя это тѣмъ, что скученная жизнь въ стѣнахъ посольствъ въ знойное время можетъ вызвать хандру и уныніе! Для переѣзда до Тунъ-чжоу будутъ приготовлены носилки и телѣжки, а изъ Тунъ-чжоу—лодки съ необходимымъ количествомъ припасовъ. Конвой будетъ состоять изъ войскъ Сунъ-цина и Вань-Сунъ-линя. Какая заботливость даже о душевномъ нашемъ состояніи! Письмо это, какъ и слѣдовало ожидать, было оставлено безъ отвѣта. Бѣдный Бэй-танъ (католическій соборъ), говорятъ, подвергается аттакѣ со стороны Ли Бинъ-хэна [1]), который прилагаетъ всѣ усилія къ уничтоженію его и славныхъ защитниковъ его.

16-го іюля.—Китаецъ, посланный японцами въ Ма-тоу (40 верстъ отъ Пекина), сообщаетъ, что иностранныя войска трехъ національностей—въ Ань-пинѣ; у китайцевъ недостатокъ въ аммуниціи; лодки съ казеннымъ рисомъ, идущія съ юга,—въ рукахъ иностранной арміи. Солдатъ изъ конвоя Дунъ-фу-сяна сообщаетъ, что иностранныя войска двинулись-было изъ Ань-пина на Ма-тоу—что вовсе недалеко отъ Пекина,—но снова были отброшены китайцами къ Ань-пину. Рабочій китаецъ, посланный кѣмъ-то въ Чанъ-пинъ-чжоу, сообщилъ невѣроятную новость, что, будто

[1]) Одинъ изъ главныхъ виновниковъ настоящаго движенія, бывшій шань-дунскимъ губернаторомъ во время убійства двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, повлекшаго за собою захватъ Цзяо-чжоу, крайній ретроградъ и заядлый ненавистникъ иностранцевъ.

бы, русская колонна движется чрезъ Монголію къ Калгану, о чемъ онъ, будто бы, слышалъ отъ китайцевъ, бѣжавшихъ изъ Калгана въ виду слуховъ о приближеніи русскаго отряда. А другой рабочій китаецъ, доставившій пекинскую газету, разсказываетъ, что дня два—три тому назадъ Янъ-цунь совершенно уничтоженъ иностранными войсками, которыя неукоснительно двигаются впередъ, что императрица желаетъ, чтобы Дунъ-фу-сянъ и Жунъ-лу съ своими войсками проводили ее въ Си-ань-фу, древнюю столицу Китая, но они противятся этому и рекомендуютъ, чтобы Ли-Бинъ-хэнъ помогъ имъ сокрушить насъ.

17-го іюля.—Сегодня г. Гартъ получилъ отъ китайскихъ министровъ письмо, въ которомъ они, сообщая ему, что иностранныя правительства, не имѣя извѣстій отъ своихъ представителей и опасаясь за ихъ судьбу, прибѣгаютъ къ угрозамъ по отношенію къ китайскимъ представителямъ, просятъ его написать au clair телеграмму о томъ, что иностранцы всѣ живы и здоровы, которую они и помѣстятъ въ газетахъ для общаго успокоенія. На это сэръ Робертъ предполагаетъ отвѣтить, что еслибы онъ написалъ au clair всю правду о неслыханномъ и ужасномъ положеніи иностранцевъ въ Пекинѣ, то ему никто бы не повѣрилъ, и совѣтовать имъ, въ видахъ облегченія выхода изъ того невозможнаго положенія, въ которое они себя поставили, поторопиться разрѣшеніемъ посланникамъ сноситься съ своими правительствами шифрованными телеграммами.

Передаютъ, что, въ виду скораго приближенія иностранныхъ войскъ, всѣ пекинскія ворота, за исключеніемъ однихъ на западъ и однихъ на востокъ, приготовлены къ закрытію—камни и мѣшки съ землею навалены возлѣ нихъ. Говорятъ также, что аттака на католическій соборъ Бэй-танъ отбита съ громаднымъ урономъ для ихэтуаньцевъ.

Въ теченіе ночи китайцы построили баррикаду на сѣверномъ мосту, доминирующую надъ мостомъ на Посольской улицѣ и дѣлающую проходъ чрезъ нее крайне опаснымъ; мало того, сообщеніе изъ главныхъ воротъ англійскаго посольства съ японцами и французами чрезъ каналъ сдѣлалось невозможнымъ, и пришлось сообщаться чрезъ туннель.

18-го іюля.—Получено письмо отъ князя Цина и другихъ сановниковъ, въ которомъ сообщается, что иностранные представители напрасно безпокоятся за судьбу обращенныхъ христіанъ, въ случаѣ выпуска ихъ изъ стѣнъ посольства, такъ какъ былъ бы изданъ указъ, въ силу котораго правительство оказывало бы имъ покровительство и защиту наравнѣ съ своими под-

данными язычниками. Что же касается жалобы на возведеніе на сѣверномъ мосту баррикады, то это сдѣлано для удобства и безопасности проѣзда, а стрѣльба была начата не китайцами, а иностранцами; что это—взаимное недоразумѣніе, которое не поведетъ къ дальнѣйшимъ аттакамъ.

По поводу аттаки, произведенной на католическій соборъ Ли-Бинъ-хэномъ, на что было обращено вниманіе князя, отъ него также было получено письмо съ слѣдующимъ объясненіемъ: „Бэйтанское дѣло обязано своимъ происхожденіемъ тому, что обращенные христіане выходили по всѣмъ направленіямъ для грабежа съѣстныхъ припасовъ; нѣкоторые изъ нихъ, вооруженные ружьями, будучи останавливаемы, стрѣляли изъ нихъ. Это вызвало гнѣвъ и негодованіе среди народа, который, соединившись съ ихэтуаньцами, производилъ на соборъ постоянныя аттаки. Въ настоящее время изданъ указъ касательно того, что если обращенные не будутъ выходить на грабежи, то они, какъ дѣти одного и того же отечества, будутъ пользоваться покровительствомъ, и аттаки на нихъ будутъ прекращены. Что же касается защиты иностранцевъ на пути въ Тяньцзинь, то это дѣло вовсе не легкое, и только послѣ многихъ хлопотъ и когда найдено было возможнымъ дать гарантію противъ несчастія, предложеніе объ этомъ было изложено письменно. Мы не рѣшились бы умышленно обманывать васъ. Мы просили бы васъ (сэра Клода) и другихъ иностранныхъ представителей не безпокоиться слишкомъ и принять рѣшеніе относительно временнаго удаленія изъ Пекина“.

Распространившійся наканунѣ слухъ о предполагаемой ночной аттакѣ на иностранцевъ 10.000 дунъ-фу-сянцевъ съ 8 орудіями, къ нашему счастію, не оправдался. Была только обычная стрѣльба, къ которой мы давно уже привыкли.

19-го іюля.—Полковникомъ Шиба получено изъ Тяньцзиня письмо слѣдующаго содержанія: „Письмо ваше отъ 9-го іюля получено. Отправленіе союзныхъ войскъ изъ Тяньцзиня замедлено затрудненіями по организаціи транспорта; но они выступятъ дня чрезъ 2—3. Напишу снова, какъ только время прибытія въ Пекинъ будетъ опредѣлено“. Корреспондентъ газеты „Times“, d-r Morrison, получилъ съ тѣмъ же посыльнымъ письмо, по содержанію почти тождественное съ вышеприведеннымъ. Кажется, намъ не долго еще придется страдать и спасеніе наше не далеко. Блеснулъ лучъ свѣтлой надежды, и мы всѣ снова ожили, несмотря на то, что самые здоровые и неутомимые между нами въ послѣднее время стали смотрѣть усталыми и разбитыми тѣлесно и душевно.

Сегодня же получена, хотя и искалѣченная, но тѣмъ не менѣе подлинная телеграмма изъ Лондона. День ея отправленія не помѣченъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, она была послана между 8—11 іюля. Она ссылается на письмо японскаго посланника, барона Ниси, и на телеграмму американскаго посланника Конджера; изъ чего можно заключить, что истинное положеніе здѣшнихъ дѣлъ извѣстно всему міру. Телеграмма также сообщаетъ, что китайскія войска, послѣ кровопролитнаго сраженія въ Тяньцзинѣ, обращены въ бѣгство, что дѣлаются поспѣшныя приготовленія къ нашему освобожденію; далѣе въ ней ставится вопросъ: „охраняетъ ли насъ китайское правительство и снабжаетъ ли съѣстными припасами?“ Охраняетъ ли и снабжаетъ ли? Развѣ не позоръ для всѣхъ цивилизованныхъ націй, когда ставится такой вопросъ? Вѣдь такой вопросъ обозначаетъ, что представители всѣхъ націй въ Пекинѣ лишены возможности сами снабжать себя и что, слѣдовательно, они—плѣнники? Казалось бы, что самыя энергичныя и дѣйствительныя мѣры должны бы быть тотчасъ же приняты къ освобожденію ихъ, вмѣсто безплоднаго оплакиванія ихъ горькой участи. Впрочемъ, чего же другого можно было ожидать отъ большей части современныхъ правительствъ, вся политика которыхъ основана на погонѣ за долларомъ и на полномъ презрѣніи ко всѣмъ высокимъ, человѣческимъ принципамъ, долженствующимъ составлять основу бытія, какъ частныхъ лицъ, такъ и государствъ во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ между собою. Будь побольше справедливости и гуманности въ отношеніяхъ гордыхъ своею цивилизаціей западныхъ народовъ къ многомилліонному народу дальняго востока, мы никогда не были бы актерами въ той ужасной драмѣ, которую намъ по неволѣ приходится разыгрывать. Что посѣешь, то и пожнешь.

20-го іюля.—М-съ Laury получено письмо отъ мужа изъ Тяньцзиня, отъ 17-го іюля, которое было сообщено ею въ извлеченіи для всеобщаго свѣдѣнія. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: „Посыльный прибылъ изъ Пекина въ предъидущую пятницу. 9-й и 14-й полки Соединенныхъ-Штатовъ уже въ Тяньцзинѣ, 6-й кавалерійскій полкъ—въ Дагу. Нѣсколько полковъ уже вышло въ Пекинъ. 17-го ч. до полудня было сраженіе у Бэйцана. Сегодня получено извѣстіе, что ихэтуаньцы избили христіанъ въ Шань-хай-гуанѣ и другихъ мѣстахъ. Между русскими и китайскими войсками было сраженіе въ Цзинь-чжоу. Тяньцзинь полонъ иностранныхъ войскъ, которыя все время продолжаютъ прибывать. Желѣзная дорога открыта до Танъ-гу. Бэй-

дай-хэ, лѣтняя и, въ послѣднее время, модная резиденція иностранцевъ, уничтожена ихэтуаньцами. Американскій консулъ въ Тяньцзинѣ сообщаетъ своему посланнику, что иностранный поселокъ въ Тяньцзинѣ подвергся тридцатидневному бомбардированію и девятидневной осадѣ. Союзныя войска выступаютъ къ вамъ, вѣроятно, завтра".—Американскому посланнику, кромѣ того, полковникъ 41-го пѣхотнаго полка сообщаетъ, что десятитысячный отрядъ готовъ къ выступленію въ Пекинъ.

Сегодня, положительно, день утѣшительныхъ извѣстій. Изъ другого источника изъ Тяньцзиня сообщаютъ, что иностранный сетлементъ былъ освобожденъ 15-го іюля, Сеймуръ—11-го, восточный арсеналъ взятъ 13-го, западный—27-го, а Тяньцзинь взятъ 1-го іюля. „Выступаемъ двумя колоннами въ 10.000 чел. Англичане, американцы и японцы выступятъ чрезъ нѣсколько дней въ числѣ 40.000. Первая колонна будетъ отвлекать отъ васъ непріятеля. Будетъ 8 полковъ американской пѣхоты, 3 кавалеріи и 2 баттареи. Непріятель сильно окопался въ 17 миляхъ на С. отъ Тяньцзиня и въ двухъ пунктахъ далѣе".

Обнародованъ печальный указъ безъ числа, по предположенію отъ 15—16-го іюля, слѣдующаго содержанія: „Противъ товарища министра чиновъ, Сюй-Цзинъ-чэна, и члена жертвеннаго приказа, Юань-чана, состоявшихъ членами министерства иностр. дѣлъ, неоднократно поступали обвинительные доклады, что они пользуются плохою репутаціей, въ иностранной политикѣ руководятся личными интересами, при аудіенціяхъ безъ стѣсненія дѣлаютъ взбалмошныя представленія, зловредными словами смущаютъ правительство и даже стараются посѣять въ немъ сѣмена раздора. Таковыя преступленія составляютъ великое непочтеніе, и мы на страхъ другимъ повелѣваемъ предать ихъ смертной казни. Быть по сему". Такъ трагически окончилъ свою карьеру симпатичный Сюй, бывшій долгое время китайскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и предсѣдателемъ восточной китайской желѣзной дороги. Юань-чанъ былъ около 13 лѣтъ секретаремъ иностранной коллегіи, затѣмъ окружнымъ инспекторомъ, управляющимъ финансовою и гражданскою частями въ одной изъ провинцій и, наконецъ, членомъ иностранной коллегіи; это извѣстный археологъ, въ особенности хорошо знакомый съ исторіею и древностями застѣннаго Китая. Оба эти сановника погибли за то, что, на совѣщаніи чиновъ имперіи, подъ личнымъ предсѣдательствомъ богдоханши и богдохана, открыто назвали нападеніе и бомбардированіе иностранныхъ посольствъ актомъ

безумія, гибельнымъ для династіи и Китая, и требовали немедленнаго прекращенія его.

Сэръ Робертъ Гартъ получилъ изъ Тяньцзиня письмо отъ 15-го іюля, слѣдующаго содержанія: „Письмо ваше отъ 8-го протелеграфировано домой. Мужайтесь! Помощь скоро придетъ. Войска непрерывно прибываютъ. Непріятель—въ Бэй-цанѣ. Японцы и русскіе наступаютъ на него. По Янъ-цзю-цзяну—волненіе. Генералъ-губернаторы стараются о поддержаніи порядка. Ли-Хунъ-чжанъ—въ Шанхаѣ. Маньчжурія—въ возстаніи. У русскихъ тамъ полны руки дѣла. Нючжуанъ много пострадалъ. Германія и Америка высылаютъ, каждая, по 15.000 чел. Италія—5.000".—Вотъ вамъ и дешевое, безкровное пріобрѣтеніе Маньчжуріи, о которомъ такъ мечтали и говорили вслухъ многіе. Только тѣ пріобрѣтенія дешевы и прочны, которыя основаны на уваженіи къ праву и справедливости.

Получено письмо князя Цина и его товарищей, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что, по вопросу о временномъ удаленіи посольствъ и иностранцевъ послѣдовалъ указъ, которымъ канцлеру Жуну поручено избрать способныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ съ отрядами для охраны. „Канцлеръ Жунъ, на котораго возложено это важное порученіе, осмѣлился безпрекословно принять его только послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія всѣхъ подробностей его и установленія зрѣлаго плана. Поэтому мы считаемъ долгомъ просить иностранныхъ представителей быть совершенно спокойными относительно безопасности въ пути и продолжаемъ надѣяться, что вы поторопитесь сообщить намъ о днѣ вашего отъѣзда для того, чтобы мы имѣли возможность устроить все.

„Что же касается ночной бомбардировки, то это опять-таки—взаимное недоразумѣніе; но хорошо, что каждая сторона осталась въ своихъ позиціяхъ. Эта стрѣльба—тоже, что вечерній бой барабана и утренній звонъ колокола,—явленія обычныя, не заслуживающія серьезнаго вниманія".

Въ этотъ же день отъ князя было получено письмо сэромъ Клодомъ съ препровожденіемъ ему шифрованной телеграммы маркиза Солсбери и присовокупленіемъ, что всѣ посланники могутъ посылать чрезъ посредство цзунъ-ли-я-мыня мирныя телеграммы своимъ правительствамъ. Какъ видно, совѣтъ, данный китайскимъ министрамъ сэромъ Робертомъ Гартомъ, отрезвилъ ихъ и произвелъ желаемое дѣйствіе.

22-го іюля.—Помѣщаемъ подлинный указъ касательно временнаго удаленія посольствъ въ Тяньцзинь. „Вслѣдствіе безпо-

рядковъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ столицы язычниками и обращенными, между Китаемъ и иностранными государствами вспыхнула война. Несмотря на это, мы считаемъ нашимъ долгомъ охранять иностранныхъ представителей въ Пекинѣ. Князья и сановники иностранной коллегіи неоднократно письменно освѣдомлялись объ ихъ здоровьѣ. Въ то же время, въ виду сильнаго броженія умовъ въ столицѣ, они вступили въ переговоры съ иностранными представителями касательно благополучнаго препровожденія ихъ подъ военною охраною въ Тяньцзинь, съ цѣлью избавить ихъ отъ страха и тревоги. Въ этихъ видахъ мы поручили канцлеру Жуну избрать способныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ высокаго ранга, которыя бы съ надежными войсками сопровождали ихъ до Тяньцзиня. Еслибы въ пути встрѣтились злоумышленники, имѣющіе въ виду наживу, то таковые должны быть казнены. Да не будетъ допущено ни малѣйшей оплошности. Еслибы, до оставленія столицы, посланники пожелали отправить своимъ правительствамъ телеграммы, то коллегіей иностранныхъ дѣлъ должны быть приняты мѣры къ передачѣ ихъ въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ написаны au clair. Быть по сему".

Наканунѣ полученія нами подлиннаго вышеприведеннаго указа, министры, жалуясь на неполученіе отъ посланниковъ отвѣта о временномъ удаленіи ихъ изъ Пекина, заявляютъ въ письмѣ, что ими неоднократно были получаемы отъ своихъ представителей за границей телеграммы о томъ, что министры иностранныхъ дѣлъ всѣхъ государствъ настаиваютъ на скорѣйшемъ сопровожденіи ихъ представителей изъ Пекина въ Тяньцзинь. А такъ какъ теперь всѣ посольства уже пользуются правомъ телеграфныхъ сношеній съ своими правительствами, то коллегія иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ просить представителей, чтобы они, обмѣнявшись взглядами съ своими правительствами, назначили срокъ выѣзда и увѣдомили бы ихъ о томъ, чтобы поторопиться съ необходимыми приготовленіями къ пути.

23-го іюля.—За исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ телеграммъ, полученныхъ нѣкоторыми посланниками чрезъ цзунъ-ли-я-мынь, и извѣщенія о трагической кончинѣ итальянскаго короля Гумберта, никакихъ существенныхъ новостей не было.

Около двухъ часовъ ночи китайцами была открыта съ сѣвера, изъ хань-линя (академіи наукъ), и съ запада, съ Монгольской площади, весьма сильная пальба, продолжавшаяся около часа. Похороненъ матросъ Иванъ Арбатскій, убитый наканунѣ при постройкѣ банковской баррикады. Миръ праху твоему, нашъ доблестный защитникъ!

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки
22460

Посланъ отвѣтъ на письмо коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ деканъ дипломатическаго корпуса отъ лица своихъ коллегъ просто заявляетъ, что для выѣзда посланниковъ имъ необходимо получить инструкціи отъ своихъ правительствъ, за которыми они и обращаются къ нимъ по телеграфу.

24-го іюля.—Ночь спокойная. Получено письмо князя и другихъ по поводу оживленной пальбы въ прошлую ночь. Вчера вечеромъ, говоритъ князь, именно въ то время, когда идутъ переговоры о временномъ удаленіи посланниковъ изъ Пекина въ Тяньцзинь подъ надежною охраною, иностранными солдатами произведено было сильное нападеніе на китайскій постъ, сопровождавшееся страшнымъ крикомъ и ужасною пальбою, раскаты которой положительно походили на настоящее сраженіе, а не на обыкновенную, случайную пальбу. Что наши войска отвѣчали имъ—это разумѣется само собою. Но еслибы, подъ вліяніемъ взаимнаго озлобленія, произошла схватка, то это несомнѣнно повело бы къ большому несчастью. Извѣстіе объ этомъ совершенно изумило насъ, такъ что мы, теряясь въ догадкахъ объ истинныхъ причинахъ этого столкновенія, считаемъ долгомъ настоящимъ письмомъ освѣдомиться объ этомъ.

25-го іюля.—Погода прекрасная, но, къ сожалѣнію, намъ, невольнымъ плѣнникамъ, можно пользоваться ею только въ стѣнахъ посольствъ, да и то съ осторожностью.

Англійскимъ посланникомъ получено изъ цзунъ-ли-я-мыня извѣстіе о смерти герцога Эдинбургскаго, съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ лица китайскаго правительства, а около полуночи съ сѣвера и запада китайцами была открыта усиленная пальба, продолжавшаяся, впрочемъ, не особенно долго. Потрудитесь совмѣстить эти два факта!

Былъ аукціонъ разнаго имущества, найденнаго въ домѣ одного богатаго китайца. Этотъ домъ былъ занятъ дня три тому назадъ, въ качествѣ, будто бы, важнаго стратегическаго пункта. Этого мнѣнія, кажется, держались только одни англичане. Не будучи стратегомъ, я не могу судить объ этомъ, но знаю только то, что занятіе это вызвало съ китайскихъ постовъ, расположенныхъ вблизи посольствъ англійскаго и русскаго, стрѣльбу, хотя и рѣдкую, но продолжавшуюся нѣсколько дней, да кромѣ того создало для нашихъ волонтеровъ одинъ лишній постъ.

28-го іюля.—Посланецъ, отправленный г. Тіюксбери на встрѣчу союзнымъ войскамъ, возвратился сегодня съ письмами отъ японскаго и англійскаго генераловъ. Онъ разсказалъ, что 25 числа онъ встрѣтилъ лодки, нагруженныя раненными китай-

цами, разбитыми близъ Сянъ-хэ. Въ среду послѣ полудня онъ прослѣдовалъ съ центральнымъ отрядомъ въ Чуань-чанъ, въ 9-ти верстахъ на югъ отъ Хэ-си-у; въ четвергъ поутру выступилъ съ этимъ отрядомъ, который надѣется прибыть въ Хэ-си-у послѣ полудня. Оставивъ отрядъ, онъ возвратился въ Пекинъ по западной дорогѣ. Авангардъ, по мнѣнію посыльнаго, находится въ настоящее время въ Хэ-си-у. Посыльный сообщилъ, что при отрядѣ мало китайской прислуги, но много вьючныхъ животныхъ, которыхъ ведутъ японцы. Русскихъ видѣлъ мало, но видѣлъ нѣсколько сотъ сипаевъ. Китайцы оказываютъ мало сопротивленія.

Слѣдующее письмо получено было полковникомъ Шиба отъ генерала Фукушима: „Лагерь въ Чанъ-цзянѣ, въ одной верстѣ на С. отъ Южнаго Цай-цуня. 26-го іюля 1900 г.—Японскія и американскія войска разбили непріятеля 21 ч. близъ Бэй-цана и заняли Янъ-цунь 6-го, а утромъ того же дня союзныя войска, состоящія изъ англичанъ, американцевъ и русскихъ, вышли изъ Янъ-цуня и, когда подвигались на С., мною получено было ваше письмо въ деревнѣ Южный Цай-цунь. Очень пріятно было узнать изъ него, что иностранная община въ Пекинѣ геройски держится. Вѣрьте мнѣ, что горячее и единодушное желаніе генералъ-лейтенанта и всѣхъ насъ—прибыть въ Пекинъ какъ можно поскорѣе и освободить васъ отъ опаснаго положенія. Если не встрѣтится какое-либо непредвидѣнное обстоятельство, то союзныя войска будутъ въ Хэ-си-у 9-го, въ Матоу 10-го, Чжанъ-цзя-вани 11-го, Тунъ-чжоу 12-го и вѣроятно 13-го или 14-го августа по н. с. въ Пекинѣ“.

Отъ генерала Гезли получена была изъ Цей-цуня отъ 8-го августа слѣдующая коротенькая записка: „Сильная союзная армія движется, дважды разбила непріятеля. Мужайтесь“.

Только тотъ, кому пришлось вынести двухмѣсячную осаду со всѣми ея ужасами, и притомъ при нашихъ невѣроятныхъ условіяхъ, можетъ понять всю полноту благодарности Богу и радости, охватившей всѣхъ, что близокъ конецъ страданіямъ и часъ избавленія недалекъ.

29-го іюля.—Съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ ряды нашихъ защитниковъ. Сегодня не вражеская пуля, а убійственная дизентерія уложила въ преждевременную могилу русскаго матроса.

30-го іюля.—Въ полночь китайцы открыли сильную пальбу по англійской, французской и нѣмецкой миссіямъ. Въ французской убитъ одинъ матросъ и раненъ австріецъ; въ нѣмецкой также раненъ одинъ солдатъ.

Относительно открытія рынка для закупки продовольствія,

о чемъ сэръ Клодъ писалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, ему отвѣчали, что продавщики боятся отправляться въ посольства, изъ опасенія подвергнуться выстрѣламъ иностранныхъ солдатъ, и предложили отправлять ежедневно въ 9 ч. утра чиновника въ англійское посольство, для принятія и исполненія продовольственныхъ заказовъ иностранцевъ.

Послѣ обѣдни опустили въ безвременную могилу нашего матроса, умершаго отъ дизентеріи, при пѣніи нашего любительскаго хора, которому, къ сожалѣнію, въ теченіе осады не разъ приходилось исполнять эту печальную обязанность.

Китайцы продолжаютъ усердно стрѣлять по русскому и англійскому посольствамъ, несмотря на то, что, испуганный вѣроятно приближеніемъ союзныхъ войскъ, которыя,—по разсказу пришедшаго въ французское посольство китайскаго кули, разбили китайцевъ между Чжанъ-цзя-вань и Тунъ-чжоу,—цзунъ-ли-я-мынь, письмомъ на имя англійскаго посланника, просилъ о немедленномъ назначеніи часа для переговоровъ о прекращеніи войны. „Въ письмѣ вашего превосходительства, отъ 7-го іюля,—говоритъ цзунъ-ли-я-мынь,—между прочимъ, было объяснено, что присутствіе иностранныхъ представителей въ столицѣ облегчитъ улаженіе всѣхъ дѣлъ къ общему удовольствію, тогда какъ, съ выѣздомъ ихъ въ Тяньцзинь, дружественныя отношенія порвутся совершенно, и возстановленіе мира потребуетъ неизвѣстно сколько времени. Заявленіе это показываетъ, что ваше превосходительство, при соображеніи общаго положенія дѣлъ, не забываете и старой дружбы. Такъ какъ всѣ иностранные представители находятся еще въ столицѣ, то мы (князь и сановники) рѣшили, согласно мысли вашего прежняго письма, посѣтить васъ и другихъ представителей сегодня, для переговоровъ о предварительномъ пріостановленіи военныхъ дѣйствій, и просимъ назначить часъ“.

Чуютъ правду, чуютъ приближеніе бѣды неминуемой, чуютъ, что близокъ часъ возмездія за пролитую кровь, сожженные и поруганные храмы и посольства, что дни ихъ, покрытой сѣдою древностью и вѣковою пылью, столицы сочтены,—оттого такъ заметались и заторопились.

Ожесточенная стрѣльба, начавшаяся съ четырехъ часовъ пополудни, продолжалась всю ночь. Въ 9 часовъ шальная пуля сразила французскаго офицера Labrousse, стоявшаго у дверей своей комнаты. Отъ шума и грохота пуль и снарядовъ не было возможности сомкнуть глаза.

31-го іюля.—Китайцы продолжаютъ пальбу не только изъ

ружей, но и изъ орудій, несмотря на то, что въ 11 часовъ члены иностранной коллегіи должны прибыть въ англійское посольство для мирныхъ переговоровъ съ посланниками. Визитъ этотъ, однако, не состоялся. Члены этого почтеннаго учрежденія написали, что важныя дѣла не дозволяютъ имъ посѣтить посланниковъ, и въ томъ же письмѣ имѣютъ дерзость и нахальство—жаловаться на то, что иностранные солдаты открыли вчера сильный огонь, убили одного ротнаго командира (по увѣренію сэра Роберта Гарта, самого командира отряда, генерала Чжанъцзюня) и ранили 26 нижнихъ чиновъ; называть эти дѣйствія недружелюбными и—просить, чтобы наши командиры удерживали солдатъ отъ стрѣльбы! Какъ будто вся гнусная, не имѣющая прецедентовъ въ исторіи, осада иностранныхъ представителей и другихъ иностранцевъ, съ ихъ женами и дѣтьми, не является актомъ проявленія высшей враждебности и разнузданной дикости! Вѣроятно, истинною причиною отказа министровъ отъ визита, предложеннаго ими же самими, послужила боязнь подвергнуться казни за неисполненіе порученія, обреченнаго на неудачу.

Китаецъ-католикъ, которому удалось проникнуть за непріятельскія баррикады въ восточную часть маньчжурскаго города, между прочимъ, передавалъ слѣдующій характерный разсказъ о разговорѣ, происходившемъ, будто бы, между представителемъ мирной политики, хотя и не выдающимся человѣкомъ, президентомъ иностранной коллегіи, княземъ Циномъ, и отцомъ наслѣдника престола, главою ихэтуаньцевъ, княземъ Дуанемъ, послѣ всѣхъ пораженій, понесенныхъ китайцами. „Цинъ:—Ну, князь, какъ видишь, наша маньчжурская династія наканунѣ неизбѣжной гибели. Гдѣ-же твои 8.000.000 небеснаго воинства, обѣщаннаго тебѣ ихэтуаньцами? Пусть идутъ и спасаютъ династію.—Князь Дуань поникъ головой и ничего не отвѣчалъ“.

Ужасная ночь! Въ виду приближенія союзной арміи, осаждающія англійское посольство китайскія войска, вѣроятно, рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку покончить съ иностранцами. Семь разъ въ теченіе ночи они открывали съ своихъ баррикадъ адскую пальбу по посольству, причемъ орудіе, поставленное на юго-восточномъ углу желтаго императорскаго города, вторило имъ. Это былъ безпрерывный хаосъ ружейныхъ звуковъ, сливавшихся съ отраженными раскатами ихъ въ ночной тиши. Съ нашей стороны работало орудіе Норденфильда и пулеметъ Максима. Китайцы подступали къ оградѣ настолько близко, что, говорятъ, можно было слышать, какъ командиръ понукалъ ихъ идти въ аттаку, но никто изъ его подчиненныхъ, къ нашему

благополучію, не выразилъ охоты къ такому проявленію патріотическаго мужества. Дѣло окончилось, въ общемъ, благополучно. Жаль только, что былъ серьезно раненъ въ руку, съ изломомъ кисти, бравый американскій канониръ, по нераспорядительности англійскаго начальства оставленный у стараго интернаціональнаго орудія безъ всякаго прикрытія. Въ эту же ночь у японцевъ раненъ докторъ, а у нѣмцевъ убитъ одинъ рядовой. Осада несчастнаго Бэй-тана, съ горстью его храбрыхъ защитниковъ, въ эту ночь тоже была возобновлена неизвѣстно въ какой уже разъ. У насъ умеръ отъ дизентеріи еще одинъ матросикъ.

Глубокою радостью и благодарностью Всеблагому Промыслу исполнились сердца осажденныхъ страдальцевъ при первыхъ звукахъ канонады приблизившейся къ Пекину союзной арміи, услышанныхъ ровно въ два часа ночи... Спасены!

Скажемъ нѣсколько словъ, въ заключеніе нашего дневника, о религіозно-политическомъ обществѣ „И-хэ-туань" (т.-е. патріотическое общество), или „И-хэ-цюань" (т.-е. кулакъ долга и согласія) и о причинахъ его настоящаго движенія, а также и о томъ, какимъ образомъ могли бы быть улажены послѣдствія этого движенія.

Виновники неслыханныхъ жестокостей и звѣрствъ, иниціаторы наглаго нарушенія неприкосновенности иностранныхъ посольствъ, вмѣстѣ съ правительственными войсками въ теченіе двухъ мѣсяцевъ державшіе ихъ въ осадномъ положеніи подъ постояннымъ огнемъ и повергшіе свою родину въ пучину неисчислимыхъ бѣдствій, ихэтуаньцы не въ первый разъ являются на страницахъ китайской исторіи.

Такъ, въ указѣ, изданномъ въ правленіе императора Цзяцина, въ 1808 году, въ числѣ другихъ политическихъ тайныхъ обществъ, подвергавшихся строгому преслѣдованію законовъ, встрѣчается и Ихэцюань. Чтобы обрисовать отношеніе тогдашняго правительства къ этому обществу, мы позволимъ себѣ сдѣлать извлеченіе изъ помянутаго указа, даннаго на имя государственнаго совѣта. „Прокуроръ Чжоу Тинъ-сэнь представилъ намъ докладъ, въ которомъ онъ проситъ подвергать строгому наказанію скопища негодяевъ. По словамъ его, въ послѣднее время въ провинціи Цзянъ-нань, въ областяхъ ея Инъ-чжоу, Бо-чжоу и Сней-чжоу, въ провинціи Хэ-нань, въ области Гуй-дэ, и въ провинціи Шань-дунъ (откуда началось нынѣшнее движеніе ихэцюаньцевъ) въ областяхъ ея, Цао-чжоу, И-чжоу и Янь-

чжоу, появилась масса бездѣльниковъ, которые, вооружившись мечами и собравъ массы народа, образовали общества Шунь-дао (счастливаго ножа), Ху-вэй-бянь (плети изъ тигроваго хвоста), И-хэ-цюань и Па-гуа (восемь діаграммъ) и бродятъ по селамъ и деревнямъ, угнетая мирныхъ жителей. Для спокойствія населенія, подобныхъ негодяевъ, конечно, слѣдуетъ подвергать самому строгому наказанію; нельзя давать разростаться этой болячкѣ и оставлять зло".

Въ докладѣ чжилійскаго генералъ-губернатора Наяньчэна, которому поручено было произвести строжайшее дознаніе о разныхъ политическихъ сектантахъ того времени, въ томъ числѣ и объ ихэтуаньцахъ, мы встрѣчаемъ о нихъ много интересныхъ подробностей, а равнымъ образомъ и то, съ какою неумолимою строгостью относилось тогдашнее правительство къ этимъ вреднымъ сектантамъ, которыхъ нынѣшнее правительство называетъ патріотами и людьми мужественными. Вотъ этотъ интересный документъ:

„Мною полученъ былъ указъ вашего величества слѣдующаго содержанія: Ванъ-бинъ-хэнъ иначе называется Ванъ-цэинъ-цзэнъ; его родъ, разсѣянно проживавшій въ Луань-чжоу и Лулунѣ, занимался распространеніемъ махаяническаго толка Цинъ-ча и собиралъ деньги. Изъ Чжилійской провинціи онъ отправился съ тою же цѣлью въ Ху-бэйскую и Цзянъ-наньскую и чрезъ третьи руки преподалъ ученіе мятежнику Фанъ Жунъ-шэну, явившемуся дѣйствительнымъ главою возстанія и нынѣ уже пойманному и казненному въ Ху-бэйѣ. Изъ доклада Наяньчэна мы усматриваемъ, что весь родъ изъ фамиліи Ванъ въ Ши-фо-коу давно уже занимается распространеніемъ зловредной ереси, охватившей нѣсколько провинцій, и нынѣ многократно попадался въ этомъ. Въ виду сего мы повелѣваемъ Наяньчэну принять строгія мѣры къ поимкѣ всего этого рода и главныхъ проповѣдниковъ ереси казнить, а остальныхъ отправить въ ссылку, а всѣ еретическія книги ихъ отобрать и препроводить намъ. Необходимо вырвать эту ересь съ корнемъ безъ малѣйшаго послабленія. Быть по сему".—„Вѣрноподанному вашего величества въ бытность его въ Баодинъ-фу пришлось рѣшать чрезвычайно много дѣлъ, касающихся превратныхъ ученій; благодаря этому, я нѣсколько ознакомился съ зловредными толками, распространяемыми въ Чжилійской провинціи и, во исполненіе указа вашего величества, осмѣливаюсь изложить то, что мнѣ извѣстно по этому предмету". Перечисляя разныя зловредныя ученія, существовавшія въ Шань-дунской провинціи во времена Цянь-луна, докладчикъ,

между прочимъ, упоминаетъ и толкъ И-хэ (долга и гармоніи), составлявшій отрасль ученія Па-гуа (восемь діаграммъ), послѣдователи котораго называли себя учениками нѣкоего Хао, казненнаго въ 1771 году. Только строгій и неусыпный надзоръ ближайшей мѣстной власти за лицами, уже замѣченными въ проповѣдываніи зловредныхъ ученій, и за семействами, принимавшими ихъ, можетъ, по мнѣнію докладчика, содѣйствовать полному ихъ искорененію. При дальнѣйшемъ перечисленіи дѣлъ, касающихся зловредныхъ ученій, имъ разысканныхъ и рѣшенныхъ, Наяньчэнъ, между прочимъ, указываетъ на дѣло нѣкоего Гэ-ли-э изъ уѣзда Гу-чэнъ, распространявшаго ихэцюанизмъ (т.-е. кулакъ долга и согласія), именно ту самую секту, которая, въ безумномъ, фанатическомъ ослѣпленіи, подогрѣтомъ насиліями иностранцевъ, рѣшилась истребить ихъ всѣхъ. Въ то время главари этого толка были преданы мучительной казни—изрѣзанію въ куски. Въ другихъ уѣздахъ Чжилійской провинціи Наяньчэномъ также были открыты послѣдователи ихэтуанизма.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ двухъ документовъ оказывается, что ихэтуанизмъ, или ихэцюанизмъ, былъ распространенъ въ нѣсколькихъ провинціяхъ Китая не только въ началѣ XIX-го столѣтія, но и въ концѣ XVIII-го, и былъ строго преслѣдуемъ правительствомъ, какъ ученіе зловредное.

Ихэтуанизмъ составляетъ отрасль древнѣйшей политической секты Бай-лянь-цзяо (секты бѣлаго лотуса). Сущность этого ученія заключается въ изученіи искусства фехтованія кулакомъ и палкою, благодаря чему, будто бы, духъ вселяется въ человѣка, который тогда объясняетъ ученіе и преподаетъ искусство владѣть кулакомъ. Послѣдователи этого ученія утверждаютъ, что посредствомъ заклинаній они дѣлаются неуязвимыми. Въ іерархическомъ отношеніи у нихъ есть названія первоучителя, старшаго и младшаго учителя.

Несмотря на крайне суровыя мѣры, послѣдователи ихэтуанизма не были истреблены совершенно, а только присмирѣли и терпѣливо выжидали случая, чтобы снова приняться за свою зловредную и разрушительную работу.

Вражда между китайцами-язычниками и китайцами-христіанами, порожденная не всегда законными дѣйствіями послѣднихъ и ихъ духовныхъ руководителей по отношенію къ первымъ,—что особенно замѣчалось со времени тяньцзиньскихъ трактатовъ 1858 г., предоставившихъ широкія права христіанской пропагандѣ,—а съ другой стороны насильственная политика цивилизованныхъ иностранцевъ по отношенію къ Китаю, силою и угрозами вы-

рывавшая у него всевозможныя исключительныя права и привилегіи и завершившаяся открытыми территоріальными захватами, породили въ правящихъ и ученыхъ кругахъ Китая чувство негодованія и злобы противъ просвѣтителей и послужили благопріятною почвою для ихэтуаньскаго движенія. Всѣ условія сложились въ его пользу. Въ лицѣ губернаторовъ въ провинціи Шань-дунъ, Ли-Бинъ-хэна и затѣмъ Юй-сяна, ихэтуаньское движеніе, начавшееся въ этой провинціи, нашло не только попустителей, но открытыхъ покровителей своей дьявольской работы, а голодный людъ пораженныхъ неурожаемъ сѣверныхъ провинцій, мѣстные негодяи, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка въ Китаѣ, и, наконецъ, масса распущенныхъ, по недостатку у казны средствъ, солдатъ и милиціонеровъ,—въ надеждѣ на добычу, явились какъ нельзя болѣе подходящимъ матеріаломъ для пополненія рядовъ ихэтуаньцевъ, къ которымъ болѣе мирное мѣстное населеніе присоединялось уже изъ боязни за свою жизнь и имущество, или же по чувству личной мести.

А что у Китая, говоря откровенно, не было никакихъ основаній дружелюбно относиться къ иностранцамъ—для этого достаточно безпристрастно заглянуть въ исторію ихъ сношеній съ нимъ за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Къ стыду цивилизованныхъ народовъ Запада мы должны сознаться, что не видимъ тутъ ничего другого, кромѣ безконечнаго ряда насилій и эксплуатаціи, никогда не прилагавшихся въ такой мѣрѣ ни къ какой изъ странъ міра, за исключеніемъ развѣ одной Индіи. Пальма первенства на поприщѣ насилія и эксплуатаціи, какъ вездѣ и всегда, такъ и здѣсь, въ Китаѣ, принадлежала владычицѣ морей. Война изъ-за опіума, уничтоженія торговли которымъ, какъ предметомъ, подрывавшимъ умственныя и физическія силы китайцевъ и разорявшимъ ихъ семейное благосостояніе, такъ горячо добивался императоръ Дао-гуанъ, окончилась нанкинскимъ договоромъ 1843 года, по которому Англія пріобрѣла Гонгконгъ, давно желанное складочное мѣсто для своихъ товаровъ и военный портъ, и въ то же время удержала за собою возможность, несмотря на протесты у себя дома, отравлять Китай по прежнему.

Установлены были торговые тарифы съ основною нормою обложенія 5% со стоимости. Позволимъ себѣ спросить: гдѣ и въ какомъ государствѣ существуютъ такіе неимовѣрно-низкіе тарифы? Какое изъ государствъ не имѣетъ абсолютнаго права устанавливать тарифы по своему усмотрѣнію? Всѣ, за исключеніемъ Китая,—потому что свобода въ установленіи тарифовъ составляетъ одну изъ прерогативъ самостоятельности государства. А Китаю

несмотря на его ходатайства и мольбы, отказываютъ даже въ правѣ пересмотра тарифовъ.

А миссіонеры, которые, распространяя ученіе Христово, въ то же время не пренебрегали, пользуясь престижемъ своихъ странъ, производить давленіе на мѣстную администрацію, въ смыслѣ поддержки не всегда законныхъ и справедливыхъ требованій своихъ прозелитовъ, или же мірскихъ выгодъ своихъ общинъ, иногда съ явнымъ нарушеніемъ правъ язычниковъ?

А постепенное отнятіе у Китая всѣхъ его вассальныхъ владѣній, которыя, хотя бы номинально, въ теченіе вѣковъ видѣли въ немъ своего сюзерена?

А съ какимъ презрѣніемъ стали относиться къ Китаю иностранцы, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Японіей, это трудно себѣ вообразить. Каждое требованіе ихъ, безъ отношенія къ тому, насколько оно справедливо и совмѣстно съ интересами и желаніемъ Китая, скрѣпя сердце, исполнялось имъ.

А ничѣмъ не оправдываемые, кромѣ „я хочу" или „мнѣ необходимо", захваты владѣній собственнаго Китая, открытые занятіемъ Цзяо-чжоу нѣмцами?

А всевозможныя концессіи на разныя промышленныя предпріятія въ Китаѣ, изъ коихъ едва-ли многія были актомъ свободной воли китайскаго правительства?

А ограниченіе державныхъ правъ Китая въ распоряженіи тою или другою частью своей территоріи?

Все это я говорю не потому, что желаю защищать Китай, въ столицѣ котораго я со всею семьею испыталъ всѣ ужасы двухмѣсячной осады, что я окитаился, а съ единственною цѣлью показать, что Китай имѣетъ достаточно основаній не любить иностранцевъ, и что все вышеизложенное послужило поводомъ къ тѣмъ прискорбнымъ и небывалымъ въ исторіи событіямъ, свидѣтелями и невольными участниками которыхъ были мы сами.

Какъ бы то ни было, но теперь предъ иностранными правительствами стоитъ вопросъ о возстановленіи ихъ отношеній къ Китаю, нарушенныхъ дикимъ движеніемъ ихэтуаньцевъ и безумными дѣйствіями самого китайскаго правительства; вызвавшими движеніе союзныхъ войскъ, погромъ и занятіе ими Тяньцзиня и Пекина и, въ частности, занятіе русскими Маньчжуріи и бѣгство двора въ Си-ань-фу. Задача, конечно, не изъ легкихъ, особенно еслибы въ разрѣшеніи ея вздумали прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, о которыхъ съ такимъ легкимъ сердцемъ стали говорить со времени японо-китайской войны: это — раздѣленіе Китая. Къ счастью, по иниціативѣ нашего миролюбиваго пра-

вительства, этотъ способъ рѣшенія настоящихъ затрудненій, кажется, оставленъ всѣми державами.

Рѣшеніе настоящей великой задачи сводится къ слѣдующимъ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) наказанію главныхъ виновниковъ настоящихъ смутъ; 2) удовлетворенію за всѣ причиненные убытки, и 3) изысканію мѣръ къ предупрежденію повторенія такихъ смутъ. Крайняя мѣра наказанія, т.-е. смертная казнь, должна быть примѣнена по отношенію: къ князю Чжуану, какъ къ признанному правительствомъ главному начальнику ихэтуаньцевъ; Инъ-няню, какъ его помощнику; генералу Дунъ-фу-сяну, бывшему душою анти-иностраннаго движенія, войска котораго вмѣстѣ съ ихэтуаньцами громили иностранныя посольства въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; Юй-сяню, губернатору Сань-си, который былъ иниціаторомъ, покровителемъ и поощрителемъ ихэтуаньскаго движенія въ Шань-дунѣ и опозорилъ человѣческое имя массовымъ, звѣрскимъ истребленіемъ миссіонеровъ и христіанъ съ дѣтьми и женами въ Сань-си, и заядлому ихэтуаньцу и ненавистнику иностранцевъ, министру Чжао-Шу-цэо. Та же участь должна бы постигнуть и князя Дуаня, бывшаго душою всего движенія и диктаторомъ, предъ необузданнымъ самовластіемъ котораго смолкали голоса благоразумныхъ совѣтниковъ правительства, или же, какъ Сюй-Цзинъ-чэнъ, бывшій посланникъ въ Петербургѣ, Юань-чанъ, членъ иностранной коллегіи, министры Сюй-Юнъ-и и Ли-шань и членъ иностранной коллегіи Лянь-юань, поплатились жизнью за свою дерзость. Но полагаютъ, и не безъ основанія, что казнь его, какъ отца вновь избраннаго наслѣдника престола, сопряжена съ большими затрудненіями. Почтительность къ родителямъ, составляющая главную основу въ государственномъ управленіи Китая, обязываетъ сына къ мести за смерть отца. Спрашивается, съ какими чувствами сынъ князя Дуаня, по вступленіи на престолъ, будетъ относиться къ иностраннымъ державамъ, какъ виновникамъ смерти отца? Съ другой стороны, устраненіе наслѣдника, при отсутствіи другого лица, удовлетворяющаго требованіямъ китайскихъ узаконеній о престолонаслѣдіи, можетъ повести къ неожиданнымъ внутреннимъ осложненіямъ, которыя едва-ли въ настоящее время для кого-либо желательны. Притомъ, позволительно сомнѣваться, чтобы кто-либо изъ китайскихъ грандовъ взялся за такую деликатную миссію. По нашему мнѣнію, онъ могъ бы быть приговоренъ къ смертной казни, но съ замѣною ея, въ виду исключительнаго положенія его, пожизненною ссылкою въ самыя отдаленныя мѣста южнаго Китая.

Китай обязанъ возмѣстить всѣ убытки, какъ государственные, такъ и частные, непосредственно причиненные иностраннымъ государствамъ и ихъ подданнымъ погромомъ ихэтуаньцевъ, и вызванные имъ военные расходы.

Въ виду крайняго истощенія государственной казны Китая и ограниченности его доходнаго бюджета, едва-ли достигающаго до 100.000.000 ланъ, уплата убытковъ и расходовъ могла бы быть произведена посредствомъ займовъ у каждаго изъ заинтересованныхъ иностранныхъ правительствъ на сумму, соотвѣтствующую его частнымъ и государственнымъ убыткамъ и военнымъ расходамъ. Гарантіей этихъ убытковъ должны служить соляной акцизъ и ликинный сборъ, строго урегулированный или же замѣненный увеличеніемъ тарифныхъ пошлинъ на соотвѣтствующую сумму. Увеличеніе тарифовъ по иностранной торговлѣ даже вдвое при условіи уничтоженія ликина,—чего такъ безуспѣшно, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, добивается Китай,—было бы только дѣломъ справедливости и, при баснословно низкихъ ставкахъ его въ настоящее время, не бывъ обременительнымъ для иностранной торговли, въ то же время дало бы Китаю опредѣленный доходъ болѣе, чѣмъ въ 20.000.000 ланъ, который могъ бы служить точною гарантіей проектируемыхъ займовъ. При этомъ Китаю должна быть возвращена свобода измѣненія тарифа чрезъ извѣстный опредѣленный срокъ.

Возмѣщеніе всѣхъ убытковъ, понесенныхъ христіанскими общинами и туземными христіанами, гдѣ это возможно, особенно въ деревняхъ, могло бы быть возложено на ближайшія ихэтуаньскія селенія, являясь для нихъ дѣйствительною мѣрою наказанія, за учиненныя ими безобразія и жестокости. Само собою разумѣется, что христіанскіе храмы въ городахъ, со всѣми связанными съ ними учрежденіями, должны быть возстановлены за счетъ правительства.

Оккупаціонный международный отрядъ—въ размѣрѣ не менѣе 6.000 для Пекина и 4.000 для Тяньцзиня—долженъ оставаться въ нихъ до полнаго возстановленія спокойствія въ краѣ, который былъ объятъ мятежемъ; при этомъ изъ того и другого отряда должна быть выдѣлена сила, достаточная для прикрытія желѣзнодорожнаго сообщенія между Пекиномъ и Тяньцзинемъ, которая въ то же время будетъ служить связью между двумя отрядами.

Устройство въ Пекинѣ отдѣльныхъ концессій съ иностранными охранами и предоставленіемъ въ ихъ полное распоряженіе однѣхъ городскихъ воротъ.

Срытіе Дагускихъ укрѣпленій и запрещеніе возводить укрѣпленія и укрѣпленные лагери между Дагу и Пекиномъ.

Ограниченіе вооруженныхъ силъ Китая контингентомъ, потребнымъ для поддержанія внутренняго порядка въ странѣ.

Возвращеніе союзниками всѣхъ занятыхъ ими мѣстъ, при чемъ, однако, въ виду особыхъ географическихъ условій на русско-маньчжурской границѣ, правый берегъ Амура, во избѣжаніе новыхъ нарушеній нашей границы, на протяженіи 50-ти или 25-ти верстъ въ глубь страны долженъ быть объявленъ нейтральнымъ, съ исключеніемъ плаванія по Амуру китайскихъ судовъ безъ особаго разрѣшенія Россіи.

Ограниченіе дѣятельности миссіонеровъ чисто духовною сферою, съ положительнымъ запрещеніемъ вмѣшиваться во взаимныя отношенія по разнымъ мірскимъ дѣламъ своихъ духовныхъ чадъ съ язычниками.

Подтвержденіе всѣхъ концессій и привилегій, законно утвержденныхъ китайскимъ правительствомъ за иностранными обществами и иностранцами.

Въ частности по отношенію къ Россіи требуется:

1) Изгнаніе всѣхъ зейскихъ маньчжуръ и китайцевъ, обитающихъ, въ силу ангуньскаго договора 1857 г., на лѣвомъ, нашемъ берегу Амура.

2) Открытіе Сунгари и ея притоковъ для плаванія и торговли русскихъ судовъ, съ правомъ имѣть угольно-дровяные и товарные склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это будетъ признано нами необходимымъ, со взиманіемъ пошлинъ по тарифу.

3) Дозволеніе русскимъ караванамъ слѣдовать изъ Калгана западнымъ путемъ чрезъ Улясутай на Енисей.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что лучшею гарантіею противъ повторенія прискорбныхъ событій нынѣшняго года будетъ внесеніе иностранцами въ свои отношенія къ Китаю побольше справедливости и поменьше давленія и насилія.

П. Поповъ.

Пекинъ.
2 ноября 1900 г.

Post-scriptum. — „М. Г. — Прошу присоединить къ моему „Дневнику“ небольшую замѣтку о злосчастномъ министрѣ „Цзунъ-ли-я-мыня“, Юань-чанѣ, моемъ хорошемъ знакомомъ, съ приложеніемъ его знаменитаго доклада. Примите“ и пр. Пекинъ, 17 ноября 1900 г.

15-го іюля сего 1900 года подъ сѣкирою палача сложилъ свою голову одинъ изъ здравомыслящихъ людей и истинныхъ патріотовъ Китая, членъ иностранной коллегіи и жертвеннаго приказа, Юань-чанъ. Уроженецъ тун-лускаго уѣзда Чжэ-цзянской провинціи, Юань-чанъ доводился роднымъ правнукомъ Юань-цзы-цайю (1716—1797), пріобрѣтшему репутацію одного изъ извѣстныхъ поэтовъ настоящей династіи, и самъ считался недюжиннымъ поэтомъ и ученымъ, особенно въ области китайской археологіи. Получивъ въ 1876 г. на состязательныхъ испытаніяхъ высшую ученую степень магистра, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ занялъ должность секретаря иностранной коллегіи, которую занималъ болѣе десяти лѣтъ, успѣвъ за этотъ періодъ времени ознакомиться съ характеромъ политики иностранныхъ державъ въ Китаѣ и затѣмъ, какъ выдающійся изъ секретарей, получилъ должность таможеннаго даотая, или окружного инспектора, въ одномъ изъ портовъ, открытыхъ для иностранной торговли. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Юань-чанъ получилъ должность провинціальнаго судьи, затѣмъ управляющаго гражданскою и финансовою частями сначала въ Нанкинѣ, а потомъ въ столичной провинціи, откуда былъ вызванъ въ Пекинъ, и, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ иностранною политикою, снова вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но уже въ качествѣ не секретаря, а члена этого многочленнаго учрежденія. Само собою разумѣется, какъ младшій изъ членовъ, онъ не могъ занять въ немъ выдающагося положенія, особенно при совѣщаніяхъ съ иностранными представителями, во время которыхъ онъ зачастую сидѣлъ съ закрытыми глазами и потому извѣстенъ былъ подъ именемъ „спящаго министра", но въ средѣ своихъ коллегъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, какъ человѣкъ, болѣе другихъ знакомый съ иностранными дѣлами, которыя, послѣ японо-китайской войны, съ каждымъ днемъ становились болѣе и болѣе трудными, въ виду постоянно возростающихъ безцеремонныхъ притязаній, назойливыхъ требованій и открытыхъ насилій иностранныхъ державъ. Какъ всякій китайскій патріотъ, каковымъ Юань-чанъ и былъ въ душѣ, онъ, подобно имъ, ненавидѣлъ иностранцевъ и, вспоминая тѣ времена, когда гордый Китай относился съ презрительнымъ высокомѣріемъ къ порядкамъ тѣхъ иностранцевъ, потомки которыхъ теперь такъ унижаютъ его, онъ, конечно, не менѣе другихъ горѣлъ желаніемъ освободиться отъ нихъ. Но, какъ человѣкъ умный, онъ понималъ, что одряхлѣвшему, пропитанному духомъ поголовнаго взяточничества, съ совершенно опустѣвшею казною, безъ правильно организованной арміи и усвое-

нія западныхъ реальныхъ знаній, Китаю нельзя и думать о томъ, чтобы однимъ ударомъ избавиться отъ ненавистнаго ига иностранцевъ, а тѣмъ болѣе при содѣйствіи такой подозрительной тайной секты, какъ „И-хэ-туань", съ прежнею исторіей которой онъ былъ хорошо знакомъ. Вполнѣ сознавая, что безумное, поголовное истребленіе иностранцевъ приведетъ Китай къ окончательной погибели, онъ съ патріотическимъ мужествомъ возсталъ противъ этого безумнаго плана и его главныхъ двигателей, отъявленныхъ невѣждъ временщиковъ, подстрекавшихъ и толкавшихъ вдовствующую императрицу на этотъ опасный путь, и написалъ свой знаменитый докладъ, который, въ соединеніи съ его личными заявленіями императрицѣ о всемъ безуміи и неминуемой грозной опасности для Китая нападенія на иностранныя посольства и истребленія иностранцевъ, послужилъ для ослѣпленнаго князя Дуаня и его клевретовъ мотивомъ къ обвиненію докладчика въ государственной измѣнѣ и къ вынужденію указа о его немедленной казни. Докладъ этотъ, какъ безспорный актъ государственной мудрости и здраваго патріотизма, мы представляемъ ниже, въ переводѣ, вниманію читателей и выражаемъ надежду, что иностранные представители въ своихъ переговорахъ съ Китаемъ сочтутъ долгомъ требовать отъ китайскаго правительства возстановленія въ глазахъ народа добраго имени злополучнаго Юань-чана.

Докладъ члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Юань-чана, объ уничтоженіи мятежныхъ ихэтуаньцевъ.

„Съ 30—31 мая начались волненія ихэтуаньцевъ. Въ столицѣ князья и сановники ежедневно призываются на аудіенціи. Ихъ величества удручены заботами о династіи и государствѣ, предаваясь глубокимъ думамъ о наилучшихъ мѣрахъ къ спасенію ихъ и совѣтуясь съ чинами имперіи. Мы глубоко виноваты и чувствуемъ стыдъ и негодованіе, потому что не могли прежде другихъ отвратить напасть и тѣмъ облегчить заботы и труды государя-отца.

„Обращаясь къ указу 1808 года, находимъ, что въ Шаньдунской и Хэ-наньской провинціяхъ появились мятежники, основали секту Па-гуа и И-хэ-цюань, которыя въ дѣйствительности были не что иное, какъ выродки секты бѣлаго ненюфара. Поэтому былъ изданъ строгій указъ о тайной поимкѣ и наказаніи адептовъ ихъ. Въ прошломъ году у-цяоскимъ уѣзднымъ начальникомъ, Лао-най-сюанемъ, была опубликована весьма подробная

записка по этому предмету. Въ апрѣлѣ настоящаго года шань-дунскій губернаторъ Юань-ши-кай, въ отвѣтномъ докладѣ на высочайшій указъ, заявилъ, что образованіе изъ ихэтуаньцевъ войска ни подъ какимъ видомъ дѣло немыслимое. Такое заявленіе его въ высшей степени справедливо и разумно. Затѣмъ, бывшій шань-дунскій губернаторъ Юй-сянь, въ рѣшеніи дѣла о мятежникахъ пинъ-юаньскаго уѣзда, заявилъ, что глава ихэтуаньцевъ, Чжу-хунь-дэнъ, самъ называлъ себя потомкомъ Минской династіи, нелѣпыми толками смущалъ народъ, который повсюду откликался на его призывъ. Къ счастью, онъ былъ пойманъ и казненъ. Фактъ этотъ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что ихэтуаньцы не обладаютъ чарами, которыя могли бы дѣлать ихъ неуязвимыми. Въ прошломъ году я разспрашивалъ генерала Чэнъ-вэнь-бина, который разсказалъ мнѣ слѣдующій фактъ: „Въ 1895 году, когда я стоялъ съ моимъ отрядомъ въ окрестностяхъ столицы, здѣсь встрѣтилось мнѣ 40—50 шань-дунскихъ ихэтуаньцевъ, изъявившихъ охоту поступить въ ряды моего отряда; я подвергъ ихъ искусство испытанію посредствомъ ружья и меча, и тотчасъ же показалась кровь, и испытуемые оказались убитыми“. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти чары ихъ совершенно не заслуживаютъ довѣрія. Между тѣмъ главарь ихъ привлекъ массу приверженцевъ и давно питаетъ мятежные замыслы, безумно называя себя потомкомъ Миновъ, мутитъ народъ. Это является новымъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что ихэтуанизмъ—зловредная секта, и послѣдователи ея—мятежники. Когда, 3-го декабря прошлаго года, я имѣлъ счастье представляться вашимъ величествамъ, тогда, по поводу безпорядковъ, производимыхъ ихэтуаньцами подъ предлогомъ вражды къ христіанамъ, я лично докладывалъ вамъ, что это—зловредная секта, начинающая мятежъ, и что къ подавленію ея заблаговремено должны быть приняты мѣры. Вслѣдъ за этимъ шань-дунскій губернаторъ Юань-ши-кай приложилъ дѣйствительныя старанія къ прекращенію вредной дѣятельности этой секты, истребивъ болѣе десяти шаекъ, и Шань-дунъ успокоился. Вначалѣ ученый классъ, увлекшись ошибочною вѣрою, порицалъ шань-дунскаго губернатора, говоря, что онъ не долженъ былъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Говорившіе такъ, дѣйствительно, были неучи и невѣжды, принимавшіе превратное ученіе за истинное; но въ послѣднее время и они соглашаются, что губернаторъ поступилъ правильно. Зимою прошлаго года я, вслѣдствіе статьи Лао-най-сюаня, предложилъ членамъ иностранной коллегіи представить докладъ, испрашивая въ немъ высочайшаго повелѣнія шань-дунскому губернатору объ

уничтоженіи мятежниковъ, но, въ виду того, что принятыя губернаторомъ мѣры уже оказали свое дѣйствіе, докладъ этотъ не былъ представленъ.

„Но, сверхъ чаянія, только-что Шань-дунская провинція успокоилась, какъ ихэтуаньцы проникли въ Чжилійскую провинцію. Генералъ-губернаторъ безучастно смотрѣлъ и медлилъ; взлелѣялъ язву, причинилъ зло допущеніемъ распространенія ихэтуанизма. Что на первыхъ порахъ онъ плохо вникъ въ дѣло,— это его вина, отъ которой ему трудно отказаться. Когда же въ уѣздѣ Лай-шуй ихэтуаньцами былъ убитъ командиръ китайскаго отряда, генералъ-губернаторъ увидѣлъ, что эти сектанты, прикрываясь враждою къ христіанскимъ прозелитамъ, ясно показали себя своею мятежнической дѣятельностью,—и тогда только представилъ по телеграфу докладъ, съ просьбою приступить къ истребленію мятежниковъ. Но мнѣнія центральнаго правительства и провинціальныхъ властей разошлись. Явились медленность и нерѣшительность. Ихэтуаньцы не только овладѣли И-чжоу, но мятежъ распространился на Юнъ-цинъ и Ба-Чжоу. Безнаказанность за убійство офицера въ Лай-шуй еще болѣе придала храбрости мятежникамъ, которые, вслѣдъ за этимъ, сожгли и разрушили бао-динъ-фускую и тянь-цзинь-пекинскую желѣзныя дороги и желѣзнодорожный телеграфъ отъ Пекина до Тяньцзиня и далѣе—до Калгана. Всѣ эти сооруженія были произведены на казенныя средства и на суммы, заимствованныя у иностранцевъ. И это имущество, стоившее нѣсколько милліоновъ, въ одинъ день было предано огню и разрушенію. Это заслуживаетъ глубокаго сожалѣнія. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ сотняхъ мѣстъ сожжены христіанскіе храмы и избиты христіане. Удовлетвореніе за все это также обойдется не мало. Положимъ, что между христіанами и язычниками существуетъ вражда, обратившаяся въ ненависть; но мѣстныя власти, воспринявъ государственные законы, конечно, имѣютъ средства къ безпристрастному рѣшенію тяжебныхъ дѣлъ; имъ стоитъ только руководствоваться правотою или кривдою самаго дѣла, не различая язычниковъ и христіанъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускать негодяевъ до самосуда. Между тѣмъ, мы видимъ, что съ 30 и 31 мая эти негодяи осмѣлились тайно проникнуть въ столицу, разбойничать въ ней, жечь и разрушать христіанскіе храмы, осаждать посольства, повсюду предаваться всякимъ неистовствамъ, поджигать и убивать и приводить въ трепетъ дворецъ. Положительно, это—преступленіе великое и зло крайнее, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть прощены. 3 іюня за Цянь-мыньскими воротами, въ тор-

говомъ городѣ, они предали огню болѣе тысячи домовъ; всѣ собранныя тамъ сокровища были сожжены и разграблены до-чиста; жители переселились въ другія мѣста; купцы закрыли лавки и совершенно прекратили торговлю; всѣ переводы и выдачи также сдѣлались невозможными; Пекинъ принялъ видъ крайняго застоя. Давъ мятежникамъ волю безчинствовать, жечь, убивать и неистово кричать, мы дѣйствительно служимъ посмѣшищемъ и позоромъ для сосѣднихъ державъ. Всѣ иностранные представители, въ виду враждебнаго настроенія мятежниковъ къ христіанамъ, опасаясь сдѣлаться жертвами ихъ злодѣйства, вынуждены сами охранять себя. Въ настоящее время у нихъ всего только четыреста слишкомъ человѣкъ, которые охраняютъ ихъ жизнь. Это—дѣйствительная правда. 30-го числа, когда членъ государственнаго совѣта, вмѣстѣ съ другими сановниками, отъ лица императрицы освѣдомлялся о здоровьѣ иностранныхъ представителей и ихъ женъ, то они, бывъ глубоко тронуты вниманіемъ вашего величества, заявили, что они вызываютъ войска для охраны посольствъ и защиты жизни и никоимъ образомъ не будутъ мѣшаться во внутреннія дѣла китайскаго правительства, и что, по усмиреніи мятежниковъ и возстановленіи спокойствія, они немедленно бубутъ выведены. Они въ этомъ клялись, и заявленія ихъ положительно неложны.

„Для насъ въ настоящее время единственнымъ средствомъ является прежде всего очищеніе внутренняго города отъ мятежниковъ, съ цѣлью умиротворить населеніе и успокоить иностранцевъ, чѣмъ только и можно удержать вновь вызванныя ими войска. Ясное дѣло, что только при непремѣнномъ условіи истребленія мятежниковъ самимъ Китаемъ можно избавиться отъ содѣйствія иностранныхъ войскъ въ подавленіи мятежа.

„По моему скромному мнѣнію, въ военномъ дѣлѣ самое опасное, это—многоначаліе. Въ случаѣ разногласія во мнѣніяхъ, при отсутствіи единовластія, является взаимное безучастіе, а отсюда и упущеніе случая. Въ настоящее время были изданы строгіе указы, предписывающіе жандармеріи, среднему отряду У-вэй, совмѣстно съ гвардейскими (?) войсками, принимать строгія мѣры къ поимкѣ главарей и немедленному разсѣянію ставшихъ въ ряды мятежниковъ по принужденію, а также разрушить всѣ алтари [1]), устроенные ими въ маньчжурскомъ и китайскомъ городѣ. Несмотря на это, войска бездѣйствовали, а мятежники продолжали

[1]) На алтарѣ у ихэтуаньцевъ ставилась дощечка съ надписью: „Хунъ-цзюнь-лао-цзу“, то-есть: творецъ, небо,—предъ которой возжигались свѣчи съ колѣнопреклоненіемъ.

безобразничать по прежнему. Составленныя, по высочайшему повелѣнію, жандармеріею, столичнымъ областнымъ управленіемъ и городскою полиціей правила положительно остались мертвою буквою, и никто и никогда не заботился объ ихъ исполненіи. Причиною этого—отсутствіе единовластія. Чѣмъ долѣе скопища ихэтуаньцевъ останутся, тѣмъ болѣе они будутъ посѣвать смуты, и дѣло окончится громаднымъ переворотомъ. Припадая, умоляю ваше величество воспылать гнѣвомъ и благоговѣйно приступить къ небесной карѣ ихъ для того, чтобы доставить спокойствіе вашимъ царственнымъ предкамъ и тишину миріадамъ вашихъ подданныхъ. Возложите спеціально на канцлера Жунъ-лу дѣло истребленія и умиротворенія мятежниковъ, съ предоставленіемъ ему полной свободы дѣйствія. Пусть онъ сначала очиститъ внутренній (маньчжурскій) городъ, немедленно издавъ, по высочайшему повелѣнію, во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее объявленіе: „Всякаго мятежника, съ красною повязкою на головѣ и подпоясаннаго краснымъ кушакомъ, вооруженнаго саблею и совершающаго поджогъ или убійство, дозволяется безнаказанно убивать". Вмѣстѣ съ этимъ, пусть будетъ вывѣшено росписаніе съ обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ, а именно: за поимку и доставленіе главы мятежниковъ, называемаго „почтеннымъ основателемъ ученія" или „великимъ наставникомъ-братцемъ", выдается въ награду 20.000 ланъ съ немедленнымъ повышеніемъ въ чинахъ не по градаціи; за взятіе въ плѣнъ и отрубленіе головы старшинѣ круга—500 ланъ, а за остальныхъ мятежниковъ за каждую голову—по 100 ланъ, съ заявленіемъ о своемъ имени въ ожиданіи высочайшей награды. Канцлеръ Жунъ-лу, какъ важный государственный сановникъ, долженъ служить сдерживающимъ началомъ, а не обременять себя мелкими вопросами, для которыхъ въ помощь ему должны быть назначены дѣльные люди. Такими помощниками, по моему скромному мнѣнію, могли бы быть секретарь у-вэйскаго отряда, даотай Пань-Цзэнъ-сянъ, извѣстный своею смѣтливостью, оберъ-секретарь сената Гуй-чунь [1]), человѣкъ преданный, мужественный, разумный и рѣшительный, прокуроръ Хуанъ Гуй-цзюнь, извѣстный своею честностью и пониманіемъ дѣла, и столичный областной начальникъ Чэнь-Куй-лунъ, человѣкъ усердный къ службѣ. Затѣмъ изъ у-вэйскаго средняго отряда слѣдуетъ выбрать дѣльныхъ офицеровъ и лучшихъ солдатъ, съ раздѣленіемъ на нѣсколько командъ; если ко-

---

[1]) Членъ иностранной коллегіи, получившій-было назначеніе на постъ посланника въ Петербургѣ, говорятъ, симпатизировавшій ихэтуаньцамъ.

мандиры будутъ дѣльные люди, то 300 человѣкъ вполнѣ будетъ достаточно для каждой команды. Послѣ этого испросить указъ о закрытіи на время трехъ южныхъ воротъ, строго преслѣдовать бродячій людъ, дозволяя выходить изъ города, но не входить въ него, и тогда приняться повсюду за розыскъ мятежниковъ, вмѣнивъ въ обязанность совершенно очистить отъ нихъ всѣ заброшенныя капища и кумирни. Приказать жандармскому управленію и министерству уголовныхъ дѣлъ командировать способныхъ чиновниковъ, размѣстить ихъ по разнымъ судебнымъ участкамъ съ тѣмъ, чтобы они, по произведеніи краткаго допроса пойманнымъ мятежникамъ, входили съ докладомъ къ главнокомандующему о преданіи ихъ немедленно смертной казни на мѣстѣ; остальныхъ разсѣять, выгнать изъ Пекина и препроводить на родину. Намъ могутъ сказать, что этихъ мятежниковъ много, и нельзя ихъ истребить. Но эти господа не знаютъ, что только главари мятежниковъ начинаютъ смуты, а остальные—большею частью невѣжественные деревенскіе мужики, между которыми есть юноши и взрослые. Другіе могутъ намъ сказать, что ихэтуаньцы обладаютъ волшебною силою. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что предводитель „желтыхъ колпаковъ", Чжанъцзіо [1]) и другой мятежникъ конца Юаньской династіи (половины XIV в.), Пань-гуань, оба обладали волшебнымъ искусствомъ, но, въ концѣ концовъ, все-таки были взяты въ плѣнъ и казнены. Всѣ эти негодяи днемъ скрываются, а ночью дѣйствуютъ, увѣряя, что они призываютъ духовъ; все это ограничивается кабалистикою, заклинаніями, спиритизмомъ, употребленіемъ злыхъ духовъ въ качествѣ служебныхъ силъ и т. п. темными искусствами. Стоитъ только этимъ людямъ встрѣтиться съ предметами, соединяющими въ себѣ свѣтъ и звукъ, какъ высшее проявленіе свѣтовой энергіи,—напримѣръ, съ ружьями и пушками,—какъ они немедленно убиваютъ ихъ. Если эти мятежники обладаютъ искусствомъ уклоняться отъ ружей и пушекъ, то какимъ образомъ 30 и 31 мая, при многократныхъ нападеніяхъ ихъ на иностранныя посольства, каждый залпъ иностранныхъ солдатъ клалъ ихъ на мѣстѣ по нѣскольку человѣкъ? Вчера въ переулкѣ Шуай-фу они уложили болѣе 40 ихэтуаньцевъ и до основанія разрушили ихъ алтарь. Въ числѣ многомилліоннаго столичнаго населенія, облагодѣтельствованнаго вашими щедротами, въ сущности нѣтъ ни одного бунтовщика; такими являются только нѣсколько главныхъ коно-

[1]) Мятежникъ конца Ханьской династіи, чарами, наговорами и шарлатанствомъ привлекшій къ себѣ массу народа, поднявшій въ 184 году знамя возстанія, овладѣвшій сѣвернымъ Китаемъ и, въ концѣ концовъ, казненный.

водовъ ихэтуаньцевъ. Коль скоро они будутъ пойманы и казнены, людскія сердца содрогнутся предъ закономъ, мятежники падутъ духомъ и народные умы сами собою совершенно успокоятся. Въ истребленіи и разсѣяніи мятежниковъ также должна принять участіе вся городская полиція, обученная милиція и пожарныя команды.

„Съ очищеніемъ отъ мятежниковъ внутренняго маньчжурскаго города, иностранныя посольства, по милости вашихъ величествъ, бывъ защищены, будутъ глубоко признательны за возвращеніе имъ жизни, и прибытіе новыхъ иностранныхъ отрядовъ, конечно, можетъ быть задержано. Даже, еслибы они прибыли, ихъ можно будетъ удалить, заявивъ, что, съ очищеніемъ города отъ мятежниковъ, въ защитѣ ими иностранныхъ посольствъ нѣтъ надобности.

„Однимъ словомъ, согласно Чжоу'скому обряднику [1]), для умиротворенія государства, объятаго мятежемъ, слѣдуетъ употреблять суровыя наказанія (казни).

„Колебаніе въ этомъ случаѣ невозможно. Если же мы будемъ медлить истребленіемъ ихъ, то и тѣ изъ нихъ, которые смирились, выйдутъ изъ повиновенія; въ то же время и всѣ иностранныя державы, подъ вліяніемъ глубокаго негодованія, поднимутся для отмщенія. Это поведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ. Вмѣсто того, чтобы чужеземнымъ войскамъ мѣшаться въ истребленіе мятежниковъ,—непремѣннымъ послѣдствіемъ чего будетъ столкновеніе иностранныхъ войскъ съ мятежными кулачниками, столица обагрится кровью, безчисленное множество мирныхъ гражданъ будетъ погублено и все придетъ въ состояніе непоправимаго разложенія,—не лучше ли намъ самимъ заняться истребленіемъ ихъ? Это можно поставить иностранцамъ на видъ, чтобы лишить ихъ повода къ разговорамъ, и тѣмъ спасти общій интересъ. Династія останется спокойною и народъ будетъ весьма счастливъ.

„Канцлеръ Жунъ-лу—человѣкъ, преданный интересамъ государства. Если онъ будетъ назначенъ спеціальнымъ указомъ, то, при сосредоточеніи обязанностей въ одномъ лицѣ, успѣхъ будетъ скорый. Что же касается международныхъ затрудненій, то и они, сообразно съ обстоятельствами, могутъ быть разрѣшены должнымъ образомъ".

---

[1]) Составленъ Чжоу-гуномъ, дядею и регентомъ китайскаго князя Чэнъ-вана, въ XII ст. до Р. Хр.

ЕЩЕ О СТАРОСТИ

Какъ часто жизнь любовно манитъ
И шепчетъ мнѣ:—ты мой пока;
И юной ласкою туманитъ
Пытливый разумъ старика!

О, какъ я суетно и праздно
Влачу сочтенные мнѣ дни,
Среди манящаго соблазна
И стерегущей западни!

Межъ тѣмъ ужъ то едваль не чудо,
Когда путь жизни позади,
Что сердце ветхое покуда
Еще работаетъ въ груди.

Приди же, время покаянья;
Приди, досугъ для долгихъ думъ;
И не мѣшай, житейскій шумъ,
Мнѣ погружаться въ созерцанья!

Алексѣй Жемчужниковъ.

10 февраля 1901 г.

БОРЬБА

ЗА

ЕДИНСТВО ВѢРЫ

ВЪ IV-МЪ ВѢКѢ.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ ЕРЕСЬЮ *).

I.

Личныя усилія Августина въ борьбѣ за единство вѣры составляютъ ея идеальный моментъ; мотивъ этихъ усилій былъ идеальный—глубокая вѣра, и идеальны были средства, къ которымъ прибѣгалъ Августинъ въ этой борьбѣ. Но уже при изображеніи этихъ личныхъ усилій намъ пришлось указывать на средства совершенно иного рода, примѣнявшіяся современнымъ Августину римскимъ государствомъ для той же цѣли.

Въ римскомъ государствѣ искони существовали самыя тѣсныя отношенія между религіей и политикой. Недаромъ древнѣйшая римская надпись, недавно открытая на римскомъ форумѣ и вызвавшая столько различныхъ толкованій, является свидѣтельствомъ такихъ отношеній. Въ ней упоминается о царѣ, а ея содержаніе касается жертвоприношенія или жреческаго закона. На самомъ дѣлѣ древніе цари Рима были и верховными жрецами. Когда царская власть была замѣнена консульской, римляне

*) См. выше: февр., стр. 537.

сохранили должность „царя-жертвователя“ для боговъ; это было до извѣстной степени первое раздѣленіе духовной и свѣтской власти, но съ подчиненіемъ первой—второй. Съ возвышеніемъ плебеевъ, патриціанская должность „царя-жертвователя“ стала терять свое значеніе, и главенство духовное перешло къ общесословной должности „верховнаго понтифекса“. При основаніи имперіи, ея учредитель, Августъ, позаботился о томъ, чтобы принять на себя званіе верховнаго понтифекса, т.-е. снова слить въ одномъ лицѣ высшую государственную и духовную власть въ Римѣ.

Традиція римской языческой имперіи перешла къ христіанскимъ императорамъ. Но, конечно, положеніе ихъ въ религіозныхъ вопросахъ было иное, чѣмъ при язычествѣ. На ряду съ имперіей стала церковь, получившая въ IV-мъ вѣкѣ свою вселенскую организацію, и съ тѣхъ поръ судьба всѣхъ религіозныхъ вопросовъ, возникавшихъ среди христіанъ, разрѣшалась подъ двойнымъ вліяніемъ церкви и государства.

Такъ было и съ донатизмомъ. Мы видѣли, что воздѣйствіе на него со стороны императорской власти началось съ самаго его возникновенія. Со стороны же церковной власти это воздѣйствіе было очень слабое. Объясняется это тѣмъ, что вниманіе вселенской церкви было отвлечено гораздо болѣе важнымъ и тревожнымъ вопросомъ—аріанствомъ. Кромѣ того, донатизмъ долгое время не былъ ересью, а только мѣстной схизмой, мало извѣстной на востокѣ. Мѣстная же, африканская церковь, пришедшая въ разстройство отъ донатизма, была слишкомъ слаба, чтобы вести систематическую борьбу со своимъ соперникомъ. Но въ послѣдніе годы IV-го вѣка это положеніе дѣла измѣнилось,—въ значительной степени подъ вліяніемъ Августина: въ борьбу съ донатистами вступаетъ новая сила—церковные соборы африканской провинціи.

Въ 391 году карѳагенскій православный престолъ занялъ архіепископъ Аврелій, съумѣвшій пріобрѣсти уваженіе и авторитетъ во всѣхъ африканскихъ провинціяхъ. Онъ поднялъ духъ африканскаго духовенства и, чтобы объединить его въ борьбѣ съ ересью и повести его по пути реформъ, созвалъ его въ 393 году на областной соборъ въ Гиппонѣ. По просьбѣ епископовъ, бывшій тогда пресвитеромъ Августинъ произнесъ на соборѣ свое поученіе о „вѣрѣ и символѣ“. Гиппонскій соборъ установилъ цѣлый рядъ каноновъ, касавшихся управленія церковью, обрядовъ и въ особенности жизни духовенства. Важнѣйшимъ изъ нихъ было постановленіе созывать ежегодно соборъ изъ пред-

ставителей отъ каждой провинціи—одной триполитанской провинціи было предоставлено право, ради бѣдности епископовъ, присылать лишь одного.

Съ тѣхъ поръ почти ежегодно сталъ собираться въ Африкѣ соборъ, большею частью въ самомъ Карѳагенѣ; уже на соборѣ 397 года мы встрѣчаемъ въ числѣ подписавшихъ протоколъ епископовъ и Августина, усилія котораго, направленныя къ объединенію церкви, нашли себѣ теперь болѣе широкое примѣненіе. Одной изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, обсуждавшейся на соборѣ 397 года и принятой въ 401 году, вѣроятно, подъ вліяніемъ Августина, было постановленіе по вопросу, сохранять ли за духовными лицами изъ донатистовъ, въ случаѣ ихъ возсоединенія съ церковью, ихъ прежній санъ. При многочисленности и вліяніи донатистскаго духовенства, лишеніе ихъ епископовъ и священниковъ сана при возсоединеніи, должно было служить весьма существеннымъ препятствіемъ къ умиротворенію христіанской Африки. А между тѣмъ, еще незадолго передъ этимъ, на капуанскомъ соборѣ въ Италіи было постановлено принимать еретиковъ духовнаго званія лишь въ качествѣ мірянъ. Однако, прежняя традиція была въ этомъ отношеніи снисходительнѣе къ донатистамъ. Въ началѣ схизмы, когда весь споръ сводился лишь къ тому, признавать ли самого Маіорина и посвященныхъ имъ лицъ правильно поставленными, даже римскій епископъ Мельхіадъ признавалъ возможнымъ сохранять за донатистскими епископами ихъ санъ православной церкви. Къ тому же во время Августина со стороны православныхъ въ Африкѣ ощущался большой недостатокъ въ духовныхъ лицахъ—даже въ діаконахъ, хотя бы и безграмотныхъ,—и архіепископъ Аврелій бывалъ часто въ большомъ затрудненіи, когда изъ провинцій къ нему обращались съ просьбой прислать священника. Въ виду этого карѳагенскій соборъ отправилъ посольства въ Римъ и Миланъ, чтобы получить согласіе тамошнихъ епископовъ на льготы, которыя имѣлось въ виду предоставить донатистскимъ епископамъ и священникамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они возсоединялись со всей своей общиной, или если они не производили вторичнаго крещенія.

Облегчивъ такимъ образомъ донатистамъ возвращеніе въ церковь, соборъ 401 года постановилъ обратиться посредствомъ депутацій ко всѣмъ донатистскимъ общинамъ, епископамъ, и доказать имъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, что ихъ расколъ не имѣлъ болѣе серьезнаго основанія, чѣмъ отдѣленіе отъ нихъ максиміанистовъ, ими за это такъ сильно осуждаемыхъ;

и второе, что если они, „ради мира“, считаютъ возможнымъ принимать въ свою среду максиміанистовъ, „не оскверняя этимъ себя“,—то они не имѣютъ основанія укорять вселенскую церковь за то, что она терпѣла въ своей средѣ людей, хотя и обвиненныхъ, но не уличенныхъ въ предательствѣ. За этимъ обращеніемъ, въ которомъ слышится уже знакомая намъ аргументація Августина, послѣдовала болѣе рѣшительная мѣра на соборѣ 403 года, гдѣ было единогласно постановлено, чтобы каждый изъ каѳолическихъ епископовъ устроилъ въ своей епархіи собесѣдованіе съ донатистами при содѣйствіи муниципальныхъ или государственныхъ властей, къ которымъ съ этой цѣлью соборъ и обратился съ просьбой о посредничествѣ между православными и донатистами. Эта организація повсемѣстныхъ оффиціальныхъ собесѣдованій была осуществленіемъ завѣтнаго желанія Августина, пламенно вѣровавшаго въ могучую силу слова и истины. Но такой разсчетъ и на этотъ разъ оказался ошибочнымъ уже потому, что планъ такихъ повсемѣстныхъ себесѣдованій не могъ встрѣтить сочувствія со стороны донатистовъ. Не говоря о томъ, что въ ихъ средѣ было мало образованныхъ и ученыхъ людей, и что посредничество властей внушало имъ подозрѣніе,—самый ихъ расколъ обусловливался извѣстнымъ провинціальнымъ и національнымъ *сепаратизмомъ*, который не поддавался богословскимъ доводамъ. При такомъ настроеніи задуманная соборомъ мѣра не могла привести къ желанной цѣли. Хотя текстъ обращенія былъ составленъ въ примирительномъ тонѣ,—къ донатистамъ были, между прочимъ, примѣнены слова пророка: „*вы наши братья*“,—отвѣтъ донатистовъ былъ очень рѣзокъ. Ихъ глава, карѳагенскій епископъ Приміанъ, въ оффиціальномъ сообщеніи властямъ заявилъ, что „сыновьямъ мучениковъ не приличествуетъ собираться вмѣстѣ съ исчадіемъ предателей“, и разослалъ окружное посланіе къ другимъ епископамъ, воспрещавшее имъ вступать въ переговоры съ ихъ каѳолическими товарищами. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какой оборотъ приняло дѣло въ цѣлой Африкѣ, но то, что дошло до насъ изъ мѣстъ ближайшихъ къ Августину, даетъ поводъ думать, что попытка собора не привела ни къ чему. Когда самъ Августинъ обратился съ упомянутымъ предложеніемъ къ своему собрату въ Гиппонѣ, Прокулеянъ отвѣтилъ, что донатисты имѣютъ намѣреніе созвать свой соборъ и тамъ обсудить, какой дать отвѣтъ. Соборъ состоялся и постановилъ — не давать никакого отвѣта. Послѣ вторичнаго обращенія Августина, Прокулеянъ, однако, сообщилъ ему о рѣшеніи донатистовъ. Но

гораздо хуже дѣло обошлось въ сосѣдней Каламѣ, каѳолическимъ епископомъ которой былъ Поссидій, ученикъ и впослѣдствіи біографъ Августина. На приглашеніе Поссидія извѣстный уже намъ епископъ Криспинъ отвѣтилъ сначала, какъ и Прокулеянъ, что ожидаетъ рѣшенія донатистскаго собора, а затѣмъ ссылкой на ветхозавѣтный текстъ: „Оставьте меня, безбожники", и т. д. Когда же послѣ этого Поссидій отправился въ сосѣднее мѣстечко, донатисты, подъ предводительствомъ пресвитера Криспина, устроили ему засаду. Предупрежденный объ этомъ, Поссидій свернулъ съ дороги и нашелъ убѣжище въ одномъ крестьянскомъ дворѣ. Но Криспинъ настигъ его здѣсь, и бывшая съ нимъ толпа окружила домъ, бросала камни и пыталась его поджечь. Три раза мѣстнымъ крестьянамъ удавалось затушить огонь, но, наконецъ, нападавшіе ворвались во дворъ—причемъ Криспинъ самъ выломалъ двери—перебили скотину, находившуюся внизу, проникли въ верхнее жилье, выбросили оттуда епископа и стали его бить, пока Криспинъ, наконецъ, самъ не остановилъ ихъ.

По жалобѣ потерпѣвшихъ, городскія власти обратились къ епископу Каламы, Криспину, съ требованіемъ наказать виновнаго, такъ какъ пресвитеръ былъ подсуденъ лишь суду епископа. Но Криспинъ съ глумленіемъ отвергъ требованіе. Тогда городской попечитель обратился къ властямъ съ жалобой на самого епископа Криспина, который и былъ приговоренъ къ уплатѣ пени въ 10 ф. золота, на основаніи закона Ѳеодосія I. Криспинъ подалъ на это намѣстнику Нумидіи протестъ, основанный на томъ, что законъ Ѳеодосія направленъ противъ еретиковъ, а не противъ донатистовъ. Такимъ образомъ процессъ перешелъ снова на церковную почву. Свѣтская власть признала себя некомпетентной установить, примѣнимо ли къ Криспину наименованіе еретика, и обязанность доказать это была возложена на истца, Поссидія. Августину по этому случаю удалось трижды устроить собесѣдованіе между обоими епископами, на которомъ Криспинъ былъ обличенъ въ ереси. Въ силу этого на него была возложена пеня, но, по ходатайству Поссидія, не взыскана. Криспинъ, однако, не успокоился на этомъ. Для него было важно принципіальное рѣшеніе вопроса, примѣнимъ ли къ донатистамъ законъ о еретикахъ, и съ этой цѣлью онъ апеллировалъ къ императорскому двору. Рѣшеніе высшей инстанціи было неблагопріятно для него. Пеня была возложена не только на него, но и на городского судью и на все судебное присутствіе,—однако, по ходатайству епископовъ, и въ особенности Августина, была сложена. Упрямое и, нужно прибавить, оскорбительное противодѣйствіе дона-

тистовъ всякому полюбовному обсужденію спорныхъ вопросовъ, имѣло для нихъ роковыя послѣдствія, побудивъ слѣдующій карѳагенскій соборъ измѣнить свой образъ дѣйствія. До сихъ поръ каѳолическая церковь въ Африкѣ въ своихъ сношеніяхъ съ донатистами не сходила съ церковной почвы. Если соборъ 403 года и обратился за содѣйствіемъ къ властямъ, то при этомъ имѣлось въ виду лишь посредничество ихъ и содѣйствіе въ переговорахъ съ донатистами. На соборъ же 404 года многіе епископы прибыли раздраженные и озлобленные противъ донатистовъ; на успѣхъ мирныхъ переговоровъ, очевидно, уже нельзя было разсчитывать; оставалось лишь одно—*принужденіе* съ помощью свѣтской власти. Наступила знаменательная минута для африканскаго духовенства. Благодаря присутствовавшему на соборѣ Августину, она освѣщена яркимъ свѣтомъ исторіи. На соборѣ проявились два мнѣнія: епископы пожилые, принимая въ соображеніе, что многіе города, гдѣ господствуетъ истинная вѣра, были обращены въ нее указами прежнихъ императоровъ,—всѣмъ еще было памятно, какъ быстро Ѳеодосій I превратилъ аріанскій Константинополь въ православный,—совѣтовали и въ этомъ случаѣ обратиться къ сыновьямъ и преемникамъ этого императора съ просьбой запретить донатизмъ. Противъ этого высказалась другая часть епископовъ, во главѣ которой стоялъ Августинъ. Онъ былъ того мнѣнія, „что никого не слѣдуетъ принуждать къ единенію съ Христомъ: словомъ надо дѣйствовать, преніями—склонять, вразумленіемъ—побѣждать, чтобы явные еретики не стали притворными православными“. Въ виду этого онъ настаивалъ на другомъ. Онъ заявлялъ, что хотя ярость донатистовъ повсюду свирѣпствуетъ,—не слѣдуетъ просить императора, чтобы онъ „приказалъ не быть ереси“, наложивъ кару на тѣхъ, кто захотѣлъ бы въ ней пребывать, но издалъ бы законъ для огражденія тѣхъ, кто сталъ бы проповѣдовать каѳолическую истину. Для такого огражденія Августинъ считалъ достаточнымъ непосредственное примѣненіе къ донатистамъ закона Ѳеодосія противъ *еретиковъ*, каравшаго всякаго ихъ епископа и пресвитера, гдѣ бы онъ ни находился, пеней въ 10 ф. золота,—однако, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы этотъ законъ распространялся лишь на тѣхъ, въ приходѣ или епархіи которыхъ церковь подверглась бы какимъ-либо насиліямъ со стороны донатистскаго духовенства, циркумцелліоновъ или населенія; но и этой пенѣ епископы и прочіе клерики должны были подвергаться властями лишь въ случаѣ непосредственнаго заявленія объ этомъ со стороны потерпѣвшихъ каѳоликовъ. Августинъ полагалъ, что

устрашенные такою отвѣтственностью вожди донатистовъ не допустятъ насилій, и тогда будетъ возможна свободная проповѣдь истины, такъ чтобы никто не былъ къ ней принуждаемъ, а всякій могъ бы послѣдовать за ней по своей волѣ и безъ страха. Мнѣніе Августина взяло верхъ, и соборъ отправилъ къ императору Гонорію депутацію изъ двухъ епископовъ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ. Эта точка зрѣнія на роль церкви и государства въ борьбѣ съ ересью, усвоенная соборомъ подъ вліяніемъ Августина, представляетъ знаменательный моментъ въ исторіи принужденія въ дѣлахъ вѣры. Въ лицѣ карѳагенскаго собора церковь требовала отъ государства лишь огражденія свободной проповѣди посредствомъ карательныхъ законовъ за насиліе,—силою своей проповѣди церковь бралась покорить ересь.

Но событія пошли быстрѣе, чѣмъ ожидали члены собора. Прежде чѣмъ ихъ послы, заѣзжавшіе въ Римъ, прибыли въ Равенну, при императорскомъ дворѣ были приняты мѣры, опередившія ходатайство епископовъ. Случилось это отъ того, что ко двору стали поступать съ разныхъ сторонъ жалобы на насилія донатистовъ. Въ Тубурзикубурѣ, напр., каѳолическій епископъ сталъ искать судебнымъ порядкомъ какой-то подгородный участокъ, захваченный у церкви донатистами. Въ то время, какъ стряпчіе обѣихъ сторонъ ожидали разслѣдованія дѣла проконсуломъ, вооруженная толпа донатистовъ напала въ городѣ на епископа, который едва ушелъ отъ нея. Это нападеніе такъ встревожило отца епископа, стараго пресвитера, что онъ, нѣсколько дней спустя, отдалъ Богу душу. Еще болѣе возмутило всѣхъ дѣло Максиміана, каѳолическаго епископа въ городѣ Багаи, этой твердынѣ донатизма. И этотъ епископъ искалъ судебнымъ порядкомъ церковь въ одномъ помѣстьѣ, которую донатисты „когда-то незаконно себѣ присвоили“, и выигралъ дѣло. Когда онъ воспользовался своимъ правомъ, озлобленные донатисты напали на него въ этой самой церкви; Максиміанъ искалъ убѣжища подъ алтаремъ, но донатисты разбили надъ нимъ алтарь и стали бить епископа обломками камня, палками и чѣмъ попало; ему нанесли рану кинжаломъ, и онъ сталъ истекать кровью, когда его повлекли по землѣ вонъ изъ церкви, причемъ приставшая къ ранѣ земля остановила кровь. Донатисты оставили замертво Максиміана, но когда кучка каѳоликовъ приблизилась съ псалмопѣніемъ къ тѣлу, чтобы его поднять, донатисты, которыхъ было очень много, отбили его. Они втащили Максиміана на какую-то башню и ночью, считая его мертвымъ, сбросили оттуда на навозную кучу. Проходившій мимо и случайно остановившійся у башни житель

увидалъ тѣло и подозвалъ свою жену, ожидавшую его поодаль съ фонаремъ. Они узнали епископа и понесли его домой, чтобы привести его къ жизни, если возможно, или передать его тѣло каѳоликамъ. Внимательный уходъ спасъ Максиміана, но вѣсть о его насильственной смерти долетѣла за море; а когда онъ самъ явился туда живой, то видъ его многочисленныхъ ранъ убѣждалъ всякаго, что молва о его убіеніи не была пустою выдумкой. Страстный разсказъ Августина объ участіи багайскаго епископа, дошедшій до насъ въ двухъ видахъ, возсоздаетъ предъ нами въ реалистической окраскѣ религіозную борьбу въ римской Африкѣ. Мы видимъ, что каѳолики и тамъ, гдѣ они составляли незначительное меньшинство, какъ въ Багаи, старались съ помощью судебныхъ властей возвратить себѣ церкви и церковныя имущества, принадлежавшія отпавшимъ донатистамъ. Послѣдніе же, не признавая себя схизматиками, считали себя, конечно, въ правѣ владѣть выстроенными ими, или ихъ предками, церквами и видѣли во всякомъ отчужденіи у нихъ святыни невыносимое насиліе, доводившее этихъ сыновъ Африки до изступленія и изувѣрства. А такія выходки еще болѣе усиливали со стороны императорскаго правительства желаніе установить единство вѣры. Политическія обстоятельства, въ особенности могущество Гильдона, долго мѣшали римскому правительству прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Наконецъ, *рубцы* епископа багайскаго, по выраженію Августина, побудили совѣтниковъ императора Гонорія разрубить мечомъ завязавшійся въ африканской церкви узелъ.

II.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь прослѣдить шагъ за шагомъ законодательную дѣятельность римскаго правительства, направленную противъ донатистовъ. Текстъ законовъ, присланныхъ въ Африку, по словамъ Августина, по поводу багайскаго дѣла, намъ неизвѣстенъ, но въ теодозіанскомъ кодексѣ сохранилось нѣсколько законоположеній, относящихся къ донатистамъ и помѣченныхъ 12-мъ февраля 405 года. Въ виду замѣчанія Августина, что упоминаемые имъ законы были изданы до прибытія ко двору Гонорія депутаціи отъ каѳагенскаго собора,—а этотъ соборъ происходилъ уже въ іюнѣ 404 года,—трудно допустить, чтобы февральскіе законы были тождественны съ законами, о которыхъ идетъ рѣчь у Августина. Но какъ бы то ни

было, несомнѣнно, что съ 404—5 года правительство Гонорія вступило на путь непосредственнаго преслѣдованія донатистовъ.

Помѣченныя 12-мъ февраля 405 г. законоположенія противъ донатистовъ, попавшія въ теодозіанскій кодексъ, находятся тамъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ и подъ разными титулами. Они составляютъ 4-й параграфъ VI отдѣла XVI книги, озаглавленнаго: „О воспрещеніи повторять св. крещеніе". Если законъ Ѳеодосія Великаго противъ „еретиковъ", къ которымъ, по рескрипту Аркадія и Гонорія, стали впослѣдствіи причислять и донатистовъ, ограничивался наложеніемъ денежной пени въ 10 ф. золота на тѣхъ, кто посвящалъ въ ереси клериковъ, или принималъ посвященіе, то законъ 405 г. прямо начинался съ зловѣщихъ словъ: „Силою этого указа мы намѣрены истребить противниковъ каѳолической вѣры, и потому соизволили новымъ спеціальнымъ закономъ пресѣчь эту секту, которая, чтобы не называться ересью, предпочла названіе схизмы". Предпославъ затѣмъ общее разсужденіе о вредѣ снисходительности, смущающей легковѣрные умы надеждой на безнаказанность, законодатель постановляетъ, чтобы всякій, кто уличенъ въ совершеніи вторичнаго крещенія, былъ привлеченъ къ суду и наказанъ лишеніемъ всего состоянія, дабы испытать нищету; за сыновьями, впрочемъ, сохранялось право ходатайствовать о предоставленіи имъ отцовскаго имущества, если они отрекались отъ отцовскаго нечестія. Далѣе установлялось, чтобы дома и имѣнія, въ которыхъ совершалось такое „святотатство", отбирались въ казну—если владѣльцы присутствовали или давали согласіе на совершеніе обряда; въ противномъ случаѣ подвергались карѣ ихъ арендаторы или управляющіе. Для того, чтобы святотатство не оставалось скрытымъ, разрѣшалось рабамъ, подвергнутымъ перекрещенію, возвратиться къ каѳолической церкви и подъ ея покровительствомъ получить свободу. Всѣ участники въ сектѣ лишались права дѣлать завѣщанія или получать что-либо по завѣщанію. А въ послѣдней статьѣ законъ грозилъ тяжелой денежной пеней, въ 20 ф. золота, всѣмъ правителямъ провинціи, городскимъ попечителямъ и присутственнымъ мѣстамъ, еслибы они оказались виновными въ какомъ-либо попустительствѣ или мирволеніи сектантамъ.

Другой одновременный указъ противъ донатистовъ помѣщенъ въ теодозіанскомъ кодексѣ подъ рубрикой: „О еретикахъ". Онъ гласитъ, какъ погребальный кликъ торжествующаго побѣдителя надъ ниспростертой жертвой. „Да не дерзнетъ никто вспоминать о манихеяхъ и донатистахъ, которые въ особенности, какъ мы узнали, не перестаютъ буйствовать. Да будетъ единая каѳоличе-

ская церковь, единое спасеніе. Если же кто дерзнетъ принять участіе въ запрещенныхъ и беззаконныхъ ересяхъ, то пусть погибнетъ въ сѣтяхъ безчисленныхъ прежнихъ узаконеній, а также недавно изданнаго нашею кротостью закона; если же гдѣ-либо соберется мятежная толпа, то она немедленно должна подлежать строжайшимъ мѣрамъ взысканія".

Какъ видно уже изъ этихъ отрывочныхъ законоположеній, *сѣть* государственныхъ преслѣдованій была на самомъ дѣлѣ затянута надъ донатистами. Имущественное разореніе, изгнаніе, доносы рабовъ, не только грозили за всякій актъ прозелитизма, но лишеніе самыхъ необходимыхъ гражданскихъ правъ стало удѣломъ даже тѣхъ изъ сектантовъ, которые мирно держались вѣры и обрядовъ отцовъ. А такъ какъ строжайшія мѣры взысканія грозили всѣмъ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ за все, что можно было назвать мирволеніемъ еретикамъ, и всякое сборище людей, собравшихся для молитвы, можно было признать „мятежной толпой", то февральскіе законы Гонорія лишали донатистовъ и отечества, и имущества, и вѣры.

Такія суровыя мѣры были приняты не даромъ: многіе донатисты, особенно въ городахъ, подались подъ угрозой государственнаго меча, тѣмъ болѣе, что различіе между донатистами и каѳоликами было основано не столько на догматѣ, сколько на іерархической традиціи. Августинъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ дѣйствіе изданныхъ противъ донатистовъ, въ 405 г., законовъ.

Въ православіе, по словамъ Августина, перешли прежде всего тѣ, которые искали случая для этого, но боялись ярости безумцевъ, или совѣстились оскорбить переходомъ свою родню. Безъ всякаго затрудненія присоединилось къ каѳолической церкви и много такихъ, которые держались ереси лишь по привычкѣ, унаслѣдованной отъ родителей, но никогда не думали и не доискивались, изъ-за чего собственно возникла эта ересь; теперь они обратили на это вниманіе и убѣдились, что въ ней нѣтъ ничего, что оправдывало бы переносимыя изъ-за нея страданія. Житейскія тревоги научили истинѣ тѣхъ, кого безопасность дѣлала невнимательными къ ней. Наконецъ, примѣру и совѣту указанныхъ лицъ послѣдовали многіе сами по себѣ, менѣе способные понять различіе между заблужденіемъ донатистовъ и каѳолической истиной. Такимъ образомъ, когда истинная мать радостно приняла въ свое лоно безконечныя вереницы народа, въ ереси осталась лишь толпа упрямыхъ, съ достойной жалости злобой коснѣвшихъ въ своей заразѣ. Но даже изъ нихъ большинство

притворно присоединилось, а меньшинство успѣло скрыться, благодаря своей малочисленности. Впрочемъ и тѣ, которые притворялись православными, по большей части постепенно исправились подъ вліяніемъ привычки и слыша проповѣдь истины.

Что на самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ закона 405 года, происходили массовыя обращенія донатистовъ, можно заключить изъ одного постановленія карѳагенскаго собора 407 года. Въ прежнее время обращенные донатисты причислялись къ епархіи того епископа, который ихъ возсоединилъ: соборъ же 407 года предписалъ, чтобы приходы, возсоединившіеся съ церковью со времени закона о *единствѣ* вѣры, поступали подъ власть епископа той епархіи, въ предѣлахъ которой они находятся. Это позволяетъ думать, что обращенія совершались массами, и прежняя *премія* за прозелитизмъ оказывалась потому ненужной, и церковь не признавала нужнымъ, какъ прежде ради донатистовъ, нарушать стройность епархіальнаго распредѣленія приходовъ. Изъ постановленій собора 407 года видно также, что послѣ 405 года донатисты иногда переходили въ православіе вмѣстѣ со своими епископами; ибо соборъ предоставлялъ возсоединившимся право сохранить своего епископа съ тѣмъ, чтобы по смерти его, еслибы они не пожелали имѣть особаго епископа, примкнули къ какой-либо изъ каѳолическихъ епархій.

И тѣмъ не менѣе, вышеприведенныя слова Августина о вліяніи закона 405 года представляютъ собою нѣкоторый анахронизмъ и извѣстное риторическое преувеличеніе. Мы находимъ эти слова въ трактатѣ Августина объ *исправленіи* донатистовъ, который былъ написанъ много позднѣе—въ 417 году и послѣ великаго *собесѣдованія* на соборѣ 412 г., побудившаго многихъ донатистовъ отказаться отъ ереси. Озираясь назадъ на торжество каѳоличества, Августинъ склоненъ приписывать уже законамъ 405 года то, что было результатомъ цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій.

Но помимо этой оговорки нужно сдѣлать еще другую, болѣе важную. Торжество каѳоличества не было ни такъ быстро, ни такъ полно, какъ можно думать по приведеннымъ выше словамъ Августина. Онъ самъ признается, что въ „въ иныхъ мѣстностяхъ пришлось дольше трудиться“, а именно тамъ, гдѣ господствовала толпа болѣе упорная и буйная, съ которой не могло справиться меньшинство, расположенное къ единенію; или тамъ, гдѣ толпа, находясь въ зависимости отъ властныхъ людей, повиновалась имъ въ дурномъ. „Есть мѣстности, — продолжаетъ Августинъ,—гдѣ и нынѣ еще (417 г.) приходится нести много тру-

довъ и гдѣ въ этой работѣ православные, въ особенности епископы и пресвитеры, потерпѣли много ужаснаго и тяжелаго: бывали случаи, что имъ глаза вырывали; одному епископу отсѣкли руку и языкъ; нѣкоторые были лишены жизни. Не стану говорить о жестокихъ побояхъ, о грабежахъ домовъ, ночныхъ нападеніяхъ и поджогахъ не только частныхъ домовъ, но и церквей, причемъ въ огонь кидали—и священныя книги".

Какъ изъ этого видно, законъ 405 года далеко еще не достигъ своей цѣли—полнаго искорененія донатизма,—настолько не достигъ, что, шесть лѣтъ спустя, число донатистскихъ епископовъ, какъ мы увидимъ, доходило еще до трехъ сотъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что какъ и прежніе суровые законы языческихъ императоровъ противъ христіанъ, а потомъ христіанскихъ императоровъ противъ язычниковъ, такъ и законъ противъ донатистовъ не вездѣ и не одинаково приводился въ исполненіе. Повидимому, онъ сначала былъ примѣненъ лишь къ столицѣ Африки—Карѳагену—и къ его области—первоначальной римско-африканской *провинціи*, гдѣ римское вліяніе и православіе имѣли перевѣсъ; къ Нумидіи же, гдѣ преобладали донатисты,—не былъ примѣненъ. Это можно заключить изъ слѣдующихъ фактовъ. Собравшійся 23-го августа 405 года *десятый* карѳагенскій соборъ постановилъ благодарить особой депутаціей императора за лишеніе донатистовъ гражданскихъ правъ и—въ виду того, что унія установлена въ одномъ лишь Карѳагенѣ—ходатайствовать о циркулярномъ приглашеніи властей, чтобы онѣ позаботились провести законъ и въ другихъ „провинціяхъ и городахъ". Затѣмъ у насъ есть письмо Августина къ Цециліану, правителю Нумидіи, относящееся, вѣроятно, къ 405 году, въ которомъ онъ его проситъ примѣнить законъ къ Гиппонѣ: „Насколько мы радуемся тому, съ какимъ замѣчательнымъ успѣхомъ ты содѣйствовалъ каѳолическому единенію по другимъ областямъ Африки, настолько мы огорчаемся тѣмъ, что округъ Гиппоны и сосѣднія ему пограничныя съ Нумидіей части еще не удостоились поддержки со стороны твоего губернаторскаго предписанія".

Упорство донатистовъ, кромѣ того, объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ надѣялись на возвращеніе болѣе благопріятныхъ для нихъ временъ. Дѣйствительно, религіозная политика римскихъ императоровъ отмѣчена нерѣдкими колебаніями; такъ, когда въ началѣ 399 года африканскіе генералы Гауденцій и Іовій разрушили въ городѣ Карѳагенѣ языческіе храмы, императорскій рескриптъ изъ Падуи, отъ 20-го августа того же года, воспретилъ разрушеніе храмовъ, въ которыхъ не совершалось идоло-

служенія. Подобнымъ образомъ и донатисты, приписывавшіе направленные противъ нихъ законы вліянію могущественнаго Стилихона, при извѣстіи о его насильственной смерти сочли эти законы отмѣненными, и правительству Гонорія пришлось, особымъ рескриптомъ въ 408 году, объявить, что всѣ изданные имъ противъ еретиковъ и язычниковъ законы сохраняютъ полную силу, и что карѣ законовъ подвергнутся какъ тѣ, которые открыто признаютъ себя донатистами, такъ и тѣ, которые будутъ избѣгать общенія съ каѳоликами, послѣ того какъ притворились христіанами.

Какъ бы то ни было, указъ объ уніи не только не объединилъ африканскихъ христіанъ, но вызвалъ со стороны преслѣдуемыхъ донатистовъ новый взрывъ фанатизма и дикой расправы. Писанные въ это время посланія и трактаты Августина переполнены указаніями на это. Въ особенности жалуется онъ на неистовства, которымъ подвергались каѳолическіе священники; можно думать, что это были бывшіе донатистскіе пресвитеры, перешедшіе въ церковь и этимъ вызвавшіе месть своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Въ трактатѣ противъ Кресконія онъ разсказываетъ, что донатистскіе клерики и циркумцелліоны, вооружившись всевозможными страшными орудіями, повсюду бродятъ и, нарушая не только церковный, но даже гражданскій миръ и покой, по ночамъ врываются въ дома каѳолическихъ священниковъ, опустошая до тла ихъ жилища, самихъ же священниковъ увлекаютъ съ собой, а потомъ бросаютъ мертвыми, избивъ палками и порѣзавъ желѣзомъ. Мало того, они, по словамъ Августина, „новымъ и неслыханнымъ способомъ преступленія“ обливали глаза своихъ жертвъ смѣсью извести съ уксусомъ, не довольствуясь немедленнымъ ослѣпленіемъ ихъ и желая продлить ихъ мученія. Прежде,—прибавляетъ Августинъ,—они употребляли въ дѣло только известь, но когда узнали, что ихъ жертвы скоро поправлялись, стали прибавлять къ извести уксусъ. На это варварское обращеніе жалуются и „гиппонскіе клерики“ въ посланіи, обращенномъ къ донатистскому епископу Януарію, который въ то время по старшинству былъ примасомъ Нумидіи. Посланіе написано, безъ сомнѣнія, самимъ Августиномъ; оно относится къ 406 году; приводимое нами изъ него мѣсто особенно интересно, потому что ярко освѣщаетъ положеніе дѣла въ Нумидіи послѣ изданія указа объ уніи. Указавши на вышеупомянутыя звѣрства, Августинъ ставитъ Януарію на видъ, сколько изъ донатистовъ, вѣрнѣе сказать—всѣ, жалуясь на преслѣдованія, безопасно сидятъ въ собственныхъ и чужихъ имѣ-

ніяхъ подъ самымъ гнетомъ этихъ якобы страшныхъ императорскихъ законовъ, „тогда какъ мы отъ вашихъ людей терпимъ такое неслыханное зло". „Вы говорите, что терпите преслѣдованія, а насъ ваши вооруженныя шайки избиваютъ дубинами и мечами; вы говорите, что терпите преслѣдованія, а сами опустошаете и разрушаете наши дома; вы говорите, что терпите преслѣдованія, а ваши — известью и уксусомъ вытравляютъ нашимъ глаза. Притомъ еще, если кто-либо изъ вашихъ добровольно наноситъ себѣ смерть, вы хотите, чтобы она послужила вамъ къ славѣ и къ вящшей злобѣ противъ насъ. Ибо то, что̀ ваши намъ причиняютъ, вы себѣ не ставите въ вину, а то, что̀ сами себѣ причиняете, взваливаете на насъ. Жизнь ведутъ ваши какъ разбойники, умираютъ какъ циркумцелліоны и почитаются какъ мученики; впрочемъ, никогда не было слышно, чтобы разбойники—тѣхъ, кого ограбили—еще и ослѣпляли. Убитыхъ вы выжили со свѣта, живыхъ лишаете свѣта" [1]). Но донатисты не только дозволяли себѣ „неслыханныя звѣрства": несмотря на указъ объ уніи, они продолжали насильно перекрещивать православныхъ, какъ будто и не бывало спеціальнаго противъ этого закона. Мы узнаемъ это изъ письма Августина къ пресвитеру Викторину, которое издатели Патрологіи относятъ къ 409 году, въ виду того, что тамъ идетъ рѣчь о небываломъ еще опустошеніи варварами *испанскихъ провинцій*, что̀ не могло быть ранѣе 409 года, когда въ Испанію вторглись вандалы, будущіе покорители Африки. Отвѣчая Викторину, искавшему у него утѣшенія по случаю бѣдствій, причиняемыхъ варварами, Августинъ жалуется, что весь міръ удрученъ этими бѣдствіями, и нѣтъ почти ни одного мѣста на земномъ кругѣ, гдѣ бы подобное не совершалось и не оплакивалось. Упомянувъ объ Испаніи, Италіи, Галліи и даже Египтѣ, Августинъ заявляетъ, что Гиппонская область, хотя варвары въ нее и не проникали, подвергается отъ донатистовъ такимъ насиліямъ, что даже дѣянія варваровъ, можетъ быть, не столь жестоки. Жалуясь на истязаніе и ослѣпленіе каѳолическихъ священниковъ, Августинъ описываетъ, какъ донатисты грабятъ и поджигаютъ дома ихъ, зерновые припасы разсыпаютъ, жидкіе разливаютъ и, стращая этими неистовствами, побуждаютъ многихъ перекрещиваться. „Еще третьяго дня,— пишетъ онъ,—я получилъ извѣстіе, что посредствомъ такихъ угрозъ въ одномъ мѣстѣ было перекрещено 48 душъ".

---

[1]) Ep. № 86, n. 8. Occisos auferunt luci, vivis auferum lucem. Характерная, встрѣчающаяся у Августина даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, игра словами.

III.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что донатизмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упорно держался цѣлые годы. Мы узнаемъ изъ одного оффиціальнаго памятника — изъ отвѣта каѳолическихъ епископовъ на окружное посланіе епископовъ донатистскихъ,—что еще въ 411 году большая часть Нумидіи придерживалась донатизма. Августинъ, авторъ этого „отвѣта", защищаетъ своихъ противъ обвиненія донатистовъ, будто православные съ завѣдомой ложью уменьшаютъ число своихъ противниковъ. „Если, — возражаетъ Августинъ, — наши и говорили о малочисленности еретиковъ, то это могло быть сказано съ полной истиной о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число нашихъ епископовъ, клериковъ и мірянъ значительно больше вашихъ, какъ особенно въ проконсульской провинціи, хотя, за исключеніемъ консулярной Нумидіи, мы, вѣроятно, и въ остальныхъ африканскихъ провинціяхъ преобладаемъ численностью; во всякомъ случаѣ, по сравненію съ другими народами, на которые распространяется каѳолическое общеніе, мы въ правѣ сказать, что вашихъ очень мало".

Какъ изъ этого видно, польза отъ закона объ *уніи* была весьма относительна, и Августину пришлось и послѣ него нести на себѣ не мало трудовъ въ дальнѣйшей борьбѣ съ донатистами.

Объ этихъ трудахъ свидѣтельствуютъ, напр., два письма Августина къ донатистскому епископу Гиппоны, Макробію, интересныя и по бытовымъ подробностямъ, въ нихъ заключающимся. Мы видимъ изъ нихъ, между прочимъ, что еще въ 409 году, къ которому, вѣроятно, относятся эти письма, строгій законъ 405 г. противъ перекрещенія еще не примѣнялся въ Нумидіи. Поводомъ къ письмамъ послужило то, что субдіаконъ Рустиціанъ, за безнравственное поведеніе отъ церкви своимъ пресвитеромъ отлученный, и кромѣ того надѣлавшій много долговъ, не нашелъ лучшаго средства, чтобы избавиться и отъ церковной кары, и отъ кредиторовъ, какъ перейти къ донатистамъ и при помощи „второго крещенія пріобрѣсти ихъ любовь, какъ безгрѣшный праведникъ". Узнавъ, что Макробій собирается окрестить его, Августинъ поспѣшилъ написать епископу: „Не дѣлай этого, прошу тебя, братъ; ради тебя самого молю тебя; во всякомъ случаѣ же прошу, внемли тому, что я говорю". Напомнивъ о непослѣдовательности донатистовъ, не подвергавшихъ максиміанистовъ второму крещенію, Августинъ спрашиваетъ, почему же

они вторично крестятъ христіанъ каѳолическихъ? „Разрѣши мнѣ этотъ вопросъ, и тогда ты можешь окрестить меня самого; если же не въ состояніи разрѣшить, то пожалѣй чужую душу, пожалѣй свою“.

Макробій сначала не хотѣлъ даже выслушать вѣстника, принесшаго письмо Августина, но затѣмъ отвѣтилъ, что не „можетъ не принимать въ свою церковь тѣхъ, кто къ нему приходитъ, и дать имъ вѣру, которой они просятъ“ На вопросъ же, почему Приміанъ принялъ максиміанистовъ безъ вторичнаго крещенія — отвѣтилъ, что, „будучи недавно посвященъ въ епископы, не можетъ быть судьею своего отца (т.-е Приміана, донатистскаго архіепископа Карѳагена, его рукоположившаго) и хочетъ оставаться при томъ, что̀ получилъ отъ предковъ“.

Августинъ, въ своемъ второмъ пространномъ письмѣ, отнесся съ видимымъ уваженіемъ къ молодому „собрату“. Онъ похвалилъ его, между прочимъ, за поступокъ, характерно освѣщающій нравы и составъ партіи донатистовъ. Когда Макробій вступалъ на каѳедру, вожди циркумцелліоновъ сопровождали его своими шайками и примѣшивали къ церковнымъ пѣснопѣніямъ свой обычный кликъ: „Богу слава!“, служившій имъ боевымъ знакомъ при всѣхъ ихъ насиліяхъ. На слѣдующій день Макробій, болѣе раздраженный, чѣмъ обрадованный ихъ привѣтствіями, выразилъ имъ чрезъ пунійскаго толмача „честное и благородное негодованіе“; они же, ужаленные его укоромъ, съ яростью тутъ же оставили собраніе; „но вы, однако,—саркастически прибавляетъ Августинъ,—не смыли соленой водой съ пола церкви слѣдовъ ихъ ногъ, быстро несущихъ ихъ къ пролитію крови, какъ вы считали это нужнымъ сдѣлать послѣ нашихъ клериковъ“.

Это вскользь брошенное замѣчаніе указываетъ, какъ трудно было провести возсоединеніе донатистовъ, въ виду глубоко укоренившагося въ ихъ невѣжественныхъ массахъ предубѣжденія, что всякое соприкосновеніе съ „нечистыми“ ихъ оскверняетъ. Напомнимъ по этому поводу разсказъ Оптата, что донатисты, уничтожая алтари и разбивая священные сосуды православныхъ, мыли одежды, которыхъ прикасались послѣдніе, и во многихъ мѣстахъ омывали стѣны и брызгали соленой водой полъ послѣ нихъ. Приведенныя выше оправданія Макробія Августинъ разбиваетъ съ своей обычной силой аргументаціи. „Ты говоришь, что не можешь быть судьей твоего отца; но вѣдь я приглашаю тебя вспоминать не о томъ, что̀ Приміанъ дѣлалъ дурного, а слѣдовать тому, что̀ онъ сдѣлалъ хорошо, когда принялъ максиміанистовъ, не нарушая таинства крещенія. Ты говоришь, что

хочешь оставаться при томъ, что получилъ отъ предковъ: но если такъ, то не лучше ли тебѣ оставаться во вселенской церкви?"

Въ особенности налегаетъ Августинъ въ этомъ посланіи на утвержденіе донатистовъ, что они не желаютъ нарушать слово Писанія—„не дѣлайся участникомъ въ чужихъ грѣхахъ" (I Тим. V, 22), и, между прочимъ, приводитъ противъ нихъ авторитетъ карѳагенскаго епископа Кипріана, на котораго любили ссылаться донатисты въ вопросѣ о вторичномъ крещеніи еретиковъ. Кипріанъ, оплакивая многочисленныя отпаденія отъ христіанства во время тогдашняго гоненія церкви и приписывая это бѣдствіе дурнымъ нравамъ христіанъ, обвинялъ ихъ, что они по жадности, вмѣсто оказанія помощи голодающимъ братьямъ, накопляли деньги, обманомъ присвоивали себѣ земли, повышали ростовщическій процентъ. „Однако,—пишетъ Августинъ,—ни эта жадность, ни награбленныя ими имущества, ни ростовщичество этихъ людей не оскверняли Кипріана, и онъ не пожелалъ отдѣлиться отъ нихъ плотью, а предпочелъ отличаться отъ нихъ несходствомъ образа жизни". При этомъ Августинъ приводитъ изъ письма Кипріана къ пресвитеру Максиму слова, изъ которыхъ вытекаетъ „ясно и открыто его мнѣніе, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать единства церкви изъ-за сообщества съ дурными". Этому принципу Августинъ противополагаетъ образъ дѣйствія донатистовъ и въ патетическомъ обращеніи къ нимъ изображаетъ послѣдствія этого: „Вы избѣгаете единства, а купленные кровью единаго Агнца народы воспламеняются враждебными чувствами другъ противъ друга, и паства распадается. Вы избѣгаете единенія, и мужъ говоритъ женѣ: „держись церковнаго единства со мной, такъ какъ я твой мужъ", а она ему отвѣчаетъ: „умру въ вѣрѣ отца моего". Вы избѣгаете единства, а родственники, граждане, друзья, кунаки и всѣ связанные между собою какою-либо людской связью христіане на общихъ пиршествахъ, при заключеніи браковъ, при куплѣ и продажѣ, при договорахъ и обязательствахъ, во взаимныхъ привѣтствіяхъ и бесѣдахъ, во всѣхъ своихъ дѣлахъ и оборотахъ соблюдаютъ полное согласіе; при алтарѣ же Господнемъ—враждуютъ. Вы избѣгаете единства для того, чтобы всякій, кто не пожелаетъ жить по закону у насъ, находилъ убѣжище у васъ, и вы бы имѣли кого перекрещивать. Вы избѣгаете единства для того, чтобы мы прибѣгали—не скажу, противъ васъ, а противъ нечестивыхъ поступковъ вашихъ людей—къ государственнымъ законамъ, а циркумцелліоны вооружились противъ самыхъ этихъ

законовъ, пренебрегая ими съ тѣмъ же безуміемъ, съ какимъ они ихъ на васъ вызвали. Вы избѣгаете единства, чтобы сельчане рѣзко возставали противъ своихъ помѣщиковъ,—а бѣглые рабы, вопреки слову апостола, не только уходили отъ господъ, но и грозили имъ,—не только грозили, но и грабили ихъ съ насиліемъ, подъ предводительствомъ и руководствомъ вашихъ святыхъ „борцовъ" и исповѣдниковъ, которые къ „славѣ Господа" умножаютъ честь вашу, „къ славѣ Господа" и проливаютъ кровь".

Переписка съ Макаріемъ объясняетъ намъ, чѣмъ держался донатизмъ въ низшихъ слояхъ африканскаго населенія; подъ его вліяніемъ образовалось въ Нумидіи нѣчто въ родѣ итальянской *каморры*, которая держала въ страхѣ *господъ* и у которой находили убѣжище и помощь угнетенные рабы и колоны, а также и люди, имѣвшіе въ виду освободиться отъ своихъ долговъ или желавшіе поживиться чужимъ добромъ. Эта переписка указываетъ намъ и на то, какую сильную роль игралъ въ расколѣ расовый и культурный элементъ. Донатистскій епископъ могъ поучать свою буйную паству лишь съ помощью *пунійскаго* толмача и, принадлежа самъ къ латинской, *образованной* части населенія, не одобрялъ шумныхъ демонстрацій своей „арміи спасенія". Мы далѣе видимъ, что положеніе дѣла, созданное въ Африкѣ расколомъ, вполнѣ оправдывало то, что каѳолическіе епископы, по выраженію Августина, искали противъ еретиковъ покровительства государственныхъ законовъ.

Но Августинъ и въ этомъ случаѣ оставался человѣкомъ вѣры и идеи: онъ вѣрилъ въ торжество божественной истины, побѣдоносной въ силу собственной правды; если онъ и прибѣгалъ къ вмѣшательству свѣтской власти, то для того, чтобы заставить противниковъ истины *выслушать* ее; ему казалось, что упрямство донатистовъ обусловливается лишь тѣмъ, что они не знаютъ истины, затыкаютъ себѣ уши, не желая прислушаться къ ней; онъ напрасно взывалъ къ ихъ вождямъ, приглашая ихъ на публичное состязаніе; чувствуя свою силу и правду, онъ по прежнему былъ убѣжденъ, что на такомъ состязаніи истина не преминетъ обнаружиться и покорить себѣ сердца. Но послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ привлечь донатистовъ къ собесѣдованію, оставалось лишь одно: просить государственную власть силою закона устроить такое публичное и окончательное состязаніе между борцами за церковь и за расколъ.

Обстоятельства стали благопріятны для осуществленія такого плана. Въ 408 году—въ первый разъ послѣ взятія Рима гал-

лами, снова подступилъ къ его стѣнамъ варварскій воевода и осадилъ его: это былъ Аларихъ, король вестготовъ—ровно 800 лѣтъ послѣ Бренна. Гонорій заперся въ Равеннѣ, а Аларихъ провозгласилъ на его мѣсто Аттала, чтобы имѣть возможность чрезъ него легально ограбить и высосать Римъ. Это была критическая минута для западной римской имперіи.

Готы были аріане; доведенные преслѣдованіемъ до отчаянія, донатисты легко могли соединиться съ ними противъ общаго врага, и имперія могла бы лишиться своей житницы—Африки. Еще въ IV вѣкѣ аріане заводили сношенія съ донатистами. Подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, Гонорій отмѣнилъ всѣ законы, изданные противъ донатистовъ, и предоставилъ имъ свободу исповѣданія. Императоръ потомъ оффиціально оправдывался тѣмъ, что этотъ законъ у него выманили хитростью, а нѣсколько времени спустя утверждалъ, что издалъ его изъ милосердія, въ надеждѣ образумить донатистовъ. Поэтому упомянутый законъ не былъ принятъ въ сводъ законовъ Ѳеодосія, и мы не знаемъ его точной даты. Во всякомъ случаѣ законъ продержался недолго: 11-го іюля 410 года, встревоженные каѳолическіе епископы, собравшись въ Карѳагенѣ, отправили по этому поводу къ Гонорію четырехъ епископовъ, между которыми былъ и Поссидій, ученикъ Августина, и уже 23-го августа Гонорій издалъ на имя главнокомандующаго Африки, Геракліана, эдиктъ, которымъ не только возстановлялъ во всей силѣ всѣ прежніе законы противъ еретиковъ, но и грозилъ донатистамъ „проскрипціей и кровью“ за сходбища на богослуженіе.

Депутація достигла еще другого результата: въ странномъ контрастѣ съ назначеніемъ смертной казни за ересь находится порученіе, данное императоромъ, 11 октября 410 года, трибуну и нотарію Марцеллину созвать съѣздъ епископовъ обѣихъ „церквей“ въ Карѳагенѣ, устроить между ними совѣщаніе для того, чтобы несомнѣнная истина опровергла суевѣріе, а затѣмъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, постановить оффиціальный приговоръ. Въ случаѣ же уклоненія донатистскихъ епископовъ отъ съѣзда, предписывалось сдѣлать имъ троекратный вызовъ, съ предостереженіемъ, что, по прошествіи узаконеннаго срока, паства ихъ должна будетъ признать своихъ отсутствующихъ учителей побѣжденными и, „возрадовавшись своему пораженію“, передаться вмѣстѣ съ своими церквами побѣдителямъ, подчиняясь не императорскимъ указамъ, а внушеніямъ истиннаго каѳолическаго закона. Какъ проконсулу карѳагенской Африки, такъ и викарію остальныхъ областей было предписано оказывать Марцеллину

всевозможное содѣйствіе. Такъ состоялся карѳагенскій съѣздъ 411 года, одно изъ самыхъ оригинальныхъ и заслуживающихъ изученія явленій исторіи, котораго мы, однако, здѣсь коснемся лишь по отношенію къ дѣятельности Августина. Это не простой съѣздъ богослововъ двухъ различныхъ доктринъ или исповѣданій, желающихъ взаимно другъ друга убѣдить или опровергнуть. Но это и не богословскій турниръ, устроенный правительствомъ для того, чтобы рѣшить, на чью сторону ему склониться. Это—какое-то странное сочетаніе вольнаго религіознаго собесѣдованія и принудительной государственной мѣры. Августинъ желалъ собесѣдованія, чтобъ имѣть возможность документально доказать донатистамъ, которые не хотѣли его слушать, что они не имѣли основанія отдѣлиться отъ церкви, а теперь не имѣютъ права оставаться въ расколѣ послѣ того, какъ приняли въ свою среду—и притомъ безъ вторичнаго крещенія—своихъ собственныхъ отщепенцевъ. Онъ, какъ идеалистъ, былъ убѣжденъ, что истинѣ, подобно солнцу, достаточно показаться, чтобы ее всѣ узрѣли. Государство же, согласившись на это совѣщаніе, видѣло въ немъ политическое средство и устроило его какъ западню. Оно уже въ созывной грамотѣ заявило, что призываетъ донатистскихъ ученыхъ для того, чтобъ они были побѣждены на диспутѣ, и что въ случаѣ ихъ отсутствія оно признаетъ ихъ побѣжденными и принудитъ ихъ паству поступиться своими церквами. Оно при этомъ назначило судьею императорскаго сановника, который долженъ былъ рѣшить, кто остался побѣдителемъ на диспутѣ—учители истинной вѣры или лжеучители. И самая личность судьи не оставляла сомнѣнія относительно исхода диспута и съѣзда. Это былъ человѣкъ, по выраженію Августина, „искренняго благочестія“, тотъ самый, кому онъ посвятилъ свой великій трудъ „О царствѣ Божіемъ“. При такомъ положеніи дѣла намъ объясняется образъ дѣйствія донатистовъ, хотя помимо этого въ ихъ поведеніи есть странности, весьма характерныя для этой партіи.

На основаніи императорскаго указа Марцеллинъ издалъ эдиктъ о съѣздѣ за четыре мѣсяца до его начала, которое назначилъ на 1-е іюля 411 года. Чтобы склонить къ пріѣзду донатистскихъ епископовъ и устранить ихъ опасенія, онъ объявилъ, что тѣмъ, которые изъявятъ свое согласіе на пріѣздъ, будутъ возвращены ихъ церкви и владѣнія, которыя могли быть у нихъ захвачены каѳоликами на основаніи прежнихъ указовъ, что они не потерпятъ никакой обиды на пути въ Карѳагенъ и что имъ будетъ предоставлено свободное возвращеніе независимо

отъ того, будетъ ли вынесенъ приговоръ въ пользу донатистовъ или въ пользу каѳоликовъ. Это послѣднее выраженіе могло внушить донатистамъ надежду, что побѣда можетъ быть признана и за ними. Еще бо̀льшую гарантію могли усмотрѣть донатисты въ предложеніи Марцеллина избрать, если они ему не довѣряютъ, кромѣ него, другого судью своего толка, высшаго или равнаго съ нимъ по сану. Изъ этого эдикта мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнаемъ, что донатисты незадолго передъ тѣмъ сами ходатайствовали у императора о назначеніи такого съѣзда.

IV.

Къ назначенному времени—около Троицына дня—африканскіе епископы съѣхались въ Карѳагенѣ: каѳолическихъ прибыло 286; число донатистскихъ было, какъ мы увидимъ, немногимъ меньше, что̀ не можетъ не поразить въ виду суровости изданныхъ противъ нихъ законовъ. Чтобы произвести впечатлѣніе и опровергнуть „ложь" противниковъ, будто ихъ послѣ гоненій осталось мало, донатисты совершили свой въѣздъ въ Карѳагенъ одновременно и съ большою торжественностью. Въ числѣ проповѣдей Августина есть одна, очевидно, сказанная въ это время въ Карѳагенѣ. Проповѣдникъ обращается въ ней къ паствѣ съ увѣщаніемъ оказывать гостепріимство, ибо „слуги Господа грядутъ". Проповѣдь посвящена восхваленію мира. Августинъ говоритъ, что хвалить миръ труднѣе, чѣмъ имѣть его; ибо чтобы хвалить миръ, намъ нужны силы, мы ищемъ подъема чувства, мы обдумываемъ слова; а чтобы имѣть миръ, достаточно его желать, и мы получаемъ его безъ напряженія. Кто истинно любитъ миръ, тотъ любитъ даже враговъ мира, „ибо если ты любишь свѣтъ, ты не негодуешь на слѣпыхъ, но сердечно о нихъ сожалѣешь".

Эта проповѣдь была лучшимъ подготовленіемъ къ великому дѣлу, ради котораго собралось до 600 епископовъ, и лучшимъ для нихъ предостереженіемъ. Но изъ слышавшихъ эту проповѣдь не всѣ ею прониклись. Трибунъ Марцеллинъ былъ достоинъ возложеннаго на него порученія. Онъ чрезвычайно предусмотрительно обставилъ дѣло религіозной конференціи и велъ себя, какъ предсѣдатель, съ большимъ тактомъ, сдержанностью и скромностью. Мѣстомъ для конференціи были избраны просторныя, свѣтлыя термы Гаргилія въ центрѣ города. Чтобы устранить суматоху, шумъ и перерывы, неизбѣжные въ собраніи 500 слишкомъ *африканскихъ* епископовъ, обѣимъ сторонамъ было пред-

ложено избрать по семи представителей, которые должны были вести самыя собесѣдованія; въ помощь имъ могли быть избраны еще семь епископовъ съ правомъ говорить въ совѣщаніи лишь въ томъ случаѣ, когда къ нимъ обращались; наконецъ, еще четыре епископа съ каждой стороны должны были наблюдать за стенографами и за правильностью составленія протоколовъ, которые имѣлось въ виду обнародовать во всей провинціи.

Донатисты немедленно запротестовали противъ этого распоряженія Марцеллина: они требовали участія въ совѣщаніи всѣхъ епископовъ—и, вѣроятно, изъ опасенія гоненій протестовали также противъ того, чтобы въ протоколахъ рѣчь каждаго была удостовѣрена его подписью. Они, однако, избрали семь депутатовъ съ полномочіемъ „защищать ихъ противъ предателей и преслѣдователей ихъ". Въ этомъ числѣ четыре лица извѣстны намъ изъ переписки Августина: это епископы провинціальныхъ столицъ—Приміанъ изъ Карѳагена, Петиліанъ изъ Цирты, Эмеритъ изъ Цезаріи въ Мавританіи и Гауденцій изъ Тамугады, твердыни донатизма. Съ своей стороны каѳолическіе епископы изъявили Марцеллину свое согласіе съ его распоряженіями и свою готовность сложить свое званіе, если окажется, что истинная церковь—у донатистовъ. На случай же присоединенія послѣднихъ къ нимъ, они предлагали—тамъ, гдѣ окажутся вслѣдствіе этого два епископа въ одномъ городѣ,—чередоваться имъ въ исправленіи должности, или каждому имѣть свою особую церковь до смерти другого, или же обоимъ сложить свой санъ. Узнавъ, что донатисты хотятъ присутствовать на собесѣдованіи въ полномъ составѣ, каѳолическіе епископы, въ другомъ заявленіи Марцеллину, выразили свое сожалѣніе по этому поводу, заподозривая донатистовъ въ желаніи затормазить совѣщаніе; если же, сознавая свое заблужденіе, донатисты пожелали всѣ присутствовать для того, чтобы скорѣе покончить старую распрю, они ничего противъ этого не имѣютъ. Своими представителями каѳолики избрали семь епископовъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ Аврелія и Августина, были и близкіе Августину ученики его, Алипій и Поссидій. Собраніе уполномочило ихъ защищать церковь противъ заблужденія тѣхъ, кто ошибочно мнитъ, что по винѣ Цециліана церковь погибла или перешла къ донатистамъ. Полномочіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключало въ себѣ, въ видѣ инструкціи депутатамъ, изложеніе свойствъ церкви и другихъ спорныхъ пунктовъ. Марцеллинъ, 7-го іюня, торжественно открылъ совѣщаніе въ сопровожденіи всѣхъ оффиціальныхъ лицъ и сановниковъ провинціальнаго управленія. На его предложеніе донати-

стамъ избрать товарища предсѣдателя, послѣдніе отказались устами Петиліана—на томъ основаніи, что имъ не было предоставлено избрать *перваго* предсѣдателя. Затѣмъ было приступлено къ чтенію императорскаго указа и другихъ документовъ относившихся къ совѣщанію, что подало поводъ Эмериту жаловаться на прочтеніе акта полномочія каѳолическихъ епископовъ, которымъ предрѣшался вопросъ, кто правъ. Болѣе странна другая придирка донатистовъ: они заявили, что четырехмѣсячный срокъ, указанный въ эдиктѣ Марцеллина, истекъ 19-го мая, и что потому завѣщаніе незаконно; что они, съ своей стороны, прибыли къ сроку, противники же ихъ опоздали и потому должны быть осуждены, какъ неявившіеся. Этотъ протестъ вызвалъ со стороны предсѣдателя справедливое замѣчаніе, что такое заявленіе о срокѣ скорѣе было бы умѣстно на судѣ, чѣмъ въ устахъ епископа,—на что Петиліанъ отвѣтилъ насмѣшливымъ укоромъ Марцеллину.

Но страсти особенно разыгрались, когда дѣло дошло до прочтенія подписей подъ каѳолическимъ полномочіемъ. Донатисты потребовали именной провѣрки ихъ въ присутствіи самихъ епископовъ. Это вызвало большія пререканія. При имени, напр., Фортуната и Цирты, Петиліанъ, донатистскій епископъ Цирты, заявилъ, что это „разоритель церкви въ моемъ городѣ, какъ я могу доказать документально“; на это Фортунатъ возразилъ, что въ Циртѣ всѣ алтари разорены еретиками. Еще болѣе страстей возбудила провѣрка 279 донатистскихъ подписей; особенно удивила подпись донатистскаго епископа Феликса изъ Рима, какъ не имѣвшаго отношенія къ африканскимъ епископамъ. Но всего болѣе замѣшательства вызвала подпись одного умершаго на пути епископа, по имени Quodvultdeus (Какъ хочетъ Богъ). Каѳолическіе епископы заподозрили подлинность его подписи. Петиліанъ объяснилъ, что онъ подписался больной и умеръ на *возвратномъ* пути изъ Карѳагена. Предсѣдатель спросилъ, могутъ ли донатисты клятвенно подтвердить, что этотъ епископъ *былъ* въ Карѳагенѣ. Всѣ молчали; наконецъ, Эмеритъ сказалъ: „Можетъ быть, за него подписалъ и кто-либо другой“. Провѣрка подписей, въ сущности, не имѣла значенія, такъ какъ исходъ собесѣдованія зависѣлъ не отъ количества прибывшихъ епископовъ. Но вопросъ этотъ потому возбуждалъ такія страсти, что давалъ возможность не только обвинить донатистовъ въ подставныхъ подписяхъ, но и въ томъ, что они обманомъ преувеличивали число своихъ епископовъ. На этомъ вопросѣ подъ конецъ и сосредоточились пренія. Со стороны каѳолической было заявлено, что кромѣ 286 епи-

скоповъ, прибывшихъ въ Карѳагенъ, 120 остались дома по болѣзни или по другимъ причинамъ, а 60 каѳедръ—незанятыхъ. Услышавъ это, донатисты объявили, что съ ихъ стороны гораздо больше 120 епископовъ не прибыло въ Карѳагенъ, и у нихъ также много незанятыхъ каѳедръ. На это имъ возразили, что въ ихъ заявленіи Марцеллину было сказано, что они всѣ пріѣхали, даже дряхлые старики; не пріѣхали только тѣ, которыхъ задержала болѣзнь. Такимъ образомъ, въ первый же день, еще не коснувшись сущности дѣла, обѣ стороны раздражали другъ друга взаимными подозрѣніями и обвиненіями. Хотя каѳолическіе члены собранія вообще были спокойнѣе и сдержаннѣе, но и съ ихъ стороны часто выдавался горячій и неосмотрительный ученикъ Августина, Алипій, тѣмъ, что безъ нужды задѣвалъ донатистовъ. Второе засѣданіе было назначено черезъ день, на 3-е іюня, чтобы дать секретарямъ время составить и переписать протоколы. И это засѣданіе началось съ эпизода, послужившаго весьма дурнымъ предзнаменованіемъ. Донатисты снова отказались *сѣсть* и сослались при этомъ на слова Писанія (Пс. 25, 4): „Я не сидѣлъ въ сонмѣ нечестивыхъ". Тогда и всѣ каѳолическіе члены собранія встали съ занятыхъ ими мѣстъ, и предсѣдатель также приказалъ вынести свое сѣдалище, сказавъ, что онъ считаетъ для себя неприличнымъ и несовмѣстнымъ съ уваженіемъ къ столькимъ духовнымъ лицамъ сидѣть, когда они стоятъ. Все засѣданіе снова было поглощено спорами изъ-за формальностей. Марцеллинъ спросилъ донатистовъ, согласны ли они, сообразно съ его эдиктомъ, удостовѣрять подписью свои рѣчи. Они сказали, что могутъ отвѣтить на это лишь послѣ того, какъ имъ дадутъ копію съ протоколовъ; стенографическихъ знаковъ они не знаютъ, и имъ необходимо внимательно самимъ прочесть протоколъ, прежде чѣмъ о немъ судить. Въ положеніи донатистовъ такая предосторожность была понятна; но ихъ противники усмотрѣли въ этомъ желаніе оттянуть дѣло, и напомнили имъ, что на первомъ засѣданіи было рѣшено приступить на второй день къ преніямъ. Начались пререканія. Петиліанъ, между прочимъ, требовалъ занесенія въ протоколъ, что, вопреки обѣщанію Марцеллина, имъ еще не возвращены ихъ церкви; а когда предсѣдатель, тѣмъ не менѣе, приказалъ приступить къ совѣщаніямъ,—воскликнулъ: „Такъ вотъ какъ насъ обманули!" Это было облачко, которое несло въ себѣ африканскій ураганъ; но Августинъ, молчавшій въ продолженіе всего перваго засѣданія, сдержалъ его примирительнымъ замѣчаніемъ. Въ заключеніе, собраніе, освѣдомившись, сколько времени нужно секретарямъ для

исполненія ихъ работъ, рѣшило отложить совѣщаніе до 8-го іюня, съ условіемъ, чтобы начисто переписанныя копіи протокола были выданы обѣимъ сторонамъ не позднѣе 7 часовъ утра 7-го числа. Въ дѣйствительности, уже наканунѣ, въ 3 часа дня, копіи протоколовъ были представлены, и такимъ образомъ 8-го своевременно состоялось третье и главное засѣданіе.

Оно началось съ прочтенія удостовѣреній обѣихъ сторонъ, что имъ во-время были вручены протоколы, при чемъ донатисты не преминули задѣть своихъ противниковъ, назвавъ ихъ въ самомъ удостовѣреніи предателями и „гонителями". По исполненіи этой формальности, предсѣдатель предложилъ перейти къ сущности дѣла; но въ чемъ оно заключалось и какой слѣдовало поэтому дать ходъ преніямъ, въ этомъ стороны расходились, и это обстоятельство вызвало чрезвычайно продолжительныя и постоянно прерывавшіяся членами съѣзда предварительныя пренія. Обѣ стороны занимали выжидательное положеніе. Августинъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что, наконецъ, будетъ приступлено къ разсмотрѣнію укоровъ, дѣлаемыхъ церкви. Съ своей стороны донатистъ Адеодатъ предложилъ каѳоликамъ начать пренія. Когда предсѣдатель съ нимъ согласился, Фортунатъ заявилъ: „Донатисты упрекаютъ насъ въ двухъ преступленіяхъ—въ предательствѣ и гоненіи ихъ за вѣру; въ сущности же вопросъ въ томъ, гдѣ истинная церковь? Пусть донатисты заявятъ, какимъ способомъ они хотятъ разсматривать этотъ вопросъ?"

У донатистовъ отвѣтъ былъ готовъ: они приготовили особую записку, доказывавшую, что они представляютъ собою истинную церковь; эта записка служила опроверженіемъ записки, переданной Марцеллину каѳолическими епископами, и Августинъ дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе, что именно желаніе выиграть время для составленія этой записки побудило донатистскихъ епископовъ на второмъ засѣданіи дѣлать затрудненія относительно подписанія протоколовъ. Но они не желали пока предъявлять своей записки: не даромъ ихъ вождемъ былъ бывшій адвокатъ, искусившійся во всѣхъ тонкостяхъ римской судебной практики. Въ виду того, что собесѣдованію была придана обстановка судебнаго состязанія подъ предсѣдательствомъ судьи, который долженъ былъ постановить приговоръ, донатисты захотѣли вести дѣло „судебнымъ порядкомъ", и, согласно съ этимъ, Эмеритъ съ ихъ стороны заявилъ, что прежде всего нужно установить личность истца: кто выступаетъ съ обвиненіемъ? кто вызвалъ съѣздъ? кто обратился къ императору, отправилъ посоль-

ство, подалъ прошеніе, добился указа, потребовалъ судебнаго приговора?—Напрасно съ каѳолической стороны признавали все это несущественнымъ; напрасно Марцеллинъ настаивалъ на томъ, что ходъ дѣла опредѣленъ императорскимъ эдиктомъ и, приказавъ его прочесть, заявилъ, что въ силу указа требуется выяснить причину раскола и установить, на чьей сторонѣ вѣра и правда, и на чьей—суевѣріе. Донатисты продолжали съ необыкновеннымъ упорствомъ настаивать на установленіи личности истца, и когда Марцеллинъ, какъ юристъ, счелъ нужнымъ на это согласиться, чтобы не подать повода къ упреку въ правонарушеніи, донатисты потребовали прочтенія на судѣ полномочій, данныхъ соборомъ 410 г. епископамъ, отправленнымъ къ императору для исходатайствованія съѣзда. Почему это было нужно донатистамъ? Конечно, не ради оттяжки и не для того, чтобы помѣшать обсужденію сущности дѣла, какъ ихъ упрекали противники и какъ увѣряетъ Августинъ. Этому противорѣчитъ приготовленная донатистами записка въ ихъ защиту, касающаяся сущности вопроса. Настаивая на процессуальныхъ формальностяхъ, они, вѣроятно, желали обезпечить себѣ гарантію, возможность апеллировать къ императору и требовать отмѣны неблагопріятнаго имъ рѣшенія на процессуальныхъ основаніяхъ. Затѣмъ, установивъ, что истцомъ и обвинителемъ являются ихъ противники, донатисты желали возложить на нихъ onus probandi, т.-е. обязанность доказать правдивость и добросовѣстность обвиненія. Это видно изъ неоднократныхъ заявленій Августина на совѣщаніи: „Мы явились сюда, чтобы отвергнуть взводимыя противъ насъ обвиненія“, или: „Мы не обвиняемъ, а хотимъ только оправдать себя отъ обвиненій“. Чтобы опровергнуть это, донатисты и настаивали на прочтеніи актовъ собора 410 г. Они желали, какъ видно изъ отдѣльныхъ, вырвавшихся у ихъ ораторовъ заявленій, документально доказать, что каѳолическіе епископы давно вели козни противъ нихъ, что они, какъ выразился Петиліанъ, ввели въ обманъ императора, или, по словамъ Адеодата, что Августинъ оказался лжецомъ. Такимъ образомъ пренія очень затянулись, а дѣло не двигалось съ мѣста. Несмотря, однако, на этотъ формальный характеръ препирательствъ, въ продолженіе ихъ случайно затрогивались весьма существенные и интересные вопросы. Такъ, по вопросу, поставленному Фортунатомъ, гдѣ истинная церковь, Августинъ заявилъ: „Та, которая всѣмъ вѣдома и построена на горѣ, къ которой грядутъ всѣ народы“. Петиліанъ же поспѣшилъ сообщить, что истинная каѳолическая церковь—у донатистовъ, церковь, подвергающаяся

гоненію, но не сама преслѣдующая. Въ другой разъ Августинъ заявилъ, что „африканскіе каѳолики состоятъ въ общеніи съ христіанствомъ всей земли и потому обладаютъ церковью, о которой говорится въ Св. Писаніи"; на это Гауденцій возразилъ, что наименованіе *каѳолической* есть достояніе церкви донатистовъ; ибо оно основано не на количествѣ епископовъ, а на совершенствѣ и чистотѣ таинствъ; Эмеритъ же сказалъ: „Намъ нѣтъ дѣла до чужихъ,—рѣчь идетъ объ одной Африкѣ".

Другой эпизодъ этихъ предварительныхъ преній касался лично Августина. Тактика донатистовъ очевидно состояла въ томъ, чтобы бросить тѣнь на церковь, ихъ преслѣдовавшую, и лучше всего этого можно было достигнуть, заподозривъ нравственную состоятельность ея главнаго подвижника. Съ этою цѣлью Петиліанъ неожиданно обратился къ Августину съ вопросомъ: „Кто тебя посвятилъ въ епископы?" Онъ, конечно, имѣлъ въ виду старыя сплетни объ Августинѣ, побудившія тогдашняго примаса Нумидіи, епископа Мепалія, сначала воспротивиться рукоположенію Августина. Петиліанъ, какъ мы видѣли, уже разъ воспользовался этимъ орудіемъ противъ Августина, и не могъ не знать опроверженія, представленнаго послѣднимъ. Своимъ вопросомъ предъ лицомъ съѣзда онъ поставилъ его въ затруднительное положеніе и принудилъ въ свое оправданіе разсказать все дѣло. Донатисты, конечно, этому оправданію не вѣрили, и намѣреніе ясно сквозило въ словахъ Эмерита, которыми закончился этотъ эпизодъ: „Грѣхами священниковъ уничтожается чистота церкви". Это основное положеніе донатисты очевидно надѣялись обосновать осужденіемъ Августина. Наконецъ, приступили прямо къ сущности дѣла: донатисты предъявили свою записку, составленную ими во время перерыва засѣданія въ опроверженіе каѳолической записки. Донатистскій документъ былъ мастерски составленъ по своей содержательности и сдержанности. Донатисты прежде всего возражали противъ положенія своихъ противниковъ, что церковь, согласно пророчествамъ, будетъ до конца вѣка заключать въ себѣ смѣшеніе праведныхъ и нечестивыхъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они привели сначала рядъ текстовъ изъ Священнаго Писанія, ссылались на примѣръ Моисея, отдѣлившаго идолопоклонниковъ, и Павла, исключавшаго недостойныхъ изъ христіанской общины, и, наконецъ, стали отвергать примѣнимость въ данномъ случаѣ нѣкоторыхъ доказательствъ, приводимыхъ противниками,—напр., притчи о сѣятелѣ,—причемъ они отождествляли *поле* въ притчѣ не съ церковью, а съ міромъ. Второе утвержденіе своихъ противниковъ, что святость церкви

не нарушается общеніемъ съ явно нечестивыми, донатисты старались опровергнуть рядомъ указаній на то, какъ ветхозавѣтные пророки избѣгали общенія съ идолопоклонниками. Съ другой стороны они старались ослабить доказательства, приведенныя ихъ противниками — заявленіемъ, что во время Ветхаго завѣта допускалось *неоднократное* очищеніе отъ грѣховъ и что нечестіе Іуды Искаріота было невѣдомо его товарищамъ; когда же оно обнаружилось, онъ былъ устраненъ изъ общины.

Во второй части записки донатисты переходятъ въ наступленіе, обвиняя своихъ противниковъ, что они въ теченіе цѣлаго вѣка добивались у царей міра сего, вопреки заповѣди Божіей, права принуждать угрозами и изгнаніемъ къ вступленію въ церковь. Возраженіе, что они такъ же поступали съ максиміанистами, донатисты отвергали, находя, что совсѣмъ не одно и то же—желать добровольнаго возвращенія утраченнаго и присоединенія „собратьевъ въ несчастьѣ", или же явнымъ насиліемъ подвергать христіанскій народъ всѣмъ ужасамъ преслѣдованія. Перечисливъ своихъ гонителей, Урзація, Макарія и др. экзекуторовъ уніи, составители записки въ сжатыхъ и сильныхъ выраженіяхъ изображаютъ картину преслѣдованій, которымъ подвергались ихъ единовѣрцы. Если принять во вниманіе моментъ представленія записки уполномоченному римскаго императора, наканунѣ грознаго приговора, который легко было предвидѣть, нельзя не почтить мужества вождей донатистовъ, непоколебимо и бодро шедшихъ на встрѣчу своей участи подобно бойцамъ, привѣтствовавшимъ цезаря кликомъ: Morituri te salutant.

Дальнѣйшій ходъ совѣщанія достаточно намѣтить въ общихъ чертахъ. Оно могло слѣдовать двоякому пути, какъ указалъ Петиліанъ въ вопросѣ, съ которымъ онъ обратился къ каѳолическимъ епископамъ: хотятъ ли они повести дѣло на основаніи божественныхъ свидѣтельствъ или оффиціальныхъ протоколовъ, на что Августинъ отвѣтилъ, что если донатисты не будутъ настаивать на укорѣ въ *предательствѣ*, тогда можно будетъ не прибѣгать къ архивамъ, а ограничиться разрѣшеніемъ—при помощи Св. Писанія — вопроса, гдѣ истинная церковь. Но въ дѣлѣ донатизма вопросъ о выдачѣ язычникамъ священныхъ книгъ игралъ слишкомъ большую роль, чтобы его можно было обойти на совѣщаніи. На самомъ дѣлѣ сначала разсматривался вопросъ о церкви, т.-е., главнымъ образомъ, Августинъ разбиралъ и опровергалъ взгляды, высказанные въ запискѣ донатистовъ, потомъ началось чтеніе оффиціальныхъ документовъ по исторіи донатизма, для обличенія донатистовъ въ расколѣ. Первой части мы не ста-

немъ касаться, такъ какъ взглядъ Августина намъ уже извѣстенъ; прочтенные же на совѣщаніи документы составляютъ исторію возникновенія донатизма, выше вкратцѣ изложенную. Въ обоихъ спорахъ донатисты не только имѣли дѣло съ богатыремъ слова и знанія, но занимали и положеніе трудно защитимое,—въ особенности, когда дѣло дошло до историческихъ фактовъ. Но въ этихъ безплодныхъ для донатистовъ преніяхъ наступилъ великій моментъ, когда они заявили государственному сановнику, что онъ не судья въ ихъ дѣлѣ, что одинъ Христосъ имъ судья, и когда они стали укорять своихъ противниковъ въ томъ, что они призвали ихъ на человѣческій судъ. Но этотъ свѣтлый лучъ померкъ безслѣдно для донатистовъ, когда имъ напомнили, что они первые обратились съ жалобой къ императору Константину, что они преслѣдовали максиміанистовъ съ помощью проконсуловъ и что они сами просили императора о назначеніи совѣщанія. А вскорѣ послѣ того они своей опрометчивостью поставили себя даже въ комическое положеніе. Желая доказать виновность Цециліана, они сослались на то, что самъ Константинъ призналъ ее, и въ подтвержденіе просили прочесть соотвѣтствующее мѣсто изъ составленной Оптатомъ исторіи донатистской схизмы, гдѣ было сказано, что Константинъ задержалъ Цециліана въ Бриксенѣ; но такъ какъ въ этихъ словахъ не заключалось никакого осужденія Цециліана, то Марцеллинъ приказалъ секретарю читать дальше, и тамъ было сказано, что Цециліанъ былъ признанъ невиннымъ во всѣхъ взведенныхъ на него обвиненіяхъ; хохотъ противниковъ сдѣлалъ посрамленіе еще болѣе чувствительнымъ для донатистовъ; желая поправиться, они въ своемъ смущеніи сдѣлали другую оплошность, запротестовавъ, что они не требовали прочтенія этого мѣста.

Когда, по признанію обѣихъ сторонъ, пренія были исчерпаны, Марцеллинъ пригласилъ ихъ удалиться на время составленія имъ приговора, который затѣмъ былъ прочтенъ публично. Приговоръ начинается съ сожалѣнія, что нѣтъ повода къ ликованію, которое бываетъ при обращеніи къ истинѣ застарѣлаго суевѣрія; ибо чѣмъ болѣе болѣзнь укоренилась, тѣмъ радостнѣе неожиданное исцѣленіе, и выздоровленіе въ такомъ случаѣ возбуждаетъ больше восторга, чѣмъ ничѣмъ ненарушенное здоровье. Но въ виду того, что безумцы — по упорству или, что еще хуже, по безсовѣстности—отказываются идти по указанному имъ пути спасенія, приходится выразить и исполнить волю закона для того, чтобы лечить болѣе суровыми средствами тѣхъ, кого не исцѣлили менѣе горькія лекарства. Прочитавши это нравоученіе, предста-

витель государственной власти, принимая на себя роль богослова, восклицаетъ: „Для кого не очевидно на основаніи прочтенныхъ на судѣ документовъ и свидѣтельствъ Св. Писанія, что никто не можетъ считаться виновнымъ за чужой грѣхъ и что миръ вселенской церкви не долженъ быть нарушаемъ изъ-за Цециліана, который ни въ чемъ дурномъ не обличенъ! Если эта очевидная истина не въ состояніи излечить застарѣлую болѣзнь, то приходится выдавить „гной изъ заразной раны". На этомъ основаніи приговоръ Марцеллина вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ помѣщикамъ и общиннымъ властямъ—препятствовать сходкамъ донатистовъ и немедленно *всѣ* церкви предоставить каѳоликамъ. Всѣмъ же донатистамъ, которые послѣ этого запрета останутся вѣрными расколу, объявлялось, что они не избѣгнутъ установленной императорскимъ закономъ кары. Присутствовавшимъ на съѣздѣ донатистскимъ епископамъ разрѣшалось свободно возвратиться домой съ тѣмъ, чтобы тамъ подчиниться закону; тѣ же изъ нихъ, въ владѣніяхъ которыхъ водятся циркумцелліоны, были предупреждены, что если они не „подавятъ нахальства" послѣднихъ, ихъ владѣнія будутъ немедленно отобраны въ казну —„ибо какъ каѳолическому закону, такъ и общественному покою потребно, чтобы это изувѣрство было уничтожено".

Таковъ былъ результатъ карѳагенскаго съѣзда. Это была двойная побѣда Августина и каѳолическихъ епископовъ надъ противниками. Донатисты проиграли процессъ передъ государственною властью, и проиграли его въ то же время передъ христіанскимъ міромъ. Такъ какъ судья былъ назначенъ императоромъ, то его приговоръ отнималъ у нихъ теперь всякую надежду на снисхожденіе со стороны правительства. Донатисты, правда, еще не сдавались. Какъ формалисты, они еще цѣплялись за формы римской юрисдикціи. Не даромъ они во время съѣзда постоянно къ ней прибѣгали и, подписываясь подъ протоколомъ сказанныхъ ими рѣчей, всегда дѣлали оговорку, что сохраняютъ за собою право апеллировать. Послѣ суда они этимъ воспользовались и дѣйствительно подали апелляцію на имя императора. Они были правы, — религіозному совѣщанію былъ приданъ характеръ судебнаго процесса, а въ такомъ случаѣ почему же не апеллировать отъ чиновниковъ къ императору? — Поводы къ апелляціи, ими выставленные, были формальнаго свойства, какіе, по всему вѣроятію, употреблялись въ тогдашнемъ судопроизводствѣ: „приговоръ былъ объявленъ уже ночью; до объявленія приговора ихъ не выпускали, а держали подъ арестомъ", и т. п.

V.

Донатисты, конечно, ничего не добились. Императоръ отвергъ ихъ апелляцію и уже въ январѣ 412 года издалъ новый законъ, который долженъ былъ ихъ сокрушить подъ тяжестью фискальныхъ взысканій. Никто не былъ отъ нихъ изъятъ: и богатые, и бѣдные, всѣ должны были поплатиться состояніемъ за свои религіозныя убѣжденія. Люди высшаго чина (illustres—свѣтлѣйшіе) — должны были заплатить 30 ф. золота въ казну; слѣдующаго чина (spectabiles)—40; сенаторскаго званія—30; сіятельные (clarissimi)—20; члены жреческой коллегіи (sacerdotales [1])—30; почетные граждане (principales)—20; городскіе гласные—10; купцы —5; мѣщане (plebeii)—5; сельчане (circumcelliones) 10 $ серебра.

Жены подвергались этой пенѣ отдѣльно отъ мужей. Тѣ, которыхъ не могла исправить такая пеня, должны были лишиться всего имущества. Рабы и колоны подлежали исправленію посредствомъ розогъ, а клерики—изгнанію съ почвы той Африки, которую они опозорили своею ересью,

Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ появился новый законъ о пеняхъ за ересь. Взиманіе тяжелыхъ пеней, указанныхъ въ предшествовавшемъ законѣ, вѣроятно оказалось затруднительнымъ; теперь пени были понижены, но должны были производиться систематически до полнаго разоренія. Донатисты были лишены права дѣлать завѣщанія и совершать какіе-либо договоры. Мѣста, гдѣ они собирались, подлежали конфискаціи, а духовенство ихъ, епископы, пресвитеры и пр.—изгнанію на острова. Не довѣряя самимъ представителямъ власти, императоръ грозитъ лицамъ въ высшихъ чинахъ — проконсула, викарія и главнокомандующаго—за принадлежность къ донатизму пенею въ 200 $ серебра, и такая пеня должна была взыскиваться за каждое проявленіе ереси—до пяти разъ, послѣ чего объ этомъ должно было быть доложено императору, для наложенія тяжкаго имущественнаго наказанія. Сенаторы подлежали пенѣ въ 100 $ серебра, сацердоталы — той же пенѣ, старшины курсаловъ — пенѣ въ 50 $,

[1]) Это было наиболѣе почетное званіе, котораго можно было достигнуть службой *по выборамъ* въ провинціи. На ежегодномъ провинціальномъ съѣздѣ (земскомъ собраніи) избиралось на годъ лицо, завѣдывавшее культомъ императора и потомъ сохранявшее полученное званіе въ видѣ титула. Въ эпоху Августина это званіе утратило всякое отношеніе къ языческимъ культамъ, но продолжало существовать, какъ почетный титулъ.

остальные декуріоны — въ 10 $. Арендаторы императорскихъ имѣній должны были уплатить двойную аренду; за частныхъ арендаторовъ отвѣчали ихъ помѣщики. Чиновники уплачивали 30 $ серебра до пяти разъ, а затѣмъ подлежали тѣлесному наказанію и изгнанію. Рабамъ и колонамъ грозило суровое тѣлесное наказаніе, а послѣ этого—потеря третьей части имущества.

Трудно теперь сказать, что было болѣе сильнымъ ударомъ для донатистовъ—этотъ ли поборъ со стороны враждебнаго къ нимъ государства, или моральное впечатлѣніе, которое произвело въ Африкѣ торжество ихъ противниковъ на карѳагенскомъ съѣздѣ. Чтобы усилить это впечатлѣніе, каѳолическіе епископы обнародовали протоколы съѣзда и каждогодно читали ихъ съ амвона во время великаго поста. Еще семь лѣтъ спустя, Августинъ приглашалъ къ этому епископа Цезареи. Въ виду обширности протоколовъ, Марцеллинъ разрѣшилъ составить изъ нихъ извлеченіе; но такъ какъ это извлеченіе оказалось, по краткости, неудобопонятнымъ, Августинъ самъ составилъ краткій разсказъ о съѣздѣ, въ которомъ сжатость изложенія лишь усиливаетъ направленное противъ донатистовъ обличеніе.

Донатисты боролись противъ невыгоднаго для нихъ оборота, которое приняло ихъ дѣло на карѳагенскомъ съѣздѣ тѣмъ же способомъ, какъ и въ апелляціи къ императору: они стали распространять слухъ, что императорскій судья, Марцеллинъ, былъ подкупленъ. Тогда Августинъ выступилъ съ новымъ обличеніемъ образа дѣйствія донатистскихъ вождей. Оно заключается въ „посланіи къ народу донатистской секты“, разосланномъ отъ имени собравшихся на съѣздѣ каѳолическихъ епископовъ Нумидіи. Изобличивъ тактику донатистскихъ епископовъ въ Карѳагенѣ, Августинъ ярко освѣщаетъ уступки, которыя они были принуждены сдѣлать: „Признались они, что ничего ровно не имѣютъ сказать противъ каѳолической церкви, простирающейся по всему земному кругу: а такъ какъ съ этой церковью мы находимся въ общеніи, они же нѣтъ, то это признаніе ихъ является съ Божьей помощью очевиднѣйшей нашей побѣдой“.—„А кто отдѣлится отъ этой каѳолической церкви, какъ бы похвальна ни была его жизнь, не будетъ *жить*, но подвергнется гнѣву Господню за то именно преступленіе, что онъ отдѣлился отъ Христова единства. Тому же, кто въ этой церкви будетъ хорошо жить, не послужатъ въ укоръ чужіе грѣхи“.—Въ признаніи этой истины самими донатистами Августинъ видитъ новую надъ ними побѣду. Они были принуждены сдѣлать эту уступку, когда ихъ упрекнули на соборѣ въ томъ, что они приняли въ свою среду максиміанистовъ,

несмотря на прежнее осужденіе ихъ. Смутившись и забывъ то, на чемъ они прежде сами настаивали, донатисты тогда заявили, „что не можетъ служить въ укоръ дѣлу—дѣло, или лицу—лицо“ (nec causa causae, nec persona personae praejudicat). Но въ силу такого признанія становилось несостоятельнымъ все обвиненіе противъ африканской церкви и исчезалъ поводъ къ схизмѣ. Въ чемъ бы ни заключалась неправда Цециліана, она не могла, какъ объяснялъ Августинъ, послужить къ осужденію не только заморской церкви, противъ которой донатисты ничего не имѣли, но и африканской, находившейся въ общеніи съ нею. Пораженіе донатистовъ Августинъ, наконецъ, усматривалъ въ томъ, что они признали, даже хвастались тѣмъ, что ихъ предшественники выступили обвинителями Цециліана предъ императоромъ, — а затѣмъ были принуждены подтвердить, что онъ былъ оправданъ двумя соборами и самимъ императоромъ. Упомянувъ затѣмъ о неудачныхъ ссылкахъ донатистовъ на историка Оптата и на документы въ дѣлѣ епископа Феликса, рукоположившаго Цециліана,—ссылкахъ, которыя обратились противъ нихъ самихъ,— Августинъ восклицаетъ: „Такъ пусть же они вамъ не говорятъ, что мы подкупили судью! Ибо что̀ же другое говорятъ люди, потерявшіе судебный искъ? Но если мы и дали что-нибудь судьѣ,— иронически продолжаетъ Августинъ, – за то, чтобы онъ вынесъ благопріятный для насъ приговоръ, то подумайте, сколько же мы заплатили имъ самимъ за то, что они не только много говорили, но и приводили свидѣтельства въ нашу пользу?“

„Для чего, однако,—заключаетъ Августинъ, — еще больше распространяться? Если хотите намъ вѣрить, то повѣрьте, и станемъ тогда жить въ единствѣ, которое предписываетъ и любитъ Господь. Если же не хотите намъ вѣрить, прочитайте протоколы или велите ихъ вамъ прочесть, и сами посудите, правда ли то, что̀ мы вамъ пишемъ. Если же вы и этого не хотите дѣлать, а желаете слѣдовать заблужденію партіи Доната, обличенному очевиднѣйшей нашей правдой, мы будемъ неповинны въ карѣ вашей, когда потомъ наступитъ, но слишкомъ поздно, ваше раскаяніе!“

Когда Августинъ составлялъ это посланіе, онъ могъ съ глубокимъ душевнымъ удовлетвореніемъ сознавать, что давно лелѣянная имъ мечта осуществилась. Съ самаго начала онъ искалъ случаевъ собесѣдованія съ отдѣльными донатистскими епископами, чтобы побѣдить ихъ краснорѣчіемъ своего внутренняго убѣжденія. Убѣдившись въ тщетности этихъ единичныхъ усилій, онъ сталъ носиться съ планомъ оффиціальнаго соборнаго собесѣдованія, съ

участіемъ всѣхъ африканскихъ епископовъ, для торжественнаго всенароднаго установленія правды и всеобщаго объединенія. Карѳагенскій соборъ превзошелъ всѣ его надежды; *всѣ* почти епископы донатистовъ были въ сборѣ, и они были побѣждены, уличены въ заблужденіи предъ лицомъ *всей* Африки, можно сказать—всего міра. Ихъ дѣло было проиграно, и теперь сила уже не въ нихъ: пусть они упрямятся; Августинъ обращается къ *народу* съ обличеніемъ ихъ, въ надеждѣ пошатнуть авторитетъ вождей, такъ долго державшихъ его въ заблужденіи.

Насколько эта духовная побѣда, одержанная Августиномъ на карѳагенскомъ соборѣ, содѣйствовала достиженію его цѣли, мы судить не можемъ; но вслѣдъ за соборомъ вступилась въ дѣло государственная власть и началось усиленное взаимодѣйствіе церкви и государства, іереевъ и экзекуторовъ единства для обращенія донатистовъ.

Памятникомъ этого взаимодѣйствія служитъ постановленіе карѳагенскаго собора 418 года: однимъ изъ нихъ вмѣнялось въ *обязанность* каждому епископу присоединять находившіяся въ его епархіи донатистскія общины; при неисполненіи же епископомъ этой обязанности, сосѣдніе епископы должны были ему напомнить о ней; и если онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ не исполнялъ ея, то донатистскія общины должны были быть причислены къ епархіи того, кто обратитъ ихъ,—если только епископскимъ судомъ не будетъ удостовѣрено, что обращеніе было невозможно вслѣдствіе упрямства донатистовъ.

Но какимъ способомъ совершались такія обращенія, объ этомъ даетъ понятіе 6-я статья соборнаго постановленія, предписывающая епископамъ *прервать* сношенія съ тѣми изъ товарищей, которые, получивъ *напоминаніе*, въ теченіе шести мѣсяцевъ не исполнятъ своей обязанности; при этомъ, однако, устанавливается исключеніе для того епископа, который могъ доказать, что онъ „не находилъ поддержки со стороны императорскаго экзекутора“. Многозначительныя слова, указывающія, какую дѣятельную роль во всѣхъ этихъ обращеніяхъ играли органы императорской власти! На другую, не менѣе печальную сторону этого казеннаго прозелитизма указываетъ слѣдующая статья, грозящая отставленіемъ отъ должности епископу, который заявитъ, что всѣ донатисты его епархіи уже обращены, и будетъ уличенъ въ неправдѣ.

По этимъ статьямъ можно судить о положеніи донатистовъ. Но какъ ни велико было число обращавшихся или *подвергавшихся* обращенію, все-таки часть донатистовъ оставалась не-

преклонною, какъ среди епископата, такъ и среди сельскаго населенія.

Что вызвало эту статью?—Указываетъ ли она на то, что въ числѣ африканскихъ епископовъ были люди равнодушные къ дѣлу обращенія, или люди кроткіе, не желавшіе прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ императорскимъ экзекуторамъ? или наоборотъ, уже въ V-мъ вѣкѣ религіозныя преслѣдованія со стороны государства порождали, какъ во время *драгонадъ* Людовика XIV-го,—людей, угождавшихъ власти и обманывавшихъ ее донесеніями, что все благополучно въ ихъ округѣ?

Какъ бы то ни было, африканскіе епископы могли ликовать. Союзъ церкви съ государствомъ принесъ свои плоды; недаромъ они поручили проконсулу дѣло апостола: донатизмъ былъ сокрушенъ и единство вѣры оффиціально установлено.

Но это лишь такъ казалось. Торжество церкви и государства не искоренило ереси и только ослабило римское вліяніе въ Африкѣ. Многіе донатисты прониклись еще бо́льшей враждой къ церкви; другіе притворно къ ней присоединились, и когда, лѣтъ десять спустя, вандалы вторглись въ Африку, религіозный раздоръ въ тамошнемъ населеніи облегчилъ имъ побѣду. Освободившись отъ Рима, донатисты ожили; они пережили вандальское владычество, пережили и византійское завоеваніе, и еще въ концѣ VI-го вѣка папа Григорій Великій озабоченно писалъ: „До нашего свѣдѣнія дошло, что ересь донатистовъ, по грѣхамъ нашимъ, ежедневно распространяется, и очень многіе, послѣ каѳолическаго крещенія, вновь перекрещиваются донатистами“. Эти слова были написаны незадолго до арабскаго нашествія, которое на самомъ дѣлѣ положило конецъ борьбѣ между донатистами и каѳоликами, поглотивъ и тѣхъ и другихъ въ волнахъ нахлынувшаго ислама. Въ Африкѣ не осталось и слѣдовъ христіанства; но безмолвная пустыня сохранила до нашихъ дней слѣды кровавой распри между африканскими христіанами, сдѣлавшей ихъ жертвой общаго врага. На развалинахъ близь Тимгада одинокій путникъ можетъ и теперь прочесть боевой кликъ донатистовъ: „Deo laudes!“, на который каѳолики отвѣчали враждебнымъ кликомъ: „Deo gratias!“—и тогда среди мирной природы и картины разоренной и угасшей культуры предъ его воображеніемъ возстаетъ старая распря, въ которой братья по Христу и по происхожденію истребляли другъ друга Христовымъ именемъ.

Однако, союзъ церкви съ государствомъ и организованное ими преслѣдованіе донатистовъ имѣли не только указанныя выше

политическія послѣдствія: вмѣшательство римскаго государства въ церковные вопросы и принципъ принужденія для установленія единства вѣры имѣли послѣдствія, отразившіяся далеко за предѣлами Африки и пережившія римскую имперію; они произвели переворотъ въ душѣ Августина и чрезъ этого великаго учителя среднихъ вѣковъ оставили имъ завѣтъ, что принципъ единства вѣры долженъ стоять выше завѣщанной Христомъ любви къ ближнему.

В. Герьг.

ТРИ ДОРОГИ

РОМАНЪ.

XXXII *).

Губернаторша пріѣхала съ дочерью. Обѣ были въ траурѣ. Всѣ вышли въ переднюю, встрѣчать ихъ.

— Какую добрую вѣсть вы привезли мнѣ?—спросила Ольга Андреевна, здороваясь съ нею.

Губернаторша отрицательно покачала головой.

— Rien! absolument rien!—И она, отвѣтивъ на поклонъ Толкунова и поцѣловавъ Любу, вошла вмѣстѣ съ Ольгой Андреевной въ залу и начала разсказывать, что нашли въ глубокомъ оврагѣ, въ Епанчинскомъ лѣсу, притонъ разбойниковъ.—Mais rien de plus. On suppose qu'ils ont reculé dans les forêts de пермская губернія.

Ольга Андреевна спросила ее, что̀ она желаетъ: сѣсть сейчасъ за столъ или переодѣться,—и губернаторша тотчасъ же и какъ-то торопливо отвѣтила:—Переодѣться.—Ольга Андреевна и Люба повели ее и дочку во внутреннія комнаты.

Въ это время на дворъ влетѣла тройка, запряженная въ легкій тарантасикъ, въ которомъ сидѣлъ исправникъ; а въ задней половинѣ дома шла необычная суета. Три лакея, Антонъ, Семенъ и Силантій, переодѣлись въ парадныя ливреи. Извѣстіе о пріѣздѣ губернаторши изъ передней и дѣвичьей распространилось по всей усадьбѣ. Вездѣ подтягивались и прихорашивались; даже садовники надѣвали новые, чистые фартуки; а въ больницѣ перемѣняли чистое бѣлье и наливали въ графины свѣжую воду.

---

*) См. выше: февр., 651 стр.

Толкуновъ-отецъ съ тяжелымъ вздохомъ посматривалъ на часы.

— Хоть бы закусить дали чего-нибудь!—сказалъ онъ шопотомъ.—Это ныньче мода пошла: обѣдъ безъ закуски... Вовсе не по-русски... Хоть бы рюмку водки и редиску дали...

И въ это самое время, какъ будто угадавъ его желаніе, Осипъ внесъ большой подносъ съ закуской и подошелъ съ нимъ къ Элизару Петровичу.

— Вѣдь вотъ!.. Вѣдь вотъ!..—говорилъ онъ шопотомъ:—догадались же!.. О, русскій человѣкъ!.. Всегда въ затылкѣ чешетъ.

И онъ, взявъ въ руки кувшинъ съ amande amère и посмотрѣвъ на раззолоченный ярлыкъ кувшина, налилъ большую рюмку.

— А ты что же? Приложись!..

Толкуновъ-сынъ покачалъ головой и принялся задумчиво ходить по залѣ. А Элизаръ Петровичъ, торопливо хватая куски, какъ бы изъ боязни, что ему помѣшаютъ, поѣдалъ и свѣжую икру, и астраханскій балыкъ, и маринованныхъ миногъ, и какіе-то особенные пикули и анчоусы.

Въ это время, въ корридорѣ послышались голоса, и въ залу вошли Ольга Андреевна, губернаторша, ея дочка и Люба. Осипъ подалъ имъ закуску, но всѣ отказались, отправились прямо въ столовую и усѣлись за столъ. Большая миска съ зелеными щами стояла уже передъ Ольгой Андреевной. Съ правой руки она посадила губернаторшу, съ лѣвой—ея дочку. Подлѣ губернаторши помѣстился Элизаръ Петровичъ, а подлѣ губернаторской дочки сѣла Люба и ея женихъ. За столомъ стояло теперь трое лакеевъ въ парадныхъ ливреяхъ и два казачка. Обѣдъ изъ простого, семейнаго превратился въ парадный.

Въ половинѣ обѣда—опять раздался звонъ колокольчика, и новая тройка влетѣла во дворъ. Въ легонькомъ тарантасѣ пріѣхалъ Гарбузовъ.

Онъ бойко вошелъ въ переднюю, очевидно воодушевленный тѣми новостями, которыя онъ привезъ, но услыхавъ, что здѣсь губернаторша, весь съёжился, робко вошелъ въ залу и началъ медленно и неслышно ходить въ ней, осторожно переступая и оглядываясь по сторонамъ, какъ звѣрь, чующій опасность. Услыхавъ приглашеніе, Гарбузовъ началъ пятиться задомъ къ передней.

— C'est un des nos voisins, — объяснила тихо Ольга Андреевна губернаторшѣ.

Казачокъ доложилъ объ его пріѣздѣ, и Ольга Андреевна велѣла пригласить его въ столовую.

— Скажи, что я послѣ... послѣ,—зашепталъ онъ,—ужотко...

Вишь... какой я!—и онъ указалъ на свой густо запыленный костюмъ.

— Онъ ни за что не войдетъ сюда, — проговорила Ольга Андреевна и поднялась съ мѣста, но Толкуновъ-сынъ предупредилъ ее. Онъ вскочилъ и быстро ушелъ въ залу, взялъ Гарбузова подъ руку и, какъ тотъ ни упирался, ни отговаривался, втащилъ его въ столовую, гдѣ Гарбузовъ, стоя на мѣстѣ, началъ всѣмъ низко раскланиваться.

— Вы обѣдали, Евграфъ Никитичъ? — спрашивала Ольга Андреевна.—Садитесь... Поставь стулъ и подать горячее!—приказала она лакею.

— Я уже... закусилъ... Очень доволенъ... Очень благодаренъ... Не извольте безпокоиться-съ...

— Садитесь, пожалуйста... Садитесь! — упрашивала Ольга Андреевна.—Разскажите намъ скорѣй, что̀ вы узнали?..

Люба вся горѣла нетерпѣніемъ. Она быстро вскочила со стула и, схвативъ Гарбузова за руку, усадила его.

— Да разсказывайте же скорѣе,—сказала она: — Скорѣе... Что̀ Вѣра?.. Вы слышали что-нибудь?..

Гарбузовъ покачалъ головой и, помахавъ рукою, вытянулъ указательный палецъ.

— Ничего-съ не слыхалъ... Ничего-съ!..

— Что̀ же это была за женщина... эта разрѣзанная надвое?—допрашивала Люба.

— Эта женщина... ее Быковъ разрѣзалъ на-двое и повѣсилъ на двухъ деревахъ... Одну половину налѣво, а другую направо.

— Ахъ, какой ужасъ! — вскричала губернаторша, всплеснувъ руками и слегка поблѣднѣвъ.

Подъ впечатлѣніемъ этой картины, она даже на нѣсколько минутъ потеряла тотъ губернаторскій тонъ, который постоянно сквозилъ въ ея разговорѣ, даже потеряла привычку выражаться по-французски.

— Да кто же была эта женщина?—вскричала Люба.

— Это полицейская тайна-съ,—проговорилъ шопотомъ Гарбузовъ и подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.—У меня тамъ, знаете-ли, становой старый знакомый,—Ѳедоръ Михайловичъ Перепеченко, если изволите знать: такъ онъ просилъ меня никому ничего не открывать, такъ какъ слѣдствіе только-что началось.

— Ну... мнѣ-то вы можете это открыть,—вмѣшалась губернаторша: къ ней опять вернулся ея губернаторскій тонъ.—Моему мужу уже навѣрно донесли теперь, кто была эта женщина...

— Да вы видѣли этотъ трупъ?—вскричала Люба.

— Какъ же-съ! Какъ же! При мнѣ и вскрывали... Избёнка, знаете ли, крохотная... Духота... Вонь... а мухъ-то, Господи!..

— Чей же это трупъ?—настойчиво допрашивала Люба.

— Этотъ-съ...—И онъ замялся.

— Господи!.. Да говорите же скорѣе!

— Это-съ... нельзя-съ... Это-съ я... вотъ ея превосходительству... Или вотъ, если позволите, вашему жениху... Или Элизару Петровичу-съ... А барышнямъ... это нельзя говорить-съ... Не хорошо-съ.

— Да вы мнѣ скажите: этотъ трупъ былъ Вѣры, или нѣтъ?—вскричала Люба, и слезы выступили у нея на глазахъ. Она готова была разрыдаться...

Евграфъ Никитичъ поднялся со стула и махнулъ рукой.

— Нѣ-ѣтъ-съ!—проговорилъ онъ протяжно.—Какъ же это могла быть Вѣра Александровна, когда это тѣло—здоровой, высокой женщины съ русыми волосами...

Всѣ слушавшіе какъ-то невольно съ облегченіемъ вздохнули. На всѣхъ дѣйствовала заразительно страстная нотка Любы. Всѣмъ, какъ паника, сообщился ея страхъ, хотя всѣ были увѣрены что убитая женщина не была Вѣра.

Евграфъ Никитичъ, выведя публику изъ смущенія, весьма этому обрадовался и принялся разсказывать все, что̀ слышалъ на мѣстѣ о шайкѣ Быкова,—причемъ не забывалъ держать въ секретѣ полицейскую тайну. Онъ подтвердилъ также, что̀ разсказывалъ губернаторшѣ, т.-е., что нашли въ Епанчинскомъ оврагѣ притонъ шайки.

— Чуточку только не удалось захватить ихъ всѣхъ,—продолжалъ онъ. — И мѣсто было теплое, нагрѣтое, даже трубку нашли Быкова. Мнѣ Ѳедоръ Михайловичъ показывалъ,—такая небольшая трубка, простая деревянная, какъ у нашихъ мужичковъ обыкновенно бываетъ...

— А почему же узнали, что эта трубка была Быкова?—спросилъ Элизаръ Петровичъ.

— А приборъ былъ на ней серебряный, чисто серебряный, 84-й пробы.

— Да вы видѣли эту трубку?..

— Какъ же!.. Видѣлъ-съ... Такая простая трубка... мужицкая... по-малороссійски, носогрѣлка...

Губернаторша начала разсказывать объ итальянскихъ и въ особенности римскихъ разбойникахъ...

— Еслибы этотъ синьоръ Быковъ былъ человѣкъ со смы-

сломъ, то онъ могъ бы отлично воспользоваться своимъ положеніемъ. И самъ бы нажилъ состояніе, и товарищамъ составилъ бы капиталы... Назначилъ бы выкупъ... А теперь онъ только бѣгаетъ съ мѣста на мѣсто.

„И вѣроятно таскаетъ съ собой вашу племянницу",—хотѣла она прибавить, но удержалась.

— Я, мнѣ кажется, ничего бы не пожалѣла, чтобы только выкупить ее,—сказала серьезно Ольга Андреевна.

— И я бы тоже,—прибавила Люба.

— Vous prétendez, votre excellence, — сказалъ Толкуновъ-отецъ, обращаясь къ губернаторшѣ, — des choses incomparables; развѣ можно сравнивать итальянскаго разбойника съ нашимъ вахлакомъ закамскимъ!.. Вѣдь это что?.. Медвѣдь лѣсной, косолапый. Вѣдь ему только жрать, пить, бить и рубить... Вотъ какъ эту несчастную женщину—разрѣзалъ на-двое и убѣжалъ.

— C'est vraiment il y a quelque chose de grossier, de brut dans le sang de nous-mêmes... Lisez notre histoire: quelles brutalités atroces... Par exemple, ce Jean le Грозный... Quelle horreur! C'était un brigand sur le trône, — промолвила губернаторша.

Послѣ обѣда она тотчасъ же уѣхала. Ей предстояло переплыть Каму, и она ни за что не рѣшалась ночью остаться въ Закамьѣ, „dans cet horrible pays!"—говорила она. Лошади для нея были заготовлены въ Караваевѣ и въ Лебядкѣ.

Вмѣстѣ съ ней уѣхалъ и Толкуновъ-отецъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ проводить ее до границы своихъ владѣній. То же самое сдѣлалъ и Гарбузовъ. Драевскія опять остались въ своей семьѣ, и послѣ шумнаго эпизода тоска еще сильнѣе дала себя знать...

Прошло два дня такой щемящей тоски. Ольга Андреевна снова отправилась одна въ караушку Епанчинскаго лѣса, уговоривъ Любу не провожать ее и остаться съ женихомъ. Она поѣхала въ небольшомъ шарабанѣ и взяла съ собой опять только двухъ дѣвушекъ, Соню и Машу.

Люба, въ пеньюарѣ, закутанная большимъ шерстянымъ платкомъ, сонная и заплаканная, вышла проводить ее.

— Мама!—говорила она:—да ты скажи мнѣ, подумай, зачѣмъ ты ѣдешь?

— Не знаю, дорогая моя; такъ Богу угодно. — И она поцѣловала и перекрестила ее.

Дѣйствительно, она не могла найти достаточной причины своей поѣздки. Ее просто тянуло ѣхать.

Пріѣхавъ на мѣсто, она разспросила лѣсного сторожа, тата-

рина Абдула, знаетъ ли онъ, гдѣ нашли притонъ Быковской шайки?—и послѣ утвердительнаго отвѣта взяла Абдула съ собой и отправилась съ двумя дѣвушками.

Они шли долго; татаринъ разсказывалъ, какъ въ его избѣ „тамаша былъ".

Прошли цѣлыхъ полтора часа, прежде чѣмъ они пришли къ тропинкѣ, по сторонамъ которой были двѣ высокихъ ели,—тѣ ели, на которыхъ висѣлъ трупъ разрѣзанной женщины. Около деревьевъ земля была залита почернѣвшей кровью и вся трава кругомъ примята. Татаринъ все разсказывалъ, не обращая вниманія на то, какое сильное впечатлѣніе производитъ его разсказъ на присутствующихъ.

Далѣе пошелъ легкій наклонъ, ведшій къ оврагу, гдѣ былъ притонъ разбойниковъ. Татаринъ повелъ спутниковъ по этому наклону. Ольга Андреевна, съ сильно возбужденными нервами, шла, оглядываясь по сторонамъ и тщетно стараясь найти внутри себя то невозмутимое спокойствіе, которое даетъ молитва. Она чувствовала, какъ дрожитъ ея сердце, и въ этомъ дрожаніи какъ-то странно складывались страхъ земной и привязанность къ ея любимой Вѣрѣ. Вдругъ что-то бѣлое мелькнуло въ сторонѣ, въ кустахъ. Она тотчасъ же инстинктивно повернула въ эту сторону. Бѣлое оказалось лоскутомъ отъ платья Вѣры, и этотъ лоскутъ висѣлъ на сучкѣ, очевидно оторванный въ то время, когда Вѣра бѣжала стремглавъ, не помня себя...

Всѣ остановились. Маша начала ахать и креститься. Соня заплакала. Ольга Андреевна поцѣловала лоскутокъ и спрятала его въ карманъ.

— Вишь, барышня какъ бижалъ,—сказалъ задумчиво татаринъ,—инда хорошъ одежъ порвалъ.

Чѣмъ ближе подходили къ оврагу, тѣмъ сильнѣе охватывала всѣхъ внутренняя дрожь. Даже татаринъ ступалъ осторожно и косился по сторонамъ. Лѣсъ и кусты здѣсь становились чаще, деревья выше, гуще ложилась тѣнь и слышнѣе былъ шумъ вершинъ, качаемыхъ вѣтромъ. Порой всѣ вдругъ останавливались, къ чему-то прислушивались и снова, еще тише и осторожнѣе спускались съ наклона, какъ будто боясь спугнуть какую-нибудь осторожную птицу или чуткаго звѣря.

Пришли, наконецъ, къ краю оврага. Надо было спускаться. Татаринъ пошелъ впередъ и твердилъ:

— Ни бось, ни бось, барыня, за меня держись—ни падешь...

Соня и Маша взяли подъ руки Ольгу Андреевну и, споты-

каясь, вели ее вслѣдъ за татариномъ, который раздвигалъ каждый кустъ и прокладывалъ путь.

Спустились на дно, заросшее высокими листьями чернаго папоротника. Пришли къ мѣсту, гдѣ было логовище разбойниковъ. Трава здѣсь была сильно примята. Очевидно, всю ее тщательно обыскивали: въ нѣсколькихъ мѣстахъ были вырыты маленькія ямки—пробовали почву. Вдругъ Соня вскрикнула, нагнулась и подняла что-то.

— Барышнина шпилька! — вскричала она, поднимаясь съ колѣнъ, и какъ будто обрадовалась этой находкѣ.

Дѣйствительно, это была шпилька Вѣры. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться,—это была одна изъ тѣхъ шпилекъ, особенныхъ, длинныхъ, которыя Ольга Андреевна, черезъ своихъ знакомыхъ, нарочно выписала изъ Карлсбада для густыхъ волосъ Вѣры.

Шпильку Ольга Андреевна также спрятала въ свой маленькій карманный портфельчикъ.

„Вѣрно, выронила, голубушка моя родная",—подумала Ольга Андреевна, и слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Вѣдь вотъ!..—сказала Маша:—чай, здѣсь все обшарили, даже землю изрыли, а шпильку не нашли...

Соня начала также всматриваться и обшаривать всю траву и кусты, а за ней и всѣ другіе начали нагибаться и вглядываться во всѣ мелочи. Но ничего больше не нашли.

Только черезъ полчаса, когда пошли назадъ, то, къ крайнему изумленію всѣхъ, нашли шнурокъ отъ ботинки Вѣры, который висѣлъ на одномъ изъ кустиковъ. Нашла его Маша—и подняли споръ, принадлежитъ ли этотъ шнурокъ Вѣрѣ, или нѣтъ?.. И всѣ дивились, какъ и почему онъ могъ попасть на кустикъ.

Вернулись въ караушку поздно, усталые и проголодавшіеся.

Маша и Соня тотчасъ же спросили себѣ крынку молока. Гульхара дала имъ краюху чернаго хлѣба да большую чашку простокваши. Ольга Андреевна ни до чего не дотронулась. Она была въ томъ возбужденномъ состояніи, когда человѣкъ забываетъ о себѣ.

Черезъ часъ, вся компанія, молча, отправилась въ обратный путь. Ольга Андреевна постоянно ощупывала въ своемъ карманѣ лоскутокъ отъ платья Вѣры. Это была реликвія, которую она хотѣла привезти Любѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ думала: слѣдуетъ или не слѣдуетъ ей разсказать о найденной шпилькѣ и шнурочкѣ?..

„А шнурочекъ... Онъ, вѣрно, оторвался, когда уже несли ее —мертвую. Но гдѣ же они зарыли ее... злодѣи?.. Или бросили, не зарывая, какъ собаку“...—И она не чувствовала, какъ изъ глазъ ея медленно катились крупныя слезы, а сердце обдавалъ холодъ.

Лѣсныя находки произвели на Любу такое сильное впечатлѣніе, какого Ольга Андреевна никакъ не ожидала. Она буквально похолодѣла, поблѣднѣла и разразилась истерическимъ плачемъ. Она цѣловала лоскутокъ отъ платья Вѣры, рыдала и хохотала.

Толкунову, Ольгѣ Андреевнѣ и всѣмъ едва удалось, съ помощью валеріаны, aqua lauroceraſi и воды, успокоить ее и уложить въ постель. Толкуновъ сѣлъ подлѣ нея и она держала его руку. Въ другой рукѣ она держала лоскутокъ, найденный въ лѣсу, и, несмотря на всѣ уговоры и упрашиванія Толкунова, не хотѣла разстаться съ этими воспоминаніями объ ея дорогой Вѣрѣ.

Когда она успокоилась и задремала, то всѣ на цыпочкахъ вышли изъ ея комнаты. Она во снѣ еще держала руку Толкунова, наконецъ ея рука ослабѣла, и Толкуновъ тихонько высвободилъ свою руку и осторожно вышелъ изъ комнаты. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Ольгу Андреевну.

— Скажите, пожалуйста, — обратился онъ къ ней,—что съ ней сдѣлалось?.. Вѣдь она никогда не была такою нервною?..

— Ахъ, Владиміръ Элизаровичъ!.. Вѣдь, все-таки, сестра... Онѣ росли вмѣстѣ, все было общее, и вдругъ такая ужасная потеря!..

Но Толкуновъ все-таки не понималъ. Онъ не могъ понять, почему въ присутствіи его Люба не можетъ сосредоточить свое чувство привязанности на немъ исключительно, и ревновалъ. И поводъ къ этому ревнивому чувству исчезъ не скоро.

Съ этого самаго вечера Люба какъ будто измѣнилась. Она сдѣлалась разсѣянна, задумчива, часто не отвѣчала на вопросы Толкунова или отвѣчала невпопадъ.

— Ладя, моя милая, дорогая!—допрашивалъ ее Толкуновъ: —что съ тобой?

Она обхватывала его руками и крѣпко прижималась къ нему.

— Ты для меня все, все... — шептала она:—Но это... невольно... вѣдь она была мнѣ и другомъ, и гувернанткой, моимъ руководителемъ. Я надоѣдала ей часто моими вопросами, и она, добрая, никогда не сердилась на меня. Съ тѣхъ поръ, какъ она пропала, я чувствую какую-то пустоту въ сердцѣ. Тамъ стоишь ты, мой милый, желанный, а рядомъ съ тобой никого нѣтъ.

И она заплакала. А Толкуновъ, боясь, чтобы она не разрыдалась и опять не впала въ истерику, утѣшалъ и успокоивалъ ее.

Такъ шли дни за днями. Напрасно и Ольга Андреевна, и Толкуновъ старались всѣми силами развлечь ее, разсѣять.

— Люба!—говорилъ онъ:—милая моя, когда же будетъ наша свадьба? Ты совсѣмъ забыла о ней и обо мнѣ также.

— Милый, дорогой мой! Погоди... Я живу каждый день въ страхѣ и ожиданьѣ. Ты самъ видишь, что меня пугаетъ каждый стукъ, каждый шорохъ. Мнѣ все кажется, что вотъ, вотъ, принесли вѣсть, что Вѣра убита.

И она, вздрогнувъ, крѣпко прижалась къ Толкунову и заплакала.

И дѣйствительно, ее пугалъ каждый неожиданный стукъ и каждый шорохъ. При каждомъ стукѣ она постоянно вздрагивала.

— Люба милая! Вѣдь думая объ одномъ и томъ же, можно сойти съ ума... Надо развлечься или... примириться...

Люба немного успокоилась и начала говорить сквозь слезы.

— Водя милый!.. Вѣдь я сама не знала, что я такъ сильно люблю ее. Когда мы были вмѣстѣ, то я не замѣчала ея, я привыкла видѣть ее постоянно... И теперь... вдругъ... я одна...

— Назначь же скорѣе день свадьбы, — прошепталъ онъ, обнявъ ее,—и ты не будешь одна. Мы всегда будемъ вмѣстѣ...

Она отстранилась отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, родной!.. Ради Бога... дай мнѣ успокоиться! До тѣхъ поръ я не буду покойна, я не буду счастлива даже съ тобой. Сегодня, завтра, мы навѣрно получимъ какую-нибудь вѣсть,—а теперь мнѣ тяжела всякая мысль, которая отрываетъ меня отъ моей бѣдной, несчастной Вѣры...

Толкуновъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій. Ему казалось нелѣпой, уродливой эта любовь. Тонкій ядъ ревности волновалъ его. Подумавъ немного, онъ рѣшился ждать.

„Пройдутъ два, три дня,—думалъ онъ, — и это должно же кончиться. Это не можетъ продолжаться... И что же это за малодушіе съ моей стороны! Другіе ждутъ по цѣлымъ годамъ, а я не могу подождать нѣсколько дней. Глупо! Вѣдь очень можетъ быть, что если теперь она не примирится съ своимъ положеніемъ, то потомъ снова можетъ явиться къ ней это чувство привязанности къ Вѣрѣ,—и тогда будетъ трудно помочь.

И онъ твердо рѣшился ждать и даже не думать о свадьбѣ.

XXXIII.

Черезъ два-три дня, очень рано утромъ, часу въ третьемъ или въ четвертомъ, на дворъ усадьбы Драевскихъ въѣхала небольшая телѣга, покрытая рогожей. День былъ пасмурный; мелкій дождь, почти не переставая, шелъ уже три дня сряду.

Телѣга подъѣхала къ кухнѣ. Мужикъ, сидѣвшій на облучкѣ, слѣзъ съ него и, осторожно приподнявъ рогожу, заговорилъ тихо:

— Барышня, а барышня? Вставай—пріѣхали!..

Но барышня не отзывалась. Онъ поправилъ большую мѣховую шапку, въ родѣ малахая, и тяжело, неуклюже передвигая ноги, облѣпленныя грязью, направился въ кухню.

Онъ пробылъ тамъ довольно долго. Вышла, наконецъ, какая-то пожилая женщина, въ родѣ стряпухи; выскочилъ поваренокъ...

Оба они потолковали съ пріѣхавшимъ мужиченкомъ. Откуда и какъ онъ привезъ барышню?

— Я-те баю, изъ Коврякина... Знашь Коврякино?

— Это подлѣ Лебязьева?

— Како Лебязьево!.. Это въ той сторонѣ, а это—въ энтой.

— Что же, она наняла тебя, что-ль?

Мужикъ ничего не отвѣтилъ и спросилъ:

— Господа-то, чай, спятъ еще?

Женщина всматривалась въ лицо спящей.

— Какъ будто похудѣла, — проговорила она задумчиво. — Чай, надо пойти будить тамъ.

— Я сейчасъ сбѣгаю!—вызвался поваренокъ, и бѣгомъ отправился будить „тамъ“.

Онъ разбудилъ Антона. Этотъ быстро вскочилъ съ коника и, шатаясь, зашепталъ:

— Что̀ тако? что̀ тако? Батюшки-свѣты! — И онъ началъ быстро креститься, приговаривая:—Пресвятая Богородица, Пресвятая Богородица, помилуй насъ!

Прошло еще нѣсколько минутъ, пока поваренокъ втолковалъ ему, что привезли барышню, Вѣру Александровну.

Антонъ пріотворилъ двери въ дѣвичью и босой ногой толкнулъ маленькую дѣвчонку, Катьку, которая спала на полу, у двери.

— Разбуди! Слышь... разбуди! Барышню привезли.

Маша и Соня услыхали этотъ тревожный шопотъ и быстро вскочили. Маша тотчасъ же надѣла на себя платье и босая бросилась на верхъ; но Соня предупредила ее. Она была въ платьѣ и побѣжала впереди.

И не успѣли онѣ подняться до пол-лѣстницы, какъ дверь изъ комнаты Любы отворилась, и на порогѣ показалась Люба. Она также спала, не снимая своего пеньюара и обутая.

— Что?.. Гдѣ?.. — вскричала она и въ ту же минуту инстинктивно бросилась внизъ.

Въ это время Катька, уже натянувшая платье, успѣла выбѣжать на дворъ и, вернувшись, передала бѣжавшимъ, что барышню привезли въ кухню.

И Люба, въ сопровожденіи Маши и Сони, каждую минуту готовая потерять сознаніе, бѣжала къ кухнѣ.

Въ это время Вѣру уже разбудили. Она приподнялась и сидѣла въ телѣгѣ, держа обѣими руками голову.

Люба бросилась къ ней и, рыдая, обняла ее. Вѣра слегка отстранила ее.

— Постой!—сказала она:—больно!

— Гдѣ? гдѣ? родная!..

Но Вѣра ничего не отвѣтила, а Люба въ первый разъ всмотрѣлась въ нее. Да, полно, Вѣра ли это?—промелькнуло въ ея головѣ.

Дѣйствительно, трудно было узнать Вѣру въ этой исхудалой, загорѣлой крестьянской дѣвушкѣ, одѣтой въ посконный, полинялый сарафанъ, обутой въ грязныя лапти и прикрытой изорваннымъ грошовымъ клѣтчатымъ платочкомъ.

— Сойди съ телѣги, родная моя! — сказала Люба, тщетно силясь снять ее. Но тутъ же всѣ стоявшіе и окружавшіе телѣгу бросились и сняли ее съ телѣги.

А она дико закричала:

— Не тронь! не тронь!.. Не смѣй!..

Ее поставили на землю—и отступили.

— Вѣра, Вѣра, неужели ты меня не узнала? Вѣдь я—твоя Люба...

Вѣра опять схватилась обѣими руками за голову и проговорила:

— Постой! Это такъ трудно, тяжело!

Люба тихонько обняла ее и повела къ крыльцу.

А суматоха быстро распространилась по всему дому и всей усадьбѣ, и всѣ собрались около телѣги, привезшей барышню, бѣжали со всѣхъ сторонъ.

Съ крыльца сходила Ольга Андреевна; ее поддерживали Ѳедоровна и Аграфена Семеновна. Акулина Степановна шла сзади, но съ крыльца она спустилась быстро и почти подбѣжала къ

Вѣрѣ и подхватила ее подъ-руку,—но Вѣра отмахнулась отъ нея, и такъ она осталась съ раскрытымъ ртомъ.

— Господи!—прошептала она.—Что съ ней?—Слезы текли по ея щекамъ.

Передъ самымъ крыльцомъ встрѣтила Вѣру Ольга Андреевна, и съ страстнымъ чувствомъ бросилась обнимать ее.

Но она и Ольгу Андреевну также отстранила съ тѣми же словами:

— Постой, постой. Мнѣ тяжело... больно...

— Гдѣ больно? Родная моя, скажи мнѣ, гдѣ больно?..

Вѣра показала на голову, на грудь, застонала и потянулась впередъ на крыльцо. Всѣ бросились помогать ей всходить по ступенямъ и почти внесли ее на рукахъ.

Изъ передней она потянулась въ залу, затѣмъ въ гостиную и на балконъ. Множество рукъ бросилось открывать балконныя двери и вывели ее на террасу. Кто-то поставилъ ей легкое, плетеное кресло. Она опустилась на него, опять взялась обѣими руками за голову и оперлась локтями въ колѣни. Всѣ стояли около нея молча. Многіе плакали.

— Вѣруша моя, родная!—нагнулась къ ней Ольга Андреевна. —Ты не узнаешь меня?.. Нѣтъ?

Вѣра рѣзко отняла руку отъ головы, посмотрѣла на нее дикими, мутными глазами и тихо, какъ-то машинально, повторила:

— Нѣтъ!.. Больно!

Ольга Андреевна быстро повернулась и вошла въ комнаты.

— Доктора! Надо скорѣе доктора позвать! — проговорила она и пошла быстро къ себѣ на верхъ.

Домашнимъ докторомъ у Драевскихъ былъ Семенъ Ѳедоровичъ Шабашкинъ—старичокъ, уже сѣдой и чрезвычайно добродушный. Онъ лечилъ по старымъ книгамъ, проповѣдывалъ какую-то теорію „измѣнчивыхъ кразъ“ и бывалъ у Драевскихъ разъ въ два и въ три мѣсяца. Онъ жилъ въ маленькомъ городкѣ, въ Спасскѣ, въ сорока верстахъ отъ Вознесенскаго. Ольга Андреевна написала записку и за нимъ тотчасъ же послала толковаго человѣка, съ наказомъ скакать во всю прыть, и если найдетъ дома, то тотчасъ же привезти его.

„Онъ вѣрно дома, — подумала Ольга Андреевна. — Теперь еще такъ рано“.

У Семена Ѳедоровича были свои лошади и маленькій крѣпкій тарантасикъ, въ которомъ онъ разъѣзжалъ по окрестнымъ деревнямъ и селамъ. Около Спасска было его небольшое имѣньице.

Онъ выслужилъ уже пенсію въ качествѣ главнаго доктора приказа общественнаго призрѣнія и теперь жилъ съ семьей на покоѣ—довольный и своей судьбой, и своими паціентами, которые всѣ любили его.

— Это добрѣющая душа,—говорили они.

И около его порога, почти каждое утро, можно было видѣть его паціентовъ, изъ которыхъ нѣкоторые приходили за тридцать и даже семьдесятъ верстъ.

Семенъ Ѳедорычъ лечилъ охотнѣе своихъ деревенскихъ паціентовъ гомеопатіей.

— Для нихъ и для насъ это способнѣе-съ — говорилъ онъ своимъ тонкимъ теноромъ. — Натура крестьянская—простая-съ натура, неиспорченная-съ. На нее и малѣйшая доза какой-нибудь ипекакуаны будетъ дѣйствовать, и измѣнитъ кразу-съ, а въ этомъ-то вся и есть суть.

Впрочемъ, онъ не отвергалъ помощь и аллопатіи, и въ больницѣ приказа постоянно лечилъ аллопатическими средствами.

— Это вѣдь средства геройскія-съ!—говорилъ онъ:—а мы —не герои-съ.—И въ этихъ случаяхъ онъ всегда прибѣгалъ къ гомеопатическимъ дозамъ и пропорціямъ. Если нужно было больному поставить піявки, то онъ сначала очень храбро обращался къ фельдшеру и говорилъ:

— Поставьте ему-съ сотню піявокъ... Или, лучше, семьдесятъ-пять. Сотни-съ много.

Но, пройдя двѣ палаты, онъ снова обращался къ своему распоряженію, и уменьшалъ число піявокъ до пятидесяти, до тридцати и наконецъ даже до пятнадцати...

— Ему-съ и отъ пятнадцати будетъ легче-съ, — говорилъ онъ.—Сейчасъ краза измѣнится-съ. А пятнадцать піявокъ—у-у! сколько крови высосутъ!.. Нѣтъ-съ, поставьте только десять, и больше не надо. Не слѣдуетъ...

Посланный нашелъ Семена Ѳедоровича дома, и тотъ, несмотря на ранній часъ, тотчасъ же поднялся съ постели, велѣлъ живо заложить тройку бойкихъ лошадокъ-вятокъ и покатилъ. Черезъ два съ половиной часа, онъ уже подъѣзжалъ къ крыльцу Драевскихъ.

Его тотчасъ же повели на балконъ, гдѣ Вѣра сидѣла все въ томъ же положеніи.

Нѣсколько разъ Ольга Андреевна и Люба добивались отъ нея отвѣта, но всѣ ихъ старанія были безплодны. Вѣра отмахивалась, мычала или говорила:—Постой!.. Погоди!..

Семенъ Ѳедорычъ подступилъ къ ней осторожно, заложивъ

руки за спину и глядя исподлобья. Онъ нѣсколько мгновеній стоялъ и смотрѣлъ на нее внимательно, даже ротъ его былъ раскрытъ.

Ему уже успѣли разсказать въ краткихъ словахъ, перебивая другъ друга, обо всемъ, что случилось и что узнали отъ мужичка, привезшаго Вѣру.

Впрочемъ, узнали отъ него весьма немного. Узнали, что Вѣра сама пришла къ нимъ въ деревню. Но это показаніе онъ вскорѣ измѣнилъ, и началъ говорить, что ему приказано было отвезти. Но кѣмъ приказано,—этого никто не могъ отъ него добиться. Онъ то прикидывался ничего непонимающимъ и незнающимъ, то сплеталъ какую-то фантастическую, вовсе неправдоподобную сказку о томъ, что становой привезъ Вѣру и велѣлъ ему всенепремѣнно тотчасъ же отвезти ее въ Вознесенское, въ усадьбу. Но тутъ же утверждалъ, что Вѣра пришла сама, а становой тутъ не при чемъ, и что ему не велѣно сказывать... Однимъ словомъ, путался и сбивался, и плелъ, что ему попадало на языкъ, но о шайкѣ Быкова не заикнулся ни однимъ словомъ, какъ его ни направляли на этотъ пунктъ.

— Запретили ему говорить. Напужали, — поясняла Акулина Степановна.

Семенъ Ѳедоровичъ потихоньку, крадучись, все ближе и ближе подходилъ къ Вѣрѣ, и махалъ и шикалъ на всѣхъ, кто ему сообщалъ что-нибудь сзади. Подойдя почти вплоть, онъ нагнулся и тихонько спросилъ шопотомъ:

— Головка, барышня, болитъ?

Вѣра тотчасъ же обернулась къ нему и показала пальцемъ одно мѣсто надъ лѣвой бровью.

— Да-съ, сударыня, точно-съ, болитъ... Стрѣляетъ-съ?—проговорилъ онъ нѣсколько громче:—или ломитъ?.. ноетъ?..

Вѣра опять приняла прежнюю позу и замолкла.

— Это съ самаго утра, какъ ее привезли,—шептала Ольга Андреевна,—съ третьяго часу... и вотъ до сихъ поръ сидитъ въ такой позѣ и ни съ мѣста, и все молчитъ, все молчитъ...

Семенъ Ѳедорычъ началъ ерошить свои сѣдые, довольно коротко остриженные волосы и слегка засучилъ рукава. Потомъ принялся ходить взадъ и впередъ по террасѣ, никого не слушая и ни на кого не обращая вниманія. Затѣмъ вдругъ рѣзко обернулся къ Ольгѣ Андреевнѣ и тихо сказалъ:

— Это бываетъ-съ... Отъ сильнаго потрясенія-съ. Кразы мѣняются-съ, и это отражается, на мозговомъ чувствилищѣ и про-

изводитъ афазіюдъ — потерю рѣчи... Но не будетъ ли это дѣло мозговой опухоли? Нарыва-съ? Вотъ вопросъ-съ...

— Мама,—сказала Люба ей на ухо.—Надо бы еще кого-нибудь пригласить. Что этотъ Водя не ѣдетъ?.. Несносный!

Она послала къ нему записку, почти тотчасъ же какъ привезли Вѣру.

Между тѣмъ Семенъ Ѳедорычъ продолжалъ говорить какъ бы самъ съ собой.

— Конечно, необходимо отвлеченіе-съ и въ возможно скоромъ времени, чтобы предупредить-съ. — И обратившись къ Ольгѣ Андреевнѣ,—сказалъ громко: — Необходимо кровопусканье-съ... Піявочекъ-съ... штукъ пятьдесятъ или тридцать... Впрочемъ, барышня молодая... Ей достаточно будетъ штукъ двадцать... даже десять довольно... слишкомъ довольно, чтобы измѣнить кразу-съ... А внутрь я пропишу очистительное и успокоительное... Конечно, надо бы язычокъ посмотрѣть-съ... Да что-же дѣлать-съ? — И онъ развелъ руками.

Но поставить піявки не удалось. Несмотря на всѣ упрашиванья и Любы, и Ольги Андреевны, и всѣхъ, Вѣра отмахивалась руками и говорила:

— Послѣ, потомъ!..

Ольга Андреевна уговаривала ее взойти на верхъ и лечь на ея кровать, но и на это отвѣта не получили. Думали, наконецъ, унести ее въ креслѣ — но она подняла такой неистовый крикъ и плачъ, что всѣ невольно отступили. Она постоянно кричала:

— Не тронь! не тронь! не смѣй!..

— Что же дѣлать?—говорилъ Семенъ Ѳедорычъ.—Надо выжидать-съ! Съ такими больными необходимо-съ терпѣнье... Глубокое терпѣнье. Насильно-съ если, то все можно испортить...

Ольга Андреевна ушла къ себѣ на верхъ и цѣлый часъ молилась и плакала.

Въ это время, изумленный и перепуганный, прискакалъ Толкуновъ. Люба написала къ нему отчаянную записку. Она вышла къ нему на встрѣчу и, идя вмѣстѣ съ нимъ, быстро передавала ему о случившемся.

Былъ уже седьмой часъ утра. Всѣ ходили съ возбужденными, натянутыми нервами отъ ранняго вставанія и этого переполоха.

Толкуновъ подошелъ къ Вѣрѣ и сказалъ громко, протянувъ ей руку:—Здравствуйте, Вѣра Александровна!

Но она ничего не отвѣтила. А онъ, тщетно подождавъ отвѣта, отвернулся и сказалъ громкимъ шопотомъ:

— Тутъ дѣлать нечего. Надо сейчасъ же ѣхать къ Немировскому.

XXXIV.

Немировскій былъ молодой, богатый закамскій помѣщикъ и докторъ. Его спеціальность была нервныя и душевныя болѣзни, но онъ не отказывался лечить и другія болѣзни.

Жилъ онъ анахоретомъ и затворникомъ—ни у кого не бывалъ, и къ нему никто не ѣздилъ. Но слава его, какъ искуснаго и знающаго доктора, какими-то невѣдомыми путями была распространена по всему Закамью.

Кончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, онъ отправился за границу, гдѣ провелъ два года, изучая курсы медицины и хирургіи въ различныхъ университетахъ. Былъ въ Парижѣ у Нелатона, въ Лондонѣ у Карпентера, въ Вѣнѣ у Гризингера. Возвратясь домой, въ свое закамское имѣніе Немировку, онъ устроилъ въ немъ небольшую больницу на десять кроватей и принималъ въ нее только тѣхъ душевно-больныхъ, которыхъ болѣзнь была для него интересна. Современемъ, онъ надѣялся своими наблюденіями достичь серьезныхъ результатовъ.

Толкуновъ сказалъ, что Немировскій, если его пригласить запиской, то вѣроятно не поѣдетъ,—и что надо отправиться къ нему и уговорить пріѣхать.

— Я сейчасъ же, — прибавилъ онъ, — съ удовольствіемъ съѣзжу, только дайте лошадей и толковаго провожатаго.

Тотчасъ же заложили тройку въ шарабанъ, а кучеръ Силантій заявилъ, что онъ отлично знаетъ дорогу въ Лакушино, а отъ Лакушина до Немировки—„рукой подать... и пяти верстъ не будетъ“.

Шарабанъ подкатилъ къ крыльцу. Люба крѣпко поцѣловала и перекрестила Толкунова, и онъ поскакалъ.

Добрались благополучно до Лакушина, —разспросили, какъ ѣхать, и черезъ полчаса Силантій указалъ на большое село съ богатой каменной церковью и большимъ господскимъ домомъ.

— Вотъ!—сказалъ онъ.—Это Немировка.

Толкуновъ жадно всматривался въ этотъ домъ, окруженный густымъ липовымъ садомъ, и разсказы, давно забытые, мало-помалу воскресали въ его памяти,—разсказы, слышанные Богъ знаетъ отъ кого и неизвѣстно, насколько справедливые.

Говорили, что Вадимъ Вадимовичъ Немировскій былъ усыновленъ Вадимомъ Васильевымъ и былъ сынъ его и цыганки

Марьи Аркадьевны. Разсказывали много о его дѣтствѣ очень страннаго, что, будто бы, съ пяти до десяти лѣтъ онъ взросъ одиноко въ лѣсу, лѣснымъ дикаремъ; что мать его почти ненавидѣла, а отецъ относился какъ-то странно къ нему и къ матери, которую онъ любилъ до безумія, но мучилъ ревностью и, наконецъ, будто бы, убилъ ее. Но это убійство было скрыто, такъ что никто не зналъ, гдѣ покоится ея прахъ.

Толкуновъ ни разу въ жизни не видалъ Немировскаго. По разсказамъ онъ воображалъ встрѣтить въ Немировскомъ что-то необыкновенное и оригинальное. Онъ даже не былъ увѣренъ, что Немировскій приметъ его и исполнитъ его просьбу. Но желаніе помочь Вѣрѣ было такъ сильно, и случай ея болѣзни былъ такъ страненъ и необыкновененъ, что онъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ своей поѣздки. При томъ и положеніе Драевскихъ въ округѣ должно было импонировать, да наконецъ собственное его положеніе, какъ человѣка образованнаго, жившаго за границей, сына бывшаго предводителя, непремѣнно должны повліять на успѣхъ.

Съ этой мыслью онъ въѣхалъ на широкій дворъ Немировской усадьбы. Тарантасъ подкатилъ къ подъѣзду съ большими дверями и къ большому двуэтажному каменному дому, очень странной архитектуры. Въ главномъ корпусѣ этого дома было два этажа, но сбоку были деревянныя пристройки, направо въ одинъ этажъ, а налѣво,—въ четыре. Пристройки, очевидно, заброшенныя, нежилыя, съ заколоченными ставнями. Но всего поразительнѣе было то, что въ самомъ домѣ окна были несимметричныя. Подлѣ двухъ большихъ оконъ было маленькое окно, подлѣ—опять большое венеціанское окно. Самый подъѣздъ былъ не на серединѣ, а въ сторонѣ отъ него и подлѣ маленькихъ оконъ, съ чугунными вычурными перилами.

При видѣ этого страннаго фасада Толкуновъ вспомнилъ разсказы объ отцѣ Немировскаго. По этимъ разсказамъ, отецъ его былъ въ неполномъ умѣ и любилъ, какъ выражались, „строиться“; и дѣйствительно, на дворѣ было много какихъ-то построекъ, не менѣе странныхъ, чѣмъ и самый домъ.

Никто не встрѣтилъ пріѣхавшихъ. Выскочила только изъ конуры какая-то дряхлая собака и принялась лаять глухимъ, дряблымъ, надорваннымъ лаемъ, какъ будто исполняя оффиціальную обязанность.

Толкуновъ, потягиваясь, вышелъ изъ тарантаса и направился къ большимъ дверямъ подъѣзда. Онъ съ усиліемъ отворилъ ихъ и вошелъ въ большую переднюю, почти темную, въ которой не

было ни души. Въ углу были навалены обломки какихъ-то машинъ, вѣроятно сельскохозяйственныхъ. Въ переднюю выходило нѣсколько дверей. Толкуновъ вошелъ въ одну изъ нихъ и очутился въ большой залѣ, въ которой было венеціанское окно. За этой залой виднѣлись еще и еще комнаты, въ которыхъ кто-то возился.

Толкуновъ кашлянулъ и громко спросилъ:

— Кто здѣсь есть?

На этотъ окликъ изъ заднихъ комнатъ вышелъ человѣкъ въ фартукѣ, съ сѣдыми, коротко остриженными усами и сѣдой, косматой головой.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ Толкунова.

— Г-нъ Немировскій дома?

— А вамъ зачѣмъ?

— Я спрашиваю: дома г-нъ Немировскій? — повторилъ настойчиво Толкуновъ.

— Дома. Да имъ неколи.—И человѣкъ, продолжая вытирать стекло отъ лампы, круто повернулся и опять ушелъ въ заднія комнаты.

Толкуновъ покраснѣлъ. Его помѣщичья натура возмутилась. Онъ быстро вошелъ въ заднія комнаты и увидалъ того же человѣка и съ тѣмъ же стекломъ.

— Доложи г. Немировскому,—сказалъ онъ внушительно, что помѣщикъ Толкуновъ желаетъ ихъ видѣть и имѣетъ до нихъ крайнюю необходимость, и вотъ передай ему мою карточку.

И онъ вынулъ изъ портфеля визитную карточку и протянулъ ее человѣку.

— А вы положите ее на оконце... У меня руки-то грязны,— сказалъ человѣкъ съ самымъ флегматическимъ спокойствіемъ.

— Да мнѣ скорѣе надо видѣть его! — вскричалъ Толкуновъ.—Тамъ больная не ждетъ...

Человѣкъ уставился на него съ недоумѣніемъ, высоко поднявъ свои густыя сѣдыя брови и раскрывъ ротъ.

— Да вѣдь они теперь въ больницѣ.

— Кто въ больницѣ?

— Да они—Вадимъ Вадимычъ...

— Такъ ты снеси ему карточку, Вадиму Вадимычу, — и скажи, что мнѣ очень нужно ихъ видѣть...

Человѣкъ, еще постоявъ нѣсколько мгновеній въ недоумѣніи, принялся кричать:

— Митька!.. а, Митька!..

Но никто не откликался на этотъ зовъ.

— Да ты укажи мнѣ только, какъ пройти въ больницу. Я самъ пройду.

Человѣкъ опять уставился на него въ изумленіи.

— Вѣдь они, чай, забранятся... Скажутъ: непорядокъ... „Я тебя, скажутъ, сколько разъ училъ, чтобы, когда я въ больницѣ, ты никого бы ко мнѣ не впускалъ“...

— Дя ты покажи мнѣ только, гдѣ больница... Я самъ пойду.

Человѣкъ совсѣмъ растерялся. Онъ заметался, бросилъ тряпку или полотенце, которымъ вытиралъ стекло, поставилъ бережно его на подоконникъ—и, подойдя къ Толкунову, наклонился къ нему и проговорилъ почти шопотомъ:

— Батюшка ты мой! Какъ же я-те укажу дорогу, когда они строго-на̀-строго приказали: „И дороги никому не указывай“!?

Толкуновъ понялъ, что всѣ пути и доступы отрѣзаны. Онъ повернулся и быстро пошелъ вонъ. Опять съ трудомъ растворилъ онъ тяжелыя подъѣздныя двери, и опять собака выскочила изъ конуры и залаяла тѣмъ же дряблымъ лаемъ.

Шарабанъ по прежнему стоялъ у подъѣзда.

— Чортъ ихъ знаетъ!..—сказалъ Толкуновъ, обращаясь къ Силантію.—Не доберешься толку... Не знаешь—гдѣ у нихъ больница? На селѣ или здѣсь, въ усадьбѣ?

— Должно быть, на селѣ,—сказалъ Силантій,—а можетъ быть, и здѣсь, въ усадьбѣ.

Толкуновъ обогнулъ домъ; за нимъ было много разныхъ построекъ, одноэтажныхъ и двухэтажныхъ, большею частью нежилыхъ, которыя стояли, покачнувшись, съ заколоченными ставнями, очевидно, заброшенныя.

Какая-то баба попалась ему на встрѣчу. Онъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Гдѣ больница?

— Кака больница?

— Больница здѣшней усадьбы, господская больница — лечебница.

— А-а!.. Не знаю я, батюшка... не знаю... Я вѣдь не здѣшня. Я—калиновска...— и баба отправилась дальше.

Но Толкуновъ остановилъ ее.

— Да ты зачѣмъ же сюда приходила?

— А я—къ дохтору, касатикъ милый, къ дохтору... У меня, вотъ третій годъ, стрѣлъ въ кость вошелъ... Какъ къ вёдру—такъ ничего, а въ нѐпогодь...

— Да гдѣ же докторъ?

— А онъ тамъ... тамотка...—И баба махнула рукой назадъ.

— Да гдѣ же—тамъ?..

— А тамъ, тамотка изба есть... Така просторна изба... Тамъ и дохтуръ сидитъ... Онъ мнѣ и лекарство далъ... Вотъ погляди, касатикъ...

Но „касатикъ" быстро зашагалъ въ указанномъ направленіи.

Зайдя за всѣ постройки, онъ увидалъ новую, дѣйствительно просторную избу, которая и была больница, съ мелкими переплетами у оконъ. Всѣ окна были отворены настежъ. Онъ взошелъ на небольшое крылечко и отворилъ половинку двустворчатой двери. Его обдало какимъ-то лекарственнымъ запахомъ. Комнатка была занята большимъ шкафомъ съ стеклянными дверцами, сквозь которыя можно было видѣть банки и разныя лечебныя принадлежности. Кромѣ шкафа, въ комнатѣ было нѣсколько стульевъ, простыхъ, деревянныхъ, некрашенныхъ.

Почти тотчасъ же въ комнату вошелъ какой-то молодой парень въ сѣромъ казакинѣ.

— Вадима Вадимыча я могу видѣть? — обратился къ нему Толкуновъ.

— А, право, не знаю...— отвѣтилъ сѣрый казакинъ.— Они теперь на той половинѣ заняты.

Но эти слова были прерваны какими-то дикими, неистовыми криками, на которые Толкуновъ обернулся.

— Вы подождите здѣсь,—сказалъ казакинъ.—Они, можетъ быть, скоро выйдутъ...

— Мнѣ необходимо видѣть его какъ можно скорѣе,—сказалъ Толкуновъ.

Сѣрый казакинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ повернулся и ушелъ.

Крики опять раздались и какой-то смѣшанный говоръ голосовъ. Толкуновъ сталъ ждать.

„Онъ долженъ здѣсь пройти... и я его дождусь",—думалъ онъ и сѣлъ на стулъ.

И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ въ ближней комнатѣ, гдѣ были кровати и расхаживали больные, раздались голоса, и Толкуновъ увидѣлъ опять сѣрый казакинъ и вмѣстѣ съ нимъ другой казакинъ—черный. Они оба шли по сторонамъ человѣка довольно высокаго роста, немного сутуловатаго, съ лицомъ, которое сразу поразило Толкунова необыкновенными особенностями.

Необыкновеннѣе всего были глаза, довольно большіе, чер-

ные, живые, блестящіе и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчивые. Взглядъ ихъ, быстрый и твердый, какъ будто пронизывалъ человѣка насквозь. При этихъ глазахъ—густые, слегка курчавые, черные волосы, которые падали на большой лобъ. Во всемъ лицѣ и даже въ цвѣтѣ его чувствовался южный, цыганскій типъ. Правильныя черты лица съ довольно длиннымъ, прямымъ носомъ и при этомъ большіе усы и маленькія баки.

При взглядѣ на него, Толкунову живо припомнились разсказы о цыганскомъ происхожденіи Немировскаго. Даже мужички, его паціенты, звали его чаще „цыганомъ" или просто—Вадимъ Вадимычемъ, чѣмъ по фамиліи, хотя за его имѣніемъ оставалось неизмѣннымъ названіе „Немировки".

Толкуновъ слегка поклонился ему, отрекомендовался и сказалъ, что онъ пріѣхалъ съ крайней и убѣдительнѣйшей просьбой. Немировскій молчалъ и смотрѣлъ на него пристально.

— У генеральши Драевской, которой имя вы, вѣроятно, слышали, — разсказывалъ Толкуновъ, — есть племянница, Вѣра Александровна, и эта барышня имѣла несчастіе встрѣтиться,—разумѣется, случайно,—и попасть въ руки шайки Быкова.

— Я это слышалъ,—сказалъ Немировскій, продолжая смотрѣть на Толкунова своимъ строгимъ, немигающимъ взглядомъ.

— Сегодня она вернулась... Неизвѣстно—сама или ее привезли—только въ крайне плачевномъ состояніи... Она никого не узнаетъ, молчитъ, сидитъ все время неподвижно и жалуется на боль въ головѣ... Будьте столь любезны, взгляните на нее... Мы боимся, что она помѣшалась... Такое потрясенье... Вы понимаете?..

— Можетъ быть, — сказалъ Немировскій — неторопливо и какъ бы отчеканивая каждое слово. — Можетъ быть, это и помѣшательство... Но, во всякомъ случаѣ, не острая форма, а можетъ быть припадокъ истеріи, смѣшанной съ какимъ-нибудь...— Онъ не вдругъ закончилъ фразу, а какъ-то оттянулъ послѣднее слово и сказалъ его, продолжая пристально смотрѣть на Толкунова, почти шопотомъ:—съ какимъ-нибудь осложненіемъ. Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ Немировскій, — я могу быть свободнымъ только черезъ два часа, не ранѣе, какъ черезъ два часа, и тогда тотчасъ же отправлюсь къ вашей больной,—и онъ посмотрѣлъ на свои карманные часы и при этомъ взглянулъ на висѣвшіе на стѣнѣ часы съ большимъ и сложнымъ маятникомъ, который качался безъ всякаго шума.

— Такъ я подожду васъ?—сказалъ Толкуновъ.

— Зачѣмъ же вы будете ожидать?.. Дорога въ имѣнье Дра-

евскихъ всѣмъ хорошо извѣстна, и ѣзды туда не болѣе трехъ часовъ.

— Да, — подтвердилъ Толкуновъ, — скорой ѣзды не болѣе трехъ часовъ.

Немировскій на это ничего не сказалъ; не подавая Толкунову руки, онъ слегка поклонился ему и, рѣзко повернувшись, опять удалился въ сопровожденіи своихъ двухъ адъютантовъ-помощниковъ, сѣраго и чернаго, во внутреннія комнаты.

„Вишь ты, какой баринъ!..—подумалъ Толкуновъ, озадаченный этимъ сухимъ и церемонно-оффиціальнымъ пріемомъ.—Точно какая-нибудь высокопоставленная особа!“

И, подъ впечатлѣніемъ этого холоднаго пріема, онъ быстро дошелъ до своего шарабана, толкнулъ заснувшаго Силантія и сказалъ ему ѣхать скорѣе. Ему все казалось, что съ Вѣрой, а можетъ быть и съ его Ладей случилось что-нибудь неладное.

Но непріятнаго ничего не случилось. Точно такъ же неподвижно сидѣла Вѣра, опустивъ голову на руки, и точно такъ же неподвижно сидѣли вокругъ нея, на балконѣ, всѣ прежнія лица, исключая Семена Ѳедоровича, который не рискнулъ поставить піявки и уѣхалъ, обѣщавъ заѣхать вечеромъ.

— Тогда-съ это лучше опредѣлится-съ...— сказалъ онъ. — Надо-съ... съ этимъ быть осмотрительнымъ-съ... Можно напортить-съ... съ поспѣшностью... да-съ...

Люба была въ страшномъ волненіи, дрожала, плакала и бранила этого гордаго доктора-цыгана.

— Еслибъ онъ зналъ, противный, какъ мама и я любимъ Вѣруньку, онъ бы навѣрное поторопился, бросилъ бы все и прискакалъ.

Толкуновъ, насколько могъ, утѣшалъ ее.

Время тянулось утомительно долго. Толкуновъ почти каждую минуту посматривалъ на часы. Подали завтракъ, но никто къ нему не притронулся. Только Толкуновъ съѣлъ кусокъ ростбифа.

Чѣмъ ближе стрѣлка подвигалась къ пяти часамъ, тѣмъ томительнѣе казалось ожиданіе.

Подали уже и обѣдъ. Осипъ нѣсколько разъ приходилъ докладывать, что горячее на столѣ, но къ этому горячему никто не стремился, тѣмъ болѣе, что Вѣра въ это время начала сильно метаться и постоянно хваталась за голову. Ея стоны дѣйствовали раздражительно на всѣхъ и въ особенности на Толкунова. Наконецъ, онъ не выдержалъ и съ нервнымъ раздраженіемъ сказалъ:

— Ее необходимо уложить въ постель... Иначе Немиров-

скому невозможно будетъ ее осмотрѣть...—и вмѣстѣ съ этими словами онъ съ рѣшительнымъ видомъ быстро подошелъ къ ней и взялъ ее на руки.

Но при этомъ она съ невѣроятной силой вырвалась отъ него, оттолкнула его, грохнулась на полъ и начала неистово, истерически хохотать и кататься по полу...

— Господи!.. Зачѣмъ вы это? — проговорила Ольга Андреевна, всплеснувъ руками.

— Да она, матушки мои, порченая!—вскричала Ѳедоровна, всплеснувъ руками.

— Испортили, испортили и есть голубушку мою!.. — заговорила со слезами Акулина Степановна.

Въ это время, съ необыкновеннымъ шумомъ и звономъ бубенчиковъ, влетѣлъ на дворъ тарантасъ, запряженный четверкой вороныхъ въ мылѣ, и изъ него вышелъ Немировскій въ сопровожденіи сѣраго казакина.

XXXV.

Немировскій, по указанію Осипа, двинулся изъ залы въ гостиную и оттуда на балконъ, гдѣ Вѣра каталась въ припадкѣ истерики.

Быстро, рѣшительно раздвинувъ стоявшихъ вокругъ нея, онъ уставился на нее и громко закричалъ:

— Что вы дѣлаете?!. Остановитесь!.. Хохотать барышнѣ стыдно... Не смѣйте хохотать!.. Я вамъ не позволяю!..

И онъ сдвинулъ свои густыя брови и прямо устремилъ взглядъ своихъ сильно блестящихъ черныхъ глазъ въ ея глаза.

Вѣра вдругъ затихла, перестала хохотать, приподнялась и медленно сѣла на полъ.

— Встаньте и сядьте на стулъ... Вамъ будетъ такъ удобнѣе,—сказалъ онъ повелительно и, взявъ ее за руку, помогъ ей встать и сѣсть на кресло.

Затѣмъ протянулъ руку назадъ, какъ бы ища стула, и нѣсколько рукъ тотчасъ же поспѣшно поставили ему стулъ. Онъ придвинулъ его напротивъ кресла и сѣлъ.

— Теперь скажите мнѣ, гдѣ у васъ болитъ?

Вѣра тотчасъ же приложила палецъ къ головѣ, надъ лѣвою бровью, и, опустивъ глаза, начала тихо всхлипывать.

— Не смѣть!.. Не смѣть!..—закричалъ онъ снова.—Не смѣть плакать! Болитъ голова?.. Тутъ?..

И онъ приложилъ свой палецъ къ тому мѣсту, гдѣ она показывала.

Вѣра, видимо избѣгая его взгляда, обращала свои умоляющіе глаза ко всѣмъ окружавшимъ ее, и слезы катились изъ ея глазъ.

Эта странная сцена произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

Толкуновъ нѣсколько разъ хотѣлъ вмѣшаться и остановить грубыя приказанія Немировскаго, и не могъ этого сдѣлать; онъ держалъ въ своихъ рукахъ Любу, прижимавшуюся къ нему, дрожавшую какъ листъ и готовую каждую минуту упасть въ обморокъ. Ольга Андреевна молча молилась. Акулина Степановна читала: „Да воскреснетъ Богъ", и ждала, когда этотъ страшный колдунъ-цыганъ выгонитъ бѣса изъ ея милой барышни-Вѣруши.

— Теперь,—сказалъ Немировскій тѣмъ же повелительнымъ и не допускавшимъ возраженій голосомъ, — пойдемте въ вашу комнату. Вы мнѣ покажете, гдѣ ваша комната.—И онъ взялъ ее подъ-руку, поднялъ съ кресла и повелъ. Она что-то бормотала, но покорно шла съ нимъ и вела его въ корридоръ, на антресоли, постоянно зажимая лѣвой рукой лѣвую бровь и всю лѣвую половину головы.

Всѣ присутствовавшіе, съ Ольгой Андреевной, тихо пошли за ними, но на лѣстницѣ столпились, и Немировскій, быстро обернувшись, махнулъ на нихъ рукой. Всѣ остановились, и только одна Ольга Андреевна пошла за Немировскимъ и Вѣрой.

Они вошли въ ея комнату, и Немировскій затворилъ двери. Вѣра, не оглядываясь, подошла къ ея кровати.

— Ложитесь! — сказалъ повелительно Немировскій, держа ее за руки и указывая на постель.

Вѣра заколебалась; она начала качаться и стонать; но Немировскій опять строгимъ, громкимъ голосомъ остановилъ ее и добился того, что она, вся дрожа, улеглась въ постель.

— Теперь,—сказалъ онъ,—вы уснете... А я...

И онъ протянулъ руку назадъ. Ольга Андреевна подала ему стулъ.

— Я посижу здѣсь... подлѣ васъ...—И онъ сѣлъ подлѣ ея кровати, и протянулъ къ ней руку.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказалъ онъ,—мнѣ надо посмотрѣть вашъ пульсъ.

Она нѣсколько колебалась, но протянула ему дрожащую руку, и онъ слегка взялъ ее и сосчиталъ пульсъ, смотря на часы.

— Хорошо... Теперь я осмотрю ваши глаза.

Онъ нагнулся къ ней, и она испуганно протянула къ нему руки и заговорила:

— Нѣтъ! нѣтъ!.. Не троньте!..

— Смирно!—прикрикнулъ онъ. — Я хочу осмотрѣть только ваши глаза.

Дрожь ея была до того сильна, что у нея стучали зубы, какъ въ лихорадкѣ; но она послушно положила руки на одѣяло.

Онъ отвернулъ ей нижнія вѣки, одну за другой, и сказалъ:

— Хорошо... Теперь я хочу, чтобъ вы заснули...—И онъ, сидя подлѣ кровати и скрестивъ руки на груди, уставилъ прямо на ея лицо свои блестящіе, немигающіе глаза.

Она старалась не смотрѣть на нихъ, отворачиваясь, вся дрожала, легкія судороги пробѣгали по всему ея тѣлу. Она силилась всѣми силами противиться, что-то шептала, поднимала руки, то одну, то другую, но онъ продолжалъ сидѣть неподвижно и неподвижно-упорно смотрѣлъ на нее. Наконецъ, движенія ея стали медленнѣе, слабѣе... Еще какія-то робкія, судорожныя подергиванья глазъ, вѣкъ, движенія губъ, бровей... И, наконецъ, полная, совершенная неподвижность,—она закрыла глаза и заснула.

Немировскій сидѣлъ еще минутъ пять и молча смотрѣлъ на нее. Потомъ всталъ, потеръ свой лобъ и тихо, безъ шума подошелъ къ Ольгѣ Андреевнѣ, которая все время стояла подлѣ неподвижно и молча молилась.

— Скажите, — сказалъ онъ твердымъ шопотомъ: — какъ у нея были выдѣленія?..

Ольга Андреевна не вдругъ поняла, о чемъ онъ ее спрашивалъ, и когда онъ объяснилъ ей, тогда она отвѣтила ему.

— Я долженъ васъ предупредить,—сказалъ онъ все тѣмъ же твердымъ шопотомъ, — что ея положеніе крайне опасно... Не безнадежно... нѣтъ... но весьма опасно.

Въ это время Вѣра пошевелилась. Она приложила руку къ лѣвой половинѣ головы и застонала. Немировскій быстро подошелъ къ кровати и уставился на нее. Ольга Андреевна машинально подошла къ нему.

— Вы видите? — зашепталъ онъ, наклоняясь къ ея уху.— Вотъ здѣсь, въ лѣвой половинѣ головы, скопляется что-то опасное. Надо это по возможности быстрѣе удалить, пресѣчь и отвлечь...

— Это же говорилъ и Семенъ Ѳедоровичъ...

— Кто такой Семенъ Ѳедоровичъ?—быстро спросилъ Немировскій.

— А нашъ домашній врачъ. Онъ обѣщался заѣхать ужо вечеромъ.

— А-а! Хорошо... Но теперь мы не будемъ ждать его... Медлить опасно... Надо сейчасъ же устранить такъ или иначе. Мушка есть у васъ?

— Есть... Семенъ Ѳедоровичъ хотѣлъ ей піявки поставить.

— Піявки нельзя, — возразилъ Немировскій. — Она сильно малокровна. А теперь надо торопиться... Горчишники вы сдѣлаете?.. Надо два горчишника—въ ладонь—на обѣ лопатки, — и онъ хлопнулъ себя по плечамъ.—А на затылокъ мушку... тоже въ ладонь. Я нахожу необходимымъ провести ночь здѣсь у васъ, подлѣ больной... Я надѣюсь управлять ея нервами и не пропустить того момента, за которымъ должно наступить опасное и, можетъ быть, безнадежное положеніе.

Послѣднія слова онъ произнесъ тихимъ шопотомъ, совершенно наклоняясь къ ея уху.

— У меня дома теперь нѣтъ опасныхъ, скоротечныхъ больныхъ, — продолжалъ онъ. — А вы поспѣшите... Время терять опасно. Здѣсь каждая минута дорога.

И Ольга Андреевна быстро повернулась, чтобы идти. Но онъ остановилъ ее.

— Пришлите ко мнѣ сюда моего человѣка — фельдшера. Его зовутъ Игнатіемъ. Скажите, чтобы онъ принесъ сюда аптеку...

Вѣсть, что Немировскій ночуетъ въ домѣ Драевскихъ, быстро распространилась. Ему отвели комнату, невдалекѣ отъ комнаты Вѣры—на антресоляхъ.

Лошадей изъ тарантаса Немировскаго уже отпрягли, и кучеръ медленно водилъ ихъ по широкому двору, а самый тарантасъ укатили въ сарай.

Горчишники приготовили, мушку принесли, и Немировскій самъ, вмѣстѣ съ Ольгой Андреевной, поставилъ ихъ на указанныя мѣста. Возни съ этимъ было довольно, но онъ снова прибѣгнулъ къ своему методу и грознымъ голосомъ отдавалъ приказанія, которыя Вѣра исполняла безпрекословно. Она повиновалась теперь легче его велѣніямъ. Кончивъ всю эту операцію, онъ вынулъ большой батистовый платокъ и отеръ имъ сильный потъ, выступившій на его лбу.

— Утомились? — тихо, съ соболѣзнованіемъ, спросила его Ольга Андреевна.

— Да.. Сильное напряженіе нервовъ утомляетъ,—а значе съ этими истеричными больными нельзя поступать... Если твоя нерв-

ная сила побѣдитъ ихъ нервную силу—тогда только и можно съ ними сладить... Очень ужъ они упрямы и капризны...

И онъ отошелъ къ столу и началъ натирать ртутную мазь на тряпку, которую ему подали. Затѣмъ онъ приложилъ эту тряпку ко лбу Вѣры и очень ловко завязалъ ее вокругъ головы платкомъ, затѣмъ спросилъ рубленаго льду и, наложивъ его на большой кусокъ какой-то непромокаемой клеенки, положилъ его на голову Вѣры.

Всѣ эти операціи опять потребовали, съ его стороны, напряженій „нервной силы"—и опять пришлось ему кричать и затѣмъ прибѣгать къ помощи своего платка. Усыпивъ снова Вѣру и окончивъ всѣ эти операціи, онъ спросилъ губку и, намочивъ ее эѳиромъ, подалъ Ольгѣ Андреевнѣ.

— Это,—сказалъ онъ,—давайте ей по временамъ нюхать, если она проснется и будетъ безпокоиться, а мнѣ необходимо умыться,—сказалъ онъ, засучивая рукава.

— Сюда пожалуйте!—сказала она, отворивъ двери. Но за дверями стояла цѣлая толпа, и впереди нея—Толкуновъ съ Любой и Акулиной Степановной, а въ корридорѣ столпились всѣ дѣвушки.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, разойдитесь и удалитесь!—сказалъ Немировскій строгимъ голосомъ. — Больной необходимъ полный покой, абсолютный покой...

— А мнѣ можно остаться?—спросила Люба.—Мы вмѣстѣ съ ней спали... Вонъ тамъ и кровать моя стоитъ!..

— Теперь останется съ ней ваша матушка,—сказалъ онъ внушительно, — а на ночь, если желаете, можете остаться... Только предупреждаю васъ, что я буду входить къ вамъ довольно часто, если это понадобится...

— Господинъ докторъ,—сказала Ольга Андреевна,—да вы, можетъ быть, еще не кушали?.. Не прикажете ли? Мы сами еще не обѣдали.

— Сейчасъ, только дайте мнѣ прежде руки умыть...

— Вотъ, пожалуйте сюда!—и она торопливо пошла по корридору, туда, гдѣ стояли дѣвушки.

— Подите всѣ внизъ! — сказала она.—Вамъ вѣдь сказано.

И онѣ всѣ скрылись.

Проводивъ Немировскаго въ его комнату, въ которой уже дожидался его Константинъ съ рукомойникомъ и чистымъ полотенцемъ, она ушла къ себѣ.

За обѣдомъ Ольга Андреевна просидѣла не долго. Она только разлила супъ и ушла на верхъ, къ Вѣрѣ, оставивъ за столомъ Любу и Толкунова хозяйничать. Немировскій, очевидно,

нисколько не стѣснялся ихъ присутствіемъ и не церемонился. Онъ съѣлъ полную тарелку супу и спросилъ еще тарелку. Онъ ѣлъ торопливо, какъ бы отправляя какую-то непріятную обязанность. Послѣ супа былъ поданъ тотчасъ же большой кусокъ ростбифа, въ серебряной лаханкѣ, который былъ за завтракомъ. Онъ съѣлъ два куска, съ такой же поспѣшностью, какъ и супъ, и затѣмъ, выпивъ стаканъ воды съ виномъ, быстро всталъ, и сказавъ, что онъ сытъ и что ему нужно спѣшить къ больной, повернулся и ушелъ на верхъ. Толкуновъ только-что собирался разспросить его о томъ странномъ тонѣ, съ которымъ онъ обращался съ Вѣрой...

— Какой медвѣдь!..—сказала шопотомъ Люба.

— Не медвѣдь, а владѣтельный принцъ... важный и могущественный король отъ медицины.

Въ это время пріѣхалъ Семенъ Ѳедоровичъ.

Ему тотчасъ же сообщили о всѣхъ распоряженіяхъ Немировскаго.

Онъ все одобрилъ и только пришелъ въ изумленіе отъ той суровости, съ которою онъ обращается съ Вѣрой.

— Это не хорошо-съ!.. Это не слѣдуетъ-съ!..—сказалъ онъ.— Какъ можно!.. Этакъ можно испугать-съ и довести до сумасшествія-съ!.. Нѣтъ-съ!.. Это не хорошо!

Когда же привели его на верхъ въ комнату Вѣры, то Немировскій быстро всталъ, взялъ его за руку и повелъ въ свою комнату, проговоривъ:

— Пойдемте ко мнѣ, коллега,—здѣсь разсуждать намъ будетъ неудобно.

Приведя въ отведенную ему комнату и усадивъ на стулъ, онъ быстро и докторально началъ излагать ему признаки и положеніе больной.

— Сознаніе,—говорилъ онъ,—очевидно, подавлено. Память совершенно угнетена и все подчинено какому-то созрѣвающему болѣзненному процессу...

— Такъ... Такъ-съ,—поддакнулъ Семенъ Ѳедоровичъ.—Совершенно вѣрно-съ.

— Позвольте, — остановилъ его Немировскій, все еще не выпуская его руки изъ своей, и какъ бы боясь, чтобы онъ не убѣжалъ. — Общая сфера нервической дѣятельности также подавлена... Она не узнаетъ родныхъ, не узнаетъ домашнихъ, однимъ словомъ, для ея памяти и сознанія—прошедшаго не существуетъ и все поглощено одной идеей, однимъ болѣзненнымъ представленіемъ и процессомъ.

— Совершенно вѣрно-съ... — опять перебилъ его Семенъ Ѳедоровичъ и, выдернувъ свою руку изъ его руки, началъ ерошить свои волосы,—тѣмъ болѣе, что обычныя кразы-съ...

— Позвольте!.. —опять остановилъ его строго Немировскій, и, крѣпко ухвативъ его за лацканы его лѣтняго сѣраго сюртука, началъ говорить какимъ-то раздраженнымъ и какъ бы угрожающимъ, громкимъ голосомъ:—На этой общей картинѣ рисуется,— и онъ выпустилъ лацканъ его сюртука, и началъ излагать, загибая пальцы:—потеря аппетита—разъ; неправильность женскихъ отправленій—два; возбужденное и энергическое, активное дѣйствіе мышечной системы — три; разстройство пищеварительныхъ путей—четыре; истерія—пять. Очевидно, все это—слѣдствія какой-то неизвѣстной намъ причины, но которая сильно повліяла на всю нервную систему и извратила,—понимаете,—извратила всю психическую дѣятельность...

Онъ остановился на нѣсколько мгновеній и провелъ рукой по лбу.

— Теперь, — сказалъ онъ спокойнѣе,—очевидно, что намъ необходимо отвлечь...

Но тутъ Семенъ Ѳедоровичъ всталъ со стула.

— Непремѣнно-съ!.. Непремѣнно-съ!..—закричалъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, точно обрадовавшись.—Сильное, героическое кровопусканіе-съ. Я предложилъ бы пятьдесятъ или сорокъ піявокъ...

Немировскій опять схватилъ его за руку и усадилъ.

— На кровопусканіе нѣтъ показаній,—сказалъ онъ строго и внушительно. — Во-первыхъ, она малокровна... Во-вторыхъ, истерія, — и онъ не договорилъ, и сдѣлалъ жестъ рукою, какъ будто показывая, что тутъ и толковать нечего.—Я,—продолжалъ онъ тѣмъ же наставительнымъ тономъ,—поставилъ ей горчишники на лопатки и мушку на затылокъ, а на лобъ, противъ пораженнаго мѣста—unguentum mercuriale; наконецъ, на голову— положилъ компрессъ изъ рубленнаго льду, и это все, что мы можемъ сдѣлать при наличныхъ обстоятельствахъ, въ данную минуту,—понимаете?—И онъ быстро всталъ со стула и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: — Ну, мнѣ пора къ больной... Прощайте, коллега, прощайте!—и онъ схватилъ обѣими руками его правую руку и сжалъ такъ больно, что Семенъ Ѳедоровичъ чуть не закричалъ.

Оставшись одинъ, онъ медленно, въ раздумьѣ, закрывъ ротъ рукой, сошелъ внизъ, вошелъ въ залу и тамъ долго ходилъ

взадъ и впередъ, ероша свои волосы, разводя руками и что-то бормоча непонятное.

Ольга Андреевна сошла къ нему сверху.

— Ну, что̀, Семенъ Ѳедоровичъ?—спросила она.—Какъ вы рѣшили?..

— Ума, сударыня,—палата-съ, ученость необыкновенная-съ. Поразительная-съ!.. Да-съ!.. Какъ онъ это ловко все обрисовалъ-съ!

И онъ махнулъ рукой и снова началъ бѣгать по залѣ.

— Къ какому же заключенію вы пришли?—снова спросила его Ольга Андреевна.

— Ни къ какому, сударыня, ни къ какому-съ, ваше превосходительство... Извращена психическая дѣтельность... Изволите понимать?.. Извращена... А потому-съ на лопатки горчишникъ-съ—разъ,—и онъ загнулъ палецъ,—на затылокъ мушку-съ—два,—и онъ загнулъ другой,—на голову рубленный ледъ—три-съ, а на лобъ — unguentum mercuriale. И затѣмъ: „прощайте, коллега“!.. Прощайте-съ!..

И Семенъ Ѳедоровичъ началъ кланяться и отступать къ дверямъ передней.

— Куда же вы, Семенъ Ѳедоровичъ?.. — удивилась Ольга Андреевна.

— Нѣтъ-съ, сударыня, ваше превосходительство!.. Намъ здѣсь нечего дѣлать-съ!.. Нечего-съ!.. Позвольте удалиться-съ!.. Ума палата-съ... Учености-съ!.. — Послѣднее слово онъ произнесъ уже въ передней.

— Да куда же вы, Семенъ Ѳедоровичъ?.. Господи!..

Но Семенъ Ѳедоровичъ, весь красный, уже надѣлъ калоши. Казачокъ, стоявшій подлѣ коника, бойко подалъ ему пальто. И онъ, какъ-то бокомъ, поклонившись, выбѣжалъ вонъ.

— Что̀ за чудакъ!..—удивилась Ольга Андреевна.

Въ это время къ ней подошли Толкуновъ и Люба.

— Тамъ,—сказали они тихо,—подлѣ нея Немировскій,—она мечется, а онъ почти постоянно даетъ ей нюхать эѳиръ.

— Что̀ съ нимъ сдѣлалось?.. — удивленно спросила Ольга Андреевна.—Онъ какъ будто обидѣлся?.. И не простившись, убѣжалъ!..—И она разсказала всю сцену.

— Мама!—перебила ее Люба. — Не дурно ли это?.. Онъ даетъ ей такъ много нюхать эѳира... Вѣдь эѳиръ, говорятъ, очень вреденъ...

Ольга Андреевна, ничего не отвѣтивъ, молча отправилась на верхъ. И Толкуновъ съ Любой, такъ же молча, пошли за ней.

Они хотѣли войти въ комнату Вѣры, но комната оказалась запертой изнутри.

Они торкнулись и остановились въ недоумѣніи, смотря другъ на друга.

Люба вдругъ вздрогнула и прижалась къ Толкунову.

— Мнѣ кажется... онъ ее уморитъ...—прошептала она.

— Ну вотъ... Глупости!.. Развѣ онъ не знаетъ, что дѣлаетъ?..

И они всѣ трое стояли у двери, боясь торкнуться вторично, стояли пять, десять минутъ. Люба хватала Толкунова за руки, и онъ чувствовалъ, какъ сильно похолодѣли ея руки.

— Перестань...—говорилъ онъ.—Будемъ благоразумны, Ладя! Не волнуйся...

Но она, закрывъ глаза и положивъ на грудь къ нему голову, продолжала волноваться, вся вздрагивая.

Время тянулось невыносимо.

Толкуновъ думалъ: „Вотъ, еслибы медицина была болѣе развита, то все бы это сейчасъ же было опредѣлено и устранено".

И притомъ этотъ докторъ-цыганъ-мужикъ раздражалъ его и внушалъ ему мало довѣрія.

XXXVI.

Черезъ полчаса Немировскій отворилъ двери и сказалъ строгимъ шопотомъ:

— Я прошу васъ теперь не шумѣть. Она заснула. Вы можете войти,—сказалъ онъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ.— А васъ я попрошу подождать,—сказалъ онъ Любѣ. — Теперь все идетъ хорошо, но опасность еще не миновала... Если такъ же пройдетъ еще часъ или два, то, надѣюсь, наступитъ реакція...

И онъ прошелъ въ отведенную ему комнату.

— Мама!—сказала Люба.—Мы постоимъ тутъ у двери, мы не будемъ входить...

Но Толкуновъ сказалъ:—Зачѣмъ же стоять?—и принесъ стулъ, на который они оба усѣлись передъ дверью комнаты Вѣры.

Черезъ полчаса снова пришелъ Немировскій, осмотрѣлъ больную и, не говоря ни съ кѣмъ, снова ушелъ къ себѣ.

Вѣра продолжала спать и слегка вздрагивала во снѣ. Лицо ея разгорѣлось. Дыханіе было неровно. Спала ли она подъ вліяніемъ наркоза или внушенія—этого не могъ бы рѣшить самъ Немировскій, такъ какъ въ тѣ времена никто ничего не зналъ о внушеніи и даже не подозрѣвалъ о его существованіи.

Ольга Андреевна сидѣла у ея постели и обмахивала мухъ или подносила къ ея лицу губку, напитанную эѳиромъ.

Опять пришелъ Немировскій, пощупалъ пульсъ. Долго и пристально смотрѣлъ на больную, приложилъ руку къ ея головѣ и сказалъ шопотомъ:

— Реакція началась: руки влажны. Опасное напряженіе миновало. Теперь необходимо будетъ узнать, что̀ сталось съ ея психикой?..

И онъ повернулся и снова ушелъ къ себѣ. Тамъ онъ сѣлъ подлѣ ломбернаго, развернутаго стола, на которомъ горѣла масляная лампа, съ особенной свѣтильней. Эту лампу онъ привезъ съ собой изъ Немировки.

На столѣ валялось нѣсколько нумеровъ медицинскихъ журналовъ: „Medicinisches Centralblatt", „Zeitschrift für practische Medicin", „Gazette des Hôpitaux", „Journal für Psychiatrie". Ихъ тоже привезъ онъ съ собою, точно такъ же, какъ и большой coupe feuilles—разрѣзалку для книгъ. Ножъ былъ заложенъ между листами какой-то толстой, также медицинской книги. Подойдя къ столу, онъ сѣлъ въ большое, покойное кресло, которое ему нарочно поставили, по его требованію, и, развернувъ книгу, погрузился въ ея чтеніе. Прошло болѣе часа.

Въ дверь тихо постучали, и онъ сказалъ: „Войдите"...

Вошелъ Толкуновъ, и Немировскій вопросительно уставился на него.

— Меня послала къ вамъ Ольга Андреевна,—сказалъ онъ.— Если наша больная запроситъ пить, то что̀ ей давать?.. Теперь она постоянно облизываетъ губы. Очевидно, у нея онѣ сохнутъ и жаръ внутри.

— Хорошо! Черезъ десять или пятнадцать минутъ я приду,— сказалъ Немировскій, развалясь на креслѣ и смотря на Толкунова своимъ упорнымъ взглядомъ.

— А пока приготовьте ей какое-нибудь кисленькое питье, съ лимономъ или брусникой...

— Я еще желалъ бы, если вы позволите, — сказалъ Толкуновъ, —предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, относительно нашей больной...

— Предложите. Только сперва распорядитесь относительно питья.

— Да, я сейчасъ приду,—сказалъ Толкуновъ и быстро пошелъ, думая: „Экой неотесанный мужикъ!.. Приказываетъ точно крѣпостнымъ своимъ!"

Распорядившись, онъ снова пришелъ и, взявъ легкій стулъ, пододвинулъ его къ креслу Немировскаго и небрежно усѣлся.

— Видите ли,—началъ Толкуновъ,—я совершенный профанъ въ медицинѣ, и мнѣ кажется страннымъ, что доктора, несмотря на ихъ старанія, до сихъ поръ не могутъ найти средствъ распознать, опредѣлить болѣзнь и найти способы къ ея излеченію...

— Да. Не могутъ!—отвѣтилъ рѣзко Немировскій:—и тутъ нѣтъ ничего страннаго: медицина есть искусство, основанное на знаніи. Эти знанія пріобрѣтаются долгимъ опытомъ, и мы тутъ ничего не можемъ ни измѣнить, ни передѣлать...

— Скажите, отчего же существуетъ и аллопатія, и гомеопатія, и гидропатія?..

— Если человѣчество просуществуетъ еще нѣсколько вѣковъ или тысячелѣтій,—отвѣчалъ докторально Немировскій,—то найдется еще больше этихъ: „патій"; дойдетъ дѣло и до невропатіи.— И онъ затѣмъ рѣзко спросилъ Толкунова:—А вы почему же принимаете такое участіе въ семействѣ Драевскихъ?..

— Я женихъ Любовь Петровны, дочери m-me Драевской,— сказалъ Толкуновъ съ достоинствомъ.

— А-а... Вы женитесь?.. Да... Да... Я теперь вспоминаю. Я слышалъ объ этомъ.

— Чему же вы удивляетесь?—спросилъ Толкуновъ, и краска выступила на его щекахъ.

— Да тому, что вы хотите совершить глупость...

Толкуновъ рѣзко вскочилъ со стула.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ такія дерзости!..

— Не горячитесь и выслушайте меня хладнокровно...

И онъ, взявъ лѣвой рукой правую руку Толкунова, такъ ее стиснулъ какъ бы желѣзными тисками и вмѣстѣ съ тѣмъ потянулъ его внизъ съ такой силой, что онъ невольно снова опустился или, правильнѣе, упалъ на стулъ.

„Ого!—подумалъ Толкуновъ:—да это дѣйствительно медвѣдь, —цыганскій медвѣдь".

И онъ посмотрѣлъ на него прямо своими засверкавшими глазами. Но эти глаза тотчасъ же опустились подъ взглядомъ глазъ Немировскаго, которые блестѣли нестерпимо. Точно внутри ихъ были какіе-то огоньки или электрическія искры.

— Вы не сердитесь на меня,—сказалъ тихо Немировскій.— Я грубъ и говорю вещи прямо въ глаза. Я не скрываю истины... Меня зовутъ чудакомъ, оригиналомъ, бирюкомъ, медвѣдемъ. Но я думаю: долгъ каждаго честнаго человѣка—не скрывать истины

и говорить правду прямо въ глаза. Люди этого еще не понимаютъ, но тѣмъ хуже для нихъ. Я вовсе не желалъ и не желаю ни говорить, ни даже думать что-либо дурное о вашей невѣстѣ, да и ни о комъ въ мірѣ. Я только считаю за святое правило предупреждать каждаго, кто дѣлаетъ дурно, и тѣмъ самымъ вредитъ себѣ или людямъ, или одновременно и себѣ, и людямъ. Я знаю, что мои слова васъ не остановятъ, но я считаю своимъ священнымъ долгомъ предупредить васъ и каждаго отъ поступковъ, которые мнѣ кажутся неблагоразумными...

И быстро сказавъ это, онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на Толкунова.

— Что же?—спросилъ Толкуновъ, такъ же прямо смотря на него своими свѣтло-голубыми глазами, въ которыхъ еще не улеглось волненіе.—Продолжайте, я васъ слушаю.

— Я сейчасъ думалъ... — сказалъ Немировскій.—Сейчасъ мнѣ пришло въ голову, что, высказывая вамъ мой взглядъ, я, можетъ быть, самъ дѣлаю глупость... Въ теперешнемъ вашемъ положеніи и настроеніи вы не откажетесь, не можете отказаться отъ женитьбы. Во-первыхъ, вы находитесь именно въ той порѣ, въ тѣхъ лѣтахъ... вамъ вѣдь около тридцати? Не такъ ли?—и, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ:—Въ эти годы всякаго человѣка тянетъ всей силой его физики къ семейной жизни или женитьбѣ. Во-вторыхъ, ваша невѣста, навѣрно, представляется вамъ въ видѣ розоваго бутона или ангела...

Толкуновъ рѣзко, съ раздраженіемъ схватилъ его руку.

— Оставьте, пожалуйста, мою невѣсту въ покоѣ!—сказалъ онъ.—Я не позволю никому касаться ни до ея особы, ни до ея имени.

— Ну, вотъ видите ли,—сказалъ хладнокровно Немировскій.—Вы сами подтверждаете правду моихъ словъ... Слѣдовательно, я самъ дѣлаю глупость, предупреждая васъ о тяжелыхъ или непріятныхъ послѣдствіяхъ вашей женитьбы. Мои слова будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но я все-таки обязанъ предупредить васъ, во имя человѣчности и правды.

Толкуновъ пожалъ плечами и сказалъ полунасмѣшливо:

— Предупреждайте!

„Это просто какой-то чудакъ!“—подумалъ онъ. И тутъ же какъ молнія у него мелькнула мысль:—„Какъ бы онъ не уморилъ нашей Вѣры“!..

— Въ вашей женитьбѣ,—продолжалъ Немировскій спокойнымъ голосомъ и тономъ,—вы подчиняетесь вашему чувству, а между тѣмъ это чувство вообще есть первый врагъ человѣче-

ства, которое до сихъ поръ не понимаетъ одного,—что у него есть умъ, и что функціи этого ума далеко выше, цѣлесообразнѣе и необходимѣе для жизни, чѣмъ функціи его чувствъ. Чувства—это просто средства для нашего отношенія къ міру, а обсуждаетъ, анализируетъ и направляетъ эти средства нашъ умъ. Это—путь, къ которому приводитъ насъ разсудокъ. Это—путь нашего ума. Слѣдовательно, человѣкъ, подчиняющійся голосу своихъ чувствъ и призывамъ сердца, тѣмъ самымъ удаляется отъ указаній своего разсудка и дѣлаетъ глупость... Въ этомъ смыслѣ я давеча сказалъ вамъ, что удивляюсь глупости, которую вы хотите сдѣлать... А теперь...—и онъ рѣзко поднялся со стула.—Пойдемте къ нашей больной.—И онъ взглянулъ на часы:—Пятнадцать минутъ уже прошло.—И онъ быстро пошелъ вонъ.

— Послушайте,—сказалъ Толкуновъ, идя вслѣдъ за нимъ.—Меня поражаетъ оригинальность вашего взгляда („это просто маніакъ"!—подумалъ онъ).—И вы мнѣ позволите еще разъ поговорить съ вами о томъ?

— Поговорить не отказываюсь—выяснить, что вамъ неясно, но лучше прежде подумайте о томъ сами...

Послѣднія слова онъ произнесъ тихо, такъ какъ они уже были у дверей комнаты Вѣры, и осторожно отворивъ эти двери онъ вошелъ. Толкуновъ остался за дверью.

Вѣра спала, но спала безпокойно. Она почти постоянно перекладывала руки, тяжело дышала и облизывала губы. Ольга Андреевна стояла у ея постели.

Немировскій взялъ руку больной, чтобы пощупать пульсъ, и сталъ пристально смотрѣть на ея лицо. Подъ этимъ взглядомъ выраженіе его какъ будто измѣнялось. Въ немъ исчезало выраженіе страданія и являлось спокойствіе. Она перестала облизывать губы и начала дышать ровнѣе и покойнѣе.

Немировскій тихо сказалъ, какъ бы самому себѣ:—Реакція продолжается. Наступаетъ моментъ пота.—Потомъ онъ обратился къ Ольгѣ Андреевнѣ.

— Я попрошу васъ,—сказалъ онъ,—на минуту выйти со мной въ корридоръ.—И они вышли и встрѣтили стоявшихъ за дверью Любу и Толкунова.

— Все идетъ хорошо, правильно,—сказалъ онъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ,—но я долженъ васъ предупредить, что, быть можетъ, скоро наступитъ весьма опасный моментъ, въ который никто, кромѣ меня, не долженъ при ней находиться. Никто, кто бы могъ напомнить чѣмъ-нибудь ей прошлое и возмутить ея спокойное состояніе. И это будетъ продолжаться, можетъ

быть, цѣлую ночь... Можетъ быть, даже завтра цѣлый день и, можетъ быть, больше дня. Во все это время она не должна видѣть никого изъ близкихъ ей людей. Иначе сильная радость можетъ произвести такое же, можетъ быть, еще болѣе вредное, дѣйствіе, чѣмъ сильный испугъ. Только при этомъ условіи можно сохранить ей разсудокъ... Поняли вы меня или нѣтъ?

— Какъ же?—спросила Люба:—вѣдь ужъ вы позволили мнѣ ночевать въ ея комнатѣ? Вѣдь это также и моя комната...

— Да,—сказалъ онъ въ раздумьѣ.—Мнѣ казалось, что процессъ, который назрѣвалъ гдѣ-то въ ея мозгу, продолжится долго... цѣлую ночь... Но теперь онъ повидимому кончился, кризисъ совершился. И я долженъ теперь беречь ея разсудокъ. Поняли вы меня?.. Если поняли, то я попрошу всѣхъ васъ болѣе не входить въ эту комнату и вообще наблюдать полную тишину.—И слегка поклонившись, онъ рѣзко отступилъ въ комнату Вѣры и затворилъ за собой дверь.

— Какъ же?..—изумилась Люба:—тамъ моя постель и мои платья... и... все...

— Ну, если нельзя иначе... то какъ же?—возразила Ольга Андреевна:—à la guerre comme à la guerre. Будь благоразумна. Платья найдутся у Даши, можешь надѣть завтра любое или остаться въ этомъ... Не бѣда...

— Мама... Я надѣну сѣрое, съ прошивками... Бѣдная моя Вѣруша!..

— Мнѣ кажется,—сказалъ тихо Толкуновъ,—что онъ самъ немного помѣшанъ. Потому и лечитъ какъ-то особенно... Своимъ собственнымъ методомъ и своими пріемами. Къ чему вся эта комедія? Вѣдь если давеча Вѣра провела его на антресоли, въ свою комнату, то, значитъ, она сознавала, что дѣлала... Сознаетъ и теперь, что она у насъ... Зачѣмъ же онъ будетъ ее обманывать?.. Глупо!

— Вѣдь онъ это дѣлаетъ, Владиміръ Элизарычъ, изъ какихъ-нибудь своихъ научныхъ соображеній,—сказала тихо Ольга Андреевна.—Можетъ быть, тогда нельзя было ей напомнить прошлое... Все у нея внутри... въ головѣ было... какъ бы сказать—заложено или задавлено... А теперь ея сознаніе прояснилось, и она можетъ живѣе чувствовать свою жизнь и всѣ ея случаи и привязанности... Вы слышали, что тутъ нуженъ моментъ... Вѣроятно, моментъ проясненія... Я такъ понимаю.

Но Толкуновъ этому объясненію не вѣрилъ и не признавалъ его. Въ его сознаніи вставала та безобразная теорія, которую открылъ ему Немировскій.

„Что же есть въ ней справедливаго?—думалъ онъ.—Почему же разсудокъ... одинъ только разсудокъ можетъ существовать... а чувства не значатъ ничего?.. Нѣтъ... Онъ маніакъ, и это его idée fixe, не больше“...

Люба потянула его за руку къ стулу, на которомъ они прежде сидѣли, и опустилась на него, приглашая и его сѣсть опять рядомъ. Нервная усталость и раннее вставанье давали ей себя знать. Но онъ сказалъ ей шопотомъ:

— Погоди, я принесу еще стулъ для maman.—И онъ на цыпочкахъ быстро пошелъ къ нѣсколькимъ стоявшимъ вдоль стѣны стульямъ. Но Ольга Андреевна отказалась сѣсть и пошла опять въ свою спальню. Ея сердце постоянно тянуло ее къ молитвѣ.

Люба прислонилась къ Толкунову, крѣпко обняла его и положила голову къ нему на плечо. Не прошло и двухъ минутъ, какъ она задремала. Онъ обнялъ ее за талію и поддерживалъ ее.

Въ головѣ его, въ какомъ-то смутномъ туманѣ, проходили всѣ происшествія этого дня. И прежде всего вспомнилась поѣздка въ Немировку. Мѣрное качанье шарабана, дорога въ лѣсу, безконечно длинная... все ельникъ... ельникъ... И онъ началъ засыпать... Но тотчасъ же проснулся и испуганно, крѣпче обхватилъ талію Любы.

— Ладя!—тихо позвалъ онъ.—Ладя!—Она въ испугѣ проснулась и спросила:

— Что случилось?

— Ничего... Пойди спать. Тебѣ здѣсь неловко, на стулѣ... Ты устала сегодня... Измучилась...—И онъ поднялъ ее со стула.

Опираясь на его руку, она покорно дошла до лѣстницы, но тутъ вдругъ остановилась и сказала ему.

— Водя, милый... Ты не уѣзжай! Слышишь?.. Ты ночуй у насъ... Я сейчасъ скажу, чтобы тебѣ послали въ папиной спальнѣ.

— Хорошо,—согласился Толкуновъ и отнялъ свою руку.

Люба начала спускаться, и онъ хотѣлъ уже слѣдовать за ней. Но его остановила Ольга Андреевна, вышедшая въ это время изъ спальни.

— Владиміръ Элизарычъ! — позвала она его шопотомъ. И подойдя къ нему, она наклонилась къ его уху и прошептала по-французски:

— Хорошо ли, что мы его оставили одного съ Вѣрой? Хоть онъ и докторъ... Но все-таки... Чтобы не было огласки... Il y aura des commerages. Vous savez ces gens. И гдѣ же онъ тамъ ляжетъ? Развѣ на Любиной постели?

Въ сердцѣ Толкунова быстро поднялось враждебное чувство

и недовѣріе къ Немировскому, но онъ поборолъ это чувство и сказалъ съ отвращеніемъ, пожимая плечами:

— Развѣ это возможно?.. Съ его стороны!.. И кто же осмѣлится клеветать на него и Вѣру?.. Это немыслимо.

XXXVII.

Въ третьемъ часу утра, когда уже сильный разсвѣтъ свѣтилъ въ окна, Ольга Андреевна, шатаясь, отошла отъ двери Вѣриной комнаты и, еще разъ помолившись, прилегла, зѣвнула и тотчасъ же крѣпко заснула.

Былъ уже седьмой часъ утра. Люба уже встала и сидѣла подлѣ двери Вѣриной комнаты. Вскорѣ вслѣдъ за ней пришелъ и Толкуновъ. Они тихо, молча поцѣловались, и Люба, наклонясь къ его уху, чуть слышно прошептала:

— Хорошо спалъ?..

И только-что Толкуновъ хотѣлъ отвѣтить, какъ щелкнулъ замокъ въ Вѣриной комнатѣ, и на порогѣ ея, остановившись въ дверяхъ, показался Немировскій. Люба и Толкуновъ поднялись со стульевъ.

Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Глаза его были красны и все лицо выражало сильную усталость. Онъ притворилъ за собой дверь, подошелъ къ Толкунову и, взявъ его за руку, молча отвелъ въ сторону.

— Скажите мнѣ, — спросилъ онъ:—къ кому больная была ближе: къ m-me Драевской или къ сестрѣ, вашей невѣстѣ?

— Къ сестрѣ ближе...

— Тогда мы съ нея и начнемъ...

И, подойдя къ Любѣ, онъ взялъ ее за руку и, наклонясь надъ ея ухомъ, сказалъ:

— Я введу васъ къ ней, но прошу васъ быть крайне осторожной и сдерживать ваши чувства, а главное, не напоминать ничѣмъ о томъ, что съ ней случилось. Вы поняли меня?

Люба кивнула головой. Затѣмъ онъ отворилъ дверь.

Вѣра сидѣла на постели. Съ головы ея былъ снятъ компрессъ и повязка. Волосы ея были сильно растрепаны и свѣшивались черными прядями, которыя рѣзко выдѣляли необыкновенную блѣдность и худобу ея лица. Какіе-то зеленоватые тона лежали на немъ. Она была почти неузнаваема.

— Вотъ!—сказалъ Немировскій.—Я привожу къ вамъ вашу сестру.—И онъ подвелъ Любу къ Вѣрѣ.

— Вѣра!—сказала Люба дрогнувшимъ голосомъ.—Здравствуй!

— Здравствуй!—проговорила Вѣра слабымъ голосомъ, какъ-то машинально, точно повторяя то, что сказала Люба, которая вся потянулась къ ней. Но Немировскій удержалъ ее за руку.

— Вѣра!.. Милая!..—вскричала Люба, и Вѣра вздрогнула, но въ то же мгновеніе Немировскій отдернулъ Любу и сильнымъ движеніемъ быстро вывелъ ее изъ комнаты и захлопнулъ дверь.

Люба упала прямо въ объятія Толкунова, который ждалъ ее за дверью, и разрыдалась.

— Люба,—говорилъ ей Толкуновъ,—Ладя... О чемъ ты плачешь? Что случилось?..

— Она!.. Она... такая жалкая... Онъ мнѣ не далъ даже обнять ее.

— Такъ вѣдь онъ же сказалъ тебѣ, чтобы ты сдерживала свои чувства...

— Онъ меня просто отдернулъ и вытолкнулъ.

Толкуновъ вспыхнулъ и, быстро отстранивъ Любу, бросился въ комнату Вѣры. Немировскій обернулся къ нему, но въ то же время Вѣра увидала Толкунова, узнала его и какъ-то странно обрадовалась ему.

— Здравствуйте, Владиміръ Элизарычъ!—сказала она слабымъ, разбитымъ голосомъ, протягивая къ нему руку. — Мнѣ теперь лучше...

Толкуновъ подошелъ къ ней и пожалъ протянутую ему ея сухую и горячую руку.

Въ это время Немировскій, наклонясь къ нему, тихо сказалъ ему:

— Теперь можно пригласить m-me Драевскую. Больная достаточно успокоилась, а ваша невѣста, — прибавилъ онъ еще тише,—чуть не испортила всего дѣла. Уже у нея,—быстро указалъ онъ на Вѣру,—начали подергиваться угловыя мышцы.

Толкуновъ пристально посмотрѣлъ на него, и его волненіе совершенно успокоилось.

„Что же?—подумалъ онъ.—Можетъ быть, онъ правъ? И дѣйствительно Люба могла взволновать ее“.

Онъ вышелъ въ корридоръ, обнялъ Любу и вмѣстѣ съ ней быстро пошелъ къ Ольгѣ Андреевнѣ, на дорогѣ передавая ей о своемъ свиданіи съ Вѣрой.

Ольга Андреевна была уже на порогѣ ея комнаты и глазами спрашивала: что случилось?

Толкуновъ поздоровался съ ней и передалъ ей слова Неми-

ровскаго и пассажъ съ Любой, и всѣ трое торопливо, но безъ шума, пошли къ комнатѣ Вѣры.

Ольга Андреевна осторожно отворила дверь и вошла въ эту комнату.

Вѣра по прежнему сидѣла на постели и тихо качалась. Немировскій сидѣлъ у ея кровати и держалъ ее за лѣвую руку, какъ бы щупая пульсъ.

— Здравствуй, моя Вѣруша, — сказала Ольга Андреевна, и въ ея голосѣ задрожала сердечная нотка. — Какъ ты себя чувствуешь? Теперь хорошо. А?

И она тихо поцѣловала и перекрестила ее.

И вслѣдъ затѣмъ, обернувшись къ Немировскому, указала ему на платье Вѣры. Но онъ махнулъ рукой, какъ будто говоря: это ничего.

— Не послать ли горничную?—спросила она Немировскаго. —Умыться и переодѣться ей?

Она подчеркнула слово „переодѣться".

Онъ сказалъ:—Да, пришлите.

И Ольга Андреевна вышла и тутъ же съ удивленіемъ сообщила Толкунову и Любѣ, что ей странно, какъ онъ, т.-е. Немировскій, хочетъ скрыть отъ Вѣры, что съ ней было, и оставляетъ ее въ томъ же платьѣ, т.-е. въ сарафанѣ, который сейчасъ же можетъ напомнить ей все прошлое, и она послала Любу, чтобы та сейчасъ же прислала Дашу съ платьемъ—переодѣть Вѣру.

Люба быстро побѣжала, а Толкуновъ сказалъ:

— Мнѣ ужасно не нравится, что онъ мудритъ надъ ней. Пожалуй, въ концѣ концовъ, онъ сведетъ ее съ ума.

Но въ это время дверь комнаты Вѣры отворилась. Немировскій вышелъ къ нимъ.

— Скажите, пожалуйста, горничной, — обратился онъ къ Ольгѣ Андреевнѣ,—чтобы она ничего не говорила съ больной, буквально ничего, какъ нѣмая. Вы поняли меня?

Ольга Андреевна молча кивнула головой.

Затѣмъ онъ взялъ, безъ церемоніи, Толкунова подъ-руку и, сказавъ ему:—Мнѣ необходимо поговорить съ вами, — повелъ его въ свою комнату.

— Я долженъ сейчасъ уѣхать, — говорилъ онъ на ходу.— У меня ждутъ мои больные. Я оставляю вашу больную въ положеніи еще вполнѣ неопредѣленномъ, при которомъ необходима крайняя осторожность.—И они вошли въ его комнату. Онъ тотчасъ же принялся собирать свои вещи и книги и укладывать

ихъ въ небольшой саквояжъ, и въ то же время продолжалъ говорить Толкунову.

— Я до сихъ поръ,—говорилъ онъ,—сдерживалъ приступы начинавшагося сумасшествія вліяніемъ моей нервной силы, и думаю, что эти приступы теперь значительно ослабѣли. Но необходима крайняя осторожность, чтобы они опять не вошли въ прежнюю силу. Я прошу васъ сдѣлать слѣдующее. Во-первыхъ, никого, буквально никого, не впускать къ ней, кромѣ m-me Драевской и сестры. Я боюсь въ особенности за послѣднюю... Внушите ей, если можете, что всякое ея страствое, истерическое движеніе вызоветъ тотчасъ же и то же самое въ мозгу больной, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилитъ неправильность мозговыхъ функцій. Вы понимаете меня?—И онъ, не дожидаясь отвѣта, снова толково повторилъ сказанное. При чемъ Толкуновъ утвердительно кивалъ головой, давая знать, что онъ все отлично понялъ, и при этомъ подумалъ:

„Онъ, должно быть, возясь съ его сумасшедшими, самъ сдѣлался безтолковымъ и подозрѣваетъ другихъ въ безтолковости“.

Сложивъ свои вещи, Немировскій простился и уѣхалъ, сказавъ, что онъ будетъ завтра около семи часовъ вечера.

— Ранѣе я не могу,—сказалъ онъ и уѣхалъ.

Послѣ его отъѣзда все какъ будто оживилось. Суровый и строгій контроль былъ снятъ, и всѣ, даже Толкуновъ почувствовали себя свободными.

— Пойми меня, дорогая моя, — говорилъ онъ Любѣ,—что всякое твое страстное, истерическое движеніе произведетъ и въ ней то же самое. Понимаешь?..

— Такъ мнѣ нельзя при ней ни плакать, ни смѣяться?—спросила Люба.

— Удержись, если можешь.

— Постараюсь,—и тутъ же прибавила: — пойдемъ теперь къ ней... я попробую.

— Ты пойди, а я подожду. Тамъ теперь Ольга Андреевна и Даша. Мнѣ будетъ неловко войти,—я, можетъ быть, помѣшаю.

Она быстро двинулась къ дверямъ. Но Толкуновъ остановилъ ее за руку и проговорилъ:

— Дорогая моя Ладя, помни, что я тебѣ сказалъ—будь благоразумна...

Она кивнула головой и исчезла за дверью.

Люба застала Ольгу Андреевну и Дашу передъ постелью Вѣры. Онѣ уговаривали ее перемѣнить бѣлье. Но она упорно отказывалась и говорила:—Постой, погоди!..

— Мама!—сказала Люба:—да ты оставь ее теперь.

— Какъ же можно оставить: вся рубашка ужасно грязная. Платье мы перемѣнили, а рубашку,—и она на ухо Любѣ сказала по-французски что-то, дѣйствительно, ужасное.

Въ это время Вѣра обернулась къ Любѣ и, показывая руками на шею, около затылка завязанную платкомъ, сказала:

— Люба, посмотри... Онъ мнѣ тутъ что-то простригъ ножницами... и потомъ завязалъ, но мнѣ было небольно.

— Это, вѣрно, онъ простригъ тебѣ мушки. Пузыри отъ мушекъ.

И она спокойно обхватила ее рукой, а другой начала снимать рубашку, какъ съ маленькаго ребенка. Вѣра не сопротивлялась.

Чистую рубашку надѣли.

„Ее бы теперь надо въ ванну или въ баню", — подумала Ольга Андреевна, и при этомъ вспомнила, что ванна у нихъ была давно, еще послѣ смерти Петра Онисимыча, заброшена, и комната, въ которой она стояла, была на замкѣ. Въ домѣ всѣ предпочитали баню—ваннѣ, и баня была липовая, большая, устроенная съ полнымъ комфортомъ.

Когда на Вѣру надѣли пеньюаръ и она должна была встать съ постели, то она пошатнулась и опять сѣла на кровать. Ольга Андреевна уговорила ее снова лечь. Она послушалась, покорно улеглась и начала дрожать. Ее закутали одѣяломъ, накрыли салопомъ, и почти тотчасъ же она заснула.

XXXVIII.

Всѣ въ домѣ затихли, присмирѣли. Всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ. Шикали другъ на друга и шушукались.

Ольга Андреевна и Люба поочередно дежурили у постели больной.

Толкуновъ нашелъ какую-то книгу въ библіотекѣ и занялся ею.

Время тихо тянулось. Всѣмъ было не по себѣ. Всѣмъ сообщалось отъ Акулины Степановны безпокойное настроеніе духа. Всѣ дѣвушки говорили, что бѣдная барышня теперь порченая. Что разбойники наслали на нее какое ни на есть „слово" и, должно быть, очень крѣпкое слово, отъ котораго самъ цыганскій докторъ не могъ ее разрѣшить.

— Еслибы онъ разрѣшилъ ее, голубушку, то она сейчасъ бы встрепенулась, какъ рыбка,—говорила Ѳедоровна.

— Нельзя же вдругъ, матушка,—просвѣщала Аполлинарія Кузьминишна.—Скоро-то ничего не дѣлается...

— Матушки мои,—говорила Акулина Степановна:—коли бы она была незаговорена, развѣ оттолкнула бы она меня... Подите-ка,—прямо въ грудь такъ-таки и отмахнула!..

И всѣ сообщали другъ другу, что теперь барышню переодѣли и что барышня обовшивѣла.

— Въ баньку бы ее теперь... То-то бы было славно!

Приближался часъ завтрака. Больная продолжала спать. Ольга Андреевна начала безпокоиться.

— Хорошо ли, что она такъ долго спитъ? — спрашивала она Любу. —Вѣдь она вчера ничего не ѣла, и сегодня тоже. Исхудала вся, голубушка...

— Мама,—сказала Люба:—я ее разбужу. Она съѣстъ чего-нибудь, и пускай опять уснетъ.

Но разбудить ее оказалось не такъ легко, какъ это представлялось Любѣ.

Она наклонилась надъ ней и тихо начала шептать:—Вѣруша! Вѣра!—Она повторяла ея имя громче и громче. Вѣра не шевелилась. Она начала цѣловать ее. Послѣ каждаго поцѣлуя, она смотрѣла пристально на ея лицо. Ни одна черта его не двигалась.

— Люба! ты можешь испугать ее,—сказала Ольга Андреевна. —Видишь, какъ она покойно и крѣпко спитъ! Оставимъ ее,—пусть спитъ.

И онѣ посадили няню подлѣ спящей больной, а сами пошли завтракать.

Но и послѣ завтрака Вѣра продолжала спать такъ же крѣпко. Всѣ, по очереди, подходили и смотрѣли на нее и слушали—Толкуновъ, и Ѳедоровна, и Аграфена Семеновна, всѣ дивились этому невиданному сну, качали головой и расходились.

— Можетъ быть, онъ далъ ей что-нибудь снотворное, какихъ-нибудь сонныхъ капель,—догадывалась Аграфена Семеновна.

Накрыли на столъ къ обѣду. Опять всѣ собрались вокругъ постели больной. Поговорили, пошептались, покачали головами и разошлись.

Послѣ обѣда, Люба сказала, смотря на нее:

— Нѣтъ, мама, ее надо непремѣнно разбудить. Она можетъ такъ и умереть, не проснувшись.

И она тихонько обняла ее и приподняла.

Больная, не открывая глазъ, забормотала:

— Постой, погоди!.. потомъ... послѣ...

Люба выпустила ее изъ рукъ. Она упала на подушки и уже снова спала такъ же крѣпко и такъ же тихо и покойно.

Этотъ странный, продолжительный сонъ началъ всѣхъ безпокоить. Всѣ мучились ожиданіемъ.

— Хотя бы онъ, т.-е. Немировскій, скорѣе пріѣхалъ!—говорила Ольга Андреевна.

Но какъ нарочно онъ не ѣхалъ.

Прошло уже семь часовъ. Стрѣлка уже доходила до половины восьмого. И только въ это время издали заслышались его громкіе ширкунцы и колокольчики, и такъ же, какъ вчера, на четверкѣ вороныхъ, онъ подскакалъ къ крыльцу.

Всѣ вздохнули свободнѣе и оживились.

Ольга Андреевна приказала, чтобы былъ горячій обѣдъ.

„Онъ, вѣрно, не обѣдалъ",—подумала она.

— Ну, что же? Какъ наша больная?—входя въ переднюю, спросилъ Немировскій у Ольги Андреевны и Толкунова съ Любой, которые всѣ вышли къ нему на встрѣчу.

— Она спитъ,—сказала Ольга Андреевна:—все спитъ. Хорошо ли это, Вадимъ Вадимычъ?

— А вотъ мы сейчасъ посмотримъ,—и, отряхая пыль, онъ быстро, рѣшительно направился въ корридоръ, на антресоли. Всѣ двинулись за нимъ.

У затворенной двери Вѣриной комнаты онъ обернулся ко всѣмъ и молча остановилъ ихъ, обративъ къ нимъ ладонь лѣвой руки, тогда какъ правой отворилъ дверь и на цыпочкахъ вошелъ.

Вѣра сидѣла на постели. Она съ радостью протянула къ нему руки и улыбнулась.

Ольга Андреевна прошептала: „Слава тебѣ, Господи..."—и перекрестилась.

— Ну, какъ же наши дѣла?—спросилъ Немировскій, придвигая къ постели стулъ, и, слегка пожавъ руку Вѣры, началъ щупать ея пульсъ.

— Мнѣ хорошо,—тихо прошептала Вѣра.

— Ну, и отлично. Надо постараться, чтобы было еще лучше. Вамъ теперь необходимо больше силъ. Вы вѣдь, вѣрно, мало ѣли въ эти дни и притомъ какую-нибудь дрянь... Что вы ѣли вчера или третьяго дня?

Вѣра сильно нахмурилась и задумалась, приложивъ руку къ лѣвой сторонѣ головы; все лицо ея приняло страдальческое выраженіе.

— Ну, и не нужно!.. Не вспоминайте!—заговорилъ тороп-

ливо Немировскій; онъ отнялъ ея руку отъ головы и обернулся, какъ бы желая кому-нибудь высказать, что въ ней происходило, и снова продолжалъ:—Мы теперь будемъ ѣсть что-нибудь питательное... Бифштексъ?.. Любите вы бифштексъ?.. А?..

— Люблю...—тихо, какъ-то машинально, проговорила Вѣра и потупилась.

— А языкъ вашъ вы мнѣ покажите!.. Я хочу видѣть вашъ языкъ...

Вѣра молчала и хмурилась.

— Вы слышите,—заговорилъ Немировскій громкимъ, повелительнымъ голосомъ.—Мнѣ нужно видѣть вашъ языкъ.—И онъ неподвижно уставилъ на нее свои сверкающіе глаза.

Вѣра тихо открыла ротъ и высунула дрожавшій языкъ. Руки ея также дрожали.

— Больше!—сказалъ сердито Немировскій.—Еще больше!..— Вѣра быстро высунула почти весь языкъ и тотчасъ же спрятала его и начала плакать и всхлипывать.

— Не смѣть!.. Не смѣть!..— сердито закричалъ Немировскій.—Барышнѣ стыдно плакать... Смотрите весело, пріятно... Прямо на меня... Прямо...

И Вѣра сдѣлала улыбающуюся физіономію и обратила на него глаза, тогда какъ изъ этихъ глазъ катились крупныя слезы.

— Вотъ такъ... Теперь вамъ лучше?..

Вѣра кивнула головой и чуть слышно прошептала:—Лучше.

— Ну, да... Мы будемъ поправляться... Будемъ больше ѣсть, гулять.

И, обратясь къ Ольгѣ Андреевнѣ, онъ тихо сказалъ:

— Теперь у нея растительныя отправленія почти въ полномъ порядкѣ. Не надо только вызывать осложненій. — И онъ быстро всталъ и, выйдя въ корридоръ, куда за нимъ вышли всѣ, сказалъ, понизивъ голосъ, обращаясь къ Ольгѣ Андреевнѣ:

— Я теперь почти увѣренъ, что мозговыя отправленія возстановятся и опасности нѣтъ почти никакой... Но я все-таки считаю необходимымъ провести и эту ночь подлѣ больной...

— Ахъ, сдѣлайте милость, Вадимъ Вадимычъ!.. Мы будемъ очень рады, тѣмъ болѣе...

Немировскій рѣзко и довольно грубо перебилъ ее:

— Будете ли вы рады, или нѣтъ — для меня это безразлично... Я долженъ сдѣлать свое дѣло до конца...

„Этакій принципіалистъ противный!“—подумалъ Толкуновъ.

А Немировскій рѣзко пошелъ впередъ по корридору и, обратясь къ Ольгѣ Андреевнѣ, сказалъ:

— Эти истеричныя удивительно хорошо слышатъ, и теперь я увѣренъ, что она слышитъ весь нашъ разговоръ... Я еще не увѣренъ, остался ли у нея такой мозговой процессъ, который можетъ угрожать умопомѣшательствомъ, или остались только истерическіе припадки... Вы понимаете?..

Ольга Андреевна кивнула головой, и Немировскій прямо отворилъ дверь въ ту комнату, которая была отведена ему вчера.

Въ этой комнатѣ уже сидѣлъ Игнатій и разложилъ на столѣ привезенные, какъ и вчера, книги и журналы. Въ углу стоялъ Константинъ подлѣ умывальника, съ чистымъ полотенцемъ на плечѣ.

Немировскій вошелъ въ комнату и притворилъ за собой дверь передъ самымъ носомъ Ольги Андреевны.

— Ужасно грубый джентльменъ!—сказалъ раздраженно Толкуновъ.—Воспитанъ, вѣроятно, въ лѣсу, въ медвѣжьей академіи, у Михайлы Иваныча Топтыгина.

Люба слегка засмѣялась. И потомъ, вдругъ сдѣлавъ серьезную физіономію, спросила:

— А гдѣ же я буду спать?.. Что̀ же онъ, и сегодня не позволитъ спать въ моей комнатѣ?.. Какой несносный!..

Но Немировскій позволилъ ей спать подлѣ Вѣры, и она была очень рада. Онъ сказалъ:

— Я даже нарочно теперь положилъ бы васъ въ ея комнату, такъ какъ для меня очень важно окончательно убѣдиться, что въ ея головѣ не осталось никакихъ поводовъ къ умопомѣшательству. Я только предваряю васъ, что, можетъ быть, нѣсколько разъ ночью я войду въ вашу комнату, а потому потрудитесь оставить дверь отпертою или отворить ее тотчасъ же, какъ я только постучу въ нее.

Люба готова была согласиться на всѣ условія, только бы ей позволили спать подлѣ Вѣры.

Толкуновъ, въ десять часовъ вечера, тихо постучалъ въ дверь Немировскаго. Отвѣта не было. Онъ постучалъ громче, рѣшительнѣе.

— Войдите!..—сказалъ громко Немировскій.—Кто̀ тамъ?..

Толкуновъ вошелъ, притворилъ за собой дверь и сказалъ:

— Я не помѣшаю вамъ теперь, если попрошу васъ разъяснить мнѣ то, что̀ вы мнѣ вскользь высказали вчера.

Немировскій нахмурился, какъ бы припоминая, что̀ такое онъ сказалъ вчера. Толкуновъ поспѣшилъ прибавить:

— Вы высказали мнѣ предостереженіе относительно моей женитьбы. Позвольте васъ спросить...—и въ голосѣ его послы-

шалось раздраженіе: — это вы высказали относительно только моей женитьбы или принципіально?

Послѣднее слово онъ подчеркнулъ и высказалъ его съ худо скрытымъ, насмѣшливымъ ехидствомъ.

— Ни относительно вашей женитьбы, ни принципіально,— сказалъ ровнымъ тономъ Немировскій и положилъ на столъ толстую книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ. — Высказанное мною не принципъ, а только способъ разумнаго дѣйствія.

— Такъ вы отвергаете вообще женитьбу и предпочитаете, вѣроятно, такъ сказать... свободный союзъ?—И онъ слегка подчеркнулъ послѣднее слово.

— Женитьбу,—сказалъ Немировскій,—я считаю глупостью, а свободный союзъ—свинствомъ.

— Какъ!— вскричалъ Толкуновъ, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на него:—это удивительно оригинально! Вы позволите мнѣ сѣсть?.. —И онъ, взявъ легкій плетеный стулъ и поставивъ его напротивъ Немировскаго, сѣлъ.

— Все оригинально, что̀ люди слышатъ впервые, и къ чему они не привыкли...

— Но къ этому, я полагаю, и привыкнуть нельзя... Что̀ же?.. Вы весь свѣтъ осуждаете на безбрачіе?

— Я не могу осуждать его и не желаю... Я только предупреждаю, гдѣ могу, и эти предупрежденія считаю моей прямой обязанностью.

— Да какъ же?—вскричалъ Толкуновъ и пожалъ плечами.— Вы—докторъ-физіологъ,—и онъ понизилъ голосъ, какъ бы опасаясь, что его можетъ услышать Люба. — Вѣдь вы знаете, что бракъ есть одна изъ самыхъ могущественныхъ потребностей организма, потребностей природы?..

— А у насъ есть умъ и сила воли на то, чтобы бороться съ этой могущественной потребностью природы,—и онъ подчеркнулъ послѣднія слова такъ, что Толкунову послышалась въ нихъ насмѣшка.

Толкуновъ слегка покраснѣлъ и опять пожалъ плечами.

— Я рѣшительно удивляюсь,—сказалъ онъ,—такому взгляду.

— Удивляйтесь, сколько хотите... Я не могу вамъ запретить удивляться.

„А ты съ удовольствіемъ запретилъ бы!“ — подумалъ Толкуновъ.

— Но только подумайте: сколько бы человѣчество выиграло, еслибы такой взглядъ сдѣлался господствующимъ,—еслибы большинство рѣшилось на безбрачіе.

— Что же это было бы? — вскричалъ Толкуновъ. — Аскетизмъ?.. Всемірный монастырь?..

— Да. Для избранныхъ... Но я не проповѣдую поголовнаго воздержанія... Человѣкъ вѣчно останется скотомъ...

„Ого!..—подумалъ Толкуновъ.—Какія крѣпкія выраженія!“...

— Но меньшинство будетъ жить по-человѣчески... Муравьи и пчелы давно пришли къ такой жизни. У нихъ для половыхъ продуктовъ и для размноженія отведена небольшая часть, меньшинство общества... У пчелъ и термитовъ еще меньше... Тамъ— единая общественная самка, и этотъ распложающій организмъ доведенъ до совершенства. Человѣкъ могъ бы поучаться этому. Всѣ древніе римляне и греки говорили: „поучись у пчелъ“. Но этой именно стороны дѣла, самой коренной и необходимой, они и не замѣтили... Точно также и современное человѣчество доказываетъ свою глупость и односторонность... Оно живетъ не какъ живутъ разумные термиты, пчелы, даже муравьи... А живетъ, всецѣло отдаваясь своимъ половымъ инстинктамъ и разнузданнымъ животнымъ потребностямъ... Узды у него нѣтъ... да и будетъ ли когда-нибудь?..

XXXIX.

Въ это время тихо, робко постучали въ дверь.

— Войдите!—сказалъ громко и повелительно Немировскій.

Дверь тихо отворилась и вошла Люба.

— Извините,—сказала она, обращаясь къ Немировскому.— Вѣра желаетъ видѣть васъ, и мама прислала меня просить васъ къ ней.

— Скажите, что я сейчасъ приду,—и онъ кивнулъ головой.

Люба бросила конфузливый взглядъ на Толкунова, попятилась и вышла.

„Не можетъ даже и полчаса пробыть безъ жениха,—подумалъ Немировскій о Любѣ. — Даже сюда втерлась, ко мнѣ въ комнату“.

И онъ обратился къ Толкунову и хотѣлъ продолжать начатый разговоръ, но Толкуновъ остановилъ его вопросомъ.

— Скажите, пожалуйста...—началъ онъ,—если только вопросъ мой не будетъ нескроменъ...—Толкуновъ пріостановился и посмотрѣлъ на него, выжидая отвѣта, но, не дождавшись его, продолжалъ: — Мнѣ было бы интересно знать, почему вы такъ грубо обращаетесь съ вашими больными,—напримѣръ, съ Вѣрой Александровной?..

„Ты со всѣми грубъ,—подумалъ онъ,—но обращеніе съ ней превосходитъ всякое неприличіе“.

— Съ ними обращаются еще грубѣе... съ такими истеричными больными. И иначе нельзя обращаться съ ними...—сказалъ Немировскій.—Въ госпиталѣ у Гризингера ихъ просто бьютъ.

— Неужели! — вскричалъ Толкуновъ и слегка покраснѣлъ отъ негодованія.

— Да. Иначе вы съ ними ничего не подѣлаете. Ихъ нервы и вся психика настроена на минорный и капризный тонъ. Если вы будете обращаться съ ними по-человѣчески, то они тотчасъ же начнутъ играть на своихъ капризахъ, начнется плачъ и смѣхъ— и все вліяніе врача будетъ безсильно... Вотъ и теперь, я увѣренъ, что ей пришелъ какой-нибудь капризъ,—и она послала сестру звать меня къ себѣ... И ей кажется, что если я мгновенно не явлюсь передъ ней, какъ листъ передъ травой, то съ ней сдѣлается что-то ужасное и весь міръ провалится...

Въ это время снова постучались въ дверь, но крѣпче и рѣшительнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и, не дожидаясь отвѣта, дверь отворилась, и вошла Ольга Андреевна.

— Извините...—сказала она.—Но она убѣдительно проситъ васъ придти сейчасъ же. У нея что-то дѣлается въ горлѣ... И она страшно безпокоится.

— Вотъ видите!—сказалъ Немировскій, обращаясь къ Толкунову.—Скажите ей,—обернулся онъ къ Ольгѣ Андреевнѣ,— что я сейчасъ приду... Если же она не успокоится, то передайте ей, что я сейчасъ же уѣду и брошу ее...

Ольга Андреевна пошла къ дверямъ и въ самыхъ дверяхъ нерѣшительно обернулась.

— Она такъ раздражена... Очевидно, это мучаетъ ее.

Немировскій быстро поднялся съ кресла и сказалъ рѣшительно:

— Такъ вы передайте такъ же съ раздраженіемъ, что я вамъ говорю, и скажите, что я сейчасъ же исполню мою угрозу.

И онъ повернулся къ столу и началъ поспѣшно укладывать въ сакъ газеты и журналы.

Ольга Андреевна быстро отвернулась отъ него и пошла вонъ.

„C'est un enragé... qui s'élance à chaque passant“,—подумала она.

А Немировскій снова сѣлъ, отбросивъ сакъ, и проговорилъ Толкунову совершенно спокойно:

— Съ этими истеричными должно быть крайне строгимъ... Они подчиняютъ своему вліянію всѣхъ окружающихъ, заражаютъ

ихъ своими капризами, своей возбужденностью и раздражительностью. Мнѣ кажется, что это—крайнее состояніе, до котораго могутъ дойти возбужденные нервы, если ихъ не сдерживать своей волей и разсудкомъ... И еслибы мы не обуздывали этой воли нашихъ страстей и похотей, — привычка вездѣ предъявитъ свои права неуклонно и повелительно.

Въ это время снова постучались торопливо въ дверь, и Люба проговорила дрожащимъ и плаксивымъ голосомъ:

— Водя... Съ ней дѣлается дурно... Она жалуется на жестокія спазмы.

Немировскій быстро поднялся съ кресла.

— Ну, вотъ видите!..— сказалъ онъ, и въ его голосѣ послышалось торжество его доктрины.—Пойдемте!..

И онъ быстро двинулся и пошелъ въ комнату Вѣры. Толкуновъ пошелъ за нимъ; встрѣтивъ за дверью Любу,—обнялъ ее и пошелъ съ ней вмѣстѣ. А она быстрымъ шопотомъ передавала ему, что случилось что-то ужасное.

Вѣра сидѣла на постели, плакала и стонала и постоянно качалась, хватаясь за горло.

— Вотъ! вотъ! — заговорила она хриплымъ, сдавленнымъ шопотомъ, когда Немировскій вошелъ.—Душитъ! Душитъ какой-то комъ!..—и она всхлипывала и металась.

— Никакого кома нѣтъ!—закричалъ на нее Немировскій и взялъ ее за руку. — Вы должны успокоиться сейчасъ же и заснуть... Слышите!.. Я желаю, чтобы вы успокоились... Гдѣ, какой у васъ комъ?—Никакого кома нѣтъ.

И онъ слегка потиралъ руками ея горло, а ея физіономія при этомъ становилась спокойною, на ея красивыхъ, алыхъ губахъ показалась улыбка.

— Ложитесь!..—сказалъ повелительно Немировскій.

И она покорно опустила голову на подушки и легла, смотря какимъ-то дѣтскимъ, умоляющимъ взглядомъ на Немировскаго.

Онъ сѣлъ на стулъ, подлѣ ея изголовья, и положилъ свою крѣпкую, смуглую руку, обросшую волосами, на постель, а она взяла ее въ свои руки и, какъ шаловливый ребенокъ, смотрѣла на него покорно.

— Ну, спите же, спите!.. Теперь уже поздно.—И она закрыла глаза и вся затихла.

А Немировскій, не отнимая отъ нея руки, продолжалъ смотрѣть на нее упорно своими блестящими, немигающими глазами.

Н. П. Вагнеръ.

ТРИ НѢМЕЦКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПРЕШИРНА [1])

I.

Возлюбленная и — я.

Если буду гдѣ я названъ между нѣмцевъ, какъ поэтъ,
И услышишь ты отъ франта: „Вы знакомы съ нимъ иль нѣтъ?“ —
Отвѣчай открыто, гордо, правду вслухъ ему рубя,
Что поэтомъ и героемъ сталъ я только чрезъ тебя.

И скажи ему, — лишь могъ бы дивный онъ понять разсказъ, —
Какъ любовь со дня созданья по вселенной разлилась,
Какъ она къ дѣламъ великимъ возжигаетъ всѣ сердца
И въ вѣкахъ грядущихъ сѣетъ жатву счастья безъ конца!

А меня какъ только спросятъ, кто любви моей предметъ, —
Объявлю я безъ запинки этимъ карликамъ въ отвѣтъ:
—Дама грёзъ моихъ—свобода! Что жъ потупили вы взоръ?
Или вы смотрѣть на солнце не умѣете въ упоръ?

---

[1]) Францъ Преширнъ, или, по другому выговору, Прешернъ (France Prešéren)— лучшій славянскій поэтъ (1800—1849), юбилей котораго праздновался 3 декабря (20 ноября) прошлаго года. Эти три стихотворенія найдены извѣстнымъ градецкимъ профессоромъ Григоріемъ Крекомъ въ перепискѣ молодого галицкаго поляка Эмилія Корытка (Korytko), сосланнаго въ 1837 г. въ Любляну и умершаго тамъ въ 1839 г. Проф. Крекъ обнародовалъ ихъ въ декабрьской книгѣ научно-литературнаго журнала „Люблянскій Колоколъ“ (Ljubljanski Zvon), вышедшей въ видѣ „Прешернова альбома“ (Prešernov album), стр. 748 и 749. Прешернъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ въ совершенствѣ, но употреблялъ его въ поэзіи лишь тогда, когда имѣлъ въ виду нѣмецкихъ читателей.

Дама грёзъ моихъ—свобода! весь со всѣмъ своимъ я—твой!
Пусть закидана ты грязью: кровью грязь моею смой!
Дама грёзъ моихъ—свобода! если пасть я осужденъ,
Мнѣ глаза закрой и въ гробѣ услаждай мечтами сонъ!

1834.

II.

Въ обществѣ.

Когда я въ пестромъ былъ кругу
Средь шутокъ и веселья,
Мнѣ жарко дѣлалось въ мозгу
И въ сердцѣ, какъ съ похмелья.

И долго грезилъ я въ тиши
О подвигахъ прекрасныхъ,
О мощи доблестной души,
О пѣсняхъ сладкогласныхъ,

О мужѣ томъ, кто за своихъ
Кончины не трепещетъ,
О яркомъ солнцѣ дѣлъ благихъ,
Что вѣчнымъ свѣтомъ блещетъ.

И человѣка идеалъ
Предсталъ мнѣ вдругъ такъ ясно...
Сосѣда руку я поймалъ
И несъ на сердце страстно.

Какъ онъ взглянулъ и крикнулъ какъ:
„Съ ума вы не сошли ли?!“
Да и на что мнѣ былъ бѣднякъ?
Зачѣмъ я рылся въ гнили?

1834.

III.

Играла ты, и струнъ все слышится мнѣ пѣнье:
Ихъ звуки, что̀ лились, какъ мощная волна,
Осѣвъ на днѣ души, въ ней цѣлы всѣ сполна
И безпристрастное внушаютъ удивленье.

Порхали пальчики, какъ вѣтра дуновенье,
Цвѣты лобзаніемъ будящаго отъ сна.
Играла ты—и вновь цвѣла въ сердцахъ весна,
Всѣмъ нашимъ горестямъ даруя исцѣленье.

Царила мощью ты игры и красоты:
Такъ дивно ты дары свои соединяла,
Что—кто былъ глухъ къ игрѣ, красой того плѣняла.

Небеснымъ существомъ казалася мнѣ ты
И предо мной стоишь понынѣ, какъ живая;
Постигъ я пѣнье сферъ, игрѣ твоей внимая.

Перев. Ѳ. Коршъ.

ПОЭЗІЯ
ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА

Поэтическая дѣятельность Вл. С. Соловьева, и при жизни, и по смерти его, оцѣнивалась чрезвычайно различно. Одни полагали и полагаютъ, что поэтическое дарованіе Вл. С. Соловьева было очень умѣренное; что писалъ онъ стихи между дѣломъ; что къ своему поэтическому призванію онъ относился слегка; что сборникъ стихотвореній, оставленный имъ въ наслѣдство русскому обществу, есть маловажный и случайный придатокъ къ его истинно-цѣнному философскому наслѣдію. Другіе полагали и полагаютъ, что поэтическое дарованіе Вл. С. Соловьева было выходящее изъ ряду вонъ; что писалъ онъ стихи по нѣкоторой серьезной внутренней потребности; что служеніе поэта ставилъ онъ въ общемъ даже чрезмѣрно высоко; что небольшая серія опубликованныхъ имъ поэтическихъ произведеній есть необходимая часть его жизненнаго подвига. Забывая о томъ, что поэтическое творчество проявляется не въ одномъ только стихосложеніи, представители отрицательнаго направленія легко упускали изъ виду, что у Вл. С. Соловьева найдется немало доказательствъ поэтической правоспособности и въ его прозаическихъ сочиненіяхъ философскаго и богословскаго характера. Столь же неосновательно забывая о томъ, что Вл. С. Соловьевъ былъ, дѣйствительно, очень крупной философской силой,—представители положительнаго направленія готовы были утверждать, что Вл. С. Соловьевъ и въ своихъ философскихъ построеніяхъ не шелъ дальше поэтическихъ грёзъ, замѣнившихъ для него строго-послѣдовательное разсудочное изученіе. Оказывается, однимъ

словомъ, что для однихъ Вл. С. Соловьевъ вовсе не былъ поэтомъ, а для другихъ онъ только и былъ поэтомъ.

Это поразительное разномысліе, наличности котораго никто, конечно, отрицать не будетъ, заслуживаетъ само по себѣ величайшаго вниманія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нельзя разобраться въ такомъ, казалось бы, простомъ вопросѣ: поэтъ или не-поэтъ извѣстный литературный дѣятель, сошедшій въ могилу хотя и преждевременно, но все-же послѣ двадцатипятилѣтнихъ трудовъ въ области слова?

Мы знаемъ, что въ наше время скороспѣлыхъ критическихъ сужденій и раздробленныхъ литературныхъ интересовъ многимъ покажется совершенно излишнимъ задумываться надъ причинами указываемаго нами разномыслія. Скажутъ: о чемъ же тутъ разсуждать? Очевидно, виноватъ во всемъ самъ мнимый или дѣйствительный поэтъ, которому чего-то не хватало, чтобы всѣхъ согласить и объединить. Плоха та поэзія, наличность которой нужно доказывать,—сомнительна и та поэзія, которая отождествляется съ философіей. И произнеся подобный приговоръ, скорый и немилостивый, многіе успокоятся въ сознаніи своей непреложной правоты.

Позволяемъ себѣ, однако думать, что далеко не всѣ такимъ приговоромъ удовлетворятся. Слишкомъ онъ узокъ и одностороненъ, слишкомъ звучитъ въ немъ откровенное желаніе поскорѣе сбыть дѣло съ рукъ, какъ очередную канцелярскую бумагу, которую нужно поскорѣе „очистить". Но какъ бы мы ни расходились во взглядахъ на значеніе всего того, что было совершено покойнымъ, всѣ, однако, согласны въ одномъ: безспорно, это былъ человѣкъ чрезвычайно талантливый, отмѣченный высокими духовными дарованіями.

Вдумываясь въ причины коренного разногласія въ сужденіяхъ о поэтическомъ творчествѣ Вл. С. Соловьева, мы приходимъ къ тому заключенію, что все дѣло—въ неправильно выбранной точкѣ зрѣнія. Большинство судей, какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго направленія, смотритъ на Вл. С. Соловьева съ той узкой точки зрѣнія, которая требуетъ, чтобы ученый былъ только ученымъ, философъ только философомъ, богословъ только богословомъ, художникъ только художникомъ,—и которая совершенно пренебрегаетъ цѣльной человѣческой личностью. Едва-ли стоитъ много распространяться о томъ, что такая узкая точка зрѣнія, не безъ причины упрочившаяся, имѣетъ за себя весьма многое; достаточно припомнить хотя бы то, что говорится обыкновенно о людяхъ, склонныхъ къ смѣшенію

„ремеслъ", и чуть ли не каждый изъ насъ устыдится самомалѣйшаго сомнѣнія въ правомѣрности этой точки зрѣнія. А между тѣмъ приходится сознаться, что заурядное и на этотъ разъ насъ обманываетъ: то, что представляется намъ привычнымъ, какъ бы единственно правильнымъ и возможнымъ, есть, въ сущности, полная противоположность тому, чего домогается нашъ духъ, къ чему стремится историческое человѣчество, въ чемъ полагается идеалъ будущаго. И нужно, думается намъ, неустанно повторять, что отрывочность явленій міра и жизни,—на что всѣ такъ жалуются,—поддерживается именно тѣмъ, что въ ущербъ глубокому внутреннему единству нашего духа ученый есть только ученый, философъ только философъ, богословъ только богословъ, художникъ только художникъ. Конечно, высказываясь въ этомъ смыслѣ, мы должны предостерегать и себя, и другихъ, отъ ложныхъ выводовъ изъ этого безспорно вѣрнаго положенія. Было бы очень прискорбно, еслибы, напр., положеніе это уполномочило какого-нибудь ученаго, пользующагося при своей научной работѣ научнымъ типомъ познанія, примѣнить къ занимающему его дѣлу типъ познанія философскій, или религіозный, или художественный. Требуется не смѣшеніе типовъ познанія, а наоборотъ, строгое различеніе ихъ. Но не менѣе прискорбно было бы и то, еслибы изъ-за этого различенія мы отказались отъ цѣлостнаго единства нашей духовной природы, и ради плодовъ, доставляемыхъ однимъ типомъ познанія, пожертвовали плодами, доставляемыми другими типами. Требуется не разъединеніе плодовъ познанія, а всяческое сочетаніе ихъ.

Узкая, заурядная точка зрѣнія оказывается такимъ образомъ далеко не истинной точкой зрѣнія. Въ отношеніи мелкой, будничной дѣйствительности, недостаточность этой точки зрѣнія еще можетъ быть оспариваема; но стоитъ примѣнить ее къ факту или лицу крупному, и мы сразу же убѣждаемся, что тутъ что-то не совсѣмъ такъ.

Не то же ли самое постигаетъ эту точку зрѣнія и тогда, когда ее примѣняютъ къ Вл. С. Соловьеву какъ поэту? Представители отрицательнаго направленія, очевидно, не прочь признать въ Вл. С. Соловьевѣ значительное явленіе русской философской мысли; иные изъ нихъ склонны выдвигать на первое мѣсто его богословскіе труды, его публицистическія разсужденія и т. д. На-ряду съ этими проявленіями его духовной жизни, сравнительно небольшой сборникъ его стихотворныхъ пьесъ представляется имъ мелочью, которую можно спокойно оставить въ сторонѣ. Сверхъ того, многія изъ этихъ пьесъ запечатлѣны

какимъ-то мистическимъ и символическимъ характеромъ; большинство ихъ вращается, повидимому, въ сферѣ личнаго чувства; звуковъ музы мести и печали, столь доступныхъ обездоленному большинству, въ нихъ почти вовсе не слышно. Значительный философъ и незначительный поэтъ—„das ist der langen Rede kurzer Sinn!“ Представители положительнаго направленія берутъ дѣло съ обратной стороны. Тяготѣя нѣсколько одностороннимъ образомъ къ міру искусства, къ царству поэзіи, они жадно подхватываютъ въ дѣятельности Вл. С. Соловьева поэтическіе элементы ея, и такъ какъ широкая струя поэзіи, исходившая отъ всей его личности, не могла быть не замѣчена ими, то понятно, что неоднократно названный сборникъ стихотвореній дѣлался ихъ настольною книгою, заслоняя собою все прочее въ дѣятельности излюбленнаго автора. Разбираться въ его философскихъ, богословскихъ и ученыхъ трудахъ—задача нелегкая; такъ-называемые свѣдущіе люди не разъ жаловались даже въ печати, что Вл. С. Соловьевъ пишетъ прозой неудобопонятной; что онъ нерѣдко мѣнялъ свои воззрѣнія; что онъ не далъ ничего цѣльнаго и законченнаго. Положимъ, и въ стихотвореніяхъ его найдется немало загадочнаго и таинственнаго; впрочемъ, въ поэзіи съ этими явленіями примиряются безъ особаго затрудненія. Въ результатѣ:—значительный поэтъ и незначительный философъ.

Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что Вл. С. Соловьевъ, будучи очень значительнымъ философомъ, былъ и поэтомъ значительнымъ. Можно сказать даже больше: чѣмъ выше оцѣнивается значительность Вл. С. Соловьева какъ философа, тѣмъ выше должна оцѣниваться его значительность и какъ поэта. А чтобы выразить здѣсь же всю нашу мысль, прибавимъ, что мы признаемъ Вл. С. Соловьева не менѣе значительнымъ богословомъ и ученымъ. Чрезвычайная и исключительная сила этой неотразимо—для всѣхъ почти—привлекательной личности и состояла, по нашему мнѣнію, именно въ томъ, что въ немъ счастливѣйшимъ образомъ сотрудничали всѣ четыре типа познанія, и такимъ же счастливѣйшимъ образомъ сочетались плоды всѣхъ этихъ познаній. Именно въ этомъ могучемъ синтезѣ, не усматриваемомъ тѣми, кто упорно держится упомянутой выше узкой точки зрѣнія, и кроется все обаяніе Вл. С. Соловьева, все его, такъ сказать, провиденціальное, прообразовательное значеніе.

Какимъ именно образомъ происходитъ въ душѣ человѣка это объединеніе различныхъ типовъ познанія, и какимъ именно образомъ сочетаются въ ней въ стройную систему цѣльнаго знанія плоды этихъ разнородныхъ познаній,—мы не знаемъ. Это—одна

изъ величайшихъ загадокъ нашей духовной организаціи, почти недоступная разслѣдованію. Здѣсь коренится, во всякомъ случаѣ, наше дѣйствительное право именоваться личностями, право, ставящее человѣка такъ неизмѣримо высоко надъ всей прочей живой природой. Здѣсь же подлинное основаніе и нѣкоторое оправданіе мистики, отъ которой человѣчество никогда не могло освободиться полностью.

Поэтическая значительность Вл. С. Соловьева обусловливается такимъ образомъ тѣмъ, что въ его душѣ голосъ искусства говорилъ такъ, какъ онъ долженъ говорить въ душѣ цѣльной. Вопросъ о количественныхъ размѣрахъ его поэтической производительности отступаетъ при этомъ на задній планъ. Важно не то, много или мало поэтическихъ произведеній написалъ Вл. С. Соловьевъ; важно то, что вообще онъ не былъ только поэтомъ; что въ его поэтической дѣятельности мы чуемъ присутствіе и философа, и богослова, и ученаго. Онъ не уходилъ въ искусство отъ философіи, религіи и науки, но точно также онъ и не заставлялъ искусство служить чуждымъ ему цѣлямъ. Его поэзія не есть поэзія, отрѣшенная отъ всего, что не есть искусство,—но вмѣстѣ съ тѣмъ его поэзія не есть поэзія философствующая, религіозная, учительная. Сохраняя самостоятельность художественнаго типа познанія, свидѣтельствуя о несліянности этого типа съ другими типами познанія, Вл. С. Соловьевъ показываетъ намъ, однакоже, что художественный типъ познанія и можетъ, и долженъ быть нераздѣльнымъ съ другими типами. Мы часто не отдаемъ себѣ отчета въ безмѣрной важности для насъ этой несліянности и нераздѣльности, а упомянутая выше заурядная точка зрѣнія требуетъ даже какъ бы одной несліянности и забываетъ о нераздѣльности. Но извѣчная природа нашего духа сильнѣе нашего ограниченнаго временнаго благоразумія, и мы невольно тянемся къ тѣмъ, кто всей своей жизнью удостовѣряетъ насъ въ наличности не одной только несліянности, но и нераздѣльности. Не удивительно поэтому, что нашлись люди, готовые истолковывать цѣльность Вл. С. Соловьева въ томъ смыслѣ, что онъ былъ только философъ, или только поэтъ.

Итакъ, мы въ правѣ сказать какъ представителямъ отрицательнаго направленія, такъ и представителямъ положительнаго направленія, что въ оцѣнкѣ поэтическаго творчества Вл. С. Соловьева они уклоняются отъ истины приблизительно въ равной мѣрѣ. Грѣшатъ они въ разныя стороны, но источникъ ошибки—сходный: Вл. С. Соловьевъ не былъ ни только философомъ, ни

только поэтомъ. Цѣнность его поэтическаго наслѣдства опредѣляется не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ какъ поэтъ, отрѣшенный отъ философа, богослова и ученаго, а тѣмъ, чѣмъ онъ былъ какъ цѣльная человѣческая личность, давшая возможно широкое развитіе всѣмъ наличнымъ типамъ познанія и въ частности открывшая необходимый просторъ и художественному типу познанія.

Выяснивъ, до нѣкоторой степени, свой общій взглядъ на поэтическую дѣятельность Вл. С. Соловьева, мы постараемся теперь отмѣтить нѣсколько частныхъ особенностей его поэтическаго творчества, оправдывающихъ этотъ общій взглядъ.

Укажемъ прежде всего на то, что поэзія Вл. С. Соловьева, несмотря на относительно небольшое число его стихотворныхъ произведеній, есть поэзія весьма богатая темами и многосторонняя. Вл. С. Соловьевъ отозвался въ этихъ стихотвореніяхъ и на общіе вопросы искусства, философіи, религіи и науки, и на общіе вопросы жизни—какъ народной, общественной, такъ и личной; наряду съ пѣснями о природѣ, мы находимъ у него любовную лирику, со всей сложной гаммой соотвѣтствующихъ чувствъ; въ перемежку съ пьесами, имѣющими автобіографическій интересъ, идутъ пьесы, въ которыхъ личный элементъ какъ бы совершенно отсутствуетъ. Богатство и разнообразіе темъ свидѣтельствуютъ, конечно, о томъ, что занятія поэзіей были для Вл. С. Соловьева не столько отдыхомъ отъ другихъ его занятій, сколько прямымъ и невольнымъ продолженіемъ ихъ. Въ немъ шла большая и сложная внутренняя работа,—и въ соотвѣтствіи съ этой работой оказывается и его поэтическое творчество, запечатлѣнное тѣмъ же общимъ духомъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, какъ будто, всѣмъ интересуются, но на самомъ дѣлѣ заняты одной только заботой, какъ бы наполнить свою внутреннюю пустопорожность. Онъ зналъ, безъ сомнѣнія, то „единое на потребу“, то единое „интересное“, ради чего стоитъ жить. Но онъ зналъ также, что этого „единаго“ нужно искать во всемъ и на всѣхъ путяхъ познанія. И онъ безъ колебанія отдавался поэтическому вдохновенію, способному открыть ему доступъ туда, куда не могли ввести его ни наука, ни философія, ни религія, по самымъ различнымъ поводамъ. Содержательность поэзіи Вл. С. Соловьева представляется намъ поэтому очень высокой, несмотря, повторяемъ, на то, что общее число написанныхъ имъ стихотвореній невелико. Его цѣльной, богато одаренной душѣ, пользовавшейся несліянно и

нераздѣльно всѣми наличными типами познанія, открывалось „единое на потребу“ полнѣе и лучше, чѣмъ очень и очень многимъ,—и въ своемъ поэтическомъ творчествѣ, сторонившемся отъ всего, что было чуждо этому „единому на потребу“, онъ умѣлъ находить многое въ немногомъ. Поэтическаго празднословія, игры въ стихосложеніе и риѳмоплётства у Вл. С. Соловьева вовсе нѣтъ, если имѣть въ виду пьесы, признанныя имъ достойными опубликованія, а также и то, что облеченное имъ въ форму стиха жило не только собственною жизнью искусства, но и отраженною жизнью другихъ типовъ познанія. Читая и перечитывая его стихотворенія, мы невольно пріобщаемся къ этому многозначительному жизненному процессу и выносимъ изъ этого чтенія то общее убѣжденіе, что передъ нами нѣчто многообразное, оригинальное и сильное, нашедшее достойное себя поэтическое выраженіе.

Бросается, далѣе, въ глаза, что всѣ стихотворенія Вл. С. Соловьева, хотя писаны они на протяженіи цѣлой четверти вѣка, —проникнуты глубокимъ внутреннимъ сродствомъ, глубокимъ внутреннимъ единствомъ. Распредѣливъ всѣ пьесы на нѣсколько логически обособленныхъ группъ и подвергнувъ затѣмъ подробному разбору каждую группу въ отдѣльности, мы находимъ полное согласіе не только въ предѣлахъ каждой группы, но и въ совокупности всѣхъ группъ. Это обстоятельство прямо-таки поражаетъ, если принять во вниманіе, какой сложной, повидимому, путь духовнаго развитія прошелъ нашъ поэтъ. Для насъ лично загадка объясняется, однакоже, просто. Вл. С. Соловьевъ, какъ натура цѣльная, былъ натурой искренней, а потому и въ поэзіи онъ оставался вѣренъ самому себѣ. Будучи же натурой цѣльной въ истинномъ смыслѣ этого слова, онъ и путь своего развитія проходилъ, оставаясь цѣльнымъ, какъ бы порой ни казалось, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. То, что представляется на первый взглядъ противорѣчіемъ, есть на самомъ дѣлѣ не противорѣчіе, стоящее особнякомъ и самодовлѣющее, а лишь одинъ изъ моментовъ развитія, который не долженъ разсматриваться внѣ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Въ теченіе всей своей жизни Вл. С. Соловьевъ шелъ по одному опредѣленному пути, все впередъ и впередъ, но при этомъ онъ, конечно, неизбѣжно и неоднократно продѣлывалъ то, что продѣлываетъ каждый, кто развиваетъ свое идейное содержаніе: тезисъ смѣнялся антитезисомъ, чтобы затѣмъ завершиться синтезомъ, который впослѣдствіи становился новымъ тезисомъ, и т. д. Но эта смѣна не нарушала единства плана, не нарушала, главнымъ образомъ, потому, что развивалась единая цѣльная личность, а не та или

другая сторона ея. Вникая въ судьбу тѣхъ, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ не становился сразу на истинный, достойный цѣльнаго человѣка путь, мы встрѣчаемся постоянно съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: развивая тотъ или другой типъ познанія по преимуществу, или даже исключительно, человѣкъ съ роковою необходимостью впадаетъ въ односторонность и во внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою; подавленное или отстраненное начинаетъ смутно или отчетливо заявлять о своихъ правахъ, ибо права эти, въ сущности, никакими силами не могутъ быть упразднены окончательно, и душа наполняется смутой; происходятъ внутренніе переломы и надрывы, иногда столь мучительные и тяжелые по послѣдствіямъ. Въ результатѣ—передъ нами какъ бы не одна личность, а нѣсколько, притомъ борющихся между собою и преисполненныхъ жажды взаимнаго истребленія. Сдѣланное сегодня оказывается совершенно отличнымъ отъ того, что̀ было сдѣлано вчера, и отъ того, что̀ будетъ сдѣлано завтра; сегодняшнее *я* отрицаетъ *я* вчерашнее и не поручится за *я* завтрашнее. Нельзя, конечно, отрицать глубокой поучительности подобныхъ кризисовъ, но считать ихъ неизбѣжными и, во что̀ бы то ни стало, желательными—также нельзя. Какъ бы то ни было, подобными кризисами дѣятельность Вл. С. Соловьева не тормазилась и не омрачалась, и на его поэзіи, являющейся вѣрнымъ отраженіемъ исторіи его души, лежитъ печать самаго безспорнаго единства, соотвѣтствующаго основной цѣльности его духовной личности.

Есть еще общій признакъ, характеризующій поэтическое творчество Вл. С. Соловьева, это—его, такъ сказать, благообразное, примиренное настроеніе. Муза его не вопитъ, не рветъ на себѣ волосъ, не корчится въ судорогахъ гнѣва и ненависти, не теряетъ мѣры ни въ радости, ни въ горести. Такой характеръ поэтическаго вдохновенія Вл. С. Соловьева заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что по своему темпераменту покойный вовсе не былъ олицетвореннымъ прекраснодушіемъ, легко мирящимся со всѣми и всѣмъ. Наоборотъ, это была натура страстная, увлекающаяся, не боящаяся бурь, способная на смѣлыя и рискованныя дѣла; притомъ, въ душѣ Вл. С. Соловьева былъ порядочный запасъ искрящагося остроумія, которое поощряетъ на разнаго рода крайности. И несмотря на все это, поэзія Вл. С. Соловьева тиха—въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Тишина эта производитъ необыкновенно благостное, чарующее и умиро-

творяющее впечатлѣніе на читателя, который, дѣйствительно, овладѣваетъ имъ. Можетъ быть, мы и не поддавались бы этому впечатлѣнію такъ охотно, еслибы мы не чуяли за этой тишиной глубокихъ внутреннихъ горѣній и кипѣній. Безспорно, тишина, льющаяся въ нашу душу изъ поэзіи Вл. С. Соловьева, есть тишина одолѣвшей себя силы, а не тишина безсилія; въ ней чувствуется затаенная страстность, какая-то сдержанная, но напряженная мощь, которая вотъ-вотъ разрядится. Только больные и разслабленные, изувѣченные въ конецъ жизнью, только вялые флегматики, принесшіе съ собою въ жизнь постыдное равнодушіе къ добру и злу, могутъ наслаждаться тишиной безсилія, которая никому, никогда и ни на что не нужна; другое дѣло — тишина одолѣвшей себя силы, вводящая въ мѣру даже безмѣрное: подъ сѣнью этой тишины можно не только отдыхать, но и жить, и даже не только можно, но и должно. И если спросить себя, откуда же взялась эта тишина въ поэзіи Вл. С. Соловьева, то опять-таки приходится указать прежде всего на цѣльность его духа въ разъясненномъ выше смыслѣ слова. Повседневное наблюденіе учитъ, что душевное равновѣсіе, при значительности душевнаго содержанія, достигается не столько черезъ обогащеніе познаніями того или другого типа, взятыми въ отдѣльности, сколько черезъ гармоническое сочетаніе всего того, что творится нашимъ духомъ на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ цѣльной истинѣ. Конечно, тутъ возможны самые разнообразные оттѣнки и переходы, которые разбирать подробно нѣтъ надобности. Нѣтъ нужды также прибавлять, что именно въ художественной дѣятельности, порождаемой любовью и влекущей къ любви, особенно важное значеніе принадлежитъ гармоническому объединенію различныхъ типовъ познанія. Но если даже мы и будемъ колебаться при томъ или другомъ рѣшеніи относящихся сюда теоретическихъ вопросовъ въ ихъ общей формѣ,—все-же въ данномъ частномъ случаѣ сущность дѣла именно такова, какъ указано выше. Вчитываясь въ стихотворенія Вл. С. Соловьева, проникаешься очень быстро увѣренностью, что его муза, исполненная тишины одолѣвшей себя силы, и не можетъ быть другою, такъ какъ въ душѣ поэта живетъ не только основательное научное знаніе, но и разумно оправдываемая философская надежда, и живая, сердечная религіозная вѣра, и цѣломудренная, истинно-художественная любовь къ прекрасному. И каковы бы ни были темныя природныя влеченія у нашего поэта, они должны были озариться свѣтомъ этихъ четырехъ свѣточей, горѣвшихъ въ душѣ его безъ помѣхи другъ другу, безъ копоти и чада.

Называя поэзію Вл. С. Соловьева богатой и многосторонней по темамъ, внутренно-объединенной, исполненной тишины одолѣвшей себя силы, и поставляя эти признаки въ связь съ общими свойствами душевнаго склада нашего поэта, мы остаемся въ предѣлахъ формальной характеристики, не имѣющей исчерпывающаго значенія. Необходимо представить характеристику самаго существа этой поэзіи, насколько это выполнимо въ краткомъ очеркѣ, не задающемся спеціальными цѣлями.

Но что значитъ представить существенную характеристику извѣстнаго поэтическаго содержанія, да еще въ общемъ видѣ? Врядъ-ли кто-нибудь потребуетъ отъ насъ при этомъ обстоятельнаго обзора содержанія всѣхъ пьесъ, съ указаніемъ частныхъ поэтическихъ идей и образовъ, съ оцѣнкой наиболѣе удачныхъ стиховъ и выраженій. Не отказываясь отъ намѣренія скрасить этотъ очеркъ нѣкоторыми цитатами и разсчитывая снабдить эти цитаты кое-какими объяснительными примѣчаніями, мы полагаемъ, что предварительно необходимо выяснить, какой общій смыслъ выносится изъ ближайшаго ознакомленія съ содержаніемъ всего сборника, къ чему сводится это содержаніе въ своихъ основныхъ идеяхъ и образахъ.

По существу содержанія, поэзія Вл. С. Соловьева есть поэзія красоты, облекающей все живое, истинно-сущее, всеединое. Такого содержанія у другихъ поэтовъ мы не находимъ, и въ этомъ — своеобразный, индивидуальный смыслъ поэзіи Вл. С. Соловьева. Какъ бы ни были сходны отдѣльныя темы его стихотвореній съ темами, разработанными другими поэтами, какъ бы ни сходился онъ съ ними въ употребленіи нѣкоторыхъ образовъ и выраженій, —содержаніе его поэзіи безспорно оригинальное, собственное, а не заимствованное. И всякому, кто хотя нѣсколько потрудился надъ усвоеніемъ поэтическаго содержанія Вл. С. Соловьева, какъ цѣльной личности, покажутся, безъ сомнѣнія, произвольными и неудачными попытки сближать Вл. С. Соловьева то съ Тютчевымъ, то съ гр. А. Толстымъ, то съ Фетомъ,—сближать почти до полнаго отождествленія. Происхожденіе этихъ попытокъ мы можемъ объяснить себѣ, лишь сдѣлавъ два предположенія: одни, утвердившись во взглядѣ на Вл. С. Соловьева, какъ на поэта весьма незначительнаго, при значительности философской, ищутъ, чѣмъ бы подпереть философа со стороны собственно поэтической; другіе же, исходя изъ противоположнаго взгляда на Вл. С. Соловьева, какъ на поэта чрезвычайно значительнаго при незначительности философской, ищутъ, откуда бы позаимствовать для поэта философское содержаніе; а такъ какъ поименованные

выше поэты давно упрочили за собою славу поэтовъ философствующихъ, то и сближеніе готово. Конечно, было бы ошибочно отрицать всякое поэтическое родство между Вл. С. Соловьевымъ и упомянутой тріадой, но вѣдь отъ родства до отношеній ученичества и подражательности еще очень далеко. Отвергая сближеніе Вл. С. Соловьева съ Тютчевымъ, гр. А. Толстымъ и Фетомъ,—сближеніе, доходящее до почти полнаго отождествленія,—мы отвергаемъ не родство, а идейное подчиненіе, отвергаемъ ту неосновательную догадку, будто бы Вл. С. Соловьевъ свѣтилъ въ области поэзіи заимствованнымъ и отраженнымъ свѣтомъ, а не свѣтился самъ собою. Особенно много странныхъ толковъ вызывали отношенія Вл. С. Соловьева къ Фету, мнѣніями и сужденіями котораго въ области лирической поэзіи онъ, дѣйствительно, очень дорожилъ. Не желая вторгаться въ біографическія подробности, мы считаемъ себя, однакоже, въ правѣ напомнить, что эти отношенія не должны быть оцѣниваемы одностороннимъ образомъ. Есть достаточные поводы утверждать, что не мало обязанъ былъ, въ свою очередь, и Фетъ—Вл. С. Соловьеву. Какъ бы, впрочемъ, то ни было, Вл. С. Соловьевъ вкладывалъ въ свою поэзію свою душу, а не чужую, и поэзія его, по своему основному содержанію, никогда не была поэзіей перепѣвовъ.

Идея живого, истинно-сущаго, всеединаго, господствующая идея Вл. С. Соловьева, обосновывается съ помощью различныхъ типовъ познанія, и уже по одному этому достойна всяческаго вниманія. Въ нашу задачу не входитъ, конечно, воспроизведеніе хотя бы вкратцѣ всего того, что составляетъ содержаніе этой идеи и что служитъ къ обоснованію ея. Считаемъ полезнымъ указать мимоходомъ лишь на то, что идея живого, истинно-сущаго, всеединаго не можетъ быть даже приблизительно усвоена тѣмъ, кто отказывается отъ художественнаго типа познанія, кто остается совершенно чуждымъ внутренно міру искусства, у кого нѣтъ влеченія обнять художественною любовью научную истину, философскую надежду и религіозную вѣру. Идея всеединства можетъ быть выработана путемъ научнаго изысканія; идея истинно-сущаго можетъ быть плодомъ философскаго созерцанія; идея живого, истинно-сущаго, можетъ быть порождена религіознымъ самоуглубленіемъ въ запросы нашего духа; но идея живого, истинно-сущаго, всеединаго, какъ одно цѣлое, является передъ нашимъ сознаніемъ въ полной силѣ лишь тогда, когда научное изысканіе, философское созерцаніе и религіозное самоуглубленіе сочетаются съ художественнымъ постиженіемъ. Оказывается такимъ образомъ, что господствующая идея Вл. С. Соловьева уже сама по себѣ

свидѣтельствуетъ о томъ особомъ его душевномъ складѣ, на который мы ссылались раньше; приходится вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что не только въ силу общаго богатства дарованій, открывавшаго Вл. С. Соловьеву доступъ въ царство поэзіи, но и въ силу основного характера его міросозерцанія, требовавшаго пользованія даромъ художественнаго постиженія, заговорила муза нашего поэта. А это вѣдь, въ свою очередь, и значитъ, что поэтическая дѣятельность Вл. С. Соловьева была, дѣйствительно, не случайной забавой, а дѣломъ важнымъ и нужнымъ,—важнымъ и нужнымъ прежде всего для самого поэта.

Эстетическія воззрѣнія Вл. С. Соловьева могутъ быть легко выражены въ немногихъ словахъ, принадлежащихъ по большей части ему же.

„Истина,— говоритъ онъ въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ", — не только вѣчно *есть* въ Богѣ, но и *становится* въ человѣкѣ, а это предполагаетъ, что въ послѣднемъ она еще не есть, предполагаетъ въ немъ двойственность между истиною (всеединствомъ), какъ идеаломъ, и неистиною (отсутствіемъ всеединства), какъ фактомъ или наличною дѣйствительностью,—предполагаетъ, что эта наша дѣйствительность не соотвѣтствуетъ правдѣ Божіей. Соотвѣтствіе между ними, еще не существующее, только устанавливается въ процессѣ міровой жизни, поскольку истина становится въ дѣйствительности". И „если въ нравственной области (для воли) всеединство есть абсолютное благо, если въ области познавательной (для ума) оно есть абсолютная истина, то *осуществленіе всеединства во внѣшней дѣйствительности, его реализація или воплощеніе въ области чувствуемаго матеріальнаго бытія, есть абсолютная красота*" *). А „такъ какъ *эта реализація всеединства* *) еще не дана въ нашей дѣйствительности, въ мірѣ человѣческомъ и природномъ, а только совершается здѣсь, и притомъ совершается посредствомъ насъ самихъ, то она *является задачею для человѣчества, и исполненіе ея есть искусство*" *)—великое и таинственное искусство, вводящее все существующее въ форму красоты.

Такимъ образомъ, задача искусства оказывается чрезвычайно высокой и сложной — она сводится къ опознанію извѣстныхъ формъ реализаціи и къ самой реализаціи нѣкотораго опредѣленнаго порядка личной, общественной, народной, міровой жизни— порядка всеединства, какъ безусловно желательнаго, всячески достолюбезнаго. Разные виды искусства осуществляютъ эту за-

*) Нашъ курсивъ.

дачу различными свойственными имъ способами, но одинъ видъ искусства властвуетъ надъ всѣми, а именно искусство слова, однимъ изъ частныхъ обнаруженій котораго и является поэтическое творчество.

Идеальный образъ поэта, вполнѣ обнявшаго смыслъ своего призванія, есть образъ *пророка*, получившій такое яркое выраженіе у богоизбраннаго народа. „Жрецы,—замѣчаетъ Вл. С. Соловьевъ въ „Исторіи и будущности теократіи", — приносятъ жертвы и читаютъ тору; цари воюютъ и судятъ—для чего? Для жизни народа, т.-е. для того, чтобы люди могли съ внутреннимъ спокойствіемъ и внѣшнею безопасностью ѣсть, пить и, произведя потомство, умереть. Но въ такомъ случаѣ цѣль есть не жизнь, а смерть, т.-е. отрицаніе всякой цѣли. Избѣжать этого заключенія можно только вѣрою и упованіемъ грядущаго царства живого Бога. Объ этомъ царствѣ народъ узнаетъ и пріуготовляется къ нему не жрецами и царями, а пророками. Только зиждители будущаго даютъ смыслъ и значеніе хранителямъ настоящаго"... Безусловно желательный порядокъ міровой жизни, призываемый пророками и опредѣляющій отношенія всѣхъ существъ какъ свободную теократію, и есть грядущее царство Божіе. И „несмотря на первобытныя формы, въ которыхъ мы находимъ иногда пророческое служеніе въ Ветхомъ Завѣтѣ, существенный смыслъ этого служенія всегда остается внѣ сомнѣнія. Свободныя орудія Духа Божія, непосредственные выразители высшей воли, пророки всегда являются для Израиля носителями его будущаго богочеловѣческаго союза"... составляющаго совершенную цѣль теократической исторіи. „Тогда какъ жреческая власть представляетъ собою sacrum, *отдѣленное* отъ profanum, божественное и духовное въ его *противоположности* съ мірскимъ, земнымъ; тогда какъ въ царской власти освящается лишь активный правящій элементъ человѣческаго общества,—въ лицѣ пророковъ *все* это общество, *весь міръ* внутренно и свободно соединяется съ Божествомъ. Пророки суть по преимуществу носители богочеловѣческаго сознанія и представители того глубочайшаго нравственнаго соединенія *всего* человѣка, ради котораго существуютъ и священство, и царство". И не удивительно послѣ этого, если „всѣ народы имѣли и имѣютъ своихъ пророковъ, т.-е. людей, особымъ, непосредственнымъ духовно-физическимъ способомъ соединенныхъ со своими богами". Къ числу людей этого, если такъ можно выразиться, пророческаго типа принадлежатъ и всѣ истинные поэты, независимо отъ размѣровъ ихъ дарованій и въ особенности независимо отъ размѣровъ ихъ дѣятельности.

„Поэзія,—по разъясненіямъ Вл. С. Соловьева въ его очеркѣ: „Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина",—можетъ и должна служить дѣлу истины и добра на землѣ,—но только *по-своему*, только своею *красотою* и ничѣмъ другимъ. Красота уже сама по себѣ находится въ должномъ соотношеніи съ истиной и добромъ, какъ ихъ ощутительное проявленіе"... „Ни въ чемъ, кромѣ красоты, *настоящая* поэзія не нуждается: въ красотѣ—ея смыслъ и ея польза"... „Настоящая чистая поэзія требуетъ отъ своего жреца лишь неограниченной воспріимчивости душевнаго чувства, чутко послушнаго высшему вдохновенію". Проникая изощреннымъ вниманіемъ въ жизнь природы высшей и низшей, созерцая и слыша все, что совершается, отъ прямого полета ангеловъ до извилистаго хода гадовъ, отъ круговращенія небесъ до прозябанія растенія, поэтъ-пророкъ не превращается, однакоже, весь безъ остатка въ зрѣлище и слухъ: „вѣдь это было бы *умаленіе*, а не возвышеніе человѣка", да и „геній поэзіи не терпитъ односторонности"... „Кто прозрѣлъ, чтобы видѣть красоту мірозданія, тотъ тѣмъ мучительнѣе ощущаетъ безобразіе человѣческой дѣйствительности. Онъ будетъ бороться съ нею. Его дѣйствіе и оружіе—слово правды. Онъ—не служитель внѣшняго порядка, хотя и не врагъ ему; онъ вполнѣ признаётъ его пользу, но самъ не хочетъ и не можетъ быть орудіемъ этой пользы: ни метлы, ни меча"!..

Выяснять генезисъ основной идеи Вл. С. Соловьева и соотношеніе ея съ его эстетическими воззрѣніями мы здѣсь не будемъ, такъ какъ для этого потребовалось бы слишкомъ много мѣста. Обратимъ вниманіе лишь на то, что основныхъ идей въ распоряженіи человѣчества вообще не много, а потому и не удивительно, если права на основныя идеи оспариваются другъ у друга многими. Такъ какъ, однакоже, вопросы о такъ называемомъ „пріоритетѣ", признаваемые мелочными даже въ научной области, врядъ-ли представляютъ какой-нибудь существенный интересъ въ той области, которой мы теперь касаемся, то мы можемъ спокойно подождать результатовъ историческаго изслѣдованія и въ отношеніи Вл. С. Соловьева. Пока достаточно подчеркнуть его очевидную близость къ Платону, изученію твореній котораго онъ не безъ причины посвящалъ послѣдніе годы своей жизни, а также—черезъ Платона—и къ неоплатонизму. Не можемъ не выразить здѣсь же кстати искреннѣйшаго пожеланія, чтобы спеціалистами-философами былъ начертанъ, наконецъ, общій планъ духовнаго развитія Вл. С. Соловьева, представляющій такъ много поучительнаго. Мы убѣждены, что при такомъ

полномъ возсозданіи духовнаго образа Вл. С. Соловьева отпадутъ многіе упреки, дѣлаемые ему въ настоящее время въ виду его якобы противорѣчій самому себѣ.

Поэтъ, дѣлающій доступною намъ поэзію красоты, облекающей сущее всеединое, въ силу особаго пророческаго дара, который ставитъ его какъ бы въ непосредственную близость къ божественному, вынуждается самымъ существомъ дѣла къ облеченію своего поэтическаго содержанія въ символы, запечатлѣнные мистическимъ характеромъ. Какого бы предмета, лица́ или событія ни коснулся такой поэтъ своимъ вдохновеніемъ, онъ неизбѣжно проникаетъ въ то, что̀ скрывается за его объектомъ; а то, что̀ скрывается за объектомъ, открывается нашему сознанію лишь прообразовательно, какъ нѣкоторый знакъ или символъ; съ другой стороны, самое открытіе это совершается при наличности особаго душевнаго настроенія, рѣзко отличнаго отъ того настроенія, которымъ характеризуется заурядная разсудочная работа, и представляющагося намъ поэтому какъ нѣчто таинственное, мистическое. Отсюда объясняется обиліе символовъ въ поэзіи Вл. С. Соловьева и ея, очевидно, мистическій духъ.

Отмѣчая эту особенность поэтическаго содержанія у Вл. С. Соловьева, мы считаемъ не лишнимъ оговориться, что его символику и мистику нѣтъ ни малѣйшаго основанія отождествлять съ символикой и мистикой, выдаваемыми за dernier cri поэзіи современныхъ „декадентовъ". Вл. С. Соловьевъ, какъ извѣстно, отмахивался обѣими руками отъ своего зачисленія въ лагерь декадентовъ, и, конечно, по причинамъ вполнѣ уважительнымъ. Вникая въ общій смыслъ декадентства, легко усмотрѣть, что это есть одна изъ формъ религіозно-мистическаго настроенія современной намъ эпохи, ищущей единой души для матеріально-объединяющагося человѣчества. Типическая, идейная основа декадентства — идеалъ сверхчеловѣка, утверждаемый внѣ историческихъ связей съ прошлымъ, безъ всякаго божества. Сообразно съ этимъ, названная форма заслуживаетъ, по праву, названія какой-то сверхчеловѣческой. Другая форма религіозно-мистическаго настроенія современной намъ эпохи, удерживающая изъ всего прошлаго почти одного человѣка — Христа, риторически обожествляемаго нашимъ умомъ и нашей волей, есть форма человѣкобожеская. Форму эту можно было бы также назвать формой новохристіанской. Ни къ тому, ни къ другому теченію Вл. С. Соловьевъ не питалъ никакихъ симпатій, и нужно вовсе

не понимать ни общаго смысла его дѣятельности, ни общаго смысла сверхчеловѣчества и человѣкобожія, чтобы колебаться въ оцѣнкѣ тѣхъ чувствъ, которыя вызывались въ Вл. С. Соловьевѣ представителями этихъ теченій. Есть въ современной намъ эпохѣ и третья форма религіозно-мистическаго настроенія, которая полагаетъ въ основу всего идеалъ богочеловѣческій, идеалъ Богочеловѣка—Христа. Форму эту нельзя назвать иначе, какъ богочеловѣческой или собственно христіанской. Именно къ этому теченію принадлежитъ и Вл. С. Соловьевъ всѣмъ существомъ своимъ и всей своей поэзіей. Будучи христіанскимъ ученымъ, христіанскимъ философомъ и христіанскимъ богословомъ, онъ и поэтомъ былъ христіанскимъ. Символика и мистика, находимыя нами у декадентовъ и новохристіанъ, рѣзко отличаются отъ символики и мистики христіанскихъ. У декадентовъ и новохристіанъ символика и мистика обусловливаются, съ одной стороны, невыясненностью, произвольностью и риторичностью идеала, признаваемаго, однакоже, доступнымъ собственно-человѣческому опредѣленію, а съ другой—явственнымъ и незаконнымъ преобладаніемъ эмоціональной сферы надъ сферой интеллектуальной; у христіанъ же символика и мистика оказываются тѣсно связанными съ высотой положительнаго религіознаго идеала, отчасти даже богооткровеннаго, сообразно съ чѣмъ еще древніе отцы церкви учили не любомудрствовать о нѣкоторыхъ сторонахъ этого идеала паче мѣры и уяснять себѣ его съ помощью аналогій. Конечно, все сказанное выше относится лишь къ серьезнымъ представителямъ сверхчеловѣческой, человѣкобожеской и богочеловѣческой формъ современной религіозной мистики. О карикатурахъ, которыми въ особенности изобилуетъ сверхчеловѣческая или декадентская форма, распространяться нѣтъ надобности, ибо о зачисленіи Вл. С. Соловьева въ лагерь какихъ бы то ни было карикатуристовъ и рѣчи быть не можетъ.

Символическій и мистическій характеръ поэзіи Вл. С. Соловьева вынуждаетъ насъ сдѣлать здѣсь же еще два дополнительныя разъясненія.

Весьма нерѣдко смѣшиваютъ символическій характеръ поэзіи съ ея аллегоричностью, которая, въ свою очередь, часто оказывается холодной, надуманной, вычурной. Ничего подобнаго въ стихотвореніяхъ Вл. С. Соловьева мы не находимъ. Даже въ наиболѣе символическихъ пьесахъ его сборника чувствуется живое, искреннее и въ то же время простое поэтическое вдохновеніе; образы же, которыми онъ пользуется для выраженія своихъ мыслей, отличаются естественностью, жизненной непринужден-

ностью, глубокой внутренней правдивостью. Понятно поэтому, что образы эти должны быть признаны цѣнными и независимо отъ ихъ символическаго и мистическаго значенія. Мы бы сравнили ихъ съ изящными хрустальными лампадами, привлекающими къ себѣ вниманіе знатока совершенствомъ своей внѣшней формы даже тогда, когда свѣтильники, заключенные въ этихъ лампадахъ, не зажжены, и когда прекрасный рисунокъ, сокрытый въ стѣнкахъ хрусталя, не выступаетъ передъ наблюдателемъ. Читая стихотворенія Вл. С. Соловьева, мы наслаждаемся прежде всего тѣмъ, что дается въ нихъ прямымъ смысломъ воспроизводимыхъ поэтомъ образовъ; если же намъ удается проникнуть дальше, и передъ нашимъ умственнымъ взоромъ загорается символическій свѣтильникъ, заключенный въ этихъ „звонкихъ кристаллахъ", наслажденіе наше усугубляется, дѣлается болѣе полнымъ и напряженнымъ, безъ всякаго ущерба для его цѣльности и гармоничности.

Второе дополнительное разъясненіе касается мистическаго характера поэзіи Вл. С. Соловьева. Сущность мистики можетъ быть опредѣляема очень различно. Для насъ пока достаточно того намека на сущность мистики, который мы находимъ въ стихотвореніяхъ самого Вл. С. Соловьева. Мистика—это тайная пророческая грёза, заглядывающая въ глубины мірозданія и нашей собственной души, — грёза не безцѣльная, не произвольная, а направленная дѣйствующимъ въ насъ и черезъ насъ божественнымъ началомъ къ обрѣтенію вѣчной истины. Мистика, совершенно неумѣстная въ наукѣ и допустимая въ философіи, болѣе умѣстна въ искусствѣ и почти неизбѣжна въ религіи. Съ этой точки зрѣнія мистическое расположеніе нашего духа составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей художественнаго и религіознаго типовъ познанія. Врядъ-ли найдется хотя бы одинъ богословъ, не причастный въ той или другой мѣрѣ мистикѣ, и это одинаково справедливо какъ въ отношеніи далекаго прошлаго, такъ и въ отношеніи ближайшаго настоящаго. Почти то же самое, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать и относительно искусства. Слѣдуетъ думать, что и впредь религіозное и художественное творчество человѣка не будетъ обходиться безъ мистики, и что о полномъ устраненіи мистики, оказавшемся не подъ силу даже отцу позитивизма, О. Конту, будутъ лишь тщетно мечтать тѣ, кому, въ сущности, нѣтъ дѣла ни до мистики, ни до цѣльной, живой, не искалѣченной человѣческой личности. Отрицательное отношеніе къ мистикѣ, принимающее въ нѣкоторыя историческія эпохи такія рѣзкія очертанія, вполнѣ законно,

когда мистика порождаетъ произвольный и безумный мистицизмъ и зловредный обскурантизмъ, и когда мистики въ теоріи оказываются на практикѣ негодными людьми, прикрывающими мистицизмомъ самыя гнусныя поползновенія противообщественнаго свойства. Отсюда, однако, еще не слѣдуетъ, чтобы мистика была сама по себѣ гнусностью или безуміемъ. Исторія сохранила намъ имена великихъ христіанскихъ мистиковъ, которые, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ большаго почитанія, чѣмъ ихъ новѣйшіе салонные критики, наивно воображающіе, что доступная имъ истина есть вся доступная вселенскому человѣчеству истина.

Поэзія красоты, облекающей сущее всеединое, можетъ говорить съ нами символическимъ и мистическимъ языкомъ о весьма многомъ. Чтобы точнѣе опредѣлить содержаніе поэзіи Вл. С. Соловьева, необходимо, очевидно, выдѣлить изъ этого весьма многаго то, что всего болѣе привлекало къ себѣ музу Вл. С. Соловьева. Сдѣлать это не трудно, такъ какъ въ этомъ отношеніи стихотворенія Вл. С. Соловьева не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Природа, жизнь, любовь—вотъ что вдохновляетъ нашего поэта по преимуществу, вотъ что облекается имъ въ нетлѣнную ризу искусства всего чаще и всего настойчивѣе. Стихотвореній на такъ-называемыя гражданскія и политическія темы у Вл. С. Соловьева сравнительно мало, да и тѣ немногія пьесы, которыя касаются этихъ темъ, имѣютъ свой центръ тяжести не въ политикѣ. Никто не отрицалъ у Вл. С. Соловьева яркаго публицистическаго таланта, никто не сомнѣвался также въ его интересѣ къ вопросамъ общественной и политической жизни. Извѣстны, далѣе, нѣкоторыя полу-шуточныя его пьесы съ отголосками на явленія общественно-политическаго порядка, разбросанныя по частнымъ альбомамъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ на-лицо: политическихъ стихотвореній въ сборникѣ, редактированномъ самимъ авторомъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, очень мало, и по этой части Вл. С. Соловьевъ замѣтно уступаетъ, напр., А. С. Хомякову. Какъ кажется, причинъ тому двѣ: во-первыхъ, общія условія нашей печати, не особенно благопріятныя свободному проявленію общественно-политической мысли, а во-вторыхъ, нѣкоторое внутреннее нерасположеніе самого автора, личнаго лирика по преимуществу, къ роли поэтическаго трибуна. Какъ ни восторгались иные читатели публицистическими произведеніями Вл. С. Соловьева, все-таки, намъ думается, для него самого публицистика была скорѣе средствомъ провести въ общее обраще-

ніе извѣстныя богословско-философскія идеи, чѣмъ самостоятельной цѣлью. Прибавимъ къ этому и еще одну догадку: на нашъ взглядъ, сочувственное отношеніе къ публицистической дѣятельности Вл. С. Соловьева основывалось нерѣдко на недоразумѣніи, на умышленномъ или неумышленномъ пренебреженіи къ подлинной основѣ его воззрѣній при согласіи съ его конечными выводами. Казалось, иные какъ бы вовсе не замѣчаютъ того, что Вл. С. Соловьевъ, относясь къ запросамъ общественно-политической жизни, въ концѣ-концовъ точно такъ же, какъ они, стоитъ, въ сущности, на совершенно другой почвѣ. И страннымъ образомъ этотъ неожиданный, на первый взглядъ, результатъ не смущалъ никого и даже радовалъ. Нужно ли прибавлять, однакоже, что радоваться здѣсь нечему, и что слѣдовало бы прежде всего провѣрить прочность своихъ собственныхъ основныхъ положеній, а затѣмъ прослѣдить повнимательнѣе и всю цѣпь своихъ умозаключеній. Весьма правдоподобно, что при такой переоцѣнкѣ своихъ взглядовъ многіе поняли бы, насколько они заблуждались, полагая, что можно соглашаться съ выводами Вл. С. Соловьева, отвергая его основанія, или подставляя вмѣсто этихъ основаній другія исходныя положенія.

Весьма своеобразно содержаніе любовной лирики Вл. С. Соловьева. Какъ и у многихъ другихъ поэтовъ, мы находимъ у него различеніе любви земной и любви небесной, но различеніе это не превращается въ противопоставленіе. Любовь земная есть отраженіе любви небесной, которою и опредѣляется достоинство нашей обычной земной любви. Земная любовь, воспѣваемая Вл. С. Соловьевымъ, даетъ не только радости и муки, но и обязываетъ въ высочайшей степени: она предполагаетъ отвѣтъ передъ Богомъ любви, въ которомъ обитаетъ вся полнота любви небесной. Нѣтъ нужды прибавлять, что этотъ Богъ любви не есть амуръ фривольныхъ французскихъ поэтовъ псевдо-классическаго періода и ихъ новѣйшихъ подражателей, не есть простая стихотворная аллегорія. Поэтъ всѣмъ содержаніемъ своей любовной лирики даетъ понять намъ, что этотъ Богъ любви есть подлинный Богъ, и передъ такимъ Богомъ отвѣтъ не можетъ состоять въ легкомысленной похвальбѣ, что за данное мнѣ счастье я воздалъ счастьемъ; нужно еще взвѣсить, какое счастье согласился я принять, какимъ счастьемъ съумѣлъ я расплатиться. Еще яснѣе выражается высокій взглядъ Вл. С. Соловьева на любовь въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви небесной, или, какъ ее еще на-

зываютъ, любви мистической. Умопостигаемая любовь есть, конечно, прежде всего и больше всего любовь безусловно любящая, т.-е., извѣчно самоутверждающаяся и утверждающая свое другое, и въ этомъ утвержденіи своего другого проявляющая свою подлинную сущность. Но умопостигаемая любовь должна быть любовью не только сама по себѣ, но и любовью по истинѣ, по надеждѣ и по вѣрѣ. Другими словами, умопостигаемая любовь есть любовь истинная, надѣющаяся и вѣрующая,—истинная въ смыслѣ безусловнаго совпаденія съ своимъ объектомъ, который есть вѣчная красота, надѣющаяся въ смыслѣ безусловнаго достиженія своей основной цѣли, которая состоитъ въ облеченіи въ формы прекраснаго—всего сущаго, и вѣрующая въ смыслѣ безусловнаго опознанія въ формахъ истинно-прекраснаго того живого содержанія, которое есть добро. Умопостигаемая любовь тѣмъ и живетъ вѣчно, что вѣчно отдаетъ себя, вѣчно облекаетъ собою истинно-сущее, вѣчно вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту Божества, которое и не мыслится нами внѣ любви. Сѣмена умопостигаемой любви, проникающія въ нашу душу и выращиваемыя нами въ ней при содѣйствіи художественнаго типа познанія, являются и въ нашемъ человѣческомъ мірѣ со всѣми своими типическими признаками, хотя бы и ограниченными въ своемъ внѣшнемъ обнаруженіи тѣмъ принципомъ индивидуаціи, которому подчинено все феноменальное бытіе. Это значитъ, что и наша человѣческая, земная любовь неизбѣжно стремится быть не только любовью любящей, но и любовью истинной, надѣющейся и вѣрующей. Идеалъ, безъ сомнѣнія, не достигается, но онъ постоянно предносится передъ нашими умственными очами, и наша человѣческая, земная любовь оказывается тѣмъ болѣе достойной именоваться любовью, чѣмъ ближе удается намъ стать въ нашемъ любовномъ чувствѣ къ этому идеалу. Любовь, находимая нами въ нашихъ человѣческихъ отношеніяхъ, обращена тоже на свое другое, на свой объектъ, на свое конкретное прекрасное. Но это еще не все. Реальная человѣческая любовь не только любитъ, но и знаетъ, что этотъ именно объектъ любимъ ею,—но и надѣется, что этотъ любимый ею объектъ осуществляетъ въ себѣ идею прекраснаго,—но и вѣритъ, что этотъ любимый ею объектъ, осуществляющій въ себѣ идею прекраснаго, не пустъ, а исполненъ добра, добръ по своему содержанію. Вотъ почему мы и считаемъ только ту любовь настоящей любовью, которая способна ставить на первомъ мѣстѣ интересы любимаго существа, которая нисколько не колеблется въ своемъ выборѣ и беззавѣтно отдается этому другому существу, которая

безъ малѣйшаго сомнѣнія признаетъ это другое существо за существо, превосходящее такъ или иначе другія существа по своей способности нравиться, по своей влекущей насъ красотѣ, и которая неуклонно утверждаетъ глубокую правду связующаго любящія сердца чувства, исключающую всякую возможность измѣнъ и обмана. Съ этой точки зрѣнія наша земная любовь является, дѣйствительно, отблескомъ любви небесной, дѣломъ святымъ и пріобщающимъ насъ вѣчности.

Въ связи со всѣмъ только-что сказаннымъ находится и то откровеніе вѣчной женственности, которому удѣляется въ поэзіи Вл. С. Соловьева такъ много вниманія. Въ этомъ откровеніи различаются два главные момента: неполное и неисчерпывающее откровеніе, данное въ истинно-прекрасномъ женскомъ тѣлѣ, въ Афродитѣ,—и полное и исчерпывающее откровеніе, данное въ истинно-прекрасной женской душѣ, въ той, кого гностики называли „Дѣвой Радужныхъ Воротъ", а мы именуемъ Приснодѣвой. Первая сила женской красоты не исключается второй силой, но она какъ бы подчиняется ей; красота не извнѣ только одѣваетъ женскую природу, но и насквозь пронизываетъ ее. И если первую силу могутъ легко одолѣть темныя природныя стихіи, то ко второй онѣ и приступу не имѣютъ. Тѣлесная красота способна укротить дикую злобу страстныхъ влеченій, окончательно же покоряется эта злоба лишь красотой душевной, совмѣщающей въ себѣ все, чѣмъ красна Афродита мірская, но еще и преизбыточествующей чистотой, силой и полнотой жизни.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности, характеризующія поэзію Вл. С. Соловьева со стороны ея содержанія, а потому и приходится удовольствоваться настоящимъ краткимъ очеркомъ. Считаемъ, однакоже, необходимымъ представить въ заключеніе нѣсколько образчиковъ его стихотвореній въ связи съ нѣкоторыми объяснительными примѣчаніями. Мы надѣемся, такимъ образомъ, показать, что перечисленныя нами существенныя особенности поэзіи Вл. С. Соловьева составляютъ, дѣйствительно, типическую ея принадлежность. Остановимся всего только на шести-семи стихотвореніяхъ, выбранныхъ не безъ труда, такъ какъ оставляемый въ сторонѣ матеріалъ во многихъ отношеніяхъ ничуть не менѣе привлекателенъ.

Прежде всего напомнимъ пьесу, признаваемую не безъ основанія за поэтическую характеристику самого поэта:

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны,—и, схваченная снами,
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что̀ грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Свой путь начинаетъ поэтъ въ утреннемъ туманѣ, невѣрными шагами; послѣднія звѣзды наивной юности еще не потухли, сны еще летаютъ кругомъ, но таинственные и чудные берега мерещатся и въ туманѣ, а душа, схваченная снами, уже молится богамъ, хотя и невѣдомымъ. И вотъ наступаетъ пора зрѣлости—холодный бѣлый день, когда все, повидимому, такъ ясно и когда такъ легко примиряются многіе изъ насъ, при всей внѣшней суетливости и озабоченности, съ „хладнымъ сномъ“ душевнымъ; но поэтъ неустанно продолжаетъ свой путь въ невѣдомой странѣ, онъ, по-прежнему, идетъ своей одинокой дорогой и уже не упоминаетъ о невѣрныхъ шагахъ. Онъ убѣждается, что путь горный—тяжелый, и что все, что̀ ему грезилось—далеко, далеко! Но это его не смущаетъ: нетлѣнная мечта живетъ въ его душѣ, и показанія тѣлесныхъ очей не устрашаютъ ее. Близится, однакоже, вечеръ—надвигается понемногу старость съ ея немощами, болѣзнями и разочарованіями. Казалось бы, довольно странствовать въ невѣдомой странѣ, можно и покинуть одинокую дорогу. Но такъ ли это? Вѣдь передъ поэтомъ теперь уже не одни только таинственные и чудные берега, передъ нимъ не одинъ только возносящій его кверху горный путь, передъ нимъ не одна только пустая возвышенность—онъ видитъ своими просвѣтленными очами, хотя его и окружаетъ вечерній сумракъ, цѣлый завѣтный храмъ на горѣ, весь пламенѣющій побѣдными огнями, а надъ этимъ храмомъ сіяютъ новыя звѣзды, съ избыткомъ замѣняющія ему тѣ звѣзды, при робкомъ мерцаніи которыхъ начиналъ онъ свой путь. Очевидно, поэтъ нашъ, истинный поэтъ, не остановится и теперь, послѣ долгаго, утомительнаго пути, и уже навѣрное будетъ идти не невѣрными шагами, какъ было вначалѣ, а ша-

гами смѣлыми, неробкими. Но, можетъ быть, онъ все-таки испугается полунощнаго мрака; можетъ быть, онъ все-таки свернетъ съ дороги; можетъ быть, и самый храмъ-то ему только чудится въ полусонномъ бреду, да и боги—все еще невѣдомые боги. Съ увѣренностью можно сказать, что все это—напрасныя и ошибочныя предположенія. Въ словахъ поэта звучитъ твердое убѣжденіе въ томъ, что это именно его завѣтный храмъ, и что храмъ этотъ дождется его. И мы знаемъ, что и въ самомъ дѣлѣ Вл. С. Соловьевъ шелъ до самаго конца все въ гору и гору, все по одному и тому же пути, и, опознавши близость храма, не испугался надвинувшагося на него могильнаго мрака, а тихо и просто исповѣдалъ то, что онъ возлюбилъ отъ дней своей ранней юности, исповѣдалъ то, чему онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь безъ ханжества и лицемѣрія.

Отмѣтимъ, далѣе, глубокое по мысли и необыкновенно искреннее по чувству стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Имману-Эль“:

Во тьму вѣковъ та ночь ужъ отступила,
Когда, уставъ отъ злобы и тревогъ,
Земля въ объятьяхъ неба опочила,
И въ тишинѣ родился Съ-нами-Богъ.

И многое ужъ невозможно нынѣ:
Цари на небо больше не глядятъ,
И пастыри не слушаютъ въ пустынѣ,
Какъ ангелы про Бога говорятъ.

Но вѣчное, что въ эту ночь открылось,
Не сокрушимо временемъ оно,
И Слово вновь въ душѣ твоей родилось,
Рожденное подъ яслями давно.

Да! Съ нами Богъ,—не тамъ, въ шатрѣ лазурномъ,
Не за предѣлами безчисленныхъ міровъ,
Не въ зломъ огнѣ и не въ дыханьѣ бурномъ,
И не въ уснувшей памяти вѣковъ.

Онъ *здѣсь, теперь*,—средь суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ,
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ!

Основной мотивъ этой пьесы ясенъ до очевидности. Предвѣчное Слово, рожденное подъ яслями въ ту великую ночь, когда земля опочила въ объятьяхъ неба, утомленная вѣками злобы и тревогъ, рождается здѣсь и теперь, ежемгновенно въ нашей душѣ, среди случайной суеты, среди житейскихъ волненій, побѣждая вѣковѣчное зло. Богъ съ нами, а не за предѣлами без-

численныхъ міровъ, и эта вѣчная истина несокрушима временемъ, хотя бы многое, возможное нѣкогда, стало нынѣ невозможнымъ. А если Богъ съ нами, то зло безсильно, и мы вѣчны, и никакіе кумиры, въ родѣ кумира Небукаднецарова, о которомъ говорится въ другомъ стихотвореніи автора, намъ не страшны. Пусть погасъ ветхозавѣтный злой огонь, пусть стихло ветхозавѣтное бурное дыханіе, пусть божественная сила не проявляется передъ нами такъ, какъ она проявилась въ отвѣтъ на зовъ того, кто не снесъ безумства и позора Небукаднецарова, мы все-таки опознаемъ присутствіе божественнаго начала въ своей собственной душѣ, и это опознаніе ничуть не менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ въ тѣ дни, когда былъ воздвигнутъ кумиръ на равнинѣ Дурской. И если нѣкогда истинное религіозное сознаніе не было и не могло быть подавлено цѣликомъ всей матеріальной мощью земли, сосредоточенной въ лицѣ Небукаднецара, то теперь оно и подавно не можетъ быть затемнено въ насъ до полнаго угашенія, несмотря на всѣ усилія мутнаго потока жизненныхъ тревогъ, терзающихъ насъ изо дня въ день, ибо мы подлинно владѣемъ всерадостною тайной: „безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ!“

Изъ числа пьесъ, выражающихъ отношеніе поэта къ жизни вообще, наиболѣе яркимъ представляется намъ небольшое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Въ Альпахъ“. Вл. С. Соловьевъ неоднократно признавалъ въ частныхъ бесѣдахъ эту пьесу за одну изъ самыхъ удачныхъ, прибавляя, что пьесу эту очень одобрялъ и покойный Фетъ. Вотъ это стихотвореніе:

Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой...
Зыбкую насыпь надеждъ и желанія
Смыло волной голубой.

Синія горы кругомъ надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души надъ землей поднимаются,
Но не покинутъ земли.

Въ берегъ надежды и въ берегъ желанія
Плещетъ жемчужной волной
Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой.

Во многихъ стихотвореніяхъ Вл. С. Соловьева жизнь называется злою; указывается также и на то, что созвучіе вселенной создано изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается и примиренное отношеніе къ

жизни. И дѣйствительно, какъ бы мы ни относились къ отрицательнымъ сторонамъ жизни, было бы несправедливостью и даже клеветой отрицать наличность сторонъ положительныхъ. Вѣдь самая вѣра въ лучшее будущее, самый смѣхъ звонкій и свободный принадлежатъ все той же жизни. Но этого мало. Въ жизни есть нѣкоторая сокровенная основа, исполненная радости и свѣта, несмотря ни на что. Не всегда мы можемъ разобраться въ этой основѣ; чаще мы принимаемъ свидѣтельства о ней какъ неожиданное откровеніе, не поддающееся раціональному объясненію. Эта ирраціональная основа жизни составляетъ такую же безспорную принадлежность ея, какъ и всѣ наши раціоналистическія надстройки. Однимъ изъ свидѣтельствъ объ этой положительной основѣ является и только-что приведенное стихотвореніе. Кто никогда не испытывалъ этого радостно-мощнаго прибоя „мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія", тотъ, конечно, не пойметъ поэта. Но врядъ-ли найдется такой несчастливецъ, и врядъ-ли, еслибы онъ даже и нашелся на словахъ, повѣрили бы мы его безусловному отрицанію. Самъ Вл. С. Соловьевъ заявляетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, что онъ не зналъ дней сіяющихъ и ясныхъ. Можетъ быть, тутъ и нѣтъ преувеличенія, случайно сорвавшейся съ языка фразы. Какъ бы то ни было, тотъ же Вл. С. Соловьевъ удостовѣряетъ теперь, съ искренностью, не возбуждающей никакихъ сомнѣній, что и у него бывали мгновенія высокаго жизнерадостнаго настроенія. Пусть его душу волновали при этомъ „мысли безъ рѣчи и чувства безъ названія"; пусть крылья души только поднимали его надъ землею, но не давали ему возможности покинуть ее; важно одно: есть какая-то могучая и властная сила жизни, овладѣвающая нашей душой безъ участія нашего сознанія, сила благостная и свѣтоносная, возносящая насъ надъ тѣмъ, что въ окружающей насъ дѣйствительности больно иль смѣшно. Поэтъ заявляетъ, что лучшее, пребывающее, по его же выраженію, въ туманѣ, не всегда остается въ туманѣ: оно врывается иногда въ нашу душу какъ бы насильственно, и мы осязаемъ это лучшее сейчасъ, сію минуту, мы какъ бы насквозь озаряемся имъ. Не бѣда, если радостно-мощный прибой мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія смываетъ голубой волной зыбкую насыпь надеждъ и желанія, всѣ наши раціоналистическія надстройки, не выдерживающія его напора. На то это и насыпь, ошибочно принятая нами за подлинные берега, таинственные и чудные. Поднявшись на крыльяхъ поэтическаго созерцанія выше, мы открываемъ настоящій берегъ надежды и настоящій берегъ желанія. И тотъ

же радостно-мощный прибой плещетъ теперь уже жемчужной волною въ эти берега,—не простой голубой, а еще болѣе прекрасной и драгоцѣнной, — плещетъ, не смывая и не разрушая этихъ твердынь.

О пьесахъ любовнаго цикла наиболѣе полное представленіе даетъ стихотвореніе, начинающееся словами: „Не по волѣ судьбы, не по мысли людей“... Годъ написанія этого стихотворенія не обозначенъ, но мы, конечно, не ошибемся, если примемъ, что основной смыслъ пьесы былъ близокъ Вл. С. Соловьеву всегда:

Не по волѣ судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбилъ,
И любовію вѣщей моей
Отъ невидимой злобы, отъ тайныхъ сѣтей
Я тебя ограждалъ, я тебя оградилъ.

Пусть сбираются тучи кругомъ,
Вѣетъ бурей зловѣщей и слышится громъ,
Не страшися! Любви моей щитъ
Не падетъ передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь, неподвижно стоитъ.

А когда предъ тобою и мной
Смерть погаситъ всѣ свѣточи жизни земной,
Пламень вѣчной души, какъ съ Востока звѣзда,
Приведетъ насъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ,
И предъ Богомъ ты будешь тогда,
Передъ Богомъ любви—мой отвѣтъ.

Стихотвореніе это, принадлежащее также къ числу лучшихъ произведеній нашего поэта, обрисовываетъ любовь какъ такое душевное состояніе, которое возникаетъ не по разсудочнымъ основаніямъ и не по слѣпому, случайному стеченію обстоятельствъ, а въ силу какого-то болѣе глубокаго, божественнаго или мистическаго изволенія. Въ такомъ взглядѣ на любовь нѣтъ еще ничего особеннаго, и съ этой стороны разсматриваемая пьеса можетъ служить къ характеристикѣ не одного только Вл. С. Соловьева. Но затѣмъ мы находимъ такія черты, которыя должны быть признаны болѣе индивидуальными и своеобразными. Бросается, во-первыхъ, въ глаза, что, по мысли нашего поэта, любовь является не простымъ актомъ чувства—это есть актъ чувства, осложненный дѣйствіемъ разумной воли, которое направляется не только къ самоутвержденію того, кто любитъ, но и главнымъ образомъ къ утвержденію того, кого любятъ. Съ неменьшею отчетливостью выражена, во-вторыхъ, и та мысль, что

любовь не оканчивается съ наступленіемъ смерти. По природѣ своей любовь предполагается не тождественной съ земнымъ пыломъ человѣческой страсти, угасающимъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ земной жизни, а иногда и гораздо раньше; пламя любви есть пламя вѣчной души, которое и приводитъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ, тотъ свѣтъ, который не зависитъ отъ воли людей и превыше самой судьбы. Очень оригинальна и—мы бы прибавили—очень плодотворна, въ-третьихъ, та мысль, которою заключается вся пьеса: обращаясь къ любимому существу, поэтъ заявляетъ, что по ту сторону гроба оно, это любимое существо, будетъ его отвѣтомъ передъ Богомъ, и именно передъ великимъ Богомъ любви. Очевидно, по Вл. С. Соловьеву, необходима нѣкоторая особая душевная забота о любимомъ существѣ, за которое нѣкогда придется дать отвѣтъ передъ Богомъ любви, которое само будетъ этимъ отвѣтомъ. Радости и муки любви должны быть достойными Бога любви, а это, конечно, труднѣе, чѣмъ срывать цвѣты удовольствія. Любовь должна возвышать и очищать, а не принижать и грязнить. Многимъ ли суждено дать въ этомъ смыслѣ отвѣтъ непостыдный,—трудно сказать...

Въ группѣ такъ называемыхъ политическихъ стихотвореній Вл. С. Соловьева наиболѣе значительнымъ представляется стихотвореніе: „Ex Oriente lux". Вотъ эта пьеса, бывшая предметомъ многихъ горячихъ толковъ и обсужденій:

„Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!"
И, къ вседержительству готовъ,
Ирана царь подъ Ѳермопилы
Нагналъ стада своихъ рабовъ.

Но не напрасно Прометея
Небесный даръ Элладѣ данъ:
Толпы рабовъ бѣгутъ, блѣднѣя,
Предъ горстью доблестныхъ гражданъ.

И кто-жъ до Инда и до Ганга
Стезею славною прошелъ?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орелъ.

И силой разума и права—
Всечеловѣческихъ началъ—
Воздвиглась Запада держава,
И міру Римъ единство далъ.

Чего жъ еще недоставало?
Зачѣмъ весь міръ опять въ крови?
— Душа вселенной тосковала
О духѣ вѣры и любви!

И слово вѣщее не ложно,
И свѣтъ съ Востока засіялъ,
И то, что́ было невозможно,
Онъ возвѣстилъ и обѣщалъ.

И, разливаяся широко,
Исполненъ знаменій и силъ,
Тотъ свѣтъ, исшедшій отъ Востока,
Съ Востокомъ Западъ примирилъ.

О, Русь! въ предвидѣньѣ высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ же хочешь быть Востокомъ:
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Въ старомъ и уже взвѣшенномъ судьбою спорѣ Востока съ Западомъ,—спорѣ, который уже закончился идеально и непремѣнно долженъ закончиться реально примиреніемъ, т.-е. нѣкоторымъ синтезомъ восточныхъ и западныхъ началъ,—восточники, называемые у насъ въ извѣстной своей разновидности славянофилами, и западники,—всѣ они приглашаются отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ же именно дорого имъ въ восточныхъ и западныхъ стихіяхъ. Обращаясь ближайшимъ образомъ къ восточникамъ, поэтъ открываетъ свое стихотвореніе положеніемъ: „Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!“—и охотно соглашается въ дальнѣйшемъ съ тѣмъ, что это вѣщее слово не ложно. Исторія свидѣтельствуетъ, въ самомъ дѣлѣ, что на Востокѣ слагались наиболѣе громоздкіе человѣческіе аггломераты, что здѣсь накоплялись величайшія человѣческія массы; но та же исторія учитъ, что эти груды живого матеріала, не проникнутыя въ достаточной степени силой разума и права, не проникнутыя въ соотвѣтствующей мѣрѣ собственночеловѣческими или всечеловѣческими началами, легко подпадали игу духовнаго и матеріальнаго рабства. Восточные народы состояли какъ бы не изъ гражданъ, а изъ рабовъ,—это были не союзы разумныхъ существъ, подчиненныхъ разумному правовому порядку, а толпы или даже стада людей, недоступныхъ пониманію человѣческаго единства, недоступныхъ пониманію высокаго гражданскаго идеала. Направляясь болѣе или менѣе широкими и слѣпыми потоками на Западъ, матеріальныя по преимуществу силы Востока разбивались о преграды, созданныя Прометеевымъ духомъ Эллады. Тотъ же духъ, воплощенный въ гражданскихъ доблестяхъ Греціи и Рима, побѣждалъ толпы и стада восточныхъ

рабовъ и въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, несмотря на то, что на своей родной почвѣ защищаться и отстаивать себя легче, чѣмъ въ условіяхъ чуждыхъ. Итакъ, силы идутъ съ Востока, но, во-первыхъ, это силы, не просвѣтленныя всечеловѣческими началами разума и права, а во-вторыхъ, это силы, осужденныя на пораженіе при столкновеніи съ Западомъ. Еслибы въ распоряженіи Востока ничего другого не было, кромѣ этихъ силъ, онъ оказался бы неизбѣжно подавленнымъ и поглощеннымъ Западомъ, и ни о какомъ примиреніи не могло бы быть и рѣчи. Преклоняясь передъ силами Востока, восточники должны поэтому помнить, что они преклоняются, въ сущности, передъ безсиліемъ. Но вѣдь съ Востока идутъ не только силы,—съ Востока идетъ и свѣтъ. Спрашивается: какой же это свѣтъ? не угашается ли и этотъ свѣтъ при встрѣчѣ Востока съ Западомъ, точно такъ же, какъ силы Востока превращаются въ безсилье при столкновеніи съ тѣмъ же Западомъ? Вопросъ очень важный и существенный, ибо небесный даръ Прометея не напрасно данъ Элладѣ, и немалая идея положена въ основаніе того единства, которое Римъ оказался способнымъ дать міру. Казалось бы, все есть: имѣется гражданская доблесть, имѣется сила разума и права, имѣется политическое единство, основанное на всечеловѣческихъ началахъ. А между тѣмъ — „весь міръ опять въ крови“, опять страстныя исканія, опять сознаніе неудовлетворенности. „Чего-жъ еще недоставало?“ Поэтъ утверждаетъ, — и врядъ-ли сами историки будутъ оспаривать его въ этомъ случаѣ,—поэтъ утверждаетъ, что „душа вселенной тосковала о духѣ вѣры и любви“. Замѣтимъ, кстати, что рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ людяхъ, не о разрозненныхъ человѣческихъ душахъ, а именно о душѣ вселенной, о томъ собирательномъ цѣломъ, которое, очевидно, имѣлъ поэтъ въ виду и тогда, когда въ пьесѣ: „Ночь на Рождество“, говорилъ о „незримой глубинѣ сознанья мірового“. И вотъ свѣтъ засіялъ съ Востока, тотъ свѣтъ, котораго никакая тьма обнять не можетъ, и которому не страшна встрѣча съ Западомъ, какъ бы Западъ, прошедшій славною стезею до Инда и до Ганга, ни превозносился передъ Востокомъ. Свѣтъ, возсіявшій съ Востока, былъ свѣтъ истинный; таковымъ онъ пребудетъ до скончанія вѣка, таковымъ онъ есть и въ наши дни. То, что было невозможно, возвѣщено и обѣщано этимъ свѣтомъ, какъ возможное и подлежащее осуществленію. Синтезъ восточныхъ и западныхъ стихій былъ, конечно, невозможенъ, пока Востокъ выставлялъ, съ своей стороны, лишь необозримыя толпы или стада рабовъ, а Западъ приносилъ лишь всечеловѣческія начала, способныя дать формальное единство, но

не способныя, безъ духа истинной вѣры и истинной любви, создать новыхъ людей, сыновъ божіихъ, въ своемъ родствѣ съ Небеснымъ Отцомъ почерпающихъ силы для прекращенія кровопролитной братоубійственной борьбы. Синтезъ сталъ возможнымъ, и въ историческомъ процессѣ онъ осуществляется все полнѣе и полнѣе съ того дня, или, вѣрнѣе сказать, съ той ночи, когда „земля въ объятьяхъ неба опочила", и „когда въ тишинѣ родился Съ-нами-Богъ". Тогда-то и загорѣлся тотъ восточный Свѣтъ, который разлился затѣмъ такъ широко по лицу земли, исполненный знаменій и силъ. Внутренно, или идеально, Востокъ и Западъ примирились въ духѣ вѣры и любви въ ту же великую ночь, хотя бы внѣшнимъ образомъ вражда ихъ и продолжалась въ новыхъ формахъ еще въ теченіе вѣковъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что эти новыя формы въ общемъ благообразнѣе старыхъ; не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ человѣчествѣ все яснѣе и яснѣе звучитъ голосъ просвѣтленной христіанствомъ совѣсти, требующей любви не только къ ближнему, но и ко врагу. Но исторія, совершающаяся въ условіяхъ времени и пространства, не можетъ обойти эти условія, и то, что въ умопостигаемый области пребываетъ какъ неизмѣнное данное, въ историческомъ процессѣ развивается какъ постепенно совершающееся и захватывающее все новыя и новыя области. Наступило время и для Россіи, занятой гордою мыслью о своемъ международномъ, міровомъ призваніи, опредѣлить свое отношеніе къ наполняющему и опредѣляющему всю исторію культурнаго человѣчества столкновенію восточныхъ и западныхъ стихій. И поэтъ нашъ спрашиваетъ свою Русь, естественно тяготѣющую къ Востоку, а въ лицѣ восточниковъ и прямо-таки прилѣпляющуюся къ нему: какимъ же Востокомъ хочешь ты быть—Востокомъ Ксеркса или Христа? Другими словами:—хочешь ли ты быть тѣмъ Востокомъ, который силенъ лишь мнимой матеріальной силой, и который неизбѣжно побѣждается Западомъ на почвѣ всечеловѣческихъ началъ, причемъ ни Востокъ, ни Западъ не получаютъ полнаго удовлетворенія и душа вселенной осуждается на прежнюю тоску, а человѣчество на кровопролитную борьбу,—или же ты хочешь быть тѣмъ Востокомъ, который проявилъ свою дѣйствительную идеальную силу, и который духомъ вѣры и любви, получившимъ свое окончательное выраженіе въ откровеніи богочеловѣчества, упраздняетъ всякое враждебное раздѣленіе, причемъ Востокъ и Западъ получаютъ полное удовлетвореніе и душа вселенной озаряется свѣтомъ божественной радости, человѣчество же призывается къ жизни во имя началъ богочеловѣческихъ, а не только во имя

началъ природныхъ и всечеловѣческихъ? Нужно ли подсказывать, какого отвѣта жаждетъ нашъ поэтъ отъ Россіи, и нужно ли, послѣ всего сказаннаго, настаивать еще разъ на томъ, что Вл. С. Соловьевъ преслѣдовалъ и въ публицистикѣ свои особыя цѣли?..

Образцомъ мистическихъ стихотвореній Вл. С. Соловьева можетъ служить пьеса: „Колдунъ-камень", написанная въ сентябрѣ 1894 г. Къ этому стихотворенію относятся, повидимому, слова предисловія о „понятливости" критики—оффиціальной и неоффиціальной. „Одно изъ моихъ стихотвореній,—говоритъ Вл. С. Соловьевъ,—обращенное къ живому и притомъ несомнѣнно благонамѣренному лицу, надѣлало хлопотъ изданію, гдѣ появилось, такъ какъ это дѣйствительное и отъ всякой политики весьма далекое лицо было принято оффиціальнымъ критикомъ за иносказательный образъ политической эволюціи":

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ какъ магнитъ.
Что́ отъ смертнаго вамъ надо,
Что́ за тайна здѣсь лежитъ?

Молвитъ древнее сказанье,
Что сѣдые колдуны
Правымъ рокомъ въ наказанье
За ужасныя дѣянья
Въ камни тѣ превращены.

Спятъ въ нѣмомъ оцѣпенѣньи,
Лишь одинъ, однажды въ вѣкъ,
Въ свой чередъ изъ усыпленья
Встанетъ камень-человѣкъ.

Борода торчитъ сѣдая,
Какъ у волка взоръ горитъ,
И, дыханье забирая,
Грудь могучая дрожитъ.

Заклинанье раздается,
Мгла кругомъ потрясена,
И со стономъ въ берегъ бьется
Моря финскаго волна.

Воетъ буря, гулъ и грохотъ,
Море встало, какъ стѣна,
И далече слышенъ хохотъ
И проклятья колдуна.

Сила адскаго дыханья
Всю пучину подняла,
Гибнутъ грѣшныя созданья,
Гибнутъ грѣшныя дѣла.

И свершивъ предназначенье,
Вѣщій камень снова спитъ,
Но надъ нимъ — залогъ прощенья —
Тихо звѣздочка горитъ.

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ, какъ магнитъ.
Что̀ отъ смертнаго вамъ надо,
Что̀ за тайна здѣсь лежитъ?

Самъ авторъ заявляетъ намъ, что въ колдунахъ-камняхъ сокрыта нѣкоторая тайна, притягивающая сердце смертнаго, какъ магнитъ. Что̀ же это за тайна?

Въ образахъ, рисуемыхъ поэтомъ, бросаются въ глаза двѣ подробности: сѣдые колдуны прошлаго, ознаменовавшіе свое земное поприще ужасными дѣяніями и затѣмъ окаменѣвшіе, возвращаются затѣмъ къ жизни въ нѣкоторой опредѣленной послѣдовательности; введенные снова въ круговоротъ событій, эти злые колдуны поднимаютъ грозную бурю, дико хохочутъ, шлютъ проклятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они осуществляютъ и положительную задачу—отъ силы ихъ адскаго дыханія „гибнутъ грѣшныя созданья, гибнутъ грѣшныя дѣла“. Смѣлые и оригинальные образы, затаенный смыслъ которыхъ разгадать, кажется, не трудно. Очевидно, зло прошлаго не умираетъ безслѣдно; оно возстаетъ въ настоящемъ, но лишь для того, чтобы послужить—волей-неволей—добру черезъ уничтоженіе накопившагося зла. Происходитъ все это въ извѣстной хронологической послѣдовательности, отвѣчающей плану историческаго процесса. Нужно ли пріискивать слишкомъ долго конкретные историческіе факты для иллюстраціи этихъ положеній? Не приходятъ ли намъ безъ всякаго усилія на память бурные политическіе и соціальные перевороты съ ихъ дикимъ хохотомъ, высмѣивающимъ „все святое“, съ ихъ необузданными проклятіями, обращенными сплошь и рядомъ къ неповиннымъ наслѣдникамъ прошлаго? И не оказывалось ли, въ концѣ-концовъ, что въ этихъ переворотахъ дѣйствовали, въ сущности, не столько силы свѣтлаго будущаго, сколько силы темнаго прошлаго, мстящаго за общественно-политическую неправду, за всѣ грѣхи прошлаго? Когда же буря затихала, обновленная жизнь убѣждалась, что гроза не была лишена и положительнаго смысла: сгибли грѣшныя созданья, погибли грѣш-

ныя дѣла, осужденъ грѣхъ и расчищена почва для новаго посѣва.

Было бы, безъ сомнѣнія, ошибочно разсматривать „Колдунъ-камень“ какъ своего рода поэтическую реабилитацію революціонныхъ движеній. Не сталъ бы, конечно, авторъ посвящать свою пьесу „живому и притомъ несомнѣнно благонамѣренному лицу“, еслибы ему, по какой-либо неудобо-допустимой фантазіи, пришло въ голову воспѣвать и восхвалять тотъ видъ политической „эволюціи“, который носитъ названіе „революціи“. Очевидно, дѣло шло не о восхваленіи революцій. Задача пьесы далека отъ политическихъ треволненій, какъ таковыхъ, и, намъ кажется, авторъ совершенно искренно говоритъ о тайнѣ, сокрытой древнимъ сказаньемъ въ мистыхъ громадахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ужъ такъ просто это своеобразное служеніе зла прошлаго добру будущаго? При поверхностномъ отношеніи къ прошлому, можно, пожалуй, смотрѣть на исторію какъ на безконечную смѣну случайностей, какъ на своего рода „дурную безконечность“, но вѣдь эта точка зрѣнія отброшена даже тѣми, кто начинаетъ исторію со вчерашняго дня. Есть смыслъ въ исторіи человѣчества и народовъ, какъ есть смыслъ и въ жизни отдѣльнаго лица. Смыслъ исторіи можетъ быть обсуждаемъ и оцѣниваемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія; къ числу правомѣрныхъ точекъ зрѣнія принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и точка зрѣнія этическая. Эту именно точку зрѣнія и имѣетъ въ виду нашъ поэтъ, говорящій о гибели грѣшныхъ созданій, грѣшныхъ дѣлъ. И вотъ оказывается, что нарушеніе и оскорбленіе нравственнаго закона въ прошломъ, оставшіяся въ свое время непобѣжденными, а только окаменѣвшія въ непригодныхъ для жизни формахъ, отомщаются злыми силами прошлаго въ настоящемъ, ради вящшаго торжества силъ добрыхъ въ будущемъ. Получается, такимъ образомъ, этическая связь между прошлымъ и настоящимъ, обращающая на служеніе добру самое зло. Во имя чего же происходитъ все это такъ, а не иначе? Внѣшняя теорія прогресса врядъ-ли тутъ можетъ пригодиться, ибо теорія эта требуетъ улучшенія, а не возмездія. Не правильнѣе ли сослаться здѣсь на тотъ божественный огонь, который, по выраженію поэта, горитъ вездѣ подъ личиной вещества безстрастной, которымъ очищается и самое зло? Не умѣстнѣе ли припомнить здѣсь и о таинственномъ родствѣ двухъ сестеръ—Обиды и Кары, о которомъ говоритъ поэтъ въ своемъ превосходномъ стихотвореніи: „Двѣ сестры“? Пусть это—мистика, но вѣдь слово это не могло пугать такую личность, какою былъ Вл. С. Соловьевъ.

Приведенныхъ стихотвореній, намъ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы въ связи съ представленной раньше общей характеристикой уяснить себѣ смыслъ поэтическаго творчества Вл. С. Соловьева. Не можемъ, однако, преодолѣть желанія проститься съ памятью о Вл. С. Соловьевѣ его же словами, а потому и приведемъ еще одно стихотвореніе, написанное имъ за годъ до смерти.

Призрачность феноменальнаго бытія открывается не только нашей логической мысли, но и чувству. Бываютъ въ жизни каждаго такія мгновенія, когда основныя формы индивидуаціи — время и пространство—оказываются какъ бы устраненными. Это особенно легко и возможно для поэта, способнаго, по выраженію Вл. С. Соловьева, перелетать на крыльяхъ лебединыхъ двойную грань пространства и вѣковъ. Вотъ одно изъ необыкновенно трогательныхъ и изящныхъ откровеній нашего поэта. Онъ „у себя", и вотъ что поетъ его муза:

Дождались меня бѣлыя ночи
Надъ просторомъ густыхъ островов...
Снова смотрятъ знакомыя очи,
И мелькаетъ былое безъ словъ.

Въ царство времени все я не вѣрю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать: „навсегда"—не могу.

При мерцаніи долгомъ заката,
Предъ минутной дремотою дня, —
Что погибъ его свѣтъ безъ возврата, —
Въ эту ночь не увѣришь меня...

Чрезвычайно счастливые образы, внушенные поэту картиной бѣлой петербургской ночи, которая есть какъ бы отрицаніе ночи, не нуждаются въ пространныхъ комментаріяхъ... Щемитъ сердце при мысли, что впредь уже не дождутся эти бѣлыя ночи нашего милаго и дорогого пѣвца; не будемъ и мы скрывать роковую потерю. Но вѣдь не даромъ же онъ не вѣрилъ въ царство времени; не даромъ отказывался онъ признать постигшую его роковую потерю—потерей навсегда. И насъ никто не увѣритъ, что его свѣтъ для насъ погибъ безъ возврата...

С. Лукьяновъ.

ИЗЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

I.—ДЖОЗУЭ КАРДУЧЧИ.

(„Rime Nuove“.)

I.

Къ моему портрету.

Таковъ я былъ, когда прямой дорогой
Въ дни юности стремился къ солнцу я,
Какъ объ утесъ дѣйствительности строгой
Волною шумной билась пѣснь моя.

Теперь—затихло все. Покрыты мглою
Раздольныя, цвѣтущія поля,
Въ глухую ночь одѣлася земля,
Надежды лучъ погасъ передо мною...

О, гордыя увядшія мечтанья
О торжествѣ Италіи моей,
О возрожденьѣ славы и искусства!

О васъ храню одно воспоминанье—
Увы!—давно минувшихъ свѣтлыхъ дней,
И горькія волнуютъ душу чувства...

II.

Солнце и любовь.

Тучи вдаль уходятъ цѣпью черной,
Ярко блещетъ небо голубое,
И побѣдно солнце золотое
Льетъ на землю свѣтъ свой чудотворный.

Съ крикомъ птицы рѣютъ надъ полями,
Громкій звонъ колоколовъ несется,—
Пѣсня небу въ небѣ раздается,—
Храмъ сіяетъ яркими огнями...

И мое стремится сердце къ свѣту,—
Разгоняетъ сумрачныя тучи
Лучъ любви, проникшій въ душу мнѣ;

Вновь покорный милому завѣту,
Весь я полонъ жизнію кипучей,
Вся душа—привѣтный гимнъ веснѣ.

III.

Зимняя тоска.

Скажи мнѣ: развѣ солнце
Здѣсь ярко не сіяло,
Цвѣтами не блистала
Душистая весна?

Скажи мнѣ: развѣ счастья
Здѣсь юность не встрѣчала,
Восторговъ не знавала
Любви святого сна?

—Да, это все бывало
Въ тѣ дни, когда звучала
Божественная пѣсня
Гомера-старика;

Но солнце закатилось,—
И счастье омрачилось,
И въ сердцѣ воцарилась
Гнетущая тоска...

IV.

Школьныя воспоминанія.

Въ іюнѣ было то,—въ прекрасный день;
Кругомъ цвѣла природа, и любовью
Дышала обновленная земля;
Широкимъ огненнымъ потокомъ солнце
Побѣдно разливалось надъ полями;
Его съ улыбкой море отражало...
Но было мнѣ не до улыбокъ: патеръ
Намъ объяснялъ латинскія спряженья,
И все его лицо дышало скукой...
Изъ-за окна, межъ тѣмъ, глядѣла въ школу
Насмѣшливо молоденькая вишня,
И ягоды пурпуровыя, зрѣя,
Шептали сказки вѣтеркамъ...
И вдругъ
Я позабылъ учителя, спряженья,
Рядами ползавшія по страницамъ
Учебника,—что муравьи по стѣнкѣ:
Мои глаза и мысли обратились
Туда, въ окно, къ высокимъ небесамъ,
Горамъ и берегу морскому. Птицы
Порхали, громко пѣсни распѣвая,
И словно важную вели бесѣду
Почтенныя деревья съ мелкимъ лѣсомъ,
И съ роемъ пчелъ кусты шептались тихо,
О ласкахъ мотыльковъ цвѣты мечтали,
И въ каждой травкѣ, въ каждомъ лепесткѣ
Сквозило жадное стремленье къ жизни,
И каждое мгновеніе дышало
Живою жизнью. Сумрачныя горы,
Веселые холмы, за ними—нивы
И виноградники, и даже чаща
Терновникомъ заросшаго болота,—

Все это словно ожило подъ блескомъ
Чарующаго солнца, наслаждаясь
Весной и юностью...
И вдругъ,—не знаю,
Какъ, почему, изъ этой яркой жизни
Во мнѣ родилась мысль о мрачной смерти
И о ничтожествѣ, и я увидѣлъ
Себя нѣмымъ, холоднымъ, неподвижно
Лежащимъ въ страшной глубинѣ земли.
А надо мной безпечно щебетали
Веселенькія птички,—слышалъ я
Шумъ листьевъ, рокотаніе ручья,
И все живое жизнью наслаждалось
Въ потокѣ яркихъ солнечныхъ лучей...
Тогда-то вдругъ я понялъ силу смерти
И содрогнулся въ ужасѣ...
И вотъ,
Теперь нерѣдко снова предо мною
Встаетъ давно забытое видѣнье
И ужасомъ мнѣ сердце леденитъ...

V.

На Monte Mario.

Торжественно и тихо на вершинѣ
Стоятъ сторожевые кипарисы;
Внизу, среди полей, безшумно льется
Тибръ величавый.

Затихъ, красуясь въ царственномъ покоѣ,
Великій Римъ,—и какъ гигантскій пастырь
Надъ городомъ соборъ Петра свой мощный
Куполъ подъемлетъ.

Налейте, други, на вершинѣ свѣтлой
Мнѣ въ чашу сокъ златого винограда!
Ликуйте, дѣвы, жизнью услаждаясь:
Завтра—могила!

Не рви, о, милая, зеленыхъ листьевъ
Ростущаго въ священной рощѣ лавра:
Въ блестящихъ черныхъ локонахъ та зелень
Скоро поблекнетъ.

Да будетъ спутникомъ веселой пѣсни
Заздравный кубокъ, и душистой розы
Прекрасный цвѣтъ пусть нѣжно, увядая,
Льетъ ароматы.

Умремъ мы завтра,—какъ вчера скончались
Тѣ, кого мы такъ пламенно любили,
Изъ памяти, изъ сердца легкой тѣнью
Быстро умчимся.

Да, мы умремъ,—а радостное солнце
По прежнему засвѣтитъ надъ землею,
И искрами божественнаго свѣта
Жизнь озарится.

И новая любовь заблещетъ въ жизни,
И новая борьба пробудитъ силы,
И новымъ божествамъ въ привѣтъ польются
Новые гимны.

О, нерожденные, кому свѣтильникъ
Достанется, изъ нашихъ рукъ упавшій!
Придетъ и вамъ пора,—и вы пойдете
Слѣдомъ за нами.

Прощай, земля, источникъ краткой жизни
Души моей минутной! Совершая
Свой вѣчный путь, еще ты много узришь
Славы и скорби,

Пока, скрываясь въ экваторіальныхъ
Поляхъ, въ погонѣ за тепломъ бѣгущимъ,
Послѣдніе, несчастные обломки
Рода людского,

Средь горъ пустынныхъ и лѣсовъ безлистныхъ
Встрѣчая ледяную смерть, поднимутъ
Въ послѣдній разъ тускнѣющія очи
Къ вѣчному солнцу...

Перев. П. О. Морозовъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ
въ Европѣ XIX-го вѣка.

Окончаніе.

VII *).

Въ Австріи революція проявилась въ самомъ рѣзкомъ, устрашающемъ видѣ. Колебался тронъ Габсбурговъ и въ Вѣнѣ, и въ Венгріи, и въ славянскихъ земляхъ, и въ Италіи. Національныя революціи поддерживали другъ друга, обезсиливали и приводили въ отчаяніе своего врага; вѣнская революція ярче и нагляднѣе торжествовала надъ правительствомъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ германскомъ государствѣ. Но послѣ быстро одержанной побѣды союзники увидѣли вполнѣ явственно, что дальше имъ идти не по дорогѣ. Итальянцы были разбиты Радецкимъ уже черезъ четыре мѣсяца послѣ мартовской революціи; свою роль они сыграли,—войска правительства были отвлечены въ Ломбардію надолго и не могли быть пущены въ дѣло у себя дома,—тѣмъ не менѣе, уже съ іюля 1848 года, итальянскую революцію пришлось снять со счетовъ.

22 іюня открылись засѣданія учредительнаго собранія, но сразу же обнаружилась въ его средѣ самая непримиримая вражда между нѣмцами и славянами; вражда, дошедшая вскорѣ до того, что славянская партія сейма объявила себя противъ венгерской

*) См. выше: февраль, 702 стр.

революціи и противъ какихъ бы то ни было новыхъ потрясеній правительственной власти. Нѣмецкіе демократы увидѣли, что венгерцы—ихъ единственные союзники, и рѣшились ихъ поддерживать. Вплоть до сентября (1848 г.) не распадался „союзъ буржуазіи и рабочихъ" въ столицѣ государства, но въ сентябрѣ вспыхнули рабочія волненія уже чисто-экономическаго характера. Дѣло шло о пониженіи платы на предпринятыхъ городскимъ управленіемъ работахъ. Волненія послѣ ряда стычекъ и убійствъ были усмирены, но самый фактъ ихъ возникновенія произвелъ пугающее впечатлѣніе на буржуазію, если не по глубинѣ, то по характеру весьма походившее на ту тревогу, которая охватила имущіе классы во Франціи послѣ усмиренія іюньскаго бунта. Впрочемъ, здѣсь опять-таки національная революція въ Венгріи осложнила, такъ сказать, естественное теченіе дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ сентябрьскаго волненія рабочихъ, правительство распорядилось послать войска на усмиреніе венгерцевъ. Вѣнская буржуазія, видя противъ себя правительство и славянъ, а за себя—только Венгрію, рѣшила, что позволить добивать свою союзницу—значитъ остаться вполнѣ беззащитной. Смятеніе было такъ велико, на карту ставилось такъ много, что буржуазія снова рѣзко поднялась противъ правительства.

Извѣстны событія 6-го октября 1848 года, и то, что за ними послѣдовало: министръ Латуръ, отдавшій приказаніе войскамъ двинуться въ Венгрію, былъ убитъ; императоръ бѣжалъ изъ города, національная гвардія (т.-е. средняя и мелкая буржуазія) и рабочіе—овладѣли столицей. Замѣчательно, что побѣдители опомнились сейчасъ же, какъ только изъ Вѣны исчезло правительство и они остались лицомъ къ лицу: сеймъ обратился съ растеряннымъ и робкимъ предложеніемъ къ только-что обиженному императору „помирить" его со столицею. Но теперь правительству незачѣмъ было мириться. Черезъ двадцать четыре дня, т.-е. 30-го октября, Вѣна попала въ руки Виндишгреца. Вотъ тутъ-то мы и видимъ совершенно наглядно, насколько общественный инстинктъ не ошибался, когда настроеніе оппозиціи въ Вѣнѣ повышалось въ сороковыхъ годахъ по мѣрѣ того, какъ росли національныя броженія на окраинахъ; правительство, только-что побѣдившее, и не думало сразу возстановить прежніе порядки,—напротивъ того, оно не прерывало занятій сейма, выработывавшаго конституцію, и хотя не согласилось утвердить эту конституцію, но дало взамѣнъ нея свою—4-го марта 1849 года. Конституція эта просуществовала (больше на бумагѣ) не долго, но дѣло было сдѣлано: можно было со

свободными руками приступить къ подавленію разгоравшейся все болѣе и болѣе революціи въ Венгріи. Однако, венгерское возстаніе торжествовало надъ императорскими войсками. 21-го мая 1849 года императоръ Николай I встрѣтился въ Варшавѣ съ Францемъ-Іосифомъ и обѣщалъ ему поддержку въ дѣлѣ усмиренія Венгріи. Черезъ двѣнадцать недѣль послѣ этого свиданія, Венгрія была раздавлена русскими войсками. Тогда австрійская революція уже была сломлена окончательно: національныя возстанія, сдѣлавшія ее особенно сильной въ началѣ, привели въ конечномъ счетѣ къ тому, что и обратное движеніе пріобрѣло здѣсь самый суровый характеръ. Гораздо проще шли событія въ Пруссіи.

VIII.

Часовъ въ двѣнадцать дня 18-го марта 1848 года необузданная масса людей толкалась и шумѣла около королевскаго дворца въ Берлинѣ. Волненія, начавшіяся почти сейчасъ же вслѣдъ за извѣстіемъ о низверженіи Луи-Филиппа, уже привели къ установленію свободы печати и къ тому, что король далъ обѣщаніе созвать въ самомъ близкомъ будущемъ ландтагъ. Эти королевскіе „патенты“ сильно обрадовали одинъ элементъ броженія, буржуазію, но рабочіе не хотѣли успокоиться. Вдругъ на ступенькахъ предъ дворцомъ появился Савиньи, знаменитый адептъ исторической школы въ наукѣ права, исправлявшій тогда обязанности министра юстиціи. Онъ обратился къ тѣмъ, кто стоялъ ближе, со словами: „Король вѣдь уступилъ вамъ больше, чѣмъ вы просили!“ — „Старикъ, — возразилъ ему кто-то, — этого ты не понимаешь, — ничего еще не уступили (Alter, das verstehst du nicht, — man hat nichts bewilligt)“. Весь вопросъ заключался вотъ въ чемъ: крайняя лѣвая броженія — требовала, чтобы король велѣлъ войскамъ выйти изъ города, полагая, что войска являются постоянной угрозой для дѣла инсургентовъ, а буржуазія, только-что достигшая побѣды, считала это для себя совершенно лишнимъ. Коротенькій діалогъ Савиньи и его оппонента необыкновенно характеренъ, какъ иллюстрація того недоумѣнія, съ которымъ союзники начали относиться другъ къ другу; обстоятельствамъ угодно было, чтобы это недоумѣніе въ самомъ скоромъ времени превратилось въ другое, гораздо болѣе опредѣленное чувство. Черезъ какихъ-нибудь два часа послѣ разговора Савиньи съ неизвѣстнымъ, на толпу, собравшуюся у дворца,

было произведено нападеніе: начался двѣнадцатичасовой бой между народомъ и войсками, который продолжался всю ночь съ 18-го на 19-ое марта и окончился пораженіемъ королевской арміи. Цѣль была достигнута; войскамъ былъ отданъ приказъ покинуть городъ. Все это происходило 18-го и 19-го марта, а черезъ шесть дней, 24-го марта, имѣли мѣсто похороны солдатъ, павшихъ въ борьбѣ, и берлинское гражданство устроило колоссальную сочувственную демонстрацію по этому поводу. Съ той самой минуты, какъ войска ушли, буржуазія не переставала просить, чтобы ихъ снова ввели въ городъ. Здѣсь отношенія между двумя элементами революціи выразились необыкновенно наглядно, именно вслѣдствіе удивительной быстроты въ смѣнѣ настроеній. Можно смѣло сказать, что дѣло правительства было выиграно какъ разъ съ того момента, какъ оно пошло на всѣ уступки инсургентамъ.

Послѣ іюньскаго возстанія въ Парижѣ и октябрьскаго взятія Вѣны Виндишгрецомъ,—въ Пруссіи (да и въ другихъ германскихъ государствахъ) все было кончено: замирающее движеніе теплилось только едва-едва въ франкфуртскомъ парламентѣ. Этотъ парламентъ представляетъ собою любопытнѣйшее явленіе соціальной психологіи. Сидѣли въ немъ почти исключительно представители интеллектуальнаго міра. Не было собранія во всемірной исторіи, которое могло бы похвалиться такимъ обиліемъ въ своей средѣ первоклассныхъ ученыхъ, людей, составившихъ эпоху въ исторіи науки. Строгая дисциплина мысли мѣшала имъ подчиняться смѣнѣ вѣяній минуты,—поэтому они горячо отстаивали тѣ идеалы, отъ которыхъ уже успѣлъ отречься ихъ классъ; привычка и вкусъ къ отвлеченному мышленію заставляли ихъ съ особенною ревностью держаться тѣхъ построеній, которыя являлись мечтою во всю первую половину вѣка: единая Германія, возстановленное царство Фридриха Барбароссы, древне-германскія народныя сходки, старая „вольная“ рѣчь—все это не было для Гримма, для Дальмана, для Миттермайера пустыми звуками, вывѣтрившейся басней. Чисто идеалистическія тенденціи, которыя оторвались отъ рѣзко измѣнившейся уже классовой точки зрѣнія, забрались въ франкфуртскій парламентъ и царили тамъ. Этому обстоятельству соотвѣтствовало и внѣшнее положеніе парламента. Что это было за учрежденіе? Никто не могъ бы дать на такой вопросъ опредѣленнаго отвѣта. Обязательны ли будутъ его рѣшенія, зачѣмъ онъ засѣдаетъ, постояннымъ ли онъ будетъ или временнымъ, гдѣ его средства, гдѣ его армія, гдѣ его чиновники—все это были вопросы, на которые никто не могъ отвѣтить вполнѣ

категорически. Это учрежденіе явилось какимъ-то овеществленіемъ идеализма, котораго такъ много было въ берлинской оппозиціи первой половины вѣка. Конечно, ничѣмъ работы франкфуртскаго парламента не кончились и не могли кончиться: не имѣя ни откуда никакой поддержки, онъ исчезъ безслѣдно. Упомянутая только-что общая черта германскихъ событій послѣ мартовскихъ дней и состоитъ въ томъ, что когда уже политическія мечтанія стали дѣломъ погибшимъ и невозможнымъ матеріально,—духъ ихъ еще жилъ нѣкоторое время подъ сводами церкви св. Павла, гдѣ собирался франкфуртскій парламентъ, такъ что слабая тѣнь, видимость броженія, еще была на лицо и мало прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ сбивала съ толку. Какими-то „лишними людьми", но лишними людьми, оптимистичными до конца,—до самаго того дня 18-го іюня 1849 года, когда, желая войти въ залу засѣданій, они наткнулись на солдатскіе штыки,—остались эти франкфуртскіе депутаты.

Самое яркое впечатлѣніе, которымъ кончился революціонный періодъ, заключалось въ русскомъ вмѣшательствѣ въ европейскія дѣла. На время даже всѣ другія поучительныя событія внутренней жизни отошли на задній планъ. На Россію въ западной Европѣ отъ самыхъ наполеоновскихъ войнъ смотрѣли какъ на первоклассную политическую силу; но все-же то, что случилось, ставило многихъ въ тупикъ. Чтобы Ридигеръ и Паскевичъ могли въ шестьдесятъ дней блестяще покончить съ однимъ изъ сильнѣйшихъ оплотовъ броженія, съ большимъ національнымъ тѣломъ, въ которомъ абсолютно отсутствовали всякія междуклассовыя осложненія,—этого не ожидалъ, прежде всего, самъ австрійскій дворъ, для котораго усмиреніе совершалось. Съ перепуга начали представлять себѣ уже въ недалекомъ будущемъ военную прогулку русскихъ войскъ по всей Европѣ вплоть до Парижа; предсказаніе Наполеона: „L'Europe sera cosaque" цитировалось въ прессѣ самаго разнообразнаго направленія. Побѣжденныхъ всего болѣе угнеталъ происшедшій воочію фактъ мобилизаціи главныхъ силъ, охраняющихъ общественный порядокъ; побѣдители удостовѣрились, что слова ободренія и поддержки, тридцать лѣтъ доносившіяся къ нимъ съ востока, не были только словами. Но и побѣжденные, и побѣдители смотрѣли на Россію какъ на ultima ratio, которая призвана въ конечномъ счетѣ разрѣшить ихъ споръ. Ясно выступило основное различіе между революціей и охранительнымъ движеніемъ; „революція" только называла себя международной, на самомъ же дѣлѣ была просто общей, повсемѣстной, а это далеко не одно и то же; охранительное движеніе,

напротивъ того, обнаружило свой интернаціональный характеръ самымъ неопровержимымъ образомъ. Круговая порука въ европейской революціи 1848 года была исключительно моральнаго свойства; круговая же порука обратнаго движенія оказывалась и моральной, и матеріальной. Путались всякіе разсчеты, умолкали самые упрямые голоса, когда въ распрю вмѣшивалась совершенно посторонняя громадная сила, ничѣмъ изъ европейскихъ отношеній не связанная, свободная отъ мало-мальски значительныхъ интересовъ или опасеній, преслѣдующая, въ сущности, безкорыстно одну цѣль. Мы погрѣшили бы противъ систематичности изложенія, еслибы не привели здѣсь содержанія одного страннаго „человѣческаго документа", который представляетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ своеобразный интересъ и, несмотря на это, никогда не цитируется. Когда переворотъ 2-го декабря, отмѣна австрійской конституціи, полное пораженіе всего движенія на европейскомъ континентѣ, тусклый и печальный конецъ чартизма,—когда все это уже стало фактомъ,—французскій радикалъ, докторъ Кердеруа, написалъ письмо, которое приводится въ „Горныхъ вершинахъ". Кердеруа проклинаетъ Европу, считаетъ ее сгнившею и полагаетъ, что она не можетъ далѣе идти по пути прогресса,—и прямо заявляетъ, что ждетъ всего отъ русской силы. „Дѣло грядущей цивилизаціи—уничтожить настоящую, несовершенную. Но это благое дѣло неспособна сдѣлать демократія,—у нея нѣтъ силъ; оно можетъ быть совершено только русской арміей. Европейское человѣчество запуталось въ гордіевомъ узлѣ; разсѣчь его, казнить старый Западъ за его грѣхи, можетъ только русская армія" (l'armée monarchique russe). Чтобы его корреспондентъ хорошо понялъ письмо, Кердеруа подчеркиваетъ и оттѣняетъ, что онъ не отъ мечтаній о славянскомъ возрожденіи и пр. ждетъ спасенія, а только и исключительно отъ Россіи и притомъ Россіи настоящаго времени. „Подавляющая, величавая сила колоссальной страны" приводитъ его въ мрачный восторгъ. „Раньше, чѣмъ славянская демократія найдетъ свой пароль и переведетъ (на человѣческій языкъ) туманный секретъ своихъ чаяній, Россія покоритъ Европу. Участь цивилизованныхъ націй—въ ея рукѣ... Развѣ вселенная не дрожитъ уже теперь, потому только, что она немного возвысила голосъ? Я признаюсь вамъ,—эта сила такъ меня поражаетъ, что я не могу понять, зачѣмъ ищутъ еще какую-то другую".

Времена мѣнялись; матеріальное и идейное состояніе Европы измѣнилось также почти до неузнаваемости, но для тѣхъ, кто желаетъ выяснить себѣ генезисъ и упроченіе призрака „der

russischen Gefahr", долженъ обратиться къ эпохѣ венгерской кампаніи, общаго крушенія дѣятелей и мыслей 1848 года, ко времени начала 50-хъ годовъ, къ письму доктора Кердеруа. Нужно оцѣнить всю напряженность чувства людей, изголодавшихся и истосковавшихся по матеріальной силѣ, чтобы понять, до какихъ галлюцинацій оно можетъ довести; нужно вспомнить, что въ 1848 и 1849 годахъ всѣ слои и разновидности европейскихъ партій, отъ абсолютистовъ до соціалистовъ, по очереди были побѣждены, чтобы уяснить себѣ впечатлѣніе, произведенное единственнымъ „вѣчнымъ побѣдителемъ", внезапно и властно вмѣшавшимся въ европейскія дѣла. Тогда не покажутся загадочными явленіями ни письмо Кердеруа, ни тотъ фактъ, что никакія крымскія кампаніи не уничтожили разъ произведенныхъ оторопи и смущенія.

IX.

Среди мыслей, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ твореніяхъ Тацита, есть такія, которыя напрашиваются на память при анализѣ историческихъ явленій, отдѣленныхъ отъ древняго Рима тысячами верстъ и тысячами лѣтъ. Тацитъ говоритъ объ угнетеніи духа посторонней силой, о томъ, что эта посторонняя сила, если даже и захочетъ впослѣдствіи, все-же съ трудомъ будетъ въ состояніи поправить свое собственное дѣло, вдохнуть въ умы прежнюю бодрость и свѣжесть. Мы были бы глубоко несправедливы, еслибы приписали реакцію 50-хъ годовъ какой бы то ни было посторонней силѣ,—напримѣръ, исключительно вліянію правительствъ; мы не имѣемъ права сказать даже, что эта реакція исходила отъ правительства и тѣхъ классовъ, которые смотрѣли на власти какъ на свою защиту и опору: всѣ такія поясненія,—весьма часто, впрочемъ, дѣлаемыя,—изготовляются по шаблонному рецепту, который отъ частаго употребленія ничуть не выигрываетъ въ правильности. На правительства сваливаются, въ такихъ случаяхъ, грѣхи, въ которыхъ они не повинны. Угнетеніе умовъ, о которомъ говоритъ Тацитъ, въ пятидесятыхъ годахъ было всеобщимъ, но обусловливалось оно въ громадной степени причинами внутренними, болѣе сильными, глубокими и мучительными, чѣмъ какія бы то ни было стороннія воздѣйствія. Потому-то и возстановленіе прежней „бодрости" должно было оказаться для ряда поколѣній второй половины XIX-го вѣка дѣломъ не только труднымъ, но еще потруднѣе, чѣмъ оно было для императоровъ Нервы и Траяна, смѣнившихъ „угнета-

теля“ Домиціана. Настроеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ уже *никогда* больше не возвращалось; оно погибло въ общемъ крушеніи 1848 и 1849 годовъ, и хотя съ тѣхъ поръ предпринимались попытки его реставрировать, но такъ какъ мечи были завѣдомо картонные, то и прежнія слова являлись завѣдомо бутафорскими принадлежностями. Было одно частичное и мгновенное исключеніе — парижское возстаніе 1871 года, но и оно, какъ увидимъ, сыграло роль исключенія, подтверждающаго правило. Революціонизмъ палъ по той причинѣ, что уже не было мѣста какимъ бы то ни было надеждамъ на близкій переворотъ: возсоединеніе буржуазіи и правительства, при прямомъ и вполнѣ понятномъ сочувствіи крестьянства имущимъ классамъ, ставило рабочихъ въ совершенно одинокое положеніе. Какъ настроеніе, революціонизмъ палъ сразу и, въ этомъ смыслѣ, 50-ые, 60-ые, 70-ые, 80-ые и 90-ые годы не представляютъ особенно характерныхъ отличій другъ отъ друга. Что же касается до революціонизма теоретическаго, вѣрнѣе, революціонизма литературныхъ работъ и митинговъ, журнальныхъ статей и предсѣдательскихъ резолюцій и формулировокъ, то онъ еще нѣкоторое время существовалъ и держался, вмѣстѣ съ революціоннымъ фразерствомъ, становившимся, впрочемъ, съ году на годъ все болѣе и болѣе прѣснымъ и безвкуснымъ.

Мы только-что сказали, что особенно характерныхъ отличій между пятидесятыми и шестидесятыми годами въ названномъ отношеніи нѣтъ; все-же, нѣкоторыя мелкія, второстепенныя отличія имѣются. Есть такія историческія работы, которыя, живописуя 50-е годы въ Европѣ, какъ эпоху мрачной реакціи, рѣзко отдѣляютъ ихъ отъ 60-хъ годовъ, времени пробужденія. Все это не оправдывается внутреннимъ смысломъ историческихъ явленій этихъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. произошло освобожденіе и объединеніе Италіи, т.-е. осуществился одинъ изъ идеаловъ, выдвинутыхъ еще до революціи 1848 года. Тишина въ это время во всей Европѣ царила мертвая. Немудрено, что единственное сильное народное движеніе возбудило живѣйшее участіе и интересъ къ себѣ. Въ итальянскомъ національномъ движеніи сохранился полный союзъ между всѣми классами; не угасла (и блестяще оправдалась) надежда на побѣду. Участники 1848 года пережили, слѣдя за итальянскими событіями, свою „вторую молодость“; дѣйствительно, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ удались всѣ національныя стремленія къ объединенію, не удавшіяся въ 1848 году, но ни самостоятельность Венгріи, ни созданіе единой Германіи не были такъ демократичны и по-

пулярны, какъ объединеніе Италіи. Здѣсь наиболѣе ярко бросалась въ глаза та черта, которая была на-лицо и въ Венгріи, и въ Германіи, но въ Венгріи затемнялась вліяніемъ дипломатіи и другими побочными фактами, въ дѣлѣ же объединенія Германіи стушевывалась предъ громомъ внѣшнихъ побѣдъ.

Мы снова напоминаемъ основную мысль предлагаемаго этюда. Бурный характеръ какого бы то ни было движенія середины вѣка зависѣлъ отъ увѣренности въ силѣ даннаго движенія. Увѣренность эта имѣла, казалось, основаніе вплоть до того момента, пока противъ существующаго строя стояли вмѣстѣ оба оппозиціонныхъ слоя, т.-е. буржуазія и рабочіе; она теряла основаніе и уничтожалась съ того момента, какъ союзъ буржуазіи и рабочихъ распадался. Крушеніе всѣхъ политико-соціальныхъ революцій 1848 года зависѣло отъ того, что буржуазія не только покинула свое прежнее оппозиціонное положеніе, но и уполномочила своей поддержкой правительственную власть употребить всю силу противъ бывшихъ своихъ союзниковъ. Крушеніе это для лицъ, оставшихся революціонерами, было, поэтому, не только матеріальнымъ, но и *моральнымъ*. Отъ этого моральнаго крушенія спаслись только тѣ движенія, въ которыхъ *не порывался* союзъ между буржуазіей и остальными классами; къ такимъ движеніямъ, погибшимъ въ 1848—49 гг., *не по внутреннимъ, а по внѣшнимъ* причинамъ, относятся національныя возстанія въ Венгріи и Италіи (германское объединительное движеніе временно замерло, потому что здѣсь оно было переплетено съ явленіями политико-соціальнаго характера). Временно парализованныя національныя движенія, отнюдь не потерпѣвшія *моральнаго* банкротства, должны были, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова оживиться, такъ какъ ихъ внутренняя сила, заключавшаяся въ союзѣ всѣхъ общественныхъ слоевъ, не погасла. Вотъ этотъ-то старый „духъ 1848 года“, прежде всего напоминавшій о себѣ въ Италіи, уже потому взволновалъ многихъ, что здѣсь однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ являлся предводитель демократическаго воинства, притомъ предводитель сильный и счастливый, т.-е. обладавшій двумя признаками, весьма рѣдкими для „революціонера“ и въ 1848 году, и позже. Гарибальди явился олицетвореніемъ удавшагося движенія; потому-то и чествовали его съ такимъ жаромъ самыя разнообразныя группы, отъ бланкистовъ до парламентаріевъ, отъ націоналистовъ до обломковъ исчезнувшаго чартизма. Но, ожививши нѣсколько наиболѣе близкихъ къ энтузіазму эпигоновъ 1848 года, итальянское движеніе ничуть не

расшевелило и не могло расшевелить *соціально-политическихъ тенденцій въ массахъ*. Какъ сейчасъ увидимъ, шестидесятые годы, „годы Лассаля и интернаціональнаго общества", въ самыхъ важныхъ пунктахъ неизмѣримо больше походятъ на предшествующее имъ десятилѣтіе, чѣмъ на 1848-й годъ.

X.

Быть можетъ, ничто не характеризуетъ такъ продолжавшагося полнаго упадка революціоннаго настроенія въ 60-хъ годахъ, какъ именно то обстоятельство, что Лассаль не былъ революціонеромъ. Трудно себѣ представить болѣе бурный темпераментъ, чѣмъ у этого человѣка: вѣдь значитъ же что-нибудь, что въ 1848 году онъ съ головою окунулся въ движеніе, что, когда не было общественной бури, онъ создавалъ бури въ своей частной жизни, заводилъ такія житейскія битвы, въ которыхъ съ трудомъ уцѣлѣлъ; значатъ же что-нибудь, наконецъ, его слова въ „программѣ рабочихъ" о преимуществахъ рѣшительныхъ соціальныхъ переворотовъ предъ медленными реформами. Если уже имъ не овладѣлъ „алармистскій" [1]) пылъ,—должна была оказаться въ наличности немаловажная причина. Эта причина заключается въ тѣхъ анализирующихъ способностяхъ ума, которыя дала ему природа. Обратившись къ самой глубокой работѣ Лассаля, гдѣ эти способности нагляднѣе всего сказались, къ его рѣчи о сущности конституціи, мы найдемъ разгадку Лассаля-нереволюціонера, Лассаля-контрагента Бисмарка.

Сущность всякой конституціи, ея содержаніе и смыслъ, Лассаль видитъ въ реальныхъ соотношеніяхъ общественныхъ силъ, а не въ „исписанномъ листѣ бумаги". Если, предположимъ, общественныя силы измѣняются такъ, что уже существующій „исписанный листъ бумаги",—т.-е., другими словами, существующій правовой строй,—имъ не соотвѣтствуетъ, тогда этотъ листъ рвется и пишется другой. Слѣдовательно, сила создаетъ право, сила создаетъ, уничтожаетъ и мѣняетъ конституцію, и ничего съ этимъ подѣлать нельзя. Лассаль писалъ и читалъ рѣчь „о сущности конституціи" въ разгаръ конфликта между прусскимъ ландтагомъ и Бисмаркомъ. Общій выводъ, который вытекалъ изъ теоретическихъ положеній Лассаля для переживаемаго политическаго момента, заключался въ томъ, что всякія ссылки на

---

[1]) Его собственное выраженіе.

нарушенія Бисмаркомъ конституціи, по существу, безполезны и несостоятельны. Конституція—это сила; сила въ рукахъ Бисмарка—значитъ, онъ и конституціоненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. На это Лассалю замѣтили, что такое ученіе безнравственно. Вотъ что онъ отвѣтилъ на упрекъ: „Это—недоразумѣніе, будто я проповѣдую теорію, что сила *должна* имѣть преимущество передъ правомъ. Въ публикѣ темныя головы (unklare Köpfe) усвоили это остроумное воззрѣніе и высказали убѣжденіе, что г. Бисмаркъ дѣйствуетъ только лишь какъ мой воспитанникъ... Хотя мнѣ и трудно тутъ воздержаться отъ улыбки, но я все-же по этому поводу сдѣлаю слѣдующее бѣглое замѣчаніе. Еслибы я создалъ міръ, то въ высокой мѣрѣ вѣроятно, что я его устроилъ бы такъ, чтобы право имѣло преимущество передъ силой, ибо это всецѣло соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ и моей этической точкѣ зрѣнія. Но, къ моему прискорбію, я не имѣлъ никакой возможности создать свѣтъ, и долженъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность за его устройство,—какъ похвалу, такъ и порицаніе. Мои брошюры имѣли цѣлью говорить не о томъ, что *должно* было быть, а о томъ, что *есть*; онѣ составляютъ не *этическій* трактатъ, а *историческое* изслѣдованіе“. На ближайшихъ страницахъ этой статьи [1]) Лассаль подтверждаетъ свою мысль о всегдашнемъ торжествѣ могущества примѣрами 1848 и 1849 годовъ, когда представительныя собранія разгонялись штыками и пр. Послѣдовательный и глубочайшій юридическій матеріализмъ проникаетъ всю правовую философію Лассаля, которая сама по себѣ есть удивительный литературный памятникъ умственной исторіи Европы послѣ перелома 1848 года.

Вся психологія Лассаля раскрывается въ приведенныхъ его воззрѣніяхъ; по основному навыку своей мысли онъ всюду искалъ не писанной, а настоящей силы, не призрака, а реальности. „Сила всегда шла впереди права, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока само право не усилится настолько, чтобы побѣдить несправедливость“.—Теперь вернемся къ тому вопросу, который разбираемъ все время: что же, усилилось ли въ 60-хъ годахъ то, что Лассаль считалъ „правомъ“, настолько, чтобы одолѣть противниковъ? Или, по крайней мѣрѣ, думалъ ли такъ Лассаль? Категорически отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть ничѣмъ опровергнутъ. Лассаль, какъ извѣстно, въ своемъ „открытомъ письмѣ“ рабочимъ

---

[1]) „Macht und Recht“, Lassale's Reden und Schriften. B. I, S. 546 ff. (Berlin 1892 г.).

делегатамъ, спрашивающимъ его мнѣнія о рабочемъ вопросѣ, ассоціаціяхъ и пр., изложилъ рядъ мыслей, послужившихъ теоретическимъ базисомъ для дальнѣйшей пропаганды. „Рабочія ассоціаціи суть то реальнѣйшее благо, котораго домогаться слѣдуетъ во что̀ бы то ни стало; помочь въ этомъ рабочимъ своими матеріальными средствами можетъ и должно само государство". Какъ же устроить? Статистическое королевское бюро обнародовало „въ 1851 году, какъ дѣлится населеніе Пруссіи по своимъ доходамъ... $72^3/_4$% населенія получаютъ доходъ ниже 100 талеровъ въ годъ и находятся поэтому въ самомъ жалкомъ состояніи; $16^3/_4$% населенія получаютъ доходъ отъ 100 до 200 талеровъ въ годъ, т.-е. находятся въ чуть-чуть лучшемъ, но все еще жалкомъ состояніи; $7^1/_4$% получаютъ отъ 200 до 400 талеровъ, такъ что влачатъ все-таки стѣсненное существованіе; $3^1/_4$% получаютъ отъ 400 до 1.000 талеровъ, такъ что частью они живутъ стѣсненно, частью сносно, и, наконецъ, $^1/_2$% находятся на всѣхъ ступеняхъ богатства". Въ общемъ, значитъ, $96^1/_4$% живутъ въ нуждѣ. „Слѣдовательно,—восклицаетъ Лассаль, обращаясь къ своимъ читателямъ,—вамъ, нуждающимся, принадлежитъ государство... Государство—это ваша большая ассоціація, ассоціація бѣднѣйшихъ классовъ".

Эти аргументы приводили Лассаля къ пропагандѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права, какъ лучшаго средства достигнуть намѣченной цѣли. Здѣсь мы подчеркнемъ любопытнѣйшее отличіе Лассаля отъ Луи Блана. Л. Бланъ 40-хъ годовъ точно такъ же самыя широкія упованія возлагалъ на всеобщее избирательное право, но онъ видитъ въ немъ ни болѣе, ни менѣе, какъ прямой путь къ непосредственному завоеванію правительственной власти; Лассаль же ограничивается лишь надеждой на то, что, при всеобщемъ избирательномъ правѣ, представительное учрежденіе наполнится людьми, которые „будутъ понимать ваше (рабочихъ) положеніе, будутъ преданы вашему дѣлу, будутъ стоять на вашей сторонѣ, вооруженные закаленною сталью науки, и съумѣютъ защищать ваши интересы!" Что̀ же значатъ эти слова, эти самыя важныя слова программы? Какое другое толкованіе можно имъ дать, кромѣ того, что Лассаль не счелъ возможнымъ ожидать даже отъ своей панацеи, даже отъ избирательнаго права—такой реформы, какъ установленіе отвѣтственности министровъ не предъ королемъ, а предъ парламентомъ? Дѣйствительность показала, что Лассаль кореннымъ образомъ ошибся относительно настроенія, которое, будто бы, должно царить въ парламентѣ, избранномъ всеобщей подачей голосовъ;

но мы не будемъ уклоняться въ сторону, примемъ пока мысль агитатора во всей ея полнотѣ: огромное большинство депутатовъ будетъ, якобы, проникнуто идеей помощи бѣднымъ, т.-е. своимъ избирателямъ; почему же имъ, этому парламентскому большинству, отводится сравнительно скромное амплуа совѣтчиковъ, спорщиковъ, борцовъ научнаго оружія? Надѣяться на ассоціацію оказывалось, очевидно, менѣе утопичнымъ, чѣмъ надѣяться на уменьшеніе прерогативъ прусскаго короля; мечты о будущемъ окрылялись лишь настолько, чтобы не залетать въ область предположеній, невѣроятныхъ для современниковъ; вся пропаганда Лассаля осталась запечатлѣнною этою характерною чертою — правительственнымъ эвдемонизмомъ, т.-е. твердою тенденціей вѣрить въ благія намѣренія правительства. Тридцатые и сороковые годы видѣли союзъ буржуазіи и правительства противъ пролетаріата; начало шестидесятыхъ годовъ увидѣло мимолетный разрывъ буржуазныхъ прогрессистовъ и бисмарковскаго правительства — и столь же мимолетную попытку устроить третье, еще не бывшее сочетаніе: союзъ рабочихъ и правительства противъ буржуазіи, т.-е. такой союзъ, при которомъ рабочіе могли мечтать о широчайшихъ экономическихъ реформахъ, и должны были гораздо сдержаннѣе относиться къ планамъ реформъ политическихъ. Попытка была мимолетная; личный характеръ Лассаля и Бисмарка сдѣлалъ ее особенно интересной. Организаторъ „рабочей демократіи“ и „министръ дома Гогенцоллерновъ“ видѣлись и говорили, и хитрили другъ съ другомъ, и весьма (по обоюднымъ отзывамъ) остались другъ другомъ довольны... Значеніе Лассаля, какъ основателя самостоятельной, навсегда отдѣлившейся отъ другихъ партіи, насъ здѣсь не остановитъ: укажемъ еще, что и сѣверо-германскій рабочій союзъ былъ проникнутъ такими же воззрѣніями, какъ его основатель и глава. Это были начинающіе люди, только поднимавшіе голову; они потомъ избрали себѣ другихъ „вождей“, другіе экономическіе и политическіе лозунги,—но и потомъ въ нихъ ровно настолько же не было никакихъ „алармистскихъ“ стремленій, какъ и при Лассалѣ. Еще разъ повторяемъ, что слово „революціонный“ употребляется нами всюду и исключительно въ томъ смыслѣ, какъ оно было въ модѣ и въ ходу въ 40-хъ годахъ, въ смыслѣ желанія осуществленія насильственнымъ путемъ извѣстныхъ цѣлей. Этотъ смыслъ нѣсколько узокъ, но зато онъ вполнѣ опредѣлителенъ, что весьма важно, когда имѣешь дѣло съ моднымъ словомъ, съ которымъ люди, разъ употребившіе его, почему-то никакъ не хотѣли разстаться и подкладывали подъ него разно-

образнѣйшія значенія, смотря по тому, какъ варіировались съ теченіемъ времени ихъ взгляды.

XI.

Въ одинъ изъ тѣхъ самыхъ лѣтнихъ дней 1862 года, когда Лассаль велъ свою пропаганду въ Германіи, все полицейское управленіе города Парижа было взволновано повелѣніемъ, полученнымъ изъ канцеляріи императора Наполеона III и по характеру своему занявшимъ совершенно исключительное мѣсто среди всевозможныхъ „входящихъ" бумагъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Являются къ префекту полиціи Буателю двое рабочихъ—Анри Толэнъ и Фрибуръ—и просятъ выдать имъ паспорты для поѣздки въ Лондонъ, на происходившую тогда (въ 1862 г.) всемірную выставку, въ качествѣ депутатовъ отъ парижскихъ рабочихъ. „Отъ какихъ парижскихъ рабочихъ?"—поинтересовался Буатель.—„Отъ союза парижскихъ рабочихъ",—отвѣчали просители.—„Рабочіе союзы запрещены закономъ. Такія ассоціаціи не имѣютъ права существовать и выбирать делегатовъ". На всѣ дальнѣйшія просьбы префектъ давалъ рѣзко-отрицательный отвѣтъ. Тогда Толэнъ и Фрибуръ рѣшили прибѣгнуть къ единственной возможной мѣрѣ—и обратились къ самому императору. Наполеонъ III, къ удивленію лицъ, интересовавшихся дѣломъ, приказалъ префекту выдать паспорты. Опять приходятъ Толэнъ и Фрибуръ къ Буателю, уже за паспортами. „Вотъ вамъ паспорты, — сказалъ префектъ, — но замѣтьте себѣ хорошенько, что документы эти выдаются вамъ въ видѣ исключенія, что это—подарокъ его величества государя, который стоитъ выше закона. Увѣряю васъ, что еслибы это зависѣло отъ меня,—ничего подобнаго во Франціи не случилось бы". Этотъ Буатель является въ своемъ родѣ любопытнымъ психологическимъ типомъ. Если наши читатели припомнятъ такъ прекрасно и наглядно обрисованную авторомъ „Misérables" фигуру полицейскаго Жавера, то они не ошибутся, отождествивъ Буателя съ героемъ Виктора Гюго. Прямолинейный фанатикъ идеи порядка и строгой власти, тонкій ищейка, всегда безошибочно чуявшій врага на далекомъ разстояніи,—Буатель не обманулся въ своемъ инстинктѣ и на этотъ разъ. Ничего особенно „опаснаго" въ его смыслѣ изъ поѣздки двухъ делегатовъ, положимъ, не вышло. Но во всякомъ случаѣ и Наполеонъ, разрѣшая выдать паспорты, врядъ-ли предвидѣлъ „возню" и непріятности, которыя произо-

шли. Толэнъ и Фрибуръ съ жаднымъ интересомъ приглядывались и прислушивались въ Лондонѣ къ окружающему, и вернулись въ Парижъ, восхищенные „трэдъ-юніонами". Идея легальныхъ рабочихъ союзовъ, *далекихъ отъ политической борьбы*, заботящихся только и исключительно о спеціально-экономической сторонѣ рабочаго быта, овладѣла ими всецѣло.

Весь 1863 годъ прошелъ въ дѣятельной популяризаціи въ Парижѣ трэдъ-юніоновъ; неожиданное обстоятельство помогло затѣѣ. Въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе; Наполеону понадобилось для чисто-дипломатическихъ цѣлей и интригъ устроить рядъ демонстрацій противъ русскаго правительства, и поэтому онъ посодѣйствовалъ уже по своей иниціативѣ новой поѣздкѣ французскихъ рабочихъ въ Лондонъ, для принятія участія въ митингѣ въ пользу поляковъ. Вотъ здѣсь-то, въ эту поѣздку, и окрѣпла мысль, къ которой давно уже склонялись Толэнъ и Фрибуръ. Французскій законъ гласилъ, что нельзя на территоріи имперіи устроивать рабочіе союзы, но онъ ничего не имѣлъ противъ участія французскихъ подданныхъ въ уже существующихъ или открывающихся за границею ассоціаціяхъ. Слѣдовательно, если-бы основать въ Англіи общество рабочихъ, то всѣ французскіе рабочіе станутъ смѣло записываться въ его члены: извѣстное единеніе будетъ достигнуто. Въ Пруссіи лишь вполнѣ миролюбивое отношеніе къ правительству гарантировало жизненность и популярность новаго предпріятія. Когда Лассаль говорилъ о необходимости всеобщаго избирательнаго права, онъ, съ одной стороны, настаивалъ, что исключительно мирная агитація путемъ слова и убѣжденія должна сдѣлать эту мысль популярною и склонить правительство къ ея осуществленію; съ другой стороны, пытался путемъ „союза" съ Бисмаркомъ получить искомое, и слухи объ этихъ сношеніяхъ и переговорахъ отнюдь не вредили дѣлу,—точно также Толэнъ, Фрибуръ и ихъ товарищи, разговаривая въ 1862, 1863 и 1864 годахъ съ старыми эмигрантами, „якобинцами" и революціонерами 1848 года, укрывшимися въ Англіи отъ преслѣдованія, всячески старались убѣдить ихъ, что новое затѣваемое ими „интернаціональное общество" только тогда будетъ имѣть успѣхъ во Франціи,—если не обнаружитъ никакихъ враждебныхъ чувствъ по отношенію къ императору. Эмигранты сердились, повторяли старомодныя пышныя фразы, говорили, что рабочіе „предаютъ дѣло свободы", что ихъ вожди подкуплены Бонапартами; представители парижскихъ рабочихъ возражали, что „ихъ собратьямъ пора думать о своихъ насущныхъ интересахъ, а не о замѣнахъ королей императорами и

императоровъ королями". Договориться эти спорщики, разумѣется, не могли ни до чего. Впрочемъ, французскіе эпигоны 1848 года до такой степени не понимали измѣнившейся картины, что ни въ какомъ отношеніи не могли быть полезны иниціаторамъ „интернаціональнаго общества". Въ концѣ-концовъ обратились къ иностраннымъ знаменитостямъ эмиграціи—къ Маццини, Марксу и другимъ. Статуты новаго общества, выработанные Марксомъ, были приняты общимъ собраніемъ (1-го ноября 1864 г.) единогласно, такъ же, какъ единогласно было высказано одобреніе его вступительной рѣчи, которую онъ предпослалъ статутамъ. Но раньше, нежели мы обратимся къ этимъ работамъ, замѣтимъ слѣдующую важную черту. Толэнъ и Фрибуръ, какъ уже было замѣчено, желали основать такое общество, которое могло бы объединить французскихъ рабочихъ, и, въ виду прямого запрета со стороны законодательства, рабочія ассоціаціи во Франціи остановились на мысли устроить организацію въ Лондонѣ, съ тѣмъ, чтобы французскіе рабочіе числились ея членами. Въ уставѣ Толэна и Фрибура слово „internationale" имѣло значеніе главнымъ образомъ какъ наиболѣе осмысленная и мотивированная кличка для общества, находящагося въ Англіи и состоящаго изъ французовъ. Назвать ассоціацію французскою нельзя было по внѣшнимъ причинамъ, а изъ оставшагося выбора слово „internationale" казалось наиболѣе подходящимъ; но, конечно, и тѣни намѣренія подчеркнуть „интернаціонализмъ" у Толэна, Фрибура и ихъ товарищей не было. Теперь посмотримъ, что сдѣлалъ Марксъ. Слишкомъ отрезвленная мысль была въ 60-хъ гг. у этого человѣка, чтобы надѣяться на основаніе „боевой интернаціонали", и какъ склонны были смотрѣть на это общество весьма многіе уже послѣ разгрома парижской коммуны; настолько все-же зналъ онъ исторію, чтобы не забыть страшную рѣдкость международныхъ насильственныхъ протестовъ противъ соціальнаго уклада; не могъ онъ приравнять свое время къ эпохѣ общеевропейскихъ крестьянскихъ бунтовъ XVI вѣка или даже хотя бы къ 1848 году. Но, съ другой стороны, онъ не оставилъ въ неприкосновенности начинавшей-было слагаться трэдъюніонистской физіономіи новаго общества. Марксъ захотѣлъ, чтобы оно носило международный характеръ въ смыслѣ „классовой организаціи", которая могла бы содѣйствовать знакомству и сближенію членовъ европейскаго четвертаго сословія.

Интернаціональное общество по своимъ статутамъ было организаціей для „поднятія духовнаго уровня и самосознанія трудящихся массъ, для моральнаго единенія европейскихъ рабочихъ",

а вовсе не конспиративнымъ обществомъ (nicht konspiratorische Gesellschaft), по опредѣленію одного изъ главныхъ участниковъ [1]). Не только въ теоріи, а и на практикѣ интернаціональное общество оставалось вполнѣ мирною ассоціаціей, ставившею себѣ въ видѣ конечнаго идеала и полное преобразованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не прибѣгавшею къ внушенію своимъ членамъ насильственнаго образа дѣйствій противъ какого бы то ни было правительства. *Экономическая*, а не политическая борьба, *стачки*, а не революціи—вотъ что составляло содержаніе короткой жизни интернаціональнаго общества. Та густая завѣса сознательной лжи, запугиваній и самозапугиваній, которая окутала непроницаемою дымкою интернаціональ послѣ парижской коммуны, препятствовала довольно долго ознакомленію съ истиннымъ характеромъ общества. Началось оно, какъ мы видѣли, отчасти подъ императорскою эгидою, хотѣло стать французскимъ трэдъ-юніономъ, сдѣлалось центральнымъ бюро пропаганды и, быть можетъ, мирно просуществовало бы до своей естественной смерти, еслибы не одинъ характерный эпизодъ. Но раньше, чѣмъ коснемся этого эпизода, пояснимъ, что смерть интернаціонали сдѣлалась вполнѣ естественною; когда ассоціація оказалась ненужною. Вѣдь и безъ того всю „текущую политику" интернаціональ предоставляла отдѣльнымъ уже существующимъ или же имѣющимъ зародиться мѣстнымъ партіямъ, себѣ же отводила роль, такъ сказать, представительства всего европейскаго рабочаго пролетаріата, верховное наблюденіе за „неприкосновенностью основныхъ принциповъ". Всѣ эти функціи, по мѣрѣ того, какъ крѣпли національныя партіи, захватывались ими: интернаціональ стала излишней—и исчезла.

XII.

„Въ концѣ ноября мы получили отъ Бакунина слѣдующее письмо: „15-го октября 1861 г. Друзья, послѣ долгаго странствованія, сегодня прибылъ я въ Санъ-Франциско. Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ, и, лишь только пріѣду, примусь за дѣло... Разрушеніе, полное разрушеніе австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю—дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики или даже въ прохвосты"... Вскорѣ послѣ этого сан-

[1]) „Der Hochverraths-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Hepner" (Berl. 1894), стр. 265.

гвиническаго извѣстія Бакунинъ прибылъ къ своему другу. Вотъ какъ тотъ его характеризуетъ: „Онъ былъ тотъ же, онъ состарѣлся только тѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ, какъ въ Москвѣ, во время всенощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ такъ же преданъ той идеѣ, такъ же способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ и еще больше готовъ на всякіе опыты, на всякую жертву... Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra, и рвался, довѣрчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу... Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 году, онъ сберегъ и привезъ ихъ, черезъ Японію и Калифорнію, въ 1861 году, во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ статьи „Реформы“ и „Vraie République“, рѣзкія рѣчи „de la Constituante“ и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи, все было на лицо... Европейская реакція не существовала для него, не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они были ему извѣстны вкратцѣ, издалека, слегка. Онъ ихъ *прочелъ*, будучи въ пустынѣ, такъ, какъ читалъ въ Кайдановѣ (учебникъ) о пуническихъ войнахъ и о паденіи римской имперіи. Какъ человѣкъ, возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ о тѣхъ, которые умерли, и вздохнулъ о нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 года были возлѣ, близки къ сердцу... все это было для него вчера, звенѣло въ ушахъ, мелькало предъ глазами“...

Мы привели эту длинную выписку потому, что она весьма отчетлива въ своихъ краскахъ и вводитъ насъ прямо in medias res. Бакунинъ по своей психологіи былъ обломкомъ минувшей эпохи, смотрѣвшимъ на шестидесятые годы тѣмъ взглядомъ, который былъ у него только въ 48-мъ году. Этому человѣку и суждено было нарушить внутреннюю жизнь „интернаціональнаго общества“. Сначала онъ вполнѣ одобрилъ статуты и рѣчь Маркса, которые подкупили его подчеркиваніемъ конечныхъ цѣлей общества, но это продолжалось весьма недолго. Призракъ 48-го года, заблудившійся среди другого поколѣнія, онъ желалъ рѣшительно и немедленно перейти къ „дѣйствіямъ“; въ сущности, онъ представлялъ себѣ возможнымъ быть „Revolutionsmaker“, дѣлателемъ революцій, какъ графъ Варвикъ былъ „Kingsmaker“, „дѣлатель королей“. Но спеціальность героя войны алой и бѣлой розы оказалось гораздо продуктивнѣе и легче. Когда Бакунинъ совершенно

ясно увидѣлъ, что практическая политика интернаціональнаго общества расходится весьма рѣзко съ его желаніями, онъ тотчасъ же началъ работать надъ созданіемъ новой самостоятельной группы. Уже на третьемъ конгрессѣ 1868 года (въ Брюсселѣ) онъ заставилъ обратить общее вниманіе на новое теченіе въ „интернаціонали"; депутаты романскихъ странъ—особенно Испаніи и Италіи—его поддерживали. Въ томъ же году основалась бакунистская „Alliance internationale de la démocratie socialiste", которая въ своемъ манифестѣ заявляла солидарность съ интернаціональю по вопросамъ принципіальнымъ, но прибавляла нѣкоторыя требованія, касавшіяся религіи, эмансипаціи женщинъ etc. Въ качествѣ способовъ дѣйствія, „Alliance" рѣшила прибѣгать къ заговорамъ бланкистскаго типа, къ прямому содѣйствію и поддержкѣ всякому революціонному „начинанію" въ западной Европѣ. Почему-то въ особенно сильной дозѣ сыпались рѣчи и велась полемика противъ учрежденій религіознаго характера: о такой анти-клерикальной, рѣзко выраженной тенденціи и помину не было въ засѣданіяхъ интернаціонали. За отсутствіемъ другихъ объясненій, можно вспомнить о романской расѣ, преобладавшей среди членовъ новой организаціи, т.-е. о расѣ, которая въ громадномъ большинствѣ исповѣдуетъ католицизмъ и подвергается весьма вліятельнымъ клерикальнымъ воздѣйствіямъ: рѣзкіе враги всего существующаго порядка вещей, члены „Alliance" остановились и на этой сторонѣ дѣла. Вскорѣ „Alliance" стала уже вполнѣ анархистской по своимъ идеямъ, и тогда всякая связь между нею и „интернаціональю" должна была порваться. Ссоры, раздоры, сплетни, неудовольствія между Марксомъ и Бакунинымъ и ихъ приверженцами не прекращались; оба они (за вычетомъ принципіальныхъ причинъ) какъ-то слѣпо и яростно другъ друга ненавидѣли и доходили до самыхъ неожиданныхъ взаимныхъ обвиненій и навѣтовъ.

Вліяніе Маркса на интернаціональ превышало авторитетъ Бакунина, и послѣдній, вмѣстѣ со своими товарищами, былъ, наконецъ, исключенъ изъ числа членовъ международной организаціи. Это произошло, впрочемъ, уже тогда, когда интернаціональ являлась лишь трупомъ, ожидавшимъ близкихъ похоронъ. Какъ уже было сказано, всѣ ея функціи были поглощены мѣстными національными партіями; самая же регламентированная и вліятельная изъ этихъ національныхъ партій сложилась окончательно лишь послѣ двухъ событій, опредѣлившихъ, по крайней мѣрѣ, на четверть вѣка всю европейскую политику и поддер-

жавшихъ во всей силѣ то настроеніе, которое родилось послѣ 1848 года.

Франко-прусская война и паденіе парижской коммуны произошли почти одновременно и способствовали, хотя и разными путями, одинаковому конечному моральному результату.

XIII.

Одною изъ характерныхъ чертъ европейской жизни послѣ крымской кампаніи явилось усиленіе военной жизни первоклассныхъ державъ. Болѣе чѣмъ когда-либо вопросъ о наличности сильной арміи сдѣлался вопросомъ національнаго самосохраненія. Время отъ 1815 до 1848 гг. было эпохой, когда европейскихъ войнъ не происходило за такими совершенно незначительными исключеніями, какъ, напримѣръ, франко-испанское столкновеніе 1823 г. Это была пора боязни революцій и карбонаріевъ, преувеличеннаго страха предъ таинственными заговорами, пора традицій „священнаго союза", по крайней мѣрѣ, въ той ихъ части, которая касалась охраны международнаго порядка. Франція при Бурбонахъ почти отсутствовала на европейской политической сценѣ уже по тому одному, что была слишкомъ поглощена внутренней борьбой: съ 1830 года французское правительство старательнѣйшимъ образомъ избѣгало всякихъ поводовъ къ вооруженному конфликту: не было жертвы, которую задумался бы принести Луи-Филиппъ для поддержанія мира. Любопытная особенность эпохи заключается въ томъ, что и державы тогда группировались по отличительнымъ особенностямъ системы ихъ управленія: на западныя, парламентарныя, и на восточныя, абсолютистскія,—и несмотря на всѣ столкновенія между Англіей и Франціей, эта группировка довольно многозначительно подчеркивалась. Пруссія и Австрія, въ особенности первая, находились подъ могущественнымъ давленіемъ Россіи, которая собственно и могла бы одна играть вполнѣ активную роль во внѣшней политикѣ на континентѣ, но опять-таки основной мотивъ всѣхъ дѣйствій Нессельроде сводился къ борьбѣ съ тѣмъ, что̀ тогда называлось европейской „революціонной" пропагандой. Матеріальныя выгоды, территоріальные „результаты" довольно явственно отступали при этомъ на второй планъ. Нѣмецкимъ державамъ отводилась роль буффера противъ наплыва революціонныхъ идей изъ Франціи, за что имъ гарантировались покровительство и благосклонное отношеніе, чѣмъ эти державы почти все время оставались очень довольны.

Развивавшаяся безостановочно экономическая жизнь все громче и настоятельнѣе кричала противъ всѣхъ этихъ, если умѣстно будетъ такъ выразиться, идеалистическихъ отношеній; теоретическія и моральныя построенія, національныя симпатіи и антипатіи требовали также передѣлки status quo. Промышленныя буржуазіи западной Европы, при полной, коренящейся въ самомъ существѣ дѣла, непримиримости своихъ интересовъ, нуждались въ сильной активной и самостоятельной политикѣ; національное самолюбіе прусскаго общества оскорблялось восточнымъ вмѣшательствомъ; французскій шовинизмъ негодовалъ на Луи-Филиппа за скромность и робость; и крупныя, и мелкія, и экономическія, и моральныя причины, на которыхъ некстати было бы тутъ подробно останавливаться, еще до 1848 года подкашивали положеніе, созданное дипломатіей восточныхъ державъ. 1848-ой годъ довершилъ дѣло замѣны одной международной политической системы другою; можетъ быть, эта перемѣна и оказалась единственно прочной изъ всѣхъ событій и послѣдствій 1848 года; слово *навсегда* вообще употреблять довольно рискованно, когда рѣчь идетъ объ исторіи дипломатіи, но, во всякомъ случаѣ, на очень долгое время система первой половины вѣка стушевалась и поблекла.

Это измѣненіе обусловило въ весьма сильной степени увеличеніе военнаго могущества европейскихъ державъ (конечно, понимая военное могущество здѣсь въ абсолютномъ, а не относительномъ смыслѣ слова). Международное соревнованіе выступило на первый планъ и потребовало созданія колоссальныхъ армій и постояннаго стремленія къ совершенствованію боевого оружія; европейскія правительства становились годъ отъ году абсолютно сильнѣе (относительныя ихъ средства насъ здѣсь не интересуютъ); можетъ быть, со временъ установленія въ Европѣ сословныхъ монархій не было такого быстраго увеличенія правительственной власти, какъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Мы говоримъ тутъ не только о моральномъ вѣсѣ этой власти (чего мы коснулись въ предшествующихъ главахъ), но также и о приращеніи чисто физической мощи. Относительная для внѣшней политики, эта мощь была абсолютной для внутреннихъ отношеній; матеріальная консолидація правительства и во Франціи, и въ Австріи, и въ Германіи, придала особую цѣну его твердой тенденціи поддерживать общественный порядокъ, и въ этомъ-то заключается причина, почему, говоря объ эволюціи общественнаго настроенія въ Европѣ, нельзя не коснуться и милитаризма. „Какими карточными домиками разлетѣлись бы іюльскія баррикады 1830 года и мартовскія 1848 года отъ одного выстрѣла крупповской пушки!“

Однако, 1871-й годъ, срединный годъ описываемаго милитарнаго періода, былъ временемъ, когда во Франціи вдругъ восторжествовало радикальное возстаніе; это обязываетъ насъ напомнить условія его торжества.

XIV.

Франко-прусская война является въ своемъ родѣ единственною по необыкновенно быстрому уничтоженію регулярныхъ армій побѣжденной страны. 15-го іюля (н. ст.) была объявлена война, а черезъ 50 дней въ распоряженіи французскаго правительства оставалось лишь пятьдесятъ генераловъ, шесть тысячъ офицеровъ и сто-семьдесятъ-четыре тысячи солдатъ, запертыхъ въ Мецѣ. Имперія была низвержена, такъ какъ, разумѣется, въ Парижѣ оппозиція противъ бонапартизма являлась болѣе сильной, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Пока правительство располагало всѣми своими физическими силами, эта оппозиція не могла и думать о возстаніи, да и не только за страхъ, но и за совѣсть весьма многіе изъ лицъ, причислявшихъ себя къ оппозиціи, серьезно не желали даже чисто политической революціи. Не даромъ третью республику на первыхъ порахъ называли „республикой безъ республиканцевъ". Негодованіе противъ того, кого считали виновникомъ седанской катастрофы, воспоминанія, выраженныя въ словахъ прокламаціи Hôtel de Ville: „республика спасла насъ отъ нашествія 1792 года", желаніе и необходимость поскорѣе перенести на кого-нибудь другого свое довѣріе, не оправданное капитулировавшимъ императоромъ, — все это способствовало внезапному взрыву, а не удасться этотъ взрывъ *не могъ*, вслѣдствіе самаго полнаго *отсутствія сопротивленія*. Немногочисленные батальоны, остававшіеся въ Парижѣ, можетъ быть, могли бы на нѣсколько часовъ задержать торжество возставшихъ, еслибы они пытались противодѣйствовать, но они опустили свои ружья, а офицеры разошлись по домамъ: 4-го сентября совершилась единственная въ исторіи Франціи перемѣна правительства, имѣвшая революціонный видъ и не стоившая ни одному человѣку жизни. Черезъ семь недѣль капитулировалъ наконецъ и Базенъ, и для насъ обстоятельства, сопровождавшія эту капитуляцію, въ особенности любопытны. Дѣло въ томъ, что какъ только 31-го октября, утромъ, появилось въ Парижѣ извѣстіе о паденіи Меца, вспыхнуло броженіе противъ республиканскаго правительства, провозглашеннаго 4-го сентября. Грегуаръ превосходно характеризуетъ положеніе дѣлъ: „Лица, вла-

дѣвшія 4-го сентября властью, жили точно на плоту, готовомъ каждую минуту погрузиться въ воду. Они представляли собою какъ бы золотую середину, и на этомъ основаніи были приняты всѣми партіями въ минуту страшной опасности; но въ дѣйствительности они занимали совершенно изолированное положеніе. Крайнія фракціи республиканской партіи, желавшія коммуны, считали ихъ реакціонерами и боролись съ ними, какъ съ монархистами, а монархисты и католики ненавидѣли ихъ наравнѣ съ самыми злѣйшими революціонерами; если монархисты и оказывали имъ помощь, то только противъ воли, изъ страха передъ крайнею партіею. Правительство національной обороны не располагало при этомъ ни одною изъ организованныхъ силъ, находящихся обыкновенно въ распоряженіи правильно организованной власти. Оно начало свою дѣятельность съ обрывкомъ арміи... полиція отсутствовала".

Взятіе Меца пруссаками до такой степени ослабило и пошатнуло положеніе правительства въ Парижѣ, что стало возможнымъ событіе, которое по всей справедливости можетъ быть названо первымъ предзнаменованіемъ, первою зарницею коммуны: Флурансъ, Мильеръ, Феликсъ Піа, Делеклюзъ, Бланки, сопровождаемые громадной толпой, ворвались въ зданіе Думы. Они больше перепугали правительство, чѣмъ нанесли ему серьезный вредъ въ этотъ день, 31-го октября. Война вступала въ свой самый болѣзненный фазисъ; вниманіе общества было направлено только и исключительно на вѣроятныя условія будущаго мира, на новыя и новыя свѣдѣнія, приходившія изъ восточныхъ провинцій о страшныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ пруссаками, на шансы всенароднаго ополченія. Парижъ съ недоумѣніемъ и апатіей отнесся къ происшествію 31-го октября; Франція даже не замѣтила его.

Вскорѣ подоспѣли событія, которыя на время сдѣлали невозможною какую бы то ни было сильную внутреннюю борьбу; началась осада Парижа. Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій и сдачи столицы, трудно было бы даже рѣшить, чей нравственный маразмъ и чье физическое изнеможеніе больше — войскъ или парижанъ. Громадное большинство парижанъ, конечно, было недовольно правительствомъ и обнаруживало наклонность обвинять именно его неумѣлость, неловкость и трусливость въ ужасныхъ пунктахъ мирнаго условія и въ бѣдствіяхъ, которыя теперь всѣ оказывались безплодными и напрасными. Но это недовольство у большинства выразилось самымъ мирнымъ способомъ: на выборахъ члены правительства были

(кромѣ Жюля Фавра, Гамбетты и Доріана) забаллотированы во всѣхъ парижскихъ округахъ; однако эти же выборы, на которыхъ прошли Делеклюзъ, Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Мильеръ, Феликсъ Піа, Малонъ, — показали, что радикальная группа въ Парижѣ сильна. Идеалы этой радикальной группы были неоднородны: одни желали установленія во Франціи федераціи отдѣльныхъ самоуправляющихся коммунъ; другіе, сверхъ того,—возможно скорѣйшаго перехода къ новому экономическому устройству общества; третьи являлись только республиканцами всѣхъ разновидностей стараго якобинскаго типа, но всѣ вмѣстѣ, во-первыхъ, не вѣрили ни одному слову Тьеровскаго правительства и считали его способнымъ, сознательно или безсознательно, бросить страну къ ногамъ которой-нибудь изъ монархическихъ реставрацій; во-вторыхъ, они являлись единственной группой, сохранившей, среди всеобщаго упадка духа и растерянности, энергію и желаніе дѣйствовать. Эти двѣ черты сходства объединили радикальную партію. Въ этотъ моментъ чисто физической слабости правительства, раздавленнаго внѣшнимъ непріятелемъ, парижскіе радикалы, на сторонѣ которыхъ находилось рабочее населеніе Парижа, и оказались въ состояніи захватить власть надъ Парижемъ. У правительства въ распоряженіи находились исключительно такъ называемые маршевые полки, т.-е. такія воинскія части, которыя были сформированы изъ нестроевыхъ солдатъ, давно вышедшихъ въ запасъ стариковъ, изъ волонтеровъ, которые часто не умѣли стрѣлять. Дисциплина среди этихъ маршевыхъ полковъ до того отсутствовала, что еще до заключенія мира они требовали громогласно прекращенія войны. Рабочіе, всецѣло повиновавшіеся радикальной группѣ, составляли наиболѣе активную часть національной гвардіи, вооруженной съ ногъ до головы и удерживавшей въ своихъ рукахъ 250 пушекъ.

Попытка правительства отнять эти пушки оказалась при описанныхъ условіяхъ совершенно неудачной. Такъ какъ пятидесятидневное владычество коммуны гораздо болѣе объяснимо, какъ случайный военный эпизодъ, чѣмъ какъ послѣдствіе дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ, то мы приведемъ изъ сочиненія военнаго историка [1]) справедливо заинтересовавшее его описаніе событія 18-го марта. Описаніе это сдѣлано Жюлемъ Кляреси и заслуживаетъ всякаго довѣрія. „Съ разсвѣтомъ 18-го марта генералъ Лекомтъ, пройдя къ Монмартру со стороны Сѣвернаго кладбища, наступалъ съ войсками вдоль

---

[1]) См. у г. Бліоха

улицы Меркадэ, между тѣмъ какъ генералъ Потюрель шелъ путемъ бульваровъ. Обѣ колонны соединились вокругъ пушекъ (которыя нужно было отнять отъ инсургентовъ). Національные гвардейцы смутились, видя себя окруженными. Только рѣдкими выстрѣлами они обмѣнялись съ жандармами и гражданской стражей, находившимися во главѣ колонны. Національные гвардейцы, взятые въ плѣнъ, были отведены въ улицу Розье́, въ домъ, въ которомъ помѣщался комитетъ, а генералъ Леконтъ занялся осмотромъ орудій и уничтоженіемъ загородокъ. Онъ ожидалъ лошадей для перевозки орудій, и въ этомъ ожиданіи онъ оставался вмѣстѣ со своими войсками четыре часа, въ теченіе которыхъ солдаты оставались подъ ружьемъ. Въ это время проснувшійся Монмартръ вооружался. На улицахъ били сборъ. Сбѣгались женщины и, приближаясь къ солдатамъ, ругали ихъ или увѣщевали не стрѣлять въ народъ. Это были солдаты маршевыхъ полковъ, пришедшихъ изъ провинціи, деморализованные испытаннымъ пораженіемъ, весьма склонные преклоняться предъ парижанами. Видя себя окруженнымъ толпой и чувствуя опасность своего положенія, генералъ Леконтъ хотѣлъ-было приказать своимъ стрѣлкамъ очистить штыками дорогу сквозь толпу, обступившую его штабъ, но это оказалось невозможнымъ. Солдаты уже большею частью сложили ружья и вышли изъ повиновенія. Они допустили бунтовщиковъ схватить генерала и отвести въ домъ улицы Розье́, въ которомъ были арестованы національные гвардейцы. Послѣднихъ выпустили, а генералъ Леконтъ, послѣ отказа его подписать приказъ объ отступленіи войскъ, былъ отведенъ и заключенъ съ нѣкоторыми изъ его офицеровъ въ Шато-Ружъ. Послѣ этого національные гвардейцы пошли по направленію къ солдатамъ колонны, часть коихъ, встрѣчаясь съ ними по дорогѣ, присоединялась къ возмутившимся... Солдаты въ безпорядкѣ разсыпались по Парижу, какъ бы послѣ пораженія".

Борьбы совершенно не было, и городъ попалъ въ руки радикальнаго „центральнаго комитета" въ этотъ день 18-го марта 1871 года столь же легко, какъ 4-го сентября 1870 года онъ попалъ въ руки лицъ, провозгласившихъ республику. Революціонные дѣятели, не взирая на довольно значительныя разногласія въ своихъ экономическихъ взглядахъ, примирились временно на политическомъ идеалѣ федераціи автономныхъ общинъ („коммунѣ"), хотя бланкисты и „якобинцы" весьма скоро повели противъ коммунальнаго правительства внутреннюю борьбу. Въ общемъ же большинство дѣятелей коммунальной эпохи ока-

зались чистыми „политиками“ той или иной разновидности радикальнаго типа, а меньшинство (весьма, впрочемъ, значительное) являлось соціалистическимъ, въ духѣ либо Луи Блана, либо „интернаціональнаго общества рабочихъ“. Вся Франція была, разумѣется, на сторонѣ версальскаго правительства въ его борьбѣ съ коммуной; очень скоро послѣ подавленія коммуны, дала себя знать во всей странѣ сильнѣйшая монархическая оппозиція, но пока провинція всецѣло поддерживала то версальское правительство, которое, по извѣстному Тьеровскому выраженію, являлось въ глазахъ своихъ друзей „борцомъ за цивилизацію“. Ненависть къ парижскому движенію быстро объединила и встряхнула и буржуазію, и крестьянъ, и даже возвращенную изъ прусскаго плѣна армію; правительство получило возможность располагать всѣми своими силами, и взятіе столицы версальцами также свелось исключительно къ тактической проблемѣ. Въ маѣ наступила расплата; правительство какъ будто мстило за свою минутную слабость: даже іюньскіе дни 1848 года не видѣли такого кровопролитія, хотя коммуна за всѣ 53 дня своего господства не произвела на умы правящихъ сферъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ четырехдневныя баррикады въ іюнѣ 1848 года, да и воспоминанія 1871 года оказались менѣе долговѣчными. Нельзя даже сказать, что въ исторіи паденія революціонизма гибель коммуны сыграла особенно замѣтную роль; историческій приговоръ надъ тяжбою двухъ классовъ, состоявшійся въ 1848 году, продолжалъ тяготѣть надъ ними обоими,—безпомощность и оброшенность коммуны только иллюстрировали все глубже и шире распространявшееся убѣжденіе, что время для „кассаціи“ этого приговора насильственнымъ путемъ—прошло. Но раньше, чѣмъ перейти къ заключенію нашей статьи, мы должны коснуться явленія, развившагося на европейской почвѣ уже послѣ парижской коммуны и находящагося съ нею въ нѣкоторой—не только хронологической—связи.

XV.

Анархизмъ принадлежитъ къ такимъ явленіямъ европейской жизни, которыя труднѣе всего поддаются вполнѣ точному анализу, не столько вслѣдствіе своей сложности, сколько вслѣдствіе терминологической путаницы, сопряженной съ ихъ обозначеніями. Анархическія теоріи Каспара Шмидта (Макса Штирнера), Прудона и другихъ подобныхъ имъ писателей, не стоятъ рѣшительно

ни въ какой связи съ анархистской „практикой", и однако, какъ теорія, такъ и практика обозначаются однимъ и тѣмъ же терминомъ. Прямымъ переходомъ, живымъ мосткомъ, отъ старыхъ теоретиковъ къ новѣйшему движенію явился Бакунинъ, но логичностью эта связь никогда не могла похвалиться.

Въ существѣ дѣла анархистская теорія—фантазія, желающая стать дѣйствительностью, и анархистская практика—дѣйствительность, похожая на кровавый бредъ,—не стоятъ и не могутъ стоять ни въ какой причинной зависимости. Начиная съ средневѣковыхъ „братьевъ свободнаго духа", продолжая крайними германскими сектами временъ реформаціи, и наконецъ кончая упомянутыми теоретиками XIX столѣтія, анархистскія воззрѣнія—то вплотную, то мимолетно, то маленькими искорками, то большимъ пожаромъ—не переставали появляться въ Европѣ. Весьма часто (хотя не всегда) анархистская теорія въ качествѣ непремѣннаго условія для своего осуществленія требовала и предполагала общую близость къ нравственному совершенству, безъ котораго уничтоженіе общественной власти представлялось слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ. Индивидуально-этическая окраска осталась присущей въ той или иной мѣрѣ всѣмъ анархистскимъ теоріямъ. Ни одно изъ этихъ ученій не могло сдѣлаться никогда популярнымъ въ XIX вѣкѣ, когда исчезла всякая тѣнь какого бы то ни было этическаго оптимизма, вѣры въ возможность быстраго искорененія анти-соціальныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Второю причиною полнаго равнодушія народныхъ массъ къ анархистскимъ теоріямъ можно счесть ихъ радикальное противорѣчіе съ такими общественными идеалами, которыхъ осуществленіе обусловлено наличностью сильной правительственной власти, хотя бы и находящейся въ рукахъ четвертаго сословія. Одновременный успѣхъ соціализма и анархизма былъ бы логической нелѣпостью и исторической невозможностью, и тѣ враждебность и недовѣріе, которыя никогда не прекращались между представителями обоихъ теченій, довольно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что внутренняя ихъ противоположность не могла ни на минуту замаскироваться.

Наступили семидесятые годы; возникла и пала коммуна; милитаризмъ все болѣе и болѣе упрочивалъ господствующій строй; колоніальная политика міровыхъ державъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ привела къ раздѣлу и захвату внѣ-европейскихъ земель, послужившихъ новымъ рынкомъ для сбыта произведеній промышленности и новымъ клапаномъ для выхода капиталистическихъ паровъ; обозначившаяся уже послѣ 1848 года невозможность

ждать соціальнаго кризиса становилась все болѣе и болѣе очевидной,—и какъ разъ въ это время начались анархистскія покушенія. Для будущаго изслѣдователя исторической патологіи анархистская практика представитъ неистощимый и незамѣнимый матеріалъ для выводовъ, и уже, конечно, меньше всего его займетъ связь между практикой и теоріей анархизма. Анархистская „практика" развилась какъ разъ въ тѣ годы, когда революціонизмъ окончательно исчезъ изъ настроенія рабочей партіи и еще не вполнѣ исчезъ изъ ея „оффиціальной" программы. Анархизмъ задумалъ взять на себя роль „перваго шага", „перваго толчка", и полное его фіаско въ этой роли весьма скоро выяснилось вполнѣ удовлетворительно. Анархистскія покушенія продолжались уже какъ проявленіе чисто индивидуальныхъ чувствъ, стоявшихъ въ полномъ противорѣчіи съ чувствами большинства. Весьма сложный душевный комплексъ этихъ людей совершенно не можетъ входить въ рамки научной работы; психологія лютой озлобленности и безнадежности со всѣми своими послѣдствіями могла бы стать ясной только подъ перомъ художника. Великій и мрачный геній Достоевскаго могъ бы не погнушаться такой темы, и только ему она и была бы по плечу; но такъ какъ за послѣднія десятилѣтія во всемірной литературѣ Достоевскихъ не было, а были только Зола, то въ формѣ художественнаго изображенія анархиста читающая публика получила одну смѣшную картонную фигурку Сальва (въ „Paris"), который на протяженіи многихъ печатныхъ листовъ не произноситъ ни одного слова, дико озирается и держитъ руку за пазухой, гдѣ у него помѣщена бомба.

Кончая эти бѣглыя замѣчанія, замѣтимъ, что если самое появленіе анархистской практики знаменовало собою послѣднія судорожныя усилія единичныхъ лицъ приблизить общественный кризисъ, все болѣе и болѣе исчезавшій за горизонтомъ историческаго предвидѣнія, то полная неудача этой „практики" еще разъ подчеркнула невозможность искусственнымъ путемъ воскресить застывшее настроеніе и заглохшія привычки мысли, и обнаружила всю нелѣпость и безплодность такихъ попытокъ.

XVI.

Въ началѣ настоящей работы мы имѣли случай указать на тотъ фактъ, что усиленію рѣзкости движенія въ первой половинѣ XIX столѣтія не мало способствовала предполагавшаяся не-

возможность ожидать улучшенія своей судьбы отъ правящихъ круговъ, отъ правительства и капиталистовъ. Этотъ психологическій мотивъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, хотя нѣтъ особой нужды преувеличивать его значеніе. Во второй половинѣ кончающагося столѣтія, положеніе вещей и тутъ измѣнилось: громадное, неслыханное развитіе промышленности позволяло капиталистамъ мириться и съ укороченіемъ рабочаго дня, и съ повышеніемъ заработной платы, и съ обязательными страхованіями, а упрочившіеся новые политическіе порядки, съ участіемъ рабочихъ въ парламентахъ, давали этому толчокъ. Положеніе рабочаго класса во всѣхъ промышленныхъ странахъ улучшилось, и обнаружилась даже небывалая раньше тенденція: извѣстная часть рабочаго класса, ставя въ зависимость развитіе собственнаго благосостоянія отъ захвата государствомъ внѣшнихъ рынковъ, сблизилась съ промышленною буржуазіей какъ разъ въ области самыхъ существенныхъ вопросовъ; увлеченіе милитаризмомъ, маринизмомъ и колоніальными успѣхами несомнѣнно коснулось уже и англійскаго, и нѣмецкаго, и французскаго рабочаго. Такимъ образомъ, если рабочій классъ въ его цѣломъ пересталъ быть революціоннымъ *за страхъ*, то часть этого класса перестала быть революціоннымъ *и за страхъ, и за совѣсть*.

Констатируя этотъ фактъ, необходимо предостеречь отъ слишкомъ ужъ большого преувеличенія его значенія. Часто слышатся голоса, исходящіе иногда отъ несомнѣнно добросовѣстныхъ знатоковъ Германіи, что недавно вышедшая книга Бернштейна, окончательно хоронящая старое направленіе, и полная побѣда, одержанная этой книгою, объясняются тѣми „эксплоататорскими инстинктами", которые живутъ въ душѣ многихъ членовъ рабочаго класса и заставляютъ его вмѣстѣ съ буржуазіей привѣтствовать отвоеваніе внѣшнихъ рынковъ у другихъ націй. Объяснять дѣло такъ—значитъ брать partem pro toto, часть причинъ вмѣсто ихъ совокупности. Книга Бернштейна, побѣдившая въ 1899 году, начавшая побѣждать въ 1897 и 1898, когда она еще появлялась статьями, ничего новаго въ кризисъ не внесла. Не съ девятидесятыхъ и не съ восьмидесятыхъ, и не съ семидесятыхъ годовъ началось то движеніе, окончательнымъ литературнымъ учетомъ котораго явилась книга Бернштейна. Вся предлагаемая нами работа стремится показать, что соціальныя причины дѣйствовали въ этомъ смыслѣ и раньше, и сильнѣе, чѣмъ чисто экономическія; исчезла брешь въ линіи правящихъ классовъ; ихъ лагерь объединился и примирился; его дисциплина возросла; его средства обороны и нападенія, и численно, и технически, усили-

лись,—и то, что прежде его врагамъ казалось (и то лишь казалось) возможностью,—стало очевиднымъ донъ-кихотствомъ. На этой почвѣ ученіе о „катастрофахъ“ вывѣтрилось и потеряло жизненность; о немъ говорили, но ему не вѣрили. Изъ году въ годъ въ Сенъ-Галленѣ, въ Эрфуртѣ, въ Штутгартѣ, повторялись стереотипныя фразы, мертвыя, сѣрыя, холодныя... Настали девятидесятые годы; колонизаторскіе успѣхи, дѣйствуя въ ту же сторону, не усилили движенія особенно замѣтно, а только привнесли въ него новый характерный элементъ: „эвдемонизмъ“, тенденцію вѣрить въ добрые плоды совершающейся эволюціи. Бернштейнъ предлагалъ своей партіи „сдѣлаться и по имени“ тѣмъ, что она есть уже давно на самомъ дѣлѣ, т.-е. партіей мирныхъ реформъ: эта партія дѣйствительно таковою давно уже стала.

Сознаніе, что, въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія, нельзя толковать ни о какомъ „кризисѣ“; что начертанная, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, схема оказалась совершенно неоправданною; что исторія пошла по совсѣмъ другому руслу,—для многихъ явилось слишкомъ болѣзненнымъ. Ломка старыхъ вѣрованій дешево не обходится ни тѣмъ, въ душѣ которыхъ она происходитъ, ни тѣмъ, кого въ ней обвиняютъ. Ни въ чемъ неповинная, скучная, наполненная добродушными, беззубыми нѣмецкими остротами [1]), брошюра Бернштейна попала подъ такой залпъ полемическихъ выстрѣловъ, которые психологически вполнѣ понятны, но юридически несправедливы, ибо поражаютъ невиновнаго. Бернштейнъ сталъ персонификаціей совершившагося кризиса, ненавистнаго и неугоднаго многимъ „обращенія партіи“. Одновременно съ этими нападками лихорадочно выискивались такіе факты текущей дѣйствительности, которые можно было бы выставить противъ утвержденій Бернштейна. 28 іюня 1899 года, въ Бельгіи вспыхнули продолжавшіеся пять дней уличные безпорядки, приведшіе къ отставкѣ клерикальнаго министра Ванденпербоома и къ устраненію (впрочемъ, временному) клерикальнаго проекта избирательной реформы. Въ Германіи и во Франціи раздавались голоса, говорившіе, что сама жизнь опровергла „умѣренныхъ“. Разумѣется, эти голоса были неправы; разумѣется, бельгійскіе безпорядки, если даже и примѣнить къ нимъ громкое слово „революція“,—чего, въ сущности, дѣлать нѣтъ никакой надобности,—были волненіемъ стараго типа: здѣсь соединенные буржуазные политики-либералы боролись рука объ руку съ крайней лѣвой, противъ клерикализма, т.-е. противъ одной изъ силъ прежняго

[1]) „Kant gegen Cant“ etc.

порядка, сохранившей именно въ Бельгіи до сихъ поръ угрожающую позицію. И врагъ, и группировка силъ, были тутъ прежніе; оттого-то событіе и могло имѣть мѣсто. Дѣлать отсюда выводъ о возможности близкой соціальной катастрофы, хотя бы въ этой самой Бельгіи (не говоря уже о большихъ военныхъ государствахъ Европы), нѣтъ совершенно никакихъ основаній. Говорить объ этомъ серьезно можетъ или притворство, или непониманіе, или самообманъ...

Громадная, твердая правительственная власть покоящаяся на основаніяхъ и матеріальнаго, и духовнаго порядка, — таковъ несомнѣнный фактъ нынѣшней, текущей исторіи западной Европы, исторіи „en marche"; эта власть тысячью узъ связана и обусловлена процвѣтаніемъ могущественныхъ слоевъ общества и сама его обусловливаетъ; она располагаетъ невиданными и неслыханными до сихъ поръ средствами военной борьбы; наконецъ, она глубоко сознательна и опытна: исторія и для нея не прошла даромъ. Кто же стоитъ противъ нея въ боевой готовности? Никто не стоитъ — и стоять не можетъ: это было бы историческимъ „nonsens", полною „абстрактностью поведенія", свойственною лунатикамъ. Кадры враговъ власти порѣдѣли отчасти отъ явной безнадежности борьбы, отчасти отъ надежды на эту власть, оттого, что она сама нѣсколько измѣнилась, отчасти оттого, что она, по широко распространенному воззрѣнію, нужна, какъ игемонъ націй, въ ожесточенной борьбѣ за рынки и другія блага, т.-е. за то, что̀ представляется нужнымъ всѣмъ, и капиталистамъ, и рабочимъ. Новыя, трудныя задачи выдвигаются предъ европейскими націями,—не идеалы, а практическія задачи, заслоняющія собою старыя ученія. Одни, видя, какъ уходятъ эти старыя тѣни, которыя такъ долго и сильно вліяли на психику цѣлаго ряда поколѣній, повторяютъ съ горечью слова Экклезіаста: „суета суетъ и все суета"; другіе хотятъ уцѣпиться за эти уходящія тѣни своими старческими руками и удержать ихъ; третьи провожаютъ ихъ равнодушно глазами и обращаются къ трудной и сложной работѣ настоящаго, которая, какъ они думаютъ, сулитъ имъ широкія перспективы матеріальнаго благополучія; четвертые, не квалифицируя кризиса, довольствуются его регистраціей. Но, при всемъ разнообразіи въ отношеніяхъ къ закончившемуся повороту общественной мысли, одно условіе обязательно для всякаго, желающаго въ немъ разобраться: это—пристальное изученіе какъ самого факта, такъ и вообще европейской исторіи. Если знаніе есть сила, то оно можетъ побѣдить и самыхъ могуще-

ственныхъ своихъ враговъ—предразсудки и предвзятыя мысли. Какое отношеніе готовитъ человѣкъ развертывающейся предъ нимъ драмѣ,—зависитъ отъ его темперамента и тысячи другихъ причинъ, но знать эту драму, стараться всесторонне ее разслѣдовать—нельзя считать излишнимъ...

Евг. Тарле.

НА ЛАЗУРНОМЪ ЛЕМАНѢ

РАЗСКАЗЪ

I.

„Montreux, 15 апрѣля 189.. г.—Милая мáма! Доѣхала я благополучно и квартиру нашла въ томъ видѣ, какъ ты договорилась,—вполнѣ омеблированною, оклеенною зáново. Сундуки пришли давно. Завтра примемся съ Петровной разбирать ихъ, но установить порядокъ не съумѣемъ безъ тебя. Пріѣзжай какъ можно скорѣе. Если ты не развязалась еще съ женевской квартирой, то брось ее,—что-жъ дѣлать, когда такъ случилось! Ты гнала меня сюда ради здоровья моего,—то и подумай же о немъ: одна я совсѣмъ изною отъ скуки. Знаменитый русскій докторъ живетъ не въ Кларанѣ, какъ сказали тебѣ, а въ Вевѐ—третья станція отъ Монтрё, на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ (есть и электрическая „конка"). Человѣкъ онъ хорошій, всѣхъ русскихъ больныхъ принимаетъ, но денегъ съ нихъ не беретъ,—и это также требуетъ твоего пріѣзда: пока ты не повидаешься съ нимъ и не заручишься согласіемъ, мнѣ отправиться къ нему неловко. Народъ здѣшній много обходительнѣе женевцевъ, дважды замороженныхъ—бизой и кальвинизмомъ... И биза эта несносная не извѣстна здѣсь совсѣмъ. Даже когда бушуетъ растревоженный ею Леманъ (помнишь, какъ онъ въ Женевѣ выкидывалъ барки на набережную!), воздухъ въ Монтрё такъ тепелъ и спокоенъ, что на берегу хоть пасьянсъ раскладывай... Странно, не правда ли? Причина въ томъ, что съ сѣверо-востока, откуда

приносится милая женевская la bise, Монтрё и вся эта часть побережья защищены Водуазскими горами, и вѣтеръ врывается начиная лишь съ Лозанны"...

Въ бѣломъ батистовомъ пеньюарѣ, сосредоточенная, съ нахмуренными бровками, Анна Николаевна Китаева—Нанси, какъ всѣ звали ее съ дѣтства,—отбросила исписанный ею этотъ листокъ и принялась за другой. Разсыпавшіяся темныя кудри ея (завитыя природой) скользили по японскому столику, обращенному въ письменный; мотыльки, набравшіеся чрезъ жалюзи балконной двери, выходившей въ виноградникъ, вились вокругъ лампочки, попадали въ чернильницу...

„Ты удивляешься, что я такъ скоро стала au courant?—продолжала Нанси.—Открою тебѣ этотъ секретъ. На пароходѣ познакомилась я съ однимъ русскимъ семействомъ, живущимъ въ горахъ, надъ Монтрё,—нѣкіими Драшусовыми. Самъ онъ—вполнѣ благополучный уѣздный предводитель, восхищающійся необыкновенными успѣхами русской промышленности и институтомъ земскихъ начальниковъ; она—что-то пышное, круглое, съ претензіей на кокетство. Оба трудноваримы... Но два мальчика ихъ, еслибы ты видѣла, просто прелесть! Былъ еще учитель, Владиміръ Ивановичъ Погожевъ,—онъ и поставилъ меня au courant необходимыхъ свѣдѣній... Хочешь, чтобы я описала его? Онъ блондинъ, красивый—то-есть, лицо у него пріятное и выразительные глаза—очень неглупый и добрый (видишь, какъ я проницательна!); притомъ, кажется, не такой самодовольный и узкій, какъ многіе теперь, и съ характеромъ (мальчики слушаются его), отчасти диковатъ... Не забудь, мамочка, захватить изъ Женевы гречневыхъ крупъ—здѣсь и не слыхали о нихъ; Петровна же безъ русской каши, ты знаешь, сейчасъ въ nostalgie ударится... Я съ нею всю дорогу была не въ ладахъ: она кутала и усаживала меня точно малютку, даже до квартиры хотѣла вести чуть не подъ-руку—чтобы я не устала... Одинъ русскій оставилъ хозяйкѣ самоваръ. Петровна наткнулась на него въ кухнѣ и вся такъ и затряслась отъ радости. Она тутъ же „наставила" его, и мы отпраздновали новоселье. Сегодня весь день она „обряжала" гостиную и твою комнату, „какъ ты любишь", а теперь спитъ"...

Послѣднее было невѣрно. Петровна—типъ патріархальной няни—сѣдая и дородная, въ темномъ ситцевомъ платьѣ со сборками у таліи, въ повязкѣ „кончиками впередъ" и въ тверскихъ поярковыхъ валенкахъ, служившихъ ей зиму и лѣто, давно уже

продвинулась неслышными шагами въ комнату и сокрушенно глядѣла на увлекшуюся писаньемъ Нанси.

— Что̀ ты не спишь-то!—проговорила она, теряя терпѣніе.

— А, ты явилась! — задорно и не оборачиваясь, отозвалась Нанси.—А что̀ сама не спишь?

— Я ужъ спала. Чай, полночь теперь? И пѣтуховъ-то не слыхать у нихъ, не различишь какъ ночь идетъ...

— На то̀ часы есть, Петровнушка!

— Что̀ толку часы-то... Ложись, завтра допишешь! При тебѣ лекаря говорили, что нельзя уставать и надо спать рано ложиться...

— Кончила, кончила, не брюзжи! — отвѣтила Нанси, вложивъ листки въ конвертъ и вставая. — На̀ же, вотъ, на̀! Нарочно буду уставать!—сказала она вдругъ и принялась вальсировать по комнатѣ.

— Да что̀ ты? что съ тобой?!—изумилась Петровна, порываясь остановить ее.

Нанси—тоненькая, стройная и изящная—продолжала мелькать въ полумракѣ комнаты, точно призракъ, потомъ такъ же неожиданно обняла Петровну и заговорила ласково:

— Ну, не брюзжи же, не мучь меня... дай, я тебя поцѣлую!..

— Вотъ еще!—съ добродушной суровостью отвѣтила Петровна и даже защитилась локтемъ.

Нанси звонко поцѣловала ее въ щеку и сказала серьезно:

— Да, да, пора спать!

II.

Небольшой красивый пароходъ „Бониваръ“ подплывалъ къ Монтрё, пѣня колесами зеркальную гладь Лемана.

День былъ прелестный. Не шевелился ни одинъ листокъ на стройныхъ пирамидальныхъ тополяхъ; окутанные зеленью, чистенькіе домики сверкали ровною, золотистою бѣлизной и казались еще чище, бѣлѣе, отражаясь въ спокойной водѣ. Савойскія Альпы на той сторонѣ млѣли подъ блѣдно-фіолетовою дымкой и выступали легкими, будто прозрачными очертаніями—„сіяли“, какъ называютъ это швейцарцы.

Передъ пристанью, въ кучкѣ туристовъ, суетился Илья Трофимовичъ Драшусовъ—человѣкъ средняго роста, съ толстымъ животомъ, съ растеряннымъ—словно хмельнымъ—взглядомъ и въ шляпѣ „колоколомъ“, придававшей ему довольно смѣшной видъ.

Онъ то цѣловалъ и крестилъ провожавшихъ его дѣтей, то ухватывалъ за пуговицу учителя Погожева и сыпалъ ему, точно изъ рога изобилія, всякія порученія.

— Наипервѣйше, Владиміръ Ивановичъ, красокъ для Настасьи Ниловны—ящикъ самыхъ лучшихъ...—торопливо заговорилъ онъ, косясь на приближавшійся къ пристани пароходъ.— Да романы, романы ей не забудьте! Ради Господа-Бога! Съ дѣтьми погуляйте... ну, мороженаго имъ въ кондитерской и прочее... Поняли? Изъ Вильнёва я съ послѣднимъ пароходомъ; rendez-vous въ кафé Margue... тамъ ждите меня! Теперь все предусмотрѣно! Костя! Петя!—обратился онъ къ дѣтямъ, осѣняя ихъ крестомъ въ воздухѣ.—Будьте учтивы! Adieu!

Онъ кинулся къ причалившему пароходу, но вдругъ остановился, прищелкнувъ пальцами, и крикнулъ:

— Свѣчъ, мяса! Распорядитесь, чтобы моментально отправили на Кюбли! Равно, лососины, если найдется...

Порученія посыпались снова. Взбѣжавъ на палубу уже при повторявшемся переливами горнаго эхо послѣднемъ свисткѣ, онъ продолжалъ кричать и оттуда, „предусматривая“ еще что-то, долетавшее до Погожева лишь непонятными отрывочными словами.

Пароходъ зашумѣлъ колесами, разбрасывая сверкавшіе снопы брызговъ. Погожевъ махнулъ въ послѣдній разъ шляпой и остановился задумчиво подъ тополями. Хлопоты съ красками тяготили его, такъ какъ Драшусова, занимавшаяся рисованіемъ на фарфорѣ, имѣла обыкновеніе относить постигавшія ее неудачи въ художествѣ къ свойствамъ не таланта, а красокъ; обязанность же разыскивать въ библіотекѣ романы непремѣнно любовнаго или кровопролитнаго содержанія возмущала въ конецъ учительскую совѣсть.

— Она! она!—крикнули дѣти и бросились черезъ дорогу.

Погожевъ глянулъ и поспѣшилъ за ними: на противоположной сторонѣ, по узенькому узорному троттуару, шла Нанси—въ свѣтломъ весеннемъ костюмѣ и пастушеской шляпѣ.

— Здравствуйте! — сказала она съ какимъ-то особенно милымъ дружелюбіемъ.—Я не думала, что ваши кавалеры будутъ такъ помнить обо мнѣ. Это очень любезно съ ихъ стороны! Вы, однако, часто покидаете ваши горы...

— Сегодня исключеніе...

— А я съ мѣстами знакомлюсь: была на Кларанской набережной... Какая она хорошенькая съ этими свѣженькими, молоденькими платанами,—какой очаровательный видъ на горы!

— Вамъ надо на Гліонъ подняться, если вы любите виды.

— Что это за Гліонъ? гдѣ онъ?

— Надъ самымъ Монтрё. Изъ Территé „финикюлѐръ“ туда.

— Значитъ, не надо ни на скалы взбираться, ни падать въ пропасти? Это прекрасно!

— Хотите теперь, всею компаніей?—предложилъ Погожевъ.

Нанси задумалась, но дѣти, подпрыгивая отъ удовольствія, тянули ее за руки и разсказывали какіе чудные лѣса на Гліонѣ и что волковъ совсѣмъ нѣтъ.

Погожевъ забѣжалъ въ табачную лавочку и распорядился оттуда по телефону насчетъ главныхъ порученій. Затѣмъ всѣ весело двинулись къ сосѣднему живописному мѣстечку Territet.

III.

Набитый туристами, очередной вагонъ финикюлера потянулся въ высь, а Леманъ сталъ отодвигаться, развертываясь все шире и шире... Вокругъ, выростая и снова падая, мѣняясь въ причудливой неожиданности, замелькали зеленыя деревья, цвѣтистые холмы, горныя хижины, шумные, пѣнистые ручьи, цѣлыя долины—покрытыя, точно снѣжною пеленой, сплошною сверкающею бѣлизной распустившихся нарцисовъ... И чѣмъ выше, тѣмъ вольнѣе дышала грудь, полнѣе чувствовалось живительное, веселящее дѣйствіе разрѣженнаго горнаго воздуха.

Вагонъ остановился предъ террасой кафé, на которой и разсѣлась публика за стаканчиками мороженаго, прохладительныхъ напитковъ. Видъ открывался восхитительный. Весь Леманъ, ясный и спокойный, съ яркими бликами, мѣстами, и темноватыми отливами, былъ предъ глазами, сверкалъ, искрился милліонами огней; точно чайки бѣлѣлись парусныя лодки, а пароходы казались лодками и оставляли за собою нѣжныя, какъ кружево, волнистыя полоски дыму... Улицы Территé, Монтрё, ряды тополей и платановъ, сады, многоэтажные отели—все представлялось миніатюрнымъ, игрушечнымъ, сливалось въ теплую акварельную картинку. Дальше, за туманною цѣпью савойскихъ Альпъ, величественно сіялъ снѣжными пустынями Монбланъ.

Нанси, прижавшись къ спинкѣ желѣзнаго стульчика и не шевелясь, ловила восхищеннымъ взглядомъ плѣнительные, перемѣнчивые оттѣнки дали, то горѣвшей жгучими красками подъ лучами солнца, то блѣднѣвшей, мрачившейся при набѣгавшемъ облачкѣ.

— У Бодлэра,—заговорила она задумчиво и какъ бы сама съ собою,—въ одной изъ поэмокъ, есть совѣтъ *опьяняться* музыкой, нарядами, искусствомъ... И вотъ я испытываю это опьянѣніе безъ напитка...

Она стала разспрашивать о виднѣвшихся окрестностяхъ. Погожевъ указалъ ей устье Роны, сверкавшее на востокѣ узкою лучистою полосой, Ронскую долину, снѣжныя вершины Валлисскихъ горъ, утесы Мельери, Шильонскій замокъ; на западъ, на низкихъ, точно дымившихся, голубоватыхъ берегахъ Лемана, видны были Лозанна, Моржъ, Ролль.

Съ террасы компанія прошла къ сосѣднему ущелью Gorge du Chaudron, отдѣляющему Гліонъ отъ Монтрё.

Обрывистая долинка на вершинѣ одного изъ холмовъ, съ которой открывался видъ на ущелье, была полна мирнаго идиллическаго покоя. Трещавшіе краснокрылые кузнечики взлетали стайками изъ-подъ ногъ, садились на платье, на руки; птички безбоязненно перепархивали съ короткимъ звонкимъ пискомъ и теребили назрѣвавшія головки травы и цвѣтовъ... Сухой, ароматный воздухъ былъ неподвиженъ, а надъ ущельемъ, по хребтамъ высокихъ лѣсистыхъ кряжей, мчался вѣтеръ, раскачивая верхушки могучихъ дубовъ.

— Какъ хорошо здѣсь!—промолвила тихо Нанси. — Такіе уголки дѣлаютъ понятной чувствительность въ „Письмахъ русскаго путешественника“...

— Смотрите: орелъ, орелъ!—крикнулъ Костя.

Изъ ущелья, откуда неслась, вмѣстѣ съ шумомъ горныхъ ручьевъ, отчаянная стрекотня сорокъ, поднимался винтомъ, распустивъ темныя крылья и едва потрогивая ими, огромный орелъ, съ чѣмъ-то безформеннымъ въ когтяхъ. Вырисовавшись на чистой синевѣ неба, онъ какъ бы повисъ на мгновенье въ воздухѣ, потомъ взмахнулъ крыльями и понесся стрѣлою въ высь.

Нанси слѣдила за нимъ пристальнымъ, вдумчивымъ взглядомъ, щурясь и сдвинувъ бровки.

— Гадкая, хищная птица,—проговорила она брезгливо,—и—эмблема великаго...

— Такъ почтили его народы, видя въ немъ благородство,—сказалъ Погожевъ.

— Не думаю... Просто потому, что сила и хищничество доблестью были... Въ нашей губерніи по деревнямъ орлами зовутъ пройдохъ-скупщиковъ...

Они присѣли на камень, выдававшійся изъ густой, высокой травы. Дѣти, прельщенныя точно ручными, едва порхавшими,

красивыми бабочками, пустились въ безплодную погоню за ними.

— Вы все еще однѣ?—обратился Погожевъ къ Нанси.

— Да. Не ѣдетъ мама.

— А вамъ не жаль было разстаться съ Женевой?

— Ахъ, что̀ вы! Эти ходячіе покойники женевцы... съ ихъ Кальвиномъ, великимъ реформаторомъ!..

Въ темныхъ, задумчивыхъ глазахъ ея мелькнулъ огонекъ, ручка нервно сорвала и отбросила золотистую головку одуванчика...

— И вѣдь я вѣрила въ этого реформатора, благоговѣла предъ нимъ, пока долбила учебники!—воскликнула она.—Но онъ душу, душу опустошилъ!.. Я ужаснулась... поняла, какую бездну зла можетъ надѣлать самый посредственный фанатикъ, вторгаясь въ чужую совѣсть... а тѣмъ больше въ совѣсть народа...

Ея пылкость и неожиданный оборотъ разговора нѣсколько удивили Погожева, относившагося вообще равнодушно ко всякимъ религіознымъ вопросамъ, не вникавшаго въ эту сторону жизни и при знакомствѣ съ Швейцаріей. Онъ внимательно глянулъ на изящную фигурку Нанси, озаренную слабымъ отблескомъ солнца изъ-за деревьевъ, отмѣчая въ ней мысленно—нервную повышенность, модную приверженность къ религіозному... Нанси, сдерживая волненіе, проступавшее нервнымъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, продолжала высказывать мысль за мыслью, бойко очерчивая піэтистически-іезуитскіе устои кальвинизма, находя, что шагомъ въ религіозномъ развитіи можно считать протестантизмъ только въ его широкомъ, идейномъ значеніи; что Кальвинъ внесъ въ начинавшуюся реформу лишь казуистическую путаницу, сбившую съ толку народъ, склонный, какъ и вездѣ, отдавать въ такихъ случаяхъ предпочтеніе туманному и непонятному предъ яснымъ и разумнымъ... Дѣти подбѣгали къ ней, принося пучечки ландышей, нѣжныхъ синихъ колокольчиковъ. Она улыбалась въ отвѣтъ, клала цвѣты около себя на камень или перебирала ихъ машинально въ рукахъ, не переставая говорить, точно спѣша излить накопившееся въ душѣ...

— Ученіе Кальвина — тоже, что̀ нашъ лишенный смысла расколъ!—закончила она.

— Однако, расколъ — историческій фактъ,—возразилъ Погожевъ, копнувшись въ неисчезнувшихъ еще изъ памяти академическихъ шаблонахъ.

— Да, я читала... И логически не могла установить за нимъ такого серьезнаго значенія... не нашла самой возможности связать его съ *религіей*... Употреблять старыя или новыя книги, аллилуію „сугубую“ или простую, ходить съ образами „посолонь“

или иначе — все это лишь узко-обрядные, а не религіозные вопросы... если не просто безсодержательное недоразумѣніе... Съ одной стороны—крутыя, не продуманныя мѣры, съ другой—умственная темнота массы, — вотъ его почва... Я не вникала, но мнѣ кажется, что онъ можетъ быть болѣе интересенъ какъ оппозиція гражданская...

На Погожева повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, не-шаблоннымъ.

— Вы изучали богословіе?—спросилъ онъ.

— Знакомилась съ вопросами вообще... Богословіе, при опредѣленномъ культѣ, въ границы ставится, между тѣмъ какъ религіозная пытливость не знаетъ ихъ... Я шла своими путями... Ограничиться только кругомъ историческихъ доказательствъ божественнаго я не считала возможнымъ... Мнѣ хотѣлось убѣдиться, стать на научную почву...

Она умолкла, опустивъ голову и шевеля зонтикомъ траву. Вся ея изящная фигурка трепетала подъ приливомъ волненія.

— Между тѣмъ, оказалось,—продолжала она, успокоившись, —что у метафизиковъ—такихъ выдающихся, какъ Гегель, Гартманъ,—лежитъ въ основѣ старая гипотеза Декарта о прирожденности идеи божественнаго... даже Максъ Мюллеръ защищаетъ ее. У Ренана идеализмъ осложняется еще мистицизмомъ... все къ инстинкту сводится... Натурализмъ увлекъ меня... самымъ требованіемъ—чтобъ религіозная истина не истекала изъ довѣрія къ принципамъ или доктринамъ, а достигалась бы свободными усиліями ума... Но ознакомиться какъ должно съ этою обширною школой я не могла... При томъ, встрѣтились неясности для меня... У Огюста Конта, напримѣръ, а за нимъ у Летурно, выставляется обязательность періодовъ для развитія религіозной идеи—сперва фетишизмъ, потомъ политеизмъ, монотеизмъ и наконецъ пантеизмъ... тогда какъ евреи—древнѣйшіе выразители религіозной идеи—начали прямо монотеизмомъ... И я не знаю, слѣдуетъ ли вообще приписывать тотъ или иной ходъ религіознаго развитія именно *народу*... Выдающіяся, даже подобныя Кальвину, отдѣльныя личности, государственный режимъ—могутъ оказывать бо́льшее, если не исключительное вліяніе... Народъ, насколько понимаю я, долженъ былъ утратить религіозную самостоятельность съ той самой эпохи, когда между человѣкомъ и божествомъ явились посредники...

— Значитъ, все дальнѣйшее религіозное развитіе совершалось и совершается кѣмъ-то, внѣ народа? — замѣтилъ Погожевъ.

— Мнѣ такъ и представляется!—воскликнула, засіявъ вся,

Нанси. — Народная совѣсть стала несвободна, и потому участіе его можетъ быть лишь пассивное...

Узнавъ, что Погожевъ—филологъ, Нанси приступила къ нему съ разными спеціальными вопросами. Спустя минуту, они ходили по долинкѣ, отдаваясь горячему, совсѣмъ поглотившему ихъ разговору...

IV.

Кафé Маргé—небольшое, чистенькое и уютное, съ стеклянной терраской, убранной растеніями, и съ пышными экзотическими деревцами у входа—было какъ разъ противъ пристани.

Управившійся съ порученіями Погожевъ сидѣлъ на терраскѣ, угощая проголодавшихся дѣтей буттербродами и тщетно поджидая Драшусова. Тотъ, опоздавъ на пароходъ и на желѣзную дорогу, явился только предъ сумерками, на извозчикѣ,—сердитый, обремененный дюжиною фарфоровыхъ тарелокъ, разрисованныхъ Настасьей Ниловной и обжигавшихся на фабрикѣ въ Вильнёвѣ—торговомъ городкѣ въ верховьѣ озера, — доставить которыя на Мон-Кюбли—гору, гдѣ занимали Драшусовы шалэ,—собственно и составляло всю цѣль хлопотливой поѣздки.

Жадно опоражнивая одну за другою кружки пѣнистаго баварскаго пива, онъ принялся описывать свои злоключенія, въ которыхъ все— отъ природы, наславшей пыль и жару, до „канальи“ извозчика, годнаго лишь „возить мертвыхъ на обѣдъ“,—возставало противъ самой мудрой предусмотрительности... Для Погожева все это было неново. Онъ уже достаточно наглядѣлся, какъ Драшусовъ, имѣвшій idée fixe всегда все „предусматривать“ и начинавшій всякія хлопоты чуть не за сутки, рвался въ запиравшуюся предъ носомъ у него желѣзнодорожную кассу, прыгалъ на снимавшійся пароходный трапъ, запрятывалъ ключи такъ предусмотрительно, что на таможняхъ приходилось взламывать сундуки... Злоключенія, тѣмъ не менѣе, пришлось выслушать. При этомъ Драшусовъ, отличавшійся особенностью — не знать, чѣмъ кончится у него начатая фраза, тянулъ еще разсказъ, вставляя поминутно привычное:—„То-есть, оно, видите ли, вотъ“...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда они вышли. Леманъ мерцалъ разноцвѣтными огоньками лодокъ, разбросанныхъ на немъ. Въ снѣжныхъ изломахъ Dent du Midi, на той сторонѣ, одиноко и странно рдѣлъ затерявшійся лучъ давно догорѣвшаго заката...

— Cocher!—крикнулъ Драшусовъ, приглядѣвшись къ виднѣвшейся чрезъ дорогу линіи колясокъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Вѣчно бѣлое вино пьютъ... канальи!.. — проворчалъ онъ и постучалъ палкой въ окно сосѣдняго кафé, откуда несся хохотъ бесѣдовавшихъ извозчиковъ.

До шалэ было не больше часа ѣзды, въ гору. Бойко миновавъ городокъ, коляска стала медленно подниматься по извивамъ шоссе, пролегавшаго то лѣсомъ, то между купами старыхъ вишневыхъ и орѣховыхъ деревьевъ. Ночной влажный воздухъ ласкалъ успокоительно. Нагулявшіяся дѣти дремали.

— Оно, видите ли, вотъ...—заговорилъ Драшусовъ, любившій пофилософствовать въ дорогѣ,—взять эту Швейцарію самую... Габсбурги правили въ ней... и какой вышколенный народъ-то вышелъ, слѣдственно... Безъ распущенности, видите ли... Вотъ и орѣхи, и фрукты, или... какъ тамъ?.. виноградъ, положимъ... нигдѣ караула нѣтъ, а все цѣло... безъ нарушенія правъ собственности...

Погожевъ ничего не отвѣтилъ ему, занятый собственными мыслями, и только удивился про себя виртуозности вывода.

Драшусова—рыхлая, небольшого роста блондинка, съ голубыми, какъ бы навсегда остолбенѣвшими глазами подъ низенькимъ лбомъ и съ тупо-надменнымъ выраженіемъ лица — встрѣтила мужа выговоромъ за опозданіе. На пущенныя въ ходъ злоключенія она возразила запальчиво:

— Но я весь день безъ дѣтей! Вы могли прислать ихъ съ Владиміромъ Ивановичемъ!

— Оно, видите ли... извозчикъ десять франковъ стоитъ...— отвѣтилъ Драшусовъ.

— А я не стою десяти франковъ?

Она схватилась за виски, готовая, какъ водилось это, рухнуться въ припадкѣ истерики на диванъ и переполошить покоившихся уже домохозяевъ. Предотвращая бѣду, Драшусовъ поспѣшилъ развернуть тарелки и, съ необыкновеннымъ при его умственной неповоротливости искусствомъ, принялся льстить, выхваляя рисунки...

V.

Погожевъ поднялся къ себѣ въ комнату.

Въ растворенное окно вливалась душистая прохлада. Сумеречныя тучи сползли уже внизъ и окутали вершины горъ. Высоко стоявшій мѣсяцъ озарялъ цѣпь бернскихъ Альпъ, выступавшихъ вдали туманными, волнистыми возвышеніями; ближе,

чернѣла, упираясь въ небо, неприступная островерхая скала Dent de Jaman; на сосѣднемъ кряжѣ Мон-Флёри, надъ отелемъ тѣшившимъ своихъ данниковъ, взвивались золотистыя параболы ракетъ, бороздя густую синеву неба...

Погожевъ постоялъ, подумалъ и прилегъ на набитую сухими листьями деревенскую кушетку.

Сынъ мелкаго арендатора, по сосѣдству съ помѣстьемъ Драшусова, филологъ провинціальнаго университета, онъ на первыхъ же шагахъ отъ скамьи къ жизни столкнулся съ недоумѣніемъ... Съ одной стороны, при солидарности съ практическимъ родителемъ, умѣвшимъ откапывать всякіе надобные „случаи", можно было разсчитывать на протекцію сильныхъ уѣзда, на скорое, рутинное благополучіе... Съ другой — жаждалось воли, самостоятельности, дѣйствительнаго, полезнаго труда... мелькала мысль о далекой, пробуждающейся Сибири... Пока шла эта внутренняя борьба, Драшусовъ—страстный любитель „винта", „девятаго вала", кулебякъ, лососины съ майонезомъ—ощутилъ вдругъ приступы одышки, сердцебіенія, а Настасья Ниловна, исправно проводившая день на диванѣ, а ночь на пуховикахъ, уже давно —Dieu seul sait, почему—выказывала нервозность, подвергалась „вертижамъ"... Спасеніемъ являлась „за-граница". А такъ какъ дѣтямъ надобенъ былъ русскій учитель, то выборъ палъ, по сосѣдству, на Погожева. Онъ вспыхнулъ желаніемъ взглянуть на чужіе края, раздвинуть свой кругозоръ, и поспѣшилъ принять далеко не завидныя условія Драшусова.

Дѣйствительность, однако, не совсѣмъ отвѣчала этой вспышкѣ. Добравшись со всякими тревогами и приключеніями до Швейцаріи, Драшусовы провели зиму безвыѣздно въ Монтрё, а „безвыходно"—въ курзалѣ, гдѣ накинулись азартно на игру въ „лошадки"—petits chevaux... Затѣмъ, съ такимъ же азартомъ, они исполнились жаждой деревенскаго воздуха и забрались въ совершенную глушь, на Кюбли, когда не стаяли еще горные снѣга. На долю Погожева выпало неотлучное пребываніе съ дѣтьми—правда, милыми и привязавшимися къ нему, а всякія удовольствія замѣнились исполненіемъ порученій да выслушиваніемъ тупыхъ, назойливыхъ охранительскихъ тирадъ Драшусова... Среди этой властной, скучной пустоты, не замедлилъ народиться и обычный „романъ"... Онъ былъ еще въ завязкѣ. Оставаясь наединѣ съ Погожевымъ, Настасья Ниловна не сводила съ него своихъ остолбенѣвшихъ глазъ... Онъ, предчувствуя надвигавшееся, не сторонился отъ него, не дѣлалъ ему нравственной оцѣнки... Знакомство съ Нанси явилось живою, освѣжающею струйкой въ

начинавшемъ сгущаться чаду... Блѣдная, съ мягко-очерченными губками, съ кроткимъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ, съ непередаваемымъ отраженіемъ въ чертахъ лица каждаго движенія души,—она привлекала къ себѣ не красотою, а чѣмъ-то инымъ — женственностью, человѣчностью... Погожевъ даже не могъ бы и сказать, что̀ именно влекло его къ ней, но съ самой встрѣчи на пароходѣ мысль о Нанси была у него пріятною мыслью... Прогулка бросила новый свѣтъ на личность Нанси и сдѣлала въ Погожевѣ хотя и смутный еще для него, но уже рѣшительный переломъ...—„Славная... милая дѣвушка"... — повторялъ онъ теперь, думая о ней, развивая высказанныя ею оригинальныя мысли...

— Владиміръ Ивановичъ!—донеслось въ окно.

Онъ вскочилъ и выглянулъ: у крыльца стояла Драшусова, вся въ пышныхъ воланахъ, облитая блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца.

— Ахъ, что̀ за ночь! — воскликнула она восторженно. — Пойдемте къ обрыву!

— Такъ поздно? — отвѣтилъ онъ, чувствуя шевельнувшееся внутри что-то нехорошее, отталкивающее.

Драшусова обидчиво повернулась, задѣвъ туго-накрахмаленнымъ подоломъ кусты глухой крапивы, и пошла отъ крыльца.

VI.

Письмо дочери обезпокоило Марью Васильевну Китаеву, страдавшую и безъ того нервами.

Доставлять безпокойство было, впрочемъ, какъ бы удѣломъ Нанси... Радовала семью она только въ дѣтствѣ — розовая, кудрявая, прелестная какъ херувимъ. Затѣмъ, съ перваго же класса гимназіи, начались безпокойства о переутомленіи, исхуданіи... Вице-губернаторъ, губернскій аристократъ, Николай Гавриловичъ Китаевъ могъ исхлопатывать всякія снисхожденія для дочери, но корень учебнаго зла оказывался въ самой Нанси... Росшая единственнымъ ребенкомъ въ семьѣ и потому рано сжившаяся съ серьезностью, одаренная природнымъ аналитическимъ умомъ, она не допускала и мысли о школьныхъ вспомогательныхъ уловкахъ, не оставалась покойною, пока не справлялась съ самою непосильною трудностью... Съ окончаніемъ курса гимназіи безпокойства только усилились. Нанси не удовлетворилась полученными знаніями и ушла вся въ „самообразованіе", находя дѣйствительнымъ и полезнымъ лишь этотъ способъ развитія... Не-

избѣжная при служебномъ положеніи отца, хотя чисто внѣшняя религіозность, со всенощными и молебнами на дому, также оказала свое вліяніе: Нанси не ограничилась и въ этомъ обычною житейскою мѣрой, а отдалась религіи всѣмъ своимъ впечатлительнымъ существомъ, впала сперва въ мистицизмъ, потомъ въ сомнѣнія, пристрастилась къ религіозно-философскимъ исканіямъ... На родительскій совѣтъ „вѣрить, а не разсуждать", она отвѣчала: — „Но какъ же? Вы сами окрестили меня, сдѣлали привязанною къ извѣстной религіи, и сами же не хотите, чтобъ я религію эту поняла, прочувствовала?.."

Настоятельные совѣты врачей оторвали Нанси отъ книгъ, и Марья Васильевна оживилась мечтой объ отдыхѣ за-границей. Безпокойства не замедлили, однако, народиться и тутъ... Невозможность сорить деньгами ради необходимыхъ удобствъ обязывала къ непривычной бережливости, къ войнѣ съ отельщиками, магазинщиками... Встрѣчавшіеся соотечественники исключали всякую мысль объ обществѣ, о пріятныхъ, дорогихъ на чужбинѣ, отношеніяхъ... Въ Женевѣ мелькнулъ-было радостный лучъ, но и онъ тутъ же угасъ, сдѣлавъ лишь тьму еще больше несносною... Знакомый по пансіону, богатѣйшій англичанинъ, сэръ Говеръ, торжественно испросилъ дружбу у Нанси, сталъ проводить съ нею цѣлые дни въ пансіонномъ салонѣ... Марья Васильевна вся озарилась внутренно, стала собственноручно одѣвать дочь по утрамъ и къ обѣду, стала ждать ежечасно развязки... Она получилась совсѣмъ неожиданная: оказалось, что Нанси читаетъ съ сэромъ Говеромъ Фаррара, изучаетъ какую-то англійскую школу...

Въ довершеніе несчастія, взятая, ради выгоды, по контракту меблированная квартира оказалась съ каминами, которые надо „топить порохомъ", и наступившія, такъ-называемыя „мартовскія бизы" уложили Нанси въ постель. Для развязки пришлось обратиться въ адвокатскую контору, а адвокаты-товарищи—оба тупые, но напыщенные и дерзкіе—накинулись на иностранку точно акулы, принялись тянуть и запутывать дѣло... Подыскавъ квартиру въ Монтрё и выпроводивъ туда дочь, Марья Васильевна рѣшила дождаться въ Женевѣ конца процесса, но извѣстіе, что поѣздка къ русскому доктору,—стоявшая на первомъ планѣ,—откладывается и что заводится знакомство съ какимъ-то „учителемъ", явилось каплей, переполнившей чашу горечи...

Вытребовавъ деньги изъ Россіи по телеграфу, Марья Васильевна выкинула изумленнымъ сутягамъ все, съ проторями-убытками, промолвивъ: „Au chagrin de vous voir, au plaisir de

vous quitter", и, утѣшенная сорвавшеюся у нея съ языка перестановкою словъ, поспѣшила на пароходъ... Ее не радовали больше ни горы, ни лазурный, сверкающій Леманъ, ни красовавшіеся на неподвижной водѣ ручные бѣлоснѣжные лебеди, и она тогда лишь вздохнула свободно, когда пароходъ выбрался на пустынный просторъ озера.

VII.

Изъ Монтрё, захвативъ дочь, Китаева немедленно выѣхала въ Веве, къ доктору.

Несмотря ни на близившійся уже вечерній часъ, ни на то, что докторъ и самъ находился за-границей не ради удовольствій, а для отдыха и потребностей собственнаго здоровья,—ихъ приняли.

Человѣкъ еще не старый, высокаго роста и видный изъ себя, съ крупными чертами умнаго лица, съ небольшою русою бородкой и густыми, длинными волосами, подрѣзанными какъ-то своеобразно, въ кружокъ, пожалуй даже и не рукой парикмахера, докторъ и одѣвался, и держалъ себя совсѣмъ просто. На изысканный подходъ Китаевой, что она ждетъ отъ него спасенія дочери, но, имѣя средства, не можетъ позволить себѣ отнимать драгоцѣнное время даромъ, онъ такъ же просто отвѣтилъ:

— Я не практикую здѣсь и не принимаю больныхъ. А познакомиться съ вами очень радъ и быть полезнымъ вамъ, какъ могу,—тоже. Въ Петербургѣ иное дѣло: тамъ милости просимъ въ паціентки ко мнѣ!—пошутилъ онъ и обратился къ Нанси:

— Разскажите же, что такое съ вами?

За нее стала разсказывать Марья Васильевна, подчеркивая гимназію, переутомленіе, самообразованіе...

— Я всегда говорила ей, что нельзя, нельзя такъ неглижировать здоровьемъ!—воскликнула она.

— Путей-то нѣтъ торныхъ, пробивать ихъ приходится,—задумчиво произнесъ докторъ.

— А въ Женевѣ, къ тому же, простудилась она, слегла...

— Посмотримъ,—сказалъ докторъ, вставая.

Изслѣдовавъ внимательно больную, онъ упомянулъ вскользь объ утолщеніи верхушки лѣваго легкаго, проговорилъ: „опасности не вижу", но самъ, нахмуренный и серьезный, ставилъ мысленно діагнозъ: „Притупленіе перкуторнаго звука... усиленный fremitus pectoralis..."

— Прежде всего, хорошее питаніе, осторожность отъ простуды,—сказалъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ.

Переѣздъ въ Монтрё онъ одобрилъ, а относительно совѣта не уставать замѣтилъ, что уставать, разумѣется, не слѣдуетъ даже и вполнѣ здоровому человѣку, но что чистый воздухъ и движеніе есть уже сами по себѣ прекрасное лекарство. Онъ разрѣшилъ даже всякія удовольствія, кромѣ танцевъ да позднихъ бесѣдъ, и прибавилъ:

— А пока мы креозотецъ пропишемъ.

Онъ набросалъ рецептъ и обѣщалъ навѣщать Китаевыхъ въ Монтрё, куда нерѣдко отправлялся пѣшкомъ, ради прогулки.

Очарованная прекрасною личностью доктора, Марья Васильевна вернулась домой повеселѣвшею. За чаемъ она осторожно повела разслѣдованіе объ „учителѣ". Узнавъ, что Нанси отправлялась даже на прогулку съ Погожевымъ, она спросила:

— Ты намѣрена продолжать знакомство?

— Какъ это странно, мама: почему же не продолжать его?

Марья Васильевна не отвѣтила ничего, но внутренно насторожилась, рѣшивъ присмотрѣться, обдумать вопросъ серьезно.

VIII.

„Деревенская" жизнь въ шалэ на Кюбли начиналась не раньше полудня, а часто и позже—смотря по тому, насколько зачитывалась ночью романами Настасья Ниловна, или подвергался приступамъ одышки Илья Трофимовичъ.

Вставъ, Драшусовъ долго молился, кладя земные поклоны; затѣмъ, въ халатѣ и туфляхъ, начиналъ бродить по комнатамъ, отдаваясь размышленію и куря папиросу за папиросой. При всякой попыткѣ заговорить съ нимъ въ это время, онъ только вскидывалъ какъ бы удивленно голову, или отвѣчалъ совсѣмъ невпопадъ. Причиною этому были „святые вѣщіе сны"—какъ называлъ онъ ихъ,—видѣвшіеся ему по ночамъ. Онъ руководился ими какъ пророческими откровеніями и не приступалъ ни къ какому дѣлу, пока сонъ не былъ обдуманъ и понятъ. При сновидѣніяхъ несложныхъ—когда, какъ добрый знакъ, являлась „благословляющая рука", или, какъ знакъ дурной, „каркающій воронъ"—Драшусовъ разбирался въ значеніи пророчества довольно скоро. Иное дѣло, если сонъ спутывался, осложнялся, если рука и воронъ оказывались вмѣстѣ, являлись мракъ или сіяніе, царило молчаніе или „слышался гласъ"... Добравшись до

смысла пророчества, онъ шелъ одѣваться и появлялся лишь къ завтраку, за которымъ происходило, обыкновенно, всестороннее обсужденіе сна и разгадки.

Послѣ завтрака наступалъ собственно день. Драшусовъ усаживался на террассѣ курить и дышать воздухомъ, или удалялся въ кабинетъ—раздумывать надъ какою-нибудь статьей, которыми снабжалъ онъ одну петербургскую (дворянскую) газету, подписываясь: „Дипломатъ по вѣщимъ снамъ". Такая, „подвигавшаяся", статья находилась и теперь у него на письменномъ столѣ. Онъ возставалъ въ ней противъ земской губернской „ереси", заключавшейся во мнѣніи, что тѣлесная расправа надъ существомъ, носящимъ образъ и подобіе божіе, есть родъ кощунства, и, не безъ спеціальнаго остроумія, развивалъ, въ противоположность ей, положеніе—что „кара—преступившему, а отъ преступившаго отъяты образъ и подобіе"... Настасья Ниловна окружалась въ залѣ ящиками красокъ, букетами цвѣтовъ-моделей, и принималась создавать на тарелкахъ горы въ видѣ фіолетовыхъ сахарныхъ головъ, муаровыя ленты вмѣсто рѣкъ... чаще же—укладывалась съ романомъ въ рукахъ, въ гамакъ, подвѣшенный между двумя тѣнистыми бѣлыми акаціями, или увлекала Погожева въ какое-нибудь мечтательное уединеніе—сидѣть на полусгнившей скамьѣ у обрыва, собирать грибы въ рощѣ, примыкавшей къ самой террасѣ шалэ.

Иногда, разнообразя эту снотворную несложность, „притаскивались"—какъ выражались о нихъ вообще—двѣ русскія старожилки Монтрё—Жюли и Катишь. Предпочитая тишь и гладь чиннаго протестантскаго городка убыточнымъ прелестямъ прочихъ курортовъ, онѣ коротали въ немъ годъ за годомъ, лечась отъ разстроенныхъ нервовъ и... средствъ. Въ одинаковыхъ, собственноручно „перетрясаемыхъ" по модѣ платьяхъ, всегда полуголодныя отъ дешевенькаго пансіоннаго стола и съ неразлучнымъ выраженіемъ скучной тупости на неподвижныхъ лицахъ, онѣ неустанно скитались по улицамъ и променадамъ, ловили знакомыхъ и незнакомыхъ соотечественниковъ, разражались новостями, допытывались.

Появляясь на Кюбли, онѣ напояли пересудами самый воздухъ. Даже охотно вѣрившій всему Драшусовъ впадалъ въ сомнѣніе.

IX.

Однимъ утромъ, наскитавшись по горнымъ перепутаннымъ тропинкамъ, по гранитнымъ карнизамъ надъ бездонными стремнинами, Погожевъ лежалъ въ долинкѣ, окруженной отвѣсными пиками и холмами.

Онъ любилъ эту долинку—тихую, уединенную, благоухавшую неподвижнымъ ароматомъ травъ и цвѣтовъ. Проводя въ ней нерѣдко цѣлые часы, онъ смотрѣлъ, какъ пасутся по лѣсистымъ скатамъ холмовъ статныя, породистыя коровы, прислушивался къ унылымъ звукамъ ихъ колоколовъ изъ красной кованой мѣди... То тихіе и одинокіе, то сразу громко наполнявшіе воздухъ цѣлыми гармоніями тоновъ, они причудливо оживляли горную тишь, западали въ душу, будя въ ней что-то неясное, сокровенное... Порою сквозь эти звуки прорывались другіе—меланхолически-нѣжные, тонкіе, зарождавшіеся гдѣ-то въ мертвой вышинѣ, струившіеся едва уловимою мелодіей... Это по ребрамъ какой-нибудь неприступной скалы пробиралась, позванивая колокольчиками, вереница козъ.

Глубоко внизу, всегда задернутая голубоватою дымкой, виднѣлась деревенька Гравьé—торговый и административный центръ Кюбли. Раскидывая свои древніе каменные домики по желтой, обнаженной подошвѣ утеса около шоссе, она щеголяла красивымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ школы, съ квадратиками учительскихъ огородовъ предъ нимъ, имѣла длинное, съ бѣлымъ мраморнымъ крестомъ надъ фронтономъ, зданіе независимой отъ государства „свободной церкви“, общественный гранитный водоёмъ, съ высѣченными на немъ сценами изъ „крестьянской войны 1653 г.“—трудъ мѣстнаго генія; имѣла stand—рядъ мишеней для воскресныхъ упражненій въ стрѣльбѣ, магазинъ: „Au bon marché“, почтово-телеграфно-телефонную контору. Послѣдняя, впрочемъ, заключалась лишь въ вывѣскѣ, помѣщенной надъ входомъ въ зеленную лавочку разбитной, полногрудой вдовы Клеманъ, которая и несла на себѣ всѣ три отвѣтственныя обязанности, имѣя помощникомъ мальчика Жоржа—сына огородника.

Высоко поднявшееся солнце заглянуло въ долину. Серебристые отливы росы смѣнились радужными, а вокругъ заклубился тонкій розовый паръ... Погожевъ поднялся и направился по горнымъ, изученнымъ имъ спускамъ, въ Гравьé—потолковать, по обыкновенію, съ учителями въ школѣ, справиться у вдовы Клеманъ насчетъ писемъ. На шоссе встрѣтился Жоржъ.

— А я за вами,—сказалъ онъ, приподнявъ вѣжливо шляпу и держа ее надъ гладко-остриженною бѣлобрысою головой.

— По какому случаю?

— Къ телефону зовутъ васъ.

— M-r Драшусова, хотите вы сказать?

— Нѣтъ, васъ. M-me Клеманъ такъ и велѣла передать.

Звали изъ Монтрё.

— Voilà!—началъ разговоръ Погожевъ.

Надъ ухомъ у него зашумѣло, затрещало; тоненькій женскій голосокъ проговорилъ невнятно какія-то слова и тутъ же смѣнился другимъ женскимъ голосомъ.

„...Китаева,—разслышалъ Погожевъ. — Буду рада видѣть. Отъ трехъ до пяти всегда дома“.

X.

Среди новѣйшихъ построекъ, выроставшихъ на взгорьѣ, противъ курзала, выдавалась красивая аристократическая „Вилла Матьё“. Китаевы занимали въ ней нижній этажъ. Квартира была прекрасная, что особенно утѣшало Марью Васильевну послѣ пережитыхъ мытарствъ. Со стороны улицы открывался видъ на Леманъ и савойскія Альпы; позади все нагорное пространство зеленѣло виноградниками; за ними была цѣпь невысокихъ Водуазскихъ горъ, виднѣлась синяя, туманная полоса далекой Юры. Нанси облюбовала себѣ комнату на этой сторонѣ. Виноградники подходили тутъ къ самой стѣнѣ; надъ окномъ и балконною дверью вились старыя, разросшіяся глициніи съ кистями душистыхъ лиловыхъ цвѣтовъ, въ перемежку съ махровыми розами.

За обѣдней въ русской церкви, въ Веве́, Марья Васильевна столкнулась съ избраннымъ „обществомъ“ и не замедлила завести знакомства. Истомленные скукой въ однообразныхъ скитаніяхъ изъ пансіоновъ въ курзалъ и обратно, знакомцы не замедлили, въ свою очередь, оживить собой гостиную радушной компатріотки, хотя и посматривали на нее не то съ недовѣріемъ, не то съ удивленіемъ. Получилъ свое разрѣшеніе и вопросъ объ „учителѣ“: Марья Васильевна пришла къ мысли всмотрѣться въ него и поступить затѣмъ сообразно съ обстоятельствами...

Погожевъ отправился въ первое же воскресенье.

Китаева—дама прилично-полная, представительная, въ дорогомъ шолковомъ платьѣ и съ бриллiантовыми браслетами на нѣж-

ныхъ рукахъ — встрѣтила его въ залѣ, выказывая изысканную любезность и умѣло подмѣчая въ то же время каждую мелочь въ манерахъ, въ наружности. Предосудительнаго, однако, не оказывалось ничего. Напротивъ: юношеское, доброе лицо гостя, съ здоровымъ загаромъ на щекахъ, съ открытымъ, спокойнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, невольно располагало къ нему.—„Что-жъ, пусть ходитъ...—подвела она мысленно итогъ. — Дачныя и заграничныя знакомства не обязываютъ ни къ чему“...

Въ угловой гостиной, убранной по курортному — нѣсколько пестро, бесѣдовали гости за чайнымъ столомъ. Первенствовалъ престарѣлый сановникъ, — также паціентъ доктора, собственно ради него и избравшій мѣстомъ отдохновенія демократическую Швейцарію. Фонъ составляли: совершавшая voyage de noce чета новобрачныхъ изъ купечества (она—съ высшихъ московскихъ курсовъ, а мужъ—изъ университетскихъ), пожилой господинъ въ рыжемъ парикѣ, да развязная, нарядная дама, изъ разряда одиноко-вояжирующихъ. Нанси Погожевъ даже не узналъ въ первую минуту: какъ бы блѣднѣе обыкновеннаго, безъ шляпы и съ зачесанными назадъ волосами, открывавшими высокій бѣлый лобъ, она казалась совсѣмъ иною, хотя и не къ худшему.

Китаева поспѣшила къ столу, дослушивать русскія новости. Нанси помѣстилась поодаль, указавъ Погожеву на кресло около себя, и у нихъ завязалась въ полголоса бесѣда.

— Вы продолжаете заниматься и здѣсь?—поинтересовался Погожевъ.

— Нѣтъ, я на положеніи больной,—отвѣтила, съ чуть замѣтной горькой усмѣшкой, Нанси. — Мама не позволяетъ мнѣ даже читать серьезное...

— Но потомъ вы въ университетъ въ Женевѣ поступите?

— О, нѣтъ! Мнѣ вообще не представляется ясной эта неизбѣжность высшаго образованія... Среднюю школу—съ болѣе цѣлесообразной программой, разумѣется,—даже обязанъ пройти каждый, чтобъ имѣть надобныя въ жизни свѣденія и быть развитымъ гражданиномъ... А дальнѣйшее—уже привилегированная спеціальность... исключеніе...

— Высшимъ образованіемъ, помимо спеціальности, дается также и высшее развитіе...

— О, да! Но для этого было бы достаточно общедоступности аудиторій... Потомъ, лекціи слѣдуетъ издавать, какъ книги, и въ ясномъ изложеніи... А лично для меня, напримѣръ, не видѣлось и надобности въ высшемъ образованіи...

— Почему?

— Я хотѣла открыть бѣлошвейную мастерскую: въ нашемъ городѣ нѣтъ ихъ, всякую бездѣлицу выписываютъ изъ столицъ, изъ-за границы даже... а сотни работницъ сидятъ безъ дѣла, нищенствуютъ... погибаютъ...

Разговоръ за столомъ перешелъ на религіозные вопросы. Сановникъ воскликнулъ старческимъ, дрожавшимъ баритономъ:

— Въ дѣлѣ религіи должно быть одно-съ: увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ—въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ!

Нанси встрепенулась.

— Такъ учитъ катихизисъ,—сказала она, вставъ и присаживаясь поближе. — Но увѣренность эта—наивная. *Имѣть* ее произвольно, какъ, напримѣръ, мнѣніе, что душа есть непостижимый пока для насъ союзъ ума и воли, мнѣ кажется, нельзя... Она можетъ *быть* только сама по себѣ...

— Надо вѣрить... — тихо и снисходительно выговорилъ сановникъ.

— Да. Но и вѣра должна быть также наивная, какъ въ древнія эпохи... А это невозможно: культурный человѣкъ способенъ дойти до увѣренности только сознательно...

— Догматы непререкаемы...—поднялъ указательный палецъ сановникъ.

— Но вѣдь это регламентація... А надо овладѣть убѣжденіемъ, совѣстью... всею нравственною личностью человѣка, внутреннею жизнью его...

— Академическое преподаваніе богословія, мнѣ кажется, можетъ удовлетворить...—произнесъ значительно купецъ.

Нанси глянула на него, думая въ то же время безотчетно: „Какой странный носъ у него—совсѣмъ картофелина... И зачѣмъ онъ распушилъ такъ отчаянно усы—точно офицеръ пѣхотный?..“

— Вы полагаете?—сказала она.—А какъ же быть не получающимъ академическаго образованія?.. Да и самый фактъ преподаванія богословія не говоритъ ли, что, кромѣ преклоненія предъ догматами, необходима работа мысли?..

— И мыслите! — изрекъ наставительно сановникъ:—но въ кругѣ той же религіи... только религіи!

— Мышленіе непроизвольно...

— Въ религіи оно — философское, и потому сознательное, систематическое...

— Оно и ставитъ вопросы...

— А отвѣты опять-таки—въ религіи...

Блѣдныя щеки Нанси зардѣлись, глаза вспыхнули.

— Да что же такое религія?! — зазвенѣлъ ея дрогнувшій голосокъ.—Она не тотъ или иной культъ—внѣшнее проявленіе религіознаго... Она — область всего непостигнутаго высшаго... Съузить эту область, остановить стремленія человѣческаго духа—даже нельзя!.. При всякой попыткѣ къ этому получались въ результатѣ лишь тайныя секты... фанатизмъ... Сбитый съ одной дороги, человѣкъ находилъ другую, подвигался въ религіозномъ отъ примитивныхъ истукановъ—къ Зевсу Фидія, отъ обожанія животныхъ—къ почитанію силъ природы... И гдѣ выше уровень культуры, тамъ, обыкновенно, умнѣе религія...

— Какъ-съ!—точно каркнулъ озадаченный сановникъ, откинувшись на спинку дивана. — Истинная религія одна, и она—откровеніе.

Марья Васильевна вышла торопливо въ сосѣднюю комнату.

— Нанси!—раздалось оттуда.

Нанси извинилась и поспѣшила на зовъ.

Возвратилась Китаева одна. Гости, давно уже пропустившіе, за разговорами, положенный часъ, стали откланиваться хозяйкѣ.

— Не забывайте насъ,—сказала она Погожеву, протянувъ ему кончики бѣлыхъ, пухлыхъ пальцевъ, и добавила какъ бы шутливо: —Только книгъ ученыхъ не давайте Нанси!

— Ихъ не много въ Монтрё!

— Какъ я рада!

Нанси, между тѣмъ, стояла въ комнатѣ у окна и плакала.

— Что ты... что случилось?!—изумилась вошедшая Марья Васильевна.

— Зачѣмъ ты такъ... поступаешь со мною?

— Какъ? Когда?

— Ты вызвала меня, запретила говорить...

— Нанси!...

— Если ты... вѣрующая...—продолжала та, всхлипывая:—то какъ же ты можешь насиловать другихъ... давать приказъ... душѣ...

— Что за мысли у тебя? Я потому, что споръ въ гостиной...

— Нѣтъ!.. Зачѣмъ ты думаешь, что я не понимаю, не чувствую?.. Ты не искренна... ты...

Нанси не кончила и зарыдала.

— Нанси, голубушка!—кинулась къ ней Марья Васильевна.—Ну о чемъ? Дитя мое!

Но Нанси не слышала уже: вскрикнувъ истерически, она упала безъ чувствъ на руки матери.

XI.

Докторъ сдержалъ свое слово и сталъ навѣщать Китаевыхъ аккуратно—обыкновенно по вечерамъ.

Иногда, осмотрѣвъ паціентку, похваливъ или пожуривъ ее за поведеніе, онъ присаживался къ чайному столу. (Русскій чай и хорошая сигара были его слабостью). Если случалось, что приходилъ и Погожевъ,—снискивавшій замѣтно расположеніе Марьи Васильевны, приносившій и читавшій русскіе журналы,—то составлялось нѣчто въ родѣ раута. Подъ конецъ—„на закуску", какъ выражался любившій музыку докторъ,—Нанси садилась за піанино и перебирала весь свой запасъ русскихъ и иностранныхъ нотъ, вплоть до швейцарскаго „коровьяго марша"...

За чайнымъ столомъ хозяйствовала неизмѣнно Петровна, сидя неподвижно на стулѣ, слѣдя, чтобы „не перепрѣлъ" чай, не выкипѣлъ самоваръ...

Взятая въ комнаты, няньчить сына генерала Китаева, Колечку, Петровна — въ то время молодая, бездѣтная вдова—приросла къ семьѣ господъ. Когда, съ пореформенною новизной, генералъ и генеральша умерли, проживъ послѣднее изъ разстроеннаго состоянія, Петровна осталась слугой и хозяйкой при окончившемъ университетъ Колечкѣ,—какъ продолжала она звать Николая Гавриловича, пока тотъ не женился,—и стала „блюсти" его скудный заработокъ въ петербургской канцеляріи... Вынянчивъ затѣмъ единственную дочь Китаевыхъ, Анечку („бусурманскаго" имени Нанси она не признавала), Петровна привязалась къ ней всею силою своего любящаго одинокаго сердца. Беззвучно шевеля спицами надъ неразлучнымъ, нескончаемымъ чулкомъ, она стала просиживать вечера около занимавшейся питомицы-гимназистки,—всегда готовая на послугу, на игру, на сказки, даже на пѣсни (эти—въ полголоса и не подъ праздникъ); не зная грамотѣ, научилась различать ея книжки по корешкамъ, обложкамъ, чернильнымъ пятнышкамъ, усвоила значеніе словъ: „физика", „исторія", „*грецкій* языкъ"... При начавшихся религіозныхъ исканіяхъ Нанси, Петровна рѣшительно стала на сторону питомицы. Заступаясь за нее предъ Китаевой (Николай Гавриловичъ въ такихъ вопросахъ былъ самъ философомъ), она говорила сурово:—„И какую вѣру можете вы отвергать въ ней? Такой святой души поискать! А что церковь, тамъ,.. образа... такъ безъ этого самъ Христосъ обходился"...

Когда доктора настояли на отъѣздѣ Нанси за границу, Пет-

ровна совсѣмъ потерялась, перестала спать ночи и, наконецъ, объявила, что безъ себя Анечку „не отпуститъ“... — „Ты съ ума сошла! Одна дорога сколько стоитъ!“ — возразила Марья Васильевна. — „Деньги у меня и свои найдутся!“ —отвѣтила Петровна, считая достаточнымъ на все-про все пять „красненькихъ“, хранившихся у ней завернутыми въ холстинѣ. Просьбы Нанси склонили мать, а встрѣча съ отельными неудобствами, неожиданная болѣзнь Нанси въ Женевѣ, доказали, что Петровна далеко не лишній въ дорогѣ человѣкъ.

Природный недюжинный умъ Петровны, не понадобившійся ни на что, давно увялъ въ бездѣйствіи и превратился какъ бы въ инстинктъ. Но и этимъ инстинктомъ она понимала и угадывала многое. Тихая, чуть примѣтная ласка свѣтилась въ ея характерно-щурившихся глазахъ, когда она останавливала ихъ на Погожевѣ и Нанси, а по плотно-сжатымъ губамъ скользила улыбка...

XII.

Ясный, сверкающій полдень горѣлъ надъ Кюбли.

Драшусовъ, видѣвшій ночью „указующій перстъ“, простертый изъ рукава рясы съ голубымъ подбоемъ, и признавшій въ этомъ пророческое предвозвѣщеніе грядущихъ успѣховъ, вышелъ къ завтраку на террасу веселый, въ черномъ сюртукѣ и при орденской бутоньеркѣ.

— Оно, видите ли, вотъ...—обратился онъ къ женѣ.—Необходимо намъ въ Аваны отправиться... компатріотамъ визитъ сдѣлать... Слѣдственно, день тамъ и проведемъ...

Компатріотами была жившая въ отелѣ „des Avants“, на сосѣдней возвышенности, совсѣмъ спутавшаяся въ геральдикѣ, дворянская семья. Отецъ, отставной гусаръ, упорно оставался бариномъ, ждалъ „возрожденія сословія“, фабрилъ усы и держалъ высоко голову; сынъ барышничалъ лошадьми, женившись на цыганкѣ отъ „Яра“ и пускаясь въ аферы на „заработанный“ ею капиталъ... Дочь была замужемъ за ростовщикомъ подъ закладныя и содержала отца; а ея сынъ—студентъ, носившій и въ горахъ форменную шинель, выказывалъ себя отчаяннымъ марксистомъ... Въ отелѣ, даже среди обычной тамъ публики „des cordonniers en vacance“, они составляли притчу во языцѣхъ. Драшусова связывали съ ними прочныя узы сосѣдства въ Россіи и... второй закладной...

Послѣ завтрака, вызванная по телефону изъ Монтрё, извоз-

чичья коляска тянулась вверхъ, имѣя подъ своимъ оригинальнымъ бѣлымъ балдахиномъ всю семью Драшусовыхъ; а внизъ— по кратчайшимъ дорожкамъ, то выбѣгавшимъ на веселыя цвѣтущія поляны, то заводившимъ въ лѣсистыя расщелины, заросшія верескомъ, съ тучами гудѣвшихъ дикихъ пчелъ надъ нимъ,— спускался Погожевъ, уже больше недѣли не имѣвшій возможности собраться къ Китаевымъ.

У виллы Матьё онъ увидѣлъ Нанси: она стояла въ садикѣ, надѣвая задумчиво, пальчикъ за пальчикомъ, перчатку; подувавшій вѣтерокъ бросалъ ей на шляпку и плечи отцвѣтавшіе лепестки розоваго каштана.

— Наконецъ!..—сказала она.—Мы думали, что вы уже въ Россіи!

— Я былъ занятъ...

— А теперь мамы дома нѣтъ: она съ утра въ Веве́ къ обѣднѣ и съ визитами уѣхала.

— Развѣ праздникъ сегодня?

— Не праздникъ, но въ Веве́ нѣтъ причта и служить пріѣзжаютъ изъ Женевы, когда случится... Знаете, куда я иду? На кларанское кладбище... Оно, должно быть, очень красиво, судя по прелестнымъ деревьямъ.

Они вышли на троттуаръ. Она не приглашала его съ собою, но онъ чувствовалъ ея желаніе и пошелъ рядомъ. Къ кладбищу, раскинутому надъ Клараномъ, на самомъ гребнѣ холма, вела загородная „верхняя“ дорога. Неподвижный зной, разлитый въ мутной бѣлизнѣ воздуха, такъ и палилъ. Даже птицы притихли и попрятались въ густую, назрѣвшую листву; только цикады и кузнечики, точно спѣша насладиться выпавшимъ часомъ, заливались вокругъ, въ полусухой короткой травѣ, да гдѣ-то вдалекѣ, уныло и съ перерывами, куковала кукушка...

У кладбища показалась изъ воротъ деревенская чета новобрачныхъ. Малорослая женщина, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, длинной вуали и въ цвѣтахъ, опиралась на руку рабочаго, въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ. Они, видимо, только-что повѣнчались гдѣ-то по близости и зашли, по обычаю, поклониться праху родныхъ.

— Какъ странно!.. — промолвила, смотря имъ въ слѣдъ, Нанси.—Точно воскресшіе идутъ вновь жить...

Какая-то мысль отуманила ея подвижныя черты и не отходила долго потомъ, когда они бродили по прямымъ, красивымъ аллейкамъ кладбища, останавливаясь предъ гранитными плитами, бѣлыми мраморными крестами, стройными часовенками... Вокругъ

высились столпообразные кипарисы съ правильно поднятыми вѣтвями, нѣжныя, совсѣмъ бѣлыя, оливы; зеленѣли кусты эвкалиптуса, въ перемежку съ розами, куртинами рѣдкихъ цвѣтовъ. Всюду вѣяло кроткимъ, мирнымъ покоемъ... Торжественную тишину нарушалъ только доносившійся скрежетъ желѣзныхъ граблей сторожа, равнявшаго вдалекѣ гравій на дорожкахъ...

Безоблачное небо надъ Леманомъ озарилось блѣднымъ, широкимъ свѣтомъ; глухо прогрохотали отдаленные удары грома... Изъ-за савойскихъ Альпъ потянулась темная, длинная полоса тучи... Упали шумно и тяжело крупныя капли дождя... Спустя минуту, густыя, сумеречныя тѣни ложились на все; тучи сразу поднялись изъ-за хребтовъ горъ и покрыли небо... Яркой, ослѣпительной струей спустилась молнія въ потемнѣвшій Леманъ, и странно, величественно зарокотали громовые раскаты, будя горное эхо...

Разразилась одна изъ тѣхъ ужасныхъ альпійскихъ грозъ, которыя наводятъ паническій страхъ даже на животныхъ. Погожевъ и Нанси успѣли укрыться въ задней сторонѣ кладбища, подъ навѣсомъ изъ брезента, раскинутымъ надъ глыбами пилившагося тутъ мрамора. Прижавшись къ столбику, не смѣя шевельнуться, они только поглядывали другъ на друга, испытывая чисто-дѣтское, пріятное чувство уютности, прислушиваясь, какъ шумитъ по брезенту и проносится надъ ихъ головами ливень...

— Какъ прелестно!.. Какъ это прелестно! — восклицала Нанси, когда, при блескѣ молній, точно завѣсу раскрывавшихъ,— четко и какъ бы вздрагивая вырисовывались на блѣдномъ, голубоватомъ пространствѣ темныя очертанія горъ...

Гроза шла тою стороной савойскихъ Альпъ — южнымъ склономъ ихъ, и захватила Монтрё только крыломъ. Она скоро утихла. Неясно и рѣдко стали вспыхивать молніи, едва доносились медлительные раскаты грома... Сквозь сѣроватую влажную дымку прорвался солнечный лучъ...

Погожевъ вывелъ Нанси кратчайшими аллейками къ выходу. Противъ воротъ кладбища, у фонтана, журчавшаго между двумя старыми плакучими ивами, они присѣли на каменную скамью. Яркія влажныя краски лежали на всемъ; природа улыбалась, какъ дитя сквозь слезы. Улыбка эта играла въ свѣтлыхъ капляхъ, падавшихъ съ чистой, освѣженной листвы, сверкала на вымытой цвѣтистой травѣ, отдававшей сильнымъ, сразу поднявшимся ароматомъ, рдѣла радугой въ тучкахъ, зацѣпившихся за сосны на ребрахъ горъ и незамѣтно тянувшихся въ высь...

— Какъ прелестно! — не могла удержаться и тутъ Нанси, глянувъ весело на спутника.

Городокъ, куда спустились они, тоже улыбался — вымытый, вычищенный сверху до низу; повсюду клокотали у ногъ народившіеся шумные, пѣнистые ручьи, несшіеся стремительно въ Леманъ; улицы, садики отелей пестрѣли высыпавшими туристами...

— Но вы, все-таки, не были у насъ, и это за вами,—сказала Нанси, прощаясь съ Погожевымъ у виллы.—Только не говорите мамѣ, что мы подъ грозу попали,—прибавила она, понизивъ голосъ:—а то мнѣ достанется, да и вамъ, пожалуй...

Она скрылась въ подъѣздѣ, а Погожевъ, полный тихаго, радостнаго волненія, побрелъ медленно, самъ не зная куда...

XIII.

Прошла недѣля.

Погожевъ валялся и курилъ въ своей долинкѣ, велъ до хрипоты дебаты съ учителями въ Гравьé, но время тянулось совсѣмъ вяло, все выходило какъ-то не по прежнему, чего-то какъ будто не хватало... Въ довершеніе бѣды, настроеніе это не укрылось отъ Драшусовой, и она приняла его на свой счетъ... Горничная была сбита съ толку гофрированьемъ и глаженьемъ; по комнатамъ началъ разноситься запахъ жженыхъ волосъ, такъ что Драшусовъ воскликнулъ даже, глядя на преобразившуюся жену: — „Вѣдь въ деревнѣ мы, слѣдственно къ чему же такъ завиваться!“

Встрѣтивъ и при всемъ этомъ самую несомнѣнную холодность своего „предмета“, Драшусова потерялась. Наступила безмолвная натянутость, отъ которой Погожевъ не зналъ, какъ избавиться, куда дѣться...

Визитъ къ Китаевымъ онъ откладывалъ изъ приличія до полученія новой книжки журнала. Дождавшись ее, онъ въ тотъ же день, несмотря на спускавшіяся уже сумерки, отправился къ нимъ.

Но читать не пришлось. Всѣхъ, даже вѣчно серьезную Петровну, охватывала веселость, и все способствовало этому: только-что пришедшій докторъ остался вполнѣ доволенъ „поведеніемъ“ паціентки; теплый, тихій вечеръ былъ такъ хорошъ, что даже Марья Васильевна не боялась за дочь и раскрыла окна.

Разговоръ зашелъ о Шильонскомъ замкѣ, который Китаевы осматривали въ этотъ день утромъ. Марья Васильевна, соста-

вившая еще въ Смольномъ, по Жуковскому, цѣлый міръ самыхъ трогательныхъ представленій, восторгалась. Нанси не раздѣляла этой восторженности и сказала:

— Чего не ожидала я, такъ это мизерности великаго замка...

— Ты всегда съ своей критикой!—защитилась Марья Васильевна.

— Что-жъ, мама, развѣ я не права?—возразила Нанси.—Отель „Байронъ", рядомъ, совсѣмъ убиваетъ его!

— Разумѣется, не права: на него надо смотрѣть съ озера, какъ англичане дѣлаютъ...

— Ахъ, это идея!—подхватила Нанси.—Вѣдь мы, мамочка, не катались по озеру. Смотри, какой чудный вечеръ! И луна полная, во всей неприкосновенности! Поѣдемъ! Владиміръ Ивановичъ, поѣдемте!

Марья Васильевна была другихъ мыслей: прокатиться въ гондолѣ по-венеціанскому Canale Grande, послушать пѣсни гондольеровъ,—еще стоило бы; но жаться въ неудобной, узенькой лодченкѣ, портить туалетъ и имѣть предъ глазами спину неуклюжаго швейцарскаго лодочника въ полосатомъ трико decolleté et manches courtes...

— Что за охота... ночью!..—отвѣтила она.

— Но какое же удовольствіе днемъ, когда сгорѣть можно!

— Если тебѣ такъ хочется, возьми Петровну съ собой, — рѣшила Марья Васильевна, подойдя предварительно къ окну и выставивъ руку, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли сырости въ воздухѣ.—Не далеко отъ берега, конечно, — дала она наставленіе Погожеву.

Нанси обрадовалась и принялась окутывать шалью Петровну.

Леманъ пестрѣлъ уже мерцавшими, точно звѣздочки, фонариками лодокъ, когда они вышли. Съ одной, вдалекѣ, разливался свѣтъ бенгальскаго огня, доносилось стройное, негромкое пѣнье швейцарскаго гимна...

Лодочниковъ свободныхъ не оказалось. Погожевъ, недурно владѣвшій веслами, принялся самъ за дѣло—подвелъ лодку къ берегу, усадилъ Нанси.

— Идите, Петровна! — крикнулъ онъ, придерживая лодку.

— Вотъ, невидаль какая!..—отвѣтила та равнодушно.—Вы люди молодые, покатайтесь, а я тутъ, на камушкѣ, посижу.

И она опустилась на неостывшій еще отъ дневного зноя большой камень.

Лодка отчалила, сверкая при лунѣ мокрыми веслами, ронявшими свѣтлыя капли... Опрокинутыя савойскія Альпы покачива-

лись въ глубинѣ, занявъ темными гигантскими силуэтами всю половину Лемана... Неподвижная фигурка Нанси, въ шолковомъ ватерпруфѣ и мягкомъ бѣломъ беретѣ, лодка, разбѣгавшіяся струи—все стушевывалось, представлялось неяснымъ подъ трепетнымъ, невѣрнымъ свѣтомъ луны... Такимъ же неяснымъ, съ воздушными очертаніями, вырисовался вскорѣ и Шильонскій зáмокъ; слитыя съ темною глубиной, массивныя розоватыя стѣны, грозная башня съ узкими прорѣзами бойницъ—казались легкими, какъ бы свѣтящимися въ дрожавшемъ сумракѣ. Въ верхнихъ окнахъ мелькали огоньки.

— Тамъ живутъ?—прошептала любовавшаяся Нанси.

— Тюрьма тамъ.

— Что?—рѣзко переспросила она.

— Кантональная тюрьма.

Плечики ея дрогнули подъ ватерпруфомъ, и она примолкла.

— А такой красивый!... — разслышалъ Погожевъ, когда лодка, повернувъ обратно, скользила плавно по теченію.

Въ слитной массѣ надвигавшихся предметовъ выдѣлились стройною колоннадой прибрежные тополи. Погожевъ „затабанилъ“ весломъ, поворачивая къ берегу, но лодка, съ разбѣгу, пролетѣла дальше и врѣзалась въ крупный песокъ, немного ниже прежняго мѣста. Пришлось выйти на отмель.

— Дайте руку!—сказала Нанси, остановившись на ближайшихъ крупныхъ камняхъ и не рѣшаясь ступить дальше.

Они стали перебираться съ камня на камень. Нанси оступалась. Невидимыя, добѣгавшія верхушки волнъ шумѣли у самыхъ ея ботинокъ.

— У меня голова кружится... — проговорила она, теряя равновѣсіе.

Онъ подхватилъ ее и поднялъ какъ перышко. Ея щека касалась его груди, закинутая на плечо рука жгла какъ огнемъ... Голова закружилась и у него, кровь прилила къ горлу, застучала въ вискахъ... Все таившееся, назрѣвавшее вырвалось наружу... Воли не было больше... Онъ наклонился, и дрожавшія губы его припали къ ея кудрямъ... Она замерла безъ движенія, только рука трепетно и сильнѣе сжала плечо...

Петровна дремала, когда подошли они.

— Поздно, чай?—сказала она, приподнимаясь грузно.

Было, дѣйствительно, поздно. Погожевъ, какъ въ туманѣ, прошелъ съ ними до садика и долго стоялъ потомъ, жадно вдыхая начинавшій свѣжѣть воздухъ...

XIV.

Солнце только-что выплывало изъ-за Валлисскихъ горъ и зажигало огнистыми полосами устье Роны, темную, туманную гладь Лемана, озаряло вершины далекихъ холмовъ.

Погожевъ, не спавшій ночь, спускался съ Кюбли къ Кларану—на набережную, гдѣ гуляла по утрамъ Нанси.

Вокругъ нарождалось и начинало дышать румяное утро, полное тонкой мглы и пурпура; стыдливо рдѣли блѣдно-розовыя тучки на горизонтѣ, выступали яснѣе темно-зеленыя горы, повитыя туманомъ, загорались мгновенно росистыя луговины... Впереди, внизу, солнце уже заткало золотистыми нитями сѣроватый туманъ, крывшій нѣжною, прозрачною дымкой холмы, деревья, купы высокихъ тополей, превращавшій все во что-то неузнаваемое, волшебное... Рѣзко и длительно звучалъ гдѣ-то альпійскій рогъ—вѣстникъ пробуждавшейся жизни...

Погожевъ не видѣлъ и не слышалъ ничего. Радость и боязнь, надежда и сомнѣніе охватывали его; сердце то ныло сладостною болью, то падало, какъ въ испугѣ...

Было совсѣмъ еще рано, когда вошелъ онъ въ Кларанъ. Тянулись на рынокъ въ Монтрё крестьянскія телѣги—длинныя и съ такими же длинными холщевыми кибитками, полныя цвѣтовъ, овощей; въ отеляхъ горничныя, въ бѣлыхъ тюлевыхъ чепчикахъ, выколачивали свѣшенные изъ оконъ коврики; дорожный сторожъ, гладко выбритый и съ сигарою въ зубахъ, поливалъ изъ насоснаго рукава улицу.

Чтобъ убить время, Погожевъ завернулъ въ кафе, набитое одинокими работниками и работницами, пившими свой утренній кофе на молокѣ, и усѣлся задумчиво за столикъ, предъ стаканомъ сиропа съ водой.

На набережной, когда появился онъ тамъ, уже начиналась жизнь: расхаживали пунктуальные англичане въ бѣлыхъ фланелевыхъ костюмахъ; устраивались подъ платанами цвѣточницы; размѣщались за парапетомъ рыболовы-туристы въ затѣйливыхъ блузахъ и съ дорогими удилищами... Отъ пристани показалась изъ-за тополей Нанси... Въ радостномъ испугѣ и едва переводя духъ, Погожевъ подошелъ къ ней...

— Вы простите меня?—заговорилъ онъ.—Я былъ безумный вчера...

— А я?..—отвѣтила она, краснѣя и поднявъ на него ласковые, все сказавшіе глаза...

XV.

Встрѣчи ихъ стали такъ же неизбѣжны, какъ появленіе солнца изъ-за горъ... Они сходились рано, и разставались, какъ только начинала оживать набережная. Въ свободное для Погожева время они видѣлись за городомъ, и любимымъ мѣстомъ ихъ стала скамья подъ плакучими ивами у кларанскаго кладбища. Тамъ, подъ тихое, меланхолическое журчанье фонтана, они любовались панорамою горъ, привольною ширью сверкающаго, измѣнчиваго Лемана, съ его вѣчно-новыми, неожиданными картинами,—заглядывали въ будущее, спорили, мечтали...

Ихъ счастье было такъ полно, чувства такъ гармоничны, что они не думали даже о ласкахъ, о внѣшней короткости, слитые внутренно въ каждомъ движеніи, каждомъ помыслѣ, и оставались обыкновенно на „вы".

Порою нападала на нихъ полоса думъ, серьезности. Тогда Нанси посвящала Погожева въ „грызшіе" ее—какъ выражалась она—религіозные вопросы, сомнѣнія, а онъ передавалъ ей „странички" изъ своей нерадостной жизни, ставившей на первыхъ же порахъ въ разладъ съ семьею, обрекавшей на одиночество.

— Отецъ мой, какъ вы уже знаете, не изъ большихъ господъ... мѣщанинъ простой... — заговорилъ онъ въ одну изъ такихъ бесѣдъ.—Весь внутренній укладъ его—стараніе не пропить копѣйки, не огорчить начальства, устроиться во всемъ такъ, чтобъ его хата была, что называется, съ краю... И все это на почвѣ самой показной религіозности... Мать—существо пассивное, безсильная, любящая душа, а въ дѣлѣ вѣры—младенецъ... Ну, пріучали и меня къ религіозному съ дѣтства. И я воспринималъ, со всею ребяческою отзывчивостью... до экстаза могъ доходить... Не помолиться утромъ или на ночь, не отправиться въ праздникъ къ обѣднѣ, было несчастіемъ для меня... Но эту вѣру убилъ самъ же родитель мой... Съ первымъ пониманіемъ словъ Христа сдѣлался понятнымъ мнѣ и цинизмъ, обращавшій религіозное на служеніе земной выгодѣ, мелкимъ страстямъ; сдѣлалось понятнымъ лицемѣріе—не какъ чей-то порокъ, а какъ естественная, должная основа житейскаго... И не чрезъ разумъ—онъ еще слабъ и несамостоятеленъ былъ,—а чрезъ чувства, чрезъ всю формировавшуюся, болѣзненно-нѣжную натуру прошло это сознаніе, оставивъ за собою оцѣпенѣніе, столбнякъ какой-то... Особенно памятенъ одинъ случай... Было это лѣтомъ. Отецъ выкладывалъ что-то на счетахъ, сидя предъ кон-

торкой; за открытымъ окномъ стоялъ сѣдой, исхудавшій и оборванный мужиченко... Постигнутый какимъ-то горемъ, онъ нылъ жалобно и однообразно, выпрашивая нѣсколько рублей изъ заработаннаго. Отецъ стукалъ костяшками и отвѣчалъ равнодушно: „Не порядокъ это: къ Петровкамъ платится... къ Петровкамъ, другъ любезный"...—„Да много-ль до Петровокъ-то!"—„Хоть бы часъ"...—Мужиченко задумался, потомъ взмахнулъ шапкой въ рукѣ и крикнулъ пискливымъ, надорваннымъ голосомъ:—„Умираетъ вѣдь баба-то, Иванъ Платонычъ!"—„А ты ей красный платокъ покажи, она и вскочитъ!.."—Мнѣ было жаль мужиченка и казалось, что отецъ не вникаетъ достаточно въ дѣло, занятый своими выкладками. „Папаша,—заговорилъ я, подбѣжавъ къ нему:—Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ на горѣ: „*Просящему у тебя дай*"...—„Нà, вотъ, нà!"—отвѣтилъ, повернувшись ко мнѣ, отецъ и щелкнулъ меня два раза въ лобъ своимъ крѣпкимъ, точно желѣзнымъ пальцемъ.—„Дуракъ! Какъ ты вѣкъ-то жить станешь!"—прибавилъ онъ съ неподдѣльнымъ сокрушеніемъ...

— Спустя сутки,—продолжалъ, помолчавъ, Погожевъ,—я метался въ нервной горячкѣ, и предо мной стояли „проклятые вопросы":—„Почему я дуракъ за святыя, великія слова?.. Если нельзя жить вѣкъ по Евангелію, то какъ же надо жить?.. Если сокрушается отецъ, то, значитъ, ему больно, значитъ, есть другая правда, другое Евангеліе?.."—Отъ горячки я избавился скоро, но прежняя беззавѣтная вѣра, душевная благость—отлетѣли... Потомъ, ставъ ближе къ жизни, я убѣдился, что казавшійся мнѣ такимъ исключительнымъ внутренній укладъ отца—чуть не общее достояніе... что вѣра требуется лишь какъ ритуалъ, безъ связи съ дѣйствительностью... Что совѣсти не находится ни мѣста, ни простора... Все это, разумѣется, только въ предѣлахъ личнаго, важнаго лишь для меня, опыта... Но подъ его вліяніемъ религіозное, мало-по-малу, отпало отъ организма, смѣнилось безъинтересностью... индифферентизмомъ... Вотъ это и хотѣлось мнѣ высказать,—заключилъ онъ, взявъ руку Нанси,—выяснить, въ виду нашихъ отношеній... нашего будущаго...

Она вопросительно подняла на него глаза.

— Вы желаете, чтобъ я была также индифферентна?

— О, нѣтъ! Напротивъ, я боюсь, что вы, при вашихъ взглядахъ...

— Владиміръ!—не дала она договорить ему.—Почему вы, подобно мамѣ, видите во мнѣ не вѣрующую, а какъ бы... изувѣрку какую-то?..

Заключеніе было такъ неожиданно, что Погожевъ чуть не привскочилъ на скамьѣ.

— Я?.. изувѣрку?..—пролепеталъ онъ.

— Какъ же могли вы думать, что я коснусь вашей совѣсти?.. И какъ можно совмѣстить вѣру и насиліе надъ другимъ? А если такъ, то и у всякаго то же право насиловать... Кто сильнѣе, значитъ?..

Онъ молча притянулъ ея ручку къ губамъ, и робко—какъ это бывало съ нимъ всегда—покрылъ ее поцѣлуями...

Однимъ утромъ, когда Нанси собиралась на прогулку, Петровна сказала, покачавъ головой:

— Охъ, дѣвка!

Нанси глянула въ ея свѣтившіеся глазки и кинулась ей на шею.

— Ну, ну, не ластись!—отвѣтила Петровна, поглаживая въ то же время ее по волосамъ.—Смотри, кабы мать-то!..

Но Нанси не ластилась. Жившая въ какомъ-то блаженномъ угарѣ, порабощенная раскрывавшеюся великою тайной любви, она только уступала порыву—выплакать свое счастье

XVI.

Возвращаясь съ почты, изъ Гравьѐ, Погожевъ еще издалека замѣтилъ гостей на террасѣ шалэ.

Это были „притащившіяся“ Жюли и Катишь. Онѣ сидѣли съ Драшусовою за круглымъ столомъ и работали языками съ такимъ рвеніемъ, что едва успѣвали промачивать горло бѣлымъ виномъ съ бисквитами... Какъ только приблизился Погожевъ, всѣ смолкли. Онъ не обратилъ на это вниманія, не замѣтилъ даже пылавшаго, взволнованнаго лица хозяйки, и прошелъ, раскланявшись, въ свою комнату.

Гостьи ушли спустя лишь нѣсколько часовъ, а вслѣдъ за тѣмъ явившаяся горничная доложила Погожеву, что m-me гуляетъ въ рощѣ и проситъ его туда „immédiatement“.

Онъ отправился, недоумѣвая.

Драшусова, въ бѣломъ гофрированномъ капотѣ, напудренная по кольдкрему, прохаживалась невдалекѣ отъ террасы по дорожкѣ между соснами. Полуощипанный розанъ въ рукѣ подчеркивалъ нервное состояніе...

— Владиміръ Ивановичъ! Вы въ опасности!—начала она таинственно и съ театральною жестикуляціей.

— Въ какой-съ?—спросилъ тотъ, озадаченный.

— Вы въ сѣтяхъ, вы будете погублены! Я знаю... изъ вѣрнѣйшаго источника...

— Не понимаю!

— Вы влюблены и васъ завлекаютъ самымъ недостойнымъ образомъ!—пояснила она, терзая розанъ.

Погожевъ вспыхнулъ.

— Я никого не просилъ заботиться о моей безопасности,—сказалъ онъ.—И не думаю, чтобы были *вѣрные* источники знать чужія, личныя дѣла...

— Вы отвергаете мою дружбу?.. дружбу женщины?!

Онъ молчалъ.

— Вы... вы жестокій человѣкъ!

Она бросила въ него остаткомъ розана и скрылась въ чащу деревьевъ. Онъ не послѣдовалъ за нею, стоя въ раздумьѣ. Бѣлый капотъ появился снова на дорожкѣ, но облекалъ уже совершенно иную даму—строгую, надутую...

— Вы сказали, что это—ваше личное дѣло, — произнесла она.—Я не согласна съ такимъ взглядомъ: вамъ довѣрены дѣти, отъ васъ требуется извѣстное поведеніе...

— Да?—чуть не разсмѣялся Погожевъ.—Но поведеніе мое, кажется, внѣ упрека...

— Вы часто отлучаетесь...

— Не въ ущербъ моимъ обязанностямъ.

Драшусова помолчала. Нѣжныя чувства брали, казалось, верхъ надъ нею, хотя глаза подъ низенькимъ лбомъ и зеленѣли чѣмъ-то недобрымъ...

— Я отъ души, отъ сердца отнеслась къ вамъ, Владиміръ Ивановичъ...— заговорила она, приблизившись и чуть не касаясь его жилета напудреннымъ носомъ.—И во мнѣ вы всегда встрѣтите друга... Вотъ рука моя...

Изліяніе прервали выбѣжавшія на террасу дѣти. Костя стучалъ въ бубенъ, а Петя выкрикивалъ: „Обѣдать! обѣдать!“...

XVII.

Погожевъ не сомнѣвался, что вѣсти о немъ доставлены пронырливыми гостьями, и сердце у него сжималось при мысли о той грязи сплетенъ и пересудовъ, въ которой можетъ очутиться

имя Нанси. На Драшусову не могъ онъ взглянуть безъ какого-то нервнаго, непріятнаго содраганія. Послѣ обѣда онъ ушелъ къ себѣ и не показывался больше, угнетенный нестерпимымъ подобіемъ сплина...

Слѣдующій день былъ воскресенье. Драшусовы съ утра уѣхали въ Монтрё, гдѣ устроивался семьею компатріотовъ завтракъ въ курзалѣ. Погожевъ, разсчитывавшій отправиться къ Китаевымъ, остался съ дѣтьми плѣнникомъ на весь день.

По тропинкамъ окружныхъ горъ, куда только хваталъ глазъ, спускались принаряженные крестьяне и крестьянки; мелькали среди зелени кустовъ шляпки, зонтики, яркія платья. По сѣрымъ извивамъ шоссе, соединявшаго деревни, тянулся, съ музыкой и знаменами, пестрый, длинный кортежъ какого-то общества... Погожевъ чувствовалъ себя какъ въ тюрьмѣ. Не зная, чѣмъ развлечься, онъ сталъ строить съ дѣтьми на террасѣ карточные домики, пускать кораблики въ тазу... Но мысли не слушались и упорно бѣжали къ виллѣ Матьё...

На виллѣ, между тѣмъ, все стояло вверхъ дномъ...

Петровна, затепливъ въ кухнѣ предъ мѣднымъ складнемъ огарокъ восковой свѣчи, клала земные поклоны, поминая „царя Давида и всю кротость его"... Въ гостиной, раскраснѣвшаяся, утратившая всю свою свѣтскость, Марья Васильевна потрясала опущеннымъ кѣмъ-то въ ящикъ у двери безъимяннымъ письмомъ, грубо чернившимъ Погожева, сообщавшимъ о его „амурныхъ свиданіяхъ" съ Нанси, и кричала:

— Ты признаешься... разумѣется! Когда открылось все... Да! Съ какою же цѣлью утаивала ты?!

— Да не утаивала же, мама... Пойми ты меня!—силилась объяснить ей вся дрожавшая Нанси. — Есть многое, въ чемъ раньше, чѣмъ говорить даже съ матерью, бываетъ надобно разобраться самой... увѣриться собственными чувствами, мыслями...

— Что же мнѣ заключать? Что думать о нравственности барышни, которая....

— Мама!—перебила ее Нанси.—Развѣ ты не знаешь, что нравственность бережется не присмотромъ въ десять глазъ, а тѣмъ, что человѣкъ имѣетъ нравственныя правила, сознаетъ ихъ... Развѣ ты можешь сказать, что у меня нѣтъ этихъ правилъ?.. Зачѣмъ ты обижаешь меня?

— Но мы осрамлены, опозорены!—воскликнула Марья Васильевна, бросивъ письмо на столъ.

— Позоръ на томъ, кто клевещетъ...

Марья Васильевна притихла и прошлась по гостиной. Она

вѣрила дочери, но мысль „упасть во мнѣніи“ даже сброднаго курортнаго общества—приводила ее въ ужасъ.

— Во всякомъ случаѣ, это знакомство надобно прекратить!—сказала она.

— Нѣтъ, я не сдѣлаю этого...

— Нанси!

— Не сдѣлаю, мама... потому что онъ ничѣмъ не заслужилъ...

— Безцѣльныхъ, компрометтирующихъ отношеній я не могу позволить!

— Не безцѣльныхъ, мама...—Нанси подумала и закончила:—Я люблю его и хочу быть его женой...

Марья Васильевна ахнула, зажала уши и выбѣжала.

Спустя нѣсколько минутъ, она шла по набережной, натягивая торопливо перчатки, наталкиваясь на встрѣчныхъ... Приливавшая и отливавшая шумная праздничная толпа, осаждавшая всюду кафѐ, совсѣмъ затерла ее; къ пристани не видѣлось даже возможности пробраться; у станціи электрическаго трамвая оказались полчища кандидатовъ... Забывъ всякую разсчетливость, она сѣла въ первую попавшуюся коляску — парную и потому съ двойной таксой—и приказала ѣхать въ Веве́—къ доктору.

XVIII.

Докторъ, занимавшій большую, покойную квартиру въ чинномъ протестантскомъ домѣ отдаленной улицы, обѣдавшій у себя, знавшій изъ всѣхъ удовольствій только прогулки, былъ, по обыкновенію, дома.

— Что̀ случилось?—спросилъ онъ, вглядываясь въ разстроенное лицо Китаевой.

— Докторъ,—заговорила она, почти упавъ въ кресло:—мы уѣзжаемъ изъ Монтрё... Посовѣтуйте, куда бы намъ... гдѣ полезно для Нанси?

— Есть Іеръ... Санъ-Ремо... Мало ли куда можно...—отвѣтилъ, несовсѣмъ понимая ее, докторъ.—Да въ чемъ дѣло-то? Что̀ за причина?

— Ахъ, докторъ!—я такъ разстроена, поражена... Я буду откровенна...

И она разсказала о письмѣ, о признаніи дочери.

— Нельзя же намъ послѣ этого оставаться въ Монтрё!—воскликнула она.

— Не вижу, почему, — отвѣтилъ спокойно докторъ. — На сплетни, да еще въ русской колоніи, нечего обращать вниманія, а что до остального, то, знаете, о томъ, вкусны ли вишни, надо спрашивать у дѣтей да у воробьевъ... Въ добрый часъ! Честнымъ пиркомъ да за свадебку...

— Но я—мать, докторъ, — серьезно возразила Китаева. — Для Нанси это... это mésalliance... Что такое Погожевъ? *Учитель*!—подчеркнула она.

Докторъ не былъ сторонникомъ такихъ взглядовъ и не имѣлъ привычки скрывать свои мнѣнія. Онъ нахмурился, покачивая положенною одна на другую ногой.

— Молодой, образованный человѣкъ—всегда хорошая партія, если нѣтъ дурного за нимъ, — заговорилъ онъ. — Да и до мыслей ли о мезальянсѣ, когда... когда...

Онъ передвинулъ предъ собою книгу на столѣ, положилъ прямѣе карандашъ.—„Когда жизнь на волоскѣ... когда только и остается, что мигъ счастья"...—мелькало у него въ головѣ.

— Когда болѣе серьезные предразсудки отжили, похоронены...—продолжалъ онъ.—Эхъ, Марья Васильевна! Жизнь, разумѣется, на то и жизнь, чтобы кипѣть, мѣняться, спѣшить къ новому... Но нашей родной дѣйствительности не мѣшало бы и позадерживаться кое-на-чемъ... Отъ недавняго былого у насъ успѣли уже отвернуться, успѣли оплевать его... Да. Но основной мотивъ этого былого легъ всюду и навсегда... И что звучитъ въ этомъ мотивѣ? Трудъ, а не наслѣдство... знанія, а не титулъ... Отошла въ вѣчность и та мѣрка любви къ дѣтямъ, по которой ихъ рядили, откармливали и выводили на проторенную уже родителями дорогу... Теперь недостаточно любить ихъ, а надо еще *понимать*, изучать... Сложны, нервозны они въ нашъ вѣкъ — не прежніе безотвѣтные... Это я какъ человѣкъ говорю, и вы извините меня. А какъ докторъ, я долженъ предупредить васъ, что сильнаго потрясенія... огорченія... не вынесетъ Анна Николаевна...

— Докторъ!—подняла умоляюще руки Марья Васильевна.

— Не вынесетъ... Я не ручаюсь...

Вставшая предъ Китаевою мысль заставила ее помертвѣть.

— Вы находите... у Нанси?..

Она не рѣшилась произнести страшнаго слова и зарыдала.

— Полноте, не тревожьтесь,—сталъ успокоивать ее докторъ. —Я нахожу, что Анна Николаевна впечатлительна, нервна... что ей надо укрѣплять свои силы... При такихъ условіяхъ, вы понимаете, осложненіе возможно...

Онъ продолжалъ утѣшать ее, далъ ей понюхать спирту, сказалъ, что завтра же навѣститъ Нанси.

XIX.

Коляска, не спѣша, катилась по гладкому шоссе, отѣненному по сторонамъ еще не разросшимися кленами, рябинками. Налѣво, за квадратиками низенькихъ каменныхъ оградъ, зеленѣли по склонамъ виноградники, съ небольшими, только-что наливавшимися, бурыми и голубоватыми гроздьями; направо, у самой воды озера, высились чудныя, богатѣйшія дачи, съ садами и цвѣтниками, съ фонтанами, съ лѣпными вазами на воротныхъ столбахъ, полными цвѣтовъ. Марья Васильевна безучастно оглядывала это, всегда плѣнявшее ее оригинальное „avenue", не прерывающееся до самаго Монтрё. Мысли ея бродили точно въ туманѣ... Давно слившіяся съ пройденною далью картинки минувшаго вставали одна за другой... Вспомнился вечеръ, когда отецъ, креатура титулованной бездарности, возвратясь изъ коммиссіи, сорвалъ съ себя злобно звѣзду и прошепталъ, скрививъ беззубый ротъ: — „Не надобны стали мы... ученыхъ подавай!.. Не безкорыстіе корчить, не къ журналамъ прислушиваться слѣдовало, а брать и брать, чтобы не съ нищенскою пенсіей оставаться теперь!.." Вспомнились наступившіе черные дни... покровительница-баронесса, выискавшая въ женихи пустого, недалекаго владѣтеля наслѣдства... Вспомнился и юный, горячій порывъ, когда дана была воля чувствамъ, а не разсчету, избранъ былъ скромный жизненный путь, а не роскошное прозябаніе... Не подъ вліяніемъ ли оплеваннаго теперь поступила она такъ?.. Да... Но вліяніе кончилось, а для русскаго человѣка неизбѣжно, чтобы его вели подъ-уздцы... И новая сила ведетъ, направляетъ по теченію... и нѣтъ смѣлости плыть противъ... Въ глубинѣ души шевельнулся горькій вопросъ: *понимала* ли она дочь?.. И совѣсть отвѣтила, что *нѣтъ*... что любвеобильныя материнскія заботы, ласка и кара, помыслы и желанія—все стремилось не отвѣтить ея свойствамъ, а подогнать ихъ подъ свой избранный шаблонъ...—„Не скрываетъ ли докторъ?.."—встала вдругъ мысль, и сердце замерло между страхомъ и надеждой...

Мелькнули „Ѳермопилы", какъ назвала это мѣсто Нанси во время поѣздки къ доктору,—гладкая скалистая стѣна налѣво, а направо обрывъ прямо въ Леманъ... Вотъ и Кларанъ... Коляска бойко понеслась подъ гору, кучеръ торопливо завертѣлъ

ручку тормаза... Линіи богатыхъ отелей и пансіоновъ по сторонамъ... а тамъ и Монтрё...

Уже пылалъ закатъ, кроя багрянымъ заревомъ Леманъ, и по горизонту тянулись алыя полосы облаковъ. Между ближайшихъ Водуазскихъ горъ, высоко въ долинѣ, наполняя ее всю, лежала яркая, прозрачная радуга...

XX.

Слѣдующимъ утромъ Погожевъ не встрѣтилъ Нанси на набережной. Вернувшись разстроенный на Кюбли, онъ нашелъ письмо Марьи Васильевны, приглашавшее его „пожаловать" отъ трехъ до пяти.

Передумавъ о многомъ, страшась, въ виду словъ доктора, растревожить дочь настойчивостью, она успокоилась на мысли, что увлеченіе Нанси есть только плодъ скуки и отсутствія общества, что съ возвращеніемъ въ Россію все перемѣнится. Главное было—отдалить конечную развязку. Къ этому и приступила она, разсуждая справедливо, что „qui a temps, a vie"...

Смущенный холоднымъ тономъ приглашенія и внутренно предугадывая причину, Погожевъ вошелъ въ гостиную, не смѣя поднять глаза. Еще холоднѣе встрѣтила его Китаева, подвинувъ ежу лежавшее на преддиванномъ столикѣ письмо и сказавъ коротко: „Прочтите".

Несмотря на старательно измѣненный почеркъ, двѣ-три буквы знакомаго характернаго начертанія, а особенно фіолетовыя чернила, употреблявшіяся въ шалэ, сразу обличили предъ нимъ авторшу письма... Пробѣжавъ его, онъ почувствовалъ, что полъ точно опускается подъ нимъ...

— Мои намѣренія были честны...— проговорилъ онъ слипавшимися губами.

— Не сомнѣваюсь!—отвѣтила Китаева, пройдясь по гостиной и остановившись на приличномъ разстояніи. — Жалѣю только, что мнѣ, матери, пришлось узнать позднѣе, чѣмъ постороннимъ...

Горло совсѣмъ перехватило у Погожева, предъ глазами забѣгали круги...

— Нанси объяснила мнѣ, что вы дали другъ другу слово...

— Да...—вымолвилъ онъ, ожидая смертнаго приговора.

— Я не буду противъ... не знаю, какъ мужъ...

Предъ Погожевымъ все точно солнцемъ озарилось.

— Марья Васильевна!—заговорилъ онъ, шагнувъ къ ней.—

Я виноватъ... я не долженъ былъ такъ, конечно... Я прошу простить меня... осчастливить...

Простымъ, хорошимъ чѣмъ-то повѣяло на Китаеву и отъ этихъ словъ, и отъ искренняго юношескаго смущенія,—сердце дрогнуло у нея. Но роли она осталась вѣрна.

— Мы не дома,—отвѣтила она,—и это не допускаетъ пока ничего... оффиціальнаго... Для другихъ мы должны остаться знакомыми, какъ были.

— Вы позволяете надѣяться?

Она протянула ему руку. Онъ прикоснулся губами къ кончикамъ пальцевъ и спросилъ:

— Я не увижу Анну Николаевну?

Китаева вышла, шурша шолковымъ платьемъ, и вернулась съ Нанси.

— Я приняла сдѣланное тебѣ Владиміромъ Ивановичемъ предложеніе,—объявила она церемонно.—Свадьба, разумѣется, можетъ быть только въ Россіи...

Натянутые нервы Нанси не выдержали, и слезы градомъ посыпались у нея изъ глазъ. Плача и стараясь улыбнуться, она пожала руку Погожеву и подставила ему щечку для поцѣлуя...

XXI.

Съ горъ, окружавшихъ Кюбли, начали доноситься по утрамъ негромкіе пушечные выстрѣлы и отдаваться перекатами по холмамъ; вечерами пылали на высотахъ костры, дрожало зарево бенгальскихъ огней... Это праздновались „Promotions“ — дни школьныхъ публичныхъ экзаменовъ и роспуска учениковъ.

Деревенька Гравьѐ, въ наступившій у нея день, покрылась съ ранняго утра флагами, закипѣла весельемъ. Послѣ пальбы изъ старинной общественной пушки открылся школьный публичный актъ. Погожевъ былъ въ числѣ приглашенныхъ почетныхъ гостей и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ отличившійся знакомецъ его, Жоржъ, принялъ изъ рукъ предсѣдателя высшую награду, въ видѣ цѣлой кипы книгъ съ золотыми обрѣзами... Въ полдень, на тесовомъ помостѣ подъ вѣковыми дубами и орѣховыми деревьями, данъ былъ отъ общества обѣдъ школьникамъ и школьницамъ, изобиловавшій праздничною пышностью блюдъ и рѣчей ораторовъ — деревенскихъ „стариковъ“... Затѣмъ слѣдовали, по программѣ „комитета празднества“: стрѣльба изъ

арбалетовъ, гимнастическія игры, кортежъ въ національныхъ костюмахъ всѣхъ кантоновъ...

Вечеромъ деревья освѣтились бенгальскими огнями, и на помостѣ, окруженномъ гирляндою разноцвѣтныхъ фонариковъ, начались танцы. Игралъ мѣстный оркестръ любителей, состоявшій изъ флейты, гобоя да контрабаса со скрипкой,—альтъ отправлялъ воинскую повинность, а труба, имѣвшая спеціальностью перебивку тюфяковъ, находилась въ отхожемъ промыслѣ, въ горахъ... Для публики устроены были импровизированныя скамьи изъ длинныхъ тесинъ на козлахъ...

Въ самый разгаръ танцевъ, ко входной аркѣ изъ зелени и флаговъ подъѣхалъ семейный брэкъ. Изъ него вышли Китаевы съ докторомъ. Ихъ встрѣтилъ Погожевъ, а учителя-распорядители вручили имъ красивенькіе значки, дававшіе право входа.

Нанси, въ скромномъ сѣро-голубомъ платьѣ, убранномъ живыми эдельвейсами, — скупленными въ это утро у крестьянской мелюзги, спускающейся съ горъ къ пристани, сбывать туристамъ всякія рѣдкости,—и съ вѣтками горнаго рододендрона въ волосахъ, была необыкновенно миловидна; шумѣвшая же вокругъ, давно уже незнакомая веселость отзывалась совсѣмъ заразительно на ея впечатлительномъ существѣ...

— Вы позволите мнѣ?.. Только вальсъ, съ Владиміромъ Ивановичемъ...—обратилась она къ доктору.

— А если не позволю,—отвѣтилъ тотъ вопросомъ:—вы будете спокойны и довольны?

— Нѣтъ...

— Ну, вотъ, видите! Значитъ, изъ двухъ золъ надо меньшее выбирать... Идите... Только, не до упаду!

Нанси положила руку на плечо Погожеву и благоразумно сдѣлала всего два тура... Но на дорогѣ щелкнулъ предъ ней каблуками герой вечера, Жоржъ,—въ новенькой курткѣ, широкихъ отложныхъ воротничкахъ и съ огненнымъ цвѣткомъ граната въ петлицѣ...

Отказать затѣмъ почтенному предсѣдателю „комитета празднества“ (онъ же поставщикъ форелей для Монтрё) было уже совсѣмъ невозможно...

— Вотъ что̀ значитъ попадать на покатую плоскость! — сказалъ докторъ.

Она только глянула на него изъ-за вѣера полными благодарности глазами и заняла мѣсто на гнувшейся и скрипѣвшей подъ публикою скамьѣ, сохраняя безукоризненно правило: „tenez-vous droit“...

Марью Васильевну этотъ неподдѣльный „bal champêtre“, знакомый ей раньше лишь по французскимъ романамъ, совершенно преобразилъ. Охваченная ласковымъ дыханіемъ горной ночи, окружавшею завлекательною новизной, она покинула всю свою свѣтскую манерность, принялась лорнировать прифрантившуюся деревенскую молодежь, типичныя, бородатыя фигуры старшихъ, повела оживленную „causerie“ съ прилично-словоохотливыми „кумушками“...

На утро Погожевъ объявилъ Драшусову, что съ наступившими каникулами онъ считаетъ себя свободнымъ отъ обязанностей и переѣзжаетъ въ Монтрё.

— Какимъ родомъ!—удивился тотъ.

— Такъ складываются мои обстоятельства...

Драшусовъ задумался, сцѣпивъ бороду въ кулакъ.

— А вѣдь именно къ этому, къ непріятности, сонъ былъ прошедшею ночью! — воскликнулъ онъ вдругъ. — Воронъ кружился надо мной и... можете представить... прямо на голову мнѣ!.. Вотъ и оправдывается!

Къ вечеру пророчество оправдалось еще блистательнѣе: на диванѣ въ залѣ корчилась и визжала въ жесточайшемъ приступѣ истерики Настасья Ниловна, а въ кабинетѣ Драшусовъ, вооруженный безтолковымъ словаремъ лейпцигскаго изданія, составлялъ французскія телеграммы въ Россію, хлопоча о высылкѣ денегъ, о продленіи отпуска — „въ виду неотложности быть въ Парижѣ, поручить жену попеченіямъ Шарко“...

XXII.

Погожевъ занялъ меблированную комнатку, невдалекѣ отъ виллы.

Какъ только отворялись жалюзи увитаго глициніями окна, онъ шелъ пожелать дамамъ добраго утра и напиться съ ними чаю, къ которому, высказывая внимательность и съ своей стороны, Китаева пригласила его разъ навсегда,—потомъ провожалъ Нанси до набережной. Несмотря на неоффиціальность положенія жениха, сѣть непримѣтныхъ сближающихъ мелочей не замедлила сплестись и поставить его въ роль какъ бы своего человѣка, подчасъ даже необходимаго. Иногда все складывалось такъ, что

приходилось проводить у Китаевыхъ весь день. Для Нанси наступалъ тогда праздникъ, и она окружала жениха тою невидимо наполняющею все нѣжною заботливостью, которая составляетъ тайну любящей женщины... Невольно трогаясь витавшимъ радостнымъ настроеніемъ, счастливою беззавѣтностью молодости, Китаева смотрѣла умиленно на дочь, переходила къ короткости съ Погожевымъ.

Въ особенно хорошую погоду устроивалась какая-нибудь partie de plaisir. Всѣ втроемъ отправлялись на ту сторону Лемана—позавтракать въ простенькомъ ресторанчикѣ живописнаго мѣстечка Буврэ, въ Веве́,—навѣстить доктора, или на одну изъ окружныхъ горъ— погулять на вершинѣ, въ вѣковѣчномъ дубовомъ лѣсу...

Къ числу посѣтителей гостиной, — гдѣ Погожевъ старался показываться по возможности рѣже, — прибавился еще одинъ: сэръ Говеръ, переселившійся изъ Женевы въ Кларанъ. Статный, корректный мужчина, всегда съ свѣже-пробритымъ подбородкомъ и самымъ экзотическимъ цвѣткомъ въ петлицѣ чернаго сюртука, онъ, съ прославленною національною неизмѣнностью, являлся теперь разъ въ недѣлю, узнать о здоровьѣ miss Anne, и давалъ знать о себѣ всегда одинаковымъ — короткимъ, рѣшительнымъ звонкомъ.

Не явившись однажды почему-то, онъ прислалъ вмѣсто себя букетъ—столь же примѣчательный, какъ и самъ сэръ... Безъискусственный, связанный просто „снопомъ", онъ былъ удивительно прекрасенъ: помимо чудныхъ розъ, датуръ, лилій, пармскихъ фіалокъ, благоухали огромныя вѣтки многолѣтнихъ азалій, магнолій, топырились рѣдкіе кактусы, съ только-что распустившимися цвѣтками...

— Это откуда?—удивился Погожевъ, заставъ Нанси разбиравшею букетъ на столѣ въ гостиной.

— Сэръ Говеръ прислалъ...

— Оно и видно: цѣлая оранжерея загублена!

— А вы... не ревнуете?— спросила, не глядя на него, Нанси.

— Разумѣется, нѣтъ.

— Отчего же?

— Оттого, что слишкомъ люблю васъ...

Она повернулась, вскинувъ въ изумленіи бровки, но подумала и сказала:

— Да, пожалуй... Кого ревнуютъ, того не уважаютъ... Но

мнѣ все-таки кажется, что ревность надо переживать въ любви, какъ корь въ дѣтствѣ...

Она приблизила нѣсколько вѣтокъ къ самому лицу, вдыхая ароматъ, и добавила:

— А къ Говеру было бы и не грѣхъ приревновать: онъ— мой женихъ...

— Женихъ?—переспросилъ Погожевъ, чувствуя, какъ невольная краска бросается ему въ лицо.

— Давнишній... женевскій еще... Но вѣдь для васъ все равно это,—вы не ревнуете...

Она умолкла и стала опускать цвѣты въ вазу съ водой.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Я не шутила...

— Зачѣмъ вы школьничаете?!..

Она помахала на него вѣткой азаліи, какъ вѣеромъ, проговорила: „прохладитесь", и стала разсказывать:

— Да... Онъ ухаживалъ за мною въ Женевѣ, сдѣлалъ предложеніе мнѣ... продолжаетъ, кажется, надѣяться и теперь... Онъ очень богатъ и будетъ лордомъ... когда кто-то умретъ въ фамиліи у нихъ... Кромѣ того, онъ человѣкъ хорошій и... нравился мнѣ... Что же? Я тогда не знала васъ... Потомъ я не рѣшилась, отложила отвѣтъ...

— Почему... если это не будетъ нескромностью?

— Почему?.. Потому что... какъ вамъ сказать?.. Пользоваться счастьемъ, оторвавшись отъ всего родного, точно въ изгнаніи, я не могла бы... Такъ представляется мнѣ... Было и другое: я никакъ не могла подавить въ себѣ... въ душѣ инстинктивнаго мучительнаго чувства, какой-то безотчетной увѣренности, что ему, въ его іоркширскій замокъ, надобна не жена, не я, собственно, а модная теперь „русская боярыня"... какъ ваза рѣдкая, напримѣръ, или ширмы японскія.

XXIII.

Однимъ жаркимъ августовскимъ утромъ Марья Васильевна встрѣтила Погожева полуодѣтая, растерянная.

— Ахъ, какъ я ждала васъ!—воскликнула она.

— Что такое?

— Представьте: Нанси лежитъ, встать не въ силахъ... Ночью припадокъ случился съ нею, мнѣ ничего не сказали... Ради Бога, телефонируйте доктору, попросите его!

Погожевъ побѣжалъ. Въ числѣ абонентовъ не оказалось доктора, а кому телефонировать для передачи, онъ не зналъ, и ограничился посылкой телеграммы.

— Подите къ ней!—сказала Китаева, когда онъ вернулся.

Нанси, блѣднѣе бѣлой ночной кофточки, надѣтой на ней, полулежала на высоко взбитыхъ подушкахъ, покрытая теплымъ шолковымъ одѣяломъ. Въ ногахъ кровати сидѣла, въ своей неподвижной позѣ, строгая, печальная Петровна.

Погожевъ поцѣловалъ блѣдную, холодную ручку Нанси и глянулъ въ ея истомленное лицо.

— Кашель... — проговорила она слабымъ голосомъ и показала смоченный кровью платокъ.

Пріѣхавшій вскорѣ докторъ прописалъ морфій внутрь и ледъ на грудь. Особеннаго онъ не нашелъ ничего; сказалъ, что больная можетъ и встать, если почувствуетъ охоту къ этому.

Нанси встала и, спустя нѣсколько дней, ободрилась совсѣмъ, но здоровье не хотѣло вернуться къ ней. Движеніе утомляло ее, по вечерамъ безпокоили замѣтные приступы лихорадки. Выходить стала она только въ жаркіе дни и опираясь на руку Погожева; пристрастилась къ вышиванью, къ вязанію изящныхъ водуазскихъ кружевъ.

XXIV.

Повѣяло осенью... Созрѣлъ виноградъ, наступило лѣто св. Мартина и подернуло горы золотомъ и багрянцемъ... Цвѣты уже не благоухали, какъ весной, не дышали ароматомъ, а издавали запахъ—крѣпкій и ровный... Зацвѣлъ въ садахъ бѣлыми, темнокрасными, лиловыми шапками предзимній гость — златоцвѣтъ... Осмотрѣвъ однимъ вечеромъ больную, не встававшую въ этотъ день съ постели, докторъ вышелъ въ гостиную, ухватилъ шутливо Погожева за бока, помялъ ихъ и сталъ говорить:

— Здоровый, сильный вы человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ, а допускаете, чтобы Анна Николаевна всякія твердыя вещества пережевывала, когда желудокъ не переноситъ ихъ... Упадокъ силъ замѣтилъ я... Мясной сокъ извольте готовить ей. Прессъ надо купить и, знаете...

Онъ сталъ объяснять, какъ надо готовить сокъ, сколько и когда давать больной...

Они вышли вмѣстѣ.

Прощаясь на тротуарѣ, Погожевъ собрался съ духомъ и спросилъ:

— Скажите, докторъ, она... слаба?

Докторъ только крѣпко сжалъ ему руку и пошелъ, надвинувъ шляпу на самые глаза.

Погожевъ побрелъ безсознательно по улицѣ. Поднимавшійся западный вѣтеръ гналъ по набережной опадавшіе листья тополей, и они съ страннымъ, таинственнымъ шелестомъ проносились тучами въ полумракѣ... Леманъ шумно бился о берега, вскидывая высоко надъ парапетомъ обрывки волнъ... Очутившись дома, Погожевъ долго ворочался въ постели, вперивъ въ темноту несмыкавшіеся глаза... Заснулъ онъ поздно и спалъ недолго, а пробудился—весь разбитый, съ пылавшею головой. Въ окно глядѣлъ блѣдный разсвѣтъ. Проснувшіяся мухи слабо жужжали надъ кроватью, садились на лицо, на руки, и ихъ лапки жгли точно раскаленныя...

„Неужели?"—было первою его мыслью. Дальше не находилъ онъ ни словъ, ни силъ, и только отвертывался отъ ужасной истины, страшась взглянуть ей въ глаза...

XXV.

Нанси таяла, какъ свѣчка.

Дни проводила она полулежа въ длинномъ креслѣ, у окна, на солнечной сторонѣ. Марья Васильевна, совсѣмъ убитая, осунувшаяся, только и просила Погожева:

— Не уходите, Владиміръ Ивановичъ, побудьте съ ней. Безъ васъ она совсѣмъ мѣста не находитъ, совсѣмъ падаетъ духомъ.

И онъ не отходилъ отъ нея, занималъ ее чтеніемъ, разсказами, старался быть веселымъ, шутливымъ... Часто, когда она не могла заснуть, онъ оставался сидѣть ночь у ея постели, чередуясь съ Петровной и Марьей Васильевной.

Былъ поздній вечеръ. Въ натопленныхъ комнатахъ царила томительная, скорбная тишина. Марья Васильевна, освѣживъ холодною водой распухшіе отъ слезъ глаза и принявъ, по возможности, спокойный видъ, сидѣла у кровати дочери.

— Вотъ и зима скоро,—заговорила она.—Надо будетъ въ Каннъ или Ментону ѣхать...

— Зачѣмъ, мама?—отвѣтила Нанси.—Не все ли равно?...

— Докторъ сказалъ, что къ веснѣ тебѣ лучше будетъ.

— Да?

— Вчера говорила я съ нимъ...

Взглядъ Нанси оживился. Марья Васильевна продолжала:

— А тутъ не видно, какъ и время пролетѣло... Собиралась пригласить батюшку—молебенъ отслужить, да все нынче да завтра... На дняхъ будетъ онъ въ Веве́, тогда попрошу...

Нанси молчала.

— Кстати бы и ты...

— Что?

— Я не хочу мѣшаться въ твои... убѣжденія, тамъ, что-ли... Но отчего долгъ христіанскій не исполнить?

— Я исполняю, мама...

— Ну... и причастись...

Брови Нанси сдвинулись. Она собралась съ силами и заговорила тихимъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушай, мамочка... Вѣровать, по моему, значитъ: жить и поступать такъ, какъ совѣсть велитъ... быть всегда правымъ предъ нею... И я такъ жила... поступала... Стремилась, по крайней мѣрѣ.... Поступить иначе теперь—значило бы поступить неискренно, совершить грѣхъ...

— Но подумай... права ли ты въ твоихъ взглядахъ!—серьезно и съ дрожью въ голосѣ возразила Марья Васильевна.

— Не знаю... Но кто же и въ чемъ правъ сейчасъ вотъ и навсегда?.. Путь къ истинѣ—сомнѣніе, а не слѣпая увѣренность... Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, на каждый вопросъ даются десятки различныхъ отвѣтовъ и въ каждый изъ нихъ находятся свои вѣрующіе... Одни жгутъ себя ради религіи... другіе считаютъ за лучшее промышлять ею... Саванаролла говорилъ, что у послѣдней бабы больше вѣры, чѣмъ у любого епископа, что всѣ церковныя книги слѣдуетъ сжечь... Римъ строго запрещаетъ вѣрующему читать Евангеліе... Протестанты только въ Евангеліи черпаютъ свое ученіе... Какъ же ты хочешь, чтобы каждый разбирался, думалъ, приходилъ къ истинѣ по какой-то разъ навсегда установленной формѣ?... Надо только, чтобъ человѣкъ былъ религіозенъ честно... не ради выгодъ... обрядовъ... и искренно поступалъ...

Она слабо притянула къ губамъ руку матери и прибавила:

— Покончимъ съ этимъ вопросомъ... не будемъ возвращаться къ нему...

Прошло нѣсколько дней.

Тотъ же столикъ, на которомъ Нанси писала матери, упоминая впервые имя человѣка, теперь такъ тѣсно связаннаго съ нею судьбой, стоялъ у изголовья кровати; та же лампочка го-

рѣла на немъ, и только не мотыльки—рѣзвые первенцы благоухающей, живительной весны,—а большіе, длинноногіе комары да ночныя пушистыя бабочки—полусонные спутники непривѣтливой осени—вились въ свѣтломъ трепетномъ кругѣ подъ потолкомъ...

Нанси чувствовала себя лучше. Оживившаяся, съ разгорѣвшимися щеками, она разговаривала съ сидѣвшимъ у кровати Погожевымъ, отдаваясь самымъ радостнымъ мечтамъ—какъ вернутся они въ Россію, когда пройдетъ „эта гадкая, противная болѣзнь"... какъ увидитъ онъ ея „милаго, добраго папу"... какъ они обвѣнчаются, наймутъ квартирку, „этакую маленькую, маленькую и съ садикомъ"...

Набѣжавшая усталость заставила ее умолкнуть. Она закрыла глаза—тихо и едва примѣтно дыша.

Погожевъ всталъ осторожно.

— Владиміръ... не уходи...—проговорила она, не отрывая глазъ, и улыбнулась слабою улыбкой, стараясь показать, что не спитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ...

И онъ снова опустился на стулъ. Она взяла его руку, сжимая тихо, и опять забылась.

— Да... не уходи...—прошептала она, долго спустя и едва шевельнувъ губами, какъ въ бреду.

Онъ уже не слышалъ: припавъ головою къ краю кровати, онъ спалъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, истомленный многими безсонными ночами.

Онъ проснулся вдругъ—точно кто толкнулъ его. Рука его по прежнему была въ рукѣ Нанси, лежавшей какъ-то странно-спокойно... Съ минуту онъ оставался безъ движенія, боясь потревожить ее... потомъ шевельнулъ своею затекшею рукой—ее держали холодные, неподвижные пальцы...

XXVI.

Жгучее солнце заливало яркими лучами вѣчно-зеленые кипарисы и эвкалиптусы на кларанскомъ кладбищѣ, сверкало золотомъ на куртинахъ вызрѣвшихъ желтыхъ иммортелей...

У входа въ увитой плющомъ покойницкой отпѣвалъ Нанси пріѣхавшій изъ Женевы причтъ. Предъ низенькою открытою дверью тѣснился кружокъ русскихъ. Въ сторонѣ равнодушно позѣвывали могильщики съ помятыми цилиндрами въ рукахъ, по-

лицейскіе въ форменныхъ сѣренькихъ тужуркахъ и съ камышевыми тростями—оружіемъ и знакомъ власти по конституціи кантона. Марью Васильевну держали подъ руки Жюли и Катишь, съ неописуемою печалью на деревянныхъ лицахъ. Рядомъ съ нею высился величественно сэръ Говеръ, съ крепомъ на рукавѣ и съ иммортелемъ въ петлицѣ. Погожевъ былъ тутъ же. Онъ стоялъ неподвижно, смотря тупо предъ собою блестѣвшими неестественно глазами. Солнце жгло ему голову и плечи, а пробѣгавшій по членамъ мертвящій холодокъ заставлялъ содрогаться... Чрезъ головы стоявшихъ, сквозь мглу кадильнаго дыма, онъ видѣлъ въ покойницкой—или воображалъ, что видитъ—блѣдное, точно восковое лицо съ кроткимъ, безмятежнымъ выраженіемъ вѣчнаго покоя... цвѣты... серебряный глазетъ гроба...—„Идѣже нѣсть болѣзни, печали, воздыханія"... — доносился сиповатый тенорокъ дьячка...

Къ кружку примкнулъ пріѣхавшій докторъ. Распоряжавшійся похоронами сановникъ, съ свѣженькою орденскою бутоньеркой въ петлицѣ чернаго сюртука, показался изъ покойницкой съ горстью зажженныхъ свѣчей, шепча божественное, и сталъ раздавать ихъ...

Мѣрно заколыхался гробъ на плечахъ носильщиковъ, сверкая въ лучахъ солнца глазетомъ и бѣлыми шолковыми розетками... Слѣдомъ за нимъ, вся въ черномъ коленкорѣ, подвигалась рыдавшая безутѣшно Петровна, голося трогательныя, странно раздававшіяся причитанія...

Гробъ опустили въ могилу... Вмѣстѣ съ другими, Погожевъ бросилъ изъ-за широкой спины священника горсть земли... Всѣ столпились, съ выраженіемъ обычнаго участія, вокругъ Китаевой.

— Вамъ надо отдохнуть, Владиміръ Ивановичъ,—сказалъ подошедшій докторъ, взявъ Погожева за руку и нащупывая пульсъ.—Поѣдемте ко мнѣ.

У выхода стоялъ сановникъ, отдавая важно и со строгостью какія-то приказанія сторожу, на которыя тотъ, „не ломая шапки", повторялъ нетерпѣливо:—„Mais oui, monsieur... C'est entendu!"—Завидѣвъ доктора, сановникъ шагнулъ на встрѣчу ему, растягивая привѣтливо тонкія синія губы по превосходнымъ вставнымъ зубамъ, и спросилъ:

— Когда на смотръ къ вамъ прикажете?

— Къ вашимъ услугамъ всегда...

— Въ такомъ случаѣ, буду имѣть честь завтра...

Онъ пропустилъ Погожева впередъ по узенькой тропинкѣ,

спускавшейся къ шоссе, и пошелъ рядомъ съ докторомъ, семеня мало-послушными, подгибавшимися ногами въ модныхъ лакированныхъ башмачкахъ.

— Да-съ... Вотъ и жизнь угасла—юная, въ расцвѣтѣ...— заговорилъ онъ, вздохнувъ.—Жаль... и нельзя не пожалѣть еще болѣе, что поколѣніе, долженствующее смѣнить, заступить... внушаетъ такъ мало увѣренности, надежды...

На доктора точно нашло что̀. Всегда сдержанный, уступчивый, не знавшій, что̀ такое споръ, онъ вдругъ вскипѣлъ.

— На кого же надѣяться?—повернулся онъ къ сановнику, плохо справляясь съ дрожавшими отъ внутренняго волненія губами.—На насъ съ вами, что-ли?.. Что̀ мы такое? Старьё, клячи... гасильники!.. Съ нашимъ наслѣдствомъ всякія надежды спасуютъ!..

Онъ хотѣлъ прибавить еще что-то, но приподнялъ лишь шляпу и поспѣшилъ къ ожидавшей его коляскѣ. Сановникъ тоже приподнялъ шляпу и даже махнулъ ею игриво, но мысленно протестовалъ:—„*Мы*... клячи?!... Parlez pour vous!“...

XXVII.

Спустя нѣсколько лѣтъ, прелестнымъ іюльскимъ днемъ, въ числѣ туристовъ, прибывшихъ на пароходѣ въ Монтрё, спустился съ трапа скромно-одѣтый мужчина, съ загорѣлымъ лицомъ и густою темною бородой. Не выказывая обычной туристской суетливости, не обращая вниманія на зазывы отельныхъ portiers, выѣхавшихъ съ омнибусами, онъ остановился на набережной и обвелъ медленнымъ взглядомъ городокъ...

Это былъ Погожевъ.

Рекомендованный докторомъ на мѣсто учителя въ аристократическую русскую семью, проводившую зиму въ Ниццѣ, онъ такъ и остался за границей, избравъ профессію странствующаго учителя. Первая жизненная буря его стала для него и послѣднею... Заключившійся въ себя, скромный, молчаливый, онъ какъ бы порвалъ все съ дѣйствительностью, лелѣя въ душѣ и милый образъ Нанси, и тихую, спокойную грусть о невозвратномъ... Ни шумный Парижъ, ни роскошная нѣга великосвѣтскихъ приморскихъ курортовъ, ни классическія красоты Италіи не оторвали его мыслей отъ скромнаго швейцарскаго уголка, и онъ воспользовался первою возможностью бросить взглядъ на дорогія мѣста, исполнить завѣтную мечту...

Но городокъ трудно было узнать: отъ прибрежныхъ строй-

ныхъ тополей не осталось и слѣда—на ихъ мѣстѣ тянулась широкая, убитая гравіемъ, набережная съ чугуннымъ парапетомъ... На площади, гдѣ прежде раскидывались шумные, характерные таборы торговокъ съ огромными цвѣтными зонтиками вмѣсто палатокъ, высилось вычурное желѣзное зданіе постояннаго рынка, съ фонтаномъ внутри... Дальше виднѣлась цѣлая новая улица...

Онъ прошелъ къ виллѣ Матьё: садикъ исчезъ тамъ, и самая вилла превратилась въ пансіонъ... Съ трепетнымъ сердцемъ поднялся онъ къ виноградникамъ и глянулъ на завѣтное окно: розы и глициніи увивали его, какъ прежде, но въ просвѣтѣ колыхалось сушившееся бѣлье... Мчащійся, неустанный потокъ жизни уносилъ все, стирая слѣды былого, крылъ все новизной... и только „равнодушная природа“ вокругъ продолжала „сіять“ своею „вѣчною красой“...

Радостно, какъ на старыхъ друзей, глянулъ онъ на плакучія ивы у кларанскаго кладбища, по прежнему качавшія тихо свои повисшія тонкія вѣтви надъ журчавшимъ фонтаномъ, присѣлъ на скамью, оглядывая свѣтлый лазурный Леманъ и уносясь мечтой въ свое невозвратное... На кладбищѣ онъ отыскалъ могилу, обнесенную простенькою желѣзною рѣшеткой, заросшую травой и дикими цвѣтами... Съ благоговѣніемъ остановился онъ предъ нею и незамѣтно погрузился въ то не повторяющееся тихое душевное настроеніе, которое можно понять, почувствовать, но не передать...

Н. Сѣверовъ.

КРУЖОКЪ „КРУГЛОЙ БАШНИ“

Изъ воспоминаній В. Д. Хрущовой 1877—78 гг.

XII *).

Въ половинѣ ноября Красный Крестъ открылъ новый баракъ и ко дню его освященія были разосланы пригласительные билеты всѣмъ членамъ общества. Я была въ числѣ приглашенныхъ, и въ назначенный день поѣхала на освященіе. Дорогой мой экипажъ поровнялся съ экипажемъ гр. П—ой, и мы подъѣхали и взошли съ ней вмѣстѣ. Только-что она показалась, къ ней подбѣжалъ ген. К., а черезъ нѣсколько минутъ она уже была окружена мужчинами и завязался оживленный разговоръ.

Молебенъ еще не начинался, и я прошла посмотрѣть на устройство барака. Когда я вернулась, въ первой комнатѣ собралось большое общество. Изъ моихъ сотрудницъ никого не было. Я заговорила съ одной изъ знакомыхъ, и не замѣтила, какъ ко мнѣ подошла небольшого роста молодая дама, которая— по всему было видно—не принадлежала къ собранному здѣсь провинціальному обществу и чувствовала себя немного чуждою среди него.

Это была залетная гостья, изъ того далекаго чуднаго края, „гдѣ небо блещетъ неизъяснимой синевой, гдѣ море теплою волной у ногъ Стамбула тихо плещетъ“.

— Bonjour, m-me Chr., je suis contente de vous rencontrer.

Я обернулась. Около меня стояла знакомая мнѣ изящная,

*) См. выше: февраль, стр. 618.

миловидная фигурка. Это была жена посла И., предметъ моего мечтанія.

Я искренно обрадовалась, что вижу ее.

— Est-ce que vous continuez à travailler dans les hôpitaux militaires?—спросила она.

— Mais oui,—j'y vais directement d'ici.

— Я везу вамъ бездѣлицы,—улыбаясь, оговорилась она,—разныя усердныя приношенія отъ моихъ дѣтей.

— Мы съ благодарностью принимаемъ всякое приношеніе, а такое приношеніе и тѣмъ болѣе...

Конечно, она видѣла, какъ меня обрадовало ея намѣреніе посѣтить нашъ госпиталь.

— Vous êtes entrée avec ma cousine P.,—продолжала она,—est-ce qu'elle travaille dans le même hôpital que vous?

— Pas précisement, son hôpital à elle est l'arsénal, mais elle travaille un peu partout.

— Ce qui veut dire qu'elle ne travaille bien nulle part,—разсмѣявшись, докончила она.

Я ей сказала, что гр. П—а помогаетъ намъ пожертвованіями разными вещами, какъ-то: инструментами, перевязочными матеріалами, за что мы ей очень благодарны.

— Comme elle a embelli!—продолжала И., слѣдя глазами за своей кузиной, которая, въ увлеченіи разговоромъ, махала руками и не замѣчала, что ея голосъ раздается на весь баракъ. Но она была дѣйствительно красива, въ своей рембрандтовской черной шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, которая оттѣняла лобъ, и изъ-подъ которой такъ прямо и ясно смотрѣли смѣющіеся глаза. Отъ всей ея особы вѣяло молодостью, силою, увѣренностью.

— А вы уже получили билетики?—съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ спросила меня опять м-мъ И—ва.

Она говорила о билетахъ ген. К.

— Получили.

— И что же? Не правда ли, милые билетики?—Затѣмъ, переходя въ серьезный тонъ, она стала критиковать ихъ, находя, что по отношенію къ намъ эти билеты—грубая выходка, а по отношенію ко всему остальному они лишены смысла.

— Et vous savez qui en est l'auteur, ou plutôt le génie inspirateur?—она обернулась въ сторону П—й.—Toujours elle, ma chère cousine Настя.

Мнѣ тогда это показалось неправдоподобнымъ, но оно оказалось справедливо.

Начался молебенъ.

П—а, проходя мимо И—вой, поклонилась ей, пожала руку, но замѣтно избѣгала съ ней заговорить.

— Elle n'a pas la conscience nette, et je suppose qu'elle n'est pas trop contente de me voir...—она дернула слегка плечами, какъ бы выражая: тѣмъ хуже для нея.—Elle doit se douter que je sais la part, qu'elle a prise à ces fameuses cartes d'entrée.

Молебенъ кончился. Къ И—й подошли нѣкоторыя почетныя лица общества, и я въ это время пошла посмотрѣть, тутъ ли Екатерина Николаевна К—а, и сказать ей, что м-мъ И—а ѣдетъ къ намъ въ Башню. Не нашедши ея, я вернулась къ м-мъ И—й.

Мы вышли изъ барака на крыльцо. Погода была ясная; стояли теплые, солнечные осенніе дни. Намъ подали баскетъ, запряженный парой золотистыхъ пони. Горячія, сильныя лошадки, которыми она сама управляла, подхватили насъ и мигомъ взнесли на крутую гору, за которой пролегала дорога въ нашъ госпиталь. Черезъ какія-нибудь 15 минутъ мы въѣзжали во дворикъ Башни.

Я познакомила И—ву съ сестрою и съ Юл. Серг. Въ отдѣленіи Юліи Сергѣевны находилось въ это время нѣсколько плѣнныхъ больныхъ турокъ. Юлія Сергѣевна какъ-то особенно тщательно ухаживала за ними и даже рисовалась немного тѣмъ, что во всемъ уравниваетъ ихъ съ своими русскими больными. Дѣйствительно, въ то время никто изъ насъ не былъ бы способенъ такъ относиться къ туркамъ. Юлія Сергѣевна говорила, что это указываетъ въ насъ на преобладаніе животныхъ инстинктовъ и недостатокъ гуманности. Е. Л. И—ва отнеслась къ этому ухаживанію за турками несочувственно. Она видѣла въ этомъ напускное чувство, наше обычное стремленіе угодить Европѣ. А ей противно было всякое низкопоклонничество въ этомъ смыслѣ, наше постоянное самоуниженіе и подслуживаніе передъ мнѣніемъ Запада. Она только-что окончила свою дипломатическую tournée по Европѣ, о которой такъ много говорили въ то время, и было видно, что она настрадалась за достоинство родины и теперь одушевлена чувствами самыми патріотическими.

Юлія Сергѣевна, съ своей чисто западной точки зрѣнія, смотрѣла на насъ, какъ на полуварваровъ (grattez le Russe, vous verrez le Tartare), и говорила, что Европа въ правѣ будетъ сказать, что мы недалеко ушли отъ турокъ по нашей негуманности, если будемъ обращаться съ плѣнными какъ съ животными...

— Гуманность,—подхватила И—ва,—вотъ слово, за которымъ мы такъ гонимся, и по моему, извините, часто не понимаемъ его и только сами себя имъ пугаемъ.

— Если вамъ не нравится это слово, то я выражу свою мысль иначе: мы носимъ же для чего-нибудь названіе христіанъ?..

Разговоръ на эту тему могъ бы продолжаться очень долго, ибо взгляды этихъ дамъ во многомъ были противоположны. Но онѣ обѣ понимали, что тутъ было не время и не мѣсто продолжать такого рода разсужденія, да кромѣ того И—ву заинтересовало живое дѣло, и она перешла на реальную почву.

У нея былъ свой госпиталь въ Константинополѣ, и она дала намъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ.

Пройдя наши отдѣленія, мы направились въ отдѣленія молодыхъ К—хъ. Отъ нихъ я узнала, что мать ихъ простудилась наканунѣ на вокзалѣ, занемогла, потому и не была на освященіи барака.

Обойдя весь госпиталь, я выбрала минуту, когда мы остались наединѣ съ Е. Л. И—й и заговорила съ ней о моемъ задушевномъ проектѣ, о той большой пользѣ, которую она могла бы принести, еслибы стала во главѣ нашего кружка. Она внимательно меня выслушала, но, однако, ничего рѣшительнаго не сказала. Были какія-то соображенія, которыя пока мѣшали ей взяться за это дѣло. Но для нея не безслѣдно прошло это посѣщеніе. Она была затронута всѣмъ тѣмъ, что она видѣла. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось тогда мнѣ.

Черезъ нѣсколько дней я зашла узнать о здоровьѣ Екатерины Николаевны, и узнала, что она совсѣмъ слегла и что у нея опредѣлился настоящій тифъ. Старшая дочь ея на время оставила госпиталь и посвятила себя всецѣло уходу за своей больной, которая скоро впала въ безсознательное состояніе.

Съ этихъ поръ намъ стало гораздо легче дѣйствовать. Молодыя К—вы, которыя продолжали работать вмѣстѣ съ нами, стали догадываться, что правда на нашей сторонѣ, хотя долго не рѣшались въ этомъ сознаться, даже сами передъ собою. Острый характеръ разлада исчезъ, и вскорѣ насъ стало раздѣлять все менѣе и менѣе замѣтное разстояніе.

Я начала открыто дѣйствовать въ пользу избранія И—ой въ предсѣдательницы нашего кружка, хотя трудно было разсчитывать на успѣхъ. Д—ва не сочувствовала въ этомъ; она стояла за гр. П—у, и находила, что я поступаю опрометчиво и необдуманно, что никто изъ насъ не знаетъ И—ву, не видѣлъ ея на дѣлѣ, тогда какъ въ энергіи гр. П—й никто не можетъ усомниться.

Я ей отвѣчала, что и не думаю сомнѣваться въ горячности гр. П—ой, но относительно самой себя ставлю вопросъ такъ:

если И—ва откажетъ намъ въ своемъ участіи, то я оставляю госпиталь и удалюсь.

— Вотъ какъ! я и не знала, что вы такъ страстно относитесь къ этому вопросу.

— Дѣло не въ томъ,—а я нахожу, что до тѣхъ поръ, пока мы не имѣемъ возможности предохранять своихъ больныхъ отъ холода, всѣ наши труды и хлопоты безцѣльны; да кромѣ того, я очень устала и не въ силахъ продолжать работу при существующемъ безпорядкѣ и разладѣ.

Д—ва ничего не сказала мнѣ на это, но ей не понравился мой образъ дѣйствій. Она высказала это моей сестрѣ, и прибавила, что если я такъ серьезно ставлю вопросъ, то, конечно, могу быть увѣрена, что избраніе пройдетъ.

Сестра передала мнѣ эти слова.

Въ то время мнѣ казалось, что я дѣйствую правильно и ужъ во всякомъ случаѣ открыто и прямо.

Дѣло въ томъ, что я вѣрила въ И—ву, а вѣра есть великій двигатель.

Мы стали чаще видаться съ нею и скоро стали близкими другъ для друга людьми. Она въ то время почти цѣлые дни проводила на желѣзной дорогѣ; поила, кормила людей проѣзжающихъ, пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, раздавала теплое платье нуждающимся, расшевеливъ огромный, доселѣ безцѣльно разложенный по полкамъ складъ „Краснаго Креста“, который вѣдалъ главноуполномоченный Дем. кн. Санъ-Донато, строила для нихъ помѣщеніе, гдѣ бы они могли согрѣться и отдохнуть отъ многотруднаго пути (большинство ѣхало не на санитарныхъ поѣздахъ), и хлопотала о томъ, чтобы отправка людей совершалась болѣе правильно, чтобы люди, отпускаемые на родину, дѣйствительно направлялись къ мѣсту родины, а не перевозились бы взадъ и впередъ по желѣзнымъ дорогамъ обширнаго нашего отечества.

Я заговорила однажды съ молодыми К—ми объ Ек. Л—нѣ и высказала, какъ я желаю, чтобы она стала нашей сотрудницей и устроила бы въ своемъ домѣ складъ для теплой одежды, и къ ней бы тогда стекались всѣ пожертвованія.

— Какъ же это будетъ?—сказала Ольга:—тогда она будетъ въ родѣ предсѣдательницы?

— Ну, такъ что же,—отвѣчала я, очень довольная, что она выговорила наконецъ это страшное слово;—я бы предложила ей не только нѣчто въ родѣ, но настоящее предсѣдательство.

Ольга Алекс. возстала противъ этого горячо, но сколько я

ни добивалась, почему онѣ такъ этому противятся,—она ничего не хотѣла или не умѣла мнѣ сказать.

Черезъ нѣсколько дней Ек. Л. И—ва снова пріѣхала къ намъ въ Башню. Я привѣтствовала ее и на этотъ разъ прямо обратилась къ ней съ просьбою включить нашъ госпиталь, какъ бѣднѣйшій изъ военныхъ госпиталей, въ районъ своей дѣятельности, и положить въ ея домѣ основаніе складу одежды для снабженія уходящихъ на родину. (У насъ въ то время былъ уже довольно большой запасъ теплой одежды дома, который мы и рѣшились передать ей для начала).

Ек. Л—на согласилась на наше предложеніе, и мы сговорились собраться у нея 25-го ноября, т.-е. въ будущій четвергъ.

Ек. Л—на пригласила и молодыхъ К—хъ, но онѣ не могли ѣхать, потому что вечеромъ и ночью смѣняли сестру милосердія около больной матери и поочередно дежурили. А главное, онѣ могли бы занести тифъ въ домъ, гдѣ было шесть человѣкъ дѣтей.

Наканунѣ этого дня мнѣ удалось переговорить съ гр. П—ой.

— Неужели вы считаете Катю способной быть предсѣдательницей и серьезно вести дѣло?—спросила меня П—а.

— Да, считаю,—и я пояснила, почему.

Мы говорили совершенно просто и правдиво.

Я сказала ей, что иные члены желаютъ поставить ее во главѣ кружка, но что я стою за предсѣдательство И—ой, и изложила свои причины. П—а согласилась со мною и полетѣла сообщить о нашемъ соглашеніи Юліи Серг. Д—ой.

Со времени нашего разговора съ Юл. Серг., гдѣ я сказала, что выйду изъ госпиталя, если не пройдетъ избраніе И—ой, мы стали избѣгать другъ друга и почти не говорили.

25-го ноября, въ семь часовъ вечера, мы, т.-е. Д—ва, сестра, я, А. А. Ск—а и г-жа Б., собрались въ домѣ Ек. Л. И—ой. Послѣдней пріѣхала гр. П—а.

Сначала разговоръ зашелъ о всякихъ постороннихъ предметахъ. Тутъ же въ гостиной сидѣла мать Ек. Л—ны, княгиня А. М. Г.

Когда вошла П—а и обмѣнялась со всѣми обычными привѣтственными фразами, я встала и отошла съ нею въ сторону, подъ предлогомъ дѣла о сестрѣ милосердія. Гр. П—а была признана въ это время главною наблюдательницею надъ сестрами милосердія въ военныхъ госпиталяхъ. Переговоривъ о своемъ дѣлѣ, я перешла къ главному предмету, который занималъ насъ всѣхъ въ эту минуту.

— Кто же изъ насъ предложитъ Катѣ принять на себя званіе предсѣдательницы?—спросила она.

— Всего лучше, если вы это предложите,—сказала я.

— Отчего же не вы? Вы, кажется, всего болѣе этого желаете.

— Оттого-то и не мнѣ предлагать; всѣ знаютъ, что я этого желаю. А я же вамъ говорила, что нѣкоторые желали избрать васъ, поэтому...

— Понимаю, понимаю,—прервала она меня.—Вы совершенно правы...—Она вскочила съ дивана и стремительно понеслась въ тотъ конецъ комнаты, гдѣ сидѣло остальное общество. Она остановилась передъ хозяйкой.

— Катя!—начала она, какъ и всегда, безъ всякихъ подготовленій и предисловій—attaquant le sujet d'emblée—приступая прямо къ предмету,—дамы, работающія въ Башнѣ, и я вмѣстѣ съ ними, хотимъ просить тебя принять участіе въ нашихъ трудахъ и стать во главѣ нашего кружка, какъ его предсѣдательница. Я надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ этого.

Ек. Л—на встала, и лицо ея слегка зарумянилось.

— Вѣдь, мнѣ кажется, господа, вы всѣ этого единодушно желаете?—обратилась молодая П—на къ намъ.—Юлія Серг.?—вызвала она Д—ву.

— Да,—сказала Юл. Серг.,—я тоже прошу Ек. Л—ну принять на себя это званіе.

П—на пристально посмотрѣла на меня.

— И вы? (обратилась она ко мнѣ).—Понятно.—И вы? (она обратилась къ сестрѣ моей).—И вы, и вы?.. Вотъ видишь!

Никто все-таки не ожидалъ такого быстраго оборота дѣла. Но фактъ совершился: избраніе оказалось единогласнымъ.

— Я очень благодарна за довѣріе, которое мнѣ оказываютъ,—сказала И—ва, граціозно склоняя голову и немного смущенная.—Надѣюсь, что съумѣю быть полезной и оправдаю ваше довѣріе.

— Вотъ и отлично!—весело заключила П—на, ударивъ рука объ руку.—Такъ пойдемте къ столу, потолковать о дѣлахъ.

Сестра подкатила въ это время кресло для новой предсѣдательницы.

Юлія Серг. подошла ко мнѣ.

— Поздравляю васъ,—сказала она.—Я думаю, вы и сами не ожидали такого блестящаго успѣха.

Я поблагодарила ее за поздравленіе и сказала, что очень рада, что этотъ важный вопросъ прошелъ такъ рѣшительно и такъ быстро.

Мы собрались около стола, и предсѣдательница открыла первое засѣданіе.

Предсѣдательница съ большимъ тактомъ стала объяснять, что она смотритъ на себя не болѣе, какъ на ключъ къ шкатулкѣ общества, или какъ на шкафъ для склада, и то еще для будущаго склада.

На этомъ первомъ засѣданіи членскіе взносы возросли.

Такъ какъ К—вы отказывались примкнуть къ нашему кружку и считаться его членами, то онѣ и не были включены въ составъ членовъ-учредителей, но, какъ члены-работницы, онѣ имѣли право пользоваться средствами общества и пожертвованіями наравнѣ съ нами.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ порядки, которые выработались въ новомъ кружкѣ.

Дѣйствительными членами, т.-е. членами, принимающими участіе въ еженедѣльныхъ собраніяхъ, могли быть только члены-работницы.

Прочіе члены, число которыхъ не было ограничено, имѣли возможность слѣдить за дѣятельностью кружка по протоколамъ и отчетамъ (такимъ постановленіемъ мы удаляли отъ нашихъ комитетскихъ собраній всякій лишній народъ, избавляли себя отъ слушанія лишнихъ преній, и наши очередныя собранія сохраняли во все время свой интимный, дѣловой характеръ).

Нѣкоторыя изъ насъ взяли на себя, кромѣ попечительства въ своемъ отдѣленіи, завѣдываніе частями хозяйства. Такъ, напр., покупку и доставку лекарствъ, вина, табаку, взяла на себя Д—ва. Завѣдываніе внутреннимъ хозяйствомъ взяла на себя сестра моя. Я взяла, нѣсколько времени спустя, доставку чаю и сахару и раздачу этихъ припасовъ по отдѣленіямъ.

Вскорѣ измѣнилась и самая система раздачи пищи: порціи перестали дѣлиться поровну, по числу отдѣленій, а стали отпускаться на каждое отдѣленіе тѣ порціи и въ томъ количествѣ, какъ того требовалъ ординаторъ. Еженедѣльныя вѣдомости служили нѣмымъ, но вѣрнымъ и отчетливымъ контролемъ...

Обязанности наши остались тѣ же: мы пріѣзжали въ госпиталь утромъ около девяти часовъ, къ появленію въ нихъ докторовъ; вмѣстѣ съ врачомъ обходили палаты, записывая его требованія и совѣты. По окончаніи визитаціи, если не было въ отдѣленіи особенно трудныхъ больныхъ, уходъ за которыми бралъ бы все время, мы либо читали своимъ больнымъ вслухъ, либо занимались ихъ корреспонденціей. (Для чтенія Ю. С. Д—ва

устроила библіотеку, сначала очень небольшую, затѣмъ возросшую до трехъ-сотъ томовъ).

Около двѣнадцати часовъ всѣ попечительницы шли либо сами, либо посылали довѣренныхъ служителей въ отдѣленіе Д—ой съ бутылками, на которыхъ былъ наклеенъ № отдѣла, и съ запиской, на которой писалось число унцій, требуемыхъ на отдѣленіе.

Затѣмъ, одновременно съ казеннымъ обѣдомъ, служителя приносили изъ нашей кухни порціи для слабыхъ больныхъ (отъ 200 до 250 и 300 порцій въ день изготовлялось на нашей кухнѣ). Порціи состояли изъ хорошаго супа, котлетъ или битковъ, молока, яицъ, молочной и смоленской каши, куринаго супа.

Около трехъ часовъ спустя, приносились фельдшерами лекарства изъ казенной аптеки и раздавались больнымъ. Въ четыре часа мы поили людей чаемъ. Въ пять часовъ записывали и подавали требованія на слѣдующій день, обходили больныхъ въ послѣдній разъ и затѣмъ уѣзжали домой.

Такъ проходили дни, изъ дней слагались недѣли, а потомъ и цѣлые мѣсяцы, съ виду однообразные, но на самомъ дѣлѣ полные захватывающихъ разнородныхъ впечатлѣній.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія, Ек. Л. И—ва пріѣхала къ намъ въ Башню. Я была неспокойна, ибо не знала, какъ сойдетъ это посѣщеніе. К—вы не только не примирились съ нами, но еще упорнѣе стояли на своемъ и ни за что не хотѣли признать ее предсѣдательницей. Юл. Серг. тоже невполнѣ сдалась и ставила мнѣ на видъ всякую ошибку, всякую неудачу, которыхъ невозможно было избѣжать вначалѣ.

Какъ-то на первыхъ же порахъ Юлія Серг. стала укорять меня и критиковать нѣкоторыя дѣйствія предсѣдательницы.

Я вспыхнула и отвѣтила ей, что меня всегда волнуетъ всякое пристрастіе и несправедливость; особенно въ умныхъ людяхъ я не могу допустить такого завзятаго отношенія.—Точно я не знаю, какъ вы умѣете быть снисходительны къ инымъ, а тутъ вдругъ является строгость и требовательность, отъ которыхъ дѣло только можетъ потерпѣть!

Юлія Серг. пристально взглянула на меня.

— Простите,—сказала она вдругъ мягко:—я не знала, что дѣлаю вамъ больно; вы бы меня предупредили, что вы такъ сильно любите И—ву.

Я ничего не отвѣчала; я поняла эту чуткость, которая заставила ее испугаться. Это она, можетъ быть, нечаянно косну-

лась слишкомъ интимной струны... Я не стала ее разувѣрять, но когда мы остались съ ней вдвоемъ, я высказала ей свои взгляды и стремленія, и значеніе, которое я придаю Ек. Л. И—ой, какъ предсѣдательницѣ.

На этотъ разъ мы разошлись опять близкими другъ другу, какъ были прежде.

Когда пріѣхала предсѣдательница, враждебнымъ элементомъ оказались только К—вы. Ек. Л. знала, какъ упрямо онѣ стоятъ противъ ея избранія, и теперь, пріѣхавъ въ Башню, она прямо направилась въ ихъ отдѣленіе. Побѣда оказалась полная. Она обворожила К—хъ, и онѣ сдались, сдались ей лично, отказываясь еще называться членами „кружка". Но предсѣдательница съ большимъ тактомъ не настаивала ни на чемъ; она только говорила имъ о томъ, какими средствами располагаетъ „кружокъ", какіе у него широкіе планы, какія у нея есть надежды на увеличеніе средствъ, прибавляя при этомъ, что она смотритъ на себя какъ на слугу общества и общаго дѣла.

Прошло еще нѣсколько времени.

Порядокъ водворялся въ Башнѣ, и средства росли.

К—вы вскорѣ сами поняли, насколько ихъ положеніе ложно, сознали, насколько онѣ теряютъ, стоя въ сторонѣ отъ „кружка", и какъ неправильна ихъ оппозиція. Онѣ такъ любили свое дѣло, такъ много трудились надъ нимъ, что все до него относящееся было имъ такъ же близко, какъ и намъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ общіе вопросы обсуждались и рѣшались помимо ихъ и онѣ поневолѣ стояли особнякомъ.

Матеріальныя средства тоже всѣ сосредоточились въ нашихъ рукахъ. Такъ какъ К—вы не признавали существованія „кружка", то онѣ со всѣми своими заявленіями и просьбами обращались лично къ Ек. Леонид. И—вой не какъ къ предсѣдательницѣ, а какъ къ своей знакомой. Предсѣдательница сообщала эти заявленія членамъ общества, и мы всѣ относились къ нимъ съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что они шли отъ отсутствующихъ сотрудницъ нашихъ.

Мы сами немного гордились той поспѣшностью и уступчивостью, съ которою проводились всѣ требованія отдѣленій, не признававшихъ нашего существованія. Личныя наши отношенія оставались холодныя и далекія, въ дѣлѣ же мы оказывали имъ полное, безусловное довѣріе и уваженіе. Онѣ поняли это и цѣнили, что мы не смѣшиваемъ личныхъ отношеній съ дѣломъ.

Самое дѣло шло успѣшно; средства росли, благодаря энергіи нашей предсѣдательницы. Новая система вводила всюду строгій

порядокъ и ясность. Даже самыя отношенія наши съ молодыми К—ми не были лишены интереса и прелести.

Система ген. К. разрушалась сама собою,—не приходилось къ ней и рукъ прикладывать.

Старшая сестра, замѣнившая Ал. Петр. К—скую, послѣ отъѣзда послѣдней за Дунай, отказалась вести отчеты, стараясь сбывать на руки дамъ-покровительницъ тѣ рѣдкія пожертвованія, которыя поступали въ госпиталь, въ ея завѣдываніе. Шкафъ ея блестѣлъ пустотою, тогда какъ наши сундучки едва вмѣщали въ себѣ наши частные запасы.

Когда наступилъ день третьяго очередного собранія, т.-е. три недѣли послѣ основанія „кружка“, молодыя К—вы не выдержали. Предсѣдательница, съ своей стороны, какъ бы не признавая ихъ оппозиціи, посылала имъ наравнѣ съ нами приглашенія къ засѣданіямъ, и на этотъ разъ сдѣлала то же. Онѣ пріѣхали, и были встрѣчены всѣми членами съ особенной симпатіей, а предсѣдательницей—съ тою любезностью, которою она умѣла очаровать, когда того пожелала.

Чтобы показать, что мы ихъ считаемъ вполнѣ равноправными, мы тутъ же передали Ольгѣ К—ой деньги, вырученныя за концертъ и поступившія сначала къ смотрителю, а затѣмъ переданныя имъ намъ. Съ этого дня онѣ стали дѣятельными членами нашего тѣснаго кружка, и оставались такими до конца.

На этомъ третьемъ засѣданіи уполномоченною [1]) по внутреннему хозяйству госпиталя былъ представленъ первый отчетъ, въ видѣ недѣльной вѣдомости. „Вѣдомости сіи,—значится въ протоколѣ 8-го декабря,—найдены собраніемъ образцовыми“ и вызвали общее одобреніе и благодарность составительницѣ ихъ.

XIII.

Зима въ этомъ году стала ранняя и стояла суровая, не только на сѣверѣ, но и въ южной полосѣ Россіи. Больныхъ продолжали подвозить во множествѣ. На воинскихъ поѣздахъ люди сильно терпѣли отъ холода.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ къ намъ привезли больныхъ совсѣмъ особаго рода. На видъ это были люди совсѣмъ здоровые, а вносили ихъ въ палаты на носилкахъ или на рукахъ, и если случайно

[1]) То была Е. Д. Полѣнова.

задѣвали или притрогивались къ ихъ ногамъ, то у нихъ вырывался крикъ и лицо страдальчески искажалось. Это были такъ называемые *„гангренозные“*, т.-е. люди съ отмороженными ступнями. Всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ числѣ двадцати-пяти человѣкъ, положили въ наше отдѣленіе, и сестра моя взяла на себя уходъ за ними. Когда началась первая перевязка, послѣ дороги, то стонами и криками наполнились палаты.

Отмороженные члены поражались сухою гангреной, тѣло мертвѣло и начинало гнить. У многихъ пальцы уже совсѣмъ сгнили и отвалились; у иныхъ они висѣли, точно выжатыя тряпочки; у иныхъ—и это было самое опасное—гангрена успѣла проникнуть въ кровь. Противъ этого часто и операція была безсильна. Вслѣдствіе зараженія крови, весь человѣкъ начиналъ разлагаться...

Новопріѣзжіе были почти всѣ защитники Шипкинскихъ проходовъ и пострадали на горѣ св. Николая. Отмораживали они себѣ ноги большею частью въ то время, когда сидѣли въ „ложементахъ“. Въ ямку нападалъ снѣгъ, затѣмъ днемъ на солнцѣ таялъ; къ ночи опять замерзалъ. Сначала человѣкъ бодрился и боролся съ холодомъ—двигался, стучалъ ногами,—затѣмъ, къ концу дня, дремота начинаетъ одолѣвать его. Сидитъ онъ одинъ,—иногда сутки, иногда двое-трое сутокъ, — впечатлѣній вокругъ нѣтъ, однообразіе, а затѣмъ и усталость притупляютъ сознаніе,—ноги тяжелѣютъ, перестаютъ двигаться,—человѣкъ засыпаетъ... и замерзающая вода захватываетъ его ноги въ свои ледяныя оковы и замораживаетъ... И когда настаетъ, наконецъ, пора вылѣзть изъ ложемента, уступить это мѣсто другому, то иной—вылѣзаетъ безъ ногъ.

— Выходить изъ засадки, чтобы размяться, погрѣться, тоже не приходится,—увидятъ турки, какъ разъ подстрѣлятъ,—сколькихъ ужъ подстрѣлили! Вотъ и сидишь себѣ, сидишь и глядишь, а ни вправо, ни влѣво не шелохнись,—замерзай, а все сиди,—околѣвай, да сиди. И смѣнялись-то мы только ночью.

Одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что къ нему въ ложементъ пробрался какъ-то разъ матросикъ какой-то, среди бѣлаго дня, пробрался и принесъ что-то съ собою, передалъ ему порученіе, посидѣлъ съ нимъ и собрался идти дальше, къ слѣдующему ложементу.

— А я еще ему говорю: „посиди, говорю, въ сумерки и пойдешь“.—„Нѣтъ,—говоритъ,—не велѣно мнѣ запаздывать“. — Вылѣзъ и пошелъ. Только отошелъ шаговъ съ десятокъ, вижу—спотыкнулся товарищъ-то мой, да такъ ничкомъ и повалился въ

снѣгъ,—а я-то ему кричу: „вставай, молъ, скорѣе, да бѣги, а то, смотри, турка увидитъ“. А онъ лежитъ себѣ и не двигается,—я какъ посмотрю, вижу, по снѣгу-то кровь такъ и бѣжитъ ручейкомъ, отъ самой отъ головы. Положили-таки, собаки!..

Бывали еще случаи отмораживанія, когда человѣка захватывалъ пароксизмъ лихорадки, или начало горячки, врасплохъ, на холоду, гдѣ-нибудь на отдаленной позиціи, или во время караула при транспортѣ, или во время крѣпкаго сна, послѣ выпитой съ голоду и холоду водки.

Сестра моя, Полѣнова, скоро отдалась исключительно уходу за этими страдальцами. Въ томъ видѣ, въ какомъ они были привезены, они не перенесли бы операцій. Надо было прежде возстановить ихъ силы, подготовить ихъ, питая хорошей пищей, подкрѣпляя виномъ.

— А что, Елена Дмитріевна, кабы намъ ихъ всѣхъ на ноги поставить,—вѣдь хорошая была бы штука!—говорилъ докторъ-хирургъ, прохаживаясь между своими паціентами, довольный, что его снабдили, наконецъ, такой обильной практикой:—безъ васъ я пассъ,—а еслибы вы взялись за ними ходить, да ихъ подкармливать, а затѣмъ я бы сталъ ихъ оперировать,—у насъ дѣло-то было бы въ шляпѣ.

Онъ потиралъ руки, видимо съ нетерпѣніемъ ожидая той минуты, когда ему дано будетъ приложить свое искусство къ дѣлу.

Только глядя на двухъ стариковъ, тоже гангренозныхъ, докторъ сомнительно покачивалъ головою и говорилъ, что они ему „не нравятся“. У этихъ гангрена успѣла уже заразить кровь и отъ ступни поднималась все выше и выше, ноги опухали, и мѣстами на нихъ появились лиловыя пятна. Хирургъ сомнѣвался, чтобы операція могла спасти ихъ, но все-таки рѣшился употребить это единственное средство. Времени терять было нельзя,—первая операція назначена была черезъ недѣлю.

Въ это время сестра моя сосредоточила все вниманіе на этихъ двухъ больныхъ. Ихъ кормили разъ по пяти въ день и давали имъ всего, что только „душа запроситъ“. Исключая ногъ, это были пока еще здоровые люди, но въ конецъ изнуренные и принявшіе много страданій. Одинъ изъ нихъ, Петунинъ, былъ по характеру веселый человѣкъ и любилъ пошутить; только когда ужъ очень разболится нога, заноетъ сердце, разворчится старикъ, и тогда ничѣмъ ему не угодишь, ничѣмъ не потрафишь,—и то не такъ, и это не такъ, и всё не по немъ... А нельзя было не побаловать старика.—Зато, какъ только отпускала его боль, онъ и начиналъ подтрунивать и надъ собою и надъ това-

рищами,—для всякаго имѣлъ прибереженное острое слово,—доставалось и сёстрамъ.

Товарищъ его, Колычевъ, былъ смирный, молчаливый человѣкъ, не такой живой и острый, какъ его товарищъ, но зато и не такой раздражительный и неровный. Его состояніе было менѣе опасно, но натура апатичнѣе и слабость большая. Жили эти двое товарищей какъ родные братья; они были земляки, и общая бѣда еще болѣе сроднила ихъ.

Между болѣе молодыми людьми этой партіи были тоже интересные типы.

Одинъ былъ художникъ-самоучка, проводившій цѣлые дни въ разсматриваніи картинокъ, а затѣмъ въ срисовываніи тѣхъ, которыя полюбились. Это былъ живой, предпріимчивый и ловкій малый на всѣ руки; ни минуты не оставался онъ безъ дѣла. На все отдѣленіе онъ надѣлалъ шахматныхъ досокъ, имъ самимъ разграфленныхъ, изъ пробокъ нарѣзалъ шашки. Чтобы имѣть возможность рисовать по вечерамъ, онъ смастерилъ себѣ лампу,—свертывалъ изъ ваты свѣтильню, выпрашивалъ у фельдшера масла, и, такимъ образомъ, могъ продолжать и вечеромъ свою работу. Въ той палатѣ, гдѣ онъ жилъ, было всегда весело, всегда оживленно,—онъ не только самъ умѣлъ заняться, но и товарищей развлекалъ своими выдумками и постоянно новыми затѣями. У него гангрена была легкая,—поражены были всего три пальца на лѣвой ногѣ. Онъ мало стѣснялся неудобствомъ, и передвигался быстрѣе, нежели другой на двухъ здоровыхъ ногахъ. Соскочитъ съ койки, поддерживая руками больную ногу, и затѣмъ пустится на одной ногѣ черезъ всю палату; у окна пріостановится, отдохнетъ и опять, съ размаху, скачетъ дальше, и скачетъ такъ скоро, что и бѣгомъ его не догонишь. Бывало, встрѣтишь его, возвращающагося къ себѣ, немного запыхавшись, но все такъ же быстро, и крикнешь ему: „Черняевъ, тише, упадешь!“...

Куда тутъ!—ужъ онъ доскакалъ до койки, сѣлъ на нее, приспособилъ больную ногу и опять принялся рисовать.

Какъ-то разъ случилось намъ пріѣхать вечеромъ. Въ этотъ день утромъ была сдѣлана Петунину первая операція; докторъ прописалъ ему успокоительныя капли и освѣжающее питье. Сестрѣ хотѣлось видѣть старика, и мы повезли лекарство сами. Ночь была морозная и лунная; мы благополучно добрались до Башни и прошли прямо въ комнату сестеръ милосердія. Въ то время еще были наши любезныя казанскія сестры.

Сестра нашего отдѣленія послѣдовала за нами въ палаты.

Въ первыхъ палатахъ было тихо, многія койки пусты; лампа тускло горѣла и моргала подъ потолкомъ. Мы прошли дальше. Въ третьей палатѣ помѣщались гангренозные, кромѣ самыхъ трудныхъ. Когда мы вошли въ нее, то невольно остановились: намъ представилась слѣдующая картина: въ глубинѣ палаты вокругъ койки Черняева собралось большое общество. Кто сидѣлъ на сосѣднихъ койкахъ, кто на скамейкахъ, а кто на полу.

Самъ Черняевъ, полулежа на койкѣ, рисовалъ, наклонившись надъ столикомъ. Ближайшіе къ нему сосѣди слѣдили за успѣхомъ его рисованія. Среди этой группы раздавался громкій голосъ другого молодого солдата, внятно и медленно читавшаго сказку „О работникѣ Балдѣ“. Всѣ внимательно слушали. Группа эта была освѣщена лампочкой самодѣльной работы, прилаженной къ стѣнкѣ надъ столикомъ.

— Это у насъ тутъ каждый вечеръ такія собранія; а когда фельдшеръ масла не даетъ, такъ ужъ мы огарочки жертвуемъ,— говорила сестра милосердія.—Съ ними не соскучишься, право: этотъ Черняевъ—такой выдумщикъ! Я даже иногда и сама прихожу вечеромъ сюда и сижу съ ними. Это у меня такіе все милые больные.

Мы взяли на себя снабжать освѣщеніемъ эти художественно-литературные вечера.

Передавъ сестрѣ то, что нужно было для старика Петунина и повидавъ его, мы вернулись домой.

Прошло три недѣли. Въ отдѣленіи гангренозныхъ начались операціи,—отрѣзали пальцы, вылущивали кости, отпиливали ступни. Болѣе легкія операціи дѣлались въ палатахъ, для тяжелыхъ—больныхъ выносили въ операціонную.

Сестра моя въ эти минуты не отходила отъ больныхъ. Я же оставалась въ отдѣленіи, приготовляла койку (у ногъ кровати прилаживались обручи, которые предохраняли ноги отъ всякаго прикосновенія), мягкую подушку, папиросы или табакъ, чай, что-нибудь изъ пищи.

Вотъ понесли изъ палаты одного молодого солдата. У него всѣ десять пальцевъ поражены гангреной, на одной ногѣ испорчена уже часть ступни,—операція, вѣроятно, будетъ долгая и трудная.

Прежде чѣмъ идти за своимъ больнымъ, сестра моя зашла ко мнѣ, предупредила меня, что она не скоро вернется, и поручила раздать больнымъ вино и водку и подѣлить между Пету-

нинымъ и Колычевымъ картофель, который варился для нихъ отдѣльно на керосиновой кухнѣ. Это было любимое кушанье двухъ стариковъ; безъ картофеля они не хотѣли ѣсть ни супа, ни мяса.

Койки Петунина и Колычева стояли у самаго прохода, и весьма естественно, что намъ чаще случалось бывать около нихъ, нежели около тѣхъ больныхъ, которые лежали въ глубинѣ. Они же были самые трудные и требовали бо̀льшаго ухода и вниманія.

Товарищи подмѣтили слабость сестеръ къ старикамъ, и говорили, что Петунину и Колычеву сто̀итъ только пожелать, чтобы все получить. „Сестрицы все вамъ тащатъ, — вамъ хорошее житье".

Петунинъ обидѣлся, когда услыхалъ это.

— И ничего ты, братецъ мой, не понимаешь!—сказалъ онъ молодому товарищу, который высказалъ какъ-то при немъ свое замѣчаніе.—Мы на самомъ на прещпектѣ живемъ, оттого намъ больше всего и перепадаетъ, а къ тебѣ въ проулокъ не набѣгаешься...

Когда ушла сестра моя, я пошла въ ея отдѣленіе и занялась приготовленіемъ койки, а затѣмъ раздачею вина и водки.

Петунинъ сегодня не въ духѣ.

— Что̀ ты бѣгаешь все взадъ да впередъ?—сердито говоритъ онъ мнѣ въ то время, какъ я уже не въ первый разъ прохожу мимо его койки.—У тебя, чай, картошка-то моя ужъ вся разсыпалась, одна мучка осталась. Да гдѣ же наша-то сестрица?

— Ваша сестрица ушла съ Ларіоновымъ на операцію.

— Да чтой-то ужъ очень долго,—они еще когда пошли-то. Все я боюсь, какъ ты мнѣ картошкой не угодишь. Наша-то сестрица ужъ очень мнѣ угождаетъ.

— Постараюсь; да на тебя, говорятъ, угождать-то трудно. Какъ операція кончится, твоя сестрица опять съ тобою и будетъ.

Я пошла посмотрѣть, готовъ ли картофель.

Въ эту минуту до нашего слуха долетѣлъ крикъ, дикіе вопли, отъ которыхъ дрожь пронимала.

— Несутъ, несутъ! — сказалъ служитель, стоявшій у окна, и заметался, не зная, что̀ ему дѣлать.

— Пойди, отвори настежь дверь и помоги поднять носилки по лѣстницѣ.

Я подошла къ окну. По двору подвигались медленно носилки, на которыхъ лежалъ только-что оперированный Ларіо-

новъ. Ихъ несли трое служителей, два у изголовья, одинъ у ногъ. По бокамъ шли сестры, придерживая больного, который отъ нестерпимой боли кидался изъ стороны въ сторону и рвалъ зубами все, что могъ ухватить,—одѣяло, подушку, свою рубаху. По мѣрѣ того, какъ носилки приближались, крики и стоны становились явственнѣе.

Оправивъ койку, я пошла на встрѣчу. Больного уже несли по лѣстницѣ. Вотъ носилки, высоко поднятыя на плечи служителями, показались у дверей; служителя, сбившись немного на поворотѣ, замялись въ дверяхъ и закачали неровно носилки,—крикъ усилился,—но вотъ носилки прошли въ дверь и опустились.

Въ лежащемъ человѣкѣ трудно было узнать Ларіонова—до того его лицо было искажено. Оно судорожно искривилось, мускулы дергались, нижняя челюсть подпрыгивала, а зубы то колотились другъ о друга, то вдругъ крѣпко стискивались, и лицо все стягивалось. Теперь онъ ужъ не могъ кричать, а сквозь стиснутые зубы вылъ, не переводя голоса, — и этотъ дребезжащій, дикій вой страшно дѣйствовалъ на душу.

Операція была долгая, мучительная; сестры тоже были надорваны видомъ страданій. Съ большимъ трудомъ переложили оперированнаго на койку. Вой не прекращался. Ему дали успокоивающихъ капель—едва могъ проглотить: въ горлѣ, въ груди, въ челюстяхъ стоялъ общій спазмъ, спирающій дыханіе.

Слезы катились изъ его глазъ; потъ крупными каплями выступалъ на лбу и на вискахъ.

Переждавъ нѣсколько минутъ, мы подали ему тарелку съ супомъ и курицей, и, зачерпнувъ супу на ложку, поднесли ко рту, уговаривая его проглотить теплаго супцу.

— Охъ, голубушка,—выговорилъ онъ наконецъ,—не могу! Всѣ вздохи заперло, душа не приметъ. Возьми, возьми...—и онъ отталкивалъ руку съ ложкой.—Охъ, охъ,—пожалѣйте родимые, пожалѣйте, миленькіе, измучили, истерзали!.. Охъ, о-охъ, охъ, свѣту бѣлому не радъ! Охъ, смерть моя пришла, совсѣмъ извели, измучили!.. Ужъ хоть дали-бъ помереть мнѣ прежде,—охъ, сестричка, голубушка, тяжко мнѣ...—Теперь ужъ слова сыпались и онъ не могъ остановиться.

— Знаю я, что тебѣ тяжело, — стараясь говорить громче, сказала сестра.—Тебѣ легче станетъ, если ты съѣшь что-нибудь; на, хоть курочки кусочекъ откуси!

— Мнѣ бы водочки стаканчикъ, хоть согрѣлся бы маленько, охъ, охъ!—и онъ опять принимался причитать.

Но водки ему не позволено было давать. Мы вынули изъ супу кусокъ курицы и подали ему:—На̀, отломи самъ; а не то, лучше, отрѣжь,—вотъ тебѣ ножикъ и вилка. Онъ согласился нарѣзать курицы, взялъ ножикъ, и своими дрожащими руками сталъ пытаться рѣзать. Усилія, которыя ему пришлось сдѣлать при этомъ, отвлекли его вниманіе отъ страданій, и онъ немного притихъ. Онъ сталъ ѣсть. Потомъ опять застоналъ и заметался, попросилъ опять водки; получивъ отказъ, попросилъ папиросочку. Слѣдуя той же системѣ, мы подали ему не готовыхъ папиросъ, а бумаги и табаку; онъ началъ ихъ крутить, и опять затихъ на время.

Такъ прошелъ часъ, въ постоянныхъ усиліяхъ занять его, отвлечь мысль отъ вынесенныхъ страшныхъ впечатлѣній операціи. Черезъ часъ докторъ позволилъ дать ему вина, послѣ чего ослабѣвшій въ конецъ человѣкъ скоро заснулъ.

За это время картофель Петунина, дѣйствительно, до того разварился, что разсыпался и обратился въ мучку.

Но на этотъ разъ онъ принялъ это благодушно, — они всѣ были подъ впечатлѣніемъ страданій товарища.

— Видно, не мало муки принялъ,— сказалъ онъ, указывая головою на сосѣднюю палату, откуда время отъ времени долеталъ стонъ спавшаго Ларіонова; — вѣдь и намъ съ тобою, братъ, того же не миновать,—обратился онъ къ Колычеву.

Былъ еще между гангренозными одинъ очень молодой, красивый и тихій юноша; звали его Князевъ. Его тоже оперировали, вскорѣ послѣ Ларіонова. Ему пришлось отнять половину ступни на одной изъ ногъ. Операцію онъ вынесъ много лучше Ларіонова, почти не кричалъ, а въ минуты отрубленія больше жаловался на голову. Приписывали это дѣйствію хлороформа. Когда его, послѣ операціи, принесли въ палату и положили на койку, онъ былъ въ состояніи забытья и какъ будто ничего не сознавалъ.

Такъ прошелъ первый день. Докторъ говорилъ, что хлороформъ дѣйствуетъ иногда такимъ образомъ на очень нервныя натуры.

На слѣдующій день то же состояніе полубезпамятства и апатіи,—при этомъ жаръ... Сестра моя была въ страхѣ, не понимая, что̀ съ нимъ дѣлается. Докторъ осмотрѣлъ больного, пожалъ плечами, но ничего не объяснилъ. Наконецъ, видя, въ какой тревогѣ сестра, онъ отозвалъ ее въ сторону и спросилъ:

— Вы не боитесь заразительныхъ болѣзней, напр. рожи, тифа?

— Нѣтъ, не боюсь.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что у Князева тифъ.

Князева положили въ сосѣднюю палату, которая стояла пустая. Тамъ онъ вылежалъ шесть недѣль, и послѣ тифа совсѣмъ поправился.

Вообще, задача, которой задались вначалѣ, разрѣшалась успѣшно.

Гангренозные начинали вставать одинъ за другимъ и, при выпискѣ изъ госпиталя, выходили сами, кто съ палкой, кто на костыляхъ; у многихъ оставалось только по полуступнѣ.

Поправились также старики Петунинъ и Колычевъ. Петунину пришлось вынести четыре операціи. Когда онъ началъ поправляться, то и характеръ его измѣнился; онъ больше не ворчалъ, а сталъ такой ласковый, признательный, и уже самъ не давалъ себя баловать.

Однажды приходитъ къ намъ служитель и говоритъ, что Петунинъ зоветъ къ себѣ обѣихъ сестрицъ. Хотя ему и было гораздо лучше, но онъ еще не сходилъ съ койки.

Мы отправились.—Приходимъ.—Видимъ, Петунинъ сидитъ на койкѣ, ноги спустилъ. Около него лежитъ пара костылей. Какъ только мы появились въ дверяхъ, старикъ перекрестился три раза, сказалъ: „Господи, благослови!“—схватилъ рѣшительнымъ движеніемъ костыли, поднялся съ койки и пошелъ.

Колычевъ съ умиленіемъ и нѣкоторымъ страхомъ смотритъ на товарища.

— На первый-то разъ хотѣлъ при сестрицѣ на ноги встать, —объясняетъ онъ.

— А то какъ же!—подтверждаетъ Петунинъ.—Пойди, говорю, Осипъ, позови моихъ сестрицъ.—Онъ зналъ, что бо̀льшаго удовольствія онъ не могъ намъ доставить.

— Видишь, сестрица, пришелъ-то совсѣмъ безъ ногъ, а уйду-то на четырехъ ногахъ! — острилъ онъ, стараясь половче приладиться къ непривычнымъ еще костылямъ.

Товарищи смѣялись вокругъ.

— Что же, теперь, пожалуй, скоро и домой запросишься?— спрашивали мы.

— Нѣтъ, надо товарища дождаться. Мы ужъ съ Колычевымъ вмѣстѣ и отправимся. Вмѣстѣ померзли, вмѣстѣ по госпиталямъ валялись,—вмѣстѣ и домой побредемъ.

Вмѣстѣ мы ихъ и отправили черезъ нѣсколько недѣль, снабдивъ, чѣмъ нужно, на дорогу.

Мы имѣли обыкновеніе привозить иконы изъ Лавры для

тѣхъ, которые шли на операцію. Передъ отбытіемъ, старики попросили, чтобы мы написали имъ наши имена на задней доскѣ иконы, для памяти.

Мы исполнили ихъ желаніе.

— Ну, вотъ, теперь хорошо,—говорилъ Колычевъ, принимая обратно образокъ:—теперь ужъ буду знать, за кого мнѣ Бога молить,—и онъ твердилъ наши имена,—и дѣтей научу, чтобъ и они за васъ молились; драть ихъ буду, и ваши имена приговаривать: вотъ вамъ, молъ, сестрицы Елѣна и Вѣра, и вы за нихъ кажный день должны Богу по поклону класть...

Мы разсмѣялись; онъ тоже добродушно улыбался.

— Ну, братъ, Колычевъ,—это имъ наши имена не очень-то сладки покажутся. Это плохое будетъ моленіе.

— Отчего—плохое? нѣтъ, хорошее,—съ увѣренностью говорилъ онъ.

Такъ они и отправились.

До нихъ еще уѣхали художникъ и читатель. Художникъ, передъ отъѣздомъ, подарилъ каждой сестрѣ по картинкѣ своего произведенія.

Скученъ и пустъ показался намъ госпиталь, въ первое время послѣ ихъ отъѣзда, пока новые больные, новыя заботы не замѣнили прежнихъ и не поглотили всего вниманія.

Около этого же времени уѣхали и наши сестры милосердія, которыми мы такъ дорожили и съ которыми такъ хорошо сжились и работали. Это была большая потеря, которая оказалась незамѣнимой. Мы сожалѣли о нихъ, но еще не знали, что ихъ отъѣздъ оставитъ незамѣнимый пробѣлъ.

Всѣ сестры, съ которыми приходилось сталкиваться послѣ, были наемницы—и ничего больше, и часто приходилось вспоминать слова кн. К—й: „Si vous leur donnez de bons lits, elles ne feront que dormir et ne soigneront pas leurs malades“.

XIV.

Въ одно время съ гангренозными къ намъ привезли одного субъекта, на котораго мы вначалѣ не обратили должнаго вниманія. Его тоже положили въ хирургическое отдѣленіе, хотя онъ не былъ раненый. Онъ выбралъ себѣ койку въ самой глубинѣ палаты, подальше отъ прохода и отъ другихъ больныхъ,—и палату выбралъ такую, гдѣ было всего менѣе больныхъ. Устроившись на своей койкѣ, онъ уже не сходилъ съ нея,—ни

съ кѣмъ не заговаривалъ, ничего не просилъ, ни на что не жаловался.

Вначалѣ сестра моя,—слишкомъ занятая гангренозными,—не замѣтила его.—На другой день, обходя палаты, она увидала, что онъ лежитъ подъ наружнымъ оконцемъ, изъ котораго, какъ изъ всѣхъ госпитальныхъ оконъ, дуло.

Она подошла къ нему и попросила его перейти на другую койку.

— Ты тутъ можешь застудиться, а ты выбери любую койку, только подальше отъ форточки.

Но онъ не двинулся, а только пристально смотрѣлъ на нее. Когда сестра начала настаивать, онъ закачалъ головою и отказался исполнить ея требованіе.

Она стала спрашивать, что у него болитъ и не нужно ли ему чего-нибудь.

— Не нужно, ничего не нужно,—былъ отвѣтъ. Сестра отошла отъ него. Черезъ нѣсколько времени она вернулась къ нему, чтобы заставить его перейти на другую койку.

— Ты мнѣ скажи, чего тебѣ хочется,—мы сдѣлаемъ для тебя все, что можемъ,—а подъ окошкомъ тебѣ оставаться нельзя.

Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, изъ новобранцевъ. Въ то время, какъ она говорила съ нимъ, ласково, жалѣя его, онъ вопросительно вглядывался въ нее, точно хотѣлъ ей въ душу заглянуть, и потомъ, приподнимаясь и говоря въ полголоса, чтобы никто, кромѣ нея, не могъ слышать:— Мнѣ бы въ мой уиздъ! [1]) — выговорилъ онъ протяжно, и въ его голосѣ зазвучала страсть, и большіе глаза его зажглись. — Отпустите меня въ мой уиздъ, повторилъ онъ съ мольбой...

Это была преслѣдующая его мечта. Съ этой просьбою онъ обращался ко всѣмъ, въ комъ улавливалъ, примѣчалъ искру участія. Тогда сестра моя еще не знала этого, и отнеслась къ этой просьбѣ равнодушно.— Она отвѣчала, что пока онъ не поправится, его никто не отпуститъ, что ему надо прежде вылечиться, а потомъ уже думать объ отъѣздѣ на родину.

Когда онъ выслушалъ эти слова, лицо его мгновенно потухло; выраженіе жизни и огня смѣнилось выраженіемъ тоски и томленія. Онъ отвернулся къ стѣнѣ и не сталъ болѣе говорить.— Не захотѣлъ сойти съ койки и впалъ въ то состояніе полузабытья и апатіи, въ которомъ могъ пролежать цѣлый день.

Сестра пришла за мной.

---

[1]) „Уиздъ“, вм. уѣздъ, по мѣстному произношенію.

— Ко мнѣ привезли одного больного, — сказала она,—которымъ придется исключительно заняться. Мнѣ съ моими двадцатью гангренозными рѣшительно нѣтъ времени; ты бы пришла посмотрѣть на него и взяла бы его къ себѣ. Онъ не раненый. Вотъ ужъ второй день, что онъ ничего не ѣстъ,—отъ всего отказывается.

Мы пошли. Я подошла къ койкѣ больного. Меня поразила его необыкновенная красота,—необыкновенная потому, что въ ней было что-то тонкое, нѣжное, свойственное романскимъ расамъ, а не славянской. Черты его смуглаго лица были безупречно правильны, въ выраженіи было что-то мягкое, томное, почти женственное. Особенно привлекательны, хороши были его глаза, въ которыхъ отражались всѣ оттѣнки душевныхъ ощущеній.—Comme il est beau!—сорвалось у меня.—Здравствуй!—обратилась я къ нему. —Что это ты, какое себѣ мѣсто выбралъ? Сестрица на тебя жалуется, что ты не хочешь никого слушаться, не принимаешь лекарства,—вѣдь этакъ ты никогда не поправишься.

Грустная улыбка слабо озарила его прекрасныя, строгія черты.

— Отчего ты не ѣшь?

— Не могу я ѣсть-то ничего,—проговорилъ онъ.

— Пей хоть молоко.

— Не, не надо,—съ отвращеніемъ, махнувъ рукою, сказалъ онъ.

— Тебѣ хуже станетъ, если ты будешь себя голодомъ морить.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Я его возьму къ себѣ,—сказала я.—Попроси Артемьева перевести его.

Я хотѣла идти.—Сестрица!—позвалъ онъ меня съ таинственнымъ выраженіемъ на лицѣ.—Сестрица!

Я подошла. Онъ взялъ меня за руку и пригнулъ къ себѣ.

— Мнѣ бъ въ мой уиздъ!—умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ. Глаза его зажглись; тонкія ноздри раздувались; грудь усиленно, порывисто дышала.

— C'est son idée fixe!—сказала мнѣ сестра моя:—il me l'avait répétée au moins une dizaine de fois, ce matin au médecin toujours avec la même angoisse. Il n'est pas dans son état normal—c'est évident.

Мы перевели его на другую койку, а на другой день докторъ перевелъ его въ мое отдѣленіе. Онъ отказывался пере-

ходить; но когда я сказала, что буду хлопотать объ его отпускѣ домой, онъ сейчасъ же согласился перейти.

Моего новаго паціента звали Ѳедоръ Герасимовъ. Я помѣстила его въ палату, гдѣ было всего трое больныхъ,—все хорошіе, смирные люди.

Когда я, передъ отъѣздомъ домой, зашла проститься съ нимъ, онъ повторилъ свою неизмѣнную просьбу: — Я тамъ скоро поправлюсь, тамъ мнѣ дышать легче, — говорилъ онъ, и взглядъ его, подернутый тоскою, ласково и заискивающе устремлялся на меня.

— Теперь нельзя тебя отправить, ты не доѣдешь; а ты дѣлай, что докторъ приказываетъ, пей молока побольше; какъ тебѣ станетъ легче,—мы тебя и отпустимъ.

— Вы уже попросите, сестрица, милая...

На слѣдующій день его осматривалъ новый докторъ, нашелъ у него болѣзнь сердца, прописалъ digitalis,— велѣлъ поить молокомъ и сельтерской водою.

— Мнѣ бы въ мой уиздъ, ваше выс-благородіе!—запросилъ онъ и доктора.

— Матушка, а какъ я выздоровлю—да меня опять за Дунай отправятъ?—сообщилъ онъ мнѣ свои опасенія.—А ужъ мнѣ бы поскорѣе доѣхать до уизда!..

И съ каждымъ днемъ тоска его усиливалась. Она заѣдала его, и онъ замѣтно таялъ. Вскорѣ къ тоскѣ присоединилось и лихорадочное состояніе; къ вечеру онъ весь горѣлъ, и тоска принимала разныя формы, и доходила до бреда и галлюцинаціи. Ночи проводилъ онъ безъ сна и метался на койкѣ, не находя себѣ покоя. Днемъ онъ сидѣлъ на ней, подобравъ ноги, тихо покачиваясь изъ стороны въ сторону, и томился по цѣлымъ часамъ.

Мы привозили ему разныя вещи, которыя, по нашему разумѣнію, могли развлечь его: картинки, образа, другія бездѣлицы (онъ былъ неграмотный), подарки для его родныхъ, когда онъ пріѣдетъ домой, теплое платье на дорогу. Все, что имѣло отношеніе къ его отъѣзду, радовало его и на нѣкоторое время утоляло его тоску, но не надолго; затѣмъ тоска снова овладѣвала имъ, и все становилось ему постылымъ.

Встрѣтившись съ гр. П., я попросила ее заѣхать какъ-нибудь съ своимъ докторомъ посмотрѣть моего больного и помочь добрымъ совѣтомъ.

Гр. П—а очень заинтересовалась, и на другой же день пріѣхала въ нашъ госпиталь съ докторомъ.

Послѣ внимательной оскультаціи, докторъ сказалъ мнѣ, что

не находитъ его состояніе безнадежнымъ, что у него психическое страданіе сильнѣе физическаго, но что въ настоящее время его немыслимо отпускать, что это будетъ равносильно его смерти.

Мы разговаривали съ докторомъ, отойдя въ сторону, къ окну. Въ это время гр. П—а сидѣла около Герасимова на койкѣ, разговаривая съ нимъ, но избѣгая затронуть idée fixe. Когда она перестала говорить, онъ сталъ смотрѣть на нее, ласково проводя рукою по ея плечу и рукѣ, и по выраженію, которое освѣтило его лицо, ясно было, о чемъ онъ просилъ ее.

Она стала разспрашивать его, кто у него остался дома.

— Отецъ есть, и мать, и сестра, и мнѣ дышать легче будетъ,—тутъ мнѣ тяжко; отпустите меня!—и крупныя слезы накатывались и застилали его глаза, поднятые на нее.

Гр. П—а пришла къ намъ совсѣмъ растроганная.

— Очень можетъ быть, что онъ правъ и что ему, дѣйствительно, дома будетъ легче дышать,—сказалъ докторъ.—Но его теперь двинуть немыслимо.

Больной съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нами съ своей койки.

Гр. П—а опять пошла къ нему и обѣщала похлопотать объ его отправкѣ.

Потомъ они уѣхали.

— Что̀, матушка, что̀ они говорили обо мнѣ?—съ жадностью спрашивалъ онъ меня, когда я вернулась къ нему.

Я повторила ему слова доктора—тѣ, что̀ было можно. Онъ цѣловалъ мою руку и опять впадалъ въ тоску.

Во время сильныхъ приступовъ тоски, въ него точно вселялся злой духъ: онъ старался все дѣлать на-зло, никого не хотѣлъ слушать, отказывался принимать лекарства, такъ что иногда приходилось подолгу стоять надъ нимъ, сначала уговаривать, а затѣмъ просто выжидать, когда пройдетъ припадокъ.

Другіе его товарищи были часто возмущены, и я слышала иногда изъ сосѣдней палаты, какъ они усовѣщивали его.

— И не грѣхъ тебѣ съ матушкой-то своей такъ обходиться,—жалости-то въ тебѣ, видно, нѣтъ никакой?! Вѣдь ты у нея не одинъ,—ты бы хошь это-то подумалъ...

Тогда онъ принимался плакать отъ горя и жалости, но сладить съ собою не могъ.

Онъ быстро слабѣлъ. Одинъ день онъ былъ особенно плохъ: горѣлъ, не могъ поднять головы и тяжело, хрипло дышалъ. Мы уѣхали, какъ обыкновенно, послѣ пяти часовъ.

Въ это время ужъ не было въ госпиталѣ нашихъ казанскихъ

сестеръ; ихъ мѣсто заступили новыя, и на этихъ новыхъ мы, къ нашему горю, не могли полагаться.

Вечеромъ меня начала преслѣдовать мысль, что Герасимовъ умираетъ—и умираетъ одинъ, съ своею неотступною тоскою,—что некому облегчить его страданій и поддержать его послѣднимъ напутственнымъ словомъ.

Я пошла къ сестрѣ моей. Она была готова ѣхать со мною въ госпиталь. Было девять часовъ, когда мы сѣли въ экипажъ, заѣхали за нашими ближайшими сотрудницами К—ми и вчетверомъ отправились въ загородный госпиталь.

Ночь стояла черная. Миновавъ крѣпостныя ворота, мы поѣхали предмѣстьемъ. Фонари попадались все рѣже и рѣже; кое-гдѣ лучъ свѣта скользилъ вдоль дороги изъ освѣщеннаго окошка, но вотъ кончились фонари, кончилось и жилье... Мы свернули съ шоссе и врѣзались въ полный мракъ. Дорога вела пустырями. Мы медленно подвигались впередъ, не имѣя никакой путеводящей точки. Немудрено было сбиться съ дороги. Экипажъ попалъ въ рытвину, лошади стали. Съ трудомъ выбились мы опять на дорогу... Наконецъ, за поворотомъ, замелькали освѣщенныя окна арсенала, и неподалеку появился массивный силуэтъ нашей Башни, густой, черной массой выступая на темномъ небѣ.

Ворота бывшей тюрьмы уже были заперты. Мы назвали себя и прошли черезъ калитку во внутренній дворикъ. На дворикѣ не такъ темно,—на него падаетъ свѣтъ изъ госпитальныхъ оконъ. Какъ тѣни ходятъ по нимъ часовые и служителя. Вокругъ все тихо, мирно. Мы идемъ въ комнату сестеръ милосердія. Многія изъ нихъ уже спятъ. Онѣ нѣсколько сконфужены нашимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Вѣра Дмитріевна, вѣрно, къ своему Герасимову,—говоритъ старушка, новая сестра нашего отдѣленія.—Ничего,—теперь заснулъ; кажется, сталъ поспокойнѣе отъ послѣдняго лекарства.

Я пошла съ нею вмѣстѣ въ палату, гдѣ жили мои трудные. Герасимовъ спалъ, но дышалъ тяжело, и въ его груди точно перекатывалось что-то.

— Температура вечеромъ поднялась 39,5, — сказала мнѣ сестра. — Молока съ сельтерской водой долго не хотѣлъ пить, подъ конецъ съ гримасами выпилъ.

Я постояла надъ больнымъ, дала ему еще пріемъ лекарства и вернулась въ комнату сестеръ милосердія—ожидать возвращенія моихъ спутницъ, которыя отправились обходомъ по всѣмъ палатамъ. Затѣмъ мы вернулись домой.

Прошло еще нѣсколько дней. Герасимову какъ будто становилось полегче. Докторъ тоже признавалъ улучшеніе и совѣтовалъ перевести его въ бараки „Краснаго Креста", гдѣ воздухъ много лучше, чѣмъ въ нашемъ госпиталѣ.

— А ѣхать онъ еще не скоро можетъ?—спросила я.

— Пожалуй, и ѣхать бы скоро могъ, только не одинъ,—онъ слишкомъ слабъ,—а вотъ еслибы можно было съ нимъ отправить фельдшера или служителя.

— Въ такомъ случаѣ еще лучше—выписать къ нему когонибудь изъ его родныхъ.—Когда я сообщила свою мысль Герасимову, онъ ухватился за нее со страстью, всею своею душою. Значитъ, его неотступной мечтѣ суждено осуществиться,—возможенъ возвратъ того счастья, къ которому онъ такъ мучительно стремится!..

Мы вмѣстѣ стали разсчитывать, что это можетъ стоить, и я обѣщала въ тотъ же вечеръ написать его отцу, и на другое утро привезти прочитать ему свое письмо.

Но въ столь важномъ вопросѣ онъ недостаточно довѣрялъ даже и мнѣ. Онъ думалъ, что какія-нибудь стороннія соображенія могутъ меня сбить и заставить написать не такъ, какъ бы написалъ онъ самъ.

Поздно вечеромъ призвалъ онъ къ себѣ писаря (тоже изъ больныхъ) и поручилъ ему написать письмо, въ которомъ бы въ точности были выражены всѣ его желанія.

Утромъ я привезла свое письмо, не подозрѣвая, что онъ написалъ другое. Онъ внимательно прослушалъ его. Когда я кончила, онъ былъ растроганъ.

— Матушка, это вы не хуже моего написали,—сказалъ онъ мнѣ ласково, и подалъ письмо, написанное ночью подъ его диктовку.

Изъ его письма я узнала, что у него осталась невѣста въ деревнѣ,—онъ слалъ ей поклонъ и просилъ ждать его.

Писарь, писавшій ему письмо, игравшій въ госпиталѣ роль человѣка цивилизованнаго, понимающаго обхожденіе и знающаго много такого, о чемъ здѣсь, въ такомъ необразованномъ обществѣ, и разговаривать нельзя,—отозвалъ меня и таинственно сообщилъ мнѣ, что у Герасимова на сердцѣ кручина,—что тутъ лекарства не въ силахъ помочь, что надо бы найти такого знающаго человѣка, а то онъ изведется совсѣмъ...

— Нѣтъ, докторъ говоритъ, что ему лучше, — перебила я его сообщенія.

Но это „лучше" продолжалось недолго.

Вскорѣ наступило ухудшеніе. Предсѣдательница нашего кружка энергически принялась хлопотать о немъ и получила разрѣшеніе отъ военныхъ властей перевести его въ „Красный Крестъ“.

Генералъ К. самъ привезъ это разрѣшеніе. Когда генералъ подошелъ къ нему и сказалъ, что его переведутъ въ госпиталь „Краснаго Креста“, Герасимовъ, вмѣсто того, чтобы благодарить, высказалъ и ему свою задушевную мечту:—Мнѣ бы въ мой уиздъ, ваше превосходительство! — влюбленными глазами смотря на генерала и пытаясь поймать его руку, проговорилъ онъ.

Я пріѣхала за нимъ въ каретѣ, закутала его и повезла въ одинъ изъ бараковъ „Краснаго Креста“. Герасимовъ не зналъ, что я оставлю его тамъ и уѣду, и долго не хотѣлъ этому вѣрить.

Чуждо и непривѣтно показалось ему въ этомъ новомъ помѣщеніи. Лазаретъ былъ хорошъ и воздухъ въ немъ легкій, но сестра милосердія, завѣдующая этимъ отдѣленіемъ, встрѣтила насъ непривѣтливо, недовольная, что привезли труднаго больного.

— У насъ все выздоравливающіе, а тутъ ишь какого привезли,—на ладанъ дышетъ!—грубо и рѣзко говорила она фельдшеру, который, глядя на Герасимова, тоже неодобрительно качалъ головой.

Я подала имъ бумагу, гдѣ было предписаніе принять моего больного и помѣстить его въ отдѣльную комнату.

Когда они вышли, Герасимовъ сталъ просить меня взять его съ собою обратно или хоть первый день остаться съ нимъ. Но ни того, ни другого нельзя было исполнить. Я старалась успокоить его, какъ могла, и обѣщала ему завтра же заѣхать посмотрѣть, хорошо ли ему и хорошо ли съ нимъ обходятся.

Потомъ пошла переговорить съ сестрою. Послѣ прочтенія бумаги, она значительно смягчилась. Я спросила ея имя. Ее звали Кр—и.

Когда я стала прощаться съ Герасимовымъ, онъ горько плакалъ, припалъ губами къ моей рукѣ и долго не могъ оторваться. Наконецъ, мы разстались.

Вскорѣ пріѣхалъ къ нему его отецъ. Когда я въ первый разъ увидала ихъ вмѣстѣ, они оба стали умолять меня отпустить ихъ въ ихъ уѣздъ. Былъ конецъ января, стояли упорные морозы.

— Подожди немного, пусть потеплѣетъ,—говорила я.—Ужъ теперь тебѣ недолго ждать, и отецъ твой съ тобою. А ты, старикъ, не смущай сына, дай ему въ силу войти, тогда и поѣдете...

Услыхавъ это, молодой человѣкъ опять заметался, опять затосковалъ.

Но силамъ его не суждено было возстановиться. Онъ промаялся и протосковалъ до самаго марта мѣсяца.

Въ началѣ марта, съ первымъ дуновеніемъ весны, прекратилась его тоска по своему „уизду".

XV.

Въ той палатѣ, гдѣ прежде лежалъ Герасимовъ, было еще трое трудныхъ.

Одинъ изъ нихъ, Емельяновъ, весь заплывшій водянкой, уже не могъ лежать и бо́льшую часть времени дремалъ, сидя на деревянномъ табуретѣ, склонивъ отяжелѣвшую голову на столъ или на соломенную подушку, которая немногимъ была мягче стола.

Это былъ чисто русскій типъ; въ выраженіи его лица было что-то покорное, безотрадное; онъ, на дняхъ, причастился и теперь спокойно и терпѣливо ожидалъ конца своимъ страданіямъ. Онъ чувствовалъ, какъ онъ въ тягость другимъ (его надо было поворачивать, сажать, класть на койку), и ему какъ будто было совѣстно, что онъ до сихъ поръ еще не могъ убраться, — на этомъ жалкомъ, некрасивомъ, плоскомъ лицѣ было выраженіе виновности, отъ которой сжималось сердце.

— Вотъ все еще смерти-то на меня нѣтъ, — едва внятно своими распухшими губами извинялся онъ.

Д-ръ Г—въ занялся имъ и предписалъ энергическое леченіе. Ежедневно ванны, молоко съ коньякомъ, по шести стакановъ въ день, крымское вино, хорошее питаніе.

Черезъ семь недѣль мы отпустили человѣка здоровымъ, выхлопотавъ ему годовую побывку на родину.

Рядомъ съ Емельяновымъ лежалъ другой водяночный—латышъ Гансъ Накуръ,—совсѣмъ безгласный и безсловесный,—онъ едва понималъ по-русски, а его и совсѣмъ нельзя было понять. Онъ тоже поправился и вернулся въ армію. Латыши такъ бѣдны, что рѣдкій стремится домой. У нихъ нѣтъ той любви и того страстнаго желанія вернуться на родину,—той любви къ избѣ, землѣ, хозяйству, какъ у русскихъ солдатъ.

Подлѣ Ганса на сосѣднюю койку помѣстили вновь прибывшаго съ послѣднимъ транспортомъ молодого солдатика, до того исхудавшаго и ослабѣвшаго, что первые дни онъ лежалъ молча

и почти безъ движенія. Врачъ, занимавшійся въ это время въ моемъ отдѣленіи, человѣкъ крайне тупой и невнимательный къ больнымъ, не обратилъ на него особаго вниманія.

— Что у тебя?—спросилъ онъ вяло, какъ и все дѣлалъ, при первомъ осмотрѣ.

— Да ужъ третій мѣсяцъ внутренность вся потревожена. Всю я ее слышу. Я—направо, и она направо, я—налѣво, и она налѣво,—такъ и перекатывается,—медленно и удивленно говорилъ молодой человѣкъ доктору.

Докторъ засмѣялся.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—какія у нихъ иногда оригинальныя выраженія!

„Dissenteria“,—написали надъ изголовьемъ больного, и докторъ прошелъ далѣе.

Опредѣленіе его, однако, оказалось невѣрнымъ. Въ первое же посѣщеніе гр. П — ой и доктора Г — ва я попросила его посмотрѣть моего юношу и опредѣлить, что у него и чѣмъ бы можно было ему помочь. Въ это время, изъ разспросовъ, я уже знала, что онъ надорвался, поднимая лафетъ, завязшій въ грязи, и съ тѣхъ поръ и сдѣлалось постоянное ослабленіе, которое въ конецъ изнурило его.

Я разговорилась съ юношей, насколько это было возможно. Онъ не былъ словоохотливъ, да къ тому же уставалъ очень скоро и запыхивался. Звали его Александръ Ситовъ, изъ новобранцевъ. Дома у него остались сироты, о которыхъ онъ очень горевалъ, сестрёнка да братъ малолѣтній.

— Чай, по міру ходятъ теперь,—сообщилъ онъ.

Когда онъ прибылъ въ госпиталь, при немъ не было ни сумки, ни узла какого; на тѣлѣ полу-истлѣвшая рубаха да шинель солдатская—вотъ что составляло его пожитки, которые отправили на сбереженіе въ цейхгаузъ.

Вскорѣ ему стало лучше. Онъ окрѣпъ и сталъ бродить по палатѣ. Съ бандажомъ ему не было больно ходить.

Онъ хотя и много молчалъ, но за всѣмъ наблюдалъ и слѣдилъ, и ему видимо любопытно было все то, что съ нимъ дѣлаютъ, и всѣ приспособленія, которыя употребляютъ для его облегченія. Я привезла ему, пока еще онъ не могъ ходить, гуттаперчевое кольцо. У него начинали дѣлаться пролежни. Онъ долго разсматривалъ, видимо дивясь хитрости человѣческой,—которой онъ самъ былъ полное отрицаніе. На другой день я подошла къ нему и узнала, что онъ опять лежитъ на тюфякѣ, безъ гуттаперчеваго кольца.

— Гдѣ твоя подушка, Ситовъ?

— Подушка,—какая подушка?

— Подушка круглая, которую тебѣ подъ бокъ подкладываютъ.

— Тако кольцо, въ которо духъ пущаютъ?

— Ну, да.

— Я его сестрѣ отдалъ (т.-е. сестрѣ милосердія); да на что оно мнѣ? Ночью-то какъ напугался я за него!

Я ничего не понимала.

— Утромъ-то проснулся,—подушки-то подъ собою и не слышу. Куда-жъ это, думаю, она дѣвалась,—кому понадобилась? И такое это меня сумлѣніе взяло: неужто, думаю, я со сна-то и не разслыхалъ, какъ ее изъ-подъ меня тащили. Сталъ я это подъ собою щупать, слышу—она тутъ. Какъ вытащилъ, смотрю, а она такая плоская стала да ровненькая, почитай что одни рубчики отъ нея и остались.

Я засмѣялась этой исторіи.

Александръ Ситовъ, думая, что я смѣюсь потому, что не вѣрю такому неестественному событію, сталъ пояснять:

— Вѣдь она духомъ держится,— сестрица вчера въ нее приказывала фершалу духъ напущать,—а какъ духъ-то выйдетъ, отъ нея ничего и не останется, только рубчики одни.

Дѣло было въ томъ, что онъ изъ любознательности вертѣлъ все кранъ, отвертѣлъ его, воздухъ и вышелъ. Онъ испугался и сбылъ ее сестрѣ.

Пріѣхала однажды гр. П—а. У меня въ это время случился очень неизящный поступокъ сестры, а такъ какъ гр. П—а завѣдывала сестрами милосердія военныхъ госпиталей, то я и обратилась къ ней за внушеніемъ. Пока разбиралось дѣло сестры, у окна палаты, чтобы больные не могли понять, Александръ добрелъ до насъ и сѣлъ на сосѣднюю койку. Когда сестра милосердія ушла, мы еще остались и говорили о дѣлахъ. Александръ всталъ, сѣлъ подлѣ насъ на окно; какъ только мы смолкли, онъ и дернулъ гр. П—у за рукавъ.

— Что тебѣ надо?—спросила она его.

— Да у меня вещи всѣ мои пропали, такъ ихъ бы разыскать, сестрица.

— Гдѣ же онѣ у тебя пропали,—здѣсь, въ госпиталѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ въ госпиталѣ,—не торопясь, говорилъ онъ:—на вокзалѣ пропали,—да онѣ не пропали, онѣ у товарища, хорошій такой товарищъ мнѣ попался, онъ не утаитъ,—все отдастъ,—такъ мнѣ бы товарища-то разыскать.

— Да гдѣ же онъ остался, товарищъ-то твой?

— Да на вокзалѣ,—мы какъ пріѣхали ночью, темень такая, хошь глазъ выколи,—погнали насъ это изъ вагоновъ, а у меня торбочка-то порядочная была; товарищъ и пожалѣлъ, видитъ, что я и самого себя-то едва волочу,—пожалѣлъ да и говоритъ: „ты мнѣ торбочку-то отдай, я понесу“. Я и говорю, спасибо,—да и отдалъ. Погнали насъ это изъ вокзалу, стали на коляски сажать, и меня посадили, смотрю, а товарища-то и нѣту,—другого, значитъ, около меня посадили. Въ госпиталь пріѣхали—и тутъ товарища нѣтъ,—такъ и не видалъ его съ тѣхъ поръ. Вѣрно, что либо на вокзалѣ остался, либо въ другой какой гошпиталь свезли. Такъ ужъ вы, сестрица, потрудитесь вещи-то мои поискать, онъ отдастъ—хорошій товарищъ такой,—мы дорогой-то все промежду себя дѣлили.

— Да какъ имя твоего товарища и въ какой же госпиталь его свезли?

— Зовутъ-то, вотъ имя-то его я и не спросилъ что-то: все „землякъ“ да „землякъ“.

Графиня П—а дернула плечами: она, такая быстрая и нетерпѣливая, съ усиліемъ выслушивала эту медленную, длинную рѣчь, не приведшую ни къ какому результату.

— Такъ какъ же мнѣ разыскивать-то ихъ?—съ вопросомъ обратилась она ко мнѣ.

Я въ первый разъ слышала эту исторію, и ничего не могла подсказать.

Но Александръ и тутъ зналъ совѣтъ.

— У меня вещи-то всѣ замѣчены,—на рубахѣ написи: Ситовъ, и фуфайка така хорошая,—а ужъ пуще всего мнѣ сапогъ жаль,—сапоги-то новы. А вамъ какъ вещи-то принесутъ, вы голенища отворотите, а тамъ написано: „Александръ Ситовъ“. Вы ихъ мнѣ и привезите.

П—а посмотрѣла на меня:

— Поищу, только наврядъ-ли найду.

— Онъ отдастъ, онъ не запрется, хорошій такой товарищъ попался,—все повторялъ Александръ, точно облегчалъ этимъ задачу.

Мы успокоили его и сговорились съ гр. П—ой припасти ему то, что онъ потерялъ.

Я знала, какой онъ крайне бѣдный. Но меня очень удивило, что, бывши со мной въ такой дружбѣ и короткости, ему пришла мысль обратиться съ своей нелѣпой просьбой къ гр. П—ой, которую онъ видѣлъ всего второй разъ.

— Александръ, что это тебѣ вздумалось эту сестрицу про-

сить разыскивать твои вещи,—отчего же ты мнѣ никогда не говорилъ прежде, что у тебя такая пропажа?—Мнѣ интересно было знать самый процессъ этой выдумки и выходки.

— А какъ же можно,—своимъ ровнымъ, медленнымъ говоромъ сказалъ онъ:—куда же бы это я сталъ васъ-то посылать? Вы должны около насъ находиться. А та—проѣзжая; пущай поищетъ.

Разсужденіе правильное.

— Ну, коли такъ, и дѣйствительно,—пущай поищетъ.

Какъ-то разъ пріѣзжаю я утромъ въ Башню, сестра милосердія встрѣчаетъ меня словами:

— А нашъ Ситовъ-то что̀ вчера сдѣлалъ!

— Что̀ такое?

— Емельянова-то мы какъ вынули изъ ванны,—та̀къ ему хорошо было, ужъ та̀къ онъ меня благодарилъ,—разсказывала словоохотливая старушка-сестрица:—вынули мы его, завернули, дала я ему молока съ коньякомъ, потомъ напоила чаемъ,—ужъ въ это время за-одно и всѣхъ мы чаемъ поимъ,—а ванну оставили въ палатѣ, служителя говорятъ: „вечеромъ вынесемъ". Напоила я ихъ и ушла къ намъ въ комнату, сама чаю напиться. Пью себѣ чай, ни о чемъ это не думаю, такъ себѣ спокойно,—вдругъ бѣжитъ фельдшеръ: „Сестрица, сестрица, это вы позволили Ситову въ ванну сѣсть?"

— Какъ въ ванну?

— Да онъ въ ваннѣ сидитъ.

Я вскочила, бѣгу,—сидитъ и улыбается мнѣ—въ холодной-то ваннѣ, изъ которой Емельянова вынули! Я такъ и ахнула. Ну его оттуда тащить,—укрыла его, еще разъ чаемъ напоила, ужъ своего ему принесла,—и въ такомъ я это страхѣ ночь провела,—но, кажется, слава Богу, ничего. Ну, кто бы это могъ про него подумать,—такой смирный, безотвѣтный! А тутъ вдругъ вѣдь вотъ какую штуку выдумалъ!

Я пошла къ Ситову.

Онъ сидѣлъ на своей койкѣ съ тѣмъ же невозмутимымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Что̀ это ты вчера надѣлалъ?—сказала я строго:—кто тебѣ позволилъ въ ванну влѣзть? Развѣ ты можешь тутъ самъ распоряжаться?

Онъ смотрѣлъ на меня удивленно.

— Зачѣмъ ты влѣзъ вчера въ ванну?

— Да я, сестрица, сначала-то хотѣлъ обмыться маленько; а потомъ, Емельянова посадили,—ужъ очень, говоритъ, хорошо,—

сидитъ и все хвалитъ, что ужъ очень хорошо. Я и думаю себѣ: давай-ка, говорю, и я влѣзу, посижу. Какъ фершалъ-то и милосердна сестра ушли, я и влѣзъ въ эту въ ванную-то.

— Очень ужъ ты неумно подумалъ! Вотъ вы какіе люди:— за вами ходишь, ходишь, бережешь, бережешь, а вы сразу готовы себя уходить. Сами себѣ враги. Я очень тобою недовольна.

Прочіе больные тоже очень не одобряли его. А онъ сидѣлъ, моргалъ глазами и слушалъ, съ сожалѣніемъ и сочувствіемъ смотря на меня.—Ишь, сколько словъ на меня тратитъ!—видимо соображалъ онъ и жалѣлъ меня.

Ему стало хуже, и много труда стоило его опять поставить на ноги.

Онъ какъ будто часто самъ не сознавалъ вполнѣ своихъ поступковъ,—его мозгъ работалъ особеннымъ, упрощеннымъ способомъ, который мѣшалъ ему обнять предметъ даже съ двухъ сторонъ. Но въ этомъ упрощенномъ, наивномъ способѣ мышленія было что-то жалкое, что и привязывало къ нему. Однако, намъ удалось его возстановить. Зато и надоѣдала же я ему иногда своей воркотней. Я знала, что всякая неосторожность могла повести за собою мучительный конецъ. А онъ, бывало, слушаетъ, и ему совѣстно становится, что мнѣ приходится тратить на него такъ много словъ.

Ко времени его отъѣзда изъ госпиталя ему былъ приготовленъ полный комплектъ бѣлья и теплыхъ вещей подъ мундиръ, сапоги, теплая шапка. Когда одѣвали его, мы по нѣскольку разъ повторили, что эти вещи—его собственныя, не казенныя,— какъ будто бы онъ ихъ купилъ. Онъ понялъ, благодарилъ и былъ очень доволенъ.

Отправили его. Я его просила написать мнѣ изъ слѣдующаго госпиталя о томъ, какъ онъ будетъ поправляться, и отпустятъ ли его на родину.

— Хорошо, сестрица, хорошо, ужъ будьте спокойны, напишу. Скоро напишу. Вѣдь я маленько писать-то умѣю.

Такъ мы разстались съ нимъ.

Дѣйствительно, дней черезъ десять или около того, получаю письмо, безъ подписи, безъ имени,—но задумываться и гадать было нечего,—содержаніе говорило само за себя, выдавало автора.

„Уведомляю я васъ, вера Дмитревна, я получилъ вещы, все которые вы послали покорнешо васъ Благодарю на вашыхъ подаркахъ и кланеюсъ вамъ въ ноги И молю вамъ отъ Бога добраго здравія и всякаго Благополучія ивделахъ вашыхъ скораго

и щесливаго Успеха и сегда я за васъ буду молитъ Бога ещо я васъ благодарю за вашо Матернино неостаніе и милосердіе. Ещо я васъ уведомляю ехали мы исКйева на хозясьственномъ поезде Сестра милосердія и дохторъ отобрали у меня шерстяную рубашку и чулки иваленые сапоги, которую вы подарили. А оне говорятъ казенные такъ я прошу васъ съ ездите на вокзалъ и спросите куды они ихъ девали будте милостивы и такъ добры еле запрутся такъ имъ худо будетъ, они присмотрителе взяли, есъ получите такъ буте добры нелзяле переслатъ какъ небутъ, буте место матери родныя и отъ пишите пожалуста што они говорятъ еле будите писатъ пишите ворелъ въ дорянско гошпиталъ".

На этотъ разъ мы послали вновь собранныя для него вещи уже не ему на руки, а на имя старшей сестры орловскаго дворянскаго госпиталя, съ просьбою передать больному Александру Ситову и съ поясненіемъ, что это за человѣкъ.

Онъ отвѣчалъ благодарственнымъ письмомъ, и затѣмъ еще разъ черезъ сестру милосердія писалъ, что отправляется на родину на поправку.

* * *

По полямъ, лугамъ
Туманъ стелется,
Своимъ горемъ онъ
Съ ними дѣлится:

Его дѣло, вишь,
Плохо спорится,
Съ буйнымъ вѣтромъ онъ
Вѣчно ссорится.

Нѣтъ отъ буйнаго
Ему моченьки—
Среди бѣла дня,
Въ сумракъ ноченьки.

Лишь съ сырой земли
Онъ поднимется,
Вѣтеръ—тутъ-какъ-тутъ
И накинется.

Зашумитъ, завьетъ,
Въ драку бросится,
По твоимъ кудрямъ
Вихремъ носится.

И летятъ они
Въ разны стороны,
Какъ отъ сокола
Черны вороны.

Мчатся, маятся
Въ волнахъ воздуха,
Безъ пристанища
И безъ отдыха.

А поля, луга
Говорятъ въ отвѣтъ:
— Не тужи, туманъ,
Не кручинься, свѣтъ!

Ты всегда для насъ
Вѣрнымъ другомъ былъ,
Своей влагою
Освѣжалъ, поилъ.

Если хочешь ты
Насъ послушаться,—
Тебѣ нечего
Съ вѣтромъ путаться.

Поднимись съ земли,
Забирайся въ высь,
Тучей черною
Въ небесахъ пройдись;

Громомъ, молніей
Прошуми ты тамъ,
Частымъ дождикомъ
Воротися къ намъ!

Все наладится,
Только будь уменъ,—
Покажи врагу,
Что и ты силенъ...

И умолкнетъ онъ,
Успокоится,
Предъ тобой, туманъ,
Земно склонится.

Влад. Марковъ.

НОВЫЕ СРУБЫ

— La charpente, par J. Rosny. Романъ изъ современныхъ нравовъ.

Окончаніе.

VIII *).

Между тѣмъ, элегантныя пріемныя и роскошные залы m-me Библё наполнились гостями. Кромѣ общества, обѣдавшаго недавно въ Нанкурѣ, появились здѣсь новые представители блестящей аристократіи, полу-аристократіи, породнившейся съ банкирскими семьями, и богачей изъ крупной буржуазіи въ родѣ самихъ хозяевъ и Леберановъ. Пріѣхали потомки древнѣйшей знати во Франціи, Кальяръ-Башò и герцогъ де-Латорель, братъ графа, молодящійся и подкрашенный господинъ, много пожившій на своемъ вѣку; онъ весь былъ поглощенъ интересной бесѣдой съ финансистомъ-аристократомъ, Гаркле́ де-Савиньи, сыномъ и мужемъ женщинъ израильскаго происхожденія, раскрывавшимъ передъ нимъ легкую перспективу громаднаго богатства путемъ какой-то остроумной операціи. Его дочь, надменная Бланшъ де-Латорель, держится лишь общества де-Розбеллей, Кальяръ-Башò и другихъ представителей благороднѣйшихъ родовъ Франціи.

Рядомъ съ братомъ графъ де-Латорель поражаетъ своей тѣлесной крѣпостью, умнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица. Нѣкогда, въ молодые годы, онъ страстно рванулся къ той настоящей жизни, которую переполняетъ борьба, движеніе и

---

*) См. выше: февраль, 733 стр.

трудъ. Онъ пожелалъ вкусить отъ древа знанія внѣ своего заколдованнаго круга; но онъ все-таки вернулся въ этотъ міръ послѣ продолжительной борьбы и колебаній, побѣжденный силою своего имени, богатства и привычекъ. Онъ не лишился, однакожъ, нѣкотораго свободомыслія и благородства стремленій, хотя въ общемъ его настроеніи проглядывала удрученность пойманной птицы.

Къ самому наступленію праздника общество становится еще болѣе смѣшаннымъ. Являются даже журналисты и репортеры аристократическихъ органовъ, финансисты и высшая бюрократія.

Отецъ Ларю даетъ знакъ молчанія и нѣсколькими фразами извѣщаетъ общество, что церемонія немедленно начнется. Затѣмъ онъ приглашаетъ слѣдовать за собой.

Тѣнистою аллеей, сверкающей густыми блёстками солнечныхъ просвѣтовъ, пышный кортежъ подвигается къ павильону съ громаднымъ заломъ, декорированнымъ голубымъ бархатомъ, коврами и растеніями. Роскошная эстрада утопаетъ въ цвѣтахъ, на столахъ приготовлены наградныя книги.

Эстрада и остальной залъ—два полюса различныхъ міровъ. Бѣлые ряды дѣтей и ихъ бѣдно одѣтыхъ родственниковъ смущенно разглядываютъ блестящихъ гостей на возвышеніи. Они чувствуютъ неловкость и униженіе, сравнивая вульгарность своихъ привычекъ и манеръ, одежды и рѣчи — съ гордою прелестью осанки, изяществомъ движеній и словъ, утонченною роскошью туалетовъ этихъ счастливыхъ избранниковъ. Богачи же взираютъ на нихъ съ искусно подавляемою кичливостью и презрѣніемъ—и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ состраданія къ подобному существованію.

Библё слѣдовало бы произнести рѣчь; но такъ какъ онъ совершенно лишенъ способности говорить публично, то его замѣняетъ его помощникъ въ мэріи, Семэ.

Панегирическое восхваленіе благодѣтельнаго семейства Библё, щедро осыпающаго своими дарами опекаемыхъ дѣтей, и призывъ этихъ послѣднихъ къ умиленной пожизненной благодарности переполняетъ это витіеватое обращеніе. Какой-то бодрящей, возстановляющей попранное человѣческое достоинство, кажется въ сравненіи съ нимъ рѣчь священника, низводящая богачей на равную ступень съ бѣдными.

Отецъ Ларю, — бѣдный и скромный служитель церкви, — знаетъ силу очарованія своихъ словъ и святой пѣсни, заключающей ихъ:

Je suis chrétien—
Voilà ma gloire!

Бѣлыя дѣвочки сохранятъ навсегда воспоминаніе объ этой церемоніи, о снѣжной бѣлизнѣ ихъ платьевъ и чудномъ звукѣ словъ, уносящемъ ихъ высоко къ божественному, вѣчному и чистому, объ экстатическомъ восторгѣ, граничащемъ съ необъемлемой любовной страстью... А такъ какъ имъ не вкусить сладостныхъ волненій любви въ объятьяхъ грубыхъ мужчинъ, предназначенныхъ имъ въ мужья, то естественно, что всѣ божественныя упоенія, всѣ экстазы — онѣ перенесутъ на церковь, единственную поэзію, ласку и утѣшеніе ихъ жалкаго существованія. И лучшія ихъ слезы прольются при видѣ бѣлыхъ дѣвочекъ религіозныхъ процессій, причастія, школьныхъ наградъ — и вѣнчанія.

„Какъ превосходно постигъ роль церкви Шатобріанъ, — подумалъ про себя Дюгамель, — и какъ могущественно его истолкованіе духа христіанства въ сравненіи съ теологическимъ!..“

Послѣ раздачи наградъ и блестяще сыгранной пьесы на роялѣ, при радостно-возбужденномъ движеніи вновь усаживающихся дѣтей, — занавѣсъ взвился, и начался спектакль, къ искреннему удовольствію великосвѣтскихъ зрителей, жаждавшихъ успокоить свои нервы, нѣсколько раздраженные предшествовавшими моментами торжества.

Къ пяти часамъ все было кончено, и дѣти расположились за длинными столами на лужайкѣ, въ тѣни деревьевъ; тамъ, быть можетъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, имъ разносили кушанья величественные лакеи въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Нѣсколько поодаль блестящимъ гостямъ Библё былъ предложенъ изысканный лёнчъ въ очаровательномъ уголку парка. Общество между тѣмъ распалось на отдѣльныя группы и даже пары, въ зависимости отъ побужденій флирта. Маркизъ д'Эскруа не могъ избѣжать м-мъ Дюгамель, хотя его сильно влекло къ Алисѣ, Алиса — Жюля де-Берикъ, Дюгамель — графини де-Ребелль. Какая-то упоительная атмосфера распространялась отъ этого разнообразія легкихъ, пріятныхъ впечатлѣній дня, отъ красоты обнявшихся съ солнцемъ деревьевъ.

Д'Эскруа, ухаживая за м-мъ Дюгамель, нравящейся ему граціозной новизной буржуазнаго опьянѣнія большимъ свѣтомъ, слѣдитъ между тѣмъ за Алисой. Она больно затронула его самолюбіе, еще болѣе въ немъ развитое, чѣмъ чувственность. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы вскружить ей голову — и затѣмъ презрительно оттолкнуть ее. Но кому же не извѣстно, что подобные по-

рывы свидѣтельствуютъ о собственномъ безсиліи и бываютъ даже источникомъ самыхъ неистовыхъ и упрямыхъ страстей?.. По отношенію къ этой странной дѣвушкѣ съ ироническими губками, поклоняющейся, повидимому, лишь одному Дюгамелю, маркизъ вдругъ почувствовалъ себя скромнымъ конторщикомъ, какимъ онъ былъ въ молодости. Онъ самъ былъ пораженъ этой неожиданностью, приписывая ее, не безъ нѣкотораго основанія, несчастнымъ годамъ своей бѣдности, когда онъ принужденъ былъ унижаться.

„Я навсегда сохраню ненавистное клеймо тѣхъ дней, — думалъ онъ.—Достаточно было нѣсколькихъ доктринерскихъ споровъ, чтобы пробудить во мнѣ глупое безпокойство и показаться смѣшнымъ въ глазахъ какой-нибудь педантичной дѣвчонки или человѣка въ родѣ Дюгамеля!“

Между тѣмъ Алиса выслушивала съ угнетеннымъ видомъ жалкую болтовню де-Берика, эту путаницу фанатическаго изувѣрства понятій и стремленій, гдѣ во имя священныхъ лозунговъ искажаются самыя примитивныя понятія нравственности и гуманизма. И этотъ затуманенный умъ, близкій къ фанатическому сумасшествію, считается совершенно нормальнымъ и даже примѣрнымъ, такъ какъ онъ строго подчиняется извѣстной общественной категоріи!

Печальное раздумье овладѣваетъ Алисой,—и, созерцая волшебныя лужайки, деревья, блистающую лазурь небесъ, она внутренно восклицаетъ:

„Неужели же эти деревья, это солнце и кружевныя травы, поющая, ликующая и вдохновенная природа — вся эта великолѣпная жизнь раскрываетъ свои чары лишь только для того, чтобы какой-то жалкій безумецъ изливалъ передо мной свои безсмысленныя и безполезныя волненія? О, еслибы я могла въ эту минуту держать въ своихъ рукахъ руку *его*, моего милаго, котораго я такъ люблю, котораго теперь уже я и могу, и должна любить... Если бы я могла вслушиваться въ его чудныя рѣчи, вмѣсто какой-то м-мъ де-Ребелль,—рѣчи, въ которыхъ жизнь переливается и блеститъ, какъ этотъ паркъ подъ солнечными лучами“...

Между тѣмъ де-Берикъ становился все нѣжнѣе и нѣжнѣе.

— О, какъ я счастливъ, м-ль, что вы принадлежите къ старинному роду чистѣйшей крови! Матушка мнѣ много разсказывала о Норманyарахъ де-Тюнъ, которыхъ она прекрасно знала. Графъ Тюнъ даже нашъ дальній родственникъ. Немножко вашей крови течетъ въ моихъ жилахъ.

Алиса сдѣлала невольное движеніе отвращенія.

— Быть можетъ, это вамъ не нравится? А между тѣмъ я не могу болѣе скрывать своихъ чувствъ. Я васъ люблю... Я уже открылся своей матери, и она мнѣ сказала: „Какъ я счастлива, Жюль, что, при твоемъ увлекающемся характерѣ, ты полюбилъ дѣвушку изъ такой благородной фамиліи“!

— Я вѣдь, бѣдна, — сказала Алиса, надѣясь на его жадность.

— Я благословляю эту бѣдность, если она составляетъ единственное препятствіе.

— Нѣтъ,—отвѣчала съ гордостью Алиса.—Я не выйду замужъ за аристократа. Я не хочу краснѣть за такого мужа, который бы кичился какими-либо преимуществами, кромѣ своихъ личныхъ достоинствъ. И никогда не приняла бы я такого предложенія, котораго необходимымъ условіемъ является такъ называемая чистота крови.

Она умышленно умолчала о своей помолвкѣ съ Бизо.

— Итакъ, — вскричалъ де-Берикъ мелодраматическимъ тономъ,—вы хотите мезальянса?!

— Именно,—подтвердила она.

— Но, подумайте, подумайте же, Бога ради! Вы отталкиваете отъ себя счастье, честь основанія новаго рода, богатство!..

Алиса молчала.

— О, отвѣчайте!—умолялъ онъ.

— Вы этого непремѣнно хотите?

— Это приговоръ жизни или смерти!

— Такъ хорошо же. Я нахожу все это унизительнымъ: честь основанія знаменитаго рода, богатство—и все это счастье!

Пораженный и глубоко обиженный, онъ готовъ былъ разразиться какимъ-нибудь грубымъ проклятіемъ, но его удержало спокойное сіяніе прекрасныхъ глазъ, охладившее безумный порывъ.

Въ тѣни деревьевъ, перепутанныхъ тонкими лучами свѣта, какъ золотою паутиной, м-мъ де-Ребелль предается неудержимой жаждѣ признаній. Взволнованнымъ, понизившимся голосомъ, она говоритъ о перемѣнѣ, внесенной въ ея жизнь первой встрѣчей съ Дюгамелемъ, о цѣломъ мірѣ новыхъ идей, потрясающихъ ее съ неизвѣданной силой. Она превозноситъ его справедливость, святое поклоненіе истинѣ—и называетъ его волшебникомъ, обладающимъ таинственнымъ очарованіемъ пророковъ.

Онъ слушаетъ ее съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Ему нравится ея несомнѣнная искренность и тонкость пониманія.

Несмотря на традиціонныя условія свѣтской жизни, она съумѣла сохранить самостоятельность и жизнерадостность своей натуры, любовь къ прекрасному—въ этой могилѣ искусства. Ей удалось примирить принадлежность къ своей кастѣ—съ принадлежностью къ своей эпохѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ женщина, способная снова расцвѣсть и отдаться, она страстно увлеклась Дюгамелемъ. И въ этомъ настроеніи она вслушивалась въ каждое его слово, какъ египетскій іудей—въ слова пророка, вѣщавшаго объ обѣтованной землѣ.

— До нашей встрѣчи,—исповѣдывалась она,—я чувствовала себя гораздо счастливѣе и сильнѣе... Я считала себя нѣсколько оригинальнѣе (простите мою откровенность) окружающихъ меня людей, ограниченныхъ въ своихъ побужденіяхъ и мысляхъ, тогда какъ у меня бывали порывы, увлекавшіе меня выше себя самой. При этой могущественной міровой борьбѣ, которую вы раскрываете передъ моими глазами, конечно, такія настроенія кажутся лишь красивыми моментами экзальтаціи и благородной печали,—но все-таки они инстинктивно *вѣрны* въ смыслѣ музыкальнаго аккорда со всѣмъ великимъ и прекраснымъ. Но вы мнѣ повѣдали, что есть такая изощренная и возвышенная мелодія, что бѣдные *мои аккорды* могутъ звучать въ ней жалко и фальшиво. Такъ ли я васъ понимаю?

Она глядѣла на него большими, дѣтски искренними глазами, въ которыхъ пылала безсознательная любовь, губы же ея взволнованно дрожали, какъ у ребенка, готоваго разразиться слезами отъ строгихъ словъ.

Дюгамель видитъ пропасть, въ которую онъ стремится. Но онъ самъ далекъ отъ мимолетной любви безъ будущности; она же слишкомъ умна, чтобы профанировать свою страсть безъ равносильнаго отвѣтнаго чувства.

Сознавая близость этой быстротечной любви, онъ спрашиваетъ себя: не дастъ ли она ему забвенія,—не заглушитъ ли она страданій, вызванныхъ страстью къ Алисѣ? Но быстро находится отвѣтъ, что это не только невозможно, но что оно и не должно быть; что возвышенная печаль отреченія должна торжествовать надъ легкодоступными радостями... И вдругъ такъ ясно, такъ пластично онъ осязаетъ Алису въ своихъ жаркихъ объятіяхъ... его поцѣлуи касаются ея волосъ, глазъ и губъ... Онъ весь блѣднѣетъ подъ впечатлѣніемъ бурно налетѣвшей мечты, выраженіе его лица заставляетъ вздрогнуть м-мъ де-Ребелль. Она становится еще экспансивнѣе; онъ же, испуганный и взволнованный,—все сдержаннѣе.

Хоръ монахинь и дѣтей, разливающійся по широкому воздуху волною торжественнаго пѣнія,—заключаетъ праздникъ бѣдныхъ. Они удаляются. За ними слѣдуютъ менѣе почетные и менѣе значительные гости Библё, и остаются только немногіе, удостоенные приглашенія обѣдать и ночевать въ замкѣ: графиня де-Ребелль, Жюль де-Берикъ, Розбелли, Кальяръ Башò, д'Эскруа, Дюгамели, м-мъ Гюдъ и Алиса, графъ и графиня де-Латорель—и все семейство хозяевъ.

Лужайки и аллеи удерживаютъ всѣхъ въ паркѣ своей сказочной прелестью. Маленькія группы и отдѣльныя пары разсыпаются по тѣнистымъ дорогамъ и дорожкамъ, не теряя, впрочемъ, изъ виду другъ друга.

М-мъ де-Ребелль все еще не разстается съ Дюгамелемъ.

— Я всегда любила красоту, сливающуюся съ молчаніемъ,—говоритъ она, между прочимъ.—Въ такія минуты все вокругъ кажется недвижнымъ, какъ бы магически заколдованнымъ...

Она далѣе развиваетъ свою мысль съ увлеченіемъ; въ одной лишь красотѣ она видитъ конечную цѣль жизни.

— Вы такъ говорите лишь потому,—сказалъ Дюгамель,—что вы исходите изъ чисто-аристократическаго типа абстракціи. Красота не есть цѣль, но средство.

— Такъ въ чемъ же заключается цѣль?—спросила она съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

— Цѣль—это превосходство или, если хотите, многосложность, и красота есть не что̀ иное, какъ лучшій путь отъ низшей сложности къ высшей. То, что̀ мы превозносимъ въ произведеніяхъ древности — это не ихъ исчерпанное, законченное творчество, но видимый въ немъ слѣдъ перехода къ высшей творческой организаціи. Уже давно признано, что всѣ натуры, стремящіяся усилій, исключительно преданы тѣмъ путямъ прогрессивнаго движенія, которыя мы называемъ красотой...

— Такъ не естественно ли было бы слѣдовать ихъ примѣру?

— Да, естественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убійственно... При этомъ терялась бы всякая новизна, источники производительнаго генія, быстроты эволюціонныхъ переходовъ, какъ при ростѣ дерева до опредѣленной только высоты.

— Такъ вы—врагъ красоты?

— Нѣтъ, напротивъ, — но я считаю необходимымъ, чтобы она не устанавливалась въ начертанныхъ границахъ и формахъ, но наоборотъ, была вѣчно подвижною, вѣчно преображающейся. Красота—это мгновеніе... Я признаю эстетику, іерархію въ ступеняхъ красоты, но не абсолютную красоту. Вы хо-

рошо это понимали, говоря о менѣе совершенныхъ формахъ гармоніи, которыя должны преображаться, чтобы быть воспринятыми новыми, болѣе совершенными ея формами.

Она сначала омрачилась, не услышавъ желаннаго отвѣта, оправдывающаго ея надежды,—его такъ легко было связать съ темою разговора. Но послѣдняя фраза Дюгамеля, ясно доказывающая, что онъ придавалъ цѣну ея словамъ, возвратила ей спокойствіе.

И, тихо разговаривая, они подвигались впередъ теперь уже въ совершенномъ уединеніи. Она не отрывала отъ него восторженнаго, влюбленнаго взгляда—и, казалось, готова была въ эту минуту отдать всю жизнь за одно роковое слово,—всю жизнь, лишь бы онъ взялъ ея руку и съ устъ бы его сорвалось порывистое признаніе...

Дюгамель, невольно растроганный прекраснымъ взглядомъ безсознательно молящихъ глазъ и дрожью устъ, горящихъ пламенной лаской,—не могъ, однакоже, забыть о разстояніи отъ этой бурно-налетѣвшей любви до своей собственной—къ Алисѣ. Эта женщина, несмотря ни на что, не измѣнитъ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, своему богатству, своему эгоизму. Конечно, это говоритъ въ ея пользу, что она отдалась бы съ блаженствомъ человѣку, съумѣвшему восторжествовать надъ ней умственно и возбудить ея поклоненіе. Но развѣ это можно сравнить со всестороннею любовью Алисы, исходящею изъ дивной общности ихъ духовной жизни? Пока дѣло не простирается далѣе бесѣдъ изъ сферы легкой философіи, граничащей съ дилеттантизмомъ, м-мъ де-Ребелль поддается очарованію, жаждетъ утонченнаго наслажденія—въ изысканной, оригинальной любви; но пусть наступятъ болѣе серьезные моменты испытанія, когда раскрывается вся глубь человѣческаго существа,—и религія, богатство, предразсудки возьмутъ верхъ надъ всѣмъ.

IX.

Между тѣмъ продолжительная бесѣда м-мъ де-Ребелль съ Дюгамелемъ возбудила ревность Библё и даже д'Эскруа и Кальяръ-Башò. Графиня возбуждала въ своемъ кругу живѣйшее поклоненіе, становясь мало-по-малу и не безъ борьбы однимъ изъ тѣхъ „типовъ", которыми высшее общество такъ любитъ обваводиться — типомъ изысканной, интеллигентной „grande dame", царицей салона, блистающей внѣшней и внутренней прелестью. Нѣкто, знающій прекрасно этотъ міръ, такъ о немъ выразился:

— Есть двѣ вещи, которыя они стерегутъ съ дикою ревностью: ихъ женщины и ихъ клубы.

Предпочтеніе, оказанное м-мъ де-Ребелль Дюгамелю, и явное увлеченіе ея этимъ „жалкимъ буржуа", показалось всему обществу въ высшей степени страннымъ и неумѣстнымъ. Жераръ Библё, сопровождаемый своею смѣшною женой, рѣшился прервать это интересное tête-à-tête, къ нимъ присоединился д'Эскруа съ неразлучною м-мъ Дюгамель—и вскорѣ вокругъ этой пары сгруппировалось все остальное общество, не исключая задумчивой Алисы. Между тѣмъ Дюгамель продолжалъ развивать свою мысль передъ собесѣдницей, и его голосъ, казавшійся еще болѣе звучнымъ въ тѣни налетающихъ сумерекъ, величественно раздавался вокругъ.

— Ни одно замѣчательное явленіе не исходитъ изъ дилеттантизма... Это можетъ казаться жестокимъ,—и я съ грустью сгибаюсь подъ тяжестью этого неумолимаго закона, но все-таки я принужденъ ему подчиниться. Страданіе—это своего рода проблема—и какъ проблема оно безпрестанно расширяется и ростетъ... Оно преображается, но никогда не исчезаетъ... Побѣждать его—настоятельная необходимость и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное средство нашего возвеличенія.

— Ваша теорія далеко не утѣшительна, м-сьё Дюгамель,— вмѣшался д'Эскруа нѣсколько дрожащимъ голосомъ и такимъ вызывающимъ тономъ, что всѣ насторожились въ ожиданіи интересной борьбы.

— При чемъ тутъ утѣшеніе?—спросилъ Дюгамель.—Истина будетъ всегда равносильна какъ для тѣхъ, кто передъ ней преклонится, такъ и для тѣхъ, кто ея не захочетъ постичь или признать. Тутъ прежде всего необходимо убѣдиться, что борьба со страданіемъ—непреоборимый законъ нашего совершенствованія. И я сейчасъ говорилъ м-мъ де-Ребелль, что великія души страдаютъ не только личными страданіями, но и чужими, расширяя такимъ образомъ по мѣрѣ силъ роковую задачу своего существованія.

— Такъ вы не любите смѣяться, м-сьё Дюгамель?—спросила насмѣшливо м-мъ Деларбръ.

— Я съ удовольствіемъ смѣюсь,—но, извините, я въ этомъ не вижу ничего общаго съ тѣмъ, что я только-что сказалъ.

— А между тѣмъ,—сказалъ съ оживленіемъ д'Эскруа,—вы проповѣдуете страданіе.

— Я не проповѣдую его, а только констатирую. Я даже не утверждаю, что нужно подчиняться страданію, но полагаю,

напротивъ, что необходимо побѣждать его,—и то, что̀ мы называемъ счастіемъ, и состоитъ въ такой побѣдѣ.

— Къ чему же все это, если я повторю ваши собственныя слова: „страданіе безпрестанно возростаетъ“?

— Я не могу вамъ сказать, къ чему все это, но вѣрно одно, что это не подлежитъ сомнѣнію. Каждый по-своему разрѣшаетъ этотъ вопросъ: или жить и совершенствоваться, страдая; или же мельчать и гибнуть, беззаботно пользуясь легкими наслажденіями жизни.

— Но, дражайшій м-сьё Дюгамель,— вмѣшался иронически старикъ Библё,—можете ли вы мнѣ указать кого-нибудь, кто бы только страдалъ или же только наслаждался?

— Конечно, нѣтъ,—тѣмъ не менѣе, нельзя же отрицать возможности вводить въ жизнь преимущественно извѣстную категорію радостей, какъ и устранять изъ нея извѣстную категорію страданій. Богатый эгоистъ, напримѣръ, можетъ легко избѣгнуть горестей бѣдняка, отказываясь совершенно отъ благородной печали художника и ученаго. Онъ тогда предается наслажденію, но и оно не разъ отъ него ускользаетъ, потому что кругъ его умственныхъ понятій все съуживается, однообразіе несложныхъ радостей быстро его утомляетъ—и пресыщеніе является единственнымъ слѣдствіемъ этого убожества души.

Эти слова были, конечно, слишкомъ рѣзки въ кругу подобныхъ слушателей, но ихъ явная враждебность, насмѣшливый и презрительный тонъ ихъ спора—раздражали Дюгамеля и подталкивали его къ завзятой борьбѣ. Восхищенные взгляды Алисы и м-мъ де-Ребелль взбѣсили д'Эскруа.

— Позвольте,—возразилъ онъ,—я самъ испыталъ бѣдность и прекрасно знаю, что̀ такое благосостояніе. Страданія богатыхъ нисколько не уступаютъ въ силѣ страданіямъ бѣдняковъ; они лишь только утонченнѣе и чище. Не станете же вы считать денегъ единственной причиной сравнительнаго счастія или несчастія!

Всѣ обрадовались, повидимому, побѣдному торжеству этого отвѣта, почувствовавъ себя отомщенными. Д'Эскруа съ самодовольной небрежностью поглаживалъ свои выхоленные усы. Но Дюгамель, далекій отъ всякихъ увертокъ, проникъ въ самую суть вопроса.

— То, что̀ вы называете утонченными чувствами, есть не что̀ иное, какъ чувства, отрѣшенныя отъ соціальной солидарности. Вы ставите себя выше другихъ людей, а слѣдовательно не раздѣляете съ ними—или же раздѣляете минимально—обще-

человѣческіе интересы, какъ нравственные, такъ и матеріальные; не принимаете участія въ общей борьбѣ за эти разнообразные интересы, за самое существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ... Вы ограничиваетесь лишь однимъ кругомъ благородно-изящныхъ мыслей и чувствъ, столь мало общимъ съ общечеловѣческимъ, какъ ваши замки и ваши личности—съ жилищами и личностями остальныхъ людей.

— О, да! вы правы!—воскликнулъ маркизъ.—Конечно, мы вкушаемъ лишь одинъ цвѣтъ возвышеннѣйшихъ чувствъ. Наши печали, отрѣшенныя отъ смѣшанныхъ чувствованій массъ—несравненно изысканнѣе и благороднѣе ихъ. Наша душа—всецѣло принадлежитъ намъ. Мы испытываемъ наши радости и наши печали въ ихъ чистой эссенціи, а не сквозь призму животныхъ заботъ рабочаго или же грубаго ученія Прюдома.

— Но если большая половина вашей души, и притомъ самая существенная, выросла все-таки изъ общихъ соціально-этическихъ основаній, о которыхъ вы такъ презрительно выражаетесь, то, значитъ, ваше отрѣшеніе отъ остальныхъ людей—есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ограниченіе вашей личности, вашей интеллектуальной жизни.

Д'Эскруа все болѣе и болѣе раздражался, чувствуя, что почва подъ нимъ колеблется.

— Это ничего не доказываетъ!—защищался онъ. — То, что теряется въ количествѣ—выигрывается въ изощреніи.

Дюгамель, по прежнему искренній и сосредоточенный, отвѣчалъ:

— Ваше опредѣленіе можетъ относиться только къ частнымъ случаямъ. Изобиліе и изощренность духовной жизни—это только очередные ея моменты; ни то, ни другое не могли бы существовать въ отдѣльности отъ ея содержанія.

Онъ продолжалъ развивать эту тему, анализируя съ психологической тонкостью разницу въ проявленіяхъ духовной жизни обособленной человѣческой среды и остального человѣчества. Короткія, рѣзкія возраженія маркиза не сбивали его съ пути.

— Характеръ новѣйшихъ мыслей,—говорилъ онъ между прочимъ,—мыслей послѣдней эпохи, составляютъ чрезвычайное богатство ихъ оттѣнковъ, необычайная подвижность и измѣнчивость. Эти-то передовыя, новѣйшія мысли становятся недоступными при недостаточной гибкости и подвижности вѣчно прогрессирующей интеллигенціи—или же для разслабленныхъ старческихъ умовъ... И вотъ, богатые высшіе классы часто упо-

добляются въ этомъ отношеніи отжившимъ людямъ престарѣлаго возраста.

— Да,—сказалъ съ горечью маркизъ,—это вашъ общеизвѣстный пріемъ! Вы насъ всегда изображаете отжившими стариками или же блѣдными жертвами растлѣвающаго порока. Такъ укажите же мнѣ, пожалуйста, представителей этого типа здѣсь, между нами, между тѣми, которыхъ вы здѣсь видите или видѣли! Возьмите, напримѣръ, де-Розбеллей, де-Фитюдо, Кальяръ-Башò, Боржанъ де-Милльё и другихъ; не забудемъ даже о Леберанахъ,—прибавилъ онъ съ невольною улыбкой презрѣнія,—которыхъ вы называете „les grands riches", и теперь скажите сами—не коллекція ли это здоровыхъ и крѣпкихъ людей?

— Это вѣрно,—сказалъ Дюгамель,—что народъ и даже образованная буржуазія склонны матеріализировать ту слабость, которую они предугадываютъ въ аристократіи. Нелѣпо думать, что это непремѣнно должна быть слабость физическая, и даже, быть можетъ, напротивъ—подобная отсталость, инертность духовной жизни, о которой я сейчасъ говорилъ, влечетъ къ источнику первобытной животной силы, чуждой работы умственнаго напряженія и борьбы со страданіемъ.

Разговоръ на мгновеніе прервался. Нервное возбужденіе д'Эскруа возросло до послѣдней степени, между тѣмъ какъ графъ де-Латорель начиналъ страстно интересоваться споромъ.

— Если все то, чтò вы называете цивилизаціей и прогрессомъ,—воскликнулъ д'Эскруа послѣ нѣкотораго молчанія, презрительнѣе, чѣмъ когда-либо, — воплощается лишь въ рабочемъ, въ этомъ „народѣ", въ новѣйшемъ значеніи этого слова, обезображенномъ, грубомъ, отупѣломъ отъ тяжкаго труда, алкоголя и неразлучнаго съ нимъ порока, то такой прогрессъ не можетъ быть моимъ идеаломъ! Властительная же и самоувѣренная до наглости буржуазія кажется мнѣ несравненно гаже утонченной аристократіи Людовиковъ или же блестящаго феодальнаго рыцарства, подвижного и энергичнаго. Чтò же вы выиграли въ концѣ концовъ? Лишь одинъ промышленный духъ загрязняетъ общественное тѣло!

Этотъ доводъ показался всѣмъ сторонникамъ маркиза до такой степени неотразимымъ, что они сплотились вокругъ Дюгамеля, въ ожиданіи его отвѣта.

— Мнѣ было бы вполнѣ достаточно возразить вамъ,—началъ Дюгамель,—что пролетаріи среднихъ вѣковъ и древности, сервы или рабы, подчинявшіеся идеалу аристократической организаціи, были поставлены въ гораздо худшія условія, были еще

голоднѣе, еще болѣзненнѣе нашихъ рабочихъ. Но есть еще и другая сторона этого вопроса: народъ не представляетъ собою, какъ вамъ кажется, низшей касты, и онъ не такъ отупѣлъ отъ труда. Общество же не составляетъ организма, въ которомъ рабочій представлялъ бы собою руки и ноги, буржуазія же или аристократія—голову. Это безсмысленное сравненіе не выдерживаетъ критики. Такъ называемый „мозгъ" человѣчества, ученые, политики, художники, происходятъ почти исключительно изъ буржуазіи, выросшей въ свою очередь изъ народа.

— Но вѣдь вы не можете отрицать, — вмѣшался де-Латорель,—что и аристократія воспринимаетъ свою часть интеллектуальнаго движенія?

— Да, конечно, она воспринимаетъ даже всѣ части цѣльнаго общественнаго организма до извѣстной степени, въ извѣстной мѣрѣ, насколько это ей необходимо,—подъ опредѣленнымъ разъ навсегда угломъ зрѣнія. Когда-то она и сама была живымъ организмомъ; теперь же отъ него остался лишь одинъ остовъ. Въ ней нѣтъ самостоятельной производительности, но только строго ограниченная воспріимчивость.

— Не понимаю,—воскликнулъ злорадно д'Эскруа,—какъ объясните вы совмѣстимость хотя бы ограниченной воспріимчивости со строгой замкнутостью организаціи?

— Я объясню ее съ помощью сравнительной анатоміи,—отвѣчалъ спокойно Дюгамель.

Въ сторонѣ Библё раздался смѣхъ. Жераръ вздернулъ плечами, Морисъ состроилъ комически-брезгливую гримасу, м-мъ Деларбръ воскликнула:

— То-есть, какъ же это? Не съ помощью ли искусства выбирать говядину въ мясной лавкѣ?.. Это—урокъ для нашихъ поваровъ, но не для насъ.

М-мъ де-Ребелль, крайне возмущенная этими словами, вспыльчиво отвѣчала:

— М-сьё Дюгамель могъ въ самомъ дѣлѣ легко смѣшать однихъ съ другими!

Эта дерзость заставила Библё нѣсколько опомниться и понять себя, тѣмъ болѣе, что графъ де-Латорель прибавилъ съ искреннею привѣтливостью:

— Вы меня чрезвычайно заинтересовали, м-сьё Дюгамель, и я васъ прошу продолжать.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Дюгамель,—тѣмъ болѣе, что я чувствую большую потребность въ собственномъ поученіи.

Этотъ намекъ неодинаково былъ принятъ всѣми, потому что не всѣ его поняли.

И онъ сталъ объяснять психо-физическія различія высшихъ и низшихъ организмовъ.

— Точно также и въ человѣческой организаціи аристократія составляетъ одну изъ древнѣйшихъ установившихся разновидностей со своими исключительными особенностями; это—законченный организмъ въ цѣломъ ряду новыхъ и новѣйшихъ организмовъ, слегка лишь соприкасающійся съ ними однимъ только внѣшнимъ образомъ.

— Не слѣдуетъ ли изъ этого неизбѣжность жизненной роли аристократіи?—сказалъ де-Латорель.

— Неизбѣжность—нѣтъ, но дѣйствительность—да. Во всякомъ случаѣ, замираніе ея съ каждымъ днемъ передъ новыми силами, въ новомъ эволюціонномъ движеніи—неоспоримо. Она—лишь памятникъ прежней живой силы.

— Однакоже, есть вещи,—возразилъ снова де-Латорель,—къ которымъ вы относитесь слишкомъ легко, слишкомъ, быть можетъ, презрительно, но которыя были, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, руководящими началами человѣчества. Долгое время феодализмъ и аристократія были поставлены въ трудныя, суровыя условія. Но кто же, кромѣ нихъ, покровительствовалъ искусству и литературѣ?.. Да и кромѣ этой земной организаціи существуетъ еще высшая — дѣятельное Провидѣніе, о которомъ говоритъ Боссюэ,—есть сила самоотверженія, покорности, горячей вѣры, способная возбудить гораздо больше святого энтузіазма, чѣмъ нѣсколько научныхъ формулъ, не проникающихъ въ человѣческое сердце.

— Вы правы; но то же самое могли бы сказать жрецы, раввины и учители церкви—о простотѣ ученія Христова. Точно такъ же могъ бы сказать это и Понтій Пилатъ: любовь къ ближнему и равенство людей казались имъ всѣмъ слишкомъ холодными и простыми формулами, сравнительно съ блестящими латинскими и іудейскими—религіозными и политическими іерархіями.

— Итакъ, по вашему, все, что способно было экзальтировать человѣчество,—было лишь блестящей ложью? Стремленіе нашей души къ идеалу было лишь ея безсмысленнымъ блужданіемъ?

— Нѣтъ, я далеко не склоненъ считать все вызывающее духовную экзальтацію лишь ложью; я уважаю стремленіе нашей души къ идеалу какими бы то ни было путями; но развѣ и вы станете отъ этого худшими христіанами, что ваши предки съ

неменьшимъ рвеніемъ обожали камни и деревья, ваше же религіозное стремленіе соотвѣтствуетъ религіозному культу, воздвигнувшему жестокій, бурный и порочный Олимпъ?.. Одна существенная рознь нашихъ воззрѣній побуждаетъ къ этому спору: вы считаете міръ неподвижнымъ и законченнымъ, я же его считаю относительнымъ и подвижнымъ... Намъ дана книга еще болѣе глубокая и поучительная, чѣмъ Библія—это земная поверхность. Въ ней мы находимъ истину, гарантированную на многіе милліоны лѣтъ: возникновеніе, развитіе и совершенствованіе организмовъ. Я вѣрю въ эту истину и по аналогіи переношу ее на наши общественные организмы. Я констатирую древнія и новыя формаціи,—аристократію я причисляю къ первымъ; буржуазію—къ современнымъ; коллективизмъ, возникающій лишь на нашихъ глазахъ—къ будущимъ.

Между тѣмъ какъ онъ пояснялъ свою теорію смѣлыми положеніями и выводами, иллюстрируя ее историческими фактами,—утомленіе и скука все болѣе и болѣе овладѣвали группой людей, не привыкшихъ къ головоломнымъ спорамъ философскаго характера. Они находили, что, обладая милліонами, можно освободиться отъ подобныхъ скучныхъ загадокъ. Кромѣ д'Эскруа, Латореля и графини де-Ребелль, возбужденныхъ споромъ, только м-мъ Делафонъ и Алиса слушали его съ интересомъ,—всѣ же другіе нетерпѣливо ждали его окончанія. Упрямое отстаиваніе своихъ мнѣній д'Эскруа и де-Латорелемъ казалось имъ крайне неумѣстнымъ и дурного тона. Но Библё было неловко пріостановить эту борьбу,—всѣ же другіе не рѣшались уйти первыми.

Въ связи съ однимъ изъ замѣчаній Дюгамеля о роли рабочихъ классовъ въ новѣйшемъ прогрессивномъ движеніи м-мъ де-Ребелль вставляетъ свое слово:

— Я не постигаю, какъ вы можете превозносить столько прекрасныхъ сторонъ въ рабочемъ... Въ самомъ ли дѣлѣ онъ можетъ выдержать сравненіе съ художникомъ или ученымъ, не говоря уже о богатыхъ классахъ?.. Простолюдинъ казался мнѣ всегда очень грубымъ и даже, простите за выраженіе, очень глупымъ.

— Это лишь оттого, что вы придаете значеніе только исключительнымъ, такъ называемымъ отвлеченнымъ качествамъ. Народъ на различныхъ ступеняхъ своего развитія обогащаетъ насъ экспериментальнымъ знаніемъ, непосредственнымъ и простымъ. Его массовый трудъ въ общемъ стремленіи къ знанію могуществен не только потому, что онъ служитъ уясняющей связью съ вѣковой цѣпью животныхъ существованій и стадій человѣческаго

прогресса, но также и потому, что, воспринимая научныя теоріи образованной буржуазіи, онъ ихъ перерабатываетъ по-своему и вноситъ въ нихъ много самостоятельнаго и новаго.

— Все это прекрасныя слова!—воскликнулъ маркизъ, злорадно разсмѣявшись, — но вамъ, безъ сомнѣнія, было бы затруднительно пояснить ихъ примѣромъ.

Онъ надѣялся, что, подталкивая этого моралиста въ такъ называемыя „первоначальныя" сферы по метафизической терминологіи, ему удастся смутить противника.

— Напротивъ, — отвѣчалъ Дюгамель,—я склоненъ думать, что онѣ слишкомъ хорошо иллюстрируются на каждомъ шагу. Не замѣчаете ли вы, напримѣръ, что эквилибристъ или акробатъ—это лучшіе истолкователи раціональной механики, а между тѣмъ они вѣдь необразованныя дѣти народа?

— Но въ этомъ я не вижу никакого совершенствованія, ни прогрессированія; древнимъ были извѣстны самые замысловатые фокусы...

— Совсѣмъ другого рода. Обезьяны также замѣчательные акробаты, но ловкость ихъ чисто импульсивная, мускульная, не имѣющая ничего общаго съ мыслью, соображеніемъ и обдуманнымъ искусствомъ, основаннымъ на законахъ тяжести и равновѣсія, на выработанномъ научно курсѣ гимнастики, на испытанныхъ истинахъ механики. То была первобытная, безсознательная, полу-обезьянья ловкость. Нынѣшніе эквилибристы и фокусники обладаютъ богатыми экспериментальными знаніями въ области математики, механики, физики и анатоміи—и Богъ вѣсть какихъ еще наукъ... Итакъ, между пріемами эквилибриста и научными законами существуетъ ближайшая связь,—восхожденіе отъ первыхъ къ послѣднимъ и, наоборотъ—наглядное объясненіе однихъ другими.

— Не слишкомъ ли это смѣлое истолкованіе? — спросилъ пораженный де-Латорель.

— Нисколько. Наука преподается вѣдь не только съ помощью прямого обученія. Она скользитъ по формамъ предметовъ, по видоизмѣненію рѣчи; ея сложнѣйшія теоріи становятся иногда понятными съ перваго взгляда. Представьте себѣ только—какими преимуществами одарено дитя нашего столѣтія, сравнительно съ прошедшимъ, благодаря лишь тому, что оно „видитъ" паровыя и электрическія машины, разныя сложнѣйшія механическія сооруженія, живетъ въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ гигіеной, и тому подобное. Это—лучшій наглядный методъ. Сколько дифференціальныхъ и интегральныхъ соображеній управляетъ движеніями

рабочаго въ современномъ трудѣ, основанномъ на дивно разработанныхъ законахъ новѣйшей высшей науки!..

Продолжительное молчаніе сопровождаетъ эти слова. Довольные случайнымъ перерывомъ, скучающіе и даже почти страдающіе отъ непривычнаго напряженія мысли, аристократическіе слушатели удаляются съ искусственнымъ смѣхомъ, дѣланными протестами. Но графъ де-Латорель, сильно заинтересованный споромъ, отводитъ въ сторону Дюгамеля.

— Я желалъ бы извлечь изъ вашихъ словъ, м-сьё Дюгамель, истину, утѣшительную для аристократа, а именно, что въ сильномъ, здоровомъ обществѣ, должны быть твердо установлены разнообразнѣйшія организаціи, стадіи его развитія; а слѣдовательно, іерархія кастъ, почитаніе традицій—являются не безсмысленными идолами, но соотвѣтствуютъ логическимъ законамъ жизни.

— Конечно, но съ тѣмъ условіемъ, что вы придадите слову „іерархія" его настоящее значеніе—и что не поставите аристократію во главѣ всѣхъ остальныхъ формацій. Дѣйствительное могущество теперь въ рукахъ буржуазіи, а аристократъ долженъ склониться передъ нею, равно какъ долгъ буржуа—признать надъ собою превосходство интеллигента. Почитаніе традицій, о которомъ вы упомянули, выражаетъ только соотношеніе различныхъ стадій; но это вѣдь и роковое, губительное соотношеніе: культъ традицій убиваетъ влеченіе къ новому, жажду знанія и развитія, жажду неизвѣданныхъ сокровищъ будущаго... Болѣе глубокія начала торжествуютъ надъ периферическими, но всетаки имъ не избѣгнуть ихъ нѣкотораго вліянія. Съ другой стороны, измѣненіе прочно установившихся принциповъ и понятій представляетъ сложную задачу по отношенію къ внѣшнимъ, обновляющимъ вліяніямъ, хотя и дѣлаетъ ихъ новизну болѣе живою и углубленною, обогащаетъ ихъ энергіею борьбы. Прослѣдивъ дѣйствіе этого закона въ теченіе вѣковъ, вы, безъ сомнѣнія, объясните имъ участіе сильной и дѣятельной аристократіи среднихъ и новыхъ вѣковъ въ великихъ дѣлахъ прогресса и свободы—наравнѣ съ бездѣйствіемъ и инертностью современной.

Оба собесѣдника учтиво разстались съ чувствами взаимнаго уваженія. Маркизъ удаляется тоже, но далеко не довольный собой. Онъ бормочетъ сквозь зубы далеко не рыцарски-благородную угрозу, не особенно согласную съ утонченной возвышенностью аристократическихъ чувствъ:

— Погоди же! вотъ я тебя увѣнчаю рогами!..

Чувствуя потребность успокоенія и отдыха послѣ раздражи-

тельныхъ моментовъ спора, Дюгамель направился одинъ широкою аллеей къ маленькому пруду, сверкавшему издали послѣдними мазками пурпурно-золотой зари. Онъ жадно втягивалъ разгоряченной грудью влажныя волны воздуха, носившіяся надъ водою. И мало-по-малу имъ стало овладѣвать мирное настроеніе и даже нѣкоторая растроганность при воспоминаніи объ умномъ сочувствіи и благородствѣ понятій м-мъ де-Ребелль и графа де-Латореля. Съ такими аристократами онъ могъ бы жить въ дружбѣ, въ особенности ограничиваясь бесѣдами о наукѣ и искусствѣ, объ отвлеченныхъ философскихъ вопросахъ. Мысль его, возбужденная споромъ, продолжала строить блестящія мечты о прогрессивномъ совершенствованіи человѣчества, пытливо предугадывать его грядущіе пути...

И среди этого вдохновеннаго созерцанія вдругъ передъ нимъ появилась Алиса...

Наступилъ тотъ неотразимый моментъ признанія, котораго она такъ жаждала и опасалась. Ея блѣдность, лихорадочный блескъ ея взора, прекрасный обликъ, точно всплывшій нежданно надъ мягкими волнами травъ,—это властительно-чарующее явленіе застигло его неподготовленнымъ, безоружнымъ предъ лицомъ сказочной дѣйствительности.

— Алиса! Алиса!—прошепталъ онъ.

Она же не отрывала отъ него смѣлаго взгляда въ страстномъ возбужденіи любви и ревности. Поцѣлуй д'Эскруа и м-мъ Дюгамель оправдывалъ ее вполнѣ предъ самой собою.

— Я къ вамъ пришла, я должна говорить съ вами!..—сказала она глухо.

Неудержимое движеніе помѣшало дальнѣйшимъ словамъ ея; она порывисто бросилась къ нему, и голова ея мгновенно прильнула къ его плечу. И онъ держалъ ее, наконецъ, въ объятіяхъ, дрожащую, благоухающую весной, не находя другихъ словъ, кромѣ изумленно-страстнаго восклицанія:

— Алиса! Алиса!..

— О, я васъ люблю! я васъ люблю! Я болѣе не могла заставить себя молчать!..

Его сердце безумно ликовало, чувства были въ восторженномъ смятеніи, но и въ эту минуту душа взяла верхъ надо всѣмъ. Воспоминаніе о долгой внутренней борьбѣ возвратило ему сознаніе. Онъ слегка отодвинулъ отъ себя молодую дѣвушку и, взявъ обѣ ея руки, отвелъ нѣсколько подальше, къ тѣнистой группѣ деревьевъ.

— Алиса!—тихо заговорилъ онъ,—и я васъ также люблю,

и всегда буду любить... Я не рѣшаюсь сказать, что мы никогда не будемъ принадлежать другъ другу, также какъ не могу рѣшительно отречься отъ надежды на это счастье...

Она слушала, не опуская передъ нимъ пылающихъ глазъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно сжимая его руки. Упоительное счастье услышаннаго признанія, удовлетворяющее надолго любящую женщину, представляло ей въ эту минуту всю многотрудную борьбу, всѣ подавляющія жертвы—необычайно легкими и нестрашными. Онъ, между тѣмъ, продолжалъ, становясь постепенно сосредоточеннѣе и строже:

— Дорогая Алиса, любовь возвышенныхъ натуръ есть могущественное средство душевнаго подъема. Отдаться первому порыву, безъ борьбы, съ гнетомъ чужого горя на совѣсти, безъ убѣжденія въ слѣдованіи міровому закону совершенствованія—было бы далеко не достойно насъ. Покоримся же, дитя мое, нравственному призыву. Если нашей страсти суждено погибнуть подъ неумолимымъ давленіемъ нашихъ нравственныхъ требованій, препятствій, воздвигаемыхъ жизнью, то пусть она погибнетъ, но да не стонетъ никто отъ нанесенныхъ ею ранъ... Если же намъ суждено когда-нибудь достигнуть нашихъ завѣтныхъ желаній, то мы ихъ достигнемъ лишь на основаніи извѣстнаго нравственнаго права. Старинная исторія о рыцарѣ и его дамѣ, летѣвшихъ на встрѣчу легко-дававшемуся счастью, не выдумана и чрезвычайно правдива. Дешевая любовь приноситъ стыдъ и душевное разрушеніе...

Она выслушала съ восторженной покорностью это поученіе, но въ то же время она внутренно признала за собой способность къ такой борьбѣ и продолжительное торжество своей воли; только измѣна м-мъ Дюгамель могла побудить ее къ такому стремительному шагу...

— О, повѣрьте,—прошептала она,—что я рѣшилась на это не безъ раздумья, что я хорошо знаю, куда стремлюсь, что я много страдала и боролась и что готова на новыя страданія, на новую борьбу! Но у меня есть и другой источникъ надежды и силы, кромѣ того, на который вы мнѣ указали...

Они возвращались въ замокъ съ сердцемъ, преисполненнымъ нѣжности, съ героическою душой. На слѣдующее же утро, подъ предлогомъ неотложныхъ дѣлъ, Дюгамель уѣхалъ одинъ въ Парижъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Делафонъ поселился на своей фермѣ Де-ла-Жюстисъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ заботы о его столѣ и объ удобствахъ весьма упрощенной жизни въ теченіе какого-нибудь мѣсяца или двухъ были предоставлены его хозяину, фермеру. Конечно, тотъ очень охотно согласился, поощряемый щедрой платой.

Делафонъ избралъ этотъ скромный уголокъ съ цѣлью найти въ немъ безусловное уединеніе и тотъ крутой возвратъ къ простѣйшей жизни, сливающей человѣка съ природой, который такъ прекрасно дѣйствуетъ на неврастениковъ. Фермеръ, его жена и ихъ единственная дочь удивительно соотвѣтствовали стилю новой обстановки Делафона лѣнивымъ, сытымъ спокойствіемъ рабочихъ воловъ.

Послѣ нѣкоторой грусти при перемѣнѣ условій жизни, мучительное раздраженіе, грызущая печаль Делафона, съ вѣчнымъ лихорадочнымъ броженіемъ мыслей, съ невыносимымъ до боли разстройствомъ нервовъ,—стали мало-по-малу затихать, дѣлались однообразнѣе и проще. Горе, казалось, разбавляли—своею ширью, могучими волнами воздуха—огромныя равнины пустынныхъ деревень.

Слѣдуя совѣту Дюгамеля, онъ мало думалъ о себѣ, стараясь всѣмъ существомъ воспринимать внѣшнюю жизнь и природу. И въ то время, какъ вѣчно юное сіяніе солнца и луны, шумъ свѣжихъ травъ, весенняя краса разубранныхъ деревьевъ гласили здѣсь о вѣчномъ возрожденіи божественнаго міра,—люди какъ будто застыли въ своемъ старинномъ существованіи. Тяжелыя, закопченныя фермы изъ чернаго камня, разсѣянныя на большомъ разстояніи другъ отъ друга, напоминали эпоху ужасныхъ войнъ и преступленій, и несомнѣнно онѣ не перемѣнили своего наружнаго вида со временъ Карла VI. Делафону грезились англійскія шайки, кровавымъ ураганомъ мчащіяся по полямъ...

„Однакоже, какъ мы стали чувствительны съ тѣхъ поръ!—думалъ онъ. — Убійства, пытки казались въ то время самымъ обыкновеннымъ явленіемъ лучшему изъ людей того вѣка!“

Конечно, внѣшній міръ, комментируемый теперь Делафономъ, не могъ ограничиться одной лишь природой, — его интересовала жизнь немногихъ окружающихъ людей. Отчасти съ лечебною цѣлью, отчасти же по независимому отъ нея влеченію,

онъ сталъ за ними наблюдать и даже изучать ихъ. Онъ старался изслѣдовать причины вырожденія и алкоголизма, сильно прогрессирующихъ со второй половины столѣтія,—и многое ему разъясняли разговоры съ фермеромъ-хозяиномъ.

Однажды вечеромъ фермеръ, еще довольно молодой, здоровый и крѣпкій человѣкъ, подсѣлъ къ нему на скамейку передъ домомъ; они уже не разъ бесѣдовали о политикѣ и мѣстныхъ интересахъ. Хозяинъ слушалъ обыкновенно Делафона, сочувственно покачивая головой, но ясно было, что политическіе вопросы онъ считаетъ сущимъ пустякомъ, хотя бы въ сравненіи съ воздѣлываніемъ свеклы. На этотъ разъ онъ, однако же, вышелъ изъ обычной апатіи. Делафонъ заговорилъ о вырожденіи населенія, грозящемъ причисленіемъ Франціи къ разряду второстепенныхъ державъ.

— Это все оттого,—сказалъ фермеръ,—что Парижъ не доставляетъ болѣе дѣтей. Здѣсь же ихъ даже слишкомъ много. Надо только миновать деревню Сентъ-Аванъ, чтобы ихъ тамъ увидѣть около пятидесяти человѣкъ. Школа слишкомъ для нихъ тѣсна.

— Я не нахожу, чтобы здѣсь было особенно много дѣтей,—отвѣчалъ Делафонъ.—Можете ли вы мнѣ указать многочисленныя семейства?

— Конечно: Дуэзъ, Карели, Гавелли и такъ далѣе... Тамъ, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, около десяти человѣкъ. Это только въ Парижѣ умудряются избѣгать дѣтей. Я все удивляюсь—какъ это имъ удается! Можетъ быть, вы мнѣ объясните, въ чемъ дѣло, такъ какъ вы прямо оттуда?

Делафонъ уловилъ хитрый и любопытный взглядъ фермера.

— Но,—отвѣчалъ онъ,—вамъ это, навѣрно, прекрасно извѣстно.

— Боже сохрани! Почему же я это могу знать?! Быть можетъ, ихъ убиваютъ до рожденія?

— Не думаю, чтобы искусственные способы такого рода были тамъ болѣе въ ходу, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Полагаю, что просто предпринимаются нѣкоторыя предупредительныя мѣры.

— Я слышалъ, что парижанки принимаютъ какое-то лекарство въ подобныхъ случаяхъ. Не извѣстно ли оно вамъ?

Делафонъ вздрогнулъ отъ странно-заинтересованнаго тона этого вопроса. Онъ угадалъ уловку крестьянина и спросилъ съ нѣкоторою рѣзкостью, пронизывая его глазами:

— Послушайте, скажите мнѣ откровенно, отчего вы не хотите имѣть болѣе дѣтей?

Фермеръ, нѣсколько смущенный въ первую минуту этой про-

пицательностью, быстро, однакожъ, оправился—и выраженіе какой-то странной, нѣсколько театральной гордости показалось на его лицѣ.

— О, мнѣ довольно одной Берты! Условлено, что она выйдетъ за единственнаго сына Маринò,—и я не нарушу даннаго обѣщанія. Они будутъ владѣльцами соединенныхъ земель Де-ла-Жюстисъ и Мулэнъ д'О. Въ этомъ вся задача.

„Какъ примирить, — думалъ про себя Делафонъ, — вѣковое инстинктивное тяготѣніе къ землѣ съ нормальнымъ приростомъ народонаселенія?"

Его догадки относительно фермера оказались совершенно основательными. Наблюдая болѣзненную полноту его жены, тупое страданіе во взглядѣ и неестественную усталость движеній—при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ ея жизни,—онъ быстро постигъ безпрестанное уродованіе организма, созданнаго къ обильному дѣторожденію. Въ подтвержденіе же этихъ догадокъ послѣдовала вскорѣ тяжелая болѣзнь несчастной женщины съ таинственнымъ участіемъ повивальной бабки и условное выздоровленіе—грустное торжество надъ природой. Во время этой печальной суетни всѣ избѣгали пытливаго и негодующаго взгляда Делафона; страданія же больной, не возбуждая ни въ комъ сочувствія, казались, повидимому, дѣломъ вполнѣ естественнымъ и ежедневнымъ въ этой средѣ. Наконецъ, смертельно-блѣдная, шатающаяся фермерша снова стала хлопотать по хозяйству, хватаясь поминутно за стѣнки и мебель, чтобы не упасть.

„А между тѣмъ, — разсуждалъ Делафонъ, — эти фермеры только бы выиграли отъ бо́льшаго количества здоровыхъ рабочихъ силъ, имѣя по двое-трое дѣтей. Франція преувеличиваетъ страхъ передъ прозябаніемъ пролетаріата. Другія націи не отрекаются отъ многихъ жертвъ: относительной бѣдности, упрощенной ѣды, ограниченнаго комфорта, отъ тяжкихъ столкновеній съ дѣйствительностью,—но и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ богатства надеждъ, отъ побудительной силы иллюзій, отъ многосложныхъ интересовъ жизни. Почему бы намъ не видѣть въ этомъ косвеннаго указанія?"

Въ сравненіи съ общимъ стремленіемъ къ вырожденію, алкоголизмъ, развитой здѣсь въ широкихъ размѣрахъ, показался ему менѣе грознымъ. Мало надѣясь на результатъ какой бы то ни было проповѣди, онъ, однакоже, рѣшился испытать дѣйствіе своихъ словъ.

Они какъ бы охотно его слушали, ревностно подтверждали, что спиртъ—причина многихъ золъ,—но никто и не думалъ ограничить количество выпиваемаго абсента и кофе, обильно разбав-

леннаго водкой. Въ воскресенья и понедѣльники пьяныя лица краснѣли и потѣли отъ безчисленныхъ возліяній.

Въ сосѣдней же деревнѣ, куда нарочно заглянулъ въ эти дни Делафонъ, эти попойки были странно-зловѣщи и молчаливы, принимали какую-то тупую, сосредоточенную форму. Женщины напивались тайкомъ—и почти столь же сильно. Непрерывное пьянство безъ промежутковъ, безъ полнаго отрезвленія, налагало отпечатокъ тяжелаго тупоумія и апатіи на ихъ черты, ихъ рѣчь, ихъ усыпленный мозгъ.

— Стоитъ ли имъ проповѣдывать?—спрашивалъ себя съ горечью Дюгамель.

Но Франція, собственно говоря, слабо воспринимаетъ какую бы то ни было проповѣдь. Француза гораздо болѣе гипнотизируетъ чтеніе, неожиданный оригинально-остроумный пріемъ воззванія, чѣмъ правильныя, обдуманныя проповѣди сектантскаго характера. Если въ Норвегіи подобныя заклинанія дѣйствительно искореняютъ порокъ, то это только благодаря тому, что норвежецъ охотно ихъ выслушиваетъ, оппонируетъ имъ и разсуждаетъ о нихъ. Французскіе же крестьяне соглашаются со всѣмъ, лишь бы избѣгнуть споровъ и свободно предаваться своимъ грѣхамъ. Ревностное желаніе Делафона внушить этимъ людямъ понятіе о благѣ воздержанія, о радостяхъ домашняго очага, о сбереженіяхъ, достигнутыхъ этимъ путемъ, объ избѣгнутыхъ болѣзняхъ—разбивалось въ дребезги о тупую консервативность ихъ собственныхъ установившихся понятій и привычекъ, въ сравненіи съ которыми все новое, чужое казалось имъ пустякомъ, не заслуживающимъ вниманія. И онъ погрузился въ прежнюю разочарованность по отношенію къ людямъ, сохраняя, однакожъ, нѣкоторое личное умиротвореніе. Но ужасное впечатлѣніе одного вечера глубоко потрясло его. Нѣсколько сосѣдей съ женами и дѣтьми, сопровождавшими ихъ изъ любопытства, пришли на дворъ фермы Де-ла-Жюстисъ помочь хозяину зарѣзать откормленнаго кабана. Весь этотъ сбродъ съ такою жестокостью, съ такимъ дикимъ наслажденіемъ пыталъ и терзалъ несчастное животное, забавляясь его медленными муками, что Делафонъ впалъ снова въ самый мрачный пессимизмъ.

Имъ овладѣло безграничное отвращеніе къ человѣческой душѣ, столь еще далекой отъ божественности... Въ чемъ можетъ быть ея спасеніе? Здоровая, казалось бы, нормальная жизнь, общеніе съ природой... только усиливаетъ звѣрскіе инстинкты. Болѣзненно-аскетическія натуры медленно умирающихъ людей не устремляются ли выше всѣхъ къ святому предѣлу совершенства?...

Убѣжденный въ своемъ безсиліи, онъ отстранился отъ этой мрачной среды.

„Здѣсь,—думалъ онъ,—могли бы быть полезны только грубые апостолы съ „пастью", гремящею бичующими словами, съ бурною силой несложной убѣжденности, съ толстымъ щитомъ личнаго безчувствія. Только такіе могли бы оказать нѣкоторое вліяніе. Это —самые соотвѣтствующіе „утѣшители и руководители" такого „страждущаго" человѣчества—на поляхъ битвъ, у больничной постели, передъ лицомъ порока и преступленія. Разнѣживаться же, какъ я, страдать и чувствовать не въ мѣру—это ведетъ лишь къ уподобленію жалкому отрепью, истлѣвающему отъ солнца и отъ вѣтра!.."

Съ тѣхъ поръ онъ избѣгалъ какого бы то ни было участія въ окружающей жизни, кромѣ „вдыханія" природы. Онъ старался какъ можно меньше размышлять и чувствовать. Но мало-по-малу воспоминаніе о его несчастной женѣ стало брать верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Съ безумною несправедливостью къ самому себѣ онъ упрекалъ себя безъ конца, онъ проклиналъ себя за то, что не смогъ ее осчастливить. И, наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ средствомъ спасти эту обожаемую женщину былъ бы ея бракъ—съ другимъ!..

II.

Живя въ Парижѣ въ полномъ уединеніи, Дюгамель испытывалъ, между тѣмъ, грустныя и безпокойныя треволненія болѣе тяжелой, чѣмъ когда либо, борьбы со страстью. Онъ получилъ письма отъ супруговъ Делафонъ, — и насколько утѣшительными оказались извѣстія отъ жены, согласно его разсчету, настолько мало его обрадовалъ тонъ письма мужа.

„Если мое здоровье укрѣпляется,—писалъ Делафонъ,—если я чувствую себя не столь нервнымъ, то мой гнѣвъ противъ природы и человѣка также укрѣпляется и ростетъ сообразно возростанію физическихъ силъ"...

И онъ разсказывалъ далѣе о причинахъ рокового кризиса своего пессимизма.

Почти одновременно Дюгамель получилъ неряшливый, безграмотный конвертъ отъ какой-то несчастной женщины, умоляющей его, въ шаблонныхъ выраженіяхъ нищеты, оказать помощь ей и ея дѣтямъ. Она ссылалась на свою знакомую, облагодѣтельствованную ранѣе Дюгамелемъ и ободрившую ее къ такому

шагу. Дюгамель замѣтилъ, что письмо запоздало на двое сутокъ, благодаря страшнымъ каракулямъ адреса,—тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ въ тотъ же вечеръ разыскать просительницу. Около шести часовъ онъ проходилъ пѣшкомъ по закопченнымъ улицамъ квартала, находящагося всецѣло во власти Кайльскихъ заводовъ.

Это былъ какъ бы осколокъ сѣвернаго фабричнаго города въ неизмѣримомъ Парижѣ. Блестяще-туманная красота огня и дыма —единственная его поэзія. Улицы, плѣненныя съ одной стороны пустыми, безоконными стѣнами фабричныхъ зданій, съ другой глядѣли безчисленными сверкающими окнами, то оглушая гремящими возами, то умирая мгновенно въ урочный часъ прекращенія работъ.

Рабочіе этихъ гигантскихъ заведеній живутъ ихъ могущественною жизнью и движеніемъ, какъ сильно бьющееся сердце колоссальнаго организма. Многочисленные, подвижные и дѣловитые, они прекрасно выработали стремительныя и неуклонныя формы соціальныхъ понятій. Они справедливо могутъ гордиться— столь часто выставляемою ими на видъ и столь недостижимою вообще—полною солидарностью. Это—среда, въ которой болѣе инертныя и слабыя натуры живутъ на счетъ дѣятельныхъ и сильныхъ, низшія умственно — на счетъ интеллигентныхъ и даровитыхъ. Это—общность, какъ бы удаляющая всякое несчастье лишь потому, что оно коллективно. Даже при катастрофѣ — быстро нарождается утѣшеніе отъ сознанія раздробленія удара на цѣлую массу. Вотъ почему дѣти народа обожаютъ толпу и, чувствуя опасность, устремляются на улицу.

Между высокими стѣнами, освѣщенными сверху блѣдно-мерцающими висячими фонарями, подвигается тихо усталый труженикъ, окончивъ рабочій день. Глаза его останавливаются съ безсознательною мечтательностью то на просвѣтахъ зимнихъ небесъ, то на подернутой облакомъ дыма лѣтней вечерней лазури. Какія-то смутныя надежды снисходятъ съ этого нависшаго свода, точно связаннаго съ землею жемчужно-сѣрыми волнистыми мотками дыма...

Громадныя мастерскія выдѣлки жести расположились по набережной рѣки. Тамъ неуклюжія металлическія массы поглощаются отверстой пастью горновъ; далѣе—сверкающія змѣеобразныя ленты подхватываются щипцами быстро перебѣгающихъ рабочихъ и поглощаются новой кроваво-пламенной пастью... И всюду—эти гигантскіе очаги съ темными, безумно движущимися тѣнями, съ цѣлыми гирляндами переплетающихся оголенныхъ рукъ. Красно-оранжевое пламя и темныя сатаническія тѣни, лу-

чистый, шолковый свѣтъ — и черный бархатъ мрака, точно въ подземныхъ гротахъ сказочнаго царства,—машины мертвыя и живыя... Вся эта жизнь, настолько же исполинская, насколько жалкая, строго распредѣлена и размѣрена, какъ скромное существованіе насѣкомыхъ,—муравьевъ или пчелъ—среди зеленыхъ вѣтвей.

Дюгамель подвигался все дальше и дальше, не отрывая грустныхъ глазъ отъ блѣдныхъ, исхудалыхъ дѣтей, безстрашно играющихъ среди тяжелыхъ, грохочущихъ возовъ, на усталыя фигуры стариковъ, читающихъ афиши по угламъ улицъ, на сгорбленныхъ женщинъ, кормящихъ на порогѣ грудныхъ ребятъ съ апатичной покорностью привычной нищеты. Проблески веселости и оживленія, присущіе свободѣ краткаго отдыха, Дюгамель замѣчаетъ лишь у столовъ трактировъ и винныхъ лавокъ, со взрывомъ грубаго смѣха и шутокъ, при сплевываніи направо и налѣво и страстномъ затягиваніи трубкой.

И несмотря на кажущуюся неприглядность этихъ типовъ, Дюгамель былъ восхищенъ ихъ живописностью, многообразіемъ красокъ, страстною свѣжестью отношенія къ жизни. И подъ впечатлѣніемъ удивительной новизны и индивидуальнаго богатства этихъ образовъ онъ почувствовалъ себя растеряннымъ и ослѣпленнымъ. Они живутъ всею душой. Ихъ движенія удивительно искренни, ихъ лица ясно отражаютъ добродѣтель и порокъ. Превосходная, иногда наслѣдственная мимика поколѣній! И не только чрезмѣрный трудъ и нищета изваяли ихъ по-своему, но и многообразіе болѣзней,—оспа и ревматизмъ, алкоголь и худосочіе. Однѣ окрашиваютъ кожу; другія изрываютъ ее сѣтчатымъ узоромъ; третьи сгибаютъ и искривляютъ всю фигуру. Они спокойно этому поддаются, носятъ свои безобразныя маски и не смущаются уродствомъ исковерканнаго тѣла. И во всемъ этомъ—въ ихъ побужденіяхъ, работахъ, проступкахъ и добрыхъ дѣлахъ, весельѣ и горѣ, вопляхъ и смѣхѣ—всюду бьетъ мощнымъ ключомъ новый источникъ умственныхъ силъ.

Дюгамель наконецъ взобрался на шестой этажъ дома, указаннаго въ адресѣ. Его пріятно поразила чистота скромной лѣстницы. Послѣ многократныхъ напрасныхъ звонковъ онъ, было, уже намѣревался спуститься внизъ, какъ вдругъ на порогѣ двери, этажомъ ниже, онъ увидѣлъ человѣка въ рабочемъ платьѣ, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, сопровождаемаго двумя другими, постарше. Онъ поклонился и заговорилъ:

— Извините, сударь, —вы, кажется, звонили у м-мъ Жакé? Но ея здѣсь уже нѣтъ. Ныньче пополудни ее свезли въ больницу. Моя жена взяла пока къ себѣ этихъ малышей, а теперь

отправилась къ больной, снести ей нѣкоторыя вещи. М-мъ Жакé предупредила насъ, что, быть можетъ, сюда зайдетъ одинъ господинъ.

— Въ какой же она больницѣ?

— Нэккера... Она была въ отчаяніи, что вы не пріѣзжаете, и если бы вы изволили подождать нѣсколько времени, пока вернется моя жена, то сдѣлали бы доброе дѣло. Я жду ее каждую минуту.

Дюгамеля пріятно поразило искреннее и умное выраженіе лица этого рабочаго, его учтивость и достоинство въ манерѣ держать себя. Онъ тотчасъ же согласился на его предложеніе. Въ чистой комнатѣ онъ увидѣлъ двоихъ другихъ дѣтей, здоровыхъ и крѣпкихъ на видъ, особенно въ сравненіи съ вышедшими ему на встрѣчу.

— Это мои,—сказалъ рабочій, указывая на цвѣтущихъ дѣтей;—эти же—м-мъ Жакé.

Онъ привлекъ ихъ къ себѣ съ спокойнымъ доброжелательствомъ.

— Они вѣдь тоже совсѣмъ здоровые ребятки. Ихъ отецъ былъ настоящій колоссъ. Да вотъ теперь стали они не подъ силу бѣднягѣ-матери. Сущій пустякъ возстановилъ бы ихъ крѣпость.

Дюгамель приласкалъ дѣтей. Несмотря на ихъ истощеніе, замѣчательная красота пробивалась сквозь маску, налагаемую нищетой.

У нихъ были обострившіяся головки и личики, большіе впалые глаза, типичный цвѣтъ кожи голодающихъ.

— Вы любите дѣтей, сударь, — сказалъ рабочій, сочувственно повидимому отнесшійся къ ласкамъ Дюгамеля. — Это даже очень умныя малютки, быть можетъ слишкомъ умныя для своихъ лѣтъ.

Но дѣтямъ не особенно понравилось новое знакомство. Пятилѣтній мальчикъ увлекъ трехлѣтнюю сестренку подальше отъ незнакомца.

— Алиса! пойдемъ лучше къ мамѣ!

Это имя заставило вздрогнуть Дюгамеля. Мальчикъ, между тѣмъ, заплакалъ.

— Пойдемъ же! Я хочу къ мамѣ. Зачѣмъ ее свезли въ больницу? Она вѣдь не хотѣла! Еслибы я былъ большой, я бы ее вылечилъ сразу. Она всегда лечила насъ тизаной. Отчего бы ей не дать тизаны?

Растроганный и растерянный рабочій пробормоталъ:

— Ее скоро вылечатъ, и ты ее увидишь. Мы всѣ пойдемъ къ ней: и Шарль, и Татава, и Алиса, и ты. Вотъ ты и узнаешь, что ей тамъ хорошо, что она тамъ пьетъ превосходную тизану.

У него было рѣдкое умѣнье успокоивать дѣтей. Мальчикъ ушелъ играть съ Шарлемъ и Татавой, Алиса же усѣлась на полу, уцѣпившись за платье рабочаго.

Наступило молчаніе. Рабочій вынулъ трубку и закурилъ, спросивъ при этомъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Можетъ быть, вамъ это непріятно, сударь?

— Курите пожалуйста.

У меня привычка покурить вечеромъ и возиться съ дѣтьми. Они весь день на дворѣ, но когда я возвращаюсь—они должны быть со мной.

— И это васъ не утомляетъ?

— Напротивъ, я съ ними отдыхаю. Товарищи смѣются надо мной, но вѣдь у каждаго свой вкусъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что они предпочитаютъ кафе-концерты, и я бы туда ходилъ, еслибы это доставляло мнѣ хоть малѣйшее удовольствіе.

Въ сочувственномъ молчаніи Дюгамеля было столько выразительной симпатіи, что рабочій, очевидно по природѣ откровенный,—продолжалъ говорить:

— Не думайте, впрочемъ, сударь, что я держусь особнякомъ отъ товарищей. По ремеслу я модельщикъ-механикъ, и вообще мнѣ меньше приходится сообщаться съ товарищеской средой, чѣмъ обыкновеннымъ рабочимъ, но все-таки я имѣю понятіе обо всемъ. Изъ-за этого общенія съ ними я вѣдь тоже оставался по шести недѣль безъ работы. Я, конечно, не утверждаю, что трудъ нашъ хорошо оплачивается, напротивъ — сердце мое сжимается отъ этой нищеты множества семей. Но все-таки мнѣ кажется, что еслибы люди нѣсколько лучше взаимно понимали другъ друга и мирились съ необходимостью, то они были бы гораздо счастливѣе. Шумѣть и нападать на другихъ—мало къ чему ведетъ. Вотъ мое мнѣніе. Конечно, я ненавижу и презираю подлецовъ въ родѣ панамистовъ и всѣхъ воровъ, немилосердно грабящихъ правительство.

Дюгамель улыбнулся. Ему превосходно была извѣстна profession de foi парижскаго рабочаго.

— Не навожу ли я на васъ скуки, сударь?

— Напротивъ, я радъ поболтать до прихода вашей жены.

— Такъ я говорилъ, что я соглашаюсь съ товарищами во всемъ касающемся политики и соціальнаго вопроса. Но мнѣ кажется, что нѣкоторые шутники находятъ слишкомъ легкимъ ра-

дикальное преобразованіе общаго порядка. Я знаю, что нужно много времени, чтобы и самъ рабочій уяснилъ себѣ подобную задачу. Я принимаю участіе во всѣхъ нашихъ практическихъ дѣлахъ: вспомогательныхъ союзахъ, кассѣ, сходкахъ, комитетахъ и совѣщаніяхъ. Во всемъ же остальномъ полагаю, что какъ не спрашивали моего совѣта при созданіи міра, такъ и теперь могутъ обойтись безъ меня.

— И какъ же—вы довольны своимъ положеніемъ?

— Да, понятно, до извѣстной степени. Семья моя никогда не сидѣла безъ хлѣба. Мое ремесло хорошо оплачивается. Я получаю не менѣе десяти франковъ въ день.

— Это, дѣйствительно, прекрасный заработокъ. Такъ ваше единственное удовольствіе—дѣти?

— И увѣряю васъ, что это менѣе дорогое развлеченіе, чѣмъ ихъ кафé съ жонглёрами и пѣвичками. Когда я имъ высчитывалъ, что содержаніе трехъ здоровыхъ дѣтей стоитъ мнѣ только пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, они же часто тратятъ въ своихъ кафé по пятнадцати франковъ за вечеръ, то они не хотѣли этому вѣрить, полагая, что вся суть экономіи заключается въ томъ, чтобы не имѣть дѣтей, что дѣти разоряютъ.

Между тѣмъ, съ прохладнымъ дыханіемъ сумерекъ, голоса дѣтей становились соннѣе и тише. Младенецъ, всхлипывая повременамъ, убаюканный отцомъ, замолкъ и началъ дремать. Сонныя головки остальныхъ ребятъ, то льнули къ колѣнямъ отца, то опускались на стулья и скамейки. Рабочій съ помощью Дюгамеля кое-какъ уложилъ всѣхъ по постелямъ.

— Пусть такъ побудутъ до прихода моей жены,—сказалъ рабочій.

Но вотъ дверь быстро открылась, и раньше, чѣмъ любопытный взглядъ Дюгамеля успѣлъ что-нибудь увидѣть, раздался нѣсколько недовольный женскій голосъ:

— Какъ у тебя до сихъ поръ темно! Я не могла сейчасъ вернуться. Пришлось долго ждать.

— Здѣсь господинъ, котораго такъ ожидала м-мъ Жакé,— отвѣчалъ спокойно рабочій.

— Такъ тѣмъ болѣе тебѣ надо было зажечь лампу. Извините, пожалуйста, сударь. Мужчины вѣдь ничего не сдѣлаютъ какъ слѣдуетъ.

Она зажгла лампу и стала живо хлопотать около дѣтей, разсказывая въ простыхъ, энергическихъ и живописныхъ выраженіяхъ свою одиссею. Передъ глазами Дюгамеля промелькнули яркія сцены нищеты и болѣзни, больничныя пріемныя, цѣлый

рядъ типовъ—отъ госпитальнаго начальства до сторожей и сидѣлокъ. И въ то время, какъ она поила младенца молокомъ, усаживала за ужинъ троихъ остальныхъ дѣтей, отрезвившихся отъ сна съ ея приходомъ, съ губъ ея срывались то жалобы, то бурный протестъ противъ ужасовъ жизни.

— Я пришелъ слишкомъ поздно,—сказалъ Дюгамель,—но постараюсь повидать м-мъ Жакé какъ можно скорѣе. Если же вы зайдете къ ней ранѣе меня, то скажите ей непремѣнно, что какъ только она выздоровѣетъ, ей будетъ оказана всевозможная поддержка; скажите, что я обѣщаю доставить ей тогда легкое, хорошо оплачиваемое занятіе — и что она не разлучится при этомъ съ дѣтьми.

— Ахъ, сударь! Вы сдѣлаете доброе дѣло! Она, бѣдняга, такъ надѣялась на васъ, и ей такъ было тяжело тащиться въ больницу и оставлять дѣтей! И есть же люди, которые смѣютъ надѣяться на Провидѣніе и другихъ этимъ морочить! Никогда я не повѣрю, чтобы по волѣ Господа Бога и милосердаго Провидѣнія мужъ этой несчастной женщины, здоровый, хорошій красивый человѣкъ (ахъ, какъ онъ былъ красивъ!) былъ весь превращенъ этой проклятой машиной въ какой-то кровавый мармеладъ! Это исчадіе ада отрубило ему руку и растерзало грудь—да еще три дня метался онъ въ страшныхъ мукахъ! И никогда я не повѣрю, чтобъ этотъ годъ ужасной нищеты, болѣзни и разлуки съ дѣтьми дарованъ былъ несчастной м-мъ Жакé святою, милосердою Волей!

Она долго говорила въ томъ же духѣ, вплетая въ свою рѣчь всевозможные афоризмы народной мудрости.

— Мы сдѣлали для этой страдалицы все, что могли, — вставилъ свое слово ея мужъ. — Но нищеты такъ много повсюду, что она стала дѣломъ обычнымъ, и никто не нее не обращаетъ вниманія. Надо о ней повсюду вопить и кричать, а бѣдная м-мъ Жакé этого не умѣла. Она едва рѣшилась, въ послѣдней крайности, обратиться къ вамъ.

— Какъ я довольна, какъ я рада, что вы такъ добры и что вы обѣщаете заняться судьбой этой несчастной!—заключила съ искреннимъ облегченіемъ жена.

Дюгамель протянулъ руку имъ обоимъ.

— Позвольте мнѣ оставить у васъ свой адресъ. Въ случаѣ стачки или какой-нибудь другой крайности—вы всегда найдете у меня занятіе, оплачиваемое не хуже вашего. У меня—издательская контора и типографія.

— Благодарю васъ, сударь,—сказалъ, весь просіявъ, рабо-

чій.—Это дастъ мнѣ увѣренность въ будущемъ. И въ такомъ случаѣ, если моя жена согласится, мы возьмемъ къ себѣ дѣтей, въ случаѣ несчастія,—прибавилъ онъ шопотомъ.—Болѣзнь вѣдь эта, говорятъ, очень опасная...

— Конечно, возьмемъ,—сказала растроганная женщина.

— Они будутъ счастливы у васъ...—заключилъ Дюгамель, вдругъ осѣненный неожиданною мыслью.—Но надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы я помѣстилъ ихъ у прекрасныхъ людей, совершенно бездѣтныхъ и жаждущихъ имѣть дѣтей?

— Понятно, сударь. У насъ уже есть свои.

Дюгамель удалился, восхищенный такимъ пріятнымъ вечеромъ.

III.

Делафонъ стоялъ лицомъ къ лицу со своей женой, представшей передъ нимъ во всемъ очарованіи красоты, дѣвственно-обновленной продолжительной разлукой. Съ безумнымъ обожаніемъ онъ цѣловалъ предметы, которыхъ касалась ея рука,—и это приводило ее въ радостное изумленіе. А между тѣмъ—что сталось бы съ его рѣшеніемъ, еслибы онъ далъ просторъ могущественному порыву любви? Это значило бы вернуться мало-по-малу къ прежнимъ страданіямъ. Онъ упрекалъ себя въ недостаткѣ рѣшимости написать ей обо всемъ ранѣе своего пріѣзда. Все уже издавна было обдумано съ такой томительною старательностью, и онъ даже успѣлъ себѣ представить всю дальнѣйшую жизнь—*безъ нея*,—этотъ логически-предусмотрѣнный режимъ новаго существованія. Такъ какъ природа лишала его счастія постоянной, глубокой любви, то, уступая необходимости, онъ долженъ искать забвенія въ легкихъ наслажденіяхъ перемежающихся увлеченій. Отрекшись отъ сокровища настоящей любви, онъ долженъ искать опьяняющихъ объятій молодыхъ, легкомысленныхъ красавицъ, столь же боящихся материнства, насколько его жена изнывала по немъ. Трудъ и любовь къ людямъ, конечно, должны быть главною силой въ этой борьбѣ; то же... другое... кажущееся теперь ему лишь непріятнымъ лекарствомъ—должно со временемъ преобразиться въ упоительное вино забвенія.

Его жена должна быть свободна—у нея должны быть дѣти... Спасибо за роль палача, предназначенную ему въ высокой и

благородной задачѣ человѣческой жизни! Онъ—тотъ, кто убиваетъ, кто жжетъ на медленномъ огнѣ дорогое, прекрасное созданіе, какъ грубый идолъ—брошенную ему жертву... Не по своей винѣ, конечно... но все-таки онъ долженъ страдать одинъ. Пусть вся отвѣтственность падетъ—все равно на кого или на что—лишь бы только не на него!

Омрачившійся внезапно взглядъ Делафона испугалъ его жену. Она безпокойно слѣдила за нимъ глазами, успѣвъ уже отвыкнуть отъ дикаго отчаянія ихъ прежнихъ вечеровъ; улыбаясь, лаская его милыми словами, любовнымъ блескомъ чудесныхъ глазъ, она пыталась воскресить порывистый восторгъ первыхъ минутъ встрѣчи... Но вдругъ онъ стремительно поднялся съ мѣста и проговорилъ, избѣгая ея взора:

— Я долженъ тебѣ сказать нѣчто такое, о чемъ много, безпрестанно размышлялъ въ своемъ уединеніи.

— Что же это, Пьеръ?

— Выслушай меня спокойно. Ты вѣдь, конечно, помнишь источникъ нашего постояннаго, стараго горя... эту мечту о ребенкѣ... Такъ вотъ... сегодня мы еще не говоримъ о немъ... но уже завтра заговоримъ непремѣнно.

Она опустила голову.

— Я долженъ завести объ этомъ рѣчь тотчасъ же, не откладывая ни на минуту: Жанна, у тебя должны быть дѣти!

Внезапное восклицаніе довѣрчиваго восторга... радостный взоръ, устремленный недвижно на „избавителя", усиліе заговорить благодарными, восхищенными словами... Но, прочитавъ на лицѣ мужа что-то зловѣщее и печальное, она воздерживается и ждетъ.

— У тебя могутъ быть дѣти. Для этого необходимо только нѣкоторое усиліе воли,—надо пожертвовать одной безплодной мечтой, чтобы достичь исполненія другой.

— Но что же? Что?

— Слушай. Изъ насъ двоихъ—я несомнѣнная причина нашего несчастія... Я знаю, что ты меня любишь, но не въ этомъ дѣло. Жить, безпрестанно терзаясь—ты своимъ горемъ, я же—смотря на него,—такъ жить нельзя. Это—медленная гибель. Еще не поздно создать иную, настоящую жизнь. Ты молода, красива и богата. Не дожидайся же ужасной старости, полной сожалѣній объ исковерканномъ существованіи, затмеваемой горькою озлобленностью! Не отвѣчай мнѣ сразу, не торопись... обдумай! Я буду ждать отвѣта вдали отъ тебя. Довольно одного

слова. Умоляю тебя, Жанна, подумай о томъ ребенкѣ, котораго ты могла бы быть несравненною матерью!

Неподвижная, блѣдная, не проронивъ ни слова, она глядѣла на него расширенными глазами, подобными прекраснымъ чернымъ цвѣтамъ съ росою слезъ... И было ясно, что она не понимаетъ жертвы своего мужа—что она угадываетъ въ ней лишь оскорбленіе своей любви и своего самолюбія. Онъ почему-то хотѣлъ ее покинуть! И вотъ несправедливый упрекъ срывается съ ея губъ:

— Ты меня больше не любишь! О, Пьеръ, какъ это ужасно!

Стараясь владѣть собою, призывая на помощь всю силу воли, онъ пытался убѣдить ее, опутать цѣлой сѣтью доводовъ, многотрудно сплетенной въ Донадіё. Онъ ярко изображалъ ей непрочность и сухость любви безъ дѣтей.

— Дитя—это будущность любви, единственная и настоящая ея будущность. Все остальное—пустая, интересная игра. Это—различіе между мишурнымъ обаяніемъ театра и прекрасной дѣйствительностью. Видишь ли, Жанна, когда мужчина и женщина изливаютъ въ порывѣ страсти свою любовь въ преувеличенныхъ, иногда просто лживыхъ словахъ, въ безумныхъ жестахъ и ласкахъ,—они находятся лишь во власти дикаго и мощнаго инстинкта воспроизведенія. Все въ немъ сливается и борется: страхъ, и желаніе, и сила, и слабость, восторгъ и грусть... Это и есть настоящее вино, опьяняющее въ такія минуты. По той или по другой причинѣ, *продлить себя*—вотъ смутный или же сознательный мотивъ такихъ любовныхъ стремленій. Я же не могу продлить себя, возродиться!

— Довольно, довольно, Пьеръ! Я тебя умоляю!

Какой-то мрачный энтузіазмъ самоотверженнаго настроенія все болѣе и болѣе овладѣвалъ Делафономъ.

— А ты—можешь. Это вѣдь не убьетъ меня—и даже дастъ мнѣ нѣкоторую условную радость и успокоеніе. Любя тебя по прежнему; думая, что и ты сохранишь навсегда много любви ко мнѣ; зная, какъ близко эта взаимная любовь насъ сроднила, и что въ душѣ твоей такъ много моей души,—я могъ бы себѣ представить, что твои дѣти—вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и мои, что они—дѣти отъ брака нашихъ душъ!

— Пьеръ, Пьеръ! Ты меня больше не любишь! Иначе ты не могъ бы придумать ничего подобнаго! Развѣ я могла бы рѣшиться имѣть дѣтей съ кѣмъ-нибудь другимъ! Ты говоришь о моемъ горѣ... Но вѣдь это горе настолько же происходитъ

отъ того, что я не могу подарить *тебѣ* дѣтей, насколько и отъ того, что не могу имѣть ихъ для себя!

Делафонъ грустно улыбнулся.

— Ну вотъ,—ты сама признаешь, какъ это печально. Отчего же ты хочешь, чтобы я безпрестанно терзался по той же причинѣ?

Она была поражена логикой этого возраженія. Она должна была сознаться, что и сама не разъ мечтала о ребенкѣ для Пьера, хотя бы и отъ другой женщины. И вотъ она все поняла мгновенно.

— Пьеръ, скажи мнѣ только съ полною, безграничною искренностью—любишь ли ты меня?

— Къ чему этотъ вопросъ, Жанна? Вся суть—въ томъ, чтобы ты старалась отвыкнуть отъ меня, разлюбить по мѣрѣ возможности. Я же даю тебѣ обѣщаніе—жить и наполнить эту новую жизнь новыми цѣлями, задачами, впечатлѣніями; я знаю, что это тебя поддержитъ. Кромѣ того, я куда-нибудь уѣду,—напримѣръ, въ Швецію,—и пробуду тамъ столько времени, сколько окажется необходимымъ. Ты пока должна сдѣлать все возможное, чтобы постепенно забывать меня. Выѣзжай, окружай себя соотвѣтствующимъ обществомъ. Ты молода, красива и богата.

— О, какъ я страшно наказана!—вдругъ зарыдала она.— Милый, милый! я никогда не буду больше отчаяваться и грустить. Принадлежать всецѣло одному только тебѣ—будетъ теперь единственной моей мечтой. О, выслушай меня! Не имѣть ребенка только по несчастной случайности—казалось мнѣ прежде чѣмъ-то невыносимымъ! Но для тебя, моего мужа, самаго близкаго, самаго дорогого существа въ мірѣ, такая жертва кажется теперь ни по чемъ!

— Но, Жанна, это жертва чисто идеальнаго, духовнаго свойства. Природа, однакожъ, рано или поздно, восторжествуетъ; приливъ материнскаго инстинкта, періодически васъ увлекающій, возьметъ верхъ надо всѣмъ. Тебѣ все-таки не избѣжать мученія нашего искусственнаго союза и безотрадной старости.

— На все готова для тебя, мой дорогой! Ты говоришь, что я буду тосковать по дѣтямъ,—но еще бо́льшая тоска овладѣетъ мной, когда я лишусь тебя, своей поддержки, своей единственной любви! Я понимаю одно только полное счастье материнства: еслибы у насъ были *наши* дѣти,—то-есть, твои и мои. Я не могу себѣ представить любви къ ребенку другого. Я только тебя люблю—и никого не хочу, кромѣ тебя! Ты—прежде всего, потомъ уже—дѣти. Ты—мой первенецъ!..

Рыданія потрясали ее. Надо было ее утѣшить и успокоить. Нельзя было, при томъ, не согласиться съ тѣмъ, что она высказала. Она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя чувствуютъ физическое отвращеніе ко всякому другому, кромѣ любимаго человѣка.

Но, несмотря на это, онъ сохранилъ внѣшнюю сдержанность и, скрѣпя сердце, сталъ ожидать эффекта этой сцены и медленнаго дѣйствія своихъ словъ. Онъ привыкъ думать, что самыя искреннія слова не всегда передаютъ чувства во всей ихъ полнотѣ и оттѣнкахъ.

IV.

Дюгамель только-что вернулся и сѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна, выходящаго въ садъ. Онъ не зажигалъ лампы, залюбовавшись странной игрой лунныхъ лучей, разбивавшихся о вѣтви и листья деревьевъ.

Вдругъ, въ маленькой сосѣдней комнатѣ, служившей въ нѣкоторомъ родѣ складомъ для шкапчиковъ съ различными принадлежностями лёнча и файвъ-о-клока, раздались тихіе шаги и голоса. Кто-то открылъ дверь его комнаты, смежной съ этимъ уголкомъ, и крикнулъ довольно громко:

— Онъ уже улегся въ своей спальнѣ или же его нѣтъ! Здѣсь, въ кабинетѣ, нѣтъ свѣта.

Дюгамель привсталъ-было въ своемъ темномъ углу, чтобы извѣстить о своемъ присутствіи, но дверь уже успѣла закрыться. Подходя къ этой двери, онъ услышалъ отвѣтъ своей жены:

— Очень нужно мнѣ его видѣть! Этотъ отвратительный фіакръ такъ меня раздосадовалъ!

Дюгамель остановился, пораженный злобнымъ тономъ этихъ словъ. Теща, между тѣмъ, отвѣчала:

— Мы должны трястись такимъ ужаснымъ образомъ, рискуя быть сброшенными сто разъ,—и только изъ-за того, что этому господину угодно выбрасывать по сорока тысячъ франковъ на свои капризы!

— Да еще онъ смѣетъ приставать ко мнѣ со своимъ ребенкомъ! Ужъ не стану ли я его возить въ этакомъ экипажѣ!—вскричала съ досадой дочь.

— Боже тебя сохрани, душечка, отъ этой обузы! Это вѣдь страшно истощаетъ и старитъ. На ребенка всегда будетъ время,— но это—худшее рабство и смерть красотѣ.

Дюгамель приросъ къ своему мѣсту, предугадывая, что совершается нѣчто чрезвычайно для него важное.

При звонѣ рюмокъ и тарелокъ онѣ продолжали:

— Знаешь, мама,—я, было, теперь испугалась...

— Ахъ!

— Но сейчасъ же съѣздила къ Рикуръ,—и она разсѣяла мои сомнѣнія. Ты знаешь, какъ я стала осторожна со времени того случая...

— Лучше бы думать объ этомъ заранѣе.

— Да, но вѣдь иногда ничто не помогаетъ. М-мъ Бильянъ разсказывала мнѣ обо всемъ, что она предпринимала, но все-таки ребенокъ родился. И мнѣ сначала было такъ трудно, а теперь это такъ просто.

— Да, организмъ вѣдь свыкается.

Дюгамель слушалъ; онъ самъ себѣ не могъ отдать отчета въ своихъ чувствахъ—до того они были смутны, за исключеніемъ негодованія. Конечно, и грусть, и отвращеніе, и оскорбленная гордость—волновали поочередно его грудь. Но въ концѣ этого темнаго корридора виднѣлось широко распахнувшееся окно, полное свѣта... Алиса!

Въ первую минуту имъ овладѣлъ дикій порывъ бѣшенства. Онъ, казалось, готовъ былъ задушить эту женщину, онъ бросился-было къ двери... И опять цѣлый вихрь спутанныхъ, яркихъ, волшебныхъ образовъ—точно оттолкнулъ его отъ этой двери... Вездѣ—Алиса, Алиса!... Дорога въ Шуази-ле-Роа, паркъ Библё... бѣлоснѣжныя плечи и черный бархатъ платья... неотъемлемое право отдать ей всю душу... она тутъ же при немъ... его жена!..

— Одна лишь минута самообладанія!

Онъ уже намѣревался вернуться на свое мѣсто и думать обо всемъ этомъ, рѣшать поспѣшно, со страстнымъ нетерпѣніемъ...

Но опять его приковываетъ къ двери голосъ м-мъ Гюдъ:

— Ты видѣла маркиза у м-мъ Деларбръ?

— Нѣтъ, но онъ завтра меня ждетъ у себя.

И при всемъ томъ она еще обманывала его!..

V.

Поборовъ себя и не проронивъ ни слова, онъ поспѣшилъ отослать свою жену и тещу въ Трувилль, чтобы свободно обдумать свое рѣшеніе и подготовить все къ новой жизни.

Около того же времени онъ получилъ извѣщеніе о смерти м-мъ Жакé. Онъ часто посѣщалъ эту прекрасную женщину въ больницѣ, успѣвъ ее узнать въ послѣднія недѣли ея жизни,—и письмо ея, продиктованное чуть ли не въ предсмертныя мгновенія, потрясло его до глубины души. Она еще разъ его умоляла принять подъ свое покровительство ея дѣтей.

Онъ тотчасъ же отправился повидать сиротъ. Дѣти весело играли, свыкнувшись уже со своимъ новымъ гнѣздомъ и успѣвъ привязаться къ рабочему и его женѣ. Дюгамель выбралъ нарочно часъ, когда его пріятель былъ дома. Они приняли извѣстіе съ искреннимъ огорченіемъ, но безъ малѣйшей аффектаціи.

— Итакъ, сударь, вы окончательно рѣшили взять отъ насъ дѣтей?

— Да, да.

Рабочій немного помолчалъ, выпустилъ клубъ дыма и затѣмъ сказалъ съ явнымъ колебаніемъ:

— А намъ можно будетъ ходить изрѣдка повидать ихъ?

— Вы этого желаете?

— Мы къ нимъ уже привязались. У нихъ благодарная натура, у этихъ ребятишекъ. Они намъ заплатили за наши заботы своей любовью. Они расцвѣли у насъ. Это не забывается.

— Вы правы. И еслибы я повиновался лишь побужденіямъ чувства, я обѣщалъ бы вамъ, конечно, частыя свиданія съ ними. Но поймите, что я ихъ хочу помѣстить у людей, которые непремѣнно пожелаютъ ихъ усыновить. Такъ пусть же они узнаютъ какъ можно позже, что они—сироты. Часто такія дѣти страдаютъ отъ низкихъ упрековъ, которыхъ они не могутъ постичь, потому что ихъ вины нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Со временемъ, когда они умственно созрѣютъ, они сами будутъ виноваты, если станутъ отъ этого страдать. Но въ раннемъ дѣтствѣ такія впечатлѣнія оставляютъ глубокій слѣдъ на всю жизнь. Въ моемъ коллежѣ былъ маленькій товарищъ, незаконное дитя. Когда онъ перемѣнилъ фамилію послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ школѣ, одинъ изъ мальчиковъ, очевидно, наученный злыми родственниками, посмѣялся надъ его незаконнорожденностью. И съ тѣхъ поръ онъ сталъ дичиться всѣхъ, во все пребываніе въ коллежѣ былъ мизантропомъ; недавно же, повстрѣчавшись со мной на улицѣ,—отвернулся, чтобы избѣгнуть возобновленія знакомства, несмотря на мое дружеское отношеніе къ нему.

— Я васъ отлично понимаю,—сказалъ рабочій,—у васъ прекрасное сердце и вы думаете обо всемъ.

— Итакъ,—сказалъ Дюгамель,—чтобы избѣгнуть слишкомъ

тягостной разлуки, вы будете ихъ навѣщать время отъ времени, разъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—только вдвоемъ, безъ вашихъ дѣтей.

— Такъ, значитъ, наши дѣти не настолько богаты, чтобы...

— Жена!—остановилъ ее нетерпѣливо рабочій.—Пойми же, что дѣти остаются разъ навсегда товарищами, и если только допустить эти встрѣчи,—этимъ бѣдняжкамъ не избѣжать горестей, о которыхъ говорилъ м-сьё Дюгамель.

Дюгамель каждый день пріѣзжалъ за дѣтьми и водилъ ихъ гулять. Когда они къ нему привыкли, онъ ихъ совсѣмъ увезъ къ себѣ и проводилъ съ ними цѣлые дни. Это были невинныя, нѣжныя созданія съ чарующей прелестью наивныхъ понятій въ играхъ и мечтаніяхъ. Дюгамель восхищался ихъ побѣдною силой. Какъ могущественно природа вооружила ихъ слабость! Сколько граціи и свѣжести, сколько порабощающей довѣрчивости и искренности дѣлаютъ ихъ нашими властелинами! Дюгамель внесъ даже нѣкоторое увлеченіе во внѣшнія ихъ приготовленія къ будущей жизни. Не говоря уже о заботахъ объ ихъ цвѣтущемъ и здоровомъ видѣ, онъ хлопоталъ даже объ изяществѣ ихъ платьицъ, свободной и простой граціи ихъ обращенія, капризной красотѣ золотыхъ кудрей.

„Они должны сразу понравиться и побѣдить",—думалъ онъ, заботясь о ихъ будущности.

VI.

Это былъ конецъ октября. Делафоны узнали о возвращеніи м-мъ Дюгамель и ея матери, но ихъ другъ не возобновлялъ до сихъ поръ своихъ обычныхъ вторниковъ и почему-то не появлялся къ завтракамъ на Келлерманскомъ бульварѣ. Онъ находилъ къ тому множество предлоговъ и умолялъ, чтобы они ждали его терпѣливо. Около того же времени, Бизо вернулся изъ Россіи, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ своей компаніи. Здѣсь его ждало грустное разочарованіе. Алиса ему отказала, несмотря на всѣ его мольбы и на усилія Делафона убѣдить ее въ безразсудствѣ такого рѣшенія. Бизо удалился съ полуотчаяніемъ, свойственнымъ подобнымъ натурамъ, которое имъ не мѣшаетъ довольно скоро мириться съ необходимостью.

М-мъ Делафонъ начинала мало-по-малу предаваться прежнему настроенію, скрываясь отъ мужа, но наружность выдавала ее. Делафонъ же опять этимъ терзался, хотя его нервы до сихъ

поръ были еще сравнительно крѣпки. И жизнь потекла съ каждымъ днемъ грустнѣе, тѣмъ болѣе, что и веселость Алисы,—ихъ солнечный лучъ,—исчезла, казалось, безслѣдно.

Но вотъ они вдругъ получили короткое извѣщеніе отъ Дюгамеля, что онъ къ нимъ пріѣдетъ на слѣдующій день въ сопровожденіи племянника и племянницы. Кромѣ удовольствія повидать друга, они испытывали нѣкоторое любопытство, возбужденное такими близкими родственниками Дюгамеля, о которыхъ они раньше никогда не слыхали.

Утромъ, еще довольно рано, передъ калиткой сада остановился экипажъ, и изъ него вышелъ Дюгамель съ двумя прелестными дѣтьми—пятилѣтнимъ мальчикомъ и трехлѣтней дѣвочкой. Онъ ихъ представилъ какъ своихъ племянника и племянницу. У нихъ былъ видъ воспитанныхъ въ довольствѣ дѣтей, и они, казалось, обожали своего дядю. Однакоже это имъ не помѣшало легко поддаться ласкамъ Алисы и м-мъ Делафонъ, за которыми они вскорѣ начали бѣгать по всему дому. За столомъ ихъ посадили рядомъ съ м-мъ Делафонъ, которая всецѣло предалась заботамъ о нихъ, кормила ихъ и страстно ласкала. Делафонъ трепеталъ, видя ее такой довольной и счастливой и предугадывая горестную реакцію.

Послѣ завтрака дѣти играли въ саду, заглядывали въ будку Бокса и такъ набѣгались и навеселились, что ими вскорѣ овладѣла сонливость. М-мъ Делафонъ и Алиса увели ихъ въ спальню и уложили.

Дюгамель и Делафонъ съ прежнимъ возбужденіемъ и интересомъ, но съ болѣе свѣтлой окраской своихъ мыслей, долго бесѣдовали объ излюбленныхъ предметахъ. И въ этой отрадной для обоихъ бесѣдѣ ясно опредѣлилось, что Делафонъ гораздо болѣе теперь способенъ воспринять утѣшительное ученіе Дюгамеля и что онъ жаждетъ съ нимъ согласиться.

— Ты знаешь,—сказалъ между прочимъ Делафонъ,—какъ я желалъ бы слѣдовать твоимъ взглядамъ, какую вижу въ нихъ поддержку; но лишь только ты удаляешься съ моихъ глазъ,—какой упадокъ духа, какая томительная скука!

Онъ снова заговорилъ о своихъ одинокихъ размышленіяхъ въ Донадіё, объ угнетающей несправедливости безцѣльныхъ страданій, безъ опредѣленной надежды на торжество справедливости въ будущемъ.

— Мы еще долго будемъ во власти метафизически-миѳологическихъ понятій,—отвѣчалъ Дюгамель.—Это еще не свергну-

тое до сихъ поръ рабство. Мы просто становимся смѣшными, уповая на безусловную справедливость отдаленнаго будущаго, такъ какъ мы не можемъ знать, *какова* будетъ эта справедливость, какія о ней понятія выработаетъ будущность. Мнѣ кажется, что надежда и тогда будетъ не менѣе прекрасной, когда понятіе о безсмертномъ и совершенствующемъ началѣ, преображающемъ всѣ препятствія и страданія въ болѣе и болѣе сложныя и изощренныя формы, окончательно утвердится въ человѣческой мысли. Много ли найдется болѣе возвышенныхъ представленій, чѣмъ то, которое даетъ намъ человѣкъ,—это божественное явленіе, моментъ, резюмирующій весь міръ, все животное царство, освященное благородствомъ гуманизма? Весь вопросъ, видишь ли, въ томъ, чтобы найти новыя формы, которыя бы помогли человѣчеству постичь весь міръ, когда оно наконецъ достигнетъ всеобщаго сознанія, когда оно отыщетъ законы, благодаря которымъ живыя существа противополагаются другъ другу и уравновѣшиваются между собою въ обширномъ мірѣ.

— Быть можетъ!—сказалъ мечтательно Делафонъ.

При этихъ словахъ они вошли въ домъ. Малютки все еще спали; ихъ нѣжныя личики зарылись въ мягкія кружева воротниковъ. М-мъ Делафонъ не сводила съ нихъ глазъ, покрывая ихъ отъ времени до времени легкими, осторожными поцѣлуями. Она вскрикнула отъ испуга, увидѣвъ входившаго Дюгамеля, и все ея лицо исказилось болѣзненнымъ страданіемъ.

— Вы уже хотите ихъ увезти?!..

— М-мъ Делафонъ,—сказалъ Дюгамель,—если желаете, они останутся у васъ навсегда. У нихъ нѣтъ родителей, и вы можете ихъ усыновить.

Она упала на колѣни у кровати, на которой они спали, и въ порывѣ безграничной радости, заливаясь слезами, схватила руку Дюгамеля и покрыла ее поцѣлуями. Делафонъ и Алиса были тутъ же,—онъ, растерявшійся отъ неожиданнаго счастья, она же меланхолически улыбающаяся.

— Мнѣ еще остается, дорогіе друзья, обратиться къ вамъ съ одной просьбой,—сказалъ Дюгамель.

— Говорите же! Говори! воскликнули всѣ вмѣстѣ.

— Прошу у васъ руки Алисы... для себя.

— Алисы?!

— Да. Я убѣдился въ измѣнѣ моей жены съ маркизомъ д'Эскруа. У меня есть и другія, пожалуй болѣе важныя причины развестись съ нею.

Алиса слушала, близкая къ обмороку. Делафонъ первый пришелъ въ себя.

— Пусть Алиса рѣшаетъ,—сказалъ онъ.

— О, это ужъ давно рѣшено!—проговорила Алиса.

Дюгамель сжалъ ее крѣпко въ своихъ объятіяхъ.

О. М.

ЛИКВИДАЦІЯ
ПРОМЫШЛЕННАГО ОЖИВЛЕНІЯ

„Россія въ концѣ XIX-го вѣка".

I.

Наиболѣе характерной чертой нашей экономической политики за послѣднее время является усиленное покровительство нѣкоторымъ отраслямъ добывающей и обработывающей промышленности путемъ огражденія ихъ высокими таможенными пошлинами отъ конкурренціи иностранныхъ продуктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по разнымъ поводамъ со стороны руководителей этой политики дѣлаются попытки выяснить задачи ея и періодически подводятся итоги достигнутымъ уже въ данной области результатамъ. Однимъ изъ такихъ поводовъ послужила, между прочимъ, парижская выставка, вызвавшая появленіе на свѣтъ обширнаго сборника: „Россія въ концѣ XIX вѣка", составленнаго подъ руководствомъ чиновъ финансоваго вѣдомства и изданнаго на его средства. Сборникъ этотъ посвященъ главнымъ образомъ обозрѣнію успѣховъ, достигнутыхъ покровительствуемыми отраслями промышленности. Однородный характеръ носили изданныя ранѣе тѣмъ же вѣдомствомъ изслѣдованія по случаю выставокъ, бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Чикаго. Надо сказать, однако, что если время для парижской выставки оказалось выбраннымъ не особенно удачно, то по отношенію къ нашему отечеству оно совпало съ нѣкоторыми весьма непріятными пертурбаціями въ ходѣ его экономической жизни. Къ числу ихъ нужно отнести неурожаи, повторившіеся, два года назадъ, въ наиболѣе хлѣбородныхъ нашихъ районахъ, и затянувшійся промышленно-биржевой кризисъ, начавшійся гораздо ранѣе переживаемыхъ

теперь политическихъ затрудненій, подъ вліяніемъ которыхъ онъ только обострился. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ объ отсутствіи или наличности связи между этими неблагопріятными явленіями и самой экономической политикой, конечная задача которой заключается въ томъ, чтобы возможно скорѣе превратить Россію изъ страны земледѣльческой въ страну промышленную, наиболѣе дѣйствительными средствами для чего и признано усиленіе таможеннаго покровительства.

Фактъ, что выполненіе подобнаго рода программы связано съ тяжелыми матеріальными жертвами для населенія, никѣмъ, естественно, не отрицается. Проповѣдники и исполнители ея говорятъ лишь, что корень протекціонизма горекъ, а плодъ его будетъ сладокъ. „Утвержденіе,—пишетъ по этому поводу проф. Ланговой,—что русская покровительственная система ложится тяжело на все населеніе, и что русскому человѣку обходится многое дороже, чѣмъ иностранцу,—нельзя не признать въ общемъ справедливымъ"... Но, „вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя забывать и того, что по мѣрѣ развитія промышленности возникаетъ конкурренція между производителями, вслѣдствіе чего товары понижаются въ цѣнѣ; чѣмъ интенсивнѣе идетъ развитіе производства, тѣмъ быстрѣе дешевѣютъ и товары. Судя же по напряженному росту русской фабрично-заводской промышленности, не далеко то время, когда внутренній спросъ будетъ удовлетворенъ въ Россіи полностью мѣстными произведеніями, и когда, несомнѣнно, приносимыя въ настоящее время жертвы вознаградятся сторицею" („Общіе итоги русской промышленности", стр. 239). Такимъ образомъ, за тяжелыя жертвы *въ настоящемъ* русскому населенію обѣщаются великія блага *въ будущемъ*. Но не предпочло бы ли само населеніе синицу въ рукахъ журавлю въ небесахъ? Затѣмъ будущее будущему—рознь. Есть будущее, которое принято называть „болѣе или менѣе близкимъ", и есть будущее „болѣе или менѣе отдаленное". Въ данномъ же случаѣ рѣчь, повидимому, можетъ идти только о послѣднемъ. Вѣдь самъ г. Ланговой замѣчаетъ, что „русское правительство вступило на путь положительнаго протекціонизма и твердо держится на этомъ пути въ теченіе послѣднихъ *двадцати лѣтъ*". Въ какомъ же положеніи оказалось населеніе послѣ этого довольно продолжительнаго періода времени по отношенію къ результатамъ протекціонизма? Подтверждаетъ ли оно высказанное г. Ланговымъ утвержденіе о томъ, что „чѣмъ интенсивнѣе идетъ развитіе производства, тѣмъ быстрѣе дешевѣютъ и товары". Объ интенсивности развитія разныхъ производствъ авторъ „Итоговъ", дѣйствительно, говоритъ очень много, а вотъ о быстромъ удешевленіи товаровъ онъ почему-то умалчиваетъ—и дѣлаетъ весьма благоразумно. Дѣло въ томъ, что для большинства продуктовъ покро-

вительствуемыхъ отраслей промышленности наблюдается какъ разъ обратное явленіе въ видѣ болѣе или менѣе значительнаго повышенія на нихъ цѣнъ. Въ особенности это нужно сказать о металлахъ и разныхъ издѣліяхъ изъ нихъ, степень доступности которыхъ имѣетъ едва-ли не самое важное значеніе съ точки зрѣнія успѣшнаго развитія другихъ отраслей народнаго производства, а въ частности земледѣльческаго промысла. Такъ, Б. Ф. Брандтъ въ своемъ изслѣдованіи о вліяніи прилива къ намъ иностранныхъ капиталовъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что „прогрессъ производства въ металлургической промышленности не сопровождается соотвѣтственнымъ удешевленіемъ цѣнъ металла". Причина же „продолжающейся у насъ до сихъ поръ дороговизны металловъ заключается, съ одной стороны, въ томъ, что цеховые расходы производства у насъ выше, чѣмъ на Западѣ, а съ другой стороны—въ томъ, что производство металловъ не покрываетъ всего существующаго на нихъ спроса, вслѣдствіе чего конкурренція почти бездѣйствуетъ" („Иностранные капиталы", Спб. 1899 г., стр. 86—87). Затѣмъ, у г. Радцига мы находимъ и точныя данныя о движеніи цѣнъ за указанный періодъ на различные металлы. Изъ нихъ оказывается, что на нижегородской ярмаркѣ литье чугунное продавалось, въ 1878 г., по 1 р. 60 коп. за пудъ, а въ 1894 г.—по 3 р. 45 коп.; цѣна на листовое желѣзо повысилась съ 3 р. 20 коп. до 4 р. 40 коп., на полосовое—съ 1 р. 75 коп. до 2 р. 35 коп., и т. д. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что повышеніе цѣнъ у насъ на металлы наблюдалось параллельно быстрому пониженію ихъ на западно-европейскихъ рынкахъ. Цѣна стальныхъ рельсовъ, напримѣръ, къ 1897 г. въ Англіи и Бельгіи упала до 60 коп. за пудъ, у насъ же она повысилась до 1 р. 50 коп. (А. А. Радцигъ: „Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта". Спб., 1900 г.).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что за двадцать лѣтъ „твердаго" примѣненія у насъ таможенно-покровительственной политики результаты ея, съ точки зрѣнія доступности покровительствуемыхъ отраслей промышленности, выразились для населенія лишь въ очень крупныхъ переплатахъ, которыя дѣлались и продолжаютъ дѣлаться при покупкѣ ихъ. Населеніе нашего отечества все еще какъ бы продолжаетъ пребывать въ своего рода чистилищѣ, пройти черезъ которое ему необходимо, чтобы получить вознагражденіе „сторицею" за „приносимыя въ настоящее время жертвы". Но способствуетъ ли, дѣйствительно, покровительственная политика въ нынѣшнемъ ея видѣ приближенію этого блаженнаго момента?

II.

Объ огромныхъ успѣхахъ, которые дѣлаютъ покровительствуемыя отрасли промышленности, нелицепріятно свидѣтельствуетъ, повидимому, „языкъ цифръ". Надо сказать, однако, что показаніями этого языка слѣдуетъ пользоваться съ большой осторожностью. Такъ, г. Ланговой въ своихъ „Итогахъ", обращаясь къ языку цифръ, между прочимъ, говоритъ, что „о *количественной* сторонѣ состоянія русской промышленности можно составить себѣ представленіе на основаніи слѣдующихъ данныхъ"... Далѣе слѣдуютъ и самыя данныя, выражающія собою „*стоимость* выработанныхъ продуктовъ и издѣлій". Изъ нихъ видно, что въ 1887 г. стоимость такихъ продуктовъ составляла 1.334 милл. р., а въ 1897 г.—2.839 милл. р. Отсюда уже г. Ланговой приходитъ къ цѣлому ряду выводовъ, касающихся какъ абсолютнаго „роста производительности" всѣхъ отраслей промышленности, такъ и объ относительномъ ростѣ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Но эти выводы являются совершенно празднымъ занятіемъ въ виду того простого обстоятельства, что ростъ „производительности" продуктовъ и ростъ ихъ „стоимости"—это далеко не одно и то же. Принимаемое г. Ланговымъ отождествленіе можно было бы признать правильнымъ только въ томъ случаѣ, еслибы стоимость единицы продукта за весь изслѣдуемый періодъ оставалась неизмѣнной, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Еще недавно, напримѣръ, пудъ каменнаго угля на мѣстѣ въ донецкомъ бассейнѣ стоилъ около 6 коп., а теперь его продаютъ по 12 коп. Въ результатѣ производительность копей можетъ остаться прежней, а по методу, принятому для ея исчисленія г. Ланговымъ, она удвоится. Рядомъ же съ этимъ и каменноугольный кризисъ изъ бѣдствія превратится въ чрезвычайно отрадное явленіе, свидѣтельствующее о дальнѣйшемъ колоссальномъ успѣхѣ въ развитіи нашей каменноугольной промышленности. Приблизительно въ такой же пропорціи или даже большей повысились въ послѣднее время цѣны нефти. Отсюда новое ликованіе по поводу „замѣчательной интенсивности", съ которою совершается „ростъ русской промышленности". Затѣмъ правительство признало необходимымъ повысить цѣны на заказываемые для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ рельсы и на различныя принадлежности подвижного состава, что является новымъ источникомъ роста производительности металлургическихъ заводовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ, стоимость произведенныхъ продуктовъ повысилась вслѣдствіе повышенія пошлинъ на сырой матеріалъ, и т. д. Въ общемъ, такимъ образомъ, въ данной области создается весьма благодарное для ста-

тистики нашихъ промышленныхъ успѣховъ взаимодѣйствіе. Усиленіе таможеннаго покровительства, вызывающее повышеніе цѣнъ на продукты покровительствуемыхъ отраслей промышленности, даетъ гг. статистикамъ поводъ кричать о небывало-быстромъ ростѣ ихъ производительности.

Точно также весьма загадочное значеніе имѣетъ и цифра въ 2.839 милл. р., якобы выражающая собою „стоимость выработанныхъ продуктовъ и издѣлій", въ 1897 г., всѣми промышленными предпріятіями. Авторъ „Итоговъ" на этотъ счетъ не даетъ никакого разъясненія, и можно подумать, что здѣсь дѣло идетъ о стоимости товаровъ, выпущенныхъ на рынокъ. Только обратившись къ первоисточнику, мы убѣждаемся, что здѣсь опять-таки кроется крупное недоразумѣніе. Приведенную цифру г. Ланговой взялъ изъ оффиціальнаго „Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 г." („Матеріалы для торгово-промышленной статистики". Спб., 1900 г.). Между тѣмъ, въ предисловіи къ этому изданію, читатель предупреждается, что „приведенная въ сводѣ стоимость производства показана по той цѣнѣ, по которой вырабатываемыя издѣлія выпускаются съ фабрики или завода, при чемъ въ итогахъ не вычиталась стоимость вошедшихъ въ производство сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, благодаря чему *болѣе или менѣе преувеличено экономическое значеніе*, въ особенности, тѣхъ видовъ обработывающей промышленности, которые являются послѣднимъ звеномъ въ рядѣ подготовительныхъ производствъ разныхъ иныхъ наименованій". Но приведенная поправка касается только относительнаго экономическаго значенія различныхъ отраслей промышленности, о производительности которыхъ въ дѣйствительности вовсе нельзя судить по рыночной стоимости выпускаемыхъ ими продуктовъ. Такъ, сельскохозяйственное предпріятіе, выпускающее на 1000 руб. зерна, окажется съ гораздо высшею производительностью, чѣмъ мельница, перерабатывавшая это зерно, хотя стоимость продуктовъ послѣдней будетъ выше. Правильно понимаемая производительность выражается только тою прибавочною стоимостью, которую каждая отрасль промышленности сообщаетъ перерабатываемымъ ею продуктамъ. Такимъ образомъ, для опредѣленія производительности сельскохозяйственнаго предпріятія слѣдуетъ изъ суммы, выражающей стоимость продуктовъ его производства, вычесть стоимость сѣмянъ, для мельницы—стоимость зерна и т. д. Точно также и для опредѣленія производительности всей фабрично-заводской промышленности необходимо изъ цифры въ 2.839 милл. руб. вычесть стоимость сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ, поступившихъ для переработки. Но этого мало. Указанная цифра получилась отъ сложенія суммъ, представляющихъ собою стоимость продуктовъ, какъ

выпускаемыхъ на рынокъ, такъ и вырабатываемыхъ различными промежуточными инстанціями. Вслѣдствіе этого, стоимость нѣкоторыхъ продуктовъ входитъ въ составъ общей суммы по нѣскольку разъ. Въ хлопчатобумажной промышленности, напримѣръ, отдѣльно исчисляется стоимость вырабатываемой пряжи, затѣмъ къ ней прибавляется стоимость миткаля, сдѣланнаго изъ той же пряжи; наконецъ, миткаль превращается въ ситецъ и получается третье слагаемое, которое собственно и выражаетъ собою стоимость продуктовъ всѣхъ трехъ производящихъ инстанцій. Подобнымъ же образомъ въ желѣзодѣлательной промышленности сначала приводится стоимость чугуна, потомъ выдѣланнаго изъ него желѣза, потомъ выдѣланныхъ изъ желѣза рельсовъ, машинъ, орудій и т. д. Въ результатѣ цифра 2.839 милл. руб. не представляетъ собою ни производительности фабрично-заводской промышленности, ни даже валовой стоимости выпущенныхъ ею на рынокъ товаровъ. Это, такъ сказать, общій оборотъ нашего фабрично-заводскаго производства, въ который включена и стоимость перерабатываемыхъ сырыхъ матеріаловъ, и стоимость продуктовъ всѣхъ промежуточныхъ звеньевъ самой переработки.

Мы остановились съ нѣкоторою подробностью на анализѣ данныхъ нашей промышленной статистики въ виду того, что пріемы ея очень многихъ вводятъ въ пагубныя заблужденія относительно истиннаго экономическаго значенія, пріобрѣтеннаго для нашего отечества успѣхами фабрично-заводской промышленности. Ошибка и состоитъ въ отождествленіи общаго валового оборота нашего фабрично-заводскаго производства съ его производительностью. Нѣчто подобное тому встрѣчается даже въ докладахъ г. министра финансовъ, сопровождающихъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1897 годъ мы читаемъ, напримѣръ, что все „годичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи по цѣнности *не превышаетъ полутора милліарда рублей*, тогда какъ ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности *превосходитъ два милліарда рублей*“. Отсюда уже дѣлается выводъ о „*соотвѣтственномъ перераспредѣленіи экономическихъ силъ страны*“, т.-е. о превращеніи Россіи изъ страны преимущественно земледѣльческой въ страну преимущественно промышленную. Затѣмъ, на защиту этого оспариваемаго положенія выступилъ редакторъ оффиціозной „Торгово-промышленной газеты“, г. Ѳедоровъ, пытавшійся доказать, что земледѣліе для современной Россіи, въ качествѣ источника дохода, отступаетъ на задній планъ, очищая мѣсто фабрично-заводской промышленности. Еслибы такой выводъ былъ похожъ на правду, то оказалось бы, что земледѣльческое населеніе, произведши на полтора милліарда продуктовъ, прокормило ими себя, а на сумму,

вырученную отъ продажи остатка, оплатило ввозъ иностранныхъ товаровъ и купило болѣе, чѣмъ на два милліарда продуктовъ нашей фабрично-заводской промышленности, такъ какъ для послѣднихъ сбытъ на внѣшніе рынки почти отсутствуетъ, а сами фабрично-заводскія рабочіе также не могутъ представить собою сколько-нибудь крупнаго рынка. Дѣйствительно, мы видимъ, что за періодъ въ десять лѣтъ (съ 1887 по 1897 г.) число ихъ возросло съ 1.318 т. человѣкъ до 2.098 тыс., т.-е. на 780 т., или въ годъ—на 78 т. Сюда входятъ при этомъ какъ женщины-работницы, такъ и дѣти-полурабочіе. Между тѣмъ ежегодный приростъ населенія нашего отечества, по вычисленію г. Покровскаго, составляетъ около 2 милл. человѣкъ („Россія въ концѣ XIX вѣка", „Населеніе", стр. 58). Такимъ образомъ, ежегодный приростъ у насъ контингента фабрично-заводскаго рабочаго не достигаетъ и 4 проц. общаго прироста населенія. Ясно, что фабрично-заводская промышленность не можетъ удовлетворить даже прироста населенія, не говоря уже объ уменьшеніи относительной численности земледѣльческаго класса и пониженіи относительнаго значенія земледѣльческаго промысла. Точно также весьма плохо оправдывается и обѣщаніе создать, путемъ развитія промышленности, для сельскохозяйственныхъ продуктовъ широкій отечественный рынокъ, при чемъ они скоро совершенно перестанутъ нуждаться въ иностранныхъ рынкахъ. Приведенныя данныя о ростѣ фабрично-заводскаго рабочаго населенія за десять лѣтъ, наглядно свидѣтельствуютъ, насколько значеніе этого рынка ничтожно. Если принять во вниманіе, что число семейныхъ рабочихъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ весьма ограниченно, а затѣмъ жены и дѣти очень часто также значатся въ числѣ рабочихъ, то 780 т. прибавившихся за десять лѣтъ рабочихъ въ лучшемъ случаѣ создали новый рынокъ въ 1.500 т. ѣдоковъ, для продовольствія которыхъ потребуется не болѣе 30 милл. пудовъ хлѣба. Между тѣмъ вывозится хлѣба изъ нашего отечества ежегодно около 400—500 милл. пудовъ, а увеличеніе производства его за десять лѣтъ, конечно, много превышаетъ 30 милл. пудовъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что развитіе разныхъ отраслей промышленности въ теченіе даннаго періода нисколько не ослабило для насъ потребности въ иностранныхъ рынкахъ для сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства.

III.

Съ другой стороны, многіе признаки несомнѣнно указываютъ, что „успѣхи", достигнутые нашей фабрично-заводской промышленностью, являются весьма непрочными, и въ этой области началось уже попят-

ное движеніе столь же стремительное, какъ и самые успѣхи. Однимъ изъ такихъ признаковъ служитъ острый промышленно-биржевой кризисъ, безпрерывно тяготѣющій надъ нашимъ финансовымъ міромъ со второй половины 1898 года. Биржа учла этотъ кризисъ путемъ соотвѣтствующей переоцѣнки акцій различныхъ предпріятій, давшей для нихъ самые печальные результаты. Значительное большинство ихъ потеряло до 50 проц. и выше своей прежней биржевой цѣны. Это уже форменный „крахъ", нанесшій весьма чувствительный ущербъ тѣмъ изъ капиталистовъ, которые вѣрили въ прочность положенія, занятаго предпріятіями, акціи которыхъ они пріобрѣтали. Пять лѣтъ тому назадъ, отмѣчая увлеченіе мелкихъ капиталистовъ биржевой игрой, создавшейся на почвѣ быстро повышавшихся цѣнъ на акціи всевозможныхъ предпріятій, мы, между прочимъ, предсказывали, что „кончится пиръ ихъ бѣдою". Трудно было, однако, предвидѣть, что это пророчество оправдается такъ скоро. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выясняли, что при помощи такихъ средствъ, какъ неумѣренное таможенное покровительство и неумѣренно щедро оплачиваемые казенные заказы, нельзя „создать прочную промышленность, которая затѣмъ станетъ на собственныя ноги. Самые заводы, выростающіе какъ грибы, имѣютъ чисто спекулятивный характеръ и устроиваются на скорую руку съ цѣлью временно воспользоваться благопріятной полосой. „Едва ли, — писали мы далѣе, — при настоящихъ условіяхъ можно серьезно говорить о борьбѣ съ охватившей значительную часть общества страстью къ биржевой игрѣ. Нельзя одной рукой доставлять матеріалъ для легкой наживы, а другой — бороться съ логическими послѣдствіями такой политики. По минованіи подобныхъ условій, биржевая игра и безъ всякихъ особыхъ мѣръ войдетъ въ свои нормальные предѣлы. Но, разумѣется, этотъ переходъ *не обойдется безъ крупнаго потрясенія и значительнаго числа искупительныхъ жертвъ*" („Вѣстн. Европы", 1895 г., ноябрь. „Биржа и публика", стр. 364—365). Теперь мы именно и имѣемъ дѣло съ такимъ „потрясеніемъ", которое явилось логической реакціей искусственно созданнаго и весьма непрочнаго биржевого оживленія.

Дѣйствительно, установить тѣсную преемственную связь между мѣрами, принимающимися у насъ въ интересахъ возможно быстраго развитія фабрично-заводской промышленности и переживаемымъ теперь промышленно-биржевымъ кризисомъ, весьма не трудно.

Надо сказать, что сами послѣдователи доктрины таможеннаго покровительства въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ связываютъ практическое примѣненіе ея съ различными весьма крупными ограниченіями. Такъ, проф. Менделѣевъ, по этому поводу, между прочимъ, говоритъ, что „для даннаго государства и въ данную эпоху разум-

нѣе избирать, для покровительства охранительнаго или возбуждающаго, *лишь немногіе отдѣльные товары*". Это требованіе почтенный профессоръ основываетъ на томъ справедливомъ соображеніи, что „такъ какъ размѣръ свободныхъ капиталовъ и интеллигентныхъ силъ, способныхъ вести промышленное дѣло Россіи, въ ней не великъ, то *успѣшное веденіе многихъ и разнообразныхъ дѣлъ весьма мало вѣроятно*". Съ другой стороны, при выборѣ для покровительства „немногихъ опредѣленныхъ товаровъ", оно связано „*съ возможно наименьшимъ нарушеніемъ другихъ интересовъ жизни*". (Д. Менделѣевъ „Толковый Тарифъ". Спб., 1891 г.). Между тѣмъ, примѣняемая у насъ покровительственная политика самымъ грубымъ образомъ игнорируетъ эти элементарныя требованія. Вмѣсто „немногихъ отдѣльныхъ товаровъ", она распространена на всѣ отрасли фабрично-заводской промышленности. Затѣмъ, при установленіи размѣра покровительственныхъ пошлинъ, у насъ единственнымъ руководящимъ принципомъ какъ бы является пословица, гласящая, что „масломъ каши не испортишь". Неудивительно, что мы въ этомъ отношеніи далеко опередили хотя бы Соединенные-Штаты, экономическая политика которыхъ признается ultra-протекціонной. Такъ, пошлина на чугунъ въ Соединенныхъ-Штатахъ составляетъ 12,5 к. съ пуда, а у насъ—45 к. Такимъ образомъ, наша пошлина превышаетъ самую стоимость продукта на иностранныхъ рынкахъ. Тоже наблюдается и въ отношеніи большинства другихъ продуктовъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности.

Затѣмъ, на-ряду съ покровительствомъ „охранительнымъ", по отношенію къ нѣкоторымъ отраслямъ фабрично-заводской промышленности широко примѣнялось съ начала 90-хъ годовъ и покровительство—по выраженію проф. Менделѣева—„возбуждающее". Удобнымъ поводомъ для этого послужило оживленіе въ области желѣзнодорожнаго строительства, причемъ цѣлыя сѣти новыхъ рельсовыхъ линій сооружались какъ за средства казны, такъ и частныхъ обществъ, которыя обязывались къ тому—въ замѣнъ отсрочки выкупа въ казну принадлежащихъ имъ предпріятій. Вмѣстѣ съ этимъ, для всѣхъ строителей вмѣнено въ обязанность пріобрѣтать подвижной составъ и рельсы исключительно на отечественныхъ заводахъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, благодаря ограниченному ихъ числу, сдѣлались полными господами положенія. Они устанавливали цѣны по своему произволу, часто на почвѣ почти открытыхъ соглашеній, а заказчики должны были имъ подчиняться. Въ виду этого признано было полезнымъ поощрить возникновеніе металлургическихъ заводовъ, обезпечивая ихъ выгодными казенными заказами на нѣсколько лѣтъ впередъ.

Это и былъ медовый мѣсяцъ для дѣльцовъ, умѣвшихъ извлекать

выгоды изъ подобнаго рода благопріятныхъ „коньюнктюръ". Достаточно сказать, что за періодъ времени съ начала 90-хъ годовъ по 1900 годъ (сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ на 27 т. верстъ) ихъ построено столько же, сколько за всѣ тридцать предшествовавшихъ лѣтъ (Всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ при росписи на 1900 г.). Оборудована же была вся эта сѣть рельсовыхъ путей при посредствѣ отечественныхъ заводовъ, не взирая на огромныя переплаты, дѣлавшіяся по сравненію съ тѣми цѣнами на разныя принадлежности оборудованія, по которымъ онѣ могли бы быть пріобрѣтены за-границей. Для сибирской дороги, напримѣръ, англійскіе заводчики брались поставлять стальные рельсы по 75 к. съ пуда, но строители предпочли заплатить отечественному предпринимателю по 2 р., съ выдачей авансомъ нѣсколькихъ милліоновъ на устройство самаго завода. Въ результатѣ металлургическіе заводы начали давать небывалые барыши; вмѣстѣ съ тѣмъ повышалась и биржевая расцѣнка ихъ акцій. Такъ, акціи брянскаго завода въ 1893 г. котировались по 130 р., а въ 1895 онѣ повысились до 550 р., чтобы къ концу 1900 г. вновь упасть до 275 р. Акціи путиловскаго завода, за тотъ же періодъ, повысились съ 75 р. до 178 р. и вновь упали до 90 р. Каковы были въ то „невозвратное время" доходы заводовъ, можно судить по имѣющимся у насъ подъ руками отчетамъ южно-русскаго-днѣпровскаго металлургическаго общества. Въ 1893—4 операціонномъ году это общество на основной капиталъ въ 5 милл. р. дало 2 милл. р. чистой прибыли, или 40 проц., а въ 1897—8 гг.—4.200 т. р., или свыше 80 проц. Рядомъ съ этимъ акціи еще только задуманныхъ, но заручившихся уже выгодными заказами предпріятій выпускались иногда съ преміей, превышающей 100 проц. на нарицательную ихъ цѣну.

Благодать, изливавшаяся столь щедрою рукою на металлургическія предпріятія, рикошетомъ отражалась самымъ выгоднымъ образомъ и на другихъ отрасляхъ промышленности, не говоря уже о коммерческихъ банкахъ, принявшихъ самое живое участіе какъ въ биржевой игрѣ на повышеніе, такъ и въ учрежденіи модныхъ предпріятій, финансированіи ихъ или „размѣщеніи" акцій. Но помимо того, путемъ желѣзнодорожнаго строительства ежегодно въ обращеніе выпускались сотни милліоновъ отчасти изъ общихъ бюджетныхъ средствъ, а отчасти добывавшихся при помощи новыхъ займовъ, которые заключаются на заграничныхъ рынкахъ за счетъ казны или желѣзнодорожныхъ обществъ. Съ другой стороны, недостатокъ въ странѣ свободныхъ капиталовъ, о которомъ говорилъ проф. Менделѣевъ, восполнился приливомъ ихъ изъ-заграницы, благо проценты за нихъ платились по истинѣ ростовщическіе. По разсчету г. Головина, приливъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ въ періодъ съ 1895 по

1897 выразился въ цифрѣ около 200 милл. р. (К. Головинъ, „Наша финансовая политика и задачи будущаго". Спб., 1899 г.). Но разумѣется, что исчисленіе это не можетъ претендовать на какую-либо точность. Во всякомъ же случаѣ приливъ иностранныхъ капиталовъ игралъ и до сихъ поръ играетъ немаловажную роль въ томъ временномъ взаимооплодотвореніи, которое установилось между казною и фабрично-заводскою промышленностью. По отношенію къ казнѣ, благотворная сторона его заключается въ томъ, что значительная часть займовъ и иностранныхъ капиталовъ попадаетъ въ ея руки вслѣдствіе усиливающагося спроса на обложенные акцизомъ или таможенными пошлинами товары. Въ общемъ, такимъ образомъ, существующее представленіе, что нашъ государственный бюджетъ не опирается теперь на займы, не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. Безъ займовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и безъ прилива иностранныхъ капиталовъ, увеличивающихъ косвенными путями казенные доходы, едва ли государственный бюджетъ достигъ бы того благополучія, въ какомъ онъ находится теперь. Но этотъ результатъ, какъ мы видѣли, купленъ весьма недешевой для населенія цѣной.

IV.

На неустойчивость прибылей нашихъ промышленныхъ предпріятій много разъ указывало и само министерство финансовъ, предостерегая частныхъ капиталистовъ отъ увлеченія покупкой акцій по высокимъ цѣнамъ въ надеждѣ на дальнѣйшее ихъ повышеніе. „Что ростъ русской промышленности,—читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ предостереженій,—и во всякомъ случаѣ многихъ отраслей, за послѣдніе годы сказывается все болѣе рельефно, это едва-ли можетъ подлежать спору. Этотъ ростъ и вполнѣ благопріятное нынѣ положеніе, въ особенности нѣкоторыхъ отраслей промышленности,—напримѣръ, въ связи съ усиленнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ,—желѣзодѣлательной,—это отмѣчалось неоднократно. Но это—одна сторона дѣла". Если капиталисты, при этомъ, разсчитываютъ, что „эти предпріятія будутъ въ состояніи выдавать дивиденды въ 20, 30 и выше процентовъ, то нельзя въ этомъ не усмотрѣть нѣкотораго увлеченія". Дѣло въ томъ, что „молодая промышленность, развивающаяся подъ охраною пошлинъ, первое время вбираетъ въ свою пользу всю пошлину и, совершенствуясь, т.-е. понижая стоимость производства, вырабатываетъ все большій въ свою пользу чистый остатокъ. Въ результатѣ являются крупные барыши, которые немедленно привлекаютъ къ этому дѣлу новые капиталы, и, такимъ образомъ, создается, а затѣмъ и все усугубляется

внутренняя конкурренція. Подъ вліяніемъ послѣдней, при полномъ даже сохраненіи оберегающей рынокъ отъ иностраннаго соперничества покровительственной таможенной системы, цѣны на продуктъ постепенно понижаются и приближаются къ нормальному уровню, обезпечивающему лишь среднюю устанавливающуюся въ странѣ доходность". Для иллюстраціи, авторы предостереженія напоминаютъ про „событія 1884—1886 гг. въ нашей свеклосахарной промышленности, когда она, послѣ ряда блестящихъ лѣтъ, *стала грозить почти разореніемъ многимъ предпринимателямъ*. Съ ростомъ въ странѣ промышленности, съ увеличеніемъ собственныхъ и приливомъ иностранныхъ капиталовъ, ихъ погонею за прибыльными предпріятіями, проявленіе того же экономическаго закона неизбѣжно и во всѣхъ отрасляхъ промышленности" („Вѣстн. Фин.", 1895 г., № 5).

Въ приведенномъ оффиціальномъ сообщеніи прежде всего имѣется нѣкоторое противорѣчіе. Въ немъ, съ одной стороны, говорится, что развивающаяся внутренняя конкурренція, вмѣсто чрезмѣрно высокихъ барышей, „обезпечиваетъ лишь среднюю устанавливающуюся въ странѣ доходность"; а съ другой—указывается, что подобнаго рода эволюція, испытанная ранѣе свеклосахарной промышленностью „стала грозить почти разореніемъ многимъ предпринимателямъ". Значитъ ли это, что наши предприниматели отождествляютъ „среднюю доходность" съ „почти разореніемъ", или нѣкоторымъ изъ нихъ угрожало подлинное разореніе? На самомъ дѣлѣ здѣсь было и то и другое. Дѣйствительно, мы знаемъ, что въ свеклосахарной промышленности, на-ряду съ высокодоходными предпріятіями, имѣются и такія, которыя могутъ существовать только благодаря искусственному поддержанію сахарныхъ цѣнъ на уровнѣ выше нормальнаго,—а это въ свою очередь достигается путемъ нормировки самаго выпуска на рынокъ продукта. Вотъ къ какому, весьма мало утѣшительному для потребителя, результату привелъ въ данномъ случаѣ ростъ промышленности, „развивавшейся подъ охраной пошлинъ". Когда внутренняя конкурренція создала тенденцію къ пониженію цѣнъ на продукты свеклосахарной промышленности, то оказалось, что многія предпріятія вовсе не могутъ существовать при такихъ пониженныхъ цѣнахъ. Они возстали въ разсчетѣ именно на постоянство такого повышенія, при которомъ цѣны на продукты „вбираютъ въ свою пользу всю пошлину". Поэтому, для спасенія подобныхъ „гнилыхъ предпріятій", пришлось благодѣтельную конкурренцію вновь упразднить или, по крайней мѣрѣ, значительно ограничить при помощи „нормировки".

Совершенно аналогичный фазисъ переживаютъ теперь и многія другія наши отрасли фабрично-заводской промышленности, а въ особенности металлургическая и желѣзодѣлательная. Въ послѣднихъ двухъ

случаяхъ, кромѣ пошлины, предпріятія „вбирали въ свою пользу“ и воспрещеніе желѣзнымъ дорогамъ пріобрѣтать для себя предметы оборудованія за границей, даже при условіи оплаты ихъ таможенными пошлинами. Между тѣмъ, число предпріятій постепенно возростало, вслѣдствіе чего желѣзныя дороги не могли уже обезпечивать заказами каждый изъ нихъ въ прежнемъ размѣрѣ. Съ другой стороны, казна, въ качествѣ главнаго заказчика, воспользовалась такимъ увеличеніемъ, для пониженія цѣнъ на рельсы и подвижной составъ. Отсюда и явился тотъ кризисъ, нагляднымъ отраженіемъ котораго служитъ стремительное паденіе биржевыхъ цѣнъ на акціи предпріятій данной категоріи. При этомъ акціи очень значительнаго числа предпріятій стоятъ уже ниже ихъ нарицательной цѣны, а для другихъ въ биржевомъ биллютенѣ создана особая рубрика подъ наименованіемъ „находящихся въ ликвидаціи“. Кризисъ принялъ бы еще болѣе острыя формы, еслибы казна, внявъ воплямъ заводчиковъ, не поспѣшила опять нѣсколько повысить цѣны для своихъ заказовъ.

Такимъ образомъ, практика и на этотъ разъ показала, что результатъ, при которомъ „цѣны на продукты постепенно понижаются и *приближаются къ нормальному уровню*“, достигается, на почвѣ примѣненія покровительственной политики, вовсе не такъ просто, какъ то предполагалось. Высокія цѣны на продукты, создаваемыя чрезмѣрнымъ таможеннымъ покровительствомъ, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Радцигъ, — „вредны уже тѣмъ, что капиталисты устроиваютъ предпріятія и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они никогда не будутъ работать дешево“. Такъ, устроенный близь Петербурга на озерной рудѣ (желѣзодѣлательный) заводъ прямо разсчитанъ на продажную цѣну чугуна въ 90 коп. съ пуда, а между тѣмъ на югѣ и на Уралѣ чугунъ можно работать съ пользой по 40 коп.“. Далѣе, „вновь строящіеся въ центральныхъ губерніяхъ желѣзодѣлательные заводы прямо разсчитываютъ на продажу чугуна и желѣза по теперешнимъ цѣнамъ“ (А. А. Радцигъ. „Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта“. Спб., 1900 г.). Рядомъ же съ этимъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Брандтъ, на нашихъ заводахъ чугунъ продается по 60—65 коп. пудъ „при собственной стоимости въ 45—50 коп. пудъ, что даетъ барышъ въ 33 проц. на затраченный капиталъ („Иностранные капиталы“).

Въ результатѣ мы имѣемъ теперь предпріятія, для которыхъ нынѣшній уровень цѣнъ только обезпечиваетъ возможность существованія, тогда какъ другимъ онъ доставляетъ чрезмѣрные барыши. Вмѣстѣ съ тѣмъ, число предпріятій первой категоріи едва-ли не превышаетъ число второй. Это объясняется самыми условіями, которыми обставлено было ихъ возникновеніе. Когда предпріятія обѣщаютъ чрезмѣрно высокіе барыши, то всѣ торопятся „ловить моментъ“ и при

учрежденіи ихъ мало считаются съ финансовыми и естественными условіями дальнѣйшей эксплоатаціи своихъ дѣтищъ. Заводы и фабрики устроиваются гдѣ попало; точно также, гдѣ попало, берутся на это необходимыя средства. Мы видимъ, напримѣръ, что учредителями самыхъ разнородныхъ предпріятій является одна и та же группа дѣльцовъ, располагающихъ связями въ видахъ возможно болѣе широкаго использованія выгодъ „возбуждающаго покровительства". Центръ тяжести при этомъ и заключался не столько въ наилучшемъ оборудованіи предпріятія, сколько въ такихъ благопріятныхъ „конъюнктюрахъ". Въ первомъ отношеніи, учредители проявляли самую великодушную щедрость, уплачивая банкамъ огромныя коммиссіонныя за размѣщеніе акцій, уступая значительную часть ихъ безмездно разнымъ нужнымъ компаньонамъ и т. д. Неудивительно, что на оборудованіе самаго предпріятія удѣлялась часто сравнительно ничтожная часть „основного" капитала, тогда какъ доходъ долженъ возмѣщать проценты на весь этотъ капиталъ.

Съ другой стороны, залогъ непрочности лежалъ и въ самыхъ способахъ такъ называемаго финансированія вновь возникающихъ предпріятій. Обыкновенно требуемыхъ капиталовъ въ наличности почти никогда не имѣлось. Добывались такія средства путемъ полученія ссудъ изъ банковъ подъ залогъ выпускаемыхъ акцій. Затѣмъ подъ учетъ векселей въ тѣхъ же банкахъ пріобрѣтались оборотныя средства. Такимъ образомъ, фактическими владѣльцами большинства предпріятій являлись въ сущности коммерческіе банки, принявшіе весьма широкое и непосредственное участіе въ учредительской дѣятельности. Но банки, въ свою очередь, располагаютъ весьма незначительными собственными капиталами, такъ что „финансированіе" производилось на счетъ вкладовъ, долгосрочное помѣщеніе которыхъ воспрещается самыми элементарными требованіями цѣлесообразной банковой политики. Практика показала, что нарушеніе ихъ не проходитъ безнаказанно. Это не то, что германскіе банки, которые, принимая широкое участіе въ учредительской дѣятельности, располагаютъ и колоссальными собственными капиталами. И вотъ, когда наступило денежное стѣсненіе, выразившееся въ отливѣ вкладовъ изъ банковъ, то послѣдніе, съ своей стороны, начали требовать отъ злополучныхъ учредителей погашенія выданныхъ имъ ссудъ. За отсутствіемъ же у учредителей средствъ для этого, акціи выбрасывались на биржу. Но такъ какъ подобный моментъ совпалъ съ пониженіемъ доходности самыхъ предпріятій, то охотниковъ пріобрѣтать акціи по существовавшимъ высокимъ цѣнамъ не находилось. Надо сказать притомъ, что покровительственная политика, усугубляемая щедрою раздачею казенныхъ заказовъ, создала весьма благопріятную почву для такъ называемаго

„грюндерства“, т.-е. учрежденія предпріятій не для ихъ эксплоатаціи, а для извлеченія барышей изъ перепродажи акцій. Здѣсь нѣтъ даже надобности прибѣгать къ какимъ-либо особымъ пріемамъ для искусственнаго повышенія доходности учреждаемыхъ предпріятій. Такой результатъ достигается самымъ положеніемъ дѣла, обезпечивающимъ предпріятію очень высокій доходъ на первое время его существованія, пока внутренняя конкурренція не влечетъ за собою пониженія цѣнъ и извлекаются изрядные барыши отъ казенныхъ заказовъ. Этимъ благопріятнымъ моментомъ грюндеры стараются воспользоваться, чтобы передать акціи во вторыя руки по возможно высокимъ цѣнамъ, что очень часто и удается. Судьба такихъ акцій, какъ „золотопромышленныя“, „глѣбовскія“, „Фениксъ“, „Сталь“ и т. п., служитъ весьма поучительной иллюстраціей грюндерскихъ продѣлокъ. Но несомнѣнно, что масса акцій подобныхъ предпріятій продолжаетъ имѣться на рукахъ учредителей или въ портфеляхъ банковъ, такъ какъ биржевой крахъ наступаетъ обыкновенно неожиданно даже для самыхъ предусмотрительныхъ людей.

Наступившая ликвидація промышленнаго оживленія послужила причиной рѣзкаго пониженія и акцій большинства нашихъ коммерческихъ банковъ, извлекавшихъ ранѣе изъ этого оживленія огромные доходы. Паденіе цѣнъ на акціи разныхъ предпріятій, находившіяся и находящіяся у нихъ въ портфеляхъ, наноситъ теперь крупные убытки. То же нужно сказать и о значительной части акцій, подъ залогъ которыхъ банки выдали ссуды. Многіе банки предпочли оставить эти акціи за собою, чѣмъ выбрасывать ихъ на биржу, что во многихъ случаяхъ повлекло бы полное ихъ обезцѣненіе. То же практикуется и съ безнадежными векселями, которые переписываются. Это позволяетъ отдалить моментъ реализаціи убытковъ и постепенно выбирать для того отдѣльные благопріятные моменты.

V.

Еслибы переживаемая теперь биржей и торгово-промышленнымъ міромъ пертурбація явилась только результатомъ пониженія доходности предпріятій до „нормальнаго уровня“ и соотвѣтствующей переоцѣнки акцій ихъ, то и тогда такую пертурбацію нельзя было бы признать вполнѣ безвредною. Считаемъ необходимымъ оговориться, что мы вовсе не раздѣляемъ той точки зрѣнія, въ силу которой биржевая цѣна акцій отождествляется съ какимъ-то реальнымъ богатствомъ, а потери акціонеровъ—съ потерями всего народнаго хозяйства. Стоили, напримѣръ, брянскія акціи 550 р., теперь же онѣ сто-

ятъ 250 р.,—слѣдовательно, говорятъ, страна потеряла на каждой акціи 300 р. и на всѣхъ 5 тыс. акціяхъ—1.500 тыс. рублей. Сосчитайте же,—предлагаютъ,—какой колоссальный капиталъ потерянъ страной вслѣдствіе общей переоцѣнки процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ, произведенной нашей биржей въ послѣдніе два года?! Дѣйствительно, потери милліардныя. Но, чтобы показать истинное значеніе подобныхъ исчисленій, приведемъ такой примѣръ. Представьте себѣ, что какое-либо акціонерное общество извлекло свои доходы отъ грабежей на большой дорогѣ. Затѣмъ противъ грабежей приняты были мѣры, въ результатѣ чего доходность предпріятія упала, и биржевая расцѣнка его акцій рѣзко понизилась. Неужели можно сказать, что отъ прекращенія грабежей страна въ результатѣ понесла потери? Слѣдуетъ помнить, что расцѣнка акцій того или другого предпріятія выражаетъ собою его прибыльность, независимо отъ источника послѣдней. Поэтому, если производительность какого-либо завода даже увеличится, но выручка его понизится отъ пониженія цѣнъ на продукты,—то акціи его также подвергнутся на биржѣ пониженію. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія интересовъ всего населенія, измѣнившееся положеніе предпріятія слѣдуетъ признать безусловно измѣнившимся къ лучшему.

Такимъ образомъ, дѣйствительное значеніе пониженія биржевой цѣны акцій того или другого предпріятія можетъ быть установлено только въ зависимости отъ породившихъ его причинъ. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, подобнаго рода биржевыя пертурбаціи представляются весьма нежелательными, въ виду крайне неблагопріятнаго вліянія ихъ на общій ходъ промышленной жизни. Естественно, что понижательное движеніе на биржѣ подрываетъ общее довѣріе капиталистовъ къ прочности предпріятій и заставляетъ ихъ устраняться отъ всякаго дѣла. Положеніе, какъ это много разъ бывало на петербургской биржѣ, принимаетъ характеръ полной паники. Капиталисты-рантьé не могутъ, конечно, входить въ оцѣнку жизнеспособности каждаго предпріятія, акціи котораго размѣщаются при посредствѣ биржи. Поэтому, какъ прежде они стремились покупать дивидендныя бумаги, руководствуясь только общей благопріятной тенденціей, установившейся на биржѣ, такъ впослѣдствіи всѣ устремились продавать ихъ. Это, конечно, значительно обостряетъ биржевой кризисъ. Но худшее-то здѣсь заключается въ томъ, что наша предпріимчивость лишилась матеріальной поддержки капиталистовъ, не являющихся предпринимателями по профессіи, а ищущими лишь выгоднаго и благонадежнаго помѣщенія для своихъ капиталовъ. Между тѣмъ, по настоящему времени широкое развитіе промышленности немыслимо безъ такой поддержки. Отсюда очевидно, что привлеченіе къ пред-

пріимчивости капиталовъ, путемъ обезпеченія за предпріятіями временныхъ высокихъ прибылей, въ концѣ-концовъ не достигаетъ цѣли и даже приводитъ къ результатамъ какъ разъ обратнымъ.

Затѣмъ, биржевой бюллетень свидѣтельствуетъ, что цѣны на продукты различныхъ отраслей промышленности далеко еще не понизились до „нормальнаго уровня", тогда какъ акціи многихъ предпріятій, послѣ кратковременнаго повышенія, упали даже ниже al pari. Другими словами, они и теперь уже работаютъ безъ прибыли, или съ прибылью низшей противъ обычной. Что же будетъ съ ними, когда цѣны на продукты дойдутъ, дѣйствительно, до нормальнаго уровня, т.-е. до предѣла, при которомъ онѣ могли бы конкуррировать съ иностранными товарами, не нуждаясь въ защитѣ таможенно-покровительственныхъ пошлинъ? Если всѣ подобныя предпріятія должны погибнуть, то спрашивается, зачѣмъ же было вызывать ихъ къ жизни, и зачѣмъ населеніе обрекалось на тяжелыя матеріальныя жертвы, съ которыми соединено примѣненіе покровительственной политики? Что касается въ частности металлургической промышленности, этого постояннаго фаворита нашей покровительственной политики, то положеніе ея ухудшилось, какъ мы говорили, уже вслѣдствіе сокращенія заказовъ со стороны желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ къ производству другихъ издѣлій огромное большинство предпріятій оказалось въ техническомъ отношеніи совершенно неприспособленнымъ. Вотъ что по данному поводу читаемъ мы, между прочимъ, въ послѣднемъ отчетѣ правленія путиловскаго завода: „Число заводовъ увеличивается, а правительственныя смѣты сокращаются. Между тѣмъ, новые заводы приспособляются большею частью именно на тѣ издѣлія, которыя и безъ того легко могли быть исполнены на старыхъ заводахъ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было пять паровозныхъ заводовъ, а теперь восемь, изъ которыхъ одинъ не выпустилъ еще ни одного паровоза, а уже заручился заказомъ правительства на четыре года впередъ; вагонныхъ заводовъ было восемь, а теперь вдвое болѣе; заказовъ же врядъ ли поступитъ болѣе, чѣмъ на половину полной ихъ производительности. Акціонерамъ, конечно, извѣстно, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ привелъ подобный недостатокъ въ работѣ" („Бирж. Вѣд.", отъ 18 ноября 1899 г.).

Напомнимъ, что попытки форсированнаго насажденія и развитія металлургической промышленности дѣлались у насъ не разъ, и всегда онѣ терпѣли фіаско въ видѣ прекращенія существованія искусственно вызванныхъ къ жизни предпріятій. Такъ, совершенно аналогичный кризисъ эта промышленность испытывала въ началѣ 80-хъ годовъ. Довольно безпристрастную характеристику его мы находимъ въ оффиціальномъ изданіи, предпринятомъ по поводу бывшей въ Москвѣ въ

1882 г. всероссійской промышленно-художественной выставки. „Описанное нами, говорится въ этомъ изданіи, возникновеніе крупныхъ механическихъ заводовъ въ С.-Петербургѣ показываетъ, что *почти всѣ они были созданы исключительно заказами казны, и только этими заказами они поддерживаютъ свое существованіе*“... „Но,—читаемъ мы далѣе,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное, вполнѣ зависимое положеніе заводовъ является въ высшей степени ненормальнымъ, тѣмъ болѣе, что заказы казны не могутъ быть постоянны или, по крайней мѣрѣ, не могутъ быть предоставляемы ежегодно въ такомъ размѣрѣ, чтобы въ состояніи были надлежащимъ образомъ питать каждый заводъ. Результатомъ такого положенія является *дороговизна производимыхъ заводами работъ*, а иногда даже, какъ это было указано, и *совершенная несостоятельность владѣльцевъ*, доводящая ихъ до полнаго разоренія“. Однимъ словомъ, была та же картина, какую мы наблюдаемъ теперь („Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи“. Томъ II. Спб. 1886 г. „Состояніе машиностроительной промышленности“, стр. 27—28).

Почти черезъ двадцать лѣтъ мы вновь присутствуемъ при ликвидаціи промышленнаго оживленія, созданнаго съ немалыми жертвами для населенія. Уроки прошлаго какъ бы оказались совершенно для насъ безполезными. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи явилась бы весьма поучительной даже исторія отдѣльныхъ предпріятій. Такъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, для выполненія казеннаго заказа по заготовкѣ рельсовъ въ 4 милл. пудовъ, образовалось акціонерное общество путиловскихъ заводовъ. Но когда казенные заказы истощились предпріятіе захирѣло, и акціи его упали чуть ли не до 50 р., при нарицательной цѣнѣ въ 125 р. золотомъ. Вмѣстѣ съ наступленіемъ промышленнаго оживленія, воспрянулъ и путиловскій заводъ, акціи котораго вновь повысились до 175 р., чтобы опять упасть до 90 р. Къ тому же времени относится возникновеніе завода Бенардаки въ Сормовѣ близъ Нижняго. Заводъ и вовсе прекратилъ свое существованіе. Но, съ наступленіемъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, благопріятной „конъюнктюры“, дѣльцы вспомнили про этотъ заводъ, и на его пепелищѣ народилось акціонерное общество сормовскихъ заводовъ. Въ 1891 г., акціи его повысились до 400 р., а теперь они стоятъ около 70 р. Всѣ подобныя предпріятія несомнѣнно обречены на гибель до новаго „промышленнаго оживленія“.

VI.

Наконецъ, необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія фабрично-заводской промышленности является наличность возможно широкаго

рынка для сбыта ея продуктовъ. Но само собою разумѣется, что для промышленности, продукты которой даже на ближайшихъ отечественныхъ рынкахъ находятъ себѣ помѣщенія, только благодаря устраненію иностранной конкурренціи, болѣе отдаленные иностранные рынки могутъ имѣть самое ничтожное значеніе. Другими словами, здѣсь устанавливается самая тѣсная связь между развитіемъ фабрично-заводскаго производства и размѣрами спроса, который предъявляется населеніемъ страны на ея продукты. Покровительственная же политика, обрекая населеніе на тяжелыя матеріальныя жертвы, естественно ослабляетъ этотъ спросъ и можетъ, въ связи съ другими условіями, неблагопріятными для экономическаго преуспѣянія населенія, довести его до минимума, при которомъ дальнѣйшее поступательное движеніе въ развитіи различныхъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности находитъ себѣ непреодолимую преграду. Между тѣмъ, есть полное основаніе думать, что нашъ рынокъ именно находится въ такомъ удрученномъ состояніи. Дѣйствительно, мы видимъ, что съ конца 80-хъ годовъ наша финансово-экономическая политика подвергаетъ платежныя силы населенія весьма рискованному испытанію. Въ этомъ отношеніи усиленіе покровительственной политики совпало съ повышеніемъ почти всѣхъ старыхъ налоговъ и установленіемъ цѣлаго ряда новыхъ.

Что касается въ частности покровительственной политики, то наличности тяжелыхъ жертвъ для населенія, которыя ею вызываются, никто теперь не отрицаетъ. Открывая одно изъ совѣщаній, г. министръ финансовъ по этому поводу замѣтилъ, что „покровительственная система ложится тяжестью почти на всѣ классы населенія. Русскому человѣку обходится дороже все, огражденное пошлиной. Это главный укоръ противъ протекціонизма и укоръ вполнѣ справедливый. Но именно потому и надо стремиться возможно скорѣе пройти періодъ этой школьной выучки и быстрѣе придвинуться къ цѣли“ („Торг.-Промыш. Газета“, отъ 2 марта 1899 г. Отчетъ о хлѣбномъ совѣщаніи). Въ основу такой программы положена была увѣренность, что населеніе въ состояніи будетъ благополучно перенести требуемую предварительную „школьную выучку“. Практика, однако, говоритъ обратное.

О самыхъ размѣрахъ жертвъ, на которыя обрекаетъ населеніе покровительственная политика, трудно получить даже приблизительное представленіе. Въ данномъ случаѣ весьма поучителенъ разсчетъ, сдѣланный г. Ланговымъ для хлопчато-бумажной промышленности.

„Бумажныя ткани,—говоритъ г. Ланговой,—обложены въ Россіи весьма высокими ставками. Сто килограммовъ русскаго набивного товара въ среднемъ можетъ быть оцѣнено въ 210 р., тогда какъ изъ-за границы

этотъ товаръ могъ бы быть, при безпошлинномъ ввозѣ, доставленъ по цѣнѣ, примѣрно, около 150 р. Иначе говоря, въ настоящее время потребитель русскихъ ситцевъ переплачиваетъ на сто килограммовъ товара около 60 р., а при общемъ потребленіи въ Россіи 205 тыс. тоннъ бумажныхъ тканей вся *переплата составляетъ весьма значительную сумму—около 123 милл. рублей*". Но затѣмъ г. Ланговой пытается доказать, что для русскаго населенія выгоднѣе покупать отечественные ситцы и платить за нихъ дороже. Для этого г. Ланговой вычитаетъ изъ переплатъ населенія 35 милл. р., получаемыхъ отечественными хлопководами, 123 милл. р., затрачиваемыхъ хлопчатобумажными фабриками на производство товара (заработная плата, топливо, налоги и т. д.), и 30 милл. р. таможенныхъ пошлинъ, уплачиваемыхъ въ пользу фиска при ввозѣ иностраннаго хлопка („Общіе итоги промышленности", стр. 239—240). Въ концѣ же концовъ оказывается, что, путемъ переплатъ, русское населеніе при покупкѣ хлопчатобумажныхъ тканей еще экономитъ ежегодно до 60 милл. руб. Но, чтобы принять этотъ выводъ, нужно предположить, что, за отсутствіемъ спроса на хлопокъ, отечественные хлопководы сидѣли бы сложа руки, а не обратились бы къ производству какого-либо другого товара. Точно также нужно предположить, что остались бы безъ всякаго примѣненія трудъ рабочихъ, занятыхъ теперь на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, потребляемое ими топливо и т. д. Такъ какъ, однако, подобныя предположенія представляютъ собою очевидную нелѣпость, то однородный характеръ носитъ и поправка, изобрѣтенная г. Ланговымъ ad majorem gloriam протекціонной системы. Въ ней справедливо только указаніе на 30 милл. р., уплачиваемыхъ въ пользу фиска.

Но, обрекая населеніе на крупныя переплаты въ качествѣ потребителя, покровительственная политика крайне неблагопріятно отражается и на техническихъ успѣхахъ тѣхъ отраслей производства, на которыя эта политика, въ силу условій сбыта ихъ продуктовъ, не можетъ быть распространена. Къ числу такихъ отраслей промышленности принадлежитъ прежде всего земледѣліе, являющееся до сихъ поръ источникомъ благосостоянія для огромнаго большинства населенія нашего отечества. „Мыслимо ли—спрашиваетъ „Импер. Вольн. Экон. Общество",—русскому земледѣльцу догнать кого бы то ни было, когда искусственная дороговизна самыхъ орудій догонки вынуждаетъ его, все еще въ печальномъ большинствѣ, пахать землю допотопной сохой, боронить суковатымъ деревомъ (смыковкой), собирать зерно руками, очищать вѣтрами, перемалывать если не въ домашней ступѣ или кадушкѣ, то на вѣтрякѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, и, наконецъ, даже тщательно объѣзжать шоссированную до-

рогу, по которой на некованной лошади и въ розвальняхъ безъ подрѣзовъ нельзя ему ѣхать зимою, не рискуя и собой, и лошаденкой" („Ходатайство Импер. Вольн. Экон. Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ". Спб., 1890 г.). Затѣмъ, высокая стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ, обусловливаемая примѣненіемъ покровительственной политики, влечетъ за собою высокіе тарифы на перевозку грузовъ. Та же покровительственная политика тормазитъ развитіе судоходства, сооруженіе подъѣздныхъ путей, улучшеніе портовъ, постройку элеваторовъ и т. п. Въ результатѣ земледѣлецъ оказывается въ непріятномъ положеніи свѣчки, которую усердно жгутъ съ двухъ концовъ. Затраты его при покупкѣ продуктовъ другихъ отраслей промышленности искусственно повышаются, а выручка отъ продажи собственныхъ продуктовъ искусственно же понижается.

Не удивительно, что прежде, чѣмъ „школьная выучка" благополучно закончилась, преуспѣвающая подъ защитой покровительственной системы фабрично-заводская промышленность начала съ тревогой замѣчать исчезновеніе потребителя. Въ такомъ именно положеніи очутилась теперь наша хлопчатобумажная промышленность, которой приходится имѣть дѣло не съ казной или съ казенными желѣзными дорогами, а непосредственно съ населеніемъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ представители ея поняли и обоюдоострое значеніе самаго таможеннаго покровительства. Съ весьма характернымъ заявленіемъ по этому поводу выступилъ на страницахъ „Промышленнаго Міра" одинъ „видный фабрикантъ" московскаго района, рекомендуемый газетою въ качествѣ предпринимателя, давно ведущаго „дѣло устойчивое и на широкую ногу, безъ помощи кредита". По словамъ его, „представители хлопчато-бумажной промышленности, при всей ихъ суевѣрной привязанности къ китайской стѣнѣ таможенныхъ ставокъ, начинаютъ уже отрезвляться отъ опьяняющаго яда запретительнаго протекціонизма. Пошлины, на-ряду со многими другими условіями, уже обсосали обывателя такъ, что приходится вспоминать басню о курицѣ, несущей золотыя яйца. Предъ хлопчатобумажниками эта обсосанность обывателя теперь предстала во всей своей поучительной наглядности. *Были временные и весьма крупные барыши, а теперь наступили другіе годы.* Обыватель говоритъ, что ему не въ моготу стало—и что сосать изъ него уже нечего". Въ концѣ-концовъ, „видный фабрикантъ" приходитъ къ тому справедливому заключенію, что „еслибы все шло нормально, безъ форсированной игры таможенными пошлинами, то обыватель предъявлялъ бы небойкій, но устойчивый и равномѣрный спросъ на товары, а теперь онъ покупать не можетъ ничего другого, кромѣ того, что требуется безусловно необходимыми жизненными потребностями. Безъ обывательскаго же спроса любая команда интере-

сами торговли промышленности ничего подѣлать не можетъ" („Промышленный Міръ", 1900 г. № 46: „Исповѣдь наболѣвшаго сердца").

VII.

Вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживаетъ вниманія, что для возможнаго сокращенія періода „школьной выучки" въ области насажденія фабрично-заводской промышленности у насъ почти ничего не дѣлается. Въ данномъ случаѣ все содѣйствіе ограничивается такими немудрыми мѣрами, какъ установленіе высокихъ таможенныхъ пошлинъ или раздача щедрою рукою казенныхъ заказовъ. Эта политика позволяетъ „безъ драки—попасть въ большіе забіяки" и создаетъ внѣшнюю картину проявленія чрезвычайно энергичной заботливости о нуждахъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности, тогда какъ въ дѣйствительности цѣлая масса вопросовъ, связанныхъ съ такимъ удовлетвореніемъ такихъ нуждъ десятки лѣтъ тщетно ждетъ своего разрѣшенія.

Напомнимъ, что только въ самое послѣднее время у насъ нѣсколько подвинулось дѣло подготовки для фабрикъ и заводовъ образованныхъ техниковъ. Но та истина, что для промышленныхъ успѣховъ одинаково нужны какъ образованные техники, такъ и образованные рабочіе, до сихъ поръ нами совершенно игнорируется. Въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ представляетъ собою Германія. Нѣкогда, по поводу ея военныхъ успѣховъ, сложилось извѣстное изреченіе о школьномъ учителѣ, побѣдившемъ при Садовой. Теперь такое изреченіе съ одинаковымъ правомъ можетъ быть примѣнено къ промышленнымъ успѣхамъ Германіи, выражающимся въ быстромъ завоеваніи ею иностранныхъ рынковъ. „Ни одно государство,—читаемъ мы въ одномъ изъ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу,—чтобы не потерять своего мѣста на международномъ рынкѣ, не можетъ оставаться позади своихъ конкуррентовъ, и потому обязано силою вещей расширять свое машинное производство, годъ отъ году болѣе сложное. Между тѣмъ, работа съ механизмами *требуетъ образованнаго и развитого рабочаго*, не говоря о свѣдущемъ механикѣ, и годъ отъ году этотъ уровень требованій ростетъ вмѣстѣ съ успѣхами техники и развитіемъ самой промышленности". Въ томъ же изслѣдованіи приведено характерное мнѣніе американскаго министра народнаго просвѣщенія, Гарриса, не безъ основанія утверждающаго, что „главная причина той крайней заботливости, съ которой Англія, Франція и Германія въ настоящее время соперничаютъ въ тратахъ и хлопотахъ о расширеніи своего народнаго образованія, наиболѣе

всего заключается въ желаніи этимъ способомъ удержать за собою міровые рынки, для чего безусловно необходимо черезъ посредство школы развивать умственныя способности народа" („Экономическая оцѣнка народнаго образованія". Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова и Е. Н. Янжулъ. Спб., 1896 г.).

Въ такомъ же положеніи у насъ находится пользованіе такимъ средствомъ международнаго промышленнаго соперничества, какимъ справедливо признается теперь распространеніе въ населеніи начальнаго образованія. Оказывается, что число грамотныхъ среди взрослыхъ составляетъ въ Германіи и Скандинавіи 98 проц., въ Швейцаріи—95 проц., въ Великобританіи—90 проц., въ С.-Амер. Соединенныхъ-Штатахъ—92 проц. и въ *Россіи—16 проц.*! Не удивительно, что самый дешевый трудъ русскаго рабочаго является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ дорогимъ, вслѣдствіе его малой производительности. Тамъ, гдѣ въ Великобританіи легко справляется одинъ рабочій, у насъ нужно три и болѣе. Изъ своей практики по должности фабричнаго инспектора проф. Янжулъ разсказываетъ далѣе, что „одной крупной бумагопрядильней въ московскомъ уѣздѣ завѣдывалъ долго бывшій дворникъ, другою—бывшій мелочной лавочникъ"... Наконецъ, даже „между владѣльцами фабрикъ встрѣчались прямо лица, которыя не могли подписать свое имя подъ оффиціальнымъ документомъ, и требовалась для того посторонняя помощь"... (ibid., стр. 21). Главное, однако, то, что наша экономическая политика, повторяемъ, не только не прониклась признаніемъ за распространеніемъ въ населеніи образованія фактора первѣйшей важности для успѣшнаго развитія фабрично-заводской промышленности, а скорѣе даже наоборотъ. Такъ, на увеличивающіеся расходы земства, на нужды первоначальнаго образованія, вѣдомство, ближайшимъ образомъ заинтересованное въ промышленныхъ успѣхахъ, взглянуло чуть ли не какъ на покушеніе подорвать платежную способность населенія.

Съ другой стороны, въ крайне печальномъ состояніи находится у насъ и законодательство, регулирующее различныя стороны торгово-промышленной жизни. Ей, напримѣръ, до сихъ поръ приходится имѣть дѣло съ акціонерными уставами, изданными еще въ 30-хъ годахъ. О прежней устарѣлости этого устава и необходимости радикальнаго его пересмотра періодически повторяется въ разныхъ оффиціальныхъ актахъ, тѣмъ не менѣе—„возъ стоитъ и нынѣ тамъ"... Аналогичную судьбу испытываетъ и биржевое законодательство. Затѣмъ вопросъ объ устраненіи стѣсненій при устройствѣ промышленныхъ заведеній безконечно передается изъ одной коммиссіи въ другую, но безъ всякихъ результатовъ. Поэтому, учрежденіе у насъ какого-либо акціонернаго общества или даже самаго скромнаго предпріятія обставлено безко-

нечными мытарствами и крупными накладными расходами. На почвѣ этихъ затрудненій у насъ появились даже разные псевдо-бельгійцы въ видѣ отечественныхъ предпринимателей, предпочитающихъ отправляться для утвержденія уставовъ учреждаемыхъ ими акціонерныхъ обществъ въ Брюссель. Но освобожденіе предпріимчивости отъ всѣхъ такихъ тормазовъ представляется дѣломъ нѣсколько болѣе сложнымъ, чѣмъ повышеніе до любого размѣра таможенныхъ ставокъ. Отсюда и кажущееся противорѣчіе, выражающееся въ энергичномъ „покровительствѣ" развитію фабрично-заводской промышленности и сохраненіи въ полной неприкосновенности многочисленныхъ тормазовъ такого развитія.

Такова, въ общемъ, совокупность тѣхъ причинъ, въ результатѣ которыхъ, вмѣсто обѣщанныхъ земныхъ благъ, покровительственная система, послѣ кратковременнаго промышленнаго оживленія, повлекла за собою рѣзкую ликвидацію его въ видѣ продолжающагося до настоящаго времени промышленно-биржевого кризиса. Напрасно въ данномъ случаѣ защитники этой политики ссылаются на разныя „независящія обстоятельства",—то на денежное стѣсненіе, то на политическія осложненія,—какъ на виновника кризиса. То и другое могло только обострить кризисъ. Вѣдь въ странахъ западной Европы, промышленность которыхъ находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ рынками всего міра, послѣдствія подобнаго рода неблагопріятныхъ условій должны были бы ощущаться въ еще болѣе острой формѣ,—на самомъ дѣлѣ, однако, этого не наблюдается. „Денежное стѣсненіе" у насъ представляетъ собою скорѣе продуктъ кризиса, чѣмъ его причину. Въ основѣ такого стѣсненія и лежитъ главнымъ образомъ недовѣріе къ прочности предпріятій, искусственно созданныхъ при помощи покровительственной системы. Въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ послѣдняго времени не разъ отмѣчалось, что кассы и нашего государственнаго банковъ, и кассы частныхъ кредитныхъ учрежденій, обладаютъ достаточною наличностью, а зато число благонадежныхъ кліентовъ ихъ въ дѣйствительности посократилось.

Вл. Бирюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1901.

Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.—Правительственное сообщеніе о мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. — Гласность уголовнаго процесса по проекту новаго устава уголовнаго судопроизводства.—Огражденіе общественнаго порядка и достоинства государственной власти, какъ мотивы къ закрытію дверей засѣданія.—Дискреціонная власть высшей судебной администраціи.—Оглашеніе процессовъ въ печати. — Ограниченія устности процесса. — Разныя мнѣнія о земскихъ начальникахъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", а вслѣдъ затѣмъ и въ другихъ газетахъ, было сообщено прискорбное извѣстіе о томъ, что въ среду, 14-го февраля, во второмъ часу дня, въ пріемной комнатѣ министра народнаго просвѣщенія, въ зданіи министерства, во время обхода тайнымъ совѣтникомъ Боголѣповымъ просителей, одинъ изъ нихъ, гомельскій мѣщанинъ Петръ Карповичъ, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ министру рану въ шею. Консультація врачей признала, что пораненіе тяжкое, но что есть полная надежда на благопріятный исходъ, если не наступятъ какія-либо непредвидѣнныя осложненія. Предварительное слѣдствіе по дѣлу покушенія 14-го февраля на жизнь министра народнаго просвѣщенія производится судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Кузминымъ подъ личнымъ наблюденіемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты. Изъ имѣющихся объ обвиняемомъ въ этомъ покушеніи свѣдѣній усматривается, что онъ— бывшій студентъ естественнаго факультета московскаго университета, откуда въ 1896 г. былъ исключенъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ; въ 1898 г., Карповичу разрѣшено было поступить на медицинскій факультетъ юрьевскаго университета, откуда онъ также, весною 1899 г., исключенъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Въ минувшемъ году Карповичъ слушалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ. Обвиняемый Карповичъ заключенъ подъ стражу въ домъ предварительнаго заключенія.

Въ концѣ января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось подробное оффиціальное сообщеніе о ходѣ продовольственнаго дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи (губерніи: бессарабская, херсонская, таврическая, подольская, отчасти кіевская) и Сибири (губерніи: томская и тобольская; области: акмолинская, семипалатинская и забайкальская), которыя въ 1900-мъ году пострадали отъ неурожая. Сумма, необходимая для продовольственной помощи населенію, опредѣлена въ $5^1/_2$ милліоновъ рублей. Она признается достаточной для выполненія тѣхъ „сравнительно узкихъ задачъ, которыя, по закону, являются цѣлью правительственныхъ мѣропріятій по продовольственной части“ и обнимаютъ собою „предупрежденіе развитія эпидемическихъ заболѣваній и обезпеченіе населенія запасомъ зерна для предстоящаго ярового посѣва“. Этимъ, конечно, не могутъ быть предотвращены всѣ тяжкія послѣдствія неурожая, не только косвенныя (напр. паденіе цѣнъ на рабочія руки, уменьшеніе площади крестьянскихъ арендъ), но и прямыя, т.-е. разореніе отдѣльныхъ, наиболѣе слабыхъ крестьянскихъ хозяйствъ. „Представлялось бы, поэтому, неосторожнымъ,— читаемъ мы въ сообщеніи,—отрицать цѣлесообразность привлеченія къ дѣлу продовольственной помощи частной благотворительности со стороны лицъ, способныхъ отнестись съ участіемъ къ нуждамъ пострадавшаго сельскаго населенія. Напротивъ, надо полагать, что въ случаѣ направленія такихъ частныхъ пожертвованій въ мѣстныя учрежденія общества Краснаго Креста, въ организованныя губернаторами на мѣстахъ попечительства или въ распоряженіе завѣдывающихъ продовольственнымъ дѣломъ учрежденій, пожертвованія эти будутъ столь же умѣстны, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ общественной жизни, открывающихъ почву для примѣненія частной благотворительности“. Такое сочувственное отношеніе къ частной помощи, почти равносильное прямому обращенію къ ней, составляетъ безспорную заслугу министерства внутреннихъ дѣлъ — заслугу тѣмъ болѣе цѣнную, чѣмъ полнѣе знаменуемый ею разрывъ съ недавними административными традиціями. И въ 1891—92, и въ 1897—98 гг., цѣлесообразность частныхъ усилій въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая была признана поздно и неохотно—столь же поздно и неохотно, какъ и самый фактъ вопіющей народной нужды. Теперь министерство идетъ на встрѣчу частной иниціативѣ и не старается умалить значеніе бѣдствія... Мы, конечно, не ошибемся, если скажемъ, что сдѣланный въ сообщеніи перечень учрежденій, черезъ посредство которыхъ можетъ быть оказана частная помощь голодающимъ, не имѣетъ исчерпывающаго характера. Опытъ прежнихъ неурожайныхъ годовъ показалъ съ полною ясностью, что всего больше пользы приносятъ небольшія, свободныя организаціи, берущія на себя заботу о той или другой

группѣ деревень и привлекающія къ себѣ, иногда въ весьма крупныхъ размѣрахъ, и личныя, и матеріальныя силы. Для такихъ организацій всегда находилось мѣсто рядомъ съ отдѣленіями Краснаго Креста, съ устроенными земствомъ или администраціей попечительствами. Нужно надѣяться, что то же самое мы увидимъ и въ продолженіе нынѣшней продовольственной кампаніи.

„Завѣдывающими продовольственнымъ дѣломъ учрежденіями", о которыхъ идетъ рѣчь въ правительственномъ сообщеніи, являются въ земскихъ губерніяхъ, несмотря на „временныя" правила 12-го іюня 1900-го года, земскія управы. Веденіе продовольственнаго дѣла оставлено за ними, какъ видно изъ сообщенія, потому что оно было начато ими еще до введенія въ дѣйствіе вышеупомянутыхъ правилъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что продовольственная часть была поставлена земствомъ ужъ не такъ дурно, какъ утверждали и утверждаютъ противники самоуправленія? Если уполномоченный очень плохъ, то его стараются устранить тѣмъ скорѣе, чѣмъ труднѣе обстоятельства, при которыхъ ему приходится дѣйствовать. При существующей у насъ административной практикѣ, ничто не мѣшало изъять продовольственное дѣло изъ рукъ земства, въ неурожайныхъ губерніяхъ, даже раньше срока, назначеннаго для осуществленія новыхъ порядковъ. Этого не было сдѣлано: наоборотъ, работа оставлена въ рукахъ земства и послѣ срока. За нею наблюдаютъ губернаторы, въ ней участвуютъ земскіе начальники—но въ такомъ наблюденіи, такомъ участіи нѣтъ ничего новаго: и то, и другое существовало и до изданія правилъ 1900-го года. Что продовольственная нужда, со всѣми ея усложненіями, меньше всего можетъ быть поставлена въ вину земству—это видно и изъ того, что въ не-земскихъ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, также оказываются необходимыми чрезвычайныя мѣропріятія. Если въ губерніяхъ подольской и кіевской для продовольственной помощи достаточны, покамѣстъ, мѣстныя средства, то это объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ юго-западный край почти вовсе не страдалъ отъ неурожаевъ, такъ давно и такъ упорно преслѣдующихъ центръ, востокъ, а въ послѣдніе годы—и югъ Россіи.

Смягчить ударъ, нанесенный земству „временными" правилами 12-го іюня 1900-го года—такова, повидимому, цѣль циркуляра, съ которымъ министерство внутреннихъ дѣлъ недавно обратилось къ губернаторамъ. Новыя правила, по словамъ циркуляра, направлены въ существѣ своемъ „къ упорядоченію дѣла собиранія и храненія мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, принадлежащихъ сельскимъ обывателямъ, и въ виду такой своей главной цѣли возлагаютъ завѣдываніе сельскою продовольственною частью на мѣстныя крестьян-

скія учрежденія. На обязанность земскихъ учрежденій, независимо отъ участія предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ въ составѣ губернскихъ присутствій и уѣздныхъ съѣздовъ, дѣйствующее законодательство по прежнему возлагаетъ принятіе мѣръ къ подъему и улучшенію экономическаго благосостоянія мѣстныхъ жителей и къ обезпеченію мѣстнаго народнаго продовольствія тѣми способами и средствами, которые предоставлены земству Положеніемъ 12-го іюня 1890 года. Такимъ образомъ, въ сферу компетенціи земскихъ учрежденій съ введеніемъ закона 12-го іюня 1900 г., входятъ, между прочимъ, слѣдующія касающіяся обезпеченія народнаго продовольствія обязанности: 1) организація сельско-хозяйственной статистики и въ частности такъ называемой статистики текущихъ урожаевъ, равно какъ размѣровъ посѣвной площади, потребленія и отпуска хлѣба мѣстнымъ населеніемъ; 2) изученіе причинъ періодическихъ неурожаевъ хлѣба, находящихся въ зависимости отъ почвенныхъ и климатическихъ условій и степени сельско-хозяйственной культуры; 3) организація сельско-хозяйственнаго мелкаго кредита для снабженія крестьянъ улучшеннымъ инвентаремъ—орудіями, скотомъ и сѣменами; устраненіе препятствій къ сбыту по выгодной цѣнѣ сельскихъ произведеній и открытіе кредита подъ хлѣбъ, для удержанія крестьянъ отъ поспѣшной продажи его; 4) принятіе мѣръ къ предупрежденію бѣдствій отъ неурожая и къ облегченію перенесенія таковыхъ сельскимъ населеніемъ; сюда относятся распространеніе въ средѣ населенія сельско-хозяйственныхъ знаній и низшаго техническаго образованія; мѣры къ введенію различныхъ меліорацій, насажденію спеціальныхъ культуръ, развитію садоводства и огородничества и къ распространенію и поддержкѣ кустарныхъ и иныхъ подсобныхъ для земледѣлія промысловъ; заботы объ охраненіи полей и луговъ отъ порчи и истребленія вредными насѣкомыми и животными; мѣры къ предупрежденію падежей скота вообще и въ частности отъ безкормицы въ неурожайные годы (заготовленіе кормовыхъ средствъ, устройство общихъ кормовыхъ загоновъ и т. п.); 5) образованіе установленнымъ для земскихъ учрежденій порядкомъ и сообразно платежнымъ силамъ мѣстныхъ жителей земскихъ общесословныхъ капиталовъ для увеличенія мѣстныхъ средствъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, учрежденіе благотворительныхъ съ тою же цѣлью попечительствъ, обществъ, столовыхъ, пріютовъ, устройство общественныхъ работъ, а также продажа населенію хлѣба по заготовительной цѣнѣ, съ организаціей для этой цѣли постоянныхъ центральныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, и 6) исполненіе, въ годы неурожайнаго бѣдствія, разнаго рода порученій мѣстныхъ властей по участію въ продовольственной кампаніи и обсужденіе вопросовъ продовольственнаго дѣла въ той мѣрѣ,

въ какой при подобныхъ обстоятельствахъ земства будутъ призываемы высшимъ правительствомъ.

Существенное значеніе всѣхъ вышеупомянутыхъ задачъ и обязанностей земскихъ учрежденій возлагаетъ, такимъ образомъ, на эти учрежденія отвѣтственность за своевременное принятіе цѣлесообразныхъ мѣръ къ подъему экономическаго благосостоянія мѣстнаго населенія и къ предупрежденію тяжелыхъ послѣдствій неурожайныхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе, что временныя правила 12-го іюня 1900 г. имѣютъ своею ближайшею цѣлью только удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей сельскаго населенія—предупрежденіе проявленія голода, со всѣми его ужасными послѣдствіями, путемъ выдачи въ ссуду хлѣба и обезпеченіе возможности обсѣмененія полей".

Въ этомъ существенно важномъ циркулярѣ не вполнѣ точно, какъ намъ кажется, опредѣлена самая сущность временныхъ правилъ 1900-го года. Еслибы они имѣли въ виду только „упорядоченіе дѣла собиранія и храненія мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ",—съ ними сравнительно легко было бы примириться: не облеченное принудительною властью, земство было безсильно достигнуть пополненія хлѣбныхъ запасовъ—а между тѣмъ несло отвѣтственность за ихъ исправность. Къ сожалѣнію, временныя правила не ограничились освобожденіемъ земства отъ тяжкой и невыполнимой для него обязанности: они лишили его права установлять степень нужды населенія и распредѣлять продовольственныя ссуды. Чрезвычайно характерны, съ этой точки зрѣнія, слова циркуляра, относящія къ обязанностямъ земства обсужденіе вопросовъ продовольственнаго дѣла въ той мѣрѣ, въ какой земства будутъ призываемы къ тому высшимъ правительствомъ. Въ томъ-то и бѣда, что одна изъ самыхъ важныхъ земско-хозяйственныхъ функцій, прежде принадлежавшая земству по праву, теперь поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, которая можетъ призвать, но можетъ и не призвать земство къ ея исполненію. Что касается до остальныхъ дорогъ, открытыхъ для земства, какъ напоминаетъ ему циркуляръ, въ области продовольственнаго дѣла, то для движенія впередъ по этимъ дорогамъ на каждомъ шагу нужны средства, добываніе которыхъ до крайности затруднено *фиксаціей* земскихъ смѣтъ...

Говоря, до сихъ поръ, о работахъ коммиссіи, пересматривавшей постановленія по судебной части, мы не разъ возражали противъ проектируемыхъ ею перемѣнъ; теперь намъ приходится коснуться вопроса, по которому коммиссія оказалась, наоборотъ, слишкомъ консервативной. Правда, предметомъ этого нежелательнаго, полагаемъ, консерватизма служитъ не первоначальный текстъ судебныхъ уставовъ, а одно изъ

тѣхъ прибавленій, которыя соединены съ нимъ исключительно внѣшнею связью. Мы имѣемъ въ виду *гласность* уголовнаго процесса. Признавая ее,—и совершенно справедливо,—однимъ изъ главныхъ устоевъ нормально организованнаго суда, составители судебныхъ уставовъ обставили ее лишь самыми необходимыми ограниченіями: они точно опредѣлили кругъ дѣлъ, по которымъ *могутъ* быть закрыты двери засѣданія, и уполномочили на совершеніе этого дѣйствія *только* судъ, разсматривающій дѣло. Законъ 12-го февраля 1887 года пошелъ другой дорогой, прямо противоположной: онъ не только значительно расширилъ область дѣлъ, допускающихъ негласное разбирательство, но призналъ такое разбирательство, во многихъ случаяхъ, безусловно обязательнымъ, присоединилъ къ числу причинъ, устраняющихъ гласность, обстоятельства, не зависящія отъ свойства дѣла, и предоставилъ закрытіе дверей засѣданія какъ суду, такъ и министру юстиціи. Третій отдѣлъ коммиссіи, на обязанности котораго лежалъ пересмотръ устава уголовнаго судопроизводства, намѣтилъ, въ постановленіяхъ о гласности, цѣлый рядъ перемѣнъ, смягчавшихъ, отчасти, законъ 1887 года [1]). Предположено было, во-первыхъ, вовсе исключить изъ устава перечень дѣлъ, обязательно подлежащихъ слушанію при закрытыхъ дверяхъ; онъ найденъ былъ излишнимъ потому, что всѣ упоминаемые въ немъ преступленія и проступки охватываются общимъ терминомъ дѣяній, публичное разсмотрѣніе которыхъ оскорбляло бы религіозное чувство или нарушало бы требованія нравственности. Единственною, кромѣ соображеній религіи и нравственности, причиною закрытія дверей засѣданія по распоряженію самого суда признана была, во-вторыхъ, необходимость охраненія общественнаго порядка (меньшинство, по этому вопросу, распалось на двѣ части: три члена высказались за сохраненіе закона 1887-го года, одинъ членъ—противъ закрытія дверей засѣданія въ видахъ охраненія общественнаго порядка). Министру юстиціи, въ-третьихъ, большинство членовъ отдѣла полагало предоставить право устранять гласное разбирательство въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда этого требуютъ общіе государственные интересы или охрана достоинства государственной власти (меньшинство—пять членовъ—находило, что право закрывать двери засѣданія должно принадлежать *только* суду). Иначе взглянуло на дѣло общее собраніе коммиссіи: въ проектъ новаго устава уголовнаго судопроизводства оно внесло всѣ ограниченія гласности, созданныя закономъ 1887 года. Разногласіе между членами коммиссіи произошло лишь по двумъ вопросамъ: меньшинство (восемь членовъ, въ томъ числѣ И. П.

[1]) Взглядъ большинства третьяго отдѣла отразился въ особомъ мнѣніи Н. С. Таганцева, приложенномъ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства.

Закревскій, А. Ф. Кони, В. К. Случевскій, В. Д. Спасовичъ, Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкій) находило, что право закрывать двери засѣданія въ видахъ огражденія достоинства государственной власти должно принадлежать только министру юстиціи и что нѣтъ надобности перечислять дѣла, обязательно подлежащія слушанію при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ отъ суда (и министра юстиціи) всегда зависитъ устранить гласность разбирательства, когда она можетъ оскорбить религіозное чувство или нарушить требованія нравственности. И по тому, и по другому вопросу, мы вполнѣ согласны съ меньшинствомъ— но еслибы мнѣніе его и было принято, существенной перемѣны къ лучшему отъ этого бы не произошло. На практикѣ иниціатива закрытія дверей засѣданія въ видахъ огражденія достоинства государственной власти и теперь, въ большинствѣ случаевъ, исходитъ не отъ суда, а отъ министра юстиціи; ограниченіе, въ этомъ отношеніи, власти суда едва ли сократило бы сколько-нибудь замѣтно число дѣлъ, разбираемыхъ негласно [1]). Нѣсколько больше это число уменьшилось бы, вѣроятно, отъ уничтоженія перечня дѣлъ, обязательно требующихъ разбора при закрытыхъ дверяхъ; но результаты послѣдней мѣры легко могли бы быть парализованы болѣе частымъ примѣненіемъ дискреціонной власти суда и въ особенности министра юстиціи.

Съ точки зрѣнія составителей судебныхъ уставовъ, закрытіе дверей засѣданія (при общемъ порядкѣ судопроизводства) представлялось цѣлесообразнымъ лишь тогда, когда гласный разборъ дѣла могъ бы оскорбить религіозное или нравственное чувство. Законъ 12 февраля 1887 года допустилъ, сверхъ того, устраненіе гласности въ видахъ *огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка и обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій*.

Разбирая, въ свое время [2]), это новое правило, мы старались показать, что оно не вызывается необходимостью и не соотвѣтствуетъ духу судебныхъ уставовъ. Четырнадцатилѣтній опытъ не поколебалъ нашего убѣжденія. Нельзя опредѣлить заранѣе, угрожаетъ ли гласный разборъ дѣла общественному порядку, совмѣстимъ ли онъ съ правильнымъ ходомъ судебныхъ дѣйствій. Какъ бы ни былъ напряженъ интересъ, вызываемый даннымъ дѣломъ въ мѣстномъ обществѣ, какъ бы сильны ни были возбуждаемыя имъ страсти, разбирательство его можетъ пройти совершенно спокойно, благодаря уваженію, которымъ пользуется судъ, благодаря авторитету и достоин-

---

[1]) Не слѣдуетъ, притомъ, упускать изъ виду, что распространительное толкованіе постановленій о закрытіи дверей засѣданія, если оно допущено судомъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ отмѣну рѣшенія сенатомъ и обращеніе дѣла къ новому производству—а распоряженія министра юстиціи обжалованію и отмѣнѣ не подлежатъ. См. Внутр. Обозр. въ № 4 „Вѣстн. Европы“ за 1887 г.

ству, съ которымъ дѣйствуетъ предсѣдатель. Власть предсѣдателя, притомъ, такъ велика, что онъ всегда можетъ предупредить или остановить въ самомъ началѣ всякое отступленіе отъ порядка. Къ чему же закрывать заранѣе двери суда, въ силу одного только предположенія, что порядокъ, *можетъ быть*, будетъ нарушенъ? Какъ различить до суда опасенія основательныя отъ неосновательныхъ, мнимыхъ, порожденныхъ городскими слухами и толками? Если видѣть въ закрытіи дверей гарантію противъ такъ называемыхъ „эффектовъ", направленныхъ къ тому, чтобы потрясти или взволновать присяжныхъ (напримѣръ, противъ криковъ, воплей, истерическихъ припадковъ), то вѣдь эти эффекты, въ особенности когда они обдуманы и приготовлены заранѣе, идутъ, большею частью, отъ лицъ близкихъ къ подсудимому или потерпѣвшему—а присутствія такихъ лицъ на судѣ ни законъ 1887-го года, ни проектъ коммиссіи не устраняетъ. Цѣль „эффектовъ" заключается не въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе на публику, а въ томъ, чтобы подѣйствовать на судей или присяжныхъ; степень этого дѣйствія не зависитъ отъ того, открыты или закрыты двери засѣданія... Что касается до „достоинства государственной власти", то его не слѣдуетъ отождествлять ни съ достоинствомъ одного изъ представителей власти, ни съ правильностью отдѣльнаго распоряженія, сдѣланнаго отъ ея имени. Судебное разбирательство можетъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ дѣятельность того или другого должностного лица, можетъ выяснить незаконность или непрактичность той или другой оффиціальной мѣры; но отъ этого не можетъ пострадать авторитетъ власти вообще. Учрежденія и лица, облеченныя властью, не обладаютъ непогрѣшимостью. Раскрытіе ихъ неправильныхъ дѣйствій ничего не расшатываетъ и не колеблетъ; наоборотъ, оно служитъ ручательствомъ противъ повторенія и дальнѣйшаго развитія ошибокъ и злоупотребленій. Весьма часто, съ другой стороны, публичное разбирательство дѣла ведетъ къ полнѣйшей реабилитаціи учрежденія или должностного лица, къ опроверженію цѣлыхъ легендъ, сложившихся на его счетъ—легендъ, которыя, подъ покровомъ тайны, непремѣнно продолжали бы расти и распространяться. Лѣтъ тридцать тому назадъ, послѣ покражи, совершенной изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ Петербургѣ ходила молва о крайней небрежности, господствующей, будто бы, въ экспедиціи, объ отсутствіи правильнаго надзора за рабочими. Еслибы дѣло о кражѣ слушалось при закрытыхъ дверяхъ, слухи такъ и остались бы неопровергнутыми; публичное разбирательство уничтожило ихъ всецѣло, доказавъ полную невиновность экспедиціи. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести немало. Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что гласный разборъ судебныхъ дѣлъ не можетъ

повредить достоинству государственной власти, достаточно спросить себя, больше ли былъ ея нравственный авторитетъ до введенія судебныхъ уставовъ, когда она находилась подъ защитой канцелярской тайны?...

Еще меньше, чѣмъ увеличеніе числа поводовъ къ закрытію дверей засѣданія, согласуется съ духомъ судебныхъ уставовъ и съ нормами правильно организованнаго процесса роль, отведенная закономъ 1887-го года министру юстиціи и сохраняемая за нимъ всецѣло проектомъ коммиссіи. Какъ бы широка ни была, по отношенію къ закрытію дверей засѣданія, дискреціонная власть суда, примѣненіе ея на практикѣ большею частью сдерживается въ извѣстныхъ границахъ, благодаря преданіямъ и взглядамъ, образовавшимся въ первое время дѣйствія судебныхъ уставовъ. Находясь на мѣстѣ, судъ имѣетъ всѣ данныя для повѣрки настояній, клонящихся къ закрытію дверей засѣданія; онъ можетъ оцѣнить какъ слѣдуетъ и просьбы частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ негласномъ разборѣ дѣла, и заявленія учрежденій, почему-либо опасающихся гласности, и городскіе толки, предсказывающіе нарушеніе порядка на судѣ. Совершенно инымъ является положеніе представителя центральной администраціи, дѣйствующаго на основаніи сообщеній, достовѣрность которыхъ сплошь и рядомъ не поддается никакому контролю. Какъ удостовѣриться въ наличности поводовъ къ закрытію дверей засѣданія, когда нѣтъ подъ рукой даже подлиннаго производства? Какъ отличить дѣйствительную опасность отъ мнимой, когда тревожныя вѣсти идутъ издалека, а рѣшеніе должно быть принято немедленно? Проектъ коммиссіи, какъ и законъ 1887-го года, говоритъ о „свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до министра юстиціи". Эти свѣдѣнія могутъ идти или отъ лицъ судебнаго вѣдомства, или изъ постороннихъ источниковъ. Въ первомъ случаѣ доставленію ихъ почти всегда должно предшествовать судебное опредѣленіе о публичномъ разборѣ дѣла. Представимъ себѣ, что прокуроръ суда находитъ невозможнымъ слушать тотъ или другой процессъ при открытыхъ дверяхъ. Прежде всего, конечно, онъ сообщитъ о томъ самому суду и пойдетъ дальше только тогда, когда заключеніе его будетъ отвергнуто судомъ. Прямо обратиться къ министру онъ затруднится уже потому, что послѣдній всегда можетъ спросить, состоялось ли постановленіе суда по спорному вопросу. Обращеніе къ министру со стороны предсѣдателя суда также мыслимо не раньше, какъ по отклоненіи большинствомъ судей предположенія о закрытіи дверей засѣданія. Итакъ, до министра могутъ доходить этимъ путемъ только такіе случаи, когда необходимость устраненія гласности представляется, по меньшей мѣрѣ, сомнительною—а при сомнѣніи не должно быть мѣста для отступленія отъ общаго закона. Что касается до свѣ-

дѣній, доставляемыхъ министру инымъ путемъ, то основательность ихъ и точность не гарантированы рѣшительно ничѣмъ—а между тѣмъ именно ими вызывается, нерѣдко, закрытіе дверей засѣданія по распоряженію высшей судебной администраціи. Исторія нашей печати свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣры строгости противъ газетъ и журналовъ сплошь и рядомъ бывали результатомъ настояній со стороны другихъ вѣдомствъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ печатному слову.

Нѣчто подобное повторяется, вѣроятно, и въ области чрезвычайныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію судебной гласности. Конечно, въ указаніяхъ на необходимость такихъ мѣръ нѣтъ ничего обязательнаго для того, къ кому они обращены; но образъ дѣйствій, сопряженный съ рискомъ, далеко не всегда предпочитается другому, болѣе спокойному и безопасному—а рискованнымъ, въ данномъ случаѣ, представляется отклоненіе полученныхъ указаній. Достаточно самаго ничтожнаго нарушенія порядка въ публичномъ засѣданіи суда, чтобы инкриминировать власть, отказавшуюся закрыть двери засѣданія... Уменьшить намѣченныя нами неудобства могло бы перенесеніе дискреціонной власти, теперь принадлежащей министру юстиціи, на уголовный кассаціонный департаментъ Прав. Сената или общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ—но еще правильнѣе было бы простое возвращеніе къ порядку, созданному судебными уставами, съ предоставленіемъ *суду* (только суду) *права* закрывать двери засѣданія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда публичность разбирательства могла бы оскорбить религіозное чувство или нарушить требованія нравственности. Мы знаемъ, что за границей (напр. во Франціи, въ Германіи) судъ можетъ закрыть двери засѣданія, если найдетъ публичный разборъ дѣла опаснымъ для общественнаго порядка; но это не убѣждаетъ насъ въ необходимости предоставленія такого права и нашему суду. Условія общественной жизни на Западѣ таковы, что нарушеніе порядка въ судѣ или около суда гораздно вѣроятнѣе, чѣмъ у насъ; гораздо больше на лицо горючихъ матеріаловъ, гораздо сильнѣе вражда между различными элементами населенія, гораздо распространеннѣе привычка къ демонстраціямъ всякаго рода. Съ другой стороны, западно-европейскіе судьи гораздо больше сознаютъ и чувствуютъ свою отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ; рѣшиться на закрытіе дверей засѣданія, какъ на мѣру охраненія порядка, они могутъ только въ крайнемъ случаѣ, когда опасность дѣйствительно велика и болѣе чѣмъ вѣроятна. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и въ Германіи, и во Франціи, случаи устраненія гласности, мотивированнаго огражденіемъ порядка, чрезвычайно рѣдки —такъ рѣдки, что никакой роли въ общемъ ходѣ судебной дѣятельности они не играютъ. Съ другой стороны, много ли было у насъ,

въ промежутокъ времени съ 1866 по 1887 г., такихъ дѣлъ, публичный разборъ которыхъ повлекъ за собою сколько-нибудь серьёзное нарушеніе общественнаго порядка? Наши воспоминанія обнимаютъ собою всю эту эпоху—но мы напрасно старались отыскать между ними хотя бы одно, указывающее на опасность судебной гласности. Были, правда, случаи нарушенія порядка *на улицѣ*, близъ зданія суда и по поводу судебнаго процесса—но противъ *такихъ* нарушеній безсильно закрытіе дверей засѣданія. Скопленіе толпы около зданія суда возможно и тогда, когда дѣло разбирается негласно: нельзя же сохранить въ тайнѣ и самый день разбирательства... Ужъ если обращаться, по занимаемому насъ вопросу, къ примѣру западно-европейскихъ государствъ, то скорѣе всего можно было бы заимствовать изъ Германіи законъ 5-го апрѣля 1888 года, разрѣшающій суду, въ интересахъ *безопасности государства*, возлагать на всѣхъ присутствующихъ, подъ опасеніемъ уголовной кары, сохраненіе въ тайнѣ фактовъ, обнаруженныхъ на судѣ. Исключительнымъ случаямъ можетъ соотвѣтствовать и исключительная власть суда. Само собою разумѣется, однако, что при распространительномъ толкованіи опаснымъ для правосудія могло бы оказаться даже и такое правило, какое установлено въ Германіи закономъ 5-го апрѣля 1888 года.

Какъ часто, вслѣдствіе какихъ соображеній—и кѣмъ именно закрывались до сихъ поръ, въ силу закона 12-го февраля 1887-го года, двери судебныхъ засѣданій—объ этомъ у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ данныхъ; отчеты министра юстиціи не оглашаются во всеобщее свѣдѣніе, а отдѣльные случаи устраненія гласности далеко не всегда отмѣчаются въ печати. Мы можемъ только остановиться на нѣсколькихъ отдѣльныхъ дѣлахъ, особенно характеристичныхъ.

Въ Вильнѣ, въ декабрѣ минувшаго года, разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло о евреѣ, обвинявшемся въ покушеніи на убійство христіанской дѣвушки (и признанномъ виновнымъ только въ нанесеніи ей легкихъ ранъ). Весьма вѣроятно, что поводомъ къ закрытію дверей послужило въ этомъ случаѣ стремленіе „охранить общественный порядокъ“ или „обезпечить правильный ходъ судебныхъ дѣйствій“. Неужели, однако, въ такомъ городѣ, какъ Вильно, съ многочисленною полиціею, съ сильнымъ военнымъ гарнизономъ, нельзя было достигнуть той же цѣли другимъ путемъ—усиленіемъ охраны вокругъ и внутри зданія суда, допущеніемъ въ залу засѣданій не иначе какъ по билетамъ, предупрежденіемъ (со стороны предсѣдателя), что всякое выраженіе одобренія или неодобренія, всякій шумъ, всякая попытка приблизиться къ подсудимому или присяжнымъ, вступить въ сношенія съ свидѣтелями, повлечетъ за собою примѣненіе дисциплинарной власти предсѣдателя, а въ случаѣ надобности—и удаленіе публики изъ

залы засѣданій? Между тѣмъ, именно въ подобныхъ дѣлахъ гласность разбирательства представляется особенно желательной и важной. Только она можетъ разсѣять или, по меньшей мѣрѣ, ослабить одно изъ предубѣжденій, наиболѣе опасныхъ для еврейскаго населенія; только она можетъ опровергнуть повѣрье, по временамъ забываемое, по временамъ оживающее вновь и угрожающее, въ мѣстахъ еврейской осѣдлости, внутреннему спокойствію и миру.

Почти одновременно съ виленскимъ процессомъ, въ Пруссіи и Австріи разсматривались аналогичныя дѣла—и разсматривались публично, несмотря на то, что одно изъ нихъ (богемское) возбудило въ народѣ довольно сильное волненіе... Соображеніями общественнаго порядка было вызвано, безъ сомнѣнія, и закрытіе дверей засѣданія по дѣлу объ уличной смутѣ, происшедшей въ Одессѣ лѣтомъ минувшаго года. Не говоря уже о томъ, что средствами охраны Одесса обладаетъ въ такой же мѣрѣ, какъ и Вильно, трудно было ожидать, чтобы гласный разборъ дѣла о безпорядкахъ случайныхъ, лишенныхъ всякаго политическаго или соціальнаго значенія, произведенныхъ горстью ничѣмъ не выдающихся людей, могъ вызвать какое-нибудь волненіе среди слушателей—а самый способъ усмиренія не представлялъ, въ данномъ случаѣ, ничего противнаго достоинству государственной власти. Болѣе понятно съ этой послѣдней точки зрѣнія устраненіе гласности при слушаніи въ Вильнѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, дѣла о народномъ волненіи въ мѣстечкѣ Крожахъ—дѣла, содержаніе котораго, въ главныхъ чертахъ, все-таки стало извѣстно большой публикѣ. Одно изъ двухъ, однако: или извѣстные способы усмиренія безпорядковъ считаются правильными и цѣлесообразными—и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности скрывать, что они были пущены въ ходъ; или они признаются нежелательными—и въ такомъ случаѣ впечатлѣніе, ими произведенное, смягчается оффиціальнымъ ихъ осужденіемъ. Ни изъ того, ни изъ другого предположенія необходимость закрытія дверей засѣданія не вытекаетъ. Мыслима, пожалуй, еще одна гипотеза: можно допустить, что поводомъ къ устраненію гласности послужилъ, въ крожскомъ дѣлѣ, не способъ усмиренія безпорядковъ, а характеръ административной мѣры, результатомъ которой они явились. Дилемма, поставленная нами выше, сохраняетъ свою силу и по отношенію къ этой гипотезѣ. Мѣра, послужившая причиной безпорядковъ, можетъ быть либо одобряема, либо не одобряема высшимъ правительствомъ. Въ первомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ отстаиванью ея на судѣ, какъ дѣйствія нормальнаго и необходимаго; во второмъ случаѣ нѣтъ никакой солидарности между исполнителями и центральной властью. Обобщая эти соображенія, не трудно придти къ выводу, что достоинству государственной

власти гласный разборъ дѣла не можетъ повредить ни при какихъ обстоятельствахъ, ни при какихъ условіяхъ...

Бываютъ, наконецъ, и такіе случаи закрытія дверей засѣданія, которые трудно подвести подъ одну изъ категорій, предусмотрѣнныхъ закономъ. Сюда относится, напримѣръ, дѣло объ убійствѣ одного помѣщика другимъ, недавно разсмотрѣнное въ Харьковѣ. Судъ предполагалъ слушать его публично и хотѣлъ уже приступить къ раздачѣ билетовъ; но изъ Петербурга пришло распоряженіе о закрытіи дверей засѣданія. Объ отмѣнѣ распоряженія просили какъ самъ обвиняемый, такъ и отецъ убитаго, но безуспѣшно. Достоинству государственной власти гласный разборъ дѣла не могъ, въ данномъ случаѣ, угрожать уже потому, что оно имѣло совершенно частный характеръ; по той же причинѣ нельзя было ожидать и нарушенія общественнаго порядка или судебнаго благочинія. Неудобство дискреціонной власти, освобожденной даже отъ обязанности мотивировать свои распоряженія, особенно велико именно потому, что здѣсь всегда возможенъ выходъ за нормальные предѣлы. Не зная, почему принята извѣстная мѣра, нельзя судить о томъ, въ какой степени она соотвѣтствуетъ хотя бы внѣшнимъ требованіямъ закона...

Гласностью процесса обусловливается, какъ извѣстно, не только свободный доступъ постороннихъ лицъ въ залу судебныхъ засѣданій, но и возможность оглашенія и обсужденія въ печати судебнаго слѣдствія, судебныхъ преній и даже самаго рѣшенія. Такая возможность существуетъ у насъ, по закону, только по отношенію къ тому, что происходило въ *публичномъ* засѣданіи суда. Нетрудно замѣтить, однако, что не все, касающееся одного изъ видовъ гласности, примѣнимо и къ другому. Если и допустить, что публичный разборъ дѣла можетъ угрожать иногда общественному порядку, то ничего подобнаго нельзя опасаться отъ оглашенія процесса путемъ печати. На публику, присутствующую въ залѣ засѣданій, все совершающееся на судѣ дѣйствуетъ непосредственно и прямо; впечатлѣнія получаются глубокія и сильныя, быстро слѣдуютъ одно за другимъ, не даютъ времени успокоиться, обдумать видѣнное и слышанное. Отсюда возможность мгновенныхъ вспышекъ — вспышекъ негодованія или сочувствія, тѣмъ болѣе заразительныхъ, чѣмъ многочисленнѣе публика. Мы вполнѣ убѣждены, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ такія вспышки могутъ быть прекращены властью предсѣдателя, безъ всякаго вреда для дѣла и безъ всякаго серьёзнаго нарушенія порядка; мы думаемъ, что нѣтъ надобности заранѣе закрывать, изъ страха передъ ними, двери судебнаго засѣданія—но для насъ все-таки понятенъ противоположный взглядъ, исходящій изъ стремленія къ спокойствію во что бы то ни стало. Другое дѣло—запрещеніе сообщать въ печати подроб-

ности процесса, разбиравшагося негласно въ видахъ охраненія общественнаго порядка. Стенографическій отчетъ, даже самый полный и точный, никогда не можетъ подѣйствовать на читателей съ такою силой, съ какою самый ходъ процесса дѣйствуетъ на слушателей. Не говоря уже о мощномъ вліяніи живого слова, читатели разъединены, разбросаны въ пространствѣ и во времени, тогда какъ слушатели составляютъ одну сплошную массу. Если по отношенію къ послѣднимъ необходимость особыхъ мѣръ предосторожности можетъ считаться спорной, то по отношенію къ первымъ она безусловно не существуетъ. То же самое, съ бо́льшею еще очевидностью, слѣдуетъ сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда двери засѣданія закрываются въ видахъ „обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій": ко времени оглашенія процесса въ печати судебныя дѣйствія обыкновенно уже окончены, и помѣшать правильному ихъ ходу оно никакимъ образомъ не можетъ. Если даже первыя сообщенія въ печати появятся раньше окончанія процесса, на дальнѣйшемъ движеніи его они не отразятся уже потому, что оно по прежнему будетъ происходить при закрытыхъ дверяхъ. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что если въ новомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства будетъ удержано закрытіе дверей засѣданія въ видахъ „охраненія общественнаго порядка" или „обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій", то необходимо дополнить его постановленіемъ, разрѣшающимъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, оглашеніе и обсужденіе въ печати всего происходившаго на судѣ. Скажемъ болѣе: различіе между *публичностью засѣданія* и *оглашеніемъ процесса* слѣдовало бы установить и для тѣхъ случаевъ, когда мотивомъ закрытія дверей служитъ „огражденіе достоинства государственной власти". Въ самомъ дѣлѣ, легко представить себѣ такую комбинацію обстоятельствъ, при которой *до начала процесса* можно было опасаться, со стороны обвиняемыхъ или свидѣтелей, заявленій, неблагопріятныхъ для учрежденія или должностного лица, но самый ходъ процесса не оправдалъ подобныхъ опасеній: заявленія или не были сдѣланы вовсе, или блистательно и всецѣло опровергнуты. Почему же, въ такихъ случаяхъ, не признать за судомъ право постановить, что къ оглашенію процесса путемъ печати не встрѣчается никакихъ препятствій? Само собою разумѣется, что это было бы только палліативомъ, отнюдь не парализирующимъ возраженій, сдѣланныхъ нами противъ включенія „охраны достоинства государственной власти" въ число поводовъ къ устраненію гласности; но значеніе гласности, въ нашихъ глазахъ, такъ велико, что не безполезны и палліативы, сколько-нибудь расширяющіе сферу ея дѣйствія.

Дѣйствующій законъ допускаетъ присутствіе въ залѣ засѣданій, по дѣламъ, производимымъ при закрытыхъ дверяхъ, родственниковъ

или знакомыхъ подсудимаго и потерпѣвшаго, но не болѣе какъ въ числѣ трехъ *съ каждой стороны*. Вопросъ о томъ, какъ понимать эти послѣднія слова, вызвалъ разногласіе въ средѣ коммиссіи. Два члена, опасаясь чрезмѣрнаго возростанія числа слушателей, находили, что сколько бы ни было подсудимыхъ, они всѣ, вмѣстѣ взятые, могутъ просить о допущеніи въ залу засѣданій только трехъ лицъ; въ столь же ограничительномъ смыслѣ толковалось двумя членами и право потерпѣвшихъ. Большинство коммиссіи признало, наоборотъ, что правомъ, уменьшающимъ неудобства негласнаго разбора дѣла, долженъ пользоваться *каждый* изъ подсудимыхъ и потерпѣвшихъ, сколько бы ихъ ни было, и рѣшило измѣнить, сообразно съ этимъ, редакцію закона (на практикѣ, если мы не ошибаемся, и теперь примѣняемаго въ смыслѣ благопріятномъ для гласности). Отвергнуто большинствомъ коммиссіи мнѣніе тѣхъ же двухъ членовъ и въ другой его части: они полагали сохранить право присутствія въ закрытомъ засѣданіи только за *родственниками* подсудимаго или потерпѣвшаго, а не за его *знакомыми*. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи мы раздѣляемъ, конечно, мнѣніе большинства коммиссіи... По дѣйствующему закону, предсѣдательствующій можетъ допустить въ закрытое засѣданіе тѣхъ изъ числа очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, которые не вошли въ составъ присутствія, а также лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству или къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Коммиссія прибавляетъ къ тремъ категоріямъ еще одну — *другихъ лицъ*, присутствіе которыхъ можетъ быть допущено предсѣдательствующимъ *по особо уважительнымъ на то причинамъ*. Это нововведеніе мы, при всемъ сочувствіи нашемъ къ расширенію гласности, не можемъ признать цѣлесообразнымъ. Мы знаемъ, что даже теперь, несмотря на отсутствіе прямого разрѣшенія закона, въ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ, появляются иногда лица, которымъ тамъ быть, въ интересахъ безпрепятственнаго раскрытія истины, вовсе не подобаетъ; припомнимъ, напримѣръ, что года полтора тому назадъ въ закрытомъ (по распоряженію министра юстиціи) засѣданіи с.-петербургской судебной палаты, по дѣлу о сопротивленіи рабочихъ полицейской власти, находились фабричные инспектора и чиновники особыхъ порученій при градоначальникѣ (хотя въ то же время не были допущены въ залу родственники подсудимыхъ). Если законъ будетъ дополненъ неопредѣленнымъ указаніемъ на *другихъ лицъ*, съ столь же неопредѣленной ссылкой на *особо уважительныя причины*, подобные факты войдутъ въ обычай, къ явному вреду для правосудія. Мы не боялись бы расширенія, въ этомъ смыслѣ, дискреціонной власти предсѣдательствующаго, еслибы самое закрытіе дверей было опять введено въ тѣ рамки, которыя были установлены для него первоначально; но пока этого

нѣтъ, пока не предполагается отмѣнить или ограничить законъ 12-го февраля 1887-го года, до тѣхъ поръ весьма важно не вводить въ залу засѣданій, закрытую для публики, элементовъ не-судебныхъ. Единственнымъ изъятіемъ изъ этого правила, не только безвреднымъ, но и полезнымъ, было бы, по нашему мнѣнію, разрѣшеніе предсѣдательствующему допускать къ слушанію дѣлъ, производимыхъ при закрытыхъ дверяхъ, профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Не менѣе важную роль, чѣмъ гласность, играетъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, и устность разбирательства. Отступленія отъ этого принципа, въ видѣ, напримѣръ, прочтенія письменныхъ показаній, неизбѣжны; но составители судебныхъ уставовъ старались свести ихъ къ возможному минимуму. Въ настоящее время не допускается прочтеніе на судѣ ни показаній, данныхъ подсудимымъ при предварительномъ слѣдствіи (развѣ еслибы самъ подсудимый на то согласился), ни чьихъ бы то ни было показаній, данныхъ при дознаніи. Коммиссія, наоборотъ, разрѣшаетъ и то, и другое. „Не возбраняется"—читаемъ мы въ ст. 590 составленнаго ею проекта устава уголовнаго судопроизводства—„прочтеніе въ судебномъ засѣданіи письменныхъ показаній подсудимаго, данныхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія или дознанія, когда съ ними несогласны изустныя показанія его на судѣ". Въ принципѣ противъ этого возсталъ только *одинъ* членъ коммиссіи (В. Д. Спасовичъ), находя, что показанія подсудимаго, данныя при слѣдствіи или дознаніи, могутъ быть оглашаемы на судѣ лишь съ его согласія. Четыре члена коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ф. Кони) заявили, что безъ согласія подсудимаго письменныя его показанія могутъ быть оглашаемы лишь въ томъ случаѣ, когда въ нихъ содержится признаніе вины, отвергаемое на судѣ. Н. С. Таганцевъ, и въ этомъ отношеніи оставаясь вѣрнымъ взгляду большинства третьяго отдѣла коммиссіи [1]), подалъ голосъ за прочтеніе показаній подсудимаго, данныхъ при дознаніи, лишь въ такомъ случаѣ, если слѣдствіе вовсе произведено не было.

Остановимся, прежде всего, на этомъ послѣднемъ мнѣніи. Изъ того, что оно не принято коммиссіею, слѣдуетъ заключить, что коммиссія считаетъ возможнымъ чтеніе показаній подсудимаго, данныхъ при дознаніи, не только при замѣнѣ слѣдствія дознаніемъ, но даже если за дознаніемъ послѣдовало предварительное слѣдствіе. Между тѣмъ, оба случая существенно отличны одинъ отъ другого. Дознаніе, во-первыхъ, замѣняетъ собою слѣдствіе только по дѣламъ сравнительно менѣе важ-

---

[1]) Меньшинство отдѣла высказалось, съ большею или меньшею рѣшительностью, противъ прочтенія, безъ согласія подсудимыхъ, данныхъ ими письменныхъ показаній.

нымъ: если лицо, привлеченное къ дознанію по такому дѣлу, сознало́сь въ преступленіи (или, лучше сказать, если въ протоколѣ записано его сознаніе), оглашеніе его признанія не грозитъ ему особенно тяжкими послѣдствіями. Во-вторыхъ, когда дознаніемъ исчерпывается предварительное разслѣдованіе дѣла, то только въ немъ и можно найти матеріалъ для раскрытія противорѣчій, въ которыя впадалъ или впадаетъ подсудимый: однажды допустивъ возможность и необходимость такого раскрытія, логично, поэтому, разрѣшить чтеніе показаній, данныхъ подсудимымъ при дознаніи, замѣняющемъ собою слѣдствіе. Другое дѣло — когда послѣ дознанія было произведено предварительное слѣдствіе: въ подобныхъ случаяхъ дознаніе должно и можетъ быть игнорируемо на судѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ частей его, которыя не могли быть повторены или повѣрены при предварительномъ слѣдствіи. Мнѣніе Н. С. Таганцева (или большинства третьяго отдѣла)—это, такимъ образомъ, крайняя черта, за которую не слѣдовало бы переходить даже защитникамъ прочтенія письменныхъ показаній, данныхъ подсудимымъ. Мы думаемъ, однако, что и эта черта выдвинута слишкомъ далеко. Не говоря уже о томъ, что дознаніемъ, какъ мы старались показать въ другомъ мѣстѣ [1]), *никогда* не должно быть замѣняемо предварительное слѣдствіе, не говоря о томъ, что при дознаніи подсудимый можетъ быть спрошенъ только въ качествѣ свидѣтеля, т.-е. безъ предупрежденія объ опасности, ему грозящей,—даже акты слѣдственнаго производства, насколько они содержатъ въ себѣ сознаніе подсудимаго, не должны быть, по нашему убѣжденію, обращаемы въ орудіе противъ подсудимаго. Подсудимый часто привлекается къ слѣдствію въ такую минуту, когда онъ, испуганный, взволнованный, потрясенный, не въ состояніи взвѣшивать свои слова, не въ состояніи даже привести въ порядокъ свои мысли. Показаніе, данное въ такой моментъ, можетъ весьма сильно расходиться съ дѣйствительностью. Оно можетъ быть, притомъ, неправильно понято слѣдователемъ, даже самымъ добросовѣстнымъ; подсудимому можетъ быть приписано то, чего онъ вовсе не хотѣлъ сказать. Между тѣмъ, неточность или невѣрность изложенія весьма легко можетъ не быть замѣчена подсудимымъ—или даже замѣтивъ ее, онъ можетъ не найти въ себѣ достаточно бодрости и силы воли, чтобы настоять на ея исправленіи. Справедливо ли, затѣмъ, искать въ такомъ показаніи матеріалъ для изобличенія подсудимаго? Если законъ, оставляемый неприкосновеннымъ и въ проектѣ коммиссіи, запрещаетъ принимать молчаніе подсудимаго на судѣ за признаніе имъ своей вины, т.-е. предоставляетъ ему не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы, то послѣ-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1900 г.

довательно ли восполнять образующійся такимъ образомъ пробѣлъ чтеніемъ показаній, данныхъ при обстановкѣ, не поддающейся воспроизведенію на судѣ?

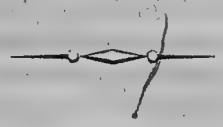
Нельзя признать правильнымъ и тотъ средній путь, который указанъ въ мнѣніи четырехъ членовъ. Смыслъ его заключается въ томъ, что прочтеніе показаній подсудимаго допускается лишь при отрицаніи имъ на судѣ своей вины, признанной при дознаніи или слѣдствіи. Другими словами, нельзя читать показанія, въ которыхъ не содержится признанія, нельзя раскрывать этимъ путемъ противорѣчіе между прежними и новыми объясненіями подсудимаго, не признававшаго и не признающаго себя виновнымъ. Конечно, чѣмъ менѣе отступленій отъ принципа, тѣмъ лучше—но нельзя не замѣтить, что всего болѣе опаснымъ для правосудія прочтеніе показанія, даннаго подсудимымъ, является именно тогда, когда въ немъ содержится признаніе вины, отрицаемой на судѣ. Именно здѣсь особенно великъ рискъ ошибки, коренящейся въ усиленіи обвиненія средствомъ въ сущности негоднымъ, но имѣющимъ наружный видъ годности... Не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, допускать и прочтеніе свидѣтельскихъ показаній, данныхъ при дознаніи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда свидѣтель, въ виду тяжкой болѣзни, внушавшей опасеніе за его жизнь, былъ спрошенъ подъ присягой. Играть роль на судѣ должны только тѣ письменныя показанія, правильность изложенія которыхъ не внушаетъ разумныхъ сомнѣній; а подходятъ ли подъ это условіе показанія, записанныя полиціей? Кромѣ безпристрастія, отъ лица, записывающаго показаніе, требуется еще умѣнье схватывать чужую мысль, воспроизводить чужой разсказъ съ соблюденіемъ всѣхъ его оттѣнковъ и деталей; можно ли ожидать такого умѣнья отъ околоточнаго надзирателя или урядника? Подпись свидѣтеля, даже грамотнаго, далеко не всегда удостовѣряетъ тождество сказаннаго и записаннаго. Повѣривъ показанію, данному при дознаніи, судъ повѣритъ иногда, въ сущности, не тому, что̀ сказалъ свидѣтель, а тому, что̀ написалъ отъ его имени полицейскій чиновникъ...

Никто не возбраняетъ представителямъ того или другого учрежденія писать ему панегирики, косвенно восхваляя, такимъ образомъ, и самихъ себя; но нужно быть очень наивнымъ—или очень увѣреннымъ въ наивности другихъ,—чтобы считать подобныя похвалы серьёзнымъ матеріаломъ для характеристики учрежденія. Такъ поступаютъ, однако, „Московскія Вѣдомости“ по отношенію къ „Очерку девятилѣтней дѣятельности института земскихъ начальниковъ въ тульской губерніи“, составленному непремѣннымъ членомъ мѣстнаго губернскаго присутствія и прочитанному на происходившемъ въ Тулѣ, прошлою осенью,

съѣздѣ земскихъ начальниковъ. О степени безпристрастія этого очерка можно судить, между прочимъ, по странному въ оффиціальномъ документѣ полемическому тону и рѣзкимъ выходкамъ противъ „либеральной прессы". Авторъ очерка утверждаетъ, что среди самихъ дѣятелей новаго института находились на первыхъ порахъ лица, принципіально ему не сочувствовавшія и даже державшіяся принципа: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*—и московская газета спѣшитъ воспользоваться этимъ *свидѣтельствомъ*, находя его „очень цѣннымъ для характеристики нашихъ либераловъ и радикаловъ". Нетрудно замѣтить, однако, что мнимое *свидѣтельство* есть не что иное, какъ неудачная попытка „чтенія въ мысляхъ". Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ авторъ очерка могъ проникнуть въ сокровенныя думы и чувства заподозрѣнныхъ имъ лицъ? Допустимъ, что они отличались отъ большинства, иначе понимали свое призваніе, иначе относились къ своимъ обязанностямъ: слѣдуетъ ли отсюда, что они были врагами учрежденія, проникшими въ его среду съ коварною цѣлью препятствовать его успѣху? Вѣдь для того, чтобы достигнуть этой цѣли, имъ нужно было бы самимъ дѣйствовать какъ можно хуже, какъ можно больше злоупотреблять своею властью—т.-е. непоправимо компрометтировать себя именно въ глазахъ своихъ единомышленниковъ. Такое самопожертвованіе было бы, прежде всего, безцѣльно: „измѣнниковъ" было бы слишкомъ мало, и средній, господствующій типъ земскаго начальника сложился бы, во всякомъ случаѣ, совершенно независимо отъ макіавелизма ничтожнаго меньшинства. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, обратившимъ на себя общее вниманіе въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе института земскихъ начальниковъ, мы склонны думать, что отщепенцы, клеймимые авторомъ очерка и реакціонною газетой, были просто непрактичные люди, льстившіе себя надеждой, что званіе земскаго начальника дастъ имъ возможность принести хоть нѣкоторую пользу народной массѣ. Нѣсколько противорѣчитъ этому предположенію только одно обстоятельство: по удостовѣренію г. непремѣннаго члена губернскаго присутствія, никто изъ земскихъ начальниковъ тульской губерніи не былъ удаленъ отъ должности въ административномъ порядкѣ—а такой участи едва-ли избѣжалъ бы мечтатель, идеализировавшій назначеніе земскаго начальника... Напрасно, съ другой стороны, авторъ панегирика восторгается тѣмъ фактомъ, что никто изъ земскихъ начальниковъ тульской губерніи не былъ преданъ уголовному суду, а дисциплинарныхъ производствъ о земскихъ начальникахъ возникло, въ теченіе девяти лѣтъ, только тридцать-пять. Чтобы судить о значеніи этого факта, нужно было бы знать самое содержаніе дисциплинарныхъ дѣлъ, окончившихся благополучно для зем-

скихъ начальниковъ. Вѣдь къ однимъ и тѣмъ же дѣйствіямъ можно относиться и снисходительно, и строго...

Что отрицательнаго взгляда на земскихъ начальниковъ держится не одна только „либеральная пресса"—это доказывается весьма рельефно рѣчью, произнесенною въ послѣднемъ областномъ собраніи дворянъ войска донского. Собранію предложено было высказаться, желательно ли введеніе въ области института земскихъ начальниковъ. Противъ введенія его говорили таганрогскій предводитель Егоровъ, бывшій атаманъ донецкаго округа Грековъ и непремѣнный членъ губернскаго присутствія Кутейниковъ. „Я нахожу"—сказалъ, между прочимъ, г. Грековъ,—„что непріязненныя столкновенія между крестьянами и помѣщиками возникаютъ вслѣдствіе той незаконности, неопредѣленности и путаницы, какія, къ сожалѣнію, царятъ въ сферѣ земельныхъ границъ тѣхъ и другихъ. Надо, однако, замѣтить, что когда мѣстныя полицейскія власти своевременно узнаютъ о спорахъ или готовящихся столкновеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, то онѣ всегда успѣваютъ предотвратить эти столкновенія и подавить зарождающійся бунтъ крестьянъ. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что та власть, которою можетъ располагать полиція, вполнѣ достаточна. Недостаточенъ развѣ только численный составъ полиціи. Никакихъ исключительныхъ репрессивныхъ мѣропріятій не нужно намъ; не нужно и земскихъ начальниковъ. Я посѣдѣлъ и состарился на службѣ Государю Императору и Россіи—и не думаю, чтобы меня, стараго солдата, могъ кто-нибудь заподозрить въ вольнодумствѣ, но я утверждаю, что институтъ земскихъ начальниковъ оказался на практикѣ далеко не такимъ идеально-хорошимъ учрежденіемъ, какимъ рисовали его нѣкоторые; для войска донского земскіе начальники совсѣмъ нежелательны". Можно соглашаться или не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ; но едва ли можно отрицать, что г. Грековъ—свидѣтель болѣе безпристрастный, чѣмъ г. непремѣнный членъ тульскаго губернскаго присутствія...



ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ.

Замѣтка.

Изучая отчеты государственнаго контроля за послѣднія пятнадцать лѣтъ, мы не могли не замѣтить, что до 1893 года они представляютъ, во всѣхъ отношеніяхъ, образцовое счетоводство. Но въ послѣдующіе года начала замѣчаться нѣкоторая неясность въ счетахъ. Впрочемъ, въ отчетѣ государственнаго контроля за 1899 г. уже сдѣланы замѣтныя измѣненія къ лучшему.

Изъ сравненія государственныхъ отчетовъ за 1893—1898 гг. съ отчетомъ за 1899 г. видно, во-первыхъ, что, при исчисленіи свободной наличности государственнаго казначейства на 1 января 1900 г., принятъ порядокъ, существовавшій до 1893 г., строгаго отдѣленія суммъ, касающихся исполненія росписи отчетнаго года, отъ суммъ, имѣющихъ характеръ кассовыхъ оборотовъ, а именно, остатки отъ заключенныхъ смѣтъ совершенно правильно вновь отнесены къ первому отдѣлу, въ который включаются доходы и расходы смѣтнаго года, что̀ даетъ возможность правильно судить о вліяніи на размѣръ свободной наличности дѣйствительныхъ результатовъ по исполненію росписи отчетнаго года; и, во-вторыхъ, что изъ „Объяснительной Записки“ за 1899 г. исключены всѣ произвольныя, фиктивныя цифры, введенныя въ нее въ 1895 г., и искажавшія общіе выводы *о соотвѣтствіи суммъ свободной наличности съ остатками по исполненію росписей.*

На это послѣднее обстоятельство мы должны обратить особое вниманіе, въ виду его значительной важности.

Что̀ такое свободная наличность?

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1901 г., г. министръ финансовъ счелъ необходимымъ пояснить какъ этотъ терминъ, та̀къ и принятый въ государственномъ счетоводствѣ Россіи способъ вывода свободной наличности. „Наличными средствами,—говоритъ онъ,—будь то средства отдѣльнаго лица, общественнаго хозяйства или государственной казны, являются суммы, состоящія въ данный моментъ на лицо въ кассахъ,—суммы, числящіяся на текущемъ счету, и безспорныя, вполнѣ обезпеченныя поступленія. Но всею совокупностью этихъ средствъ хозяйство, и частное, и общественное, и государственное, большею частью не мо-

жетъ свободно располагать, такъ какъ у каждаго изъ названныхъ хозяйствъ могутъ быть подлежащія выполненію обязательства,—напримѣръ, платежи по выдачѣ жалованья служащимъ и проч. Если срочныя обязательства и подлежащія выполненію расходы больше наличности или равны ей, то никакихъ свободныхъ суммъ данное хозяйство не имѣетъ. Если же наличность превышаетъ совокупность платежей, то излишекъ является средствами, состоящими въ свободномъ распоряженіи даннаго хозяйства. Въ примѣненіи къ государственному хозяйству Россіи, эти свободныя средства и называются свободной наличностью. *Вычисленіе съ возможной точностью размѣра свободной наличности чрезвычайно важно для правильнаго веденія каждаго хозяйства.* Произведенный непосредственно подсчетъ свободной наличности обыкновенно провѣряется по бухгалтерскимъ книгамъ слѣдующимъ способомъ: свободная наличность на предшествующій срокъ увеличивается или уменьшается присоединеніемъ къ ней, или исключеніемъ изъ нея, разности между суммою заприходованныхъ послѣ этого срока поступленій и суммою сдѣланныхъ, а также предназначенныхъ къ производству на счетъ этихъ поступленій расходовъ; увеличивается наличность, конечно, въ томъ случаѣ, если сумма поступленій выше суммы расходовъ, а уменьшается—при обратномъ между ними отношеніи. Эти именно простые и общеупотребительные пріемы примѣняются и для вывода свободной наличности государственнаго казначейства. Въ кассовыхъ отчетахъ министерства финансовъ, а равно въ отчетахъ государственнаго контроля, ежегодно исчисляются находящіяся на лицо въ кассахъ министерства финансовъ къ 1 января каждаго года суммы; къ этимъ суммамъ присоединяются денежные знаки, находящіеся въ пути, т.-е. высланные изъ однѣхъ кассъ и еще не полученные другими, а также и сравнительно незначительныя суммы, слѣдующія къ полученію по разсчетамъ съ эмеритальными и другими посторонними капиталами, въ возвратъ произведенныхъ за ихъ счетъ расходовъ. Изъ этого итога въ отчетахъ государственнаго контроля вычитаются всѣ разрѣшенные, но неиспользованные еще кредиты, т.-е. всѣ расходы, предусмотрѣнные по ранѣе утвержденнымъ смѣтамъ и росписямъ, но еще не выполненные и потому могущіе потребовать средствъ для ихъ покрытія. *Остатокъ, получаемый за отчисленіемъ изъ общей наличности той части, которая соотвѣтствуетъ суммѣ всѣхъ невыполненныхъ еще расходовъ и представляется наличностью дѣйствительно свободною, т.-е. не связанною никакими обязательствами или обѣщаніями правительства.* На-ряду съ этимъ, въ каждомъ отчетѣ государственнаго контроля дается и другой разсчетъ, въ которомъ къ выведенной ранѣе цифрѣ свободной наличности на 1 января отчетнаго года присоединяется та сумма, на кото-

рую въ общемъ итогѣ финансовыхъ оборотовъ за этотъ годъ поступленія превысили расходы, или, наоборотъ, изъ этой цифры вычитается сумма превышенія расходовъ надъ доходами. Совпаденіе результатовъ этихъ двухъ разсчетовъ служитъ доказательствомъ ихъ точности и безошибочности. Само собою разумѣется, что въ зависимости отъ того, что выше въ теченіе даннаго года,—издержки или поступленія.—и свободная наличность уменьшается или увеличивается".

Къ этому поясненію г. министра финансовъ слѣдуетъ прибавить, что существуетъ еще одинъ весьма важный, такъ сказать, *генеральный способъ* провѣрки правильности исчисленія суммы свободной наличности, который и принятъ государственнымъ контролемъ, какъ необходимое дополненіе къ двумъ первымъ, а именно: сравненіе исчисленной свободной наличности съ общей суммой остатковъ по исполненію росписей, накопившихся къ концу отчетнаго года.

Вообще, размѣръ свободной наличности государственнаго казначейства находится всегда въ прямой зависимости отъ движенія суммъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, являясь результатомъ сложенія остатковъ отъ исполненія росписей за прошлые года. Конечно, въ виду кассовыхъ, а въ прежнее время и курсовыхъ оборотовъ, сумма свободной наличности не всегда вполнѣ совпадаетъ съ суммой остатковъ по исполненію росписей, но разность между ними никогда не превышала извѣстнаго, скромнаго предѣла: такъ, напр, въ 10-тилѣтіе 1886—1895 гг., maximum ея былъ 17 милл. р. (въ 1894 г.); затѣмъ, образовавшаяся между ними разница въ послѣдующіе года обыкновенно сглаживалась, т.-е. кассовые и курсовые обороты приходили, въ концѣ концовъ, въ равновѣсіе, и деньги, затраченныя на нихъ, поступали поэтому обратно въ свободную наличность. Въ названный періодъ разница между суммами свободной наличности и остатками по исполненію росписей не превышала, въ средней сложности, 7,5 милл. р. въ годъ, при чемъ въ 1890 и 1893 гг. свободная наличность была болѣе накопившихся остатковъ.

Затѣмъ, было дознано, что при составленіи отчета государственнаго контроля за 1895 г., въ „Объяснительную Записку" введена цѣлая система такихъ цифръ, благодаря которымъ дѣйствительный остатокъ отъ исполненія росписей на 1 января 1896 г. (295,6 милл. р.) подвергнулся такому комбинированному превращенію, что могъ быть показанъ въ двухъ измѣненныхъ суммахъ: въ 275,8 милл. р. и въ 250,8 милл. р.; первая изъ этихъ суммъ принята для сравненія свободной наличностя на 1 января 1896 г., а вторая положена въ основаніе исчисленія остатка по исполненія росписей, принятаго для сравненія съ свободной наличностью на 1 января 1897 года.

Фактъ введенія подобныхъ цифръ въ государственную отчет-

ность, какъ опасный инцидентъ, не могъ не тревожить вниманія компетентныхъ лицъ, и поэтому государственный контроль, когда это выяснилось, немедленно принялъ мѣры къ исправленію „Объяснительной Записки за 1899 г.", въ смыслѣ устраненія изъ нея названныхъ цифръ. При этомъ замѣчено было другое, болѣе важное обстоятельство, находящееся въ тѣсной связи съ первымъ. Благодаря означеннымъ комбинаціямъ подобныхъ цифръ, въ „Объяснительной Запискѣ" государственнаго контроля за 1896 г. показано, что свободная наличность превысила остатокъ по исполненію государственныхъ росписей на 7,5 милл. р. [1]), а въ „Объяснительной Запискѣ" за 1897 годъ это превышеніе констатировано въ суммѣ 0,8 милл. р. [2]), тогда какъ въ дѣйствительности къ концу 1896 года былъ недочетъ въ свободной наличности, по сравненію съ остаткомъ по исполненію росписей около 37,3 милл. р.,—а къ концу 1897 года около 47 милл. р. Наконецъ, къ 1 января 1898 года, этотъ недочетъ окончательно выяснился въ суммѣ 44,8 милл. руб., и въ этомъ размѣрѣ остается неизмѣнно и до настоящаго времени. Тутъ, во-первыхъ, насъ занимаетъ то, что до 1895 года включительно, несмотря на постоянныя курсовыя колебанія [3]), разница между остатками по исполненію росписей съ суммой свободной наличности не превышала обыкновенно, какъ мы сказали, въ средней сложности, 7,5 милл. р., а теперь эта разница, начиная съ 1896 г., когда болѣе нѣтъ курсовыхъ колебаній, достигаетъ крупной суммы—44 милл. руб.; во-вторыхъ, намъ несовсѣмъ понятно, почему, по какимъ соображеніямъ и по какому предвидѣнію, въ „Объяснительную Записку 1895 г." введены такія цифры, при посредствѣ которыхъ можно было устранить оказавшійся впослѣдствіи недочетъ въ свободной наличности (44,8 милл. р.). Какъ сказано выше, дѣйствительный остатокъ по исполненію росписей на 1 января 1896 г. составлялъ 295,6 милл. руб., а въ „Объяснительной Запискѣ за 1896 г." онъ показанъ всего въ суммѣ 250,8 милл. р.,—на 44,8 милл. р. меньше дѣйствительнаго остатка, т.-е. въ размѣрѣ недочета.

Въ „Объяснительной Запискѣ" къ отчету за 1899 г., при замѣнѣ подобныхъ цифръ подлинными, взятыми изъ соотвѣтствующихъ от-

---

[1]) „Объяснительная Зап. къ Отчету Госуд. Контр. за 1896 г.", стр. 120.

[2]) „Объяснит. Зап. къ Отчету Госуд. Контр. за 1897", стр. 114.

[3]) Въ 1887 г. зол. и сер. рубли принимались равными 1 р. 67 к. кред.; въ 1888 г. зол. и сер. р. = 1 р. 80 к. кред.; въ 1889 г. зол. и сер. р. = 1 р. 70 к. кред.; въ 1890 г. 1 р. зол. = 1 р. 70 к. кред. и 1 р. сер. = 1 р. 19 к. кред.; въ 1891 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кред. и 1 р. серебр. 1 р. 12 к. кред.; въ 1892 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кред. и 1 р. сер. = 1 р. 12 к. кред.; въ 1893 г. 1 р. зол. = 1 р. 70 к. кред.; въ 1894 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кред. и въ 1895 г. 1 р. зол. = 1 р. 60 к. кредитомъ.

четовъ, недочетъ въ свободной наличности, по сравненію съ остатками по исполненію росписей, исчисленъ въ суммѣ 39.192.056 руб., при чемъ принято въ разсчетъ, что, къ началу десятилѣтія 1890—1899 гг., свободная наличность значилась въ размѣрѣ 218.559.608 р.; въ теченіе его, превышеніе доходовъ надъ расходами составило 37.359.658 р., и къ концу десятилѣтія, слѣдовательно, должно было бы находиться въ свободной наличности 255.919.266 р., а оказалось всего 216.727.212 (255.919.266—216.727.212=39.192.056 р.).

Но этотъ расчетъ не совсѣмъ вѣренъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего, надо замѣтить, что свободная наличность, какъ это видно изъ „Объяснительной Записки за 1899 годъ", не всегда совпадаетъ съ суммой остатковъ по исполненію росписей, и поэтому, для сравненія свободной наличности на 1 января 1900 г. съ суммой этихъ остатковъ за десятилѣтіе 1890—1899 гг., необходимо принять въ разсчетъ не сумму свободной наличности къ началу десятилѣтія (218.559.608 р.) плюсъ накопившіеся остатки по исполненію росписей, а дѣйствительный остатокъ по исполненію росписей къ началу десятилѣтія (227.725.322 р.) плюсъ накопившіеся остатки. Затѣмъ, въ „Объяснительной Запискѣ за 1899 г.", на стр. 85, въ таблицѣ доходовъ и расходовъ за періодъ 1890—1899 гг., въ 1896 году превышеніе расхода надъ доходомъ показано въ 10.044.793 р., вмѣсто 11.881.513 р.; объясняется это тѣмъ, что въ „Отчетѣ государственнаго контроля за 1896 г." (стр. 28—30), въ доходы зачислены свободные остатки отъ заключенныхъ смѣтъ въ суммѣ 62.088.334 р., считая золотой рубль [1]) по курсу 1 р. 60 к. кред., а слѣдовало бы 60.251.614 руб., по курсу 1 руб. 50 к.; вслѣдствіе этого, превышеніе доходовъ надъ расходами въ десятилѣтіе 1890—1899 гг., показанное въ таблицѣ въ 37.359.658 руб., должно быть уменьшено (11.881.513—10.044.793) на 1.836.720 рублей, то-есть, принято въ 35.522.938 рублей. По исправленіи этихъ двухъ мѣстъ, получимъ слѣдующую сумму остатковъ по исполненію росписей на 1 января 1900 года: 227.725.322 + 35.522.938 = 263.248.260 руб.

Изъ сравненія этой суммы съ свободной наличностью на то же число оказывается недочетъ въ 46.521.046 р. (263.248.260—216.727.212); принимая же во вниманіе, что въ 1899 г. кассовые обороты уменьшили свободную наличность на 2.263.259 р., дѣйствительный недочетъ на 1 января 1900 года, подлежащій объясненію, въ независимости отъ оборотовъ отчетнаго года, составляетъ около 44 милл. р.

Недочетъ этотъ образовался въ періодъ 1896—1899 гг., и поэтому его трудно объяснить курсовыми потерями въ прежніе года.

---

[1]) Стараго чекана.

Въ 1896 г., какъ указано въ „Объяснительной Запискѣ", на курсахъ потеряно около 16 милл. руб.; только эта потеря и можетъ быть принята въ разсчетъ. Но, съ другой стороны, можно замѣтить, что, по кассовому своду „Отчета государственнаго контроля за 1897 годъ" (стр. 762—783), на 1 января 1898 г. показана „*сумма, находящаяся въ пути*" менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на 12 милл. руб. [1]), и этимъ почти уравновѣшена отмѣченная курсовая потеря. А затѣмъ вопросъ о недочетѣ все-таки остается вопросомъ; детальное разъясненіе его возможно лишь путемъ сравненія цифръ отчетовъ съ документами.

Еще слѣдуетъ указать на одно недоразумѣніе, относительно опредѣленія размѣра свободной наличности на 1 января 1900 года.

До сихъ поръ, мы утверждали и весьма серьезно, основываясь на подлинномъ „Отчетѣ государственнаго контроля за 1899 г." (стр. 812—827) и на „Объяснительной Запискѣ" къ этому отчету (стр. 110—113), что на 1 января 1900 года числилось свободной наличности всего 216.727.212 руб. Вѣрность этого исчисленія вполнѣ подтверждается и сопоставленіемъ оказавшихся на это число наличныхъ средствъ государственнаго казначейства (701.000.512 р.) съ лежащими на немъ *невыполненными обязательствами* (484.273.300 р.) [2]).

Несмотря на это, въ упомянутой „Объясн. Запискѣ", на стр. 114, свободная наличность на 1-е января 1900 г. значится еще и въ другомъ размѣрѣ,—въ суммѣ 259.392.669 р.; такъ именно она показана и во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ по поводу росписи доходовъ и расходовъ на 1901 г., напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

Какъ объяснить это разнорѣчіе въ оффиціальныхъ документахъ?

По поводу этого, въ „Объяснит. Запискѣ" говорится слѣдующее:

„При выводѣ свободной наличности на 1-е января 1900 г. (какъ то приведено на стр. 112 „Объяснит. Записки"), въ разсчетъ были приняты невыполненные къ этому сроку расходы по заключеннымъ росписямъ 1899 г. и прежнихъ лѣтъ въ суммѣ 428.991.964 р. 4 к., въ числѣ коихъ 57.665.457 р. 25 к. предназначены на платежи по государственнымъ займамъ.

„Между тѣмъ, Высочайше утвержденнымъ 18-го октября 1900 г.

---

[1]) Къ началу года находилось въ пути 69.405.384 р., а въ теченіе года отправлено въ путь 1.081.077.295 р.; итого, находилось въ пути 1.150.482.679 р.; получено изъ суммъ, находившихся въ пути, 1.117.591.188 р.; оставалось въ пути на 1 января 1898 г.—32.891.491 р. (1.150.482.679—1.117.591.188 р.). Между тѣмъ, по отчету 1897 г. сумма, находившаяся въ пути, къ 1 января 1898 г. показана въ 20.641.991 р. т.-е. менѣе на 12 милл. р., сравнительно съ дѣйствительной.—*На 12 милл. руб. уменьшена поэтому и свободная наличность.*

[2]) Стр. 111 и 112 „Объяснит. Записки за 1899 г.".

положеніемъ комитета финансовъ постановлено: 1) *начиная съ 1900 г.*, сократить дѣйствіе кредитовъ на платежи по государственнымъ займамъ съ четырехъ лѣтъ до одного года, съ тѣмъ, чтобы на ассигнованный по смѣтѣ даннаго года кредитъ относились всѣ произведенные въ томъ году на платежи по государственнымъ займамъ расходы, безъ различія сроковъ сихъ платежей, и 2) образовать особый пятнадцатимилліонный фондъ на покрытіе могущихъ возникнуть въ теченіе года, противъ ассигнованнаго кредита, перерасходовъ въ платежахъ по государственнымъ займамъ, съ тѣмъ, чтобы фондъ этотъ по мѣрѣ израсходованія пополнялся за счетъ свободной наличности государственнаго казначейства.

„По силѣ сего Высочайшаго повелѣнія, изъ числа продолженныхъ по отчету государственнаго контроля за 1899 годъ кредитовъ по государственнымъ займамъ (въ общей суммѣ 57.665.457 р. 25 к.) пятнадцать милліоновъ должны будутъ остаться въ особомъ вышеупомянутомъ фондѣ, а остальные 42.665.457 р. 25 к. подлежатъ, *по отчету за 1900 годъ*, закрытію и присоединенію къ свободнымъ рессурсамъ государственнаго казначейства.

„Если послѣднюю вышеуказанную сумму (42.665.457 р. 25 к.), какъ подлежащую *по отчету за 1900 годъ* закрытію, исключить изъ числа невыполненныхъ къ 1-му января 1900 года расходовъ государственнаго казначейства, то свободная наличность на 1-е января 1900 г. опредѣлится въ 259.392.669 р. 64 к. (216.727.212 р. 39 к.+ 42.665.457 руб. 25 к.)“.

Такимъ образомъ, оказывается, что во второй половинѣ октября 1900 г.,—замѣтимъ, въ тотъ самый моментъ, когда отчетъ государственнаго контроля за 1899 г. уже былъ отпечатанъ, но признано было необходимымъ измѣнить и перепечатать „Объяснительную Записку“ къ этому отчету, въ виду оказавшихся въ ней, такъ сказать, фиктивныхъ цифръ, о которыхъ мы говорили выше, т.-е. въ моментъ, когда обнаружился недочетъ въ свободной наличности, по сравненію ея съ накопившимися остатками по исполненію росписей, до того времени остававшійся незамѣтнымъ (44 м. р.),—въ это именно время состоялось приведенное выше постановленіе комитета финансовъ, на основаніи котораго въ свободную наличность на 1-е янв. 1900 г. зачислена часть наличности государственнаго казначейства, связанная *невыполненными расходами*, предназначенными на платежи по государственнымъ займамъ, и при томъ въ размѣрѣ (42,6 милл. р.), почти прикрывающемъ обнаруженный недочетъ въ свободной наличности (44 милл. р.).

Однако, возможно ли вообще зачисленіе въ свободную наличность суммъ, связанныхъ невыполненными расходами?

Лучшимъ отвѣтомъ на это служитъ приведенное выше заявленіе г. министра финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу доходовъ и расходовъ на 1901 г. Тамъ прямо говорится, что „*остатокъ, полученный за отчисленіемъ изъ общей наличности той части, которая соотвѣтствуетъ суммѣ всѣхъ невыполненныхъ еще расходовъ, и представляется наличностью дѣйствительно свободною, т.-е. не связанною никакими обязательствами и обѣщаніями правительства*".

Но если такъ,—а иначе и быть не можетъ,—то какъ же можно было зачислить въ свободную наличность суммы, предназначенныя на платежи по государственнымъ займамъ? Или это—платежи, не связанные съ обязательствами и обѣщаніями правительства?

Остается еще одинъ вопросъ. Постановленіе финансоваго комитета, Высочайше утвержденное 18-го октября 1900 г., можно ли было пріурочить къ отчетности за 1899 годъ?

Изъ текста ясно видно, что постановленіе это должно примѣняться впредь, начиная съ финансовой смѣты 1900 г.; поэтому оно никакъ и не можетъ быть распространено на смѣты истекшаго до этого срока времени, а слѣдовательно, едва ли могло быть примѣнено и къ отчету государственнаго контроля за 1899 годъ.

Такимъ образомъ, сумма свободной наличности на 1-е января 1900 года, въ размѣрѣ 259.392.669 р., можетъ представиться недостаточно правильной, и притомъ не съ одной финансовой точки зрѣнія.

Л. Бухъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1901.

Дипломатія и казни въ Пекинѣ.—Вопросъ объ ассоціаціяхъ во Франціи и парламентскія пренія о законопроектѣ Вальдека-Руссо.— Французскій клерикализмъ и демократія.—Смерть Милана и сербскія дѣла.

Дипломатическіе переговоры съ Китаемъ приняли въ послѣднее время крайне тяжелый характеръ. Просвѣщенныя христіанскія націи, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ представителей, требовали „обезглавленія" китайскихъ сановниковъ, списокъ которыхъ былъ составленъ заранѣе; дворъ богдыхана, соглашаясь въ принципѣ на лишеніе жизни указанныхъ ему лицъ, просилъ позволенія предоставить нѣкоторымъ изъ нихъ совершить самоубійство, другимъ подвергнуться удавленію вмѣсто обезглавленія, а относительно двухъ князей императорской крови—герцога Лана и отца наслѣдника престола, Туана,—довольствоваться разжалованіемъ и изгнаніемъ; что же касается Тунъ-Фу-Сяна, охраняющаго дворъ своими войсками, то, въ виду занимаемаго имъ положенія, правительство можетъ наказать его только въ будущемъ, когда представится случай отнять у него командованіе. Державы признали справедливость заявленій богдыхана о неудобствѣ или невозможности для него исполненія смертнаго приговора надъ близкими родственниками, или надъ начальникомъ войскъ, подъ охраною которыхъ дворъ находится въ настоящее время въ Си-Нганъ-Фу; но дипломатія твердо отстаивала свои требованія по отношенію къ остальнымъ „осужденнымъ", хотя и не имѣла ничего противъ замѣны обезглавленія удавленіемъ для двухъ высокопоставленныхъ мандариновъ, въ видѣ особой уступки или привилегіи, не въ примѣръ прочимъ. Чтобы добиться отъ Китая скорѣйшаго и безусловнаго подчиненія, объявленъ былъ графомъ Вальдерзе походъ внутрь страны, и начались дѣятельныя приготовленія къ новой кампаніи, о которой ничего не знали сами правительства заинтересованныхъ государствъ, кромѣ развѣ Германіи. Однако, походъ не состоялся, и дѣло обошлось безъ обширныхъ военныхъ мѣръ и экзекуцій, желательныхъ германскому главнокомандующему союзныхъ армій въ Китаѣ. Китайскій дворъ отказался отъ дальнѣйшихъ ходатайствъ и пререканій; достигнуто было окончательное соглашеніе, и серія предположенныхъ казней открылась торжественнымъ обезглавленіемъ двухъ сановниковъ въ Пекинѣ, въ присутствіи оффиціальныхъ представителей и военныхъ отрядовъ союзниковъ.

Говорить по этому поводу о наказаніи виновниковъ совершившихся злодѣяній въ Китаѣ было бы большимъ недоразумѣніемъ. Тутъ нѣтъ осужденныхъ, потому что не было никакого суда; нѣтъ наказаній, потому что не было подсудимыхъ, признанныхъ виновными; никто изъ обреченныхъ на обезглавленіе, удавленіе или самоубійство, не былъ даже выслушанъ, и всѣ они имѣли основаніе повторить передъ смертью слова, сказанныя однимъ изъ нихъ,—что они не знаютъ, за что ихъ казнятъ. Нельзя даже отрицать возможность простыхъ ошибокъ въ личности намѣченныхъ жертвъ, такъ какъ иностранные посланники въ Пекинѣ достаточно ясно обнаружили на дѣлѣ полное незнаніе того, что совершалось и подготовлялось вокругъ. Не было сдѣлано никакого разслѣдованія для провѣрки полученныхъ свѣдѣній или указаній, никакого подобія разбирательства, хотя бы поверхностнаго или строго-военнаго, безъ соблюденія обычныхъ условій и гарантій правосудія. Но и судъ надъ китайскими сановниками былъ бы въ данномъ случаѣ немыслимъ ни для иностранныхъ державъ, ни для правительства самого Китая. Преслѣдуемые мандарины дѣйствовали не самовольно, какъ преступники, а исполняли только обязательные для нихъ указы и распоряженія императрицы-регентши и ея всемогущаго совѣтника и министра, князя Туана; они были только должностными лицами, усердными вѣрноподданными и патріотами, и трудно даже представить себѣ, какъ они могли поступать иначе при оффиціальномъ господствѣ партіи „боксеровъ" въ Пекинѣ. Судить ихъ и карать за то, что они подчинялись авторитету своего высшаго начальства, когда само это начальство, въ лицѣ князя Туана и императрицы-регентши, не привлекается къ отвѣтственности,—значитъ, уже слишкомъ рѣзко отступать отъ существующихъ во всемъ культурномъ мірѣ понятій и обычаевъ международнаго и всякаго иного права. Дипломатія задалась цѣлью нагнать страхъ на Китай, чтобы, по выраженію Вильгельма II, населеніе запомнило „на тысячу лѣтъ", къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ посягательство на жизнь и имущество европейцевъ; но китайцы запомнятъ и другое,—что иностранцы нарушили свои собственные, священные и общепринятые законы для нанесенія кровавой обиды Китаю [1]). Чувство страха пройдетъ, когда удалятся европейскія войска съ графомъ Вальдерзе и когда возстановится въ Пекинѣ власть богдыхана; ненависть къ Европѣ и ея мнимо-христіанской культурѣ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи представляетъ особый интересъ „Дневникъ" П. С. Попова, нашего генеральнаго консула въ Пекинѣ, пострадавшаго лично во время осады и тѣмъ не менѣе сохранившаго полное безпристрастіе при обсужденіи вопроса: кто былъ истиннымъ виновникомъ всего, что произошло, китайцы или западная Европа? См. выше, стр. 25 и 26.

усилится въ китайскомъ народѣ, и жажда мести проявится при первомъ подходящемъ случаѣ, быть можетъ, въ болѣе страшныхъ формахъ и при болѣе благопріятныхъ для Китая условіяхъ, чѣмъ до сихъ поръ. Достиженіе такого результата въ будущемъ не входитъ, конечно, въ разсчеты великихъ державъ; но, къ несчастію, дипломатія вообще не заботится о будущемъ и въ своемъ современномъ видѣ и характерѣ едва ли способна идти дальше отдѣльныхъ и случайныхъ мѣропріятій, не связанныхъ ни съ какими общими задачами и принципами.

Во Франціи происходятъ теперь горячіе споры о предметахъ и вопросахъ, представляющихъ, повидимому, мало интереса для заграничной печати. Министерство Вальдека-Руссо приступило къ рѣшенію задачи, которая стояла на очереди во Франціи съ самаго основанія третьей республики. Изданіе закона объ ассоціаціяхъ входило въ программу почти всѣхъ республиканскихъ кабинетовъ съ 1871 года; за это время представлено было палатамъ болѣе тридцати законопроектовъ, предложеній и докладовъ, посвященныхъ вопросу о правѣ заключать и устраивать союзы для цѣлей не-промышленныхъ. Французское законодательство до сихъ поръ покровительствовало только образованію обществъ, направленныхъ къ достиженію частныхъ матеріальныхъ выгодъ; всякіе другіе союзы нуждались въ особыхъ разрѣшеніяхъ, или существовали тайно, подъ страхомъ уголовныхъ преслѣдованій и административныхъ придирокъ. Какъ это ни странно, но право ассоціаціи во Франціи регулировалось главнымъ образомъ постановленіями уголовнаго кодекса; недозволенные союзы преслѣдовались, основатели подвергались взысканіямъ и штрафу, и на практикѣ французы лишены были одной изъ существенныхъ принадлежностей общественной и политической свободы. Такъ какъ разрѣшеніе основать ассоціацію зависѣло отъ правительства, то и въ этомъ отношеніи могущество администраціи при республикѣ сохранилось въ томъ же объемѣ и съ тѣмъ же оттѣнкомъ произвольнаго усмотрѣнія, какъ при имперіи. Стѣснительные законы обходились, впрочемъ, довольно легко; вмѣсто недозволенныхъ союзовъ фигурировали отдѣльныя подставныя лица, на имя которыхъ пріобрѣтались имущества и совершались акты, относившіеся къ союзамъ. Въ разныхъ мѣстахъ Франціи и въ самомъ Парижѣ воздвигались огромныя зданія запрещенныхъ монашескихъ орденовъ, утверждались завѣщанія въ пользу іезуитскихъ учрежденій, и правительство было безсильно бороться противъ этого непрерывнаго роста и распространенія духовныхъ конгрегацій, такъ какъ оффиціально дѣйствовали за нихъ частныя полноправныя лица, которыя являлись какъ бы собственниками монастырскихъ имуществъ. Такимъ

образомъ, въ рукахъ духовныхъ ассоціацій сосредоточились обширныя земельныя владѣнія, которыя, по приблизительному разсчету, оцѣниваются теперь въ милліардъ сто милліоновъ франковъ. Іезуитскій орденъ, издавна принадлежащій къ числу безусловно запрещенныхъ во Франціи, владѣетъ тамъ недвижимымъ имуществомъ цѣнностью до 49 милліоновъ, причемъ на имя конгрегаціи записано, для взысканія налога, имущество цѣною въ сто тысячъ франковъ, а на остальную сумму значатся собственниками частныя лица, въ качествѣ „постороннихъ" плательщиковъ податей. Община сестеръ Сенъ-Винцента де-Поля располагаетъ имѣніями и домами цѣной въ 63½ милліоновъ франковъ, и только третья доля этого имущества числится оффиціально за общиной; владѣнія другихъ духовныхъ союзовъ номинально принадлежатъ всецѣло подставнымъ лицамъ. Въ одномъ Парижѣ цѣнность имуществъ религіозныхъ общинъ и учрежденій опредѣляется въ 190½ милліоновъ франковъ и большинство учрежденій и общинъ принадлежитъ къ числу недозволенныхъ. Никакими законодательными мѣрами нельзя было помѣшать переходу имѣній и капиталовъ въ руки отдѣльныхъ лицъ, которыя уже отъ себя передавали эти имущества въ распоряженіе конгрегаціи. Вопреки запрещеніямъ и при невольномъ содѣйствіи республиканскихъ властей, развивалось и процвѣтало во Франціи монашество въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ; обогащаясь на счетъ клерикально-консервативной части французскаго общества, преимущественно аристократіи и высшей буржуазіи, оно, естественно, служило скрытымъ оплотомъ того клерикальнаго духа, съ которымъ тщетно воевали всѣ республиканскія правительства. Хотя папская власть формально признала республику и старалась поддерживать съ ней мирныя отношенія, но чувствовался постоянный антагонизмъ между католической церковью и французской демократіей, и борьба съ клерикализмомъ составляла одну изъ руководящихъ идей республиканской партіи во Франціи съ начала семидесятыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ этой идеи, вопросъ о правѣ ассоціаціи обсуждался преимущественно съ точки зрѣнія законнаго противодѣйствія клерикальнымъ элементамъ, связаннымъ прямо или косвенно съ существованіемъ и развитіемъ духовныхъ конгрегацій. Наиболѣе значительна роль послѣднихъ въ воспитаніи и образованіи юношества; женскія учебныя заведенія почти исключительно находятся въ завѣдываніи духовенства, и въ области школьнаго дѣла монашескіе ордена успѣшно соперничали съ оффиціальнымъ учебнымъ вѣдомствомъ. Вальдекъ-Руссо, бывшій министромъ при Гамбеттѣ, остался вѣрнымъ его лозунгу: „клерикализмъ—вотъ врагъ" (le cléricalisme—voilà l'ennemi); онъ задумалъ осуществить завѣтный планъ передовыхъ республиканцевъ и

нанести окончательный ударъ клерикализму посредствомъ новаго закона объ ассоціаціяхъ.

Сущность законопроекта, внесеннаго министерствомъ въ палату въ концѣ истекшаго года, заключается въ слѣдующемъ. Ассоціаціей признается соглашеніе, которымъ двое или нѣсколько лицъ соединяютъ свои знанія или свою дѣятельность не для пріобрѣтенія и распредѣленія прибыли, а для какой-нибудь другой цѣли. Всякій договоръ объ ассоціаціи долженъ быть сдѣланъ публичнымъ; учредители обязаны сообщить мѣстной префектурѣ свѣдѣнія о назначеніи и предметѣ ассоціаціи и о мѣстопребываніи ея должностныхъ лицъ. Несоблюденіе этого правила можетъ служить основаніемъ къ упраздненію союза, по требованію заинтересованныхъ лицъ или администраціи. Ассоціаціи, признанныя общеполезными особымъ административнымъ декретомъ, пользуются правами юридическихъ лицъ и могутъ пріобрѣтать имущества, владѣть и распоряжаться ими, согласно своимъ уставамъ; но недвижимость можетъ принадлежать имъ только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она необходима для осуществленія задачъ ассоціаціи. Имѣнія, доставшіяся союзу по дарственнымъ и завѣщательнымъ актамъ и не подлежащія употребленію для цѣлей ассоціаціи, продаются съ публичнаго торга, и вырученныя деньги передаются союзу по принадлежности. Дарственныя записи въ пользу ассоціаціи, подъ условіемъ оставленія имущества въ пожизненномъ пользованіи дарителя, признаются недѣйствительными. Ассоціаціи между французами и иностранцами могутъ основываться не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія государственнаго совѣта. Разрѣшеніе должно быть облечено въ форму парламентскаго закона въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если мѣстопребываніе ассоціаціи находится заграницей, или если руководство ею ввѣрено иностранцамъ; во-вторыхъ, если члены ассоціаціи живутъ сообща. Ассоціаціи такого рода, образовавшіяся безъ разрѣшенія, считаются недозволенными, и участники ихъ подвергаются установленнымъ взысканіямъ. Всѣ акты на пріобрѣтеніе имуществъ, совершаемые въ пользу ассоціаціи непосредственно или черезъ подставныхъ лицъ, въ обходъ закона, объявляются ничтожными. Подставными лицами по отношенію къ ассоціаціямъ, для которыхъ требуется законодательное разрѣшеніе, признаются отдѣльные члены ихъ, къ которымъ перешли или переходятъ имущества по дареніямъ или завѣщаніямъ не отъ восходящихъ родственниковъ, а также члены или постороннія лица, состоящія номинальными собственниками владѣній, занимаемыхъ ассоціаціей; но постороннимъ лицамъ предоставляется доказывать свои самостоятельныя права на эти имущества. Тѣ изъ существующихъ ассоціацій, которыя не были разрѣшены или признаны раньше, должны въ теченіе шестимѣсячнаго

срока принять необходимыя мѣры для исполненія требованій закона. Ассоціаціи же, руководимыя изъ-за границы или иностранцами, или члены которыхъ живутъ вмѣстѣ, упраздняются, если не представятъ разрѣшенія въ указанный срокъ. Имущества и цѣнности, принадлежавшія членамъ ассоціаціи до ея учрежденія или дошедшія къ нимъ впослѣдствіи по наслѣдству, отдаются имъ обратно; имущества же, пріобрѣтенныя безмездно, могутъ быть потребованы дарителями или ихъ наслѣдниками, или правопреемниками завѣщателей въ теченіе одного года со времени публикаціи о судебномъ или добровольномъ распущеніи союза; по истеченіи этого срока, эти имущества переходятъ къ государству и назначаются въ пользу пенсіонной кассы рабочихъ.

Изъ этихъ постановленій можно видѣть, что главной заботой составителей законопроекта было не установленіе общедоступнаго права ассоціаціи, а ограниченіе и ликвидація обществъ спеціальнаго типа, характеризуемыхъ заграничнымъ мѣстопребываніемъ руководителей или совмѣстной жизнью членовъ, т.-е. не названныхъ прямо монашескихъ и духовныхъ конгрегацій, имѣющихъ свой центръ въ Римѣ. Членовъ такихъ конгрегацій насчитывается во Франціи до 200.000 человѣкъ обоего пола, тогда какъ число оффиціальныхъ духовныхъ лицъ не превышаетъ 40.000. Наиболѣе серьезною опасностью признается сосредоточеніе крупныхъ земельныхъ владѣній въ завѣдываніи ассоціацій, не имѣющихъ промышленнаго характера и потому не пускающихъ своихъ имуществъ въ оборотъ; эти владѣнія „мертвой руки“ представляются по старой памяти великимъ общественнымъ зломъ, съ которымъ необходимо бороться при помощи крутыхъ законодательныхъ мѣръ. Церковныя и монастырскія имущества дореволюціонной Франціи были въ свое время конфискованы государствомъ; и современные республиканцы съ ужасомъ видятъ, что старое, казалось бы, уже вырванное съ корнемъ зло возродилось вновь и принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры. Волненіе большинства французовъ по поводу этого страннаго факта вполнѣ естественно, если имѣть въ виду господствующіе принципы и традиціи 1789 года; но современныя условія существованія конгрегацій имѣютъ очень мало общаго съ обстоятельствами прошлаго вѣка и едва-ли оправдываютъ примѣненіе тѣхъ принудительныхъ пріемовъ, которые положены въ основу законопроекта. Католическая церковь не пользуется никакой политической властью во Франціи и поэтому не имѣетъ возможности расширять свои владѣнія на счетъ государства или народа путемъ злоупотребленій, практиковавшихся въ былое время; и если въ прошломъ столѣтіи можно было говорить о возвращеніи церковныхъ имуществъ государству или націи, то эта точка зрѣнія

уже совершенно непримѣнима къ пріобрѣтеніямъ новѣйшихъ духовныхъ обществъ и союзовъ. Нынѣшнія конгрегаціи пріобрѣтали и увеличивали свои владѣнія исключительно въ силу частныхъ актовъ, законность которыхъ признавалась соотвѣтственными оффиціальными учрежденіями. Государство или нація въ цѣломъ не могутъ очевидно предъявлять какія-либо притязанія на имущества, переходящія законнымъ способомъ отъ полноправныхъ частныхъ лицъ къ тѣмъ или другимъ союзамъ или учрежденіямъ; конфискація въ этихъ случаяхъ не могла бы опираться на то, что отбираемыя имущества были неправильно отняты у націи въ той или другой формѣ. Пока существуетъ право даренія или завѣщанія, до тѣхъ поръ неизбѣжны будутъ переходы имуществъ къ организаціямъ, не пользующимся симпатіями правительства, и запрещать или ограничивать эти переходы—не во власти закона. Религіозное настроеніе, побуждающее людей дѣлать пожертвованія въ пользу церкви или на религіозныя цѣли, не устраняется и не ослабляется запрещеніями, а такое настроеніе свойственно огромной массѣ французскаго общества, вопреки всѣмъ передовымъ идеямъ и стремленіямъ республиканскихъ прогрессистовъ.

Законопроектъ предлагаетъ уничтожить дарственные и завѣщательные акты, утвержденные въ свое время подлежащими судебными мѣстами; наслѣдники жертвователей призываются къ предъявленію своихъ правъ въ короткій годичный срокъ, и всѣ имущества, которыя не найдутъ своихъ владѣльцевъ, — быть можетъ, давно умершихъ, — конфискуются государствомъ. Подобное обратное примѣненіе закона явно противорѣчитъ элементарнымъ основамъ гражданскаго права и законодательства; а въ смыслѣ исключительной мѣры оно слишкомъ слабо мотивировано правительствомъ. Самое понятіе о недозволенныхъ или запрещенныхъ конгрегаціяхъ, владѣющихъ недвижимостью во Франціи, основано отчасти на игрѣ словъ и вызываетъ невольное недоумѣніе: какимъ образомъ могли эти имущества, хотя въ нѣкоторой долѣ, считаться собственностью монашескихъ орденовъ, не признаваемыхъ государствомъ? Въ дѣйствительности, имѣнія принадлежатъ отдѣльнымъ благотворительнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, имѣющимъ свое особое управленіе изъ лицъ, состоящихъ членами извѣстнаго ордена; жертвованія дѣлались въ пользу этихъ заведеній, законно существующихъ и дѣйствующихъ во Франціи, а не въ пользу ордена, которому они номинально подвластны. Іезуитскій орденъ самъ по себѣ ничѣмъ не владѣетъ и не можетъ владѣть во Франціи; но отъ его имени организованы въ разныхъ мѣстахъ страны различныя учрежденія, большей частью несомнѣнно общеполезныя, какъ, напр., пріюты, богадельни, больницы и т. п. Каждое изъ этихъ учрежденій имѣетъ свои особыя имущества и свой особый кругъ дѣятельности,

и соединять ихъ владѣнія въ одну общую массу, цѣнностью въ $48^1/_2$ милліоновъ франковъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Быть можетъ, первымъ практическимъ результатомъ законопроекта будетъ нѣкоторое измѣненіе внѣшней организаціи этихъ разнообразныхъ учрежденій, съ расторженіемъ ихъ формальной связи съ заграничными монашескими институтами; но многочисленныя учебныя заведенія духовныхъ конгрегацій будутъ, вѣроятно, безусловно закрыты, такъ какъ именно въ области преподаванія находитъ главное примѣненіе взглядъ на клерикализмъ какъ на враждебную и опасную силу. Взамѣнъ закрытыхъ школъ придется основать другія, государственныя, и французское министерство народнаго просвѣщенія можетъ очутиться тогда передъ задачею, которую оно по существу не въ состояніи разрѣшить.

Значительная часть населенія во Франціи упорно сохраняетъ традиціонныя вѣрованія и даже суевѣрія; можно сказать, что истинная набожность, доходящая до экстаза и фанатизма, нигдѣ не имѣетъ такихъ прочныхъ корней въ народѣ, какъ въ этой странѣ безвѣрія и вольнодумства. Французскій клерикализмъ имѣетъ подъ собою твердую почву, и нельзя противодѣйствовать ему иначе какъ только духовнымъ оружіемъ, которымъ до сихъ поръ пренебрегало республиканское правительство. Народныя массы часто обнаруживаютъ недовѣріе къ духовенству, и ихъ легко запугать призракомъ старинныхъ церковныхъ притязаній и земельныхъ захватовъ; но французы въ большинствѣ остаются вѣрующими католиками и требуютъ отъ школъ, между прочимъ, и религіознаго обученія, устраненнаго изъ государственныхъ учебныхъ заведеній. Этимъ только и объясняется появленіе множества духовныхъ и монастырскихъ училищъ, обезпеченныхъ матеріальными средствами и нерѣдко получающихъ богатыя приношенія по дарственнымъ и завѣщательнымъ актамъ. Потребность въ религіозномъ преподаваніи не исчезнетъ и не ослабѣетъ отъ того, что закроются нынѣшнія духовныя и іезуитскія школы; а оставить эту потребность безъ удовлетворенія, полагаясь на одни принудительные способы воздѣйствія,—значило бы создать непримиримый внутренній разладъ между религіею и республикою во Франціи. Чтобы подорвать значеніе клерикализма, государство должно было бы измѣнить и расширить всю систему народнаго образованія, покрыть страну цѣлою сѣтью новыхъ, разумно устроенныхъ школъ, и допустить въ нихъ свободу религіознаго преподаванія, по желанію заинтересованныхъ лицъ, подъ контролемъ учебнаго начальства. Тогда самъ собою изсякъ бы источникъ тѣхъ опасностей, противъ которыхъ правительство періодически придумываетъ искусственныя законодательныя мѣры, безъ всякихъ шансовъ прочнаго успѣха. Французскіе республиканцы,

начиная съ Гамбетты, всегда нападали на симптомы и проявленія клерикальнаго духа, не затрогивая его реальной почвы и основы; они боролись съ внѣшностью, оставляя сущность въ сторонѣ, и оттого ихъ усилія оказывались неминуемо безплодными. Жюль Ферри считалъ великою побѣдою республики проведеніе закона, изгнавшаго преподаваніе религіи изъ государственныхъ школъ; представители духовенства были удалены изъ учебныхъ заведеній, получившихъ исключительно свѣтскій характеръ, и послѣдствіемъ этой побѣды было необыкновенно быстрое развитіе того зла, которое теперь волнуетъ и озабочиваетъ республиканцевъ. Странно, что никто даже не замѣчаетъ прямой логической связи между школьнымъ закономъ Жюля Ферри и позднѣйшимъ распространеніемъ духовныхъ и іезуитскихъ школъ; Вальдекъ-Руссо и его единомышленники идутъ по тому же старому пути и повторяютъ ошибки своихъ предшественниковъ: они вѣрятъ только въ силу принужденія, и результаты будутъ, конечно, прежніе,—быть можетъ, даже болѣе печальные и нежелательные для республики.

Имѣя въ виду прежде всего ограничить или уничтожить духовныя конгрегаціи, законъ опредѣляетъ ихъ такими внѣшними признаками, которые сами по себѣ кажутся вполнѣ невинными и могутъ быть отнесены съ одинаковымъ правомъ къ союзамъ вовсе не-религіознымъ или даже антирелигіознымъ. Ассоціаціи между французами, имѣющія свой центръ за границей или руководимыя иностранцами—это далеко не одни монашескіе ордена, а всякаго рода международныя общества, научныя, нравственно-политическія и соціальныя, которыхъ нѣтъ повода обставлять особыми стѣснительными условіями. Таковы, напримѣръ,—„общество мира“, совѣтъ котораго находится, если не ошибаемся, въ Женевѣ; „Институтъ международнаго права“, засѣдающій въ Гентѣ или Брюсселѣ; общества тюрьмовѣдѣнія, статистики, медицины, гигіены и т. п., устроивающія періодическіе съѣзды или конгрессы въ разныхъ городахъ Европы; „Армія спасенія“, предводители которой живутъ въ Лондонѣ; „Международное общество рабочихъ“, съ центральнымъ управленіемъ въ Англіи, и т. д. Для каждой изъ этихъ разнообразныхъ ассоціацій потребуется изданіе особаго закона, который „укажетъ условія ихъ дѣятельности“ во Франціи. Всеобщая стѣснительная регламентація установится только ради того, чтобы помѣшать образованію и росту іезуитскихъ и иныхъ духовныхъ коллегій. Не проще ли было бы открыто выдѣлить эти послѣднія и примѣнить къ нимъ спеціальныя правила, соотвѣтствующія ихъ характеру и способамъ дѣйствія? Точно такъ же совмѣстная жизнь свойственна не одному монашеству и сама по себѣ не представляетъ ничего такого, что оправдывало бы исключительную строгость законо-

дательнаго контроля. Какая-нибудь артель или группа рабочихъ не могла бы устроить общежитіе, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и утвержденія устава общины обѣими палатами. Еслибы нашлись теперь послѣдователи Фурье́ и пожелали основать фаланстеру, то этотъ въ сущности невинный проектъ долженъ былъ бы раньше обсуждаться въ парламентѣ. И все это только потому, что желательно поставить предѣлъ развитію монашества во Франціи. Очевидно, законопроектъ Вальдека-Руссо своимъ общимъ опредѣленіемъ бьетъ гораздо дальше цѣли и захватываетъ несравненно больше предметовъ и вопросовъ, чѣмъ предполагалось въ дѣйствительности. Даетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, лучшую формулировку общаго права ассоціаціи и облегчаетъ ли пользованіе имъ для обывателей? И этого нельзя сказать.

До сихъ поръ не требовалось ни предварительной заявки, ни административнаго разрѣшенія для основанія союза, число членовъ котораго меньше двадцати; только ассоціаціи съ болѣе значительнымъ составомъ участниковъ преслѣдуются уголовнымъ кодексомъ при отсутствіи предварительнаго разрѣшенія. Законопроектъ отмѣняетъ эти постановленія, унаслѣдованныя отъ второй имперіи, и одинаково подвергаетъ контролю всѣ вообще ассоціаціи, независимо отъ числа ихъ членовъ. Тѣ союзы, которые не будутъ признаны общеполезными, могутъ владѣть имуществомъ только на правахъ общей нераздѣльной собственности, въ которой каждый участникъ имѣетъ свою долю, соотвѣтственно размѣрамъ своего вклада или цѣнности своихъ услугъ; слѣдовательно, они будутъ лишены весьма важнаго права располагать своими самостоятельными средствами и должны будутъ рѣшать имущественные вопросы не по большинству голосовъ, а единогласно, какъ это принято относительно участниковъ общаго владѣнія. Въ законопроектѣ нѣтъ никакихъ указаній или намековъ на то, чѣмъ будетъ руководствоваться администрація при надѣленіи однихъ союзовъ достоинствомъ общеполезныхъ и при отказѣ другимъ въ такомъ существенномъ титулѣ, дающемъ ассоціаціи права и преимущества юридическаго лица; сочувственное или отрицательное отношеніе къ тѣмъ или другимъ обществамъ будетъ уже всецѣло зависѣть отъ взглядовъ и симпатій смѣняющихся министровъ. Теперь во главѣ правительства стоитъ Вальдекъ-Руссо, поддерживаемый передовыми республиканцами и соціалистами; но со временемъ онъ можетъ опять уступить мѣсто Рибо или кому-либо другому изъ партіи центра, еще недавно господствовавшей въ парламентѣ подъ предводительствомъ Мелина,— и тогда политика правительства по отношенію къ ассоціаціямъ измѣнится радикально. Законъ не создаетъ, такимъ образомъ, ничего прочнаго и вводитъ элементъ перемѣнчиваго произвола въ область практическаго примѣненія регулируемаго права.

Обсужденіе закона объ ассоціаціяхъ началось въ палатѣ депутатовъ 14 (1) февраля и не окончилось еще понынѣ. Такихъ продолжительныхъ и серьёзныхъ парламентскихъ преній по возбужденному правительствомъ законодательному вопросу не происходило во Франціи со времени знаменитой школьной реформы Жюля Ферри. Первое засѣданіе посвящено было полемикѣ по поводу рѣзкой критической оцѣнки законопроекта въ посланіи папы Льва XIII, отъ 23-го декабря, къ парижскому кардиналу-архіепископу Ришару. Соціалисты и радикалы усмотрѣли въ этомъ заявленіи римскаго престола незаконную попытку иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла страны; но Вальдекъ-Руссо не согласился съ этой точкою зрѣнія и призналъ за папою право высказывать свое мнѣніе о предметѣ, прямо или косвенно касающемся церкви. Между прочимъ, папа Левъ XIII въ своемъ посланіи весьма тонко даетъ понять, что Франція можетъ лишиться своего протектората надъ католиками на востокѣ, если она будетъ преслѣдовать свои религіозныя конгрегаціи и миссіи, которыми создано и охраняется ея положеніе первой католической державы въ далекихъ краяхъ. На востокѣ французская дипломатія играетъ роль оффиціальной покровительницы и заступницы католиковъ всѣхъ національностей въ области религіозныхъ и церковныхъ интересовъ, и этотъ протекторатъ доставляетъ Франціи крупныя политическія выгоды, которыми всегда дорожили ея различные республиканскіе кабинеты; а внутри страны французское правительство ведетъ борьбу съ религіозными учрежденіями и относится къ нимъ съ нескрываемой враждою. Видя такое отношеніе къ себѣ правительства, французскія духовныя миссіи, дѣйствующія въ восточныхъ земляхъ, будутъ вынуждены отказаться отъ дальнѣйшей самоотверженной работы и уступятъ мѣсто представителямъ другихъ національностей, къ великому ущербу для французскаго имени и авторитета въ чужихъ краяхъ. Намекъ папы Льва XIII былъ понятъ многими въ смыслѣ угрозы, и ораторы крайней лѣвой краснорѣчиво разсуждали на эту тему въ палатѣ; однако, по существу указанное противорѣчіе осталось невыясненнымъ. Палата довольствовалась заявленіемъ о безспорномъ правѣ государственной власти вырабатывать и издавать законы безъ всякаго посторонняго участія, чего не отрицали и клерикальныя группы меньшинства.

Этотъ первый полемическій приступъ къ парламентскимъ преніямъ о новомъ законѣ характеризуетъ уже весь ихъ дальнѣйшій ходъ. Въ парламентѣ съ самаго начала обозначились двѣ точно разграниченныя партіи—враговъ и защитниковъ католичества или, вѣрнѣе, клерикализма. Общій вопросъ объ ассоціаціяхъ разсматривался обѣими партіями исключительно подъ угломъ зрѣнія духовныхъ конгрегацій. Клерикалы выдвинули свои лучшія силы; съ ними за-одно дѣйствуютъ

умѣренные республиканцы, приверженцы религіозной свободы и равноправности. Противъ нихъ стоитъ непримиримое и рѣшительное большинство, не допускающее никакихъ уступокъ. Многочисленныя возраженія и поправки оппозиціонныхъ ораторовъ,—иногда вполнѣ основательныя и дѣльно мотивированныя,—отвергаются простымъ указаніемъ на ихъ клерикальный источникъ. Блестящія и убѣдительныя рѣчи произносились съ обѣихъ сторонъ; докладчикъ Трульо непрерывно давалъ отпоръ противникамъ; Вальдекъ-Руссо неутомимо отстаивалъ и объяснялъ каждый параграфъ закона, причемъ обнаруживалъ качества первокласснаго практическаго юриста, находчиваго и остроумнаго адвоката. Нѣкоторые изъ этихъ ораторскихъ турнировъ обращали на себя вниманіе изяществомъ пріемовъ и искусствомъ аргументаціи; между тѣмъ пренія были вообще безплодны и отчасти безсодержательны, такъ какъ истиннымъ предметомъ ихъ былъ клерикализмъ, а не законъ объ ассоціаціяхъ. Каждая изъ обѣихъ воюющихъ партій заняла опредѣленную позицію, съ которой нельзя было ее сдвинуть никакими доводами. Проектъ подвергся измѣненіямъ, но только по формѣ, а не по содержанію; оппозиція могла вліять лишь на редакцію закона и направила свои усилія въ эту сторону, выставляя въ то же время свои контръ-проекты взамѣнъ отдѣльныхъ статей правительственнаго текста. Защитники духовныхъ конгрегацій при всемъ своемъ краснорѣчіи были безсильны уже потому, что очутились въ фальшивомъ положеніи передъ парламентомъ: ораторы правой, крайніе консерваторы и реакціонеры, монархисты и бонапартисты выступали въ неожиданной для нихъ роли приверженцевъ полной свободы ассоціацій, свободы обученія и преподаванія, тогда какъ всѣмъ хорошо извѣстны ихъ принципы и стремленія, которымъ они слѣдуютъ неуклонно при малѣйшемъ или хотя бы кратковременномъ обладаніи властью. Клерикалы въ свое время угнетали и преслѣдовали вольнодумцевъ, и должны теперь въ свою очередь терпѣть отъ противниковъ; фразы о свободѣ въ ихъ устахъ звучатъ фальшиво и вызываютъ лишь раздраженіе и насмѣшки. Французскимъ монархистамъ приходится вновь испытывать на себѣ справедливость стараго латинскаго изреченія: „подчиняйся закону, который ты самъ установилъ“ (patere legem quam ipse tulisti).

Бывшій сербскій король Миланъ Обреновичъ скончался въ Вѣнѣ 11 февраля (нов. ст.), на 47-мъ году жизни, и едва ли нашлись гдѣ нибудь люди, способные оплакивать его смерть, — за исключеніемъ конечно, родного его сына, короля Александра. Даже старые сподвижники отвернулись отъ него, когда потеряли надежду на возвратъ его

вліянія и могущества въ Сербіи. Онъ умеръ, покинутый всѣми, и похороненъ, согласно своему желанію, въ чужой землѣ, въ Хорватіи. Наслѣдникъ князя Михаила, убитаго въ 1868 году въ Топчидерскомъ паркѣ, близь Бѣлграда, Миланъ провелъ юные годы въ Парижѣ, въ возрастѣ 14-ти лѣтъ былъ провозглашенъ княземъ подъ опекою регентства, въ которомъ главную роль игралъ Ристичъ, а затѣмъ съ 1872 года сталъ управлять самостоятельно. Во время возстанія въ пограничныхъ турецкихъ земляхъ, въ 1876 году, Миланъ примкнулъ къ движенію русскихъ добровольцевъ, назначилъ генерала Черняева сербскимъ главнокомандующимъ и предоставилъ ему воевать съ Турціею; война окончилась разгромомъ при Дьюнишѣ и была остановлена лишь дипломатическимъ заступничествомъ Россіи. Послѣ русско-турецкой кампаніи 1877 — 78 годовъ вассальное сербское княжество пріобрѣло независимость отъ Порты, а въ 1882 году Миланъ принялъ титулъ короля. Съ тѣхъ поръ, возвеличенный въ своихъ собственныхъ глазахъ новымъ для него положеніемъ коронованной особы, онъ началъ ту жалкую, иногда рискованную и обоюдоострую игру въ политическія комбинаціи, которая принесла Сербіи столько непоправимыхъ бѣдствій и которая наконецъ привела его самого къ паденію. Поочередно вступая въ сдѣлку съ разными сербскими партіями и преслѣдуя неподатливыхъ дѣятелей и патріотовъ, какъ личныхъ враговъ, онъ мало-по-малу пріучилъ себя смотрѣть на государственныя дѣла страны исключительно съ точки зрѣнія своихъ частныхъ интересовъ. Пользуясь вниманіемъ вѣнскаго двора, онъ легко поддался соблазнамъ дружескихъ и равноправныхъ сношеній съ высшими оффиціальными сферами Австріи, сталъ относиться къ своему народу съ презрительнымъ высокомѣріемъ, запуталъ и разстроилъ финансы, втянулъ Сербію въ тяжелыя долговыя обязательства, искусственно создавалъ политическіе кризисы подъ видомъ борьбы съ молчаливымъ и робкимъ населеніемъ, мѣнялъ конституціи и министерства безъ видимой причины, такъ что, въ концѣ концовъ, патріархальная страна сдѣлалась ареною какихъ-то непонятныхъ опытовъ и чувствовала себя не лучше, чѣмъ во времена господства турецкихъ пашей. Въ 1885 году, когда Болгарія произвольно присоединила къ себѣ Восточную Румелію, король Миланъ счелъ нужнымъ съ своей стороны напасть на Болгарію подъ предлогомъ возстановленія политическаго равновѣсія на Балканскамъ полуостровѣ; но вмѣсто ожидаемой легкой побѣды онъ потерпѣлъ позорное пораженіе при Сливницѣ и долженъ былъ обратиться къ помощи Австро-Венгріи, чтобы избѣгнуть неизбѣжныхъ печальныхъ послѣдствій своего фантастическаго предпріятія. Послѣ цѣлаго ряда публичныхъ скандаловъ, связанныхъ съ неудачною семейною жизнью,— въ родѣ насильственнаго отобранія малолѣтняго сына отъ матери

въ Висбаденѣ при содѣйствіи германской полиціи, въ 1888 году, — Миланъ неожиданно, въ началѣ 1889 года, обнародовалъ новую либеральную конституцію и затѣмъ, къ общему удивленію, отрекся отъ престола въ пользу Александра, которому исполнилось тогда около двѣнадцати лѣтъ. Назначено было регентство, и Миланъ поселился въ Парижѣ, гдѣ былъ однимъ изъ типичныхъ „Rois en exil". Всѣмъ еще памятны приключенія его въ аристократическихъ клубахъ и игорныхъ домахъ, его постоянныя требованія крупныхъ денежныхъ суммъ отъ сербскаго правительства, его домогательства объ удаленіи королевы Наталіи изъ Бѣлграда и постыдная исторія дѣйствительнаго ея изгнанія правительствомъ сына, при помощи жандармовъ. Въ 1891 году, Миланъ, сверхъ обычной значительной пенсіи, получилъ отъ Сербіи милліонъ франковъ подъ условіемъ проживанія за границею до совершеннолѣтія короля; годъ спустя, онъ отказался за деньги отъ всѣхъ своихъ правъ, соединенныхъ съ принадлежностью къ королевской фамиліи, и даже отъ правъ сербскаго подданства. Тѣмъ не менѣе, въ 1894 году онъ внезапно возвратился въ Сербію и вступилъ во всѣ права „отца-короля"; конституція была опять отмѣнена, возстановленъ старый уставъ 1869 года, и Миланъ, назначенный впослѣдствіи главнокомандующимъ сербской арміи, вновь сдѣлался полновластнымъ правителемъ злополучной страны. Послѣднимъ актомъ его „управленія" была жестокая и коварная расправа съ лучшими дѣятелями и патріотами Сербіи, принадлежащими къ такъ называемой радикальной партіи, — подъ прикрытіемъ мнимаго заговора, выразившагося, будто бы, въ покушеніи Княжевича. Только недавняя женитьба короля Александра, состоявшаяся противъ воли Милана, избавила страну отъ дальнѣйшихъ неурядицъ и потрясеній, зависѣвшихъ всецѣло отъ личнаго характера и темперамента эксъ-короля.

Миланъ обладалъ энергіею и предпріимчивостью, былъ замѣчательнымъ ораторомъ, умѣлъ внушать къ себѣ довѣріе даже умныхъ людей и производилъ впечатлѣніе властнаго человѣка, не терпящаго противорѣчій; въ немъ были характерныя черты турецкаго администратора, которыя отличали также другого виднаго дѣятеля недавняго прошлаго на Балканскомъ полуостровѣ, — Стамбулова. Какой-то нравственный дефектъ дѣлалъ его „злымъ геніемъ" Сербіи, орудіемъ бѣдствій для народа, снабжавшаго его обильными и даже непомѣрными матеріальными средствами и окружавшаго его почетомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ страха. Почему и за что Миланъ мстилъ подвластнымъ ему сербамъ такъ настойчиво и упорно въ теченіе многихъ лѣтъ—это остается тайною его психической организаціи. Нравственная личность его весьма ярко обрисовывается въ любопытнымъ посланіи его къ королевѣ Наталіи, обнаро-

дованномъ въ „Temps“, отъ 17 февраля. Въ концѣ 1892 года, подъ вліяніемъ разстройства своихъ денежныхъ дѣлъ, онъ задумалъ покончить съ собою, или по крайней мѣрѣ дѣлалъ видъ, что рѣшился на самоубійство; по этому поводу онъ обращается изъ Байонны къ своей бывшей, многократно и грубо оскорбленной супругѣ, въ Біаррицъ, съ просьбою о прощеніи и денежной помощи для уплаты его долговъ, въ размѣрѣ 345 тысячъ франковъ. Деньги эти, по его словамъ, нужны не ему лично, а только для избавленія Сербіи и ея короля отъ позора; самъ же онъ во всякомъ случаѣ черезъ нѣсколько дней „предстанетъ предъ судомъ Всевышняго“. Готовясь къ роковому шагу, онъ даетъ предсмертныя наставленія королевѣ, какъ она должна поступать для блага своего сына и какія идеи слѣдуетъ внушать ему.

„Вы будете при немъ,—пишетъ Миланъ:—давайте ему совѣты, но, ради Бога и во имя высшихъ интересовъ короля, *не довѣряйте сербамъ!* Тронъ тамъ довольно шатокъ. Выдержитъ ли онъ это послѣднее испытаніе? Пріучайте сына къ бережливости. Онъ будетъ имѣть капиталъ, застрахованный для него во время его несовершеннолѣтія; это—единственная услуга, которую я могъ оказать ему при отреченіи. Когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, пусть онъ не тратитъ больше, чѣмъ теперь, и пусть откладываетъ все, что можетъ. Пусть вступитъ въ бракъ съ богатой невѣстой и не ищетъ ничего другого. Ристичъ хотѣлъ бы женить его на дочери князя черногорскаго; это было бы безобразіемъ, и она слишкомъ бѣдна. Если я умру, не устроивъ своихъ дѣлъ, пусть онъ откажется отъ наслѣдства и даже отъ тѣхъ изъ оставшихся вещей, которыя имѣютъ семейное или историческое значеніе. Величайшій рычагъ въ этомъ мірѣ—богатство; я знаю, сколько я терпѣлъ, добиваясь его во все продолженіе моей жизни; пусть оно достанется ему путемъ разсчетливости и экономіи; пусть моя жизнь и мой конецъ послужатъ ему грустными уроками и удержатъ его отъ ошибокъ, которыя меня погубили... Если вы вернетесь въ Сербію, оставьте за границей все, что вамъ принадлежитъ; пусть Саша сдѣлаетъ то же самое. Въ случаѣ, если его свергнетъ революція, онъ за предѣлами страны будетъ по крайней мѣрѣ имѣть чѣмъ жить. Вы въ своей жизни были неправы въ одномъ отношеніи: вы не понимали шаткости трона и противодѣйствовали моимъ начинаніямъ и комбинаціямъ по этому предмету. Не повторяйте этой ошибки по отношенію къ вашему сыну. Впрочемъ, вы теперь научены опытомъ и знаете уже, чего можно ожидать отъ сербовъ. Въ этотъ послѣдній моментъ я заклинаю васъ не дѣлать этой ошибки“...

Интересенъ краткій и достойный отвѣтъ королевы Наталіи: „...Вы говорите, что предстанете предъ лицомъ Всевышняго. Развѣ къ Богу

возносится человѣкъ, убивающій себя?.. Правильно жить трудно,—и это единственная вещь, о которой вы не думали. Что касается неправоты, которую вы мнѣ ставите въ вину, то я горжусь ею. Короли существуютъ не для того, чтобы отворачиваться отъ своего народа и эксплуатировать его, а для того, чтобы жить, страдать и погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Мои страданія были весьма чувствительны, мои разочарованія—многочисленны. Но я никогда не обвиняла за нихъ Сербію, и если вы полагали, что можете, умирая, завѣщать мнѣ ваше дѣло ненависти къ родной странѣ для передачи сыну, то вы ошиблись! И какъ послѣднее пожеланіе вашему сыну, вы завѣщаете ему—продать себя богатой женщинѣ! Не поняли ли вы наконецъ, что богатство—ничто, что долгъ выше всего? Честь Саши требуетъ, чтобы вы разумно жили, а не того, чтобы вы покончили съ собою, какъ комическій актеръ. Впрочемъ, его честь будетъ зависѣть отъ него, а не отъ васъ. Между тѣмъ, Миланъ, поймите меня. Я не могу уплатить 345 тысячъ франковъ по вашимъ обязательствамъ; мое состояніе вовсе не таково, какъ вы его себѣ представляете, и въ этомъ отношеніи вы также имѣете поводъ упрекать себя. Если же вы нуждаетесь въ дружеской рукѣ, чтобы вырваться изъ пропасти, которая васъ увлекаетъ, то я протяну вамъ свою руку,—не изъ расположенія, котораго у меня больше нѣтъ къ вамъ, а по чувству долга относительно моего сына...“

Таковъ нравственный обликъ покойнаго экс-короля, которому волею судебъ ввѣрена была участь симпатичнаго и долготерпѣливаго сербскаго народа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1901.

— Болгарія и болгары. Н. Овсянаго, дѣйств. члена Имп. Р. Географ. Общества. Съ картою Балканскаго полуострова. Издано при содѣйствіи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1900.

— Ал. Харузинъ. Боснія-Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро-Венгріи. (Съ картою). Спб. 1901.

Въ нашей литературѣ,—несмотря на то, что уже прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени великихъ историческихъ событій, совершенно измѣнившихъ, при вмѣшательствѣ Россіи, политическую жизнь балканскаго славянства,—появлялось, однако, мало трудовъ, которые разъясняли бы русскому обществу новое положеніе балканскихъ народовъ. Писано было немало, но все больше газетныхъ, изрѣдка журнальныхъ статей, и очень мало серьезныхъ, обстоятельныхъ книгъ, дающихъ свѣдѣнія не изъ вторыхъ рукъ, а по собственному самостоятельному изученію. Пріятно указать теперь двѣ такихъ книги, посвященныхъ одна—Болгаріи, другая—Босніи-Герцеговинѣ.

Авторъ первой, г. Овсяный, уже давно началъ свои изученія балканскаго славянства. Въ 1877 г., онъ издалъ книгу: „Современная Турція“ (географическій обзоръ и историко-этнографическіе очерки); въ 1898 г., „Сербія и сербы“ (въ приложеніяхъ, краткія свѣдѣнія о сербахъ въ Турціи, Австріи, Босніи и Герцеговинѣ, въ Черногоріи). Авторъ другой книги, г. Ал. Харузинъ—въ прежнихъ сочиненіяхъ своихъ этнографъ и антропологъ; его наиболѣе обширный трудъ посвященъ былъ киргизамъ букеевской орды; далѣе, онъ изучалъ крымскихъ татаръ съ точки зрѣнія антропологіи и археологіи, населеніе Эстляндской губерніи, и т. д.

Свою книгу о Болгаріи г. Овсяный открываетъ слѣдующими соображеніями: „На политыхъ русской кровью поляхъ Болгаріи выросла болгарская свобода,—по этому одному, не говоря уже о племенномъ родствѣ и единствѣ вѣроисповѣданія, судьба болгарскаго народа должна

быть въ особенности близка намъ. Темная туча налегла-было на наши отношенія въ періодъ мрачной стамбуловщины, стремившейся отклонить Болгарію отъ Россіи; но волна народнаго движенія смыла и самого Стамбулова, и его нечистое дѣло. Теперь дружескія отношенія двухъ родственныхъ народовъ возстановились. Дай Богъ, чтобы эти узы окрѣпли и уже болѣе не ослаблялись!

„Но чтобы не повторились печальныя явленія прошлаго, намъ нужно хорошо знать другъ друга и отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ, что происходитъ у родственныхъ намъ народовъ; уроки прошлаго не должны проходить безслѣдно".

Этимъ авторъ и объясняетъ происхожденіе своего труда. Въ первый разъ авторъ познакомился съ Болгаріей еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда, тотчасъ послѣ войны 1877—78 года, онъ служилъ въ Болгаріи въ должности перваго окружнаго начальника въ одномъ изъ южныхъ округовъ; онъ оставилъ Болгарію по окончаніи оккупаціи и въ послѣднее время снова посѣтилъ ее для собиранія свѣдѣній о странѣ и народѣ, причемъ „встрѣтилъ полное сочувствіе и содѣйствіе со стороны всѣхъ болгаръ, къ которымъ обращался"; въ особенности отъ министра-президента Иванчова, который прежде долго былъ начальникомъ статистическаго бюро. Авторъ даетъ обстоятельный, сжатый обзоръ прошлаго и, главное, современнаго состоянія Болгаріи. За краткимъ географическимъ описаніемъ страны слѣдуетъ болѣе обширный обзоръ ея исторіи; далѣе, статистика и этнографія; литература, наука и искусство; вооруженныя силы. Въ концѣ указана довольно обширная литература о Болгаріи. Въ приложеніи помѣщены географическій и статистическій очеркъ Македоніи, и тексты договоровъ Санъ-Стефанскаго и Берлинскаго.

Въ нашей литературѣ книга г. Овсянаго является первымъ цѣльнымъ, внимательно составленнымъ, руководствомъ для знакомства съ Болгаріей. Приложенная карта Балканскаго полуострова очень отчетлива; жаль, что на ней обозначены только границы Болгаріи, но не отмѣчены границы Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцеговины, Греціи. Въ изложеніи новѣйшихъ событій въ Болгаріи можно было бы пожелать больше подробностей, которыя объяснили бы нѣсколько опредѣленнѣе образованіе болгарскихъ партій, и между прочимъ эпизодъ правленія Стамбулова.

Не менѣе интересна другая книга. Планъ ея—иной. Г. Харузинъ далъ своему труду форму не систематическаго описанія по рубрикамъ географіи, исторіи, статистики и т. д., а форму путешествія, въ которомъ онъ самъ изучалъ страну, одну часть за другою. Но авторъ былъ путешественникомъ, хорошо приготовленнымъ; видѣнное имъ уже знакомо ему раньше; путешествіе дѣлаетъ наглядными тѣ пред-

ставленія, какія раньше составились изъ чтенія, а также обогащаетъ наблюденіями жизни, идущей въ данную минуту. Это—путешествіе, иллюстрированное историческими разсказами и наблюденіями публициста; рядъ живо написанныхъ картинъ, при которыхъ авторъ приводитъ и историческія справки, и бытовыя современныя черты, и даже антропологическія соображенія о племенномъ типѣ, и т. п.

Боснія и Герцеговина,—первыя, поднявшія возстаніе въ половинѣ семидесятыхъ годовъ,—по окончаніи русско-турецкой войны получили весьма прискорбную участь. Въ то время какъ Болгарія стала лишь номинально зависимою, въ сущности свободнымъ конституціоннымъ государствомъ, Боснію и Герцеговину берлинскій конгрессъ присудилъ къ австрійской „оккупаціи“: другими словами, Австрія, не сдѣлавъ ровно ничего для освобожденія балканскаго славянства отъ турецкаго ига, получила въ подарокъ двѣ богатыя провинціи,—потому что „оккупація“ очевидно равнялась присоединенію. Двадцать лѣтъ тому назадъ можно было предвидѣть то, что происходитъ теперь: Австрія должна была распространить австрійскую культуру, сколько возможно подавляя тѣ стороны жизни, которыя могли бы развивать національный элементъ мѣстнаго славянскаго племени, не подходящій къ планамъ австрійской политики. Въ концѣ концовъ, Боснія и Герцеговина должны были стать прямымъ завоеваніемъ, которое проложило бы путь къ завоеванію всего балканскаго славянства.

Нашъ путешественникъ не ставитъ этого цѣлаго политическаго вопроса, но онъ внимательно наблюдаетъ тотъ процессъ, который совершается въ жизни славянскаго населенія и долженъ въ результатѣ повести къ австрійскому объединенію. По внѣшности, обѣ провинціи за время оккупаціи быстро подвинулись въ культурномъ отношеніи: построены желѣзныя и шоссейныя дороги, основываются промышленныя предпріятія, строятся школы (даже прекрасная мусульманская школа для босняковъ магометанъ), церкви; съ виду страна дѣлаетъ большіе культурные успѣхи,—но рядомъ имѣются весьма ежовыя рукавицы для всякихъ проявленій стараго мѣстнаго народнаго движенія. Съ этимъ порядкомъ вещей нашъ путешественникъ встрѣчается во всѣхъ сторонахъ жизни оккупированныхъ провинцій. Приводимъ нѣсколько подробностей.

Авторъ устраняетъ отъ себя какое-либо готовое предубѣжденіе противъ оккупаціоннаго управленія. Онъ знаетъ, что оно приняло страну изъ турецкихъ рукъ въ самомъ первобытномъ состояніи; онъ знаетъ, какъ трудно было въ этихъ условіяхъ установить новыя, болѣе совершенныя формы быта,—но, говоря, напр., объ устройствѣ земельныхъ отношеній, не можетъ удержаться отъ упрека, что, потративъ много труда и мѣстныхъ средствъ на учрежденіе того, что по куль-

турному состоянію народа вовсе ему не нужно, оккупаціонное правительство „не взялось за самую существенную сторону жизни народа, преслѣдуя совершенно иныя цѣли, не стоящія ни въ какой связи съ благомъ собственно Босны-Герцеговины".

„Какъ во многомъ другомъ,—говоритъ г. Харузинъ,—такъ и въ вопросѣ о поднятіи земледѣльческой культуры страны, въ дѣятельности оккупаціоннаго правительства есть, къ сожалѣнію, много дутаго и показного. Эта фальшь стоитъ въ тѣснѣйшей и непремѣнной связи съ тѣмъ фальшивымъ положеніемъ, въ которомъ находится мѣстное правительство, вынужденное работать передъ глазами Европы, чтобы, такъ сказать, выслужить для Австро-Венгріи право на вѣчное владѣніе оккупаціонной провинціею.

„Въ дѣятельности мѣстныхъ властей надо съ похвалою указать на организованное сельскохозяйственное обученіе, которое не можетъ, рано или поздно, не принести своихъ плодовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить учрежденій чисто показного характера: образцовыхъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, опытныхъ станцій и т. п. Размѣръ вложенныхъ въ нихъ капиталовъ, а равно примѣненный въ этихъ учрежденіяхъ высокій культурный методъ, не достигаютъ цѣли, такъ какъ образцовыя хозяйства годны только для значительныхъ и хорошо спеціально подготовленныхъ помѣщиковъ. Означенныя учрежденія даютъ, правда, возможность экспонировать на выставкахъ прекрасные экземпляры плодовъ, въ дѣйствительности въ Боснѣ-Герцеговинѣ совсѣмъ не произрастающихъ; но результатовъ для крестьянскаго хозяйства они, конечно, никакихъ имѣть не могутъ. Впрочемъ, слѣдуетъ указать на совершенно новый, только что вводимый въ практику методъ: учрежденіе небольшихъ крестьянскихъ образцовыхъ хозяйствъ. Результаты его пока еще не могутъ быть оцѣниваемы.

„По оффиціальнымъ отчетамъ, можно отмѣтить, что правительствомъ въ отношеніи сельскаго хозяйства и вообще благосостоянія сельскаго населенія сдѣлано слѣдующее: устроены пути сообщенія, организовано ветеринарное дѣло, урегулировано пользованіе лѣсомъ, учрежденъ сельскохозяйственный фондъ для ссудъ (за 4—6%), устроены: сельскохозяйственныя (4), фруктово-винодѣльныя (3) станціи, образцовыя хозяйства (16), конюшни для улучшенія породы лошадей, скачки, открыты (кромѣ школъ) воскресные курсы. Сверхъ того, привлечены въ страну колонисты, частью изъ Германіи, частью изъ Австро-Венгріи въ количествѣ 928 семействъ и 5.267 душъ. Послѣдняя мѣра имѣетъ болѣе политическое, очевидно, чѣмъ экономическое значеніе" (стр. 217—218).

Отношенія промышленныя и экономическія вызываютъ у автора слѣдующія наблюденія:

„Едва ли такой странѣ какъ Босна-Герцеговина, при какихъ бы то ни было условіяхъ ея существованія, удалось бы устоять отъ наводненія австрійскими товарами. Въ этомъ отношеніи Босна-Герцеговина повторяетъ старую исторію о томъ, что малокультурная страна попадаетъ въ зависимость культурнаго государства. Но на обязанности мѣстнаго правительства лежитъ подготовить населеніе возможно скорѣе выдѣлить изъ своей среды людей, которые способны достойно встрѣтить торгово-промышленный натискъ и, создавая свое, стать въ борьбу съ пришлымъ элементомъ. Австро-венгерское правительство въ этомъ отношеніи поступаетъ какъ разъ наоборотъ: во вредъ интересамъ жителей оккупаціонной провинціи и на пользу имперіи.

„Поэтому жалобы мѣстнаго населенія на экономическій подрывъ представляются небезосновательными. Указывается, что Австро-Венгрія, эксплоатируя оккупаціонную провинцію какъ свою колонію, ведетъ коренное народонаселеніе къ *быстрому обнищанію*. Пріобрѣвъ Босну-Герцеговину, Австро-Венгрія нашла въ странѣ не только надежное мѣсто для сбыта своихъ товаровъ, но и для помѣщенія свободныхъ капиталовъ.

„Обогащающійся пришлый элементъ нисколько не содѣйствуетъ благосостоянію Босны-Герцеговины, а правительство, совершенно безконтрольно расходуя мѣстныя средства на оборудованіе страны на европейскій ладъ, разоряетъ народъ. Сельскій людъ, составляющій свыше 88% всего населенія, не только бѣденъ, но изъ года въ годъ все больше приближается къ *полному обнищанію*. Между тѣмъ, бюджетъ страны ежегодно возростаетъ. Значительная доля его расходуется либо на затѣи, совершенно ненужныя для страны, либо на денаціонализацію населенія и, въ частности,—*окатоличеніе православныхъ*“ (стр. 221—222).

Но присоединились къ этому и между-славянскія осложненія. Боснія издавна была раздѣлена въ религіозномъ отношеніи: въ глубокіе средніе вѣка здѣсь было православіе, богомильство и католичество. Богомильство съ теченіемъ времени вымерло; католичество усиливалось и, съ турецкимъ завоеваніемъ, высшій классъ, землевладѣльцы, желавшіе сохранить свое политическое значеніе и богатство, принялъ магометанство. Положеніе христіанскихъ исповѣданій, оставшихся въ народной массѣ, было безправное; тѣмъ не менѣе, католичество, благодаря связямъ съ метрополіей и клерикальной энергіи, въ послѣднее время, еще до русско-турецкой войны, стало усиливаться,—и съ оккупаціей сюда перешло еще другое, хорватское католическое движеніе. Съ размноженіемъ и усиленіемъ католическаго клира сталъ возвышаться и его образовательный уровень.

„Главнѣйшая заслуга въ этомъ отношеніи,—говоритъ г. Хару-

зинъ,—падаетъ на епископа въ Дьяковѣ, Штросмайера (епископомъ съ 1849 г. по сіе время), устроившаго въ 1857 г. въ названномъ городѣ духовную семинарію спеціально для боснійскихъ францисканцевъ. Заслуги Штросмайера въ отношеніи католической церкви въ Боснѣ-Герцеговинѣ неисчислимы. Онъ обратилъ вниманіе на эту страну, поднялъ образовательный уровень хорватовъ и ихъ національное самосознаніе и тѣмъ самымъ приготовилъ въ ихъ лицѣ сильный, убѣжденный, культурный и отчасти нафанатизированный элементъ, обрушившійся послѣ оккупаціи на Босну-Герцеговину и ведущій свою пропаганду не изъ-за отвлеченной религіозной идеи, а изъ идеи національно-хорватской. При такихъ условіяхъ римская церковь не могла не стать быстро на твердую почву. Теперь, когда эта церковь, поддерживаемая и мѣстнымъ правительствомъ, и изъ Хорватіи, Венгріи и Рима, начала грозную борьбу съ православіемъ, она является уже вполнѣ организованною и представленною цѣлою арміею лицъ духовнаго сана" (стр. 263—264).

Фактически, результатъ всего этого сказывался прямо—возростаніемъ цифры католическаго населенія. Авторъ производитъ статистическіе разсчеты, изъ которыхъ выходитъ, что магометанское населеніе страны, медленно возростая, относительно уменьшается, а католическое, напротивъ, значительно увеличивается. „Въ частности, въ періодъ съ 1885 по 1895 годъ, католики увеличились на 25,7% или на 2,6% въ средній годъ". Авторъ не находитъ основаній думать, чтобы приростъ католическаго населенія можно было приписывать переходу въ лоно католической церкви; напротивъ, несомнѣнно, что большой приростъ католическаго населенія находится въ тѣсной зависимости отъ прихода въ Босну-Герцеговину уроженцевъ Австро-Венгріи и другихъ странъ. Въ концѣ концовъ, населеніе православное сравнительно сокращается; магометанское—также, вслѣдствіе эмиграціи магометанъ, не выносящихъ своего новаго, подчиненнаго положенія подъ христіанской властью; католическое—возростаетъ, благодаря пришлому элементу (стр. 266—270).

Судьба православнаго населенія въ церковномъ отношеніи была, напротивъ, весьма тяжелая. За время до оккупаціи, отзывы писателей о православномъ духовенствѣ—самые неблагопріятные. Даже Гильфердингъ, путешествовавшій въ Босніи въ пятидесятыхъ годахъ и исполненный славянскими сочувствіями, писалъ тогда, что православные священники и боснійскіе монахи „невѣжественны выше всякаго вѣроятія". Иначе и быть не могло,—замѣчаетъ г. Харузинъ. „Это положеніе духовенства вызывалось съ одной стороны порабощеннымъ состояніемъ сербскаго народа, которому не откуда было получать постоянную и дѣятельную поддержку, съ другой же стороны—порабо-

щеніемъ греческими епископами и зависимостью церкви отъ константинопольской патріархіи. Если православное духовенство, по выраженію Гильфердинга, „срамило свой санъ своимъ невѣжествомъ“, то отвѣтственность за это цѣликомъ падала на высшихъ его представителей греческой народности. Полная одичалость страны и общій гнетъ не позволяли думать о раціональномъ просвѣщеніи на мѣстѣ“. Еслибы босно-герцеговинская православная церковь зависѣла отъ свободнаго сербскаго патріарха, то, по мнѣнію автора, могла бы найтись возможность образованія духовенства за границей,—какъ было съ боснійскими францисканцами въ школѣ Штросмайера. Но этого не случилось, и „нельзя не удивляться,—говоритъ г. Харузинъ,—при такихъ условіяхъ, какъ много жизненныхъ силъ сохранила православная община и лучшіе представители въ духовенствѣ. Послѣдніе сознавали крайнюю необходимость въ просвѣщеніи, тяготились низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ своей братіи и мірянъ. Послѣ первой трети XIX вѣка стремленіе къ самообразованію и самовоспитанію становится рѣшительнымъ. Образованія ищутъ гдѣ только возможно: въ сосѣдней Сербіи, въ Россіи, въ Австро-Венгріи. Стараются самоучкою пріобрѣсти знанія“. Начинаютъ, сколько возможно, основывать школы; подкупая турецкія власти, поправляютъ разрушающіяся церкви. Но остается все-таки греческая патріархія и турецкая власть,—ни та, ни другая не желали возрожденія народа. „Тѣмъ не менѣе, православная церковь въ Боснѣ-Герцеговинѣ, начиная со второй половины XIX вѣка, рѣшительно крѣпнетъ; духъ самосознанія развивается, общій уровень населенія возростаетъ и турецкій режимъ становится невыносимымъ. Православное населеніе Герцеговины, а затѣмъ Босніи, поднимаетъ знамя возстанія и борется съ достойнымъ подражанія мужествомъ за національное освобожденіе“ (стр. 279).

Результатъ возстанія извѣстенъ. Турецкое владычество въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ было сломлено; но именно тѣ, кто показалъ тогда достойное подражанія мужество, по рѣшеніямъ дипломатіи попали изъ огня въ полымя. „Освобожденная отъ турецкаго ига“ страна оказалась въ слѣдующемъ положеніи.

„Послѣ оккупаціи страны, православное населеніе сдѣлалось юридически совершенно равноправнымъ съ остальными частями босно-герцеговинскаго народа. Помощь, опека, поддержка *извнѣ* не вызывались поэтому никакою необходимостью. Съ оккупаціею Босна-Герцеговина какъ бы вошла въ составъ Австро-Венгріи—державы, включающей въ свои предѣлы многочисленныя народности, въ томъ числѣ народность и сербскую, единокровную и единовѣрную съ православными босно-герцеговинцами. Прежняя борьба православнаго сербства противъ мусульманства утрачиваетъ всякое значеніе, всякій смыслъ.

Ни жизни, ни имуществу не грозитъ болѣе опасности; зависимость сербской церкви отъ греческаго патріарха какъ бы фиктивна. Вмѣсто прежняго случайнаго заступничества европейскихъ державъ, вмѣсто покровительства отдаленной Россіи, Австро-Венгрія беретъ все православное населеніе въ постоянную опеку, интересы православной церкви обезпечены самимъ правительствомъ. Чиновники не подкупаемы, и тѣмъ самымъ православнымъ общинамъ сохраняется значительная доля ихъ прибылей. Австро-Венгрія не имѣетъ иныхъ жизненныхъ интересовъ внѣ своей территоріи, какъ только на Балканскомъ полуостровѣ, и потому интересы его населенія тѣмъ болѣе близко лежатъ къ ея сердцу. Съ Россіею же Босна-Герцеговина имѣетъ гораздо меньше общаго и по причинѣ языка, и по причинамъ чисто территоріальнымъ. Какое отношеніе могли имѣть теперь представители иностранныхъ державъ къ мѣстному населенію?—Конечно, *никакихъ*. Сама церковная община утратила свое значеніе: ей незачѣмъ развивать свою дѣятельность, если само правительство входитъ во всѣ интересы народонаселенія. Поэтому вся организація общины подлежитъ рѣзкому измѣненію, во имя общихъ интересовъ страны. Расходы на церковь, на школу допустимы лишь въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ и церковь, и школа руководятся самимъ правительствомъ. Населенію открыты широко двери къ сліянію съ имперіею въ одно органическое цѣлое.

„Всѣ эти видимыя преимущества оккупаціи страны Австро-Венгріею на дѣлѣ жестоко отзываются на православномъ населенія Босны-Герцеговины и на интересахъ православной церкви и сербской народности“ (стр. 281—282).

Вмѣсто турецкаго „ига“, грубо подкупного или разбойничьяго, наступило весьма тонкое и неуязвимое со стороны. Оккупація съ самаго начала ставила дѣло такъ, чтобы превратить страну въ австрійскую провинцію. Съ константинопольскимъ патріархомъ, оффиціальнымъ главой мѣстнаго православія, заключенъ былъ конкордатъ, по которому патріархъ, за умѣренный гонораръ, предоставилъ Австріи распоряжаться церковными дѣлами Босны-Герцеговины. Притѣсненіе православнаго населенія, составлявшаго большинство и вмѣстѣ главную помѣху для сліянія, вызываетъ, наконецъ, жалобы. „Но это,—говоритъ г. Харузинъ,—лишь усиливаетъ негласное давленіе, тайное стѣсненіе. И въ этой, такъ сказать, подпольной дѣятельности заключается главная опасность. Постройка католическихъ церквей тамъ, гдѣ живетъ исключительно православное населеніе, направленная въ пользу католиковъ аграрная политика, субсидированіе преданныхъ правительству священниковъ, изгнаніе священниковъ народныхъ, замѣщеніе должностей митрополитовъ лицами изъ имперіи, содержаніе

ихъ на счетъ казны, распространеніе католическихъ иконъ и крестовъ, а равно брошюръ противоправославнаго направленія, главнымъ же образомъ закрытіе православныхъ школъ и замѣна ихъ интерконфессіональными правительственными—все это не можетъ не оказать въ ближайшемъ будущемъ крайне пагубнаго дѣйствія".

„Весь босно-герцеговинскій вопросъ,—продолжаетъ авторъ,—сводящійся въ настоящее время на борьбу сербской и хорватской народностей, заключается въ борьбѣ православія и католичества. Силы въ этой, впрочемъ вѣковой уже, борьбѣ совершенно неравны. Неравенство заключается главнымъ образомъ въ степени просвѣщенія... Католическое населеніе Босны-Герцеговины опирается на высокообразованную, культурную и единовѣрную Австро-Венгрію и въ частности Хорватію, тогда какъ православное населеніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ опереться даже на сосѣднюю Сербію и Черногорію, которыя, въ отношеніи религіознаго просвѣщенія и вообще народнаго образованія, стоятъ еще на низкой степени развитія" (стр. 287—288).

Книга г. Харузина принадлежитъ къ лучшему, что было у насъ писано о современной жизни славянства. Авторъ съ большою старательностью изучалъ свой предметъ, давъ живыя картины страны и населенія, и въ первый разъ обстоятельно указалъ политическое состояніе народа, который своимъ возстаніемъ семидесятыхъ годовъ снова поднялъ славянскій вопросъ. Рѣшеніе, данное берлинскимъ трактатомъ, было, однако, роковымъ для этого народа. Книга г. Харузина—какъ будто отходная. Въ теченіе „оккупаціи" уже очень далеко подвинулся процессъ, который можно было предвидѣть съ самаго начала,—процессъ подавленія мѣстной, народной, православной стихіи, и водворенія чисто австрійскаго режима. Очевидно, здѣсь сказалась историческая необходимость: мѣстная славянская сила была не въ состояніи противиться австрійскому культурному наплыву; и „славянская идея", двигавшая въ тѣ годы русскимъ обществомъ, оказалась также безсильной дать другой оборотъ судьбѣ несчастной страны. Были данныя для этого историческаго результата: но во всякомъ случаѣ печально явленіе народа, который, только-что освободившись отъ тупого турецкаго ига, не могъ воспользоваться этой свободой для установленія своей жизни и попалъ подъ враждебную ферулу. Способы австрійскаго управленія, описываемые г. Харузинымъ, не позволяютъ ожидать лучшаго въ будущемъ; притязанія хорватскія только усложняютъ трудное положеніе коренного сербскаго населенія Босніи и Герцеговины, потому что къ враждѣ католиковъ противъ православія присоединяется между-племенная вражда хорватовъ и сербовъ. Наконецъ, оккупація принесла многоразличныя улучшенія внѣшняго

быта и извѣстное просвѣщеніе,—хотя съ обѣднѣніемъ народа и иными ущербами: эта „показная“ сторона культуры производитъ, однако, свое впечатлѣніе, и Австрія разсчитываетъ на нее, чтобы современемъ съ нѣкоторымъ правомъ превратить оккупацію въ полное присоединеніе.

Къ каждой главѣ своей книги, по различнымъ предметамъ описанія страны—географіи, исторіи, археологіи, церковной жизни, статистики, школы,—г. Харузинъ прибавляетъ указаніе новѣйшей литературы, весьма обширное. Наибольшая доля этихъ книгъ и брошюръ—нѣмецкія; и хотя авторами ихъ бывали не всегда нѣмцы, но и писатели славянскіе, во всякомъ случаѣ эти книги принадлежатъ литературѣ нѣмецкой.—А. П.

— В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Томъ второй. Спб. 1901.

Изданіе „Монографій“ идетъ, какъ видимъ, быстро. Второй томъ посвященъ различнымъ вопросамъ русской исторіи, а также литературы, отъ Рюрика до 1880-хъ годовъ; онъ составился изъ старыхъ и новѣйшихъ статей г. Бильбасова. Содержаніе тома слѣдующее: „Появленіе русскихъ на исторической сценѣ“—любопытныя мысли автора объ историческомъ началѣ Руси и о единствѣ народнаго русскаго характера съ тѣхъ временъ и донынѣ; „Письмо перваго Лжедимитрія Клименту VIII“—по поводу недавняго открытія, сдѣланнаго г. Пирлингомъ; „Юрій Крижаничъ“; „Памяти Фонъ-Визина“—въ столѣтіе по его смерти, 1792—1892; „Адріанъ Грибовскій, составитель записокъ о Екатеринѣ II“; „Международныя сношенія Россіи съ Германіею“—историческія воспоминанія о дипломатическихъ отношеніяхъ съ Германіей съ XV вѣка и до новѣйшихъ временъ, по поводу „Собранія трактатовъ и конвенцій“ Ѳ. Ѳ. Мартенса; „Присоединеніе Курляндіи“; „Россія и Англія въ XVIII вѣкѣ“; „Памяти императрицы Екатерины II“—по поводу истекшаго столѣтія съ ея кончины, 1896; „Записки современниковъ о 1812 годѣ“; „Самаринъ Гагарину о Лермонтовѣ“—очень любопытный разсказъ о кн. Гагаринѣ, другѣ Самарина, Чаадаева, потомъ католикѣ и іезуитѣ; „Опека надъ произведеніями Пушкина“; „Наканунѣ Крымской войны“—изъ записокъ графа Фицтума фонъ-Экштедта; „Народная школа въ Россіи“; „Средняя школа 30 лѣтъ назадъ“; „Петербургскія письма“—1883 года, изъ „Р. Мысли“.

Таково содержаніе книги. Разнообразные интересы автора, обширная начитанность, нерѣдкая оригинальность его взглядовъ, въ вопросахъ сложныхъ внимательная критика, всегда живое изложеніе, вообще

даютъ трудамъ г. Бильбасова большое положеніе въ нашей исторической литературѣ. Собраніе „монографій“ дастъ возможность читателю пользоваться тѣми его трудами, которые разсѣяны были въ журналахъ и оттого, съ теченіемъ времени, становились все менѣе доступными и забывались; но въ этихъ прежнихъ журнальныхъ статьяхъ заключается очень много интереснаго и поучительнаго.—Т.

— Сочиненія императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе Импер. Академіи Наукъ. Томы I—IV. Драматическія сочиненія. Спб. 1901.

Въ Отчетѣ Русскаго Отдѣленія Академіи Наукъ за 1899 годъ было сообщено, что г. Пыпинъ, собирая въ Государственномъ Архивѣ матеріалы для исторіи мистическаго движенія конца XVIII и начала XIX вѣка, встрѣтилъ въ Архивѣ множество автографовъ литературныхъ произведеній имп. Екатерины, и въ этомъ числѣ нѣсколько пьесъ ея, неизданныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ историкамъ литературы. Въ прежнее время, лѣтъ тридцать назадъ, только Пекарскій (состоявшій на службѣ въ Госуд. Архивѣ), былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этихъ рукописей и сдѣлалъ изъ нихъ небольшія извлеченія. Русское Отдѣленіе Академіи рѣшило предпринять цѣлое изданіе сочиненій имп. Екатерины, и вышедшіе теперь четыре тома представляютъ начало этого изданія.

Въ предисловіи къ I-му тому читаемъ:

„Задача настоящаго изданія — собрать, по возможности, въ полномъ составѣ сочиненія императрицы Екатерины II, до сихъ поръ далеко не вполнѣ извѣстныя, возстановить по подлиннымъ рукописямъ ихъ настоящій текстъ и такимъ образомъ опредѣлить ея литературную дѣятельность, которая до сихъ поръ представлялась не вполнѣ ясной,—и мало того, въ литературѣ высказывались даже прямыя отрицанія ея авторства. Установить точную хронологію всѣхъ работъ императрицы Екатерины довольно трудно: мы указываемъ хронологическія данныя, гдѣ онѣ отмѣчены прямо или могутъ быть опредѣляемы косвенно. Въ порядкѣ изданія мы приняли распредѣленіе ихъ по содержанію: сочиненія драматическія, статьи журнальныя, сочиненія педагогическія и т. д. Не думаемъ помѣщать здѣсь „Наказа“; это, быть можетъ, не столько литературное произведеніе, сколько правительственный актъ,—притомъ недавно онъ былъ переизданъ и ему посвящаются теперь спеціальныя изслѣдованія со стороны его состава и историческаго значенія.

„Полагая главную задачу изданія въ собраніи самаго состава со-

чиненій и опредѣленіи текста, мы устраняли историко-литературный комментарій: это—дѣло особаго изслѣдованія. Притомъ, работа еще продолжается. Но въ концѣ ея мы надѣемся собрать впечатлѣнія и выводы, которые представляются при изученіи этого необычайнаго историческаго матеріала.

„Въ Государственномъ Архивѣ сохранилась цѣлая масса литературныхъ произведеній императрицы, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ историкамъ литературы. Вновь найденный матеріалъ заключаетъ въ черновыхъ или окончательныхъ автографахъ, во-первыхъ, нѣсколько вполнѣ законченныхъ пьесъ и не мало отрывковъ, никогда не бывшихъ въ печати; во-вторыхъ, для сочиненій напечатанныхъ — также массу автографовъ, которые доставляютъ не мало любопытныхъ варіантовъ и вообще указаній о способѣ ея работы, о роли ея секретарей, которые переписывали ея труды и частію исправляли ея орѳографію и стиль. Наконецъ, сохранилось въ автографахъ большое число разнообразныхъ ея статей и замѣтокъ, и цѣлыхъ сочиненій, историческихъ, литературныхъ и автобіографическихъ, опять неизвѣстныхъ въ печати. Важныя находки въ Государственномъ Архивѣ и другихъ, частію мало доступныхъ хранилищахъ, а также въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ, въ Архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества, въ собраніи рукописей I-го отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, въ Имп. Публичной Библіотекѣ,— указывали необходимость цѣльнаго изданія литературныхъ произведеній императрицы Екатерины II, и постановленіемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности 5 февраля 1900 г. опредѣлено было предпринять это изданіе въ ряду критическихъ изданій русскихъ писателей“.

Два первые тома заняты тѣми пьесами императрицы, которыя уже ранѣе были извѣстны въ печати, и здѣсь изданы въ сличеніи съ подлинными рукописями, дающими возможность видѣть первоначальную работу, поставить внѣ сомнѣнія самое авторство, опредѣлить своеобразный стиль и языкъ; пьесы сопровождены библіографическими примѣчаніями.

Третій томъ заключаетъ главныя находки, сдѣланныя въ Государственномъ Архивѣ—новыя, доселѣ неизвѣстныя пьесы императрицы Екатерины. Это—во-первыхъ, шесть вполнѣ, или почти вполнѣ, законченныхъ комедій:

— „Неожиданное приключенье“, въ автографѣ императрицы и въ копіи И. П. Елагина.

— „Невѣста невидимка“, въ автографѣ и копіи Елагина. Здѣсь— настоящая пьеса съ такимъ названіемъ: раньше, съ первыхъ печатныхъ изданій, названіе это придано было, неправильно, другой пьесѣ,

которая въ рукописяхъ называется „Вопроситель“ (напечатано въ I-мъ томѣ).

— „Комедія: что за штуки?“ въ автографѣ.

— „Думается такъ, а дѣлается инако“, въ автографѣ (мартъ, 1785).

— „Драновъ и сосѣди“, въ копіи.

— „Вольное переложеніе изъ Шакеспира, комедія: Расточитель“, въ двухъ автографахъ и въ копіи Храповицкаго, который упоминаетъ объ этой пьесѣ въ своемъ Дневникѣ въ концѣ 1786 года.

Далѣе, нѣсколько отрывковъ:

— „Врунъ“, въ автографѣ. Объ этой пьесѣ упоминаетъ Храповицкій въ іюлѣ 1787.

— „Разсказы. Баба бредитъ, чортъ ли ей вѣритъ“, въ автографѣ.

— „Вольное переложеніе съ аглинскаго“, въ автографѣ. Это— переложеніе изъ Шеридана, о чемъ упоминаетъ Храповицкій въ октябрѣ 1787.

— „Чуланъ. Вольное переложеніе изъ Кальдерона де ла Барка“, въ автографѣ.

Далѣе, пьеса изъ ряда „историческихъ представленій“, извѣстная досихъ поръ только изъ упоминаній Храповицкаго (въ октябрѣ 1786).

— „Игорь, историческое представленіе безъ обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ“, въ бѣловомъ и черновыхъ автографахъ и въ копіи Храповицкаго, не конченное (четыре дѣйствія).

Наконецъ, нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Въ IV-мъ томѣ помѣщены французскія пьесы имп. Екатерины, какъ тѣ, которыя были изданы и исполнялись въ Эрмитажномъ театрѣ, такъ и неизданныя сочиненія, имѣющія сценическую форму.

Французскія пьесы Екатерины II напечатаны были въ 1788—89 г. въ „Recueil des pièces données au Théâtre de l'Hermitage“. Изданный въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, только для тѣснаго круга приближенныхъ, этотъ сборникъ съ самаго начала былъ великой библіографической рѣдкостью, и имена авторовъ пьесъ здѣсь не были названы; впослѣдствіи, онъ былъ повторенъ, хотя не сполна, въ парижскомъ изданіи „Théâtre de l'Hermitage“, 1799, гдѣ, въ предисловіи, были поименованы лица, участвовавшія своими пьесами въ Эрмитажномъ театрѣ. Въ „Recueil“ и въ „Théâtre de l'Hermitage“, и затѣмъ въ настоящемъ изданіи находятся слѣдующія пьесы имп. Екатерины:

— Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras (или le Tracassier), proverbe.

— Le Flatteur et les Flattés, proverbe.

— Les Voyages de M. Bontems, proverbe.

— Il n'y a point de mal sans bien, proverbe.

— La Rage aux proverbes.

Авторство имп. Екатерины относительно этихъ пьесъ подвергалось сомнѣнію или прямо отвергалось въ особенности французскими библіографами. Но принадлежность пьесъ имп. Екатеринѣ доказывается, во-первыхъ, прямыми указаніями вѣрнаго историка, Храповицкаго, день за день описывавшаго занятія императрицы (см. послѣдніе мѣсяцы 1788-го и первые мѣсяцы 1789-го года въ его Дневникѣ), а главное—ея собственными рукописями: для всѣхъ названныхъ пьесъ сохранились автографы, бѣловые, а частію и черновые, съ помарками и исправленіями, указывающими самый ходъ работы.

Далѣе, помѣщены здѣсь: „L'amant ridicule, proverbe", о которой имп. Екатерина упоминала въ письмѣ къ Гримму, что пьеса наполовину принадлежала принцу де-Линь, наполовину ей; пьеса: „M-r Lustucru", сохранившаяся въ автографѣ, но не законченная; „Description d'une fête", празднества, даннаго имп. Екатериной въ честь принца Генриха прусскаго (1770),—пьеса сохранилась въ нѣсколькихъ рукописяхъ; о празднествѣ императрица разсказывала въ письмѣ къ Вольтеру (1770).

Наконецъ, нѣсколько отрывковъ, въ автографахъ.

Въ приложеніяхъ, помѣщено еще двѣ пьесы изъ „Recueil": „L'insouciant", гр. Д.-Мамонова, и „Gros Jean ou la Régimanie". О первой нѣсколько разъ упоминаетъ Храповицкій въ Дневникѣ: пьеса относилась къ ближайшему придворному кругу; цѣлью шутки былъ извѣстный Л. А. Нарышкинъ, и если не было здѣсь прямого участія императрицы, то ею могла быть указана тема. Вторая пьеса объяснена въ предисловіи къ парижскому изданію „Théâtre de l'Hermitage" слѣдующимъ образомъ. „Пословица подъ названіемъ „Gros-Jean", авторъ которой есть графъ Кобенцель, написана была на основаніи анекдота, который часто разсказывала императрица. Ей любопытно было видѣть одного иностранца, написавшаго довольно хорошее сочиненіе о торговлѣ, и она пригласила его пріѣхать въ Москву; онъ подумалъ, что его призвали управлять имперіей. Его самолюбіе и необдуманное хвастовство навлекли ему нѣкоторыя униженія, и австрійскій посланникъ воспользовался этимъ анекдотомъ, чтобы въ своей пословицѣ высказать, въ шутливой формѣ, нѣсколько похвалъ новымъ учрежденіямъ императрицы". Этотъ „иностранецъ" былъ очень извѣстный въ свое время писатель, Мерсье де-ла-Ривьеръ, авторъ книги „L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques" (1767), написанной въ смыслѣ ученія физіократовъ: говорили, что вызванный въ Москву Екатериною, которая ожидала найти у него указанія для своихъ законодательныхъ работъ, Мерсье, однако, произвелъ на нее неблагопріятное впечатлѣніе. Въ письмахъ къ Вольтеру она гово-

рила, что Мерсье „считалъ русскихъ за четвероногихъ и очень любезно соглашался взять на себя трудъ поставить ихъ на заднія ноги“; Вольтеръ осмѣялъ его въ извѣстной повѣсти „L'homme aux quarante écus“.

Далѣе, въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько театральныхъ программъ, принадлежавшихъ очевидно Эрмитажному театру, и здѣсь между прочимъ любопытны имена составителей программъ — Радищева и Челищева.—Д.

Въ теченіе февраля мѣсяца были получены слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абеггъ, д-ръ А., и *Герцъ*, д-ръ.—Практическія занятія по химіи. Перев. п. р. В. А. Ковалевскаго. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Алтаевъ, А.—Отъ земли. Пов. для дѣтей. „Всходы“ 901. № 2.

Анненковъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. II: Права обязательственныя. 2-е изд. пересмотр. и дополн. Спб. 901.

Аріанъ, П. Н.—Первый Женскій Календарь на 901 г. Спб. 901. Ц. 1 р.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15-я. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 коп.

Брюнетьеръ, Ф.—Европейская литература XIX вѣка. Перев. А. Веселовской. М. 900.

Булгаковъ, С.—Капитализмъ и земледѣліе. Томъ I. Стр. 338+IV. Томъ II. Стр. 438+V. Спб. 1900. Ц. за два тома 5 р.

Бѣликовъ, протоіер. Д. Н.—Томскій расколъ. 1834—1880 г. Томскъ, 901. Ц. 1 р. 75 к.

Варминъ, Е., проф. унив. и директор. ботан. сада въ Копенгагенѣ.—Ойкологическая географія растеній. Перев. съ нѣм., п. р. М. Голенкина и В. Арнольда. Съ дополн. по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. М. 901. Ц. 3 р. 50 коп.

Весьегонецъ.—Основные принципы земской организаціи. Спб. 901. Ц. 50 к.

Волынскій, А. Л.—Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки. Спб. 901. Ц. 2 р.

Гензель, П.—Промысловое обложеніе въ Россіи. Опытъ критическаго изслѣдованія. Спб. 900. Стр. 82. Ц. 50 к.

Герасимовъ, Н. И.—Ницшеанство. М. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Глаголинъ, Б.—Новое въ сценическомъ искусствѣ. Очеркъ. Спб. 901. Ц. 1 р.

Глушаковъ, М.—Очерки изъ исторіи Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи. Тифл. 900. Ц. 50 к.

Горовцевъ, А.—Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 901. Ц. 2 р.

Гредескулъ, Н. А.—Соціологическое изученіе правъ. Спб. 900.

Гродецкій, М. Д.—Бельгія на порогѣ XX вѣка. Житоміръ, 901. Стр. 112. Ц. 75 к.

Дмитріевъ, В.—О духовныхъ завѣщаніяхъ и о наслѣдованіи по закону. Спб. 900. Ц. 50 к.

Дрэперъ, Дж. В.—Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. съ англ. п. р. А. Н. Пыпина. 5-е изд. Т. I и II. Спб. 901.

Дубенскій, подполк.—Книжка рядового пѣхоты. 5-е изд. Спб. 901. Ц. 35 к.

Дэль Оуенъ, Робертъ.—Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области медіумическихъ явленій. Съ рисунками. Съ англійскаго *К. Полянскій*. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 901. Стр. 311. Ц. 1 р. 50 к.

Житковъ, инж. С. М.—Институтъ инженеровъ путей сообщенія Имп. Александра I. Историческій очеркъ. Спб. 99.

Ибсенъ, Б.—Врагъ народа (Докторъ Штокманъ). Драма въ 5 д. Съ норвеж. Н. Мировичъ. М. 901. Ц. 30 к.

Капнистъ, гр. П. И.—Сочиненія. Лирическія стихотворенія. Воспоминанія о гр. П. И. Капнистѣ. Т. I и II. Стр. 231 и 378. М. 901. Ц. 3 р.

Кутузовъ, гр. П.—Желательныя основы русско-китайскаго соглашенія. Возраженіе на мысли кн. С. Трубецкого о раздѣлѣ Китайской Имперіи. Спб. 901.

Лассаль, Ф.—Дневникъ. Съ нѣм. Спб. 901. Ц. 1 р.

Лебедевъ, Вл. П.—Тихія пѣсни 1899—1900 г. Спб. 901. Ц. 1 р.

Лесажъ.—Хромой бѣсъ. Романъ. Съ біографіей автора. (Новая библіотека Суворина). Спб. 1901. Стр. 351. Ц. 60 коп.

Ляскоронскій, В. Г.—Прошлое мѣстечка Триполья и окрестныя о немъ преданія. Кіевъ, 900.

Майковъ, А. Н.—Полное собраніе сочиненій. Изд. 7-ое, исправл. и дополн. съ 2 портр. автора. Въ четырехъ томахъ. Изд. Ф. Маркса. Спб. 901. Ц. 4 р.

Майо Смитъ, Р.—Статистика и соціологія. Съ англ. М. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Мартинъ, Эдв.—Исторія кусочка каменнаго угля. Съ англ. Спб. 901.

Махъ, д-ръ Эрн.—Научно-популярные очерки. Вып. 1: Этюды по теоріи познанія. М. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Миролюбовъ, И. П.—Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. Съ 70 иллюстр. Спб. 901. Ц. 2 р.

Москаленко, С. Г.—Поддѣльная сцена въ трагедіи В. Шекспира „Гамлетъ". Изданіе редакціи журнала „Театръ и искусство". Спб. 901. Стр. 32. Ц. 30 коп.

Муравьевъ, Н.—Упрощенные пріемы для производства умственныхъ вычисленій. Секреты г. Діаманди. М. 901. Ц. 35 к.

Наживинъ, Ив.—Убогая Русь. М. 901. Ц. 1 р.

Нидермиллеръ, Ник.—Безъ воли. Др. въ 5 д. Псковъ, 900. Ц. 1 р.

Новиковъ, А.—По закону. Романъ изъ деревенской жизни. Спб. 901. Ц. 1 р.

——— Сборникъ статей. 1899—900 г. Спб. 901. Ц. 1 р.

Нѣмцова, Божена.—Бабушка. Повѣсть, съ ориг. рис. Перев. съ чешск. М. Лялиной. Спб. 900.

Оболенскій, Л. Е.—Исторія мысли. Опытъ критической исторіи философіи. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Охитовичъ, А. П.—Новый методъ алгебраическихъ уравненій. Въ 2-хъ ч. Ч. 1-ая. Каз. 900. Ц. 2 р. 50 к.

Пазухинъ, А. М.—Матушка Русь. Очерки и разсказы. М. 901. Ц. 75 к.

Пекарь, д-ръ Іосифъ.—Чехи—апостолы варварства. Посвящается Теодору Моммзену. Перевелъ съ разрѣшенія автора Ѳ. Л. Ярешъ. Кіевъ, 901. Стр. 24.

Петровскій, П. Н.—Стихотворенія. М. 901. Ц. 75 к.

Позняковъ, Н. И.—Мечтатель. Съ рис. В. Овсяникова Спб. 901.

Покровская, М. И., ж.-вр.—О падшихъ. Спб. 901. Ц. 40 к.

Покровскій, Н.—А. С. Пушкинъ, въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. М. 901. Ц. 75 к.

Полянскій, А.—Русская женщина на общественной и гражданской службѣ. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Радцигъ, Ант. Ант.—Производство и потребленіе ржи на всемъ свѣтѣ. Спб. 901. Ц. 1 р.

Рибо, Т.—Творческое воображеніе. Перев. съ французскаго Е. Предтеченскаго и В. Ранцева. Спб. 901. X и 318 стр. Ц. 1 р.

Рождествинъ, А. С.—Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. (Чтенія въ Обществѣ любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Имп. Казанскомъ Университетѣ). Казань, 901. Стр. 20.

Рубакинъ, Н. А.—„Искорки". Очерки и наброски публициста. Спб. 901. Ц. 1 р.

Ручъ, С. Г.—Орѳографическій Словарь. Съ показаніемъ удареній и корней словъ русскаго происхожденія. П. р. Д. Сеславина и И. Мирисланова. Спб. 901. Ц. 1 р.

Сапиръ, д-ръ І. Б.—Исторія и сущность Сіонизма. Од. 901. Ц. 25 к.

Сапожниковъ, А. А.—Судьбы Китая. Спб. 901. Стр. 54. Ц. 35 к.

Станюковичъ, К. М.—Изъ жизни моряковъ. Разсказы. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 коп.

Трачевскій, проф. Александръ.—Учебникъ древней исторіи. 3-ье изд. съ 52 рис. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

——— Учебникъ средней исторіи. 3-ье изд. Съ 111 рис. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 коп.

——— Новая исторія. Т. I: 1500—1750 гг. Спб. 901. Ц. 3 р.

Харузинъ, Вл.—Боснія и Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро-Венгріи. Съ картою. Спб. 901. Ц. 2 р.

Хохолушекъ, Прокопій. — Историческіе разсказы изъ южно-славянскаго быта. Съ чешск. М. Лялина. Спб. 901.

Циглеръ, Теобальдъ. Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. (Съ портретами общественныхъ дѣятелей Германіи). Перев. съ нѣмецкаго Г. Генкеля. Спб. 901. Ц. 3 р. 614 стр.

Черниховъ, М., д-ръ. Вопросъ о евреѣ въ еврейскомъ вопросѣ. Второе изданіе. Одесса, 901. 32 стр.

Чеховъ, Антонъ. — Разсказы. Спб. 901. Стр. 412. Ц. 1 р. 50 к.

Шабанова, д-ръ, А. Н. — О первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Спб. 901. Ц. 60 к.

Шкапскій, Ор.—Амударьинскіе очерки. Ташк. 900.

Шпиръ, А.—Очерки критической философіи. Съ франц. Н. Бракеръ. М. 901. Ц. 75 к.

Янжулъ, Ив.—Вліяніе погоды на пьянство. Спб. 901.

Ѳ. В. Р.—Значеніе драмы Бургграфъ (Burggraf) для германизаціи средней Европы. Варшава, 901. 16 стр.

Baudouin de Courtenay, Janina.—Nowele. Варш. 901.

— Географическія чтенія. Европа. Съ англ. М. 901. Ц. 50 к.

— Грамотность дѣтей сельскаго населенія въ Смоленской губ. Изд. Смоленской Губ. Земской Управы. Смоленскъ, 900. Стр. 44+38+16.

— Дешевая Библіотека.—Афоризмы. Л. Вовенарта. Перев. П. Первовъ. Спб. 901. Ц. 20 к.

— Ежегодникъ Имп. театровъ. Сезонъ 1898—99 и 1899—1900 гг.

— Можно ли воевать? Съ присоединеніемъ статьи Л. Н. Толстого о приближеніи конца войны. Спб. 901. Ц. 40 к.

— Обзоръ Уфимской губ. въ сельско-хоз. отношеніи за 1899—1900 г. Вып. I. Изд. Уфим. Губ. Зем. Управы. Уфа, 1900. Стр. 289.

— Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ кн. П. А. Вяземскому 1825—74 гг. Изъ Остафьевскаго Архива. Изд. съ предисл. и примѣч. Н. Барсукова. Спб. 901.

— Рѣчь Вятскаго губернатора Н. М. Клингенберга при открытіи губ. земск. собранія 1896—1900 гг. Вятка, 1901. Стр. 36.

— Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1899 г. Вып. II. Саратовъ. 900. Стр. 176 (земское изданіе).

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VII. Сводъ экономическихъ данныхъ по губерніи. Ч. III. Историко-статистическія таблицы. Составилъ П. А. Голубевъ. Изд. Уфимск. Губ. Земск. Управы. 900. Стр. 185.

— Сенатскій Архивъ VIII. Протоколы Правит. Сен. 1750, 51 и 52 гг. Спб. 97. Ц. 2 р. 50 к.

— Сочиненія императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Драматическія сочиненія. Т. I. Стр. XI, VII+419. Т. II. Стр. 547. Т. III. Стр. III+456. Т. IV. Стр. IV+262.

— Трудовая помощь въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Симбирской, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны оказанная въ 1899 г. Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. Спб. 901. Ц. 2 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henry Bordeaux. Le pays natal. Paris. 1900. Стр. 312.

Среди новѣйшихъ произведеній французской беллетристики обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе романъ Анри Бордò: „Le pays natal“ (На родинѣ). Авторъ его не принадлежитъ къ прославленнымъ и популярнымъ писателямъ. Художественныя достоинства романа тоже не особенно яркія — и все-же критика и публика заинтересовались скромно написаннымъ произведеніемъ. Это объясняется, во-первыхъ, искренностью, съ которой Бордò описываетъ французскую жизнь и раскрываетъ закулисную сторону парламентскихъ нравовъ. Второе и самое существенное качество романа—его идейный замыселъ, стремленіе привить французской интеллигенціи реальную любовь къ родной землѣ. До сихъ поръ во французской литературѣ, или по крайней мѣрѣ въ значительной части ея, царилъ исключительно политическій патріотизмъ; онъ выливался въ трескучія фразы о величіи Франціи, о ненависти къ ея политическимъ врагамъ. О всемъ этомъ можно эффектно говорить, сидя въ Парижѣ и устроивая свои личныя дѣла. Для такого рода патріотовъ Франція—отвлеченное понятіе, удобный риторическій образъ; они рисуются своей любовью къ родинѣ, маскируя этимъ самыя эгоистическія побужденія. Этому патріотизму въ духѣ Поля Деруледа и подобныхъ ему шовинистовъ цѣлая группа молодыхъ писателей противопоставляетъ болѣе глубокое національное чувство, связанное съ любовью къ родной почвѣ, съ влеченіемъ къ скромной жизни вдали отъ парижской суеты, въ провинціи, въ деревнѣ, въ служеніи землѣ. Это было совершенно чуждо до сихъ поръ французской интеллигенціи, для которой центромъ міра былъ Парижъ. Централизація, начатая Наполеономъ, отразилась на всей духовной жизни Франціи, и въ особенности въ литературѣ. Французскій романъ сталъ парижскимъ романомъ. Бальзакъ и Флоберъ описывали еще провинціальную жизнь, но со времени Золà, Гонкуровъ и Додэ почти всякій романъ носитъ подзаглавіе: „парижскіе нравы“. Вслѣдствіе этого, фабула романовъ страдаетъ однообразіемъ. За исключеніемъ произведеній наиболѣе крупныхъ по таланту писателей, всякій средній французскій романъ сводится къ опи-

санію все той же свѣтской среды съ ея интересами, заботами и развлеченіями, однихъ и тѣхъ же зрѣлищъ, на которыя собирается „весь Парижъ“, — а главное къ одному и тому же психологическому содержанію,—къ интригамъ замужнихъ женщинъ, мѣняющихъ своихъ возлюбленныхъ съ той же легкостью, съ какой онѣ мѣняютъ фасоны платьевъ.

Лишь въ очень недавнее время, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, во французской беллетристикѣ замѣчается стремленіе противодѣйствовать всепоглощающему вліянію Парижа. Въ литературѣ началась децентрализація, попытки изученія жизни внѣ Парижа, стремленіе указать интеллигенціи новый исходъ—проповѣдь служенія землѣ. Конечно, въ этомъ сказалось вліяніе Л. Н. Толстого, благотворное уже тѣмъ, что оно обновило содержаніе романовъ; надоѣвшія, пустопорожнія адюльтерныя интриги смѣнились болѣе содержательными, идейными замыслами; на первый планъ выступили духовные интересы, вмѣсто порнографическихъ трагикомедій въ духѣ Буржѐ. Во главѣ этой группы писателей стоитъ Морисъ Барресъ. Его первые романы носили характеръ крайняго индивидуализма. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ онъ занимается изученіемъ духовной жизни современнаго поколѣнія. Въ романѣ „Безпочвенники“ онъ доказываетъ, что безсиліе молодой французской интеллигенціи—слѣдствіе ея оторванности отъ почвы, слѣдствіе пагубнаго стремленія провинціальной молодежи къ исканію счастья и успѣха въ Парижѣ. Идеи Барреса оказали большое вліяніе на цѣлый рядъ молодыхъ писателей. Въ настоящее время все чаще появляются романы, въ которыхъ интересы разныхъ отдѣльныхъ областей Франціи выдвигаются на первый планъ. Недавно, напр., талантливый романистъ, Жоржъ д'Эспарбесъ, въ романѣ „Le Roi“, далъ очеркъ историческихъ судебъ Гасконіи. Въ романѣ идетъ рѣчь о временахъ Генриха IV-го, — но цѣль автора заключается не въ возсозданіи давно минувшей исторической эпохи; онъ прежде всего хочетъ вызвать въ молодомъ поколѣніи желаніе жить среди народа, интересъ къ обособленнымъ нравамъ, къ силамъ, таящимся въ забытыхъ уголкахъ Франціи.

Романъ Анри Бордò относится къ тому же роду литературы, вызванному къ жизни Барресомъ. Бордò болѣе смѣлъ, чѣмъ Эспарбесъ. Онъ уже не считаетъ нужнымъ маскировать свои цѣли исторической фабулой. Онъ увѣренъ, что можно внушить любовь къ дѣятельности вдали отъ Парижа и парижскихъ интересовъ, не ссылаясь на поэтическія преданія разныхъ французскихъ провинцій. Его романъ изображаетъ современную дѣйствительность,—и тѣмъ яснѣе выступаетъ основная идея автора. Намѣренія его даже слишкомъ опредѣленно выражены; въ этомъ заключается художественный недо-

четъ романа, его очевидная тенденціозность. Анри Бордò доказываетъ, что жизнь и дѣятельность „на родинѣ“ болѣе плодотворна и даетъ бòльшее успокоеніе душѣ, чѣмъ безпочвенность столичнаго существованія, основаннаго на лицемѣріи и эгоизмѣ. Въ романѣ выведены два молодыхъ человѣка. Оба они—провинціалы. Первый жилъ долго въ Парижѣ, а потомъ убѣждается, пріѣхавъ временно на родину, что мѣсто ему именно тамъ; онъ рѣшается заняться устройствомъ своего помѣстья, становится мэромъ въ селеніи, гдѣ уже отецъ и дѣдъ его пріобрѣли любовь крестьянъ своей преданностью ихъ интересамъ. Другой же, напротивъ того, совершенно равнодушенъ къ народной средѣ, въ которой выросъ; нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ, поселили въ немъ честолюбивыя мечты. Вернувшись на родину, онъ мечтаетъ исключительно о политической карьерѣ, добивается избранія въ депутаты, лицемѣрно обѣщаетъ избирателямъ защищать ихъ интересы въ парламентѣ, а затѣмъ забываетъ среди своихъ парижскихъ политическихъ успѣховъ всѣ свои обѣщанія. Въ его лицѣ Бордò даетъ яркій типъ честолюбиваго депутата, который превращаетъ служеніе отечеству въ откровенное преслѣдованіе узкоэгоистическихъ цѣлей. Напротивъ того, въ лицѣ положительнаго героя романа рисуется дѣятельность, которая можетъ спасти Францію отъ крайностей парламентаризма. Скромное служеніе мѣстнымъ интересамъ Бордò ставитъ выше парламентскихъ разглагольствованій, имѣющихъ иногда некрасивую закулисную сторону. Фабула романа основана на столкновеніи въ провинціальной средѣ двухъ общественныхъ дѣятелей противоположнаго образа мыслей. Честолюбивый карьеристъ, подготовляющій свое избраніе въ депутаты, является представителемъ разлагающагося общественнаго строя, а вернувшійся на родину парижанинъ—предвозвѣстникъ общественнаго обновленія.

Романтическое содержаніе романа тоже находится въ связи съ вліяніемъ этихъ двухъ противоположныхъ типовъ на окружающую жизнь. Эгоистъ, занятый мыслями о своей политической карьерѣ, губитъ женщинъ, поддающихся обаянію его лицемѣрныхъ рѣчей; онѣ становятся жертвами его черствой, себялюбивой натуры. Напротивъ того, положительный герой романа, просвѣтленный любовью къ роднымъ мѣстамъ, способенъ дать счастье полюбившей его дѣвушкѣ. Въ его сердечной жизни много страданій, но эти страданія только содѣйствуютъ его нравственному обновленію и приводятъ, въ концѣ концовъ, къ душевной гармоніи.

Люсьенъ Аландъ пріѣзжаетъ на родину въ значительной степени испорченный Парижемъ. Столичная жизнь оторвала его отъ родной почвы; онъ считаетъ себя неспособнымъ жить внѣ Парижа, и его

поѣздка въ Аннесси имѣетъ очень опредѣленную цѣль: онъ хочетъ продать отцовское помѣстье и вернуться въ Парижъ. Его управляющій сообщилъ ему о томъ, что онъ нашелъ покупателя, и у Люсьена одна только мысль—какъ можно скорѣе покончить съ продажей. Но съ первой минуты пріѣзда его охватываютъ воспоминанія дѣтства и заставляютъ его сразу поколебаться въ рѣшеніи и затѣмъ совершенно отказаться отъ него. Крестьянинъ, который везетъ его съ вокзала домой, разстроиваетъ его разсказами о его отцѣ и дѣдѣ: онъ говоритъ о томъ, съ какимъ умѣньемъ и любовью они управляли помѣстьемъ и какую хорошую память они оставили о себѣ у облагодѣтельствованнаго ими народа. Крестьянинъ жалуется Люсьену на его управляющаго, говоритъ о запустѣніи помѣстья, и высказываетъ надежду на то, что самъ Люсьенъ возьметъ теперь въ свои руки запущенныя дѣла и пойдетъ по слѣдамъ своего отца. Онъ и не подозрѣваетъ, что молодой помѣщикъ задумалъ продать родовое имѣніе. Отъ этого разговора у Люсьена остается смутное чувство, что предполагаемая имъ продажа имѣнія—дурной и безнравственный поступокъ. Чтобы избѣгнуть угрызеній совѣсти, онъ хочетъ какъ можно скорѣе покончить съ дѣломъ и вернуться въ Парижъ, куда его влекутъ привычки свободной и веселой жизни. Но съ перваго же дня въ домѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, на него нахлынули воспоминанія; ему грустно разстаться съ привычными и милыми мѣстами. Онъ разспрашиваетъ о всѣхъ, кого онъ зналъ въ дѣтствѣ, и, между прочимъ, о своемъ сосѣдѣ, дочь котораго была его подругой дѣтства. Онъ узнаетъ, что маленькая Анни стала теперь взрослой и красивой дѣвушкой; разсказывая объ этомъ, старая экономка напоминаетъ Люсьену, что его мать всегда мечтала о томъ, что онъ женится на Анни. Нотаріусъ сообщаетъ Люсьену, что предполагаемый покупатель помѣстья именно г. Мерансъ, отецъ Анни. Покупка—уже дѣло рѣшенное. Мерансъ согласенъ на всѣ условія, и Люсьену остается только подписать купчую. Но онъ еще разъ идетъ осматривать домъ, выходитъ въ паркъ и подходитъ къ мѣсту, гдѣ подъ каменными плитами похоронены его родители. Онъ съ ужасомъ думаетъ о томъ, что нужно будетъ перенести ихъ прахъ на кладбище, или оставить могилы во владѣніе чужого человѣка. Смутное чувство раскаянія въ продажѣ, охватившее его съ момента пріѣзда, все болѣе усиливается. Когда нотаріусъ приводитъ его къ Мерансу для заключенія условія, Люсьенъ объявляетъ ему, что раздумалъ продавать имѣніе и рѣшилъ, напротивъ того, окончательно поселиться въ немъ. Мерансъ, который былъ близкимъ другомъ отца Люсьена, высказываетъ одобреніе Люсьену, и проситъ его быть добрымъ сосѣдомъ. Первый шагъ сдѣланъ. Люсьенъ рѣшился жить на родинѣ и посвятить свои силы землѣ. Войдя въ домъ Мерансовъ въ качествѣ

сосѣда и друга, Люсьенъ встрѣчается тамъ съ мѣстнымъ обществомъ и начинаетъ присматриваться къ мѣстной жизни и ея интересамъ. Ему очень нравится старшая дочь Меранса, Анни, его подруга дѣтства,—и онъ съ грустью замѣчаетъ, что она увлечена фатоватымъ говоруномъ, Жакомъ Альваромъ. Жакъ—его товарищъ по Сорбоннѣ, онъ съ нимъ „на ты"—хотя его очень отталкиваетъ циничный карьеризмъ молодого провинціала. Жакъ съ первыхъ же встрѣчъ совершенно откровенно говоритъ о себѣ и своихъ планахъ своему бывшему товарищу. Онъ добивается избранія въ депутаты, причемъ откровенно сознается, что вовсе не намѣренъ защищать въ будущемъ интересы своихъ избирателей. Ихъ голоса для него—только лѣстница, которая подниметъ его на извѣстную высоту и дастъ возможность начать политическую карьеру. Онъ говоритъ съ полнымъ презрѣніемъ о некультурныхъ провинціалахъ и въ особенности о крестьянской массѣ—и это оскорбляетъ Люсьена. Онъ вспоминаетъ о томъ, съ какой любовью и добросовѣстностью его отецъ исполнялъ депутатскія обязанности, какъ онъ любилъ и защищалъ крестьянъ. Ему больно, что онъ по своей винѣ сталъ чужимъ тамъ, гдѣ отецъ его сдѣлалъ такъ много добра; онъ чувствуетъ себя виноватымъ въ томъ, что не продолжалъ идти по пути отца и теперь остается въ тѣни, предоставляя столь недостойному во всѣхъ отношеніяхъ человѣку, какъ Жакъ Альваръ, быть представителемъ Аннесси въ парламентѣ. Занятый своей политической карьерой, Альваръ не ограничивается тѣмъ, что начинаетъ избирательную кампанію. Онъ, кромѣ того, собирается жениться на дочери Меранса, на той самой Анни, которая понравилась Люсьену съ перваго взгляда. Изъ-за нея онъ отчасти и рѣшилъ не продавать имѣнія и поселиться на родинѣ. Жакъ не любитъ Анни, но считаетъ женитьбу на дочери богатаго и вліятельнаго человѣка очень важнымъ подспорьемъ для своей будущей карьеры. Онъ знаетъ, что нравится ей, и проситъ ея руки. Отецъ дѣвушки противъ этого брака, такъ какъ онъ очень не довѣряетъ молодому и пустому честолюбцу, но, уступая желанію своей дочери, онъ даетъ свое согласіе. Люсьенъ знаетъ закулисную сторону всѣхъ дѣйствій Жака, такъ какъ долженъ, противъ своего желанія, выслушивать откровенныя признанія своего циничнаго пріятеля, но не можетъ ни въ чемъ ему противодѣйствовать. Онъ любитъ Анни, и ему очень тяжело при мысли, что она станетъ женой другого человѣка, который къ тому же составитъ ея несчастіе. Онъ знаетъ о связи Жака съ женой одного изъ мѣстныхъ жителей, страстной итальянкой, которой тоже приходится много страдать отъ эгоизма и черствости Жака. Но онъ не имѣетъ возможности раскрыть эту довѣренную ему тайну. Не можетъ онъ противодѣйствовать и политическимъ планамъ Жака. Его избираютъ только потому,

что всѣ ненавидятъ его предшественника и хотятъ во что бы то ни стало провалить его на новыхъ выборахъ. Кромѣ того, краснорѣчіе Жака нравится его некультурнымъ избирателямъ, и на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ онъ покоряетъ сердца слушателей своими дешевыми обѣщаніями и лицемѣрно-патріотическими рѣчами. Избирательная кампанія Жака описана въ романѣ съ большимъ юморомъ и является очень рѣзкимъ обличеніемъ политическихъ нравовъ Франціи. Жакъ оказывается побѣдителемъ по всей линіи. Онъ избранъ депутатомъ, женится на Анни, очень искусно справляется въ то же время съ ревностью и отчаянными выходками безумно-любящей его итальянки. Онъ переѣзжаетъ въ Парижъ и, конечно, совершенно забываетъ о своихъ избирателяхъ, объ интересахъ своей родины, произноситъ рѣчи въ парламентѣ и мѣтитъ въ министры. Люсьенъ тѣмъ временемъ остается въ Аннесси, становится мэромъ, всецѣло поглощенъ интересами крестьянъ и процвѣтаніемъ своего помѣстья. Жизнь его омрачена только мыслью объ Анни, безпокойствомъ о ея судьбѣ. Не проходитъ года, какъ Анни возвращается къ родителямъ. Она успѣла понять натуру своего мужа, знаетъ, какую жизнь онъ ведетъ, знаетъ о его продолжающейся связи съ итальянкой. Все это пошатнуло ея и безъ того слабое здоровье; она переѣзжаетъ къ родителямъ полуживая, оставивъ мужа въ Парижѣ, въ водоворотѣ его парламентскихъ и свѣтскихъ успѣховъ. Люсьенъ очень близко сходится съ ней. Она повѣряетъ ему всѣ свои печали, и въ немъ снова разгорается любовь къ ней, но болѣе спокойная и просвѣтленная съ тѣхъ поръ, какъ онъ видитъ ее безнадежно больной. Онъ настолько поглощенъ мыслью объ Анни, что не замѣчаетъ того, что происходитъ въ душѣ младшей сестры Анни, Жанны. Жанна еще дѣвочкой полюбила Люсьена, но чувствовала, что онъ любитъ ея сестру, и потому скрывала отъ всѣхъ свои собственныя чувства. Анни первая намекаетъ Люсьену о тайнѣ своей сестры, но Люсьенъ не обращаетъ вниманія на ея слова, такъ какъ душа его поглощена заботами объ умирающей прекрасной Анни. Болѣзнь ея обостряется, отецъ вызываетъ ея мужа, но тотъ, поглощенный намѣреніемъ произнести рѣчь, которая должна опрокинуть министерство, откладываетъ на день поѣздку и пріѣзжаетъ уже къ похоронамъ своей жены. Ея смерть, конечно, ничего не мѣняетъ въ его существованіи. Онъ выказываетъ столько печали, сколько полагается въ его положеніи, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ задумывается о томъ, не жениться ли на Жаннѣ, чтобы такимъ образомъ, не упустить изъ рукъ состояніе Мерансовъ. Онъ посвящаетъ Люсьена въ свои планы—но этимъ только будитъ уснувшую энергію Люсьена. Люсьенъ объявляетъ себя противникомъ Жака, говоритъ ему, что при слѣдующихъ выборахъ выступитъ противъ него, и въ то же время

разрушаетъ и его личные планы. Онъ успѣлъ со времени смерти Анни привязаться къ Жаннѣ и рѣшается сказать ей объ этомъ. Дѣвушка сначала колеблется, помня о любви Люсьена къ ея умершей сестрѣ, но затѣмъ соглашается стать его женой. Романъ заканчивается картиной душевнаго успокоенія Люсьена. Передъ нимъ перспектива покойной и счастливой жизни въ обществѣ любящей и любимой имъ жены, жизнь на родинѣ, на пользу другихъ. Его спасло возвращеніе на родину, гдѣ всѣ его душевныя и умственныя силы нашли себѣ примѣненіе—такъ какъ до того въ Парижѣ онъ велъ суетную, безполезную, убивающую душу жизнь. Въ лицѣ Люсьена, Анри Бордо намѣтилъ идеалъ обновленія Франціи служеніемъ родной землѣ. Мысль свою онъ выразилъ въ романѣ съ большой искренностью и простотой. Въ отдѣльныхъ фигурахъ, въ особенности въ образѣ Анни, много художественности, искренности и поэзіи.

II.

Gabriele Reuter. „Ellen von-der-Weiden", Roman. Стр. 283. Berlin. 1901.

Въ нѣмецкой беллетристикѣ замѣчается въ послѣдніе годы большой наплывъ женщинъ-романистокъ. Многія изъ нихъ способствуютъ только процвѣтанію такъ называемой литературы для семейнаго чтенія, т.-е. заполняютъ страницы безчисленныхъ „Familienblätter" шаблонными повѣстями о благородной любви молодыхъ людей, большей частью военнаго сословія, и невинныхъ дѣвицъ изъ берлинскаго Вестъ-Энда. Дѣло кончается, конечно, счастливымъ бракомъ съ благословенія родителей. Довольно наивная нѣмецкая публика любитъ этотъ условный, фальшивый родъ литературы, почти совершенно заброшенный въ другихъ европейскихъ странахъ, а такъ какъ для фабрикаціи такого рода романовъ и повѣстей не требуется ни особаго художественнаго таланта, ни изученія жизни людей, то писаніе „Familienblattromane" обратилось въ Германіи въ ремесло, которымъ, между прочимъ, съ большимъ успѣхомъ занимаются женщины. Есть рядъ писательницъ, которыя сочиняютъ повѣсти, однѣ изъ свѣтскаго быта, другія въ нравоучительномъ протестантскомъ духѣ; иныя приспособляются къ уровню пониманія юношества, т.-е. главнымъ образомъ дѣвочекъ-подростковъ, и изображаютъ торжество благонравности и домашней добродѣтели. Все это вполнѣ удовлетворяетъ вкусу читателей семейныхъ журналовъ, но стоитъ совершенно внѣ литературы.

Среди нѣмецкихъ женщинъ-писательницъ выдѣлились, однако, нѣ-

сколько романистокъ съ серьезными литературными правами. Елена Бёлау, Клара Фибигъ, рано умершая Іоанна Дэри, Эрнстъ Розмеръ (псевдонимъ) и др. проявляютъ, каждая, самобытный художественный талантъ и очень чутко отражаютъ идейныя теченія современности. Пренебрегая шаблонными романтическими интригами, онѣ придаютъ главное значеніе психологическому анализу. Главная особенность современнаго нѣмецкаго романа заключается въ томъ, что онъ сталъ болѣе обращеннымъ во внутрь и стремится понять движенія человѣческой души. Романисты описываютъ не внѣшнія событія, а внутреннюю психологію человѣка, оттѣнки его чувствъ и настроеній. Въ современномъ романѣ мало дѣйствія; поступки—достояніе болѣе уравновѣшенной эпохи. Въ періодъ романтизма, когда закономъ жизни было господство страстей, можно было проявлять силу и красоту въ борьбѣ противъ внѣшнихъ препятствій, противъ общественныхъ условій, ограничивающихъ свободу чувства. Возможны будутъ, красивые, сильные и значительные поступки въ будущемъ, когда выработаются въ сознаніи новые, твердые устои, но въ настоящее время человѣчество переживаетъ періодъ броженія, и каждый человѣкъ самъ для себя и въ себѣ ищетъ гармоніи и святыни, во имя которой ему надо жить и дѣйствовать. Нѣмецкія романистки, имена которыхъ мы перечислили, изучаютъ главнымъ образомъ женскія чувства и женскую судьбу. Онѣ указываютъ на внутренній трагизмъ въ жизни современной женщины. Ея сознанію многое открылось; она перестала быть пассивнымъ существомъ, довольствующимся внѣшними интересами общественной жизни и простымъ исполненіемъ своихъ семейныхъ обязанностей. Но она не чувствуетъ въ себѣ достаточно силы для того, чтобы измѣнить свою жизнь, и потому въ ней происходитъ тяжелая борьба между просвѣтленнымъ сознаніемъ и душевнымъ безсиліемъ. Психологія этой борьбы является содержаніемъ большинства произведеній лучшихъ нѣмецкихъ романистокъ.

Къ числу этихъ писательницъ, кромѣ названныхъ выше, принадлежитъ также и Габріэля Рейтеръ. Какъ и большинство нѣмецкихъ романистокъ, она начала писать не особенно рано,—всѣ онѣ берутся за перо уже послѣ того какъ жизненный опытъ научилъ ихъ понимать людей, ихъ дѣйствія и чувства. Габріэля Рейтеръ, родившаяся въ 1859 г., стала извѣстна въ литературѣ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Ея большой романъ: „Aus guter Familie“, понравился критикѣ и публикѣ своей смѣлостью. Онъ написанъ, правда, слишкомъ растянуто, слишкомъ доктринально, въ немъ мало художественной непосредственности, но его сила — въ горячемъ сочувствіи автора къ изображаемымъ страданіямъ женщинъ.

Въ ея романѣ разсказана печальная судьба дѣвушки „изъ хорошаго дома". Условія воспитанія, неподготовленность къ жизненной борьбѣ и страстная натура героини дѣлаютъ ее жертвой ея инстинктовъ. Смыслъ романа—въ томъ, что та же женщина, еслибы ей довелось жить въ обезпеченной свѣтской средѣ, стала бы уважаемой всѣми дамой изъ общества, въ то время какъ матеріальная нужда, въ связи съ бурными инстинктами, толкаетъ ее на такъ называемый „скользкій путь". Габріэля Рейтеръ доказываетъ, что современная женщина вовсе не такая чистая голубица какъ это предполагаютъ: она—человѣкъ съ живой кровью, съ страстными чувствами. Въ романѣ обличается лицемѣріе общества, лишающаго женщину всякой свободы. Ей предоставляется быть буржуазной хранительницей домашняго очага. Если же, главнымъ образомъ по экономическимъ причинамъ, она не вышла замужъ, то ей предстоитъ грустная одинокая жизнь въ погонѣ за грошовымъ заработкомъ, доступнымъ женщинѣ. Есть, конечно, исключенія изъ этого правила, но героиня романа не обладаетъ никакими исключительными качествами; это—средняя дѣвушка, ничѣмъ не защищенная отъ грубыхъ ударовъ судьбы; жажда свободы и счастья превращается для нея поэтому въ источникъ безконечныхъ страданій и приводитъ ее къ паденію. Романъ написанъ чрезвычайно горячо; видно, что авторъ и хорошо понимаетъ всѣ движенія бурнаго женскаго сердца, и сочувствуетъ судьбѣ и страданіямъ женщины. Другой большой романъ Габріэли Рейтеръ: „Frau Bürgelin und ihre Söhne", повѣствуетъ о розни между отцами и дѣтьми, или вѣрнѣе между матерьми и сыновьями въ современной нѣмецкой семьѣ, гдѣ сталкиваются различныя міросозерцанія и отношенія къ жизни. Героиня романа — мать, воспитательница своихъ сыновей.

Новѣйшее произведеніе Габріэли Рейтеръ носитъ названіе: „Елена фонъ-деръ-Вейденъ" (Ellen von-der-Weiden)—по имени героини, дневникъ которой составляетъ содержаніе романа. По талантливости и страстности изложенія это несомнѣнно выдающаяся книга. Если требовать отъ романиста глубокихъ идей, обобщающаго взгляда на жизнь, объясненія загадокъ человѣческаго существованія, т.-е. всего того, что мы привыкли искать и находить въ произведеніяхъ истинно значительныхъ художниковъ, то, конечно, скромная повѣсть Габріэли Рейтеръ не удовлетворитъ этимъ требованіямъ. Замыселъ повѣсти, или, вѣрнѣе, дневника—чисто психологическій. Содержаніе сводится къ душевнымъ испытаніямъ молодой дѣвушки, которая выходитъ замужъ и въ концѣ романа становится матерью. Промежутокъ времени охваченный дневникомъ, очень непродолжительный — всего какихъ-

нибудь два, три года; но за это короткое время Елена фонъ-деръ-Вейденъ переживаетъ глубокую жизненную трагедію, которая перерождаетъ все ея существо. Въ неровныхъ, то короткихъ, то необузданно длинныхъ записяхъ дневника переданъ съ большой художественной силой трепетъ измученнаго молодого сердца въ борьбѣ съ жизнью и съ собой. Ничего изломаннаго и болѣзненнаго нѣтъ въ этой „типичной" человѣческой душѣ, и трагизмъ ея тѣмъ неотразимѣе, что онъ вызванъ столкновеніемъ чувствъ и желаній, свойственныхъ всякой неиспорченной живой и цѣльной натурѣ. Елена жаждетъ счастья, острыхъ ощущеній; она не выноситъ соннаго будничнаго существованія, но въ то же время ищетъ гармоніи, успокоенія, хочетъ понять и осмыслить жизнь для себя, найти святыню, во имя которой можно было бы примириться со всѣми страданіями жизни. Въ самой себѣ она открываетъ непонятные ей темные инстинкты, страдаетъ въ борьбѣ съ ними, жаждетъ свободныхъ и свѣтлыхъ чувствъ, побѣждающихъ мракъ души, — и, наконецъ, находитъ въ глубинѣ своихъ страданій исходъ и примиреніе. Весь этотъ вполнѣ человѣчный трагизмъ переданъ съ удивительной искренностью. У читателя ни на минуту нѣтъ впечатлѣнія выдуманности, и весь разсказъ кажется крикомъ души. Въ характерѣ героини нѣтъ идеализаціи—она слабый человѣкъ, и при всей своей душевной и внѣшней красотѣ способна къ нравственнымъ паденіямъ — но тѣмъ не менѣе она вызываетъ живую симпатію глубиной и человѣчностью, а главное непосредственностью своихъ чувствъ.

Повѣсть Габріэли Рейтеръ имѣетъ идейную основу. Въ ней отразилась та философія, которая господствуетъ теперь въ нѣмецкой художественной литературѣ. Какъ прежде литература была проникнута пессимистическимъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни, такъ теперь, напротивъ того, началось страстное, ликующее признаніе жизни, „Lebensbejahung"—по непереводимому нѣмецкому выраженію. Жизнь признается величайшимъ благомъ, и все, что способствуетъ ощущенію этого блага, возводится въ идеалъ. Жажда счастья, стремленіе ощущать всѣми нервами таинственную радость бытія, представляется не только законнымъ требованіемъ человѣческой души, но и цѣлью существованія. Нужно познать гармонію и справедливость всего существующаго, мириться съ жизнью и любить ее,—нужна поэтому свобода чувствъ и страстей, все, что заставляетъ сильнѣе чувствовать радость бытія. Проповѣдь радости и любви къ жизни составляетъ основу всего, что создается теперь въ нѣмецкой литературѣ. Габріэль Рейтеръ глубоко прониклась этой стихійной любовью къ бытію. Ея героиня видитъ смыслъ жизни въ ощущеніи радости—

она борется противъ всего, что въ обыденной жизни притупляетъ это чувство. Сначала, среди необузданныхъ порывовъ молодого чувства, она стремится только удовлетворить этой жаждѣ остраго счастья. Потомъ, просвѣтленная болѣе сознательнымъ пониманіемъ жизни и темныхъ силъ собственной души, она проявляетъ свою стихійную любовь къ жизни инымъ образомъ,—она ищетъ гармоніи и примиренія со всѣмъ, что даетъ жизнь, даже съ ея страданіями. Это та же „Lebensbejahung", но болѣе глубокая и сознательная.

Нѣсколько лѣтъ жизни, разсказанныхъ въ дневникѣ Елены фонъ-деръ-Вейденъ, представляютъ собой путь отъ первыхъ порывовъ инстинктивной жизнерадостности къ болѣе высокому проявленію того же чувства — къ исканію гармоніи и примиренія со всей полнотой жизни. Елена фонъ-деръ-Вейденъ—дитя природы. Она выросла въ горахъ Гарца, живетъ тамъ съ отцомъ, старымъ писателемъ, имя котораго нѣкогда гремѣло въ столицѣ, но который потомъ, изъ артистическаго каприза, уединился въ горной тишинѣ. Ему ненавистны новыя теченія въ искусствѣ и литературѣ, и онъ предпочитаетъ жить вдали отъ литературнаго міра со своей дочерью, которая преклоняется предъ умомъ своего отца. Старикъ фонъ-деръ-Вейденъ, въ молодости совершенно не цѣнившій оказываемаго ему со всѣхъ сторонъ преклоненія, на старости лѣтъ чувствуетъ все-таки потребность въ преданности и признаніи своего ума и таланта, и поддерживаетъ дружескія отношенія съ довольно ограниченной женщиной, своей сосѣдкой. Его дочь внутренно удивляется этой дружбѣ, но она не знаетъ причины ея. Старикъ фонъ-деръ-Вейденъ любитъ послѣдней страстной любовью дочь сосѣдки, молоденькую Терезу, стыдится этой слабости и тщательно скрываетъ ее отъ всѣхъ. Только сама Тереза знаетъ о чувствѣ старика, и потомъ выходитъ замужъ при первомъ случаѣ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ кошмара этой любви, которая грозитъ привести къ безобразію и позору. Эту тайну Тереза разсказываетъ Еленѣ уже тогда, когда сама Елена многое испытала въ жизни; она понимаетъ изъ разсказа Терезы, что та страстность и необузданность крови, которая доставила ей столько горя—наслѣдіе отъ отца. Елена вполнѣ счастлива въ отцовскомъ домѣ; она инстинктивно любитъ природу, карабкается по горамъ, поетъ и смѣется по цѣлымъ днямъ, и эта жизнь среди стихій наполняетъ ея душу. Но однажды лѣтомъ въ Гарцъ пріѣзжаетъ молодой берлинскій врачъ, Фрицъ Эрмансдорферъ. Онъ встрѣчаетъ въ горахъ странную, похожую на мальчишку дѣвушку, влюбляется въ нее, знакомится съ отцомъ и проситъ ея руки. Старикъ фонъ-деръ-Вейденъ хочетъ отказать ему, такъ какъ ненавидитъ и презираетъ столичныхъ жителей. Но его отказъ раз-

дразнилъ упрямую дѣвушку, и она заставляетъ его согласиться, въ сущности только изъ каприза, а не изъ любви къ Фрицу. Въ Берлинѣ Елена прежде всего тоскуетъ. Ей тѣсно въ душныхъ городскихъ стѣнахъ, ей скученъ аккуратный и уравновѣшенный мужъ, поглощенный своими клиническими занятіями и не понимающій ея свободолюбивой, бурной натуры. Онъ недоволенъ ея выходками и полу-дѣтскими шалостями, и старается воспитать въ ней сдержанность и то, что онъ называетъ женственностью, сдѣлать ее такой, какой должна быть жена, удовлетворяющая его вкусамъ,—т.-е. веселой, спокойной и хозяйственной. Но это ему не удается. Елена старается подчиниться его желанію, потому что все еще думаетъ, что любитъ его—но ея свободолюбивая натура не даетъ ей покоя. Она старается сначала жить общей жизнью съ мужемъ, ходитъ въ клинику, знакомится съ одной изъ паціентокъ Фрица,—но все, что она узнаетъ о болѣзняхъ и мученіяхъ, физическихъ и нравственныхъ, больныхъ женщинъ, отпугиваетъ ее. Жизнерадостная натура Елены не любитъ страданій и страдающихъ людей,—она инстинктивно тяготѣетъ только къ сильному и красивому, къ тому, что поднимаетъ радость жизни, а не притупляетъ ее. Попавъ на художественную выставку, Елена видитъ картины новаго художника Угланди, надъ которымъ критика смѣется, считая его эксцентричнымъ и манернымъ. Въ этихъ картинахъ передаются не виды природы, а только настроенія, вызываемыя природой; картины Угланди сразу чаруютъ Елену. Молодая женщина съ ея смутными, не проснувшимися влеченіями и чувствами, увидѣла въ художникѣ родственную душу. Картины Угланди радуютъ ее не какъ внѣшнее зрѣлище, а какъ глубокое, пережитое въ дѣйствительности счастье. Она ежедневно ходитъ смотрѣть картины, узнаетъ адресъ художника, приноситъ ему цвѣты и кладетъ ихъ на порогъ его комнаты. Вся ея жизнь озарена этимъ новымъ счастьемъ, и ея домашняя обстановка тѣмъ болѣе мучитъ ее. Она начинаетъ не выносить Фрица и его буржуазныхъ родственниковъ, все болѣе заглядываетъ въ свою душу, и находитъ въ ней все болѣе темныхъ точекъ. Разыгрывается эпизодъ, который внушаетъ ей презрѣніе къ себѣ самой. Одинъ изъ друзей ея мужа увлекается ею, но старается не выказать этого. Она понимаетъ своимъ женскимъ инстинктомъ, что происходитъ въ его душѣ, и хотя ничего сама къ нему не чувствуетъ, но кокетничаетъ съ нимъ, вызываетъ его на признаніе, рада его страданіямъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ преодолѣть страннаго физическаго влеченія къ нему. При встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, она инстинктивно, но сознавая въ себѣ этотъ инстинктъ, снимаетъ перчатку съ руки, для того, чтобы, когда онъ на прощанье поцѣлуетъ

ей руку, почувствовать прикосновеніе его губъ. Онъ уѣзжаетъ навсегда, но воспоминаніе о немъ долго мучитъ ее. Чтобы чѣмъ-нибудь удовлетворить своей жаждѣ ощущеній, она старается забыться въ водоворотѣ свѣтской жизни. Своимъ умомъ и красотой она привлекаетъ всѣ симпатіи, чувствуетъ неотразимость своего обаянія на окружающихъ ее людей, довольна этимъ и надѣется, что суета и шумъ ея новой жизни заглушатъ въ ней жажду интимнаго счастья. Семейная жизнь ея все болѣе разстроивается, и главное ея горе въ томъ, что у нея нѣтъ ребенка. Въ радостяхъ материнства она надѣялась найти смыслъ своего существованія. Къ ней пріѣзжаютъ отецъ и ея подруга, Тереза, — домъ ея становится еще болѣе шумнымъ. Но ее мучитъ безсмысленная ревность мужа, оскорбляютъ его подозрѣнія, его непониманіе ея чистой, свободной души. Ей удается увидѣть Угланди, — но эта встрѣча мимолетна и не производитъ на нее большого впечатлѣнія. Она любитъ въ душѣ Угланди, потому что онъ одинъ своими картинами далъ ей минуты счастья, но своего чувства она не связываетъ съ человѣкомъ, котораго мимолетно видѣла въ обществѣ и затѣмъ встрѣтила на прогулкѣ, когда шла одна въ грустный пасмурный день. Тогда они обмѣнялись пристальнымъ, печальнымъ взглядомъ, но безмолвно прошли мимо другъ друга. Угланди суждено, однако, произвести переворотъ въ ея жизни. Ея отношенія съ Фрицемъ все болѣе обостряются, и она уѣзжаетъ на время къ отцу, чтобы отдохнуть среди природы, которая давала ей столько счастья въ юности. Туда, черезъ нѣсколько времени, пріѣзжаетъ и ея мужъ, а затѣмъ, въ виду предстоящей свадьбы Терезы, женихъ послѣдней и его братъ, молодой художникъ, другъ Елены. Онъ устроиваетъ сюрпризъ своей семьѣ, а также и Еленѣ, и привозитъ съ собой Угланди. Фрицъ не доволенъ пріѣздомъ всей этой компаніи. Когда Елена затѣваетъ вечернюю прогулку въ лѣсъ, Фрицъ запрещаетъ ей уходить изъ дома. Но въ Еленѣ просыпается ея необузданная строптивость; она выскакиваетъ въ окно, бѣжитъ въ лѣсъ и садится плести вѣнокъ для невѣсты. Ее застигаетъ Угланди, говоритъ о впечатлѣніи, которое она произвела на него на одномъ вечерѣ, говоритъ о любви и радости. Елену охватываетъ стихійная жажда счастія; она чувствуетъ, какъ давно и глубоко полюбила Угланди, и не въ состояніи бороться противъ этой любви. Сцена въ лѣсу описана съ захватывающимъ паѳосомъ и лиризмомъ. Вернувшись домой, она встрѣчаетъ мужа, который осыпаетъ ее упреками. Онъ говоритъ ей, что съ ея стороны преступно не заботиться о своемъ здоровьѣ, потому что онъ, какъ врачъ, долженъ напомнить ей, что она станетъ матерью. Это докторское заявленіе, слѣдующее непосредственно за

сценой въ лѣсу, наполняетъ ужасомъ сердце Елены. Прежде материнство казалось ей счастьемъ — теперь оно представляется ей страшнымъ.

Конецъ романа повѣствуетъ о переворотѣ въ жизни Елены. Она съ полной правдивостью разсказываетъ мужу объ Угланди, но Фрицъ не довольствуется ея объясненіями, преслѣдуетъ ее подозрѣніями о томъ, каковы ея отношенія къ Угланди были въ прошломъ. Фрицъ увозитъ Елену съ собою въ Берлинъ, не позволяетъ ей ни съ кѣмъ видѣться тамъ, и ихъ совмѣстная жизнь становится невозможной. Фрицъ первый заговариваетъ о необходимости развода; Елена согласна, и когда всѣ формальности окончены, она уѣзжаетъ къ отцу. Угланди пріѣзжаетъ къ ней, но ихъ встрѣча—самая грустная; она понимаетъ, что онъ способенъ былъ дать ей только вспышку счастья, и что, соединившись съ нимъ, она будетъ такъ же несчастна, какъ въ бракѣ съ Фрицемъ. Они были нужны другъ другу только для того, чтобы каждый изъ нихъ могъ освободиться отъ прежнихъ жизненныхъ оковъ — Угланди отъ связи съ недостойной его женщиной, Елена— отъ Фрица. Елена разстается съ Угланди навсегда,—и въ душѣ ея наступаетъ покой. У нея родится сынъ, который сначала доставляетъ ей только горе своей болѣзненностью и печальнымъ видомъ. Но она отдается заботамъ о немъ со всей страстностью своей натуры, и первая улыбка, появившаяся на лицѣ у выздоровѣвшаго ребенка, вноситъ счастье въ ея измученную душу. Страстные порывы первой молодости умерли въ ней, но что-то новое вошло въ ея жизнь и возродило въ ней вѣру и надежду.

III.

Remy de Gourmont. La Culture des idées. Paris 1900 г. Стр. 318.

Реми де-Гурмонъ—очень разносторонній писатель. Его маленькіе разсказы („D'un pays lointain", „Histoires magiques" и т. д.), романы („Le Songe d' une femme" и др.), поэмы и пьесы для театра пользуются успѣхомъ,—не у большой публики, конечно, но, такъ сказать, у гастрономовъ литературы, въ виду особыхъ качествъ его писательской манеры. Гурмонъ—изысканный стилистъ, и все, что онъ пишетъ, изысканно и оригинально по изложенію. Образчиковъ его фантазіи, направленной всегда на исканіе утонченныхъ контрастовъ въ интеллектуальной жизни человѣка, можетъ служить одинъ изъ разсказовъ въ сборникѣ „D'un pays lointain". Герой разсказа—подвижникъ-трапистъ.

Онъ въ молодости пришелъ въ монастырь, наложилъ на себя обѣтъ молчанія, и въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ изумлялъ всю братію чрезвычайной суровостью и святостью своей жизни. Въ старости его избрали настоятелемъ монастыря, и всѣ поклонялись безгрѣшному старцу. Передъ смертью онъ, согласно обычаю, требуетъ духовника, чтобы исповѣдаться передъ нимъ — это единственный случай, когда траппистамъ разрѣшается нарушить обѣтъ молчанія. Приходитъ духовникъ и приступаетъ къ исповѣди, заранѣе увѣренный, что никакихъ грѣховъ не было въ жизни этого праведника. Умирающій говоритъ ему одну только фразу: „я не вѣрю въ Бога". Подвигъ, совершенный безъ мысли о спасеніи, а только во имя отреченія отъ человѣческихъ слабостей, пріобрѣтаетъ, благодаря этому послѣднему признанію, истинный паѳосъ и силу, показывая тѣ бездны противорѣчія, которыя уживаются въ человѣческой душѣ.

Реми де-Гурмонъ, кромѣ того, — литературный критикъ. Два томика его „Livre des masques" содержатъ краткія, но ярко сдѣланныя характеристики всѣхъ новѣйшихъ французскихъ писателей. Это въ своемъ родѣ единственная книга, имѣющая документальное значеніе для историковъ литературы нашихъ дней. Кромѣ того, Реми де-Гурмонъ — и авторъ произведеній, свидѣтельствующихъ о чрезвычайной эрудиціи, объ огромномъ знаніи древней классической литературы и средневѣковой латыни. Въ очеркѣ средневѣковой латинской поэзіи— „Le latin mystique"—Реми де-Гурмонъ приводитъ множество впервые имъ обнародованныхъ, до него неизвѣстныхъ образчиковъ средневѣковой церковной латыни. Переводы старинныхъ гимновъ, изслѣдованія объ ихъ происхожденіи и разносторонняя обработка богатаго и интереснаго матеріала—составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію средневѣковую.

Въ новой книгѣ Реми де-Гурмона: „La culture des idées",—собраны отдѣльные очерки по вопросамъ о психологіи и о различныхъ элементахъ литературнаго творчества. Реми де-Гурмонъ, будучи самъ первоклассным стилистомъ, придаетъ огромное значеніе стилю. Въ послѣднее время во французской критикѣ стали раздаваться нападки на то, что новѣйшіе писатели ставятъ форму изложенія выше содержанія. Гурмонъ съ нѣкоторой полемической рѣзкостью объясняетъ эти нападки литературнымъ безсиліемъ тѣхъ, которые нападаютъ. По его мнѣнію, стиль, т.-е. все, что относится къ формѣ, или, вѣрнѣе, къ художественности излагаемыхъ мыслей, составляетъ основу неувядаемости литературнаго произведенія. Выборъ сюжета сравнительно маловаженъ. Гурмонъ доказываетъ это классическимъ примѣромъ Шекспира, драмы котораго, по его словамъ „только рядъ метафоръ, на-

шитыхъ на канву перваго попавшагося сюжета". Творчество Шекспира сказалось только въ его образахъ и фразахъ, а такъ какъ придуманные имъ образы были новы, то эта новизна вдохнула жизнь и въ дѣйствующихъ лицъ драмы. Если „Гамлетъ", при томъ же замыслѣ, написанъ былъ бы стихомъ Христофора Марло, то получилась бы неуклюжая, темная трагедія, интересная лишь какъ намекъ и попытка создать нѣчто художественное. Вымыселъ сюжета ограниченъ условіями дѣйствительности. Реми де-Гурмонъ сводитъ всѣ мыслимыя драматическія столкновенія къ четыремъ категоріямъ: къ отношеніямъ человѣка къ самому себѣ, къ другимъ людямъ, мужчинъ къ женщинѣ или наоборотъ и наконецъ къ отношенію человѣка къ безконечному, къ Богу или природѣ. Каждое литературное произведеніе непремѣнно входитъ въ одну изъ этихъ категорій. Но это не мѣшаетъ безконечному разнообразію художественнаго творчества; даже если-бы былъ одинъ только сюжетъ, только „Дафнисъ и Хлоя", то и его хватило бы для художниковъ всего міра, потому-что оригинальность и значеніе художественнаго творчества заключаются только въ индивидуальномъ отношеніи художника къ своему предмету. Индивидуальность же сказывается въ манерѣ писать.

Въ своей защитѣ стиля Гурмонъ заходитъ очень далеко. „Отсутствіе оригинальнаго стиля,—говоритъ онъ,—уничтожаетъ произведеніе, дѣлаетъ его незамѣтнымъ, невидимымъ. Въ сущности, есть только одинъ родъ художественнаго творчества—поэзія, и быть можетъ одинъ только способъ изложенія—стихъ, потому что и истинно прекрасная проза отличается внутренней ритмичностью, приближающей ее къ стихамъ. Бюффонъ писалъ только поэмы, также какъ Боссюэтъ, Шатобріанъ и Флоберъ. „Les Epoques de la nature" Бюффона хотя и приводятъ въ восторгъ ученыхъ философовъ, но все-таки представляютъ изъ себя прежде всего вдохновенную эпопею. Брюнетьеръ построилъ смѣлую теорію эволюціи разныхъ литературныхъ родовъ; онъ доказалъ, что проза Боссюэта перешла впослѣдствіи въ лирику Виктора Гюго. Гораздо вѣрнѣе, однако, сказать, что никакой эволюціи въ этомъ случаѣ не было, что нѣтъ различныхъ родовъ литературы, а есть только одинъ. Это къ тому же болѣе соотвѣтствуетъ новѣйшимъ изысканіямъ философіи и науки. Идея эволюціи должна уступить мѣсто теоріи, признающей постоянство и несмѣняемость въ области литературы".

Съ идеями де-Гурмона можно согласиться только въ томъ случаѣ, если придать слову „стиль" болѣе широкое значеніе, если подразумѣвать подъ нимъ не только извѣстную изысканность и совершенство въ подборѣ словъ,—а все, что составляетъ индивидуальность писателя, его отношеніе къ своему предмету, его темпераментъ, его инстинктъ

красоты, выливающійся въ словахъ. Въ сущности, Реми де-Гурмонъ только объ этомъ и говоритъ. Полемизируя съ малоизвѣстнымъ авторомъ трактата „Искусство писать, преподанное въ двадцать уроковъ", онъ доказываетъ, что никого нельзя научить писать, потому что стиль —то, что есть самаго индивидуальнаго въ писателѣ.

Изъ другихъ очерковъ въ книгѣ Реми де-Гурмона интересна обстоятельная статья „О расчлененіи идей" (De la dissociation des idèes). „Можно думать двояко,—говоритъ Реми де-Гурмонъ,—или принимать идеи и ассоціаціи идей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ уже существуютъ, или напротивъ того, создавать новыя ассоціаціи, или же, что случается гораздо рѣже, разрушать привычныя ассоціаціи". Онъ доказываетъ, что истинно оригинальное творчество заключается именно въ процессѣ диссоціаціи. Пользоваться такъ наз. общими мѣстами—значитъ повторять очень близкія аналогіи. Иногда общія мѣста имѣютъ историческое происхожденіе: двѣ мысли или два образа объединяются подъ вліяніемъ событій, и это единеніе становится болѣе или менѣе прочнымъ. Европа была свидѣтельницей агоніи и смерти Византіи, и соединила эти два понятія: Византія и „декадансъ". Эта аналогія превратилась въ общее мѣсто и по ассоціаціи идей распространилась на всю римскую имперію, ставшую въ глазахъ историковъ непрерывной исторіей паденія, „декаданса". Всегда въ основѣ общаго мѣста лежитъ какая-нибудь истина, но отрицательная сторона общихъ мѣстъ заключается въ томъ, что въ повтореніи ихъ мысль не участвуетъ, и потому никакого идейнаго движенія не происходитъ. Гораздо важнѣе поэтому въ творчествѣ процессъ диссоціаціи. Психологія людей мѣняется. Ассоціаціи идей, которыя были истиной, прежде чѣмъ стать общимъ мѣстомъ,—перестаютъ, съ теченіемъ времени, выражать дѣйствительную правду и становятся уже фальшивымъ общимъ мѣстомъ. Задача оригинальнаго творчества заключается въ томъ, чтобы подорвать аналогію, уже не имѣющую значенія для ушедшей впередъ мысли. Реми де-Гурмонъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этой разрушительной работы, совершаемой современнымъ поколѣніемъ. Онъ говоритъ, напр., о томъ, что понятіе красоты измѣнилось въ настоящее время. Прежде оно было болѣе утилитарнымъ. Красота не была чисто идейнымъ понятіемъ, а связывалась съ мыслью о плотскихъ наслажденіяхъ, и потому идеаломъ красоты была исключительно женщина. Болѣе развитое сознаніе выдѣлило изъ понятія красоты всѣ постороннія ассоціаціи и этимъ создало новое пониманіе—красоты природы, красоты чистыхъ линій. Явилась пейзажная живопись, развилось декоративное искусство и т. д. Въ области искусства работа диссоціаціи тоже сказалась самымъ плодотворнымъ образомъ, выдѣливъ

изъ задачъ художественнаго творчества посторонніе элементы нравственности, полезности и т. д. Умственную дѣятельность современнаго поколѣнія Реми де-Гурмонъ главнымъ образомъ сводитъ къ протесту противъ устарѣлыхъ идейныхъ ассоціацій.

Цѣлый рядъ другихъ очерковъ посвященъ отдѣльнымъ вопросамъ психологіи, какъ, напр., вопросу объ участіи безсознательной работы воображенія въ художественномъ творчествѣ и т. д. Въ статьѣ „Вѣчное язычество“ Реми де-Гурмонъ говоритъ о неискоренимыхъ языческихъ чертахъ, свойственныхъ культурному человѣчеству до сихъ поръ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1901.

Сороковая годовщина освобожденія крестьянъ.—Наиболѣе яркіе признаки крестьянской обособленности.—Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ.—„Банкротство либерализма".—Извѣтъ въ печати на печать.—Вѣсти изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.—В. А. Манассеинъ †.

Нѣсколько дней тому назадъ исполнилось сорокъ лѣтъ со времени величайшаго акта русской государственной жизни—со времени отмѣны крѣпостного права. Положенія 19-го февраля 1861-го года преслѣдовали двоякую цѣль: обезпечить хозяйственный бытъ крестьянъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ихъ свободными не только отъ помѣщиковъ, но и отъ административной опеки. Теперь, озираясь назадъ, приходится признать, что вполнѣ не достигнуто ни то, ни другое. Какъ непрочно матеріальное благосостояніе деревни—это раскрыли съ особенною ясностью неурожайные годы послѣдняго десятилѣтія; какъ далеко отъ благоустройства ея юридическое и экономическое положеніе—это показываетъ оффиціальная постановка на очередь пересмотра „Положеній о крестьянахъ". Когда, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, имъ было дано сравнительно широкое самоуправленіе, когда поставленный надъ ними контроль мировыхъ посредниковъ былъ отлитъ въ формы, рѣзко отличавшіяся отъ зауряднаго бюрократическаго типа, сліяніе народной массы съ другими классами населенія казалось только вопросомъ времени. Особый крестьянскій судъ считался необходимымъ, потому что не было приведено въ извѣстность, существуетъ ли особое обычное право, и если существуетъ, то въ чемъ заключаются его нормы; въ особой крестьянской волости усматривалась гарантія въ томъ, что только-что отмѣненная помѣщичья власть не возродится ни въ видѣ вотчинной полиціи, ни въ видѣ фактическаго перевѣса сильныхъ и богатыхъ надъ бѣдными и слабыми. Учрежденіе мировыхъ судей, замѣна мировыхъ посредниковъ непремѣнными членами крестьянскихъ присутствій были дальнѣйшими шагами на томъ пути, на который вступили редакціонныя коммиссіи; и если первый изъ этихъ шаговъ былъ недостаточно рѣшителенъ, а второй—не совсѣмъ удаченъ, то отсюда вытекала только необходимость дополненій и поправокъ, но отнюдь не поворота въ другую сторону. Такъ и былъ понятъ крестьянскій вопросъ, когда онъ, послѣ долгаго застоя, былъ вновь выдвинутъ „диктатурой сердца". Одно время можно было думать, что слишкомъ рано прерванная

работа будетъ доведена до своего логическаго конца. Случилось не то: послѣ нѣкоторыхъ колебаній, выраженіемъ которыхъ остаются труды Кахановской коммиссіи, рѣшено было не только сохранить, но усилить обособленность и неполноправность крестьянъ.

Новый періодъ въ исторіи крестьянскаго дѣла, исходной точкой котораго послужило изданіе узаконеній 12-го іюля 1889-го года, продолжается до сихъ поръ, вызывая самую разнообразную оцѣнку. Выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи", мы говоримъ о восторженныхъ похвалахъ, которыми осыпаетъ земскихъ начальниковъ одной губерніи должностное лицо, облеченное по отношенію къ нимъ правомъ контроля и, слѣдовательно, несущее на себѣ долю отвѣтственности за ихъ дѣйствія. Съ этими похвалами любопытно сопоставить свидѣтельство частнаго лица, основанное на цѣломъ рядѣ фактическихъ данныхъ. Н. М. Соколовскій, статьи котораго неоднократно появлялись и въ нашемъ журналѣ [1]), принадлежитъ къ числу самыхъ зоркихъ наблюдателей деревенской жизни. Предметомъ его наблюденій служитъ мѣстность близкая и отъ Петербурга, и отъ желѣзной дороги, т.-е. поставленная въ сравнительно благопріятныя условія. Уѣздъ, въ составъ котораго она входитъ, намъ хорошо знакомъ—и мы можемъ удостовѣрить, что уровень судебно-административныхъ учрежденій въ немъ отнюдь не ниже средняго. И вотъ, однако, что сообщаетъ о немъ г. Соколовскій въ статьѣ: „Деревенскія консультаціи", напечатанной въ № 1 „Русскаго Богатства". „Въ практикѣ сельской юстиціи установился особый видъ по истинѣ *упрощеннаго* правосудія. Рѣшенія отмѣчены удивительной краткостью, той краткостью, про которую говорится: тяпъ-ляпъ — и корабль. Почти никогда не дѣлается ссылокъ не только на общія начала права, но даже на дѣйствующія въ предѣлахъ имперіи узаконенія. *Внутреннее убѣжденіе*—тотъ острый мечъ, однимъ взмахомъ котораго наша сельская богиня правосудія разсѣкаетъ всѣ тонкости и усложненія правовыхъ и процессуальныхъ положеній... При торжествѣ внутренняго убѣжденія надъ бытовыми обычаями, началами права и постановленіями дѣйствующаго законодательства тѣ пріемы (напр., личный осмотръ на мѣстѣ, опросъ свѣдущихъ людей), къ которымъ прибѣгаетъ правильно функціонирующій судъ, окончательно изгнаны изъ судебной процедуры нашей захолустной юстиціи". Воспитываясь въ такой школѣ, „деревенскія массы получаютъ весьма сбивчивое понятіе о законности и, въ сурово неумолимой борьбѣ за существованіе, все болѣе и болѣе усвоиваютъ привычку руководствоваться не сознаніемъ права и долга, но своимъ тоже личнымъ вкусомъ, своимъ тоже внутреннимъ убѣжденіемъ, нѣ-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1892 г., № 1; 1893 г., № 10; 1895 г., № 8.

рѣдко, въ силу темноты и великаго невѣжества этихъ массъ, равносильнымъ съ животнымъ инстинктомъ". Не лучше обстоитъ дѣло и въ области чисто административной: это показываютъ слѣдующіе примѣры. Сельское общество, еще во время крѣпостного права, пріобрѣло, на имя помѣщика, участокъ земли и продолжало владѣть имъ безспорно и послѣ освобожденія, но безъ всякихъ документовъ. Когда въ послѣднее время, вслѣдствіе вздорожанія земли, стали учащаться земельные захваты и споры,—крестьяне задумали укрѣпить свое владѣніе. Имъ объяснили, что для этого нужно просить о признаніи за ними права собственности на основаніи давности. Нашелся и повѣренный, вполнѣ надежный, согласившійся вести это дѣло въ окружномъ судѣ, съ полученіемъ, по окончаніи дѣла, весьма умѣреннаго вознагражденія (ста рублей). Приговоръ о выдачѣ ему довѣренности былъ, однако, уничтоженъ уѣзднымъ съѣздомъ, какъ „направленный къ явному ущербу для общества" (!). На томъ же основаніи кассированъ общественный приговоръ, по которому землевладѣлецъ бралъ на себя углубить и расчистить протекающую по крестьянской землѣ рѣчку, а крестьяне предоставляли ему за то на двѣнадцать лѣтъ право сгонять по рѣчкѣ дрова во время половодья. По словамъ г. Соколовскаго, эта сдѣлка была одинаково выгодна для обѣихъ сторонъ: землевладѣлецъ получалъ болѣе дешевый способъ сбыта дровъ, а крестьянская земля должна была превратиться изъ безполезнаго или даже вреднаго болота въ хорошіе луга... Неудивительно, что при такой непрочности общественныхъ приговоровъ, при такомъ пренебреженіи къ выраженной въ нихъ сознательной и разумной волѣ крестьянъ, значеніе міра падаетъ все болѣе и болѣе, и мірскія дѣла перестаютъ быть близкими сердцу крестьянъ. „Спросишь того или другого знакомаго мужика", говоритъ г. Соколовскій, „почему его нѣтъ на сходѣ?—и только слышишь одно: что̀ по пусту болтаться, грѣхи одни". И подобные отвѣты „даются не отбившимися отъ дѣла мужичонками, но крестьянами обстоятельными, вдумчивыми, крѣпко сидящими на землѣ, именно такими крестьянами, которые своимъ участіемъ могли бы помочь міру столковаться и разобраться въ его большихъ и малыхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ". Совершенно правъ г. Соколовскій, утверждая, что это явленіе повсемѣстное, констатированное даже оффиціально. Отмѣчая слабое посѣщеніе сельскихъ сходовъ, вятское губернское совѣщаніе (въ отвѣтахъ на вопросы, предложенные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ) объясняетъ его слѣдующимъ отзывомъ крестьянъ: „чего на сходъ ходить, когда земскій начальникъ рѣшаетъ". Гдѣ замираетъ жизнь, тамъ грозитъ разложеніе; а что̀ значило бы разложеніе строя, обнимающаго собою огромное большинство русскаго крестьянства—это не требуетъ поясненія. На-

стало, кажется, время приведенія въ извѣстность, что дали сельской жизни и что отняли у нея судебно-административные порядки, созданные двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Мнѣнія должностныхъ лицъ и учрежденій, прямо соприкасающихся съ этими порядками, могутъ быть разсматриваемы — вмѣстѣ съ самыми рѣшеніями и распоряженіями земскихъ начальниковъ—какъ одна группа матеріаловъ, а всѣ остальные свидѣтельства и отзывы — какъ другая; чтобы взвѣсить значеніе обѣихъ группъ, необходимо всестороннее изслѣдованіе на мѣстахъ, произведенное авторитетнымъ и безпристрастнымъ судьею.

Такимъ судьею могъ бы быть ревизующій сенаторъ—или, въ виду сложности задачи и разнообразія мѣстныхъ условій, нѣсколько ревизующихъ сенаторовъ, посланныхъ одновременно въ разныя области имперіи. Со времени обновленія Россіи сенаторскія ревизіи перестали быть только тѣмъ, чѣмъ онѣ были прежде — чрезвычайнымъ средствомъ раскрытія чрезвычайныхъ злоупотребленій. Въ 1862—63 гг. ревизія сенатора А. Х. Капгера (въ губерніяхъ калужской и владимірской) имѣла въ виду ближайшее знакомство съ ходомъ крестьянской реформы и образомъ дѣйствій крестьянскихъ учрежденій; въ 1880—81 гг. четыре сенатора-ревизора [1]) должны были изучить, въ виду предположенныхъ преобразованій, всѣ функціи мѣстнаго управленія и самоуправленія; въ 1883 г., ревизія остзейскаго края (сенатора Н. А. Манассеина) должна была пріискать точки опоры для сближенія этого края съ коренными русскими губерніями. Конечно, въ источникахъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ „въ глубинѣ Россіи", нѣтъ недостатка; ихъ гораздо больше теперь, чѣмъ въ до-реформенную эпоху или даже тридцать, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ; но главная цѣль ревизій новаго типа—не собраніе фактовъ, а ихъ повѣрка и оцѣнка. Разобраться среди противоположныхъ мнѣній, установить твердые выводы, намѣтить назрѣвшія и неотложныя улучшенія можетъ—съ нѣкоторою увѣренностью, что трудъ его не пройдетъ безслѣдно,— лишь тотъ, чье высокое положеніе обезпечиваетъ за нимъ, вмѣстѣ съ независимостью, и право на довѣріе. Въ нашей служебной іерархіи эти условія соединяютъ въ себѣ, кромѣ сенаторовъ, только члены Государственнаго Совѣта.

Двумя признаками народная масса отличается особенно рѣзко отъ другихъ сословій: на нее распространяется административно-карательная власть земскаго начальника, и она подлежитъ тѣлесному наказанію по приговорамъ волостного суда. Въ первомъ отношеніи на одинъ уровень съ крестьянами поставлены мѣщане и ремесленники,

[1]) М. Е. Ковалевскій — въ губерніяхъ казанской и уфимской; С. А. Мордвиновъ—въ губерніяхъ воронежской и тамбовской; А. А. Половцовъ — въ губерніяхъ кіевской и черниговской; И. И. Шамшинъ—въ губерніяхъ саратовской и самарской.

живущіе въ сельскихъ мѣстностяхъ; вторая „привилегія“ принадлежитъ исключительно крестьянамъ. Изъ отчета о дѣятельности земскихъ начальниковъ тульской губерніи мы узнаемъ, что случаевъ примѣненія административно-карательной власти въ тульской губерніи бываетъ, среднимъ числомъ, по 2.678 въ годъ (по *сорока-семи* на каждый участокъ). Составителемъ отчета и его присяжными панегиристами эта цифра признается *умѣренною*; намъ она кажется, наоборотъ, весьма высокою, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ участкахъ число каръ безъ сомнѣнія гораздо выше средняго. Столь же несомнѣнно и то, что она была бы еще гораздо выше, еслибы не толкованія Сената, заключившія ее въ извѣстные предѣлы. Газетные приверженцы произвола открыто негодуютъ за это на Сенатъ; составитель отчета, связанный своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, выражаетъ свое неудовольствіе не такъ прямо, но съ достаточной ясностью. „Административная власть земскаго начальника“—таковы подлинныя слова отчета, — „будучи обставлена формальностями, не обладаетъ тою твердостью и быстротою, которыя необходимы для поддержанія порядка въ деревнѣ, и является нерѣдко безсильною въ борьбѣ съ нѣкоторыми печальными явленіями сельской жизни“. Этотъ вырвавшійся изъ груди вздохъ краснорѣчивѣе длинныхъ разсужденій... Въ оправданіе административныхъ каръ все въ томъ же отчетѣ указывается на то, что главнымъ поводомъ къ нимъ служитъ „распитіе вина на сельскомъ сходѣ“. Безспорно, такое распитіе непохвально; но всегда ли оно представляетъ собою подходящій объектъ для строгихъ мѣропріятій? Въ этомъ позволительно усомниться, хотя бы въ виду слѣдующаго факта, сообщаемаго Н. М. Соколовскимъ: человѣкъ двадцать домохозяевъ, въ томъ числѣ сельскій староста, собрались побесѣдовать о двухъ пустовавшихъ въ ихъ обществѣ надѣлахъ и, не образуя схода и ничего не постановляя, выпили во время бесѣды четверть водки. За это они были посажены подъ арестъ, сельскій староста — на пять дней, остальные — на три. Съ г. Соколовскимъ у нихъ произошла потомъ такая бесѣда: „—За что же васъ посадили-то? —А безъ обсужденіевъ, значитъ. — Какъ это безъ обсужденіевъ? — А тоись такъ; у меня, баитъ, ни-ни; руки держи по швамъ“... Между тѣмъ, серьёзныя попытки самихъ крестьянъ уменьшить пьянство не встрѣчаютъ сочувствія и поддержки. При введеніи питейной монополіи въ деревнѣ, гдѣ никогда раньше не было кабака, нанята была изба подъ винную лавку. Общество, опасаясь соблазна для людей слабыхъ, въ особенности молодыхъ, постановило воспретить хозяину избы сдачу ея подъ винную лавку—но этотъ приговоръ былъ отмѣненъ, какъ противный закону. Не было уважено и ходатайство о закрытіи винной лавки въ селеніи, гдѣ, послѣ поголовнаго разгула,

совершено было, въ пьяномъ видѣ, убійство и покушеніе на убійство. Деревенское пьянство, по словамъ г. Соколовскаго, „измѣнило свой характеръ къ худшему: корчемство приняло громадные размѣры, пьянство вогнано въ самое сердце деревни—крестьянскую избу; то, что было достояніемъ кабацкихъ стѣнъ, сдѣлалось достояніемъ избы, отцовскіе грѣхи совершаются въ явь, передъ глазами дѣтей"...

Противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія приводится иногда аргументъ аналогичный съ тѣмъ, которымъ, какъ мы только-что видѣли, отстаивается наложеніе административныхъ каръ: указывается на то, что тѣлесное наказаніе рѣдко назначается волостными судами и еще рѣже разрѣшается къ исполненію земскими начальниками. По отношенію къ нѣкоторымъ губерніямъ (напр. нижегородской) это фактъ безспорный; но если и допустить его всеобщность и повсемѣстность, то все-таки нельзя вывести изъ него заключенія въ пользу statu quo. Нѣтъ никакого основанія думать, что сохраняется тѣлесное наказаніе именно и только для проступковъ особенно важныхъ, для людей испорченныхъ, неисправимыхъ и нечувствительныхъ къ позору. Наоборотъ, крайне неравномѣрное распредѣленіе тѣлесныхъ наказаній между уѣздами, участками, даже волостями, прямо указываетъ на непосредственную ихъ связь съ личными взглядами суда или судей. Иными словами, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ въ одномъ мѣстѣ тѣлесное наказаніе назначается и исполняется, въ другомъ—не назначается или, по крайней мѣрѣ не приводится въ исполненіе. Между тѣмъ, съ распространеніемъ грамотности, съ поднятіемъ среди массъ чувства собственнаго достоинства, тѣлесное наказаніе все въ бо́льшей степени и для все бо́льшаго числа лицъ становится карой тяжкой, несоразмѣрно, иногда невыносимо тяжкой. Предоставлять его на чье-либо усмотрѣніе—т.-е. ставить его въ зависимость отъ случая,—явная несправедливость, растущая и обостряющаяся съ каждымъ годомъ. Напрасно было бы ссылаться, въ ея оправданіе, на авторитетъ составителей Положеній 19-го февраля: едва ли кто-нибудь изъ нихъ, поставленный лицомъ къ лицу съ нынѣшними условіями, подалъ бы голосъ за то, что, сорокъ лѣтъ тому назадъ, могло казаться необходимымъ или неизбѣжнымъ. Какъ относится къ тѣлесному наказанію современное русское общество—объ этомъ можно судить по настойчивымъ, горячимъ ходатайствамъ большинства губернскихъ земскихъ собраній. Въ исторіи этихъ ходатайствъ, возникающихъ еще четверть вѣка тому назадъ, но особенно часто повторяющихся въ послѣднее десятилѣтіе, замѣчается одна любопытная и нелегко объяснимая черта. Сначала министерство внутреннихъ дѣлъ отклоняетъ ходатайства не столько потому, что признаетъ ихъ выходящими за предѣлы компетенціи земства, сколько по соображеніямъ, касающимся самаго ихъ

существа. „Предлагаемая земствомъ мѣра“—сказано въ отвѣтѣ министерства на ходатайство, возбужденное смоленскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 1890 г.,—„*едва ли* представляется необходимою въ виду того, что узаконенія 12-го іюля 1889 г. поставили примѣненіе тѣлеснаго наказанія подъ непосредственный контроль земскихъ начальниковъ, что̀ служитъ достаточной гарантіей правильности его примѣненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ названныя должностныя лица, безъ сомнѣнія, не будутъ допускать исполненіе его надъ такими лицами, для коихъ наказаніе это, по ихъ развитію и занимаемому ими положенію, представлялось бы слишкомъ тяжелымъ“. Въ этихъ словахъ доказаннымъ признавалось то, что̀ еще нужно было доказать—но въ нихъ не слышалось ни твердой увѣренности въ правотѣ защищаемаго дѣла, ни твердаго намѣренія отстранить земство отъ обсужденія поставленнаго имъ вопроса. Позже отпоръ, встрѣчаемый земствомъ, становится болѣе рѣшительнымъ,—но вполнѣ и повсемѣстно установившимся отношеніе къ ходатайствамъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній не можетъ быть названо и до сихъ поръ. Такъ напримѣръ, въ послѣдней очередной сессіи с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель собранія, снялъ съ очереди, своею властью, вопросъ о возобновленіи ходатайства, безпрепятственно возбужденнаго собраніемъ въ 1895 году — а въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи аналогичный вопросъ былъ допущенъ къ обсужденію предсѣдателемъ, и ходатайство, предложенное редакціонною коммиссіею, принято единогласно и безъ преній. Само собою разумѣется, что всецѣло правъ, въ данномъ случаѣ, былъ смоленскій губернскій предводитель. Мѣстныя пользы и нужды, какъ мы уже много разъ объясняли, совпадаютъ, сплошь и рядомъ, съ пользами и нуждами общегосударственными—и это совпаденіе отнюдь не можетъ вести къ ограниченію сферы земскихъ ходатайствъ. Противоположное толкованіе, послѣдовательно проведенное, было бы равносильно уничтоженію одного изъ важнѣйшихъ правъ, принадлежащихъ земству—уничтоженію, менѣе всего желательному въ интересахъ государственной власти. Не такъ много существуетъ у насъ средствъ доводить до ея свѣдѣнія о потребностяхъ народа, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ закрывать главный путь, ведущій къ этой цѣли.

Какъ ненормально обособленное положеніе крестьянства—это обнаружилось еще разъ на агрономическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ съ 10-го по 19-ое февраля. Лишь только возникъ вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ можетъ оказаться плодотворной агрономическая помощь населенію, съ разныхъ сторонъ раздались голоса въ пользу мелкой земской единицы, какъ лучшаго или даже единствен-

наго средства достигнуть всѣми желанной цѣли. „Пока крестьяне“,— воскликнулъ одинъ изъ членовъ съѣзда (кн. Д. И. Шаховской)—„не будутъ, какъ полноправные хозяева, въ союзѣ съ образованными людьми, пока они не будутъ совмѣстно обсуждать свои нужды, до тѣхъ поръ никакія наблюденія агрономовъ не могутъ принести должной пользы“. Особая коммиссія, избранная съѣздомъ, выработала слѣдующій проектъ резолюціи по вопросу о мелкой земской единицѣ: „I. Для того, чтобы земство могло вполнѣ удовлетворительно выполнить лежащія на немъ задачи въ области экономическихъ и, въ частности, сельскохозяйственныхъ нуждъ населенія, является безусловно необходимымъ образованіе новой, меньшей, чѣмъ уѣздъ, земской единицы. II. Мелкая единица эта должна обладать слѣдующими основными чертами дѣйствующихъ земскихъ учрежденій: 1) она должна носить характеръ обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; 2) у нея должна быть точно опредѣленная территорія, на которую распространялось бы ея дѣйствіе; 3) она должна имѣть характеръ всесословный; 4) она должна пользоваться правомъ самообложенія; 5) подобно тому, какъ между нынѣ существующими земскими учрежденіями, губернскими и уѣздными, существуетъ нѣкоторая опредѣляемая закономъ связь, такъ должна быть установлена связь новой мелкой земской единицы съ уѣздными и губернскими земскими учрежденіями даннаго уѣзда и губерніи; 6) мелкая земская единица должна имѣть выборные исполнительные органы; 7) она не должна обладать функціями полицейскими и судебными. III. Существенно важно, чтобы вопросъ о своевременности учрежденія подобной мелкой земской единицы, а также о подробностяхъ ея организаціи, былъ переданъ на заключеніе земскихъ собраній“. Общее собраніе съѣзда огромнымъ большинствомъ голосовъ приняло этотъ проектъ, съ двумя добавленіями—относительно гласнаго веденія дѣлъ въ собраніяхъ и исключенія изъ нихъ всѣхъ лицъ, исправляющихъ судебныя и административныя должности на территоріи данной земской единицы. Нужно надѣяться, что рѣшеніе съѣзда, предсѣдателемъ котораго былъ директоръ департамента земледѣлія, Н. А. Хомяковъ (примкнувшій, повидимому, къ числу сторонниковъ мелкой земской единицы), не пройдетъ безслѣдно и что будетъ, наконецъ, осуществлена мысль, въ пользу которой уже болѣе двадцати лѣтъ громко говорятъ всѣ выдающіеся факты народной жизни.

Другой интересный вопросъ былъ возбужденъ на съѣздѣ С. Г. Бередниковымъ (предсѣдателемъ тихвинской уѣздной земской управы). Запросы сельско-хозяйственнаго и экономическаго характера,—сказалъ г. Бередниковъ,—„не могутъ быть пріурочены къ территоріи одной губерніи, какъ единицы административной, а возникаютъ на пространствѣ нѣсколь-

кихъ губерній, однородныхъ въ сельскохозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и приводятъ къ мысли о необходимости постоянной областной организаціи, созданной изъ выборныхъ представителей заинтересованныхъ земствъ и мѣстныхъ агрономовъ. Такая организація имѣетъ то преимущество предъ съѣздами дѣятелей по сельскому хозяйству, что является величиной постоянной; она имѣетъ возможность осуществлять мѣропріятія въ болѣе широкихъ размѣрахъ и не зависитъ отъ случайно собравшихся дѣятелей... Совокупная дѣятельность нѣсколькихъ земствъ на почвѣ сельскохозяйственныхъ и экономическихъ мѣропріятій можетъ только удешевлять ихъ осуществленіе, ставить его въ болѣе правильныя условія и облегчить задачу правительственныхъ учрежденій, разрабатывающихъ сельскохозяйственные и экономическіе вопросы". Предложеніе г. Бередникова передано для предварительной разработки въ распорядительный комитетъ съѣзда, при участіи предсѣдателей секцій. Вообще, пренія и резолюціи съѣзда представляютъ очень много интереснаго, и мы еще будемъ имѣть случай къ нимъ возвратиться. Закрывая свою сессію, съѣздъ возбудилъ ходатайство о періодическомъ его созывѣ, какъ нельзя болѣе желательномъ въ интересахъ сельско-хозяйственнаго прогресса.

Въ предисловіи къ только-что появившейся, весьма любопытной книгѣ Эмиля Фагэ: „Problèmes politiques du temps présent", авторъ, называя себя „старымъ либераломъ", констатируетъ, не безъ грусти, наступившій, въ послѣднее время, упадокъ либерализма. „Весьма возможно"—восклицаетъ онъ,—„что банкротство либерализма будетъ признано характерной чертой XIX-го вѣка и послужитъ его кличкой на страницахъ всеобщей исторіи". Интересно было бы знать, что̀ разумѣетъ здѣсь Фагэ подъ именемъ либерализма? Если рѣчь идетъ о либеральной партіи, сложившейся во время реставраціи, достигшей своего апогея при Людовикѣ-Филиппѣ и доживавшей свои послѣдніе дни при Наполеонѣ III-мъ, то Фагэ правъ въ томъ отношеніи, что эта партія дѣйствительно претерпѣла банкротство — но совершенно неправъ, усматривая въ ея крушеніи характерную черту XIX-го вѣка: этотъ вѣкъ видѣлъ много событій несравненно болѣе важныхъ и крупныхъ. Если, говоря о либерализмѣ, Фагэ имѣетъ въ виду не партію, а систему, обнимающую собою различные виды свободы, то на ея долю выпало, въ XIX вѣкѣ, скорѣе торжество, чѣмъ банкротство: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, чѣмъ была въ западной Европѣ, сто̀ лѣтъ тому назадъ, свобода печати, свобода собраній, свобода личности, свобода религіозной мысли — и что̀ мы видимъ, во всѣхъ этихъ областяхъ, въ настоящее время. Даже

въ Англіи — единственной странѣ, гдѣ, на рубежѣ XVIII и XIX вв., можно было говорить о свободѣ, — ограниченія этого принципа чувствовались тогда гораздо сильнѣе. Безспорно, индивидуальная свобода, во всѣхъ или многихъ ея видахъ, стоитъ теперь лицомъ къ лицу съ новыми затрудненіями, которыхъ она не знала раньше; но окажутся ли они непреодолимыми или будетъ найденъ modus vivendi, обезпечивающій свободу и въ измѣненномъ общественномъ строѣ — это тайна будущаго. Необходимо, во всякомъ случаѣ, различать либерализмъ, какъ совокупность свободолюбивыхъ стремленій, отъ либерализма, какъ застывшаго ученія, совершенно напрасно присвоивающаго себѣ, и только себѣ, право называться этимъ именемъ. Упускать изъ виду это различіе, значитъ—идти на встрѣчу недоразумѣнію въ родѣ того, въ которое впалъ Фагэ. Аналогичнымъ недоразумѣніемъ вызванъ былъ, какъ намъ кажется, споръ, происходившій недавно между двумя петербургскими газетами. Въ одной изъ нихъ появилась жалоба на неблагодарность русскаго общества по отношенію къ либерализму: „очень еще намъ нужный, онъ былъ объявленъ буржуазнымъ, и ему противопоставлено народничество, никогда не имѣвшее вполнѣ ясной программы". Въ другой газетѣ, заступившейся за народничество, либерализму ставится въ вину, что его девизъ—„свобода для избранныхъ, человѣческія права для немногихъ". Девизъ партіи или партій—партій западно-европейскихъ, у насъ находившихъ только слабый, скоро отзвучавшій отголосокъ—превращенъ здѣсь въ девизъ *настроенія*, т.-е. чего-то гораздо болѣе широкаго, чѣмъ партія. Понимаемый какъ настроеніе, либерализмъ безспорно „очень еще нуженъ" Россіи—но отъ него, въ этомъ смыслѣ, и не отрекалось русское общество... Въ путаницѣ понятій, обусловливаемой неопредѣленностью словъ, нѣтъ ничего новаго; мы указывали на нее уже много лѣтъ тому назадъ [1]). „Старыя рамки"—говорили мы тогда—„оказываются недостаточными, старыя клички теряютъ свой смыслъ. Было время, когда *политика*, въ тѣсномъ значеніи слова, исчерпывала все содержаніе государственной жизни, когда экономическій строй общества былъ предоставляемъ на произволъ судьбы, а немногіе критики его безапелляціонно относимы къ числу утопистовъ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: программа партіи, группы, даже отдѣльнаго лица, претендующаго на цѣльное міросозерцаніе, должна заключать въ себѣ отвѣтъ не на одни только политическіе вопросы. Понятно, что разобраться среди такихъ программъ гораздо труднѣе, чѣмъ среди прежнихъ, сравнительно несложныхъ. Такихъ названій, которыя соотвѣтствовали бы всѣмъ новымъ оттѣнкамъ и комбинаціямъ мнѣній, еще не придумано—или, по

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1882 годъ.

крайней мѣрѣ, они еще не вошли во всеобщее употребленіе. Въ ожиданіи соглашенія по этому предмету, необходима величайшая осторожность въ употребленіи устарѣлыхъ терминовъ, необходима классификація общественныхъ группъ не по одному, случайно выхваченному признаку, а по совокупности ихъ задачъ и стремленій". Оставаясь вѣрными этому взгляду, мы думаемъ, что объявлять либерализмъ похороненнымъ не слѣдуетъ ни тѣмъ, кто оплакиваетъ его преждевременную кончину, ни тѣмъ, кто готовъ воскликнуть: „туда ему и дорога!" — не слѣдуетъ потому, что умереть можетъ только замкнутая въ себѣ доктрина, а не *стремленіе*, коренящееся въ глубинѣ человѣческой природы.

Продолжая выискивать и выслѣживать мысли, не укладывающіяся въ реакціонную программу, газеты извѣстнаго оттѣнка не отступаютъ передъ выходками, менѣе всего умѣстными именно въ печати. Именно печать, сколько-нибудь уважающая свое достоинство и свое призваніе, должна сознавать, что раны, наносимыя печатнымъ словомъ (если у насъ мыслимы такія раны), имъ же, и имъ лишь однимъ, и могутъ быть исцѣляемы; именно печати неприлично взывать къ посторонней власти и ожидать отъ нея не только мѣръ пресѣченія, но и мѣръ предупрежденія... мнимыхъ опасностей. Это элементарнѣйшее правило профессіональной чести давно забыто „Московскими Вѣдомостями". Во многихъ земскихъ губерніяхъ существуютъ періодическія изданія, основанныя губернскимъ земствомъ и редактируемыя губернскою земскою управою; назовемъ, для примѣра, губерніи новгородскую, псковскую, саратовскую, херсонскую, полтавскую. Ихъ примѣру рѣшилось послѣдовать с.-петербургское губернское земство; въ послѣдней очередной своей сессіи губернское собраніе постановило издавать—если на то будетъ получено надлежащее разрѣшеніе—„С.-Петербургскій Земскій Вѣстникъ". Въ московской газетѣ появляется по этому поводу, въ видѣ корреспонденціи „съ береговъ Невы", разговоръ двухъ пріятелей, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія характерныя мѣста: „я о газетѣ, какой у насъ еще нѣтъ... Заглавію только не вѣрьте, читайте программу... Обратите вниманіе на отдѣлъ третій; тутъ именно, по нѣмецкой пословицѣ, *зарыта собака* (содержаніе третьяго отдѣла—*дѣятельность земствъ и городовъ другихъ губерній*)... Понимаете теперь—общеземскій и даже городской, такъ сказать, объединяющій органъ? Очевидно, наши передовые земцы продолжаютъ лелѣять мечту и дѣлать попытки къ объединенію дѣятельности земствъ и созданію всероссійскаго земства. Авось на этотъ разъ и подъ этимъ соусомъ выгоритъ?"... Еслибы мы имѣли дѣло съ добросовѣстнымъ противникомъ, мы изложили бы исто-

рію „С.-Петербургскаго Земскаго Вѣстника“, ясно свидѣтельствующую объ отсутствіи у петербургскаго земства какихъ бы то ни было „зарытыхъ собакъ“ и заднихъ мыслей; но для нашей цѣли достаточно указать на степень правдивости аргументовъ, пущенныхъ въ ходъ газетнымъ сыскомъ. Невѣрно, во-первыхъ, что такой газеты, какъ „С.-Петербургскій Земскій Вѣстникъ“, у насъ нѣтъ; земскихъ періодическихъ изданій много, и отъ нихъ ничѣмъ не отличается то, которое задумано с.-петербургскимъ земствомъ. Невѣрно, во-вторыхъ, чтобы чѣмъ-то новымъ представлялся отдѣлъ, отъ котораго пришли въ ужасъ „пріятели“ съ береговъ Невы; точно такой же отдѣлъ имѣется, напримѣръ, въ выходящемъ съ 1899 г. „Вѣстникѣ Новгородскаго Земства“ („Хроника дѣятельности земствъ и городовъ другихъ губерній“). Съ паденіемъ этихъ двухъ устоевъ извѣта падаетъ и весь извѣтъ, и намъ нѣтъ надобности разбирать вопросъ о томъ, есть ли что-нибудь общее между основаніемъ скромной, маленькой земской газеты и—„попыткой создать всероссійское земство“...

Выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи“, указаны мѣстности, несущія на себѣ тяжелыя послѣдствія прошлогодняго неурожая. Къ числу наиболѣе пострадавшихъ принадлежитъ балтскій уѣздъ подольской губерніи. Вотъ что пишетъ, 3-го февраля, одинъ изъ священниковъ этого уѣзда: „по рѣкѣ Кодымѣ тянется рядъ поселеній, которыя на одномъ берегу принадлежатъ къ херсонской губерніи, имѣющей земскія учрежденія, а на другомъ—къ подольской, не имѣющей ихъ. Въ с. Гольмѣ и другихъ прикодымскихъ селеніяхъ херсонскаго берега многихъ голодающихъ поддержали, а можетъ быть многимъ и жизнь спасли. На херсонской сторонѣ, по почину частныхъ лицъ и комитетовъ Краснаго Креста, заведены по селамъ безплатныя столовыя для безземельныхъ и крайне бѣдныхъ людей, а землевладѣльцамъ-крестьянамъ даютъ ссуду зерномъ и деньгами. Сыпной тифъ началъ-было распространяться, но надѣются, что и эту бѣду одолѣютъ. А вотъ наши-то прикодымскіе поселяне несчастнѣе херсонцевъ: у тѣхъ и топливо почти-что даровое изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, а наши бѣдные терпятъ и холодъ, и голодъ, и нѣтъ помогающаго. Я знаю въ здѣшнемъ приходѣ по крайней мѣрѣ до 15 семействъ, около 100 душъ такихъ несчастныхъ; ихъ не узнать, это однѣ тѣни, а не люди, такъ отощали, бѣдные. Сколько ни подаютъ прошеній, а по сіе время еще не истребовали имъ ихъ собственный продовольственный капиталъ, хранящійся въ кіевскомъ банкѣ. Но вышеупомянутымъ несчастнымъ едва ли что достанется изъ этого капитала,—они не имѣютъ права на участіе въ немъ: это бѣдные пришлые, вдовы съ

дѣтьми, мѣстные цыгане и евреи. Я пробовалъ помѣстить нѣсколько душъ въ столовую на херсонской сторонѣ, но мнѣ тамъ отказали. Жаль смотрѣть на эти истощенныя фигуры женщинъ съ грудными дѣтьми въ холодной хатѣ, полуразобранной на топливо. Наша школа разстроилась въ этомъ году: изъ 116 мальчиковъ, бывшихъ въ ней до 22 декабря, ее посѣщаютъ теперь только 60, а изъ 60 дѣвочекъ только 30. На херсонской сторонѣ даютъ школьнымъ дѣтямъ безплатно чай, а у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Приходится выслушивать народные упреки, что на той сторонѣ иные порядки". Ошибочно было бы думать, однако, что на „херсонской сторонѣ" все обстоитъ благополучно. Судя по письмамъ изъ ананьевскаго уѣзда, суммы, отпускаемыя на столовыя (по 4 к. на человѣка въ день, при чемъ каждый долженъ получить порцію борща и каши и 1 1/2 ф. хлѣба), оказываются недостаточными; „приходится прибѣгать къ частной благотворительности, а она развита слабо. Нѣмцы-колонисты болѣе отзывчивы на доброе дѣло, чѣмъ многіе помѣщики-дворяне"... Не хватаетъ и столовыхъ: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (напр. Ясиновѣ и Гвоздовкѣ) „старики и старухи, калѣки и дѣти школьнаго возраста питались (въ половинѣ января) однимъ картофелемъ и сидѣли въ нетопленыхъ хатахъ; топлива не на что купить; все, что можно было продать, уже продано... Ужасное впечатлѣніе производятъ евреи въ с. Ясиновѣ и Любашевкѣ; они ходятъ цѣлыми толпами, худые, голодные и оборванные, и просятъ по мѣстечку помощи у своихъ же единовѣрцевъ. Здѣсь нѣтъ средствъ для помощи евреямъ, и ихъ направляютъ къ губернатору. Въ урожайные годы они занимаются мелкою торговлею; теперь, въ виду двухлѣтняго неурожая, они окончательно разорились. Если у кого даже и есть мелкая торговля, то и та въ застоѣ, такъ какъ покупателей-крестьянъ нѣтъ. Одесскій комитетъ по оказанію помощи евреямъ закрылся за отсутствіемъ средствъ". По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, „для евреевъ собрали въ Одессѣ 250 рублей, на которые закупается мука; она хоть немного поддержитъ несчастныхъ". Намъ указаны слѣдующія лица, къ которымъ можетъ быть направляема помощь для голодающихъ: въ балтскомъ уѣздѣ—настоятель церкви села Ясинова, отецъ Трофимъ (адресъ—гор. Балта, с. Ясиново); въ ананьевскомъ уѣздѣ—земскій начальникъ Иванъ Васильевичъ Новицкій (адресъ—станція юго-западныхъ жел. дорогъ Любашевка). Для голодающихъ въ Сибири принимаютъ пожертвованія: въ Омскѣ—омское медицинское общество, въ Томскѣ—редакція газеты „Сибирская Жизнь", въ Иркутскѣ—редакція газеты „Восточное Обозрѣніе".

Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ, скончавшійся 13-го февраля, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, на долю которыхъ справедливая оцѣнка выпадаетъ только послѣ смерти. Медицинскому міру хорошо были извѣстны его выдающіяся заслуги, какъ профессора и редактора лучшей медицинской газеты; среди петербургскихъ литераторовъ многіе знали самоотверженную дѣятельность В. А., какъ члена и предсѣдателя литературнаго фонда; но только у его гроба можно было убѣдиться въ томъ, какъ дорогъ онъ былъ для множества людей, испытавшихъ на себѣ его безконечную доброту, его безпредѣльную готовность облегчать чужое горе. Похороны В. А., простыя и скромныя какъ онъ самъ, производили глубокое впечатлѣніе: въ громадной толпѣ, слѣдовавшей за его тѣломъ, не было никого, кто не чувствовалъ бы глубоко всю тяжесть понесенной потери. Не было фальшивыхъ нотъ и въ отзывахъ печати, органы которой, безъ различія направленій, почтили по заслугамъ память покойнаго. А между тѣмъ у В. А. были очень опредѣленныя симпатіи и антипатіи; меньше всего ему было свойственно равнодушное отношеніе къ борьбѣ, кипѣвшей вокругъ него. Всѣ чувствовали, однако, что въ мотивахъ, заставлявшихъ В. А. становиться на ту или другую сторону, нѣтъ ничего личнаго, мелкаго, случайнаго; всѣ знали, что ему могутъ быть ненавистны только стремленія, но не люди. Это сказалось въ единодушномъ сожалѣніи, вызванномъ вѣстью о его кончинѣ. Имя В. А. Манассеина надолго останется символомъ идеальной чистоты, глубокой и безкорыстной преданности научному и общественному служенію...

ИЗВѢЩЕНІЯ

О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину.

21-го сентября 1899 года, г. Воронежъ праздновалъ 75-ти-лѣтнюю годовщину со дня рожденія воронежскаго гражданина и поэта И. С. Никитина. Между другими способами увѣковѣченія его памяти въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, Воронежской Городской Думой было намѣчено также сооруженіе памятника поэту въ родномъ его городѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь.

По ходатайству Воронежской Городской Думы, Государю Императору, въ 21-й день января сего 1900 года, было благоугодно Всемилостивѣйше разрѣшить повсемѣстный по всей Имперіи сборъ пожертвованій на устройство памятника поэту И. С. Никитину въ г. Воронежѣ.

Воронежская Городская Управа, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, обращается ко всѣмъ почитателямъ родной поэзіи съ просьбой препровождать свои пожертвованія для указанной цѣли въ г. Воронежъ, въ Воронежскую Городскую Управу.

ПОПРАВКА.

Въ февральской книгѣ, стр. 789, замѣчена неправильная перестановка въ одномъ изъ стиховъ, а именно,—напечатано: „посылающій дому – прости!..“ вмѣсто: „прости посылающій дому!“

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, исправленное и дополненное, съ двумя портретами автора. Въ четырехъ томахъ. Изданіе Ф. Маркса. Спб. 901. Ц. 4 р.

Новое изданіе сочиненій А. Н. Майкова, по счету седьмое, весьма значительно дополнено—цѣлымъ томомъ — четвертымъ; въ него вошли, какъ то видно изъ предисловія, тѣ произведенія поэта, которыя при его жизни появлялись въ журналахъ или входили въ первоначальныя изданія, или издавались особыми сборниками, но въ то же время были исключены изъ позднѣйшаго собранія сочиненій А. Н. Майкова — самимъ поэтомъ. По мнѣнію издателя, всѣ такія произведенія вновь возвращаются нынѣ, „потому что они представляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи развитія творческой дѣятельности поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ являются свидѣтельствомъ той строгой критической оцѣнки, съ которою покойный А. Н. Майковъ относился къ своимъ произведеніямъ". Во всякомъ случаѣ, хорошо уже и то, что всѣ подобныя произведенія, какъ бы исключенныя самимъ поэтомъ, не смѣшаны съ прочими, которыя были допущены въ собраніе его сочиненій имъ самимъ, и такимъ образомъ воля его до нѣкоторой степени сохраняетъ свою силу.

Жизнь и труды М. Погодина. Николая Барсукова. Книга XV. Спб. 901. Ц. 2 руб. 50 к.

Неутомимый біографъ Погодина издалъ новый томъ, обнимающій собою хотя весьма небольшой, но столь же интересный періодъ времени, отъ апрѣля 1856 года до половины января 1858 года — времени подготовленія къ уничтоженію крѣпостного права; уже въ это время началось въ обществѣ сильное броженіе, приготовлявшее издалека 19-ое февраля 1861 года. Настоящій выпускъ кончается описаніемъ обѣда 17 января 1858 г., бывшаго тогда извѣстнымъ подъ именемъ „Кокоревскаго", съ рѣчами на тему объ освобожденіи крестьянъ и съ предположеніемъ устроить такой же обѣдъ 19 февраля, въ день восшествія на престолъ имп. Александра II. Все это вызвало любопытную оффиціальную переписку, которою и заключается настоящій выпускъ.

Трудовая помощь въ губерніяхъ казанской, вятской и симбирской, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, оказанная, въ 1899 г., Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. Спб. 901. Ц. 2 р.

Отчетъ по трудовой помощи, оказанной, въ 1899 г., въ трехъ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, представляетъ собою весьма подробный и всесторонній опытъ замѣны помощи продовольственной—помощью трудомъ; такая помощь, помимо достиженія прямой своей цѣли, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, улучшить, благодаря исполненнымъ работамъ, мѣстныя условія жизни и въ будущемъ облегчить хозяйство, — таково значеніе дорожныхъ земляныхъ работъ. Но авторъ отчета пришелъ, однако, къ заключенію, что одной трудовой помощи недостаточно; необходимо одновременное, совокупное дѣйствіе съ четырехъ сторонъ: министерства внутреннихъ дѣлъ—по отпуску суммъ; самого попечительства—по организаціи трудовой помощи способнымъ къ труду; общество Краснаго-Креста—для медицинской помощи, и, наконецъ, частной благотворительности, которая, конечно, должна быть всячески поощряема и вызываема, безъ всякихъ формальныхъ стѣсненій.

С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе. Т. I-II. Стр. 338+458. Спб., 1900. Ц. 5 р.

Этотъ обширный и весьма содержательный трактатъ представляетъ—какъ говоритъ авторъ въ предисловіи—„опытъ теоріи аграрнаго развитія въ связи съ общимъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства". Но изъ всего содержанія книги вытекаетъ тотъ заключительный выводъ, что никакой общей „теоріи аграрнаго развитія" нѣтъ и быть не можетъ. Существуетъ лишь „единственный, заслуживающій вниманія діагнозъ и прогнозъ относительно капиталистическаго хозяйства", но и тотъ никуда не годится. Научныя предсказанія и обобщенія Маркса, по словамъ г Булгакова, „принадлежатъ къ числу такихъ же осмѣянныхъ исторіей близорукостей, какими были старинныя попытки заглянуть въ будущее, напр. Фурье и т. п."... „Ошибка Маркса—заключаетъ авторъ въ концѣ книги—да послужитъ намъ предостереженіемъ... Онъ считалъ возможнымъ мѣрить и предопредѣлять будущее по прошлому и настоящему, между тѣмъ какъ каждая эпоха приноситъ новые факты и новыя силы историческаго развитія... Поэтому, что касается предсказаній на будущее, то честное ignoramus мы предпочитаемъ соціальному знахарству или шарлатанству". Въ силу принципа, что „savoir c'est prévoir", можно сказать, что безъ возможности предсказаній нѣтъ науки и нѣтъ теоріи. Отрицательный выводъ г. Булгакова получился лишь оттого, что во всѣхъ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ онъ неизмѣнно исходитъ отъ Маркса и возвращается къ Марксу: усомнившись въ Марксѣ, онъ какъ будто лишился почвы и потерялъ вѣру въ научныя доктрины вообще. Независимо отъ этой основной ошибки, книга г. Булгакова, хотя и не даетъ общей „теоріи аграрнаго развитія", представляетъ, однако, большой интересъ по богатству литературныхъ и фактическихъ данныхъ о поземельной рентѣ, объ исторіи земледѣлія въ Англіи, Германіи, Франціи, Ирландіи и Сѣверной Америкѣ.

Сочиненія Кальдерона. Переводъ съ испанскаго К. Д. Бальмонта. Вып. I. Чистилище св. Патрика. Съ приложеніемъ пояснительныхъ статей К. Бальмонта и Лео Руанэ. М. 900. Стр. CXLII+150. Ц. 90 к.

Въ первомъ выпускѣ предпринятаго г. Бальмонтомъ изданія помѣщена одна изъ наиболѣе характерныхъ драмъ Кальдерона, отражающая въ себѣ всѣ типическія черты, достоинства и недостатки его творчества, — „Чистилище св. Патрика". Въ пояснительной статьѣ Руанэ сообщаются историко-литературныя свѣдѣнія о легендѣ, послужившей сюжетомъ драмы, а вступительный очеркъ г. Бальмонта содержитъ въ себѣ общій обзоръ поэзіи Кальдерона, съ краткою ея оцѣнкою. Переводъ весьма удачно передаетъ приподнятый тонъ подлинника.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1901 Г.

(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.